Research Centre of the History and Archaeology of Crimea
of V.I. Vernadsky Crimean Federal University

"Demeter" Non-Profit Foundation

International Scholarly Conference

XIX
BOSPORAN READINGS

Cimmerian Bosporus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Traditions and innovations

Simferopol – Kerch – 2018

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им В.И. Вернадского

Центр археологических исследований
Благотворительного Фонда «Деметра»

Международная научная конференция

XIX
БОСПОРСКИЕ ЧТЕНИЯ

Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации

Симферополь-Керчь – 2018

Рекомендовано к изданию Научно-техническим советом
Крымского федерального университета им В.И. Вернадского

Протокол № 1 от 5 марта 2018 г.

XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. / Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. – Симферополь; Керчь, 2018. – 580 с.

© НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского, 2018
© ЦАИ БФ «Деметра», 2018
© Авторы, 2018

ISBN 978-5-6040450-5-3

АБРАМЗОН М.Г.
(Магнитогрский Гос.Университет, Магнитогорск)

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ БОСПОРА С ВОСТОЧНЫМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕМ В IV В. ДО Н.Э. – III В. Н.Э. ПО ДАННЫМ НУМИЗМАТИКИ

Монеты центров южного побережья Малой Азии и Леванта крайне редко заносились на Боспор, как и в Северное Причерноморье в целом. Эти немногочисленные находки являются ценными свидетельствами торгово-экономических связей региона с восточносредиземноморскими контрагентами. В фондах ВКИКМЗ хранятся две такие монеты, происходящие, по-видимому, из довоенной коллекции Керченского музея древностей: серебряный статер Сельги в Писидии (рис. 1, 1) и медный гемихалк финикийского города Арада (рис. 1, 2).

1. Сельга. Статер, 370–360 гг. до н.э.
Л.с. Два борца в схватке (изображение полностью стерто).
О.с. ΣΕΛΓΕΩΝ. Пращник; справа меч и астрагал.
ВКИКМЗ, инв. № С-503. Sear 1979, no. 5471.

2. Арад. Гемихалк, 149/148 или 146/145-143/142 гг. до н.э.
Л.с. Голова бородатого Зевса вправо. Точечный ободок.
О.с. Таран корабля влево; вверху финикийские буквы , внизу финикийские цифры не разборчиво.
ВКИКМЗ, инв. № КН–7275; 3.23 г; 14 мм. BMC 26, 17-18, nos. 121, 127-128, 131, 135-139; SNG Cop. 36.

Фанагорийские клады 2003 и 2007 гг. включают по группе мелких медных монет Восточного Средиземноморья (Абрамзон, Кузнецов 2015), которые отражают, по крайней мере, два морских путешествия от Боспора Киммерийского к побережью Левантийского моря, совершенные около

95-90 гг. до н.э. Так, монета Ликийской Лиги (BMC 19, 38, no. 1) в составе клада 2007 г. свидетельствует о плавании фанагорийских купцов до одного из входившего в ее состав приморских городов Ликии. Скорее всего, это могла быть Патара, служившая морским портом для Ксанфа, на монетном дворе которого осуществлялась чеканка данного типа меди Лиги.

В порту Патары мог быть получен и халк Птолемея II Филадельфа (Svoronos 1904, no. 345a, pl. XI, 16), также попавший в Фанагорийский клад 2007 г. По классификации Д. Вольфа, этот тип выпускал не определенный Монетный двор 7 (Wolf 2013, p. 91). Где он локализовался неизвестно: под властью Птолемея II находились многие важнейшие приморские города Ионии, Карии, Ликии, Памфилии и Киликии. Между тем Патара была восстановлена Птолемеем II и переименована в Арсиною Ликийскую (Strabo. XIV. 3, 6).

Из других городов Ликии только Фаселида определенно имела связи с Боспором, о чем свидетельствует находка ее медной монеты III в. до н.э. на Таманском полуострове (Абрамзон, Кузнецов 2015, с. 127, № 99.). Из речи Демосфена известно, что еще в IV в. до н.э. фаселиты, обслуживавшие поставки зерна в Аттику, скупали зерно на Боспоре (Demosph. XXXV. 10).

Монеты соседней с Ликией Памфилии на Боспоре не зарегистрированы, зато в обоих святилищах Ахилла на Левке и Тендре найдены монеты Перги, что маркирует посещение их памфилийскими купцами.

О торговых связях Боспора с Ликией, Памфилией и граничащей с ними Писидией свидетельствует занесенный в Пантикапей сильно потертый статер Сельги 370–360 гг. до н.э. из ВКИКМЗ. Страбон перечисляет товары, которые производил этот город: маслины, вино, стиратиковые дротики, благовония для курений, сельгийский ирис и изготавливаемая из него мазь (Strabo. XII. 7, 3). Какие-то из этих товаров, поступавших в порты Ликии и Памфилии, могли интересовать и боспорских купцов.

Находки киликийских монет зарегистрированы на Левке (серебро IV в. до н.э. городов Мириандра и Нагида) и на Боспоре – в Фанагории (Эги, 249/250 г. н.э.).

Изредка в Северное Причерноморье (и на Боспор) заносятся монеты Селевкидов: они найдены на Левке, в Херсонесе, Ольвии, Пантикапее и Фанагории (список см. Абрамзон, Кузнецов 2015, с. 81). Их проникновение связано с широкомасштабным импортом изделий сирийских мастерских, поступавшим в регион.

Фанагорийский клад 2003 г. включает дилептон Тира (рис. 1, 3), отчеканенный в 180/179 г. до н.э. от имени Селевка IV (SNG Israel I 917). Эта монета маркирует конечный пункт путешествия фанагорийского судна, завершившегося в порту столицы Финикии. Упомянутый гемихалк Арада 140-х гг. до н.э. из Керченского музея, занесенный на Боспор, также говорит о торговых боспоро-финикийских контактах во II в. до н.э.

Между тем нумизматические данные свидетельствуют о том, что боспорские связи с Левантом уходят еще дальше на юг – в Израиль: из раскопок Мирмекия, например, происходит медная монет Иудеи (Зограф 1952, с. 377, № 2506.) 103–37 гг. до н.э.

Картину связей Северного Причерноморья с Левантом прекрасно освещают неизданные рисунки секретаря Одесского общества истории и древностей Н.Н. Мурзакевича с прорисями античных монет, а также перечни монетных находок на острове Левке из раскопок 1840-х–начале 1850-х гг. Они отражают регулярный интерес к региону торговцев из Сирии, Финикии, Палестины, Самарии, останавливающихся по пути на Левке. Так, в таблицах Н.Н. Мурзакевича фигурируют серебряные и медные монеты Арада, Берита, Библа, Кесарии Ливанской, Сидона, Триполи, Неаполя, Газы, Акко-Птолемаиды, тетрадрахмы Птолемея IV, возможно отчеканенные на одном из дворов Финикии. Отметим, что если мореплаватели из Арада, Сидона и Триполи посещают Левку в I в. до н.э., то монеты Тира и Арада с Боспора относятся еще ко II в. до н.э.

Поскольку морской путь в Финикию (или из нее) лежал мимо Кипра, следует отметить нумизматические свидетельства торговых связей Северного Причерноморья с этим крупнейшим перекрестком торговых путей в Левантийском море. Из таблиц Н.Н. Мурзакевича следует, что Левку регулярно посещают выходцы из кипрских городов: Лапифа (что маркирует серебряный статер Сидкемелека 449–420 гг. до н.э.), Саламина (монеты Эвагора II Тевкрида (368–350 гг. до н.э.) и Никокреона (331–311/310 гг. до н.э.)), а также Пафоса (дидрахма Никоклеса ок. 325–309 гг. до н.э.). Присутствие киприотов на Боспоре зарегистрировано эпиграфическими источниками, а находка кипрской монеты 141–167 гг. н.э. на поселении Тамань 14 в окрестностях Гермонассы (Розов 2014, с. 294, № 12.) свидетельствует о сохранении торговых связей Боспора с Кипром и в римский период.

Чрезвычайно редкие находки финикийских, киликийских и сирийских монет в Северном Причерноморье следует рассматривать вкупе с археологическим материалом, представленным различными категориями импортных изделий из Восточного Средиземноморья. Среди них, например, стеклянные флаконы с двуликой головой из Херсонеса и городища

Артезиан, изготовленные в сирийских мастерских. Подобные изделия найдены на Кипре, в Сидоне, городах Киликии, Сирии и т.д., что маркирует ареал их распространения. Время производства данной восточносредиземноморской группы ранних флаконов датируется второй третью I в. – началом II в. н.э. (Abramzon, Treister, Vinokurov 2012, 345-346). Широкое распространение на Боспоре получили стеклянные бусы с изображением человеческих лиц, амфориски, стеклянная посуда (кувшины, миски, стаканы, флаконы, ойнохойи и т.д.) из Восточного Средиземноморья (Каталог ВКИКМЗ, № 144-164).

Топография перечисленных находок восточносредиземноморских монет и изделий позволяет говорить о двух маршрутах морской торговли, по которым они поступали в Северное Причерноморье. Один поток товаров и монет шел вдоль западного побережья Понта мимо Левки до Херсонеса, второй – вдоль южного побережья и далее непосредственно на Боспор.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. 2015. Монетные клады времени Митридата VI Евпатора с хоры Фаногории (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 3). М.

Зограф А.Н. 1952. Описание монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг., in: В.Ф. Гайдукевич, М.И. Максимова (ред.), Боспорские города I. Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. (МИА 25). М.–Л., 363–385.

Розов В.Н. 2014. Новые находки греческих привозных монет с территории Таманского полуострова. Древности Боспора 18, 272–307.

Abramzon M.G., Treister M.Y., Vinokurov N.I. 2012. Two Hoards of Coins and Jewellery Items from the Time of the Roman-Bosporan War of AD 45-49 from the Site of Artezian. Ancient Civilizations from Scythia to Siberia 18. 2, 207-278.

Sear D. 1979. Greek Coins and Their Values II. Asia and Africa. London.

Svoronos J.N. 1904. Ta nomismata tou kratous tōn Ptolemaiōn. Vol. I–III. Athens.

Wolf D. 2013. A Metrological Survey of Ptolemaic Bronze Coins. AJN 25, 49–118.

Рис. 1. Монеты центров южного побережья Малой Азии и Леванта.

АЙБАБИН А.И.
(НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

МИФ О ТАВРАХ В ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО КРЫМА[1]

Во многих современных публикациях тавры названы аборигенным или коренным народом Крыма, потомки которого смешались со скифами, сармато-аланами и готами. Авторы данных работ уверены в том, что в Горном Крыму за тысячелетие сменились археологические культуры, но люди, которых греки и римляне считали таврами, оставались в тех же местах.

Различные версии этого мифа появились в последней трети XVIII - XIX вв., когда о таврах судили по трудам Геродота, а также историков и географов позднеантичного и позднеримского времени. Шведский историк И.Э. Тунманн в кратком очерке истории Крыма, изданном в 1774 г. А.Ф. Бюшингом в «Большом землеописании», не ссылаясь на источники, писал, что тавры жили в крымских горах с VII в. до н.э. по 62 г. н.э., в котором их истребили вторгнувшиеся на полуостров аланы. Его вывод повторил в сочинении «История о Таврии» могилевский архиепископ С. Богуш–Сестренцевич. Посетивший Крым в 1831-33 гг. швейцарский археолог Ф. Дюбуа де Монпере, впервые предположил, что завоевавшие Крым во II в. готы, ассимилировали алан и уцелевших тавроскифов. Венский историк В. Томашек в опубликованной в 1881 г. книге также писал об ассимиляции тавров поселившимися в горах готами.

С конца 1920-х гг. в СССР в историческую науку внедрялась разработанная академиком Н.Я. Марром теория стадиального развития языков или яфетической теория, которую высокопоставленные советские и партийные руководители считали марксисткой.

[1] *Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5156.2017/БЧ по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты».*

В.И Равдоникас сформулировал новую, основанную на методологии диалектического материализма и теории стадиальности развития концепцию этногенеза готов в Крыму и Северном Причерноморье. В.И. Равдоникас доказывал, что автохтонная готская народность сформировалась в результате последовательной смены киммерийской, тавро-скифской и сармато-аланской стадий. Разработанная В.И. Равдоникасом концепция автохтонного развития населения в Горном Крыму доминировала многие десятилетия в публикациях по истории Крыма.

В распространившихся в современной литературе утверждениях о происхождении от скифов, тавров или тавро-скифов этносов, населявших Горный Крым, заметно влияние историографии XIX в. и автохтонной теории Н.Я. Марра. Этнонимы «тавры» и «тавроскифы» упомянуты в нескольких надписях I - второй половины II вв. н.э. с Боспора и Херсонеса и в средневековых сочинениях. Однако, в Крыму не выявлена таврская археологическая культура того же периода. Таврские могильники из каменных ящиков функционировали в VI-V вв. до н.э., а наиболее поздние таврские памятники относятся к IV-III вв. до н.э. Таврам приписывали некоторые укрепления на Южном Берегу полуострова. Новые исследования не подтвердили их принадлежность таврам. Крепость Харакс оказалась римской, а укрепления на Аю-Даге, Кастеле и другие возникли в эпоху средневековья. В последние века до н.э. тавры уже были ассимилированы скифами. Поэтому авторы той эпохи жителей крымских предгорий именовали тавроскифами. Следуя утвердившейся литературной традиции данный этноним употребляли и в более позднее время. Поскольку в середине III в. скифов уничтожили аланы и германцы, то отсутствуют какие-либо основания для выводов об ассимиляции тавров аланами, готами и другими средневековыми народами.

АЛЕКСЕЕНКО Н.А.
(ГМЗ «Херсонес Таврический», Севастополь)

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В СФЕРЕ МЕЖЦЕРКОВНЫХ СВЯЗЕЙ ВИЗАНТИЙСКОЙ ТАВРИКИ (ПО ДАННЫМ ПАМЯТНИКОВ СФРАГИСТИКИ ИЗ ХЕРСОНА И ЕГО ОКРУГИ)

Данные памятников сфрагистики существенно дополняют свидетельства письменных источников и подтверждают, что византийский Херсон являлся крупным религиозным и миссионерским центром, проповедовавшим христианство среди окружающих его народов.

Об особой заинтересованности византийской церкви в этом далёком регионе греческой ойкумены в первую очередь говорят находки в Херсоне печатей архипастырей константинопольских церкви, а также высокопоставленных церковных сановников. В тоже время отметим, что за всю историю исследований в Херсоне найдено лишь четыре патриарших моливдовула – Иоанна Грамматика (837–843) [Юргевич, 1886, с. 20–21], Николая I Мистика (901–907 и 912–925) [Алексеенко, 2004, с. 260–264], Михаила II Куркуаса (1143–1146) [Соколова, 1991, с. 210. № 40] и Мануила II (1244–1254) [Алексеенко, 1990, с. 25–29]. Одним из ярких примеров существования контактов херсонских священнослужителей с центральными церковными управлениями является моливдовул, орфонатрофа великого странноприимного дома константинопольской церкви апостолов Петра и Павла [Aleksèenko, 2003, p. 76, nr. 1].

О существовании тесных контактов представителей херсонской епархии с крымскими священнослужителями красноречиво свидетельствуют находки печатей хорошо известного епископа VIII в. Иоанна Готского [Пятышева, 1963, с. 32–36; Соколова, 1991, с. 208. № 33], боспорских иереев – епископа Петра Пистика (VII–VIII вв.) и архиепископов Луки, Николая и Георгия (IX–X вв.) [Смычков, 1999, с. 128. №. 3; Алексеенко, 2001, с. 132–134, №№ 1–4], архиепископа Сугдеи Льва (X в.) [Алексеенко, Самойленко, 2008, с. 94, № 3, рис. 3].

Согласно данным печатей можно констатировать, что херсонские служители церкви поддерживают связи с представителями клира из самых разных регионов империи. Среди находок буллы архиепископа Анхиала Феодора (XI в.) [Алексеенко, 2011, с. 353, 359. № 1, рис. 1] и нескольких митрополитов – Митрофана Смирнского (последняя треть IX – рубеж IX/X вв.) [Алексеенко, 2007, с. 11–16], Георгия Трапезундского (XI–XII вв.) [Алексеенко, 2015: 16; Alekseienko, 2018, nr. 6], два моливдовула Николая Амастридского [Alekseenko, Romancuk, Sokolova, 1995, p. 150–151. nr. 14; второй экз. не издан], участника церковного синода в Никее 1232 г. [Le Quien, 1740, p. 565]. Найдены в Херсоне печати даже древнерусских иереев – митрополита Всея Руси Никифора (XII в.) и киевского митрополита Кирилла (1225–1233) [Алексеенко, 1999, с. 186–190].

К этой группе отнесем еще одну печать, найденную в предместьях византийского Херсона и датирующуюся также XIII в., которая некогда принадлежала главе католической церкви папе Римскому Александру IV (1254–1261) [Алексеенко, 1993, с. 267–269].

В настоящее время к перечню корреспондентов, осуществлявших традиционные межцерковные контакты, можно добавить ещё один хорошо известный разряд клерикальных институтов – византийские монастыри.

Археологические источники дают нам достаточно богатый материал, свидетельствующий о совершении херсонитами паломнических путешествий. Однако не только реликвии пилигримов свидетельствуют о контактах местных жителей с широко известными византийскими монастырями, обладавшими прославленными христианскими святынями.

Сегодня мы имеем возможность ввести в оборот три новых моливдовула, как нам представляется в известной мере показывающих наличие очевидных контактов монастырских администраций со священнослужителями византийской Таврики и Херсона.

Первый моливдовул, к сожалению, имеет неудовлетворительную сохранность и его атрибуция лишь условна. Печать была обнаружена в середине 1990-х гг. в составе херсонского архива печатей (Рис. 1.1).

1. Akh-222. Музей Шереметьевых (Киев).

Аверс. Погрудное изображение Иисуса Христа в кресчатом нимбе, анфас. В поле по сторонам титлы имени Христа – Ἰ(ησοῦ)ς Χ(ριστό)ς. По кругу между двух жемчужных ободков практически не читаемая легенда (вероятно, инвокативное обращение?), от которой сохранились эпсилон и

возможно эта.

Реверс. В двойном жемчужном ободке, внутри которого ряд крупных жемчужин, погрудные изображения апостолов Петра и Павла, обращённых друг к другу. Легенды нет.

По характерным стилистическим признакам печать относится к памятникам второй половины X в. Обращает на себя характер представленных на ней изображений. Сочетание редкого для византийской сфрагистики изображения Христа, характерного для императорских печатей с портретами апостолов Петра и Павла предполагает принадлежность буллы к клерикальным моливдовулам. И несмотря на то, что аналогий печати найти не удалось, с нашей точки зрения, она скорее всего относится к одному из византийских монастырей, посвященных апостолам Петру и Павлу. Наиболее очевидным на наш взгляд может быть монастырь Апостолеон, находившийся недалеко от древнего Халкидона на побережье Пропонтиды, в котором в церкви Петра и Павла хранились, полученные из Рима еще в IV в., мощи апостолов [Janin, 1975, p. 37].

Две другие печати уже определенно принадлежат монастырям южно-понтийского региона.

Первая из них также происходит из комплекса печатей херсонского архива (Рис. 1.2).

2. Akh-622. Музей Шереметьевых (Киев).

Аверс. Погрудное изображение Богоматери, анфас, держащей руки перед грудью в жесте адорации. В поле по сторонам титлы – M(ήτη)ρ Θ(εο) ῦ. Легенды нет.

Реверс. Надпись в три строки, заключенная в жемчужный ободок:+THS|rXSHAS|PETRA –<Печать монастыря> Хрисиас Петра.

Стилистические особенности моливдовула позволяют отнести его ко второй половине X в.

Согласно легенды печать принадлежит монастырю Хрисиас Петра, который находился в восточной Пафлагонии [Janin, 1975, p. 116, 442]. Еще из одной печати этого монастыря известно, что он был посвящен св. Илие [McGeer, Nesbitt, Oikonomides, 2001, p. 43, nr. 14.1]

Последний моливдовул (находка 2017 года) происходит из района современной Ливадии (Рис. 1.3)

3. KE-01-17. Коллекция К. Ефименко (Севастополь).

Аверс. Многофигурная композиция с изображением Святой Троицы и Авраама («Гостеприимство Авраама») в жемчужном ободке. Легенды нет.

Реверс. Надпись в пять строк, заключенная в жемчужный ободок:+ |SFRAGIS|THSAGIAS|TRIADOS|TWbORA|DIW – Печать <монастыря> Святой Троицы Борадиона.

Легенда печати свидетельствует о её принадлежности монастырю Святой Троицы, который находился на азиатском берегу Босфора в предместье византийской столицы – Борадионе.

Стилистические особенности моливдовула и характер легенды позволяют отнести его ко второй половине XI столетия.

Таким образом, вводимые в научный оборот моливдовулы византийских монастырей иллюстрируют сегодня новое направление в традиционных межцерковных контактах, которые не замыкались на связях местных священнослужителей с патриархатом и его администрацией, провинциальными епархиями или личных контактах клириков, но и дают основания полагать, что монашествующая братия также играла заметную роль в развитии взаимоотношений между церковью и обществом, чему в известной мере способствовали путешествия паломников.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеенко Н.А. Патриарший моливдовул из Херсонеса // АДСВ. – Свердловск, 1990. Вып. 25. С. 25–29.

Алексеенко Н.А. Печать римского Папы Александра IV из окрестностей Балаклавы // МАИЭТ. – Симферополь, 1993. Вып. III. С. 267–269.

Алексеенко Н.А. Печать киевского митрополита Кирилла из Херсонеса // РА. – М., 1999. № 1. С. 186–190.

Алексеенко Н.А. Печати боспорских иерархов из Херсона // Проблемы религий стран черноморско-средиземноморского региона. Сборник научных трудов. – Севастополь; Краков, 2001. С. 131–138.

Алексеенко Н.А. Булла патриарха Николая Мистика из Херсона // Древности 2004. – Харьков, 2004. С. 260–264.

Алексеенко Н.А. Печать Митрофана Смирнского из Херсона – ссыльный митрополит в Таврике // Sacrum et Profanum. – Севастополь, 2007. Т. III. Небесные патроны и земные служители культа. С. 11–16.

Алексеенко Н.А., Самойленко Ю.Н. Моливдовулы деятелей церкви из херсонского архива: новые находки // AMV VII(2). – Варна, 2008. С. 91–99.

Алексеенко Н.А. Памятники археологии в ряду источников по попу-

ляризации и развитию современного туризма: несколько новых болгарских моливдовулов // Оттука започва България. Материали от Втората национална конференция по история, археология и културен туризм «Пътуване към България» (Шумен 14–16.05.2010). – Шумен, 2011. С. 352–359.

Алексеенко Н.А. Влияние географического фактора на развитие связей византийского Херсона (сфрагистический аспект) // XVI Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум». – Керчь, 2015: 15–18.

Смычков К.Д. Печати церковных иерархов из Херсона. // АДСВ. – Екатеринбург, 1999. Т. 30. С. 124–129.

Пятышева Н.В. Печать готского епископа в коллекциях Государственного исторического музея // АЕ за 1962. – М., 1963, С. 32–36.

Соколова И.В. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса. // ВВ. – М., 1991. Т. 52. С. 201–225.

Юргевич В.Н. Две печати, найденные в византийском Херсонесе // ЗООИД. – Одесса, 1886. Т. 14. С. 1–21.

Aleksèenko N., Les relations entre Cherson et l'Empire, d'après le témoinage des sceaux des archives de Cherson // SBS. – München; Leipzig, 2003. Bd. 8. S. 75–83.

Alekseienko N. Remarks on the correspondence between byzantine Cherson and Asia Minor: the evidence of seals // The prosopography of the thematic administration: old and new evidence. – Athens, 2018 (in print).

Janin R. Les église et les monastères des grands centres byzantine. – Paris, 1975.

McGeer E., Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. – Washington, 2001. Vol. 4. The East.

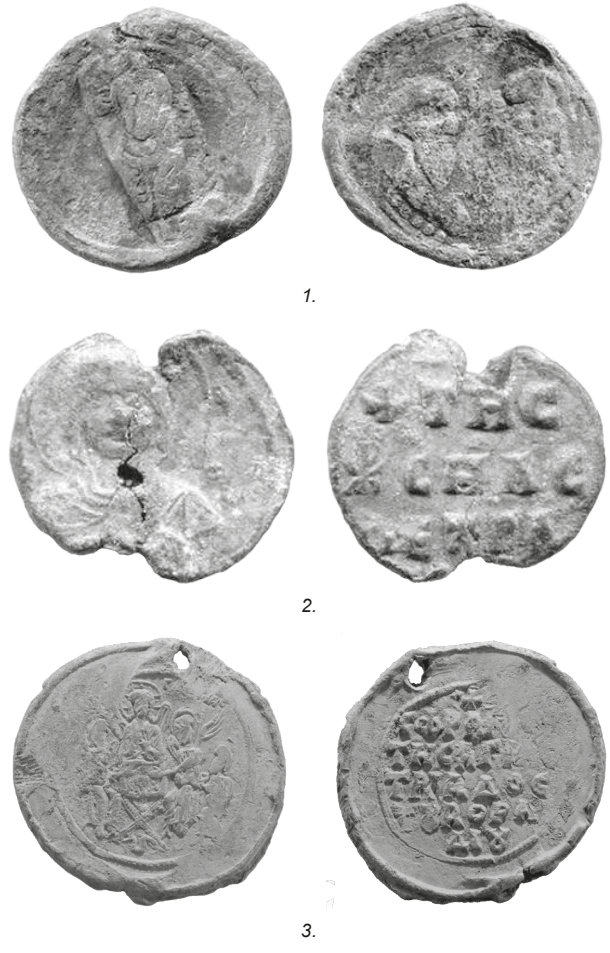


Рис. 1. Моливдовулы византийских монастырей из Юго-Западного Крыма.
1 - печать монастыря Апостолов (?). Вторая половина X в.;
2 - печать монастыря Хрисиас Петра. Вторая половина X в.;
3 - печать монастыря Святой Троицы. Вторая половина XI вв.

АНТИПЕНКО А.В.
(НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

СНАРЯЖЕНИЕ ВЕРХОВОГО КОНЯ ПО МАТЕРИАЛАМ БОСПОРСКИХ НАДГРОБНЫХ ПАМЯТНИКОВ[1]

Источником для воссоздания облика конского снаряжения в первые века нашей эры служат, прежде всего, надгробные памятники и терракоты, обнаруженные на территории Боспора (как европейского, так и азиатского). Исследователи выделяют среди основных сюжетов боспорских надгробных рельефов следующие: всадник, во многих случаях с пешим слугой, часто в сопровождении другого всадника, показанного наполовину; два всадника лицом к лицу, в геральдической композиции; всадник и женщина сидящая в кресле [Диатроптов, 2001, С. 78-86]. В росписях склепов представлены те же иконографические типы, что и на стелах, но в более развернутом и усложненном виде [Бритова, 1948, С. 53 –56]. Кроме того, образ всадника на взнузданном коне является популярным мотивом в коропластике Боспора, начиная со II в. до н.э. и до рубежа II – III вв. н. э. Композиционные решения терракотовых конников схожи с изображениями на надгробных рельефах [Диатроптов, 2001, С. 78-86]. Среди терракот встречаются образы всадников варварского круга - в остроконечных головных уборах, с волосами спадающими на плечи в виде отдельных прядей (кос), с длинными усами и бородой [Бейлин, Бейлина, 2009, С. 270-276]. Примером может служить терракотовая фигура №4 «статичный всадник» из погребения №98/1 Восточного некрополя Фанагории, которое датируется сер. II -1-й половиной I в. до н. э. Всадник сидит в мягком

[1] *Статья написана в рамках Госзадания Минобрнауки РФ № 33.1470.2017 г по теме «Херсонесская колонизация и исторические судьбы населения северо-западного и предгорного Крыма в раннем железном веке».*
Автор выражает благодарность заведующему Лапидарием Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника Н.Л. Кучеревской за возможность ознакомиться с материалами.

седле, в одежде «сарматского типа», правая рука лежит на бедре, левая держит поводья. На шее и груди коня рельефно показаны ремни сбруи, на правой щеке у рта отчетливо виден округлый налеп, видимо изображающий фалар [Медведев, 2009, С.254-259].

Надгробные памятники различаются не только композиционным решением сюжета, но и точностью и количеством переданных деталей. В этой связи основное внимание было сконцентрировано на рельефах, передающих наличие ременной части оголовья и седла. Изображения всадников на боспорских стелах позволили В.А. Горончаровскому сделать вывод о появлении, начиная со второй половины I в. н. э., местного типа «глубокого» седла, плотно прилегавшего к спине коня. У него довольно массивная передняя часть, завершающаяся ярко выраженными округлыми выступами, загнутыми внутрь [Виноградов, Горончаровский, 2008, С.167-174].

Композиционное решение надгробной стелы Мастаруса, сына Фарнака [КБН-альбом №464], по характеру письма датирующейся I - нач. II в. н. э. [КБН, С. 294], является вполне стандартным: изображение представлено в одном рельефном поле, всадник сидит на спокойно стоящем коне, обращенном вправо, в сопровождении мальчика и собаки в ногах у лошади. Можно отметить наличие поводьев, зафиксированных в углу рта коня. Кроме того, на корпусе выделены нагрудный и подхвостный ремни. На шее животного изображен, вероятно, ремень-ошейник, за который держится всадник. В археологическом материале находки в позднесарматских погребениях Лебедевского могильника прямоугольных пластинчатых блях позволили М.Г. Мошковой сделать вывод, что в состав конской амуниции могли входить наряду с нагрудным ремнем и ремни-ошейники, не имеющие в целом функциональной нагрузки, но декорированные металлическими бляхами и подвесками [Мошкова, 2001, С. 237-238]. Таким образом, был предложен вариант интерпретации целого круга предметов, встречающихся в варварских некрополях, самыми ранними из которых следует считать пластинчатые бляхи, изготовленные из железа и плакированные золотой фольгой, происходящие из погребения у с. Оланешты, совершенного в 1-й пол. II в. н. э. [Курчатов, Бабулич, 2003, С. 291-292, 301]. В числе подобных изделий можно привести прямоугольные бляхи, найденные в погребении 142 могильника Килин-Яр III [Флеров, Малашев, 2000, С.11] и серебряные пластины в кургане 9 с. Нагорное [Гудкова, Фокеев, 1984, С.47]. Во всех указанных случаях не исключается возможность того, что эти находки с равной долей вероятности могут относиться и к

оформлению нагрудного ремня.

Нельзя исключать также того, что на рельефе всадник держит в правой руке плеть-нагайку, которая нанесена ложащейся на шею лошади. Однако на рельефах, представляющих всадника на стоящем или спокойно шагающем коне, плеть изображена в приподнятой руке, примером может служить стела Менофила, сына Демострата I в. до н. э.- нач. I в. н. э. [КБН-альбом №313] [КБН С.221-222] и стела Клеона, сына Клеона I в. до н. э.- I в. н. э. [КБН-альбом №278] [КБН С.205]. На двух рельефах всадник на скачущем коне держит плетку в правой высоко поднятой руке – стела Перигена, сына Асклепиада I в. до н. э.- нач. I в. н. э. [КБН-альбом №491] [КБН С.306] и нижний рельеф двухярусной стелы Элия, сына Мосхиона сер. I в. н. э. [КБН-альбом №414] [КБН С. 269]. Причем, следует отметить, что обоймы нагаек являются обычной находкой во всаднических погребениях, как в Крыму, так и за его пределами [Храпунов, 2003, С. 331].

Два рельефа, найденные в Керчи, - стела Даиска, сына Ариарамна 2-й пол. I – 1-й пол. II в. н. э. [КБН- альбом №597] [КБН, С.354] и Эвкрата, сына Эвкрата I – нач. II в. н. э. [КБН-альбом №602] [КБН С.356] - идентичны по сюжету. На них изображен всадник на шагающем коне в сопровождении мальчика-оруженосца и собаки в ногах у лошади, на корпусе которой можно различить широкий нагрудный ремень. Отсутствие в обоих указанных случаях подхвостного ремня может отражать реальную систему экипировки, при которой второй ремень для фиксации седла не использовался.

На стеле Дафна, сына Психариона, которая относится к 1-й пол. I в. н. э. [КБН-альбом №78] [КБН С. 88], представлены изображения двух всадников. Головы лошадей представлены в фас, чуть наклоненными вниз. Взнузданы они, вероятно, одинаково - налобным и наносным ремнями, которые связаны между собой ремнем, идущим через всю морду лошади. Кроме того, на лошади центрального персонажа можно отметить наличие седла со свисающими тороками, нагрудного и накрупного ремней. Конь всадника на заднем плане показан наполовину, изображен также нагрудный ремень. Стела КЛ-146 из экспозиции лапидария Керченского музея представляет собой очень схематичное изображение всадника на скачущей лошади, однако на морде животного переданы перекрещивающиеся ремни-налобный и нащечный.

Обнаруженное в Керчи надгробие Юлия Патия, сына Деметрия [КБН-альбом №612] 2-й пол. I – 1-й пол. II в. э. [КБН, С.361] представляет собой изображение всадника на коне и трех, сопровождавших его лошадей. На одной из них отчетливо видны кольцевидные псалии, к которым крепился повод. Изображение лошади на переднем плане интересно тем, что на ней изображено седло с загнутой передней и выступающей задней луками, подпружный ремень, зафиксированный в передней части седла, к задней части прикреплены три свисающие ремня. Стела Атта, сына Трифона 1-й пол. II в. н. э. [КБН-альбом №83] [КБН, С.92] дает представление о том, как фиксировался повод на псалиях кольцевидной формы. Детали упряжи не прорисованы, но на лопатке лошади изображена тамга. На стеле Стратоника, сына Зенона кон. I -1-я пол. II в. н. э. [КБН-альбом №145] [КБН, С. 145] можно различить ту же схему крепления повода к кольцевидным псалиям, которая отмечалась в предыдущем случае. Следует отметить, что псалии кольцевидной формы становятся на рубеже эр и в последующее время самым распространенным типом изделий на территории Крыма и далеко за ее пределами.

Наиболее известной стелой, передающей экипировку верхового коня, является многоярусное надгробие [КБН-альбом №332], датирующееся I в. н. э. [КБН, С. 232]. Под нижним рельефом расположена четырехстрочная надпись: «Афений, сын Мены, жена Арета, сыновья Феофил и Мений, прощайте!». В центре среднего поля изображен всадник, сидящий на коне, повернутом влево от зрителя, сзади главного персонажа изображен другой конник, видимо, оруженосец. Аналогичная композиция с зеркальным расположением фигур повторена на нижнем рельефном поле стелы. Центральный персонаж сидит на лошади, к седлу которой, вероятно, приторочена фляга. Изображение второго всадника представляет отдельный интерес - он сам и лошадь изображены весьма схематично, но на корпусе лошади изображена панцирная попона с крупными продолговатыми четырехугольными пластинками, расположенными в пять рядов друг над другом. Пластинчатая катафракта явно принадлежит не всаднику, а его лошади [Десятчиков,1972,С.68-77].

М.Ю. Трейстер при соотнесении изображения оружия на боспорских стелах с археологическими находками, как на территории Боспора и в памятниках культур кочевников Евразии пришел к выводу, что в I-1-й пол. II в. н. э. на Боспоре получают распространение вооружение и способ его ношения, характерный для сарматов [Трейстер, 2010, С.529]. Не исключено, что этот вывод можно распространить и на экипировку верхового коня, изучение внешнего облика который существенно ограничивается тем, что ременная часть конской гарнитуры сохраняется крайне фрагментарно. Однако находки металлических деталей амуниции в погребениях в

комплексе с иконографическим материалами Боспора позволяют предполагать, что эта категория вещевого инвентаря также могла быть отчасти заимствована у варварского окружения античного города.

ЛИТЕРАТУРА

Бейлин Д.В., Бейлина С.А. Образ всадника в коропластике Боспора во II-III в.н.э.// Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб, 2009. – 270-276

Бритова Н.Н. Образ всадника на рельефах Фракии и Боспора// КСИИМК . XXII. – 1948. – С. 53 –56

Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского, СПб, 2008

Гудкова А. В., Фокееев М.М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I-IV в н.э. Киев, 1984 - 118 с.

Десятчиков Ю.М. Катафрактарий на надгробии Афения// СА. – 1972. - №4. – С.68-77

Диатроптов П.Д. Изображения всадников в античном Северном Причерноморье//Поздние скифы Крыма. Тр. ГИМ. 118. – С. 78-86

Корпус боспорских надписей. Под ред. акад. В.В. Струве. – М.: Наука, 1965

Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций. – Спб., 2004

Курчатов С., Бабулич В. «Сарматское погребение из кургана у с. Оланешты» - 40 лет спустя//Взаимодействие культур и хронология Северо-Понтийского региона. – Кишинев,2003 – С. 285 – 312.

Медведев А.П. Новые находки терракот в Восточной некрополе Фанагории.// Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб, 2009. С.254-259

Мошкова М.Г. Сбруйные наборы из позднесарматских погребений Лебедевского могильника (Западный Казахстан)//Материалы по археологии Волго-Донских степей. 2001. Вып. 1. С.236-249.

Трейстер М.Ю. Оружие сарматского типа на Боспоре в I-II вв.н.э. Древности Боспора. Вып. 14. – 2010. – С.484-561

Флеров В.С., Малашев В.Ю. Сбруйный набор III в. из могильника Килин-Яр III// Степи Европы в эпоху средневековья/Гл. ред. А.В. Евглевский. – Донецк, 2000. – С.11-17

Храпунов И.Н. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму: по материалам раскопок могильника Нейзац// Боспорские исследования. 2003. Вып. №3. С. 329-349

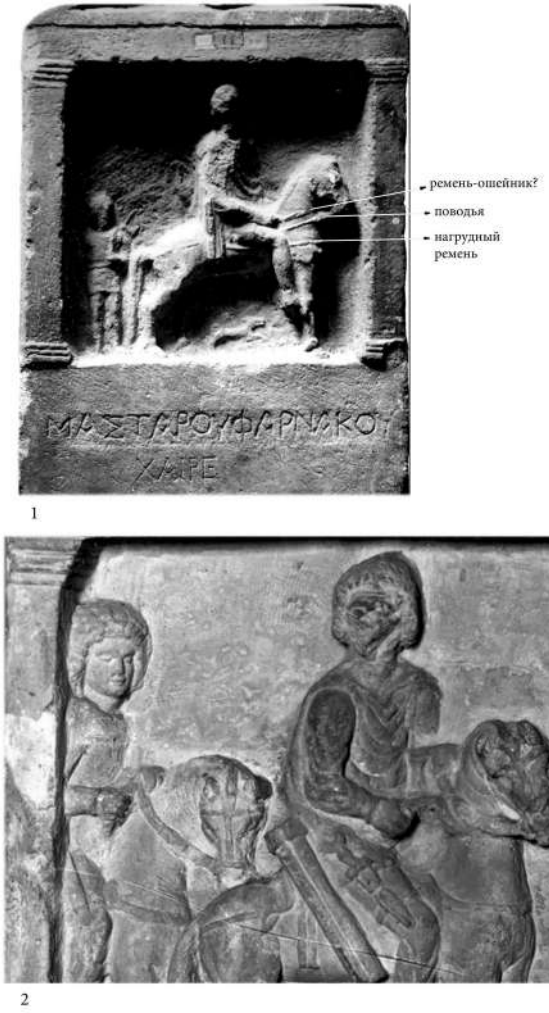


Рис. 1.1 - Стела Мастаруса, сына Фарнака;
2 - стела Дафна, сына Психариона (по КБН- альбом. – СПб., 2004)

АХМАДЕЕВА М.М.
(Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург)

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ФЕОДОСИИ КЛАССИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ И ТЕХНИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ ИНЖЕНЕРА Ф.И. ЗИБОЛЬДА

Античная Феодосия до настоящего времени остается одним из наименее изученных городов Боспорского царства. Археологические исследования этого крупнейшего в древности центра были начаты по инициативе хранителя Феодосийского музея древностей Е.Ф. де Вильнева осенью 1851 года, и, согласно приоритетам того времени, были сосредоточены на городском курганном некрополе (здесь и далее история исследований 1850-х гг дана по: Тункина 2011). Тогда была открыта подкурганная черепичная гробница, содержащая, скорее всего, трупосожжение. Датировку комплекса серединой IV в до н.э. определяет синопское черепичное клеймо. Раскопки были продолжены в августе – ноябре 1852 г. Е.Ф. де Вильневым и князем А.А. Сибирским, исследовавшими 11 подкурганных захоронений по обряду трупосожжения. Сопроводительный инвентарь (вероятно, как и остатки тризн) был представлен фрагментами амфор и чернолаковых сосудов. Три погребения оказались богаче: здесь кроме обычного набора, также были найдены и украшения из драгоценных металлов. В двух насыпях были обнаружены и датирующие находки: монета феодосийского чекана первой четверти IV в до н.э. и клейменая гераклейская амфора 80-70х гг IV в до н.э. Одной из самых интригующих страниц исследования феодосийских погребальных памятников можно назвать историю раскопок, произведенных в мае 1853 г. знаменитым художником И.К. Айвазовским. Работы последнего предполагались как самые масштабные: на них было выделено в общей сложности 1500 рублей серебром. Что касается общего количества курганов, исследованных Айвазовским, то здесь ясности нет. Сам Айвазовский в первом донесении

графу Перовскому пишет о 5 насыпях. Е.Ф. де Вильнев в рапорте в ООИД говорит о 22 курганах (Петрова 2002, 604). Позже, в 1859 году Айвазовский сообщает новому руководителю комиссии по исследованию древностей графу С.Г. Строганову о раскопках уже 80 насыпей, хотя надо сказать, что данные эти не подтверждаются сообщениями де Вильнева и А.Е. Люценко. Сведений о деталях погребального обряда, устройстве насыпей, как и любых графических документов у нас нет. Судя по описаниям, среди раскопанных курганов один содержал черепичную гробницу, а в другом, возможно, находился деревянный саркофаг, поскольку здесь были обнаружены терракотовые украшения. О погребальном инвентаре также судить крайне сложно, поскольку сведения о находках и их расположении в захоронениях крайне противоречивы. Уже в 1854г. прибывший из Керчи А.Е. Люценко при общем знакомстве с местностью отмечал в отношении курганов округи Феодосии, что «большинство из них раскопано весьма поверхностно». В 1856 году ему удалось доследовать 3 кургана Айвазовского и еще 17 насыпей. Из отчетов А.Е. Люценко мы узнаем, что: из 17 исследованных им насыпей в 6 не было обнаружено ничего, даже слоя пепла и углей; 8 курганов были насыпаны над «жженой гробницей» - небольшой ямой, устроенной в материке, иногда обложенной камнями и заполненной пеплом, углем и кальцинированными костями; 2 кургана содержали черепичные гробницы; в одном случае был открыт каменный склеп с резным деревянным саркофагом внутри. Погребальный обряд везде представлен трупосожжением, кроме единственного случая захоронения в деревянном саркофаге. Очень часто А.Е. Люценко указывает на «каменистое свойство» насыпей, т.е. сооружены они были практически полностью из мелкого щебня. Датировка открытых курганов лежит в пределах рубежа V – IV вв до н.э. – третьей четверти IV в до н.э.

Всего в ходе работ 1850-х годов было раскопано как минимум, 35 погребальных памятников, причем лишь в отчетах А.Е. Люценко о раскопках 17 курганов содержатся более-менее подробные сведения о погребальном обряде, устройстве насыпи, расположении предметов инвентаря и т.д. На этом интерес исследователей к некрополю Феодосии угас, поскольку большие трудозатраты, неизбежные при разборе каменных насыпей, иногда значительных размеров, вероятно, не соответствовали получаемому результату.

Позднее, в 1894 году пробные раскопки городского курганного некрополя были проведены А.Л. Бертье-Делагардом, по его признанию «с малым успехом»: из десятка открытых могил почти все оказались огра-

блены, и лишь «одна могила, простая, в земле, обложенная грубыми камнями …. в ней нашлась лишь одна бронзовая урна, совершенно окислившаяся, в которой ничего, кроме праха не было» (фон Штерн 1906, 88).

В XX веке исследователи обращались к памятникам некрополя Феодосии лишь дважды: в 1973 году А.И. Айбабиным был доследован курган рядом с маяком на мысе Ильи, поврежденный при строительных работах (Айбабин 1978) и в 1994 году Е.А. Катюшиным был раскопан курган на вершине Тепе-Оба (Катюшин 1994; Бейсанс и др. 1997). Под насыпью кургана у маяка находилась каменная гробница, сложенная из крупных хорошо подогнанных плит, частично впущенная в материк и содержащая расписную амфору, использованную в качестве погребальной урны. Погребение автор раскопок датирует в пределах конца IV – середины III в до н.э. Курган, исследованный Е.А. Катюшиным, также был сооружен над погребением, совершенным по обряду трупосожжения: в основании насыпи располагалась жженая гробница, при этом очень небольшое количество кальцинированных костей и углей на месте кострища предполагает, что прах был собран и захоронен отдельно. Сопроводительный инвентарь представлен краснофигурной пеликой, кухонным сосудом и книдской амфорой. В составе тризны оказались сетчатые лекифы и два уникальных сосуда: широкогорлая урна с двумя горизонтальными ручками и расписная амфора-гидрия. Погребение было совершено на рубеже первой-второй четвертей IV в до н.э.

Таким образом, на сегодняшний день мы имеем данные о 37 курганных захоронениях некрополя Феодосии, причем сведения о почти половине из них крайне скудны: их точное местоположение не определено, погребальный инвентарь каждого комплекса восстановить вряд ли удастся, часто отсутствует графическая полевая документация.

Однако, весомый вклад в дело изучения древней Феодосии и ее некрополя, в частности, внес, как это ни странно, инженер Феодосийского лесничества Ф.И. Зибольд. Дело в том, что феодосийский некрополь расположен на северных склонах и вершине хребта Тепе-Оба, возвышающихся к югу от городища. Описания средневековой Каффы упоминают о том, что эти склоны были покрыты лесом, однако, к началу XIX века уже оказались пустынны. Отсутствие задерживающей влагу растительности приводило к катастрофическим потопам вследствие иногда случавшихся больших ливней (Дюбуа де Монпере 2009, с. 81). В связи с этим к началу XX века возник проект по посадке на пустых склонах Тепе-Оба леса. Этой непростой задачей и занялся Ф.И. Зибольд, приложив к этому немало усилий, поскольку природно-географические условия района крайне неблагоприятные: засушливый климат, глинистая тяжелая почва, склонная к эрозии и практически не удерживающая влагу. Получив опыт нескольких неудачных попыток, Зибольду все же удалось устроить жизнеспособные сосновые посадки, небольшая сохранившаяся часть которых и поныне входит в состав ООПТ «Тепе-Оба». В ходе лесоустроительных работ он обратил внимание на щебневые кучи, разбросанные по склону и на вершине хребта, и, помня о недостатке воды, выдвинул гипотезу о том, что эти кучи представляют собой древние гидротехнические сооружения, «конденсаторы влаги», предназначенные для снабжения города питьевой водой (Катюшин 1994, с. 1-2). Эта идея его настолько увлекла, что он построил действующий опытный образец такого конденсатора, причем он оказался одним из самых успешно действующих сооружений такого рода. Спустя почти 20 лет, когда уже советская археология должна была приносить пользу народному хозяйству, идея получения питьевой воды из воздуха в засушливом Крыму заинтересовала академическую науку. В 1934 году ГАИМК совместно с ВНИТО водоснабжения и санитарной техники, проектно-изыскательской конторой «Коммунстроя» и ГИМ была организована экспедиция по изучению техники водоснабжения древнего Крыма (НА ИИМК РАН, Ф.2, Оп.1-1934, д. 209). Состав экспедиции выглядел следующим образом: общее руководство экспедицией осуществлял В.И. Равдоникас, в качестве ученого специалиста выступил В.В. Данилевский (институт исторической технологии), старший производитель работ – ст.н.с. ГАИМК Н.И. Репников и н.с. ГИМ Е.В. Веймарн, гидролог И.М. Светозаров, аспирант ГАИМК С.Ф. Стржелецкий, н.с. Одесского гидрометеорологического института Н.Н. Жуков, фотограф - м.н.с. ГАИМК, Р.В. Степанова, сотрудник Феодосийского городского музея П.Н. Заболоцкий. Экспедиция провела 2 полевых сезона – в 1934 и 1935 гг. Из 10 указанных Зибольдом щебневых насыпей все были осмотрены, из низ 3 обмеряны, на 2х насыпях проведены пробные раскопки. Первая из них - «щебневая насыпь у еврейского кладбища», состав которой экспедиция определила как «чистый щебень без примеси грунта, глины и т.д.». Поскольку целью работ был поиск возможных подходящих к «конденсатору» водоотводящих коммуникаций, то в пределах возможного стока воды из под насыпи, чуть отступив от нее, была сделана траншея, доведенная до уровня ее основания. Однако, остатков труб обнаружено не было. В связи с этим, в 1935 году подобная траншея была заложена к юго-западу от насыпи, однако, и здесь никаких водоводов обнаружить не удалось. Функция на-

сыпи осталась не установленной. Другая насыпь, « щебневая куча №1 в лесничестве» также была обмеряна и сфотографирована, кроме того, через центр насыпи была проложена траншея сложной конфигурации, насколько можно судить по полевым фотографиям - доведенная до уровня ее основания (НА ИИМК РАН, Фотоотдел, О.1082). При исследовании насыпи был обнаружен 61 фрагмент керамических сосудов, из них 10 признаны античными. Остатки водоводов здесь также найдены не были и назначение насыпи осталось невыясненным. Таким образом, итогом работ экспедиции, помимо прочего, стал вывод о том, что щебневые кучи на Тепе-Оба определенно не являются гидротехническими сооружениями, а возможно, представляют собой грунтово-каменистые насыпи курганов. Причем, это утверждение выражено в итоговом отчете очень гипотетически (НА ИИМК РАН, Ф2, Оп.1-1935,д.84). Интересно, что в тексте полевых дневников, в подписях к чертежам памятники названы «курганами», а вот уже в тексте отчета - не иначе, как «щебневые кучи». Здесь, безусловно, нельзя не согласиться с мнением Е.А. Катюшина о том, что в данном случае, получить более определенные выводы и полную картину памятника экспедиции помешала неверно выбранная методика раскопок (Катюшин 1994, с. 2). Проверить гипотезу феодосийского лесничего была призвана еще одна экспедиция, инициированная по предложению Лаборатории по проблемам конденсации влаги (Жиф-сюр-Иветт, Франция) и Центра античных исследований Причерноморья (Экс-ан-Прованс, Франция) совместно с Феодосийским краеведческим музеем в 1994 году. В результате работы экспедиции было открыто подкурганное захоронение по обряду трупосожжения с уникальным инвентарем, о котором упоминалось выше, тем самым подтвердились выводы экспедиции ГАИМК 1934-35гг.

Еще одной, возможно, самой ценной, заслугой Ф.И. Зибольда является составленный его ведомством очень качественный план лесничества, на котором на точной топографической основе обозначено несколько из интересующих нас «конденсаторов», т.е. курганов (НА Феодосийского музея древностей, КП56/10, д. 3424)[1]. На сегодняшний день это единственный документ такого рода. Совмещение плана Зибольда с современными спутниковыми снимками дает минимальное искажение, и, следовательно, довольно точно указывает на расположение насыпей. Один такой памятник удалось идентифицировать и обнаружить на мест-

[1] *Выражаю признательность научному коллективу Феодосийского музея древностей за возможность работы с архивными документами*

ности. Судя по всему, это - «щебневая насыпь у еврейского кладбища», обследованная экспедицией ГАИМК в 1934-1935 гг. В пользу этого предположения говорит план, составленный Е.В. Веймарном, полностью соответствующий внешнему виду этого памятника. Он представляет собой большую насыпь, порядка 30 м в диаметре и до 6 м высотой. С южной стороны к центру кургана ведет траншея, оканчивающаяся в центре насыпи глубокой ямой. Такая методика свидетельствует о том, что, скорее всего, мы имеем дело с научным наследием И.К. Айвазовского либо Е.Ф. де Вильнева и А.А. Сибирского. Эта центральная яма позволяет хорошо разглядеть строение насыпи: как минимум наполовину она состоит из щебня. Кроме того, на поверхности кургана расположено еще несколько свежих и не таких глубоких, до 0,7 м ям.

Подытоживая, можно сказать, что, даже имея небольшую выборку исследованных погребальных памятников и такие весьма ограниченные о них сведения, можно составить общее представление о некрополе Феодосии классического времени. Среди 37 достоверно известных курганных захоронений только одно было совершено по обряду трупоположения – это уникальный случай погребения в деревянном резном саркофаге, исследованный А.Е. Люценко, - все остальные представлены трупосожжениями. В 6 насыпях зафиксированы погребальные урны, в качестве которых использовались как бронзовые сосуды, так и керамические – и расписные амфоры, и простые кувшины. Черепичные гробницы зафиксированы в 4х случаях. Самым распространенным способом устройства могилы является простая небольшая яма в материке, часто обложенная камнями, отмечены и 5 случаев устройства плитовых могил. Характерной особенностью феодосийских курганов является широкое использование большого количества колотого щебня при сооружении насыпи. В условиях, когда тонкий почвенный слой представлен в основном тяжелыми суглинками и при обилии вокруг камня хорошо подходящих для обработки пород, это выглядит вполне естественным. Кроме этого можно констатировать, что:

1. Погребальный костер устраивался либо на поверхности, либо в неглубокой материковой яме, причем практически во всех случаях прах и уголь собирался в урну и захоранивался отдельно, на стороне (Катюшин 1982 ,6, примечание)

2. Отсутствие оружия в составе сопроводительного инвентаря (известна лишь одна находка железного наконечника копья в кострище, ис-

следованном Е.А. Катюшиным в 1982г. (Катюшин 1982, 5)[2].

Учитывая, что все погребальные комплексы, поддающиеся датировке, относятся в целом к IV в до н.э., то данные наблюдения можно распространить лишь на этот хронологический отрезок.

Все эти черты позволили М.И. Ростовцеву утверждать, что некрополь Феодосии, в отличие от Пантикапея, Нимфея и других боспорских городов, носит исключительно греческий облик (Ростовцев 1925, 251-253). Е.А. Катюшин и Э.Б, Петрова, с некоторыми оговорками, поддержали это предположение (Петрова 2000, 70-71; Катюшин 2007, 37-38).

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И. Античное погребение в Феодосии // КСИА №156, 1978, с. 80-84

Бейсанс Д., Жиода А., Морель Жан-Поль, Катюшин Е.А., Евсеев А.А. Раскопки на окраине Феодосии // Археологические исследования в Крыму. Симферополь. 1997.с. 54-57

Дюбуа де Монпере. Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. В 6 т. Том5,6. Перевод с фр. Т.М Фадеевой. Симферополь. 2009

Катюшин Е.А. Феодосия. Каффа. Кефе. Исторический очерк. Феодосия. 2007

Петрова Э.Б. Античная Феодосия. История и культура. Симферополь 2000

Петрова Э.Б. О начальном периоде археологических исследований в Феодосии: Вильнев, Сибирский, Айвазовский // Проблемы истории, филологии, культуры. XII. Москва – Магнитогорск. 2002. С. 598 – 607

Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Ленинград 1925

Тункина И.В. Открытие Феодосии: страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771 – 1871 гг. Киев. 2011

фон Штерн Э.Р. Феодосия и ее керамика. Одесса. 1906

[2] *Е.А. Катюшин указывает на два случая захоронений с оружием (Катюшин 2007, 38)*

АРХИВНЫЕ ДАННЫЕ

О работах экспедиции по изучению техники водоснабжения древнего Крыма в 1934 году: Научный архив ИИМК РАН. Рукописный фонд: Ф2. Оп. 1-1934. Д. 205-209, 210а; Р-I, Арх.1000, инв. 7959-7966, л. 1-8; Фотоотдел: О.1082, О.1083

О работах экспедиции по изучению техники водоснабжения древнего Крыма в 1935 году: Научный Архив ИИМК РАН. Рукописный фонд. Ф2, Оп.1-1935, д. 10, 84; Фотоотдел: О.1158.

Катюшин Е.А. Отчет о раскопках в окрестностях Феодосии археологического отряда Феодосийского краеведческого музея в 1982 году. Научный архив Феодосийского музея древностей.

Катюшин Е.А. Отчет о раскопках в окрестностях Феодосии в 1994 году. Научный архив Феодосийского музея древностей. №641/674

БЕЗУГЛОВ С.И., НИДЗЕЛЬНИЦКАЯ Л.Ю.
(Ростов-на-Дону)

ПОЗДНЕСАРМАТСКИЙ КУРГАН У СТ. МАРИИНСКОЙ НА ДОНУ

Летом 2017 г. экспедиция ЗАО «ОКН-проект» проводила исследования небольшой курганной группы «Большевик II», располагавшейся к северу от ст. Мариинской на правом берегу р. Дон. В одном из курганов (№ 3) было открыто позднесарматское погребение, содержавшее богатый и разноообразный инвентарь. Этот комплекс существенно дополняет представления о связях кочевого населения донских степей с располагавшимся в устье Дона очагом северопонтийской цивилизации.

Курган сооружен над единственной подбойной могилой, содержавшей скелет взрослого человека с искусственно деформированным черепом, ориентированный головой на восток. Она, несомненно, принадлежит к группе «всаднических» погребений с характерным инвентарем (конский убор, ременная гарнитура, длинный оселок, фибула), который позволяет датировать комплекс в пределах позднего II – раннего III вв. н.э.

Обнаруженный в погребении серебряный уздечный набор входит в узкий, но очень выразительный круг нижнедонских находок (м-ки Центральный VI, 16/8, Камышевский I, 8/1). Указанные комплексы принадлежали представителям позднесарматской знати и располагались на довольно ограниченном пространстве (10-25 км друг от друга) по обе стороны русла р. Дон. Это обстоятельство позволяет предполагать наличие в районе, очерченном находками упомянутых погребений, ареала расселения влиятельного и богатого кочевого образования с доминирующей ролью профессиональной военной элиты.

Важный социальный маркер в рассматриваемом комплексе – конский убор, сложенный в ногах погребенного. Он состоял из широких кожаных ремней, на которых бронзовыми скобками были закреплены деревянные фалары, плакированные золотой фольгой. Основу набора

составляли 4 круглых фалара, крепившиеся на плечах и крупе лошади. Отличительные признаки набора: 1) фалары составляли 2 размерные пары – большего (10,5 см) и меньшего (9 см) диаметра; 2) декор фаларов был асимметричен – одна пара разновеликих блях была гладкой, вторая имеет на поверхности крестообразно расположенные прорези, в которых крепились стеклянные вставки. По всей видимости, с одной стороны коня крепились гладкие бляхи, а с другой – прорезные.

Специальный интерес представляют обнаруженные в погребении импортные вещи.

Бронзовый ковш из комплекса представляет редкую разновидность, поныне неизвестную в южнорусских находках. Типологически он близок ковшам типа Эггерс-146 (с прорезью в виде трилистника - т. н. «листка клевера» на конце рукояти), но отличается наличием здесь же дополнительной круглой прорези. Специалисты по римской бронзе отмечают относительную редкость ковшей с прорезью в виде трилистника на ручке в сравнении с массовыми типами имперских ковшей (например, типов 139-142, 144). Хронологическая позиция самого близкого нашей находке типа Эггерс-146 довольно расплывчата – их относят к I-II вв. н.э.

Фрагмент серебряной ложки из погребения - грубо обломленный черпачок со следами жесткого механического воздействия с обеих сторон. Форма и фактура его отличны от типовых имперских изделий. Ближайшая параллель – черпак ложки, обнаруженной в составе богатого погребального комплекса, найденного в 1972 г. близ Танаиса. Это кустарное изделие, изготовленное в подражание подлинным ложкам имперских мастерских.

Рассматриваемый нами погребальный комплекс еще более отчетливо обозначает сопряженность позднесарматской кочевой элиты донского бассейна с располагавшимся в низовьях Дона центром оседлости, важнейшим и крупнейшим пунктом которого был Танаис. Степень культурно-исторического единства военизированной знати степи и социальной элиты Танаиса в сер. II – сер. III вв. н.э. была очень высокой.

Важно отметить, что с приближением к Танаису и располагавшимся близ него поселениям плотность находок импортной бронзовой посуды в позднесарматских погребальных комплексах возрастает. Позднесарматский курган из группы «Большевик II» значительно удален от донского устья (свыше 200 км). В близких по времени и культурному типу погребениях, обнаруженных сравнительно недалеко от рассматриваемого, также известны находки бронзовых ковшей (ст. Камышевская – всего 10 км, ст.

Нагавская – ок. 100 км) и даже целых наборов бронзовой посуды (мог-к Центральный IV- ок. 20 км). Импорт имперской бронзы к степнякам, несомненно, был одним из ярких проявлений мощного воздействия мира причерноморской античности на кочевников. Другие пути проникновения римской металлической посуды в степь конечно возможны, но значительно менее вероятны.

Хронологический отрезок с середины II до середины III вв. – время наивысшего подъема Танаиса как культурно-экономического и военно-административного центра; опорной точки боспорского суверенитета в регионе. Ныне можно утверждать, что в сферу его влияния были вовлечены мощные кочевые племена донского бассейна, включая и русла его крупнейших лево- и правобережных притоков (Сал, Маныч, Северский Донец). Северопонтийские импорты (среди них – и римские вещи) попадали в значительно более удаленные районы – степи Нижнего Поволжья, Южного Приуралья и Западного Казахстана. Новые данные еще более определенно свидетельствуют о выдающейся роли Танаиса в истории кочевых племен степей востока и юга России во II-III вв. н.э.

БЕЛИК Ю.Л.
(ГБУ РК «ВКИКМЗ», Керчь)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ СТРОИТЕЛЬНЫХ ПРИЕМОВ НА ПОСЕЛЕНИИ БИЕЛИ

Поселение «Биели» расположено в городском округе города Керчь, Ленинский район, Республика Крым. Ближайший населенный пункт, поселок Октябрьский, находится в 0 ,8 к м к северу от исследуемой территории. В топографическом плане памятник занимает долину, разрезанную руслом ручья и ограниченную с северо-запада насыпью заброшенного карьера по добыче известняка, с севера и северо-востока гребнем холмов, тянущихся по линии восток–запад вплоть до территории Керчи, с юга горой Ссыпанной.

На открытом участке поселения были обнаружены многочисленные остатки стен и фундаментов построек различного хозяйственно-бытового назначения различной степени сохранности. Кладки сложены из необработанного камня различной величины, грубо колотого. В отдельных случаях ярко выделяются обработанные камни, вторичного использования. Кладки чаще всего двухпанцирные, трехслойные с внутренней забутовкой из мелкого камня. Реже встречаются однослойные и двухслойные кладки. Как правило, камни укладывались в горизонтальной плоскости и как исключение отдельные экземпляры, установленные на ребро. Ширина кладок варьирует от 0,2 м до 2,3 м. В высоту стены сохранились от одного до шести рядов. Наибольшая концентрация остатков каменных построек выявлена в юго-западной и в юго-восточной частях раскопа. Открыты остатки несколько каменных построек, который использовались на протяжении ряда эпох. Некоторые здания сохранились достаточно хорошо.

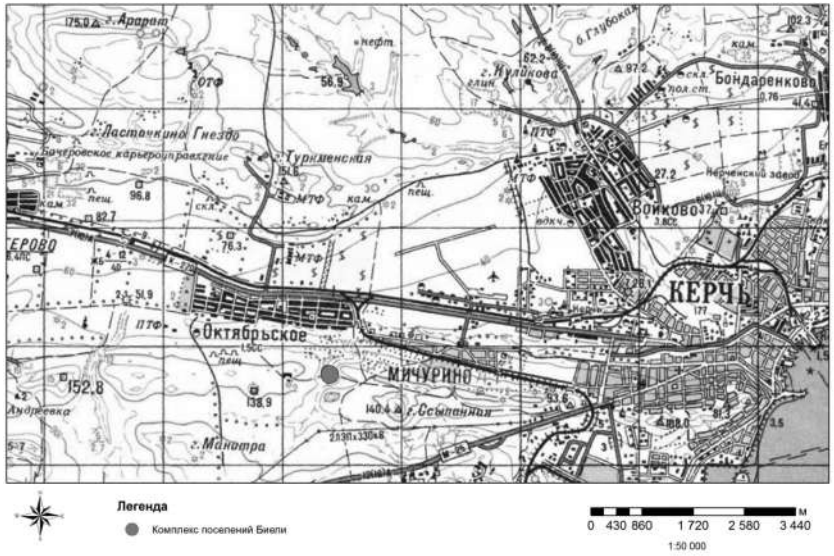
Кратко характеризуя строения поселения «Биели» можно отметить, что фундаменты построек прямоугольные в плане. Строение внутри разделено простенками чаще на два, три помещения. Кладка из камня, акку-

ратно сложенная и сохранившаяся на высоту несколько рядов. Некоторые сооружения имеют отличительные черты. По типу кладки строения № 19 (в так называемую «елку»), его следует также отнести к салтово-маяцкому периоду функционирования поселения. В строении сохранилось до шести рядов кладки, общей высотой более 1 м. Здание состоит из двух помещений, разделенных перегородкой, южное помещение выстлано каменной вымосткой из крупных, плоских, подогнанных друг к другу камней. У южной внутренней стены дома вертикально поставленными плитами отгорожена часть помещения. Данная архитектурная деталь – отгораживание части помещения вертикально стоящими камнями характерна для многих обнаруженных строений, как салтово-маяцкого периода, так и более позднего, относящегося к татарскому периоду. Сходным по планировке и технике исполнения является строение № 18. Сохранность постройки хорошая. В западном углу помещения обнаружен импровизированный очаг на плоском камне. Помимо вышеперечисленных построек, обнаружены также два небольших, частично впущенных в землю дома с хорошо сохранившимися входом и печью – строения № 11 и № 12. Заполнение данных помещений позволяет сделать вывод о принадлежности строений к наиболее позднему, татарскому периоду существования поселения. Также обнаружены хорошо сохранившиеся фундаменты двух строений хазарского периода, с характерной кладкой, пол в обоих случаях вымощен каменными плитами, один угол в помещении выделен вертикально установленными каменными плитами.

Практически на всех участках поселения обнаружены хозяйственные ямы. Большинство из них округлые в плане, с расширяющимися ко дну стенками. Глубина ям от современной дневной поверхности 0,5-2 м. Одна из ям – объект 48а, достигает глубины более 5 м от современной дневной поверхности. Служили они для хранения зерна и других продуктов. Когда яма приходила в негодность (разрушалась в силу естественных причин) ее могли использовать для сброса мусора. В ряде ям были совершены погребения людей.

Несмотря на продолжающуюся обработку полученных материалов, уже сейчас можно сделать некоторые предварительные выводы. Не вызывает сомнений, что поселение Биели представляет собой сложный, многослойный памятник, существовавший, с перерывами, на протяжении тысячелетий. Отличительной особенностью является заимствование ряда традиционных строительных приемов в более позднее время ранних элементов каменных конструкций, с приспособлением их, под нужны жителей поселения XVI – XVIII вв.

На всей площади раскопа зафиксированы отдельные кладки и целые сохранившиеся строения хазарского периода VIII – X вв. н. э. Традиционная для салтово-маяцкой культуры каменная кладка сопровождается керамическим материалом данного времени. В более позднее время эти же сооружения были с небольшими изменениями приспособлены для нужд представителей другой культуры, в частности жителей поселения Биели в XVI – XVIII вв. Строительная техника инновации задают необходимую динамику всех сфер деятельности человека внутри цивилизации. Наиболее поздний слой, относящийся к жизнедеятельности татарского поселения. После тщательного изучения полученных в результате раскопок материалов ряд выводов будет уточнен и подкорректирован. На данном же этапе мы можем заключить, что в ряде случаев постройки использовались полностью или частично как в хазарский период и в более поздний период в XV – XVIII вв. с учетом ряда изменений.



1

2

Рис. 1. Поселение Биели. Строение Ф № 19. Вид сверху.

Рис. 2. Поселение Биели. Строение № 19. Вид помещения.

Рис. 3. Поселение Биели. Строение № 19. Вид фаса кладки.

А.В. БЕЛОУСОВ, Д.В. ЖУРАВЛЕВ, Д.А. КОСТРОМИЧЕВ
(ГИМ, Москва, ГМЗ ХТ,Севастополь)

СВЕТИЛЬНИК С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ИОНЫ ИЗ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

При раскопках некрополя в Херсонесе в 1910 г. Р.Х. Лёпером был исследован склеп 11, среди инвентаря которого привлекает внимание глиняный светильник (рис. 1). Предварительно этот светильник уже публиковался нами, в том числе в составе инвентаря из склепа (Журавлев, Костромичев 2017а, 39–42; 2017б, 110–112; табл. 46, 13), но значение этого памятника столь велико для исследования религиозной жизни Херсонеса Таврического позднеримского времени, что мы решили посвятить ему специальное исследование[1] .

Описание светильника. Светильник имеет тулово округлой формы. Плечики украшены фризом из попарно развернутых друг к другу дельфинов. На щитке представлено рельефное изображение человека, морского чудовища и корабля. Человек изображен справа; на нем надета туника с короткими рукавами, руки вскинуты вверх, ладони раскрыты. Перед ним изображено морское чудовище с извивающимся телом, рыбьим хвостом, короткими лапами, протянутыми к человеку, крупной головой, на которой выделен миндалевидный глаз; пасть раскрыта, из нее торчит язык. Над чудовищем, в левом верхнем углу композиции, виден корабль с мачтой. Ниже фигуры человека сохранились остатки греческих букв Ἰω̣. На дне прочерчена двустрочная надпись: ХОΛС /НРС. Глина светильника светло-желто-коричневая, мелкозернистая, с примесью белых частиц. Лаковое покрытие отсутствует. Сохранившаяся длина 8,4 см; диаметр тулова 7,1 см; высота тулова 2,9 (с ручкой 4,2) см.

Датировка и место производства светильника. Публикуемый светильник по форме напоминает аттические или коринфские экземпляры

[1] *ГМЗХТ, п. № 2043; инв. № 937.*

III в. н. э., хотя и не идентичен им. Типологически он может быть отнесен к типу XXVIII по О. Брониру (Broneer 1930, 102–114). Судя по форме и глине светильника, местом его производства является Тарс или юго-восточное Средиземноморье.

Анализ изображения на щитке. Представленная сцена соответствует сюжету поглощения пророка Ионы морским монстром – κῆτος, описанному в Ветхом завете. Корабль, несмотря на схематичность его изображения, соответствует типичным изображениям римских судов. Остатки греческой надписи, которую мы реконструируем как ʼΙω̣[νᾶς] под фигурой главного персонажа подтверждают предположение. Именно в таком написании имя воспроизведено под фигурой отдыхающего Ионы на мозаике V–VI вв. церкви в Бет Говрин (Израиль) (Foerster 1978, 289–291, fig. 1–3) (рис. 2, 2).

Хронология погребального комплекса. Сохранившийся инвентарь склепа не выходит за рамки второй половины II–III вв. н. э. Две наиболее поздние монеты относятся к 192–211 гг. (Журавлев, Костромичев 2017б, 109; Коваленко 2017, 122). Краснолаковые сосуды, подобные найденным в склепе, датируются первой половиной III в. н.э. (Журавлев 2010, 54, табл. 23, Кат. 158;. 91, 92; 94, табл. 68, 585–587). В склепе обнаружено еще несколько ламп разных типов, среди которых есть«рубчатый» светильник.

Светильники с изображением Ионы. Просмотрев несколько сотен специальных публикаций, мы не обнаружили не только идентичной иконографии, но даже близкого по характеру оформления плеч в виде фигурок дельфинов. Единственной известной нам прямой аналогией является недавно изданный небольшой фрагмент светильника из Ольвии, отнесенный к изделиям коринфского производства (Шейко 2017, 119–120, рис. 4, 1). Но здесь сохранилась лишь ручка с небольшим фрагментом плеч и щитка.

Интересным осветительным прибором с исследуемой иконографией является светильник Wulff 1224, хранящийся в музее Боде в Берлине, и поступивший сюда в 1698 г. (Wulff 1909, 244, Taf. LIX). Данные термолюмисцентного анализа подтверждают его подлинность. В центре щитка этого светильника представлен криофор – Добрый Пастырь, а также два изображения Ионы – изрыгаемого κῆτος'ом и отдыхающего под деревом. Еще две фигуры, представленные на этой сложной композиции, могут быть интерпретированы как Сол и Луна (Finney 1994, 116–131, fig. 5.4–6). Светильник датируется первой четвертью III в. н.э. и отмечен маркой производителя FLORENT[ius].

Целая серия светильников V в. н. э. с изображением Ионы в пасти у морского чудовища хранится в Государственном историческом музее в Москве (Chrzanovski, Zhuravlev 1998, 156–157, N 94; Яшаева и др. 2011, 305, 601; № 362), Национальной библиотеки Франции в Париже (Trost, Hellmann 1996, 65–66, N 2, pl. I), Британском музее (Bailey 1988, Q1798, 33–35, 198; fig. 38; pl. 23;, Q3323, 33, 416, fig. 38; pl. 123) и других собраниях.

Изображения Ионы в раннехристианском искусстве. Сцена с кораблем, Ионой и морским чудовищем является одной из самых популярных в раннехристианском искусстве (Klauser 1993, 133–134; Jensen 2000, 10, 172, fig. 2). Самый известный памятник с изображением Ионы – это Большой Латеранский саркофаг (рис. 2, 1), а также другие саркофаги второй половины III–IV вв. (Lawrence 1962, pl. 77, fig. 1; pl. 78, fig. 5–6; Pilipović, Milanović 2016, 219–245; и др.). Многочисленны изображения этой сцены в римских катакомбах доконстантиновской эпохи (Lawrence 1962, pl. 78, fig. 9; Jensen 2000, 172; Claman 2000, 38–39, fig. 2; Baudry 2010, 104–105, Abb. 3–4; 132–133, Abb. 2; Murray 1981, 64–66, fig. 19; Martin 2006, 238, fig. 21)

Второй половиной III в. датируется две мраморные композиции из музея в Клевеленде – на одном Иону проглатывает κῆτος, в другом, напротив, извергает его из себя (De Bourguet 1972, 106–107; Kitzinger 1978, 657, fig. 7). Мраморный рельеф IV в. из Тарса (музей Метрополитен), представляет сцену проглатывания Ионы, выброшенного с корабля, κῆτος'ом; рядом – извергаемый κῆτος'ом Иона (Lowrie 1901, 51–57, 51–57, fig. 1–2; Kitzinger 1978, 668–669, fig. 17; Göttlicher 1978, 23, Kat. 2, Taf. 1). Список этих памятников можно продолжать долго.

В иконографии сцены, представленной на нашем светильнике, есть одна особенность – обычно Иона изображается обнаженным. В нашем же случае он одет в тунику, близкую по облику tunica dalmatica. В качестве отдаленной параллели укажем на левую фигуру из трех плывущих на корабле, с которого Иону сбрасывают в воду, с аквилейской мозаики (рис. 2, 2)– он изображен в позе оранты и одет в tunica dalmatica (Schumacher 1977, 255, Taf. 51a).

Прототипы изображений κῆτος / дракона в античном искусстве. Традиции изображения морского чудовища с различными героями были широко распространены в античной иконографии (De Wahl 1896). В первую очередь необходимо вспомнить Ясона, извергаемого из пасти дракона. Показательна роспись мастера Дурриса на краснофигурном килике 480–470 гг. до н.э. из Ватиканских музеев – стоящая Афина, перед ней морской дракон с Ясоном в пасти (LIMK V.2, Iason 32) (рис. 2, 5).

В качестве прототипа без всякого сомнения можно рассматривать изображения Ариадны, Персея и морского чудовища (LIMC I.1 Andromeda I.53; I.61; I.69; I.73; I.75; I.84; I.87), в том числе и на щитках светильников (LIMC I.1 Andromeda I.82; I.98). Интересен глиняный сосуд IV в. н.э. из Кельна – в центре изображена фигура обнаженной Андромеды, справа от которой – фигура Персея, а снизу от нее – κῆτος с открытой пастью (Salomonson 1973, 59–60, Abb. 45ab; LIMC I.2. Andromeda I.55). Этой теме уже были посвящены специальные исследования (Lawrence 1962, 294–295; Steffen 1995, 69–92).

Надписи на светильнике. На внешней и нижней сторонах светильника имеются надписи на греческом языке, которые сделаны по сырой глине до обжига. Размер букв: на внешней стороне – 0,5 см, на нижней – 0,3 до 2,1 см. Палеография надписи типична для римского времени. Следует отметить широкую эту, лунарную форму сигмы и курсивную омегу. На внешней стороне сохранились две буквы Ἰω̣, которые в связи с изображением логично восполнять как имя пророка Ионы: Ἰω̣(νᾶς)

Текст на нижней стороне светильника представляет определенные трудности[2]. Буквы здесь написаны не очень аккуратно в две строки, чтение некоторых не однозначно. С наибольшей степенью вероятности здесь можно предполагать написанными имена изготовителей светильника[3]: Χολ(-)c /Ἕρ(-)c

Таким образом, поскольку сочетание –χολσ- в греческом корне невозможно, мы можем предположить, что имеем дело с сокращенными именами в именительном падеже, за что говорит сигматическое окончание. Первое имя в таком случае можно было бы раскрыть только как Χόλ(κο)ς. Имя Холк (LGPN IV, 356) встречается во всем корпусе греческой эпиграфики со всей ойкумены всего дважды, и оба свидетельства сомнительны: CIRB 200 (IV в. до н.э.) (Μαζις / Χόλκο) и CIRB 1231 (II–III вв. н.э.) ([Δημή]τριος β´, Χόλ[κος]). Обе надписи происходят из Пантикапея. Л. Згуста объяснял это имя метатезой аспирации: Χόλκος < Κόλχος[4]. Имя Κόλχος также встречается несколько раз в северном Понте: CIRB 230 (IV в. до н.э.) из Пантикапея, IPE I2 132 (II–III вв. н.э.) из Ольвии и SEG 43:507 (II в. н.э.) из Ольвии (здесь восстанавливается: [Κ]ό̣λχου). Что касается раскры-

[2] *Авторы благодарны мнениям и советам коллег относительно чтения и смысла надписи, а именно А.И. Иванчику, А. Авраму, М. Сэву и Д. Фессэлю.*

[3] *Этому предположению мы обязаны Александру Авраму.*

[4] *Cp. Zgusta 1955, S. 318, § 728: "Eine Methatese Κόλχος >Χόλκος zweimal anzunehmen, wäre zu gewagt".*

тия второго имени, то если предполагать здесь все же номинатив имени, то перед нами открывается слишком много возможных имен: Ἡρ(αῖο)ς, Ἡρ(ακλείδη)ς, Ἡρ(άκλειο)ς, и др. (LGPN IV, 153–159).

Тем не менее, эта интерпретация текста надписи вызывает определенные затруднения. Во-первых, структура текста представляется неупорядоченной: первая строка, начатая уверенно и бодро явно не уместилась, поэтому ее исполнителю пришлось уменьшить последнюю букву (сигму или омикрон), дабы она не соприкасалась с, очевидно прочерченной прежде надписи, окружностью. Во-вторых, во второй строке, кажется, можно предполагать vacat после буквы ρο. Если последовать за этими наблюдениями, можно предположить, что финальная буква первой строки является недописанной буквой омикрон, чья «открытая» форма известна по греческим папирусам, начиная с III в. до н.э[5].

Иона и раннехристианская идеология. Принимая во внимание то, что присутствие иудейского населения в Херсонесе засвидетельствовано со II в. н.э. (см., например: Соломоник 1979; Ušakov, Žuravlev 2014, 287–297), в принципе, ничего удивительного в присутствии образа Ионы на светильнике нет. Из «Жития епископов Херсонских», по всей вероятности, описывающего события IV в. следует, что иудеи вместе с язычниками участвовали в гонениях на херсонесских христиан (Соломоник 1979, 120; Виноградов 2010, 169), так что в Херсонесе уже в III в. вполне могли сосуществовать как иудейские, так и христианские общины.

Следует отметить, что библейские сюжеты и вообще знакомство с Септуагинтой лишь спорадически просачиваются в языческие литературу и искусство эллинистической эпохи[6], и до сих пор справедливо мнение В. Чериковекра, что у нас практически нет свидетельств о том, что греки были знакомы с Библией до христианского времени (Tcherikover 1956, 177). Это мнение, однако, справедливо для элитарной греческой и римской культуры и может быть не совсем верно для грекоязычной иудейской среды и массовой греко-римской культуры. Во-первых, нам известно, что

[5] *См. Harrauer 2010, 203, 212, 349; Guarducci 1978, 522, fig. 212. Если это так, то финальная литера второй строки, вероятно, является конечной буквой слова в первой строке: χόλο̣/ς. Буквы HP, в таком случае, являются обычным сокращением для имени божества Ἥρ(ης или ας). Таким образом, текст, с условной долей вероятности, можно прочитать как χόλος Ἥρ(ης uel. ας), то есть, «гнев Геры» - ΧΟΛΟ̣/HP vac. 1 litt. C . Но мы оставляем этот вариант чтения как маловероятный.*

[6] *Немногочисленные свидетельства см.: Feldman 1993, 311–314. Систематический обзор см.: Cook 2004.*

Филон Александрийский сочинил гомилию «Об Ионе», которая дошла до наших дней в армянском переводе (Siegert 1980, Bd. 1, 9–48; 1989, Bd. 2, 92–225). Далее, Иосиф Флавий, рассказывая о правлении израильского царя Иеровоама II, пересказывает библейскую историю Ионы и добавляет к ней ряд интересных деталей, например, он говорит, что Иона был извергнут из чрева кита у берегов Эвкинского Понта (Antiq. 9.10). Последняя подробность, если предположить, что она могла быть известна иудеям или христианам Херсонеса, может иметь особое значение для истолкования публикуемого нами памятника.

Знаменитое место из Нового Завета (Мф 12: 38–41) определило значение образа Ионы для христианского богословия и искусства. Иона понимается как прообраз самого Христа (единственный из малых пророков), претерпевшего смерть и на третий день воскресшего, знаменуя победу над смертью и искупление первородного греха. Христианские писатели, начиная с Климента Римского, постоянно обращаются к истолкованию образа и истории Ионы, а начиная с III в. появляются и полные комментарии на Книгу пророка Ионы. Неудивительно поэтому, что почти все памятники искусства и ремесла с изображением Ионы принадлежат, за отсутствием предметов иудейского искусства с Ионой, целиком раннехристианской среде, или, по крайней мере, объясняются влиянием этой среды (см., например: Steffen 1994, 61–62).

Тем не менее, следует также обратить внимание на ряд магических гемм (амулетов) II–V вв. н.э., на которых также фигурирует Иона, изображение которого сопровождается типичными магическими символами и образами (см., например: CBd-1965 (II в.), CBd-1755 (II–III вв.), CBd-1515 (конец III–начало IV в.), CBd-1514 (с надписью: Ἰωνᾶς), CBd-822 (V в.). Об Ионе на магических геммах см.: Bonner 1948; Bonner 1950, 227–228; Michel 2004, 113, 115, 117, 127, 238, 301). Здесь мы имеем дело не с памятниками высокоинтеллектуальной культуры, а с типичными представлениями массового населения первых веков н.э., на которых со всей очевидностью проступает взаимопереплетение инокультурных традиций, иные примеры которого мы находим в Герметическом корпусе и греческих магических папирусах. Вероятно, значение символической смерти и воскресения Ионы имело особое значение для магических практик и, очевидно, не случайно, что Иона остается важным персонажем и в ранневизантийской магии.

Заключение. Таким образом, публикуемый светильник из Херсонеса Таврического является одним из самых древних изображений данного сюжета, синхронным раннехристианским саркофагам из Рима и самым

ранним фрескам из римских катакомб. Обнаружение столь раннего памятника с библейским сюжетом в Херсонесе является дополнительным аргументом в пользу того, что в Херсонесе не существовало никакого культурного «запаздывания». Все синхронные новшества духовной и материальной культуры греко-римского мира немедленно становились известны херсонеситам.

В Херсонесе светильник нашел применение в погребальной обрядности как предмет, связанный с представлениями о смерти и воскрешении. Использовать светильник мог любой житель города, знающий традиции Ветхого завета. Учитывая хронологию склепа, маловероятно рассматривать иконографию этого светильника как раннехристианскую – вероятно, он связан с иудейской традицией.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов А.Ю. 2010. «Миновала уже зима языческого безумия…». Церковь и церкви Херсона в IV в. по данным литературных источников и эпиграфики. М.

Журавлев Д.В., Костромичев Д.А. 2017а. Светильник с ветхозаветным сюжетом из херсонесского некрополя // Международная научная конференция «Исторические, культурные, межнациональные и религиозные связи Крыма с Сирией и государствами Ближнего Востока. Севастополь, 6–8 июня 2017 г. Севастополь. 39–42.

Журавлев Д.В., Костромичев Д.А. 2017б. Комплексы с ювелирными изделиями из херсонесского некрополя. Часть 1. Материалы раскопок Р.Х. Лёпера в 1909–1910 гг. М.

Коваленко С.А. 2017. Монеты из раскопок некрополя Херсонеса 1909 и 1910 гг. // Журавлев Д.В., Костромичев Д.А. 2017б. 121–124.

Соломоник Э.И. 1979. К вопросу о населении Херсонеса Таврического // Античная древность и средние века. Вып. 16: Социальное развитие Византии. Свердловск. 119–125.

Шейко І.М. 2017. Коринфські світильник перших вікі в з Ольвії // Н.О. Гаврилюк (Ред.), Північне Причорномор'я за античної доби. На пошану С.Д. Крижицького. Київ. 116-121.

Яшаева Т., Денисова Е., Гинькут Н., Залесская В., Журавлев Д. 2011. Наследие византийского Херсона. Севастополь–Остин: Телескоп, Институт классической археологии. 708 С.

Bailey D. 1988. A Catalogue of the Lamps in the British Museum. III. Roman Provincial Lamps. London.

Baudry G.-H. 2010. Handbuch der frühchristlichen Ikonographie. 1. Bis 7. Jahrhundert. Freiburg, Basel, Wien.

Bonner C. 1950. Studies in Magical Amulets Chiefly Graeco-Egyptian. Ann Arbor.

Bonner C. 1948.The Story of Jonah on a Magical Amulet // The Harvard Theological Review. 41: 1. 31–37.

Broneer O., 1930. Terracotta Lamps. Corinth IV, 2. Cambridge.

Chrzanovski L., Zhuravlev D. 1998. Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum – Moscow. Studia archaeologica 96. Roma.

Claman H.N. 2000. Jewish Images in the Christian Church. Arts as the Mirror of the Jewish-Christian Conflict 200–1250 C.E. Macon. Mercer University Press.

Cook J.G. 2004. The Interpretation of the Old Testament in Greco-Roman Paganism. Tübingen.

De Bourguet P. 1972. Early Christian Art. London.

De Wahl T. 1896. Quomodo monstra marina artificies Greaci finxerint. Bonnae.

Feldman L.H. 1993. Jew and Gentile in the Ancient World: Attitudes and Interactions from Alexander to Justinian. Princeton.

Finney P.C. 1994. The Invisible God. The Earliest Christians on Art. Oxford.

Foerster G. 1978. The story of Jonah on the mosaic pavement of a church at Beth Govrin (Israel) // Atti del IX congress internazionale di archeologia Cristiana. Roma 21–27 settembre 1975. Roma. 289–294.

Gerke F. 1940. Die christlichen Sarkophage der vorkonstantinischen Zeit. Studien zur spätantiken Kunstgeschichte 11. Berlin.

Göttlicher A. 1978. Materialien für ein Corpus der Schiffsmodelle im Altertum. Mainz.

Guarducci M. 1978. Epigrafia greca. Vol. III. Roma.

Harrauer H. 2010. Handbuch der griechischen Paläographie. Textband. Stuttgart.

Jensen R.M. 2000. Understanding Early Christian Art. London, New York.

Kitzinger E. 1978. The Cleveland Marbles // Atti del IX Congresso internazionale di archeologia cristiana, Roma 21–27 settembre 1975. Volume I. I monumenti cristiani precostantiniani. Città del Vaticano : Pontificio Istituto di Archeologia Cristiana (Studi di antichità cristiana 32). 653–675.

Klauser Th. 1993. Studien zur Entstehungsgeschichte der Christlichen Kunst IV // Finney P.C. (Ed.). Art, Archaeology and Architecture of Early Christianity (Studies in Early Christianity. Vol. XVIII). New York, London. 140–157.

Lawrence M. 1962. Ships, Monsters and Jonah // AJA. Vol. 66. No. 3. 289–296.

Lowrie W. 1901. A Jonah Monument in the New York Metropolitan Museum // AJA. V. 51–57.

Martin M. 2006. Observations on the Paintings of the Exodus Chapel, Bagawat Necropolis, Kharga Oasis, Egypt // J.Burke, U. Betka, Buckley, K. Hay, R. Scott, A. Stephenson (Eds), Byzantine Narrative. Papers in Honour of Roger Scott. Australian Association for Byzantine Studies. Byzantina Australiensa 16. Melbourne. 233–257; 539–544.

Michel S. 2004. Die magischen Gemmen. Zu Bildern und Zauberformeln auf geschnittenen Steinen der Antike und Neuzeit. Berlin.

Murray S.A. 1981. Rebirth and Afterlife. A Study of the Transmutation of some Pagam Imagery in Early Christian Funerary Art. BAR. Int. Series. Oxford.

Pilipović S., Milanović L. 2016. The Jonah Sarcophagus from Singidunum: A Contribution to the Study of Early Christian Art in the Balkans // Classica et Christiana. 11. 219–245.

Salomonson J. W. 1973. Kunstgeschichtliche und ikonographische Untersuchungen zu einem Tonfragment der Sammlung Benaki in Athen // BABesch 48. 3–82.

Schumacher W. N. 1977 Hirt und „Guter Hirt“. Studien zum Hirtenbild in der römischen Kunst vom zweiten bis zum Anfang des vierten Jahrhunderts unter besonderer Berücksichtigung der Mosaiken in der Südhalle von Aquileja. Römische Quartalschrift. 34. Supplementheft. Rom, Freiburg, Wien.

Siegert F. 1980. Drei hellenistisch-jüdische Predigten. Bd. 1. Tübingen.

Siegert F. 1989. Drei hellenistisch-jüdische Predigten. Bd. 2. Tübingen.

Steffen U. 1994. Die Jona-Geschichte: Ihre Auslegung und Darstellung im Judentum, Christentum und Islam. Neukirchen–Vluyn.

Tcherikover V. 1956. Jewish Apologetic Literature Reconsidered // Eos. 48. 169–193.

Trost C., Hellmann M.-C. 1996. Lampes antiques du department des Monnaies, Médailles et Antiques; III. Fonds general; Lampes chrétiennes. Paris.

Ušakov S., Žuravlev D. 2014. Juden im antiken nördlichen Schwarzmeerraum // Das Altertum. Bd. 59. 279–302.

Wulff O. 1909. Altchristliche und mittelalterliche Byzantinische und Italienische Bildwerke. Teil I: Altchristliche Bildwerke. Königliche Museen zu Berlin. Beschreibung der Bildwerke der Christlichen Epochen. Dritter Band. Berlin

Zgusta L. 1955. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Die ethnischen Verhältnisse, namentlich das Verhältniss der Skythen und Sarmaten, im Lichte der Namenforschung. Praha,

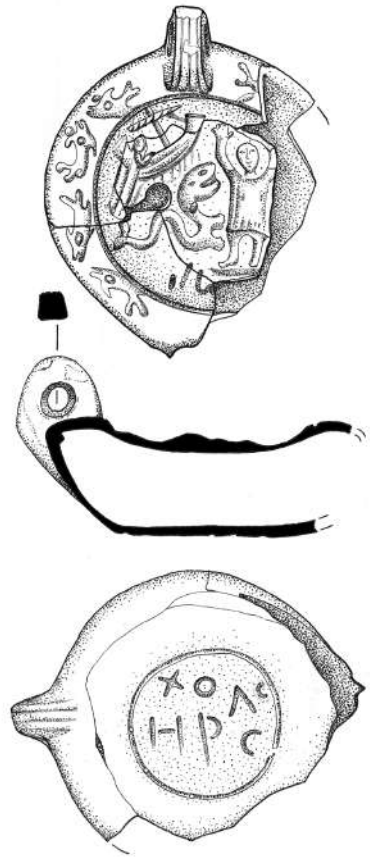


Рис. 1. Светильник с изображением Ионы. Около середины III в. н.э. ГМЗХТ.

Рис. 2.1 – Большой Латеранский саркофаг, музеи Ватикана. (по: Gerke 1940, Taf. 1, 1); 2 – мозаика из Аквилеи, фрагмент (по: Baudry 2010, 174, Abb. 1); 3 – мозаика из церкви Бет Говрин, V–VI вв. (по: Foerster 1978, fig. 1); 4 – керамический сосуд с изображением Андромеды, Персея и морского чудовища, Северная Африка, IV в. н. э. Кельн, частное собрание (по: Salomonson 1973, Abb. 45a–b); 5 – краснофигурный килик, 480–470 гг. до н.э., музеи Ватикана – стоящая Афина, перед ней морской дракон с Ясоном в пасти (по: LIMK V.2, Iason 32);

БИРКИНА Н.А.
(ГИМ, Москва)

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ КРЕМАЦИОННОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА НА НЕКРОПОЛЯХ ХЕРСОНЕСА И СОВХОЗА «СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ»

В III в н.э. на территории Крыма распространяется кремационный погребальный обряд, который появляется в том числе и на варварских некрополях. Первые из обследованных на полуострове погребений с трупосожжениями зафиксированы на некрополе Херсонеса еще в конце XIX в. Примерно тогда же были найдены могильник Бертье-Делагарда (ЗООИД 1886, т XIV с. 247), а чуть позже могильники у с. Флотское (Стржелецкий С.Ф 1955 с. 1-4) и Бельбек I (Печенкин Н.М., 1905 с. 32), которые могут быть соотнесены с могильниками типа Ай-Тодор или Совхоз №10.

Традиционно кремации на некрополе Херсонеса связываются с продолжением античных традиций (Масленников 1984 с. 51). Кремации встречаются и на других греко-римских некрополях, например, в Пантикапее (Шургая 1984а с. 62), Нимфее (Шургая 1984б с. 65), Ольвии (Леви 1984 с. 39) и др., но здесь их количество к середине III в. н.э. значительно уменьшается (Зубарь 1982 с. 58,). На некрополе же Херсонеса кремационные погребения позднеримского времени составляют значительную часть от общего числа и продолжают существовать вплоть до эпохи Великого переселения народов.

За весь период изучения кремаций Юго-Западного Крыма исследователи по-разному определяли культурно-этническую принадлежность населения, практиковавшего обряд трупосожжения. Сначала его соотносили с готами (Васильев 1921 с. 247), позже высказывались версии и о римском влиянии (Блаватский 1951 с. 274), и о возможности соотнесения таких могильников со славянами (Бабенчиков 1963 с. 122). Сейчас исследователи связывают их с появлением на полуострове германского населения (Мыц и др. 2006 с.181).

На некрополе Херсонеса помимо захоронений греко-римского населения зафиксированы и варварские погребения, например, с деформированными черепами (Зубарь В.М. 2006 с. 23). Кроме того, варварские черты в разное время видели в некоторых типах погребальных конструкций (подбойные могилы и склепах без ниш (подробнее там же)) и в вариантах положения тела (скорченном или в помещенном на спине с руками, положенными на таз (Кадеев 1981 с. 111-121)). В свою очередь, в греко-римском характере трупосожжений никогда не возникало сомнений. Поэтому не проводилось сравнение погребального обряда кремаций, найденных на Херсонесе, с одной стороны, и кремаций биритуальных варварских могильников или некрополей типа Ай-Тодор, с другой. Между тем, сопоставление погребальных конструкций или специфических обрядовых черт могло бы прояснить степень взаимовлияния варварского и греко-римского населения Юго-Западного Крыма в позднеримское время. Наиболее показательным может быть сопоставление погребального обряда на некрополе Херсонеса, где преобладают черты греко-римского населения, и могильника Совхоз №10, соотносимого с варварами.

Поскольку раскопки на могильнике Херсонеса проводились около века тому назад, фиксация многих черт погребального обряда могла быть не проведена. Поэтому необходимо учитывать степень репрезентативности материалов, имеющихся сейчас в распоряжении исследователей при работе с ними.

На некрополе Херсонеса зафиксировано не менее 618 трупосожжений, 443 из них относятся к римскому времени. Однако не менее 86 – это кремации, совершенные на месте погребения, чего на варварских некрополях не зафиксировано: весь ритуал сожжения происходил на стороне.

Анализ кремационного погребального обряда сложен в первую очередь потому, что многие его аспекты нам не доступны из-за термического воздействия. Второй проблемой является схожесть ряда черт для разного населения. Это в полной мере проявляется в трупосожжениях римского времени на территории Крыма. Например, наличие или отсутствие урны не является характерным признаком для культурно-этинческого определения погребения. То же можно сказать и о наличии «крышки» на урнах. Для урновых погребений как на некрополе Херсонеса, так и на могильнике Совхоз № 10 было характерно накрытие сосуда с прахом специальными крышками, либо чашками и мисками, которыми старались максимально плотно закрыть горло.

Важным для сравнения погребального обряда является сопоставление конструктивных особенностей погребения и способ их расположения на могильнике («в поле», в яме, скопление и т.п.). На некрополе Херсонеса зафиксировано несколько вариантов расположения урн. Самой многочисленной группой являются закопанные на некрополе. В эту группу входят расположенные «в поле» захоронения, не образующих скоплений в общем углублении. Для некрополя Совхоз №10 такой способ захоронения также является самым массовым.

Второй вариант, характерный для некрополя Херсонеса, – размещение урны в грунтовой могиле. Для некрополя Совхоз №10 данный обряд является редким. Всего зафиксировано 8 случаев размещения урн в подбойных могилах.

Третий вариант – размещение урны в нише, выдолбленной в скале. Вероятно, такая конструктивная особенность связана с наличием скальных выходов на некрополе. В данном случае речь не идет о специальных нишах в склепах. Такой обряд не зафиксирован на могильнике Совхоз №10.

Следующий вариант – обкладывание урны каменной плиткой. В размещении урн под каменными плитами исследователи отмечали генетическую связь кремаций римского времени с трупосожжениями эллинистического периода. Подобного обряда не зафиксировано на некрополе Совхоз №10. Однако он отмечен на Чернореченском могильнике, который также соотносится с варварским населением Крыма и хронологически ближе к кремациям римского времени на территории некрополя Херсонеса.

Самым своеобразным может быть назван вариант установки урн в каменный ящик, который мог достраиваться по мере необходимости (Совхоз №10, ящик VII (I)). На некрополе Херсонеса зафиксировано всего 15 таких ящиков, внутри которых размещалось в совокупности 80 урн) (Зубарь 1982, с. 21). На могильнике Совхоз №10 их 28 (внутри зафиксировано 152 урны). Кроме того, такие конструкции отмечены на некрополях Опушки и Чатыр-Даг. Отличительной особенностью каменных ящиков Херсонеса может считаться сочетание кремации и ингумации (это зафиксировано для трех каменных ящиков). На варварских могильниках сочетания ингумаций и кремаций в каменных ящиках не зафиксированы, за исключением погребения №22 на могильнике Чатыр-Даг.

Согласно преобладающей в науке версии, появление погребального обряда с использованием урн, помещенных в каменные конструкции, объясняют появлением в Крыму выходцев из Северной Европы (Щукин,

2005, с. 437, Kazanski 2002, P. 413). Важно заметить, что в одном из каменных ящиков Херсонеса были найдены треугольные эмалевые фибулы круга восточноевропейских выемчатых эмалей и фибулы типа Левице-Токари. Подобные находки не распространены на территории полуострова и связаны с материковой частью Восточной Европы.

На основании сказанного можно предположить, что как таковой обряд кремации на территории некрополя Херсонеса в римское время связан с погребальным обрядом более раннего периода и не является привнесенным. Однако некоторые типы погребений находят много общего с варварскими некрополями Юго-Западного Крыма. Для каменных ящиков и урн, обложенных каменными плитками, скорее следует искать аналогии на близлежащих варварских могильниках с кремациями, которые хронологически близки, нежели возводить их к традициям эллинистического периода Вероятно, в римское время происходит инфильтрация варварского компонента, практиковавшего трупосожжение, в среду жителей города. Именно это население, вероятно германцы, практиковало рассмотренный обряд кремации на некрополе Херсонеса, вплоть до второй половины V в. н.э.

ЛИТЕРАТУРА

Бабенчиков В.П. Чорноріченський могильник// Археологічні пам'ятки УРСР том XIII. Киев, 1963. С. 90-123.

Бертье-Делагард А.Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма. // ЗООИД т. XIV 1886. С. 166-278.

Блаватский В.Д. Харакс// МИА №19, 1951. С. 250-291.

Васильев А.А. . Готы в Крыму в 2 ч. Ч1/ Известия РАИМК Т.1. М., 1921. С. 179-282.

Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. н.э. К., 1982. 144 с.

Зубарь В.М. Еще раз о двух «варварских» типах погребальных сооружений некрополя Херсонеса первых веков нашей эры // Готы и Рим. Сборник научных статей. Киев, 2006. С.16-25.

Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981. 144 с.

Леви Е.И. Ольвия // Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984. С. 34-39.

Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В., Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб, 2006. 208 с.

Печенкин Н.М. Раскопки в окрестностях г. Севастополя// ИТУАК Вып. 38. Симферополь, 1905. С. 29-37.

Стржелецкий С.Ф. Паспорта на памятники, находившиеся в ведении Херсонесского музея 1949-1955// Арх. НЗХТ, дело № 1392/XI, 1955

Стржелецкий С.Ф., Высотская, Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз №10»// Stratum plus №4 «Между певкинами и фенами» 2003-2004. С. 27-277.

Шуграя И.Г. Пантикапей// Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984а. С. 59-62.

Шуграя И.Г. Нимфей, Мирмекий, Тиритака, Порфмий, Илурат// Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984б. С. 63-70.

Щукин М.Б. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб, 2005. 576 с.

Kazanski M. Les antiquités germaniques de l'époque romaine tardive en Crimée et dans la région de la mer d'Azov. Ancien West & Est I/2. Brill, Leiden, Boston, 2002. P. 393-441.

БОЙКО А.Л., ДЕДЮЛЬКИН А.В.
(Южный Федеральный Университет, Ростов-на-Дону)

БРОНЗОВАЯ МАТРИЦА С РЕЛЬЕФНЫМ ИЗОБРАЖЕНИЕМ МАРСА ИЗ СОБРАНИЯ НОВОЧЕРКАССКОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Находки античных бронзовых матриц в Северном Причерноморье достаточно редки, каждая из них заслуживает пристального внимания. В коллекции Новочеркасского музея истории донского казачества (НМИДК) хранится бронзовая пластина с изображением Марса[1] (инв. КП 4198).

Фигура выполнена в низком рельефе. Композиция гармоничная и уравновешенная – правой рукой Марс опирается на копье, левой придерживает круглый щит с выраженным ободом (Рис. 1. 1 – 2). На щите есть плохо различимая эписема. На голове божества схематично изображен шлем с гребнем. Нижняя часть шлема образует угловатый изгиб надо лбом. Этот художественный канон прослеживается уже в эллинистическом искусстве, не позднее II в. до н.э. Подобным образом могли изображать как коринфский шлем (шлем Афины на одном из ритонов из Старой Нисы (Массон, Пугаченкова, 1956), так и аттический с козырьком или же некую разновидность беотийского (шлем Салмаса из Адады на надгробии из Сидона (Sekunda, 1995). Борода передана схематично, небольшими углублениями. Торс защищен мускульным панцирем с наплечниками, на плечах и бедрах изображены птериги поддоспешника. Поверх панциря видна портупея меча. Обувь плохо различима. Под ногами фигуры представлена небольшая полоска основания, что характерно для изображений статуй. Сложно сказать, представляет ли схематичное изображение на матрице какое-то конкретное произведение монументального искусства, или же просто повторяет сложившуюся схему. Изображений Марса императорского времени известно огромное количество (например: (Simon, Bauchhenss, 1984), поэтому мы не будем перечислять здесь многочисленные аналогии.

Иконография фигуры вполне стандартна для Марса Мстителя (рис. 1, 3). Именно этой ипостаси Марса был посвящен огромный храм на Форуме Августа в Риме (Таривердиева, 2015).

Матрица могла использоваться ювелиром для изготовления небольших рельефных изображений на мягкой фольге из драгоценных металлов, при создании украшений и вотивных пластин (Костромичев, Трейстер, 2009, с. 419 – 420). Предмет можно широко датировать I – III вв. н.э.

Информации о происхождении пластины пока не удалось обнаружить. Вероятно, предмет поступил в музей до 1903−1906 гг., поскольку представлен на одной из таблиц «Археологического каталога [Донского] музея» (Рис. 1.2). Х.И. Попова (Попов, 1913).

Работа, проведенная в первые годы существования Донского музея (открыт в 1899 г.) его заведующим Х.И. Поповым по описанию коллекций выглядит практически беспрецедентно: на территории Российской империи был лишь один случай создания подобного научного описания в провинциальном музее (Екатеринбург, 1889 г.). Тем не менее, серьезная работа по учету коллекций была проделана к 1906 г., а характер описаний был таков, что даже современные попытки «переписать» их признаны неудачными. К сожалению, были типографски изданы только 224 страницы «Описания археологического отдела Донского музея», включавшего 9 витрин I зала музея (характеристика внешнего вида и условий находки 3059 предметов и 23 листа иллюстраций), а остальные его части на сегодняшний день исследователям неизвестны. Название этого труда, на которое уже десятки лет ссылаются специалисты, является условным, поскольку титульные страницы издания не были напечатаны и сброшюрованы. Процесс его печати растянулся на 7 лет и, вероятно, был завершен только в 1913 г., когда была сброшюрована изданная часть текстового описания археологических коллекций и ряд иллюстраций, одна из которых включала и описываемое изображение.

В конце 1919 г. пластину, в числе других ценных экспонатов и войсковых регалий, вывезли из Донского музея по приказу войскового атамана А.П. Богаевского. В 1946 г. матрица была возвращена из Национального музея Праги в НМИДК[2]. Было бы заманчиво связать матрицу с Танаисом,

[1] *Размеры пластины: высота 5,5 см; ширина 2,7 см; толщина 0,7 см.*

[2] *Опись экспонатов Донского исторического музея, поступивших в Главное Управление МВД СССР из г. Праги в январе 1946 г. С. 23. Архив НМИДК.*

но доказать это предположение пока невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Парфянские ритоны Нисы. Из культурного наследия туркменского народа. Альбом иллюстраций. ЮТАКЭ. М., 1956.

Костромичев Д.А., Трейстер М.Ю. Бронзовая матрица с рельефным изображением Тюхе из раскопок цитадели Херсонеса// Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб, 2009.

Попов Х.И. Археологический каталог [Донского] музея. Новочеркасск-М., 1913.

Таривердиева С.Э. Храм Марса на Форуме Августа: Bis Ultor.// В тени Мнемозины: коммеморативные практики в обществах прошлого. Сборник научных трудов. Нижний Новгород, 2015.

Simon E., Bauchhenss G. Ares, Mars// LIMC, 2, 1984.

Sekunda N. Seleucid and Ptolemaic Reformed Armies 168-145 BC. Vol. 2: The Ptolemaic Army under Ptolemy VI Philometor. Stockport, 1995.

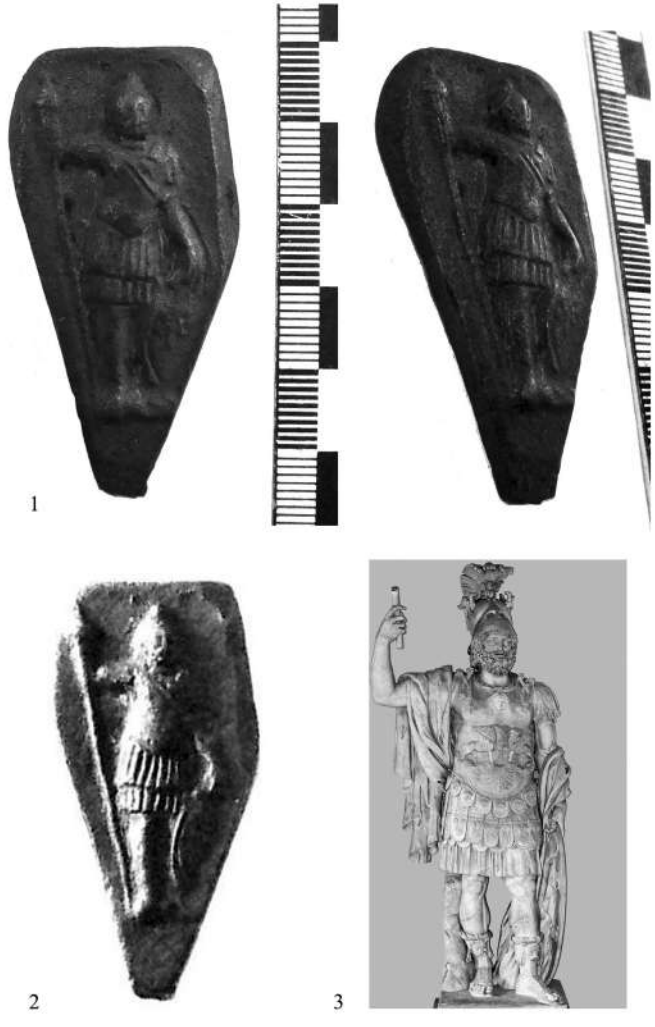


Рис.1.1 – бронзовая матрица из собрания Новочеркасского музея истории донского казачества, (инв. КП 4198). (Фото А.В. Дедюлькина) 2 - фото из «Археологического каталога [Донского] музея» Х. И. Попова. 3 - статуя Марса Мстителя из Капитолийских музеев.

БУТЯГИН А.М.
(Гос. Эрмитаж, С-Петербург)

КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА БОСПОРЕ В V-IV ВВ. ДО Н.Э. НА ПРИМЕРЕ АРИСТОКРАТИЧЕСКИХ КУРГАННЫХ ПОГРЕБЕНИЙ

Памятники археологии Боспорского царства в 5-4 вв. до н.э. дают нам прекрасный пример формирования культуры в контактной зоне, которому по масштабу нет равному в Причерноморье. Среди причин, которые привели к этому, можно указать сложное географическое расположение государства на путях миграций кочевников, разнообразное близкое окружение из местных племён, вероятное негреческое происхождение династии. В результате, Боспор является идеальным полигоном для наблюдения над различными культурными элементами, в отношении их устойчивости или подверженности влияниям.

Наиболее масштабно эта разница ощущается при анализе столь крупных областей боспорской культуры, как культура городского населения (фиксируемая при раскопках городских слоёв и близлежащих грунтовых некрополей) и культура высшей аристократии (фиксируется при исследовании крупных курганных комплексов) (Бутягин 2009). Боспорские города, вне зависимости от их расположения и размера были почти не затронуты инновационными культурными процессами и продолжали оставаться почти неизменными цитаделями греческой культуры вплоть до позднего эллинизма. Местное воздействие проявилось здесь в редких находках лепной керамики и предметов искусства, порой изготавливавшихся в городах для местных заказчиков. Кроме того, может дискутироваться некоторое воздействие на греков системы вооружения окружающих варваров. В остальном, элементы местных культур не удерживались в городах, а попавшие туда представители варварского населения немедленно эллинизировались.

Несколько иная картина представляется при анализе сельских

поселений рассматриваемого времени. Здесь инфильтрация представителей окружающих племён была существенно больше, что ни могло ни сказаться на их материальной культуре. Прекрасные примеры тому дают исследования на ряде памятников Азиатского Боспора, в частности, Артющенко-1 и 2. В данном случае, ситуация на Боспоре аналогично таковой на дальней хоре Ольвии, где, по мере удаления от центра полиса культура поселений варваризовалась настолько, что порой трудно проследить, где заканчивается граница хоры и начинается территория местных племён. Такая ситуация прослеживается на Таманском полуострове почти в неизменном виде на протяжении всего античного периода. Тем не менее, активное культурное взаимодействие «на селе» практически не сказывалось на городских жителях, видимо, потому, что занятые в сельских работах варвары не инфильтрировались в среду городского населения или немедленно подвергались в ней эллинизации.

Наиболее чуткими комплексами, в которых взаимодействие греческой культуры и местных племён Северного Причерноморья проявилось достаточно ярко, являются крупные курганы, большая часть сосредоточена в группе Юз-Оба (включая Павловские и Ак-Бурунские курганы), группе к западу от горы Митрида (включая Куль-Обу и Золотой курганы), а также отдельно стоящие курганы Царский, Баксы, Госпитальный, Большая Близница и другие. Благодаря изданию архивных материалов (Виноградов 2012) и недавним раскопкам появилась возможность масштабно судить о феномене боспорских аристократических погребений, не ограничиваясь только известными памятниками и неравномерно изданным материалом. В этом сообщении мне хотелось бы бегло рассмотреть различные элементы погребальной культуры курганов Боспора в период её наивысшего расцвета, в отношении их консервативности и изменчивости.

Обращаясь к материалам крупных боспорских курганов нельзя не отметить, что некоторые элементы остаются почти неизменными, другие меняются постепенно, демонстрируя синхронные хронологические изменения, а третьи чрезвычайно разнообразны для каждого отдельного памятника.

Наиболее хорошо различия видны если сравнивать курганы 4 – начала 3 вв. до н.э. со «старшими» группами Нимфейских и Семибратних курганов 5 в. до н.э.. В то же время ясно видно, что некоторые элементы остались неизменными на всём протяжении периода. Это, в первую очередь, относится к конструкции гробницы. Несмотря на то, что формы гробниц весьма разнообразны, они демонстрируют нам приверженность к

греческой архитектуре. Уже в 5 в. до н.э. здесь применяется техника строительства из сырцового кирпича с деревянным перекрытием. В 4 в. до н.э. склепы повсеместно строятся из камня, но само привлечение греческих мастеров к их сооружению наблюдается уже с середины прошлого столетия. Заметим, что единственная катакомба, среди курганов Боспора (Острый курган), не смотря на распространённость этого типа погребения для номадов степи, была тщательно выстроена греческими архитекторами. В то же время, сама форма кургана была более понятна местным жителям и весьма характерна для погребальных традиций окружающих кочевых и полукочевых племён.

Кроме того, характерной чертой погребального обряда является то, что мы имеем дело почти исключительно с индивидуальными погребениями. В крайнем случае, для второго погребённого могла быть выделена отдельная камера, как в пятом кургане Юз-Обы.

Важным отличием курганов 5 и 4 – начала 3 вв. до н.э. является наличие конского погребения. Эта яркая деталь степного погребения практически не прослеживается в следующем столетии. Заметим, что узда из сохранившихся погребений всегда местной работы. В 4 в. до н.э. мы практически не знаем не только конских погребений, но и элементов узды, заменяющих захоронение коня. Исключением являются детали конской узды из погребения в кургане Большая Близница, в который мы можем видеть псалии местного типа и фалары греческой работы. Заметим, что элементы узды греческого типа неизвестны в Северном Причерноморье. Судя по всему, покупая приспособленных для местных условий коней, греки полностью заимствовали и местную систему узды, видимо, изготавливая для неё и украшения местных типов.

Также, начиная с середины 5 в. до н.э. вполне оформилось вооружение знатного конника. Его оборонительная часть сформировалась на основе греческого вооружения, включая шлем и поножи. Наступательное вооружение было целиком кочевническим и включало длинный меч, копья, дротики, набор стрел, к которому, по всей видимости, прикладывался лук в горите. На первоначальном этапе, в оборонительном вооружении можно встреть местные варианты доспеха, иногда имитирующего античные образцы (например, поножи из Нимфейских курганов), но к 4 в до н.э. панцирь либо сменяется на греческий, либо его перестают класть в погребение (за исключением сожжения в Ак-Бурунском кургане 1875 г. В данном случае мы можем видеть, что воздействие местных элементов на вооружение Боспорского царства фиксируется на всех уровнях, учитывая

жизненную важность этой сферы. Не смотря на варварские типы вооружения, золотые накладки на ножны и гориты изготавливались античными мастерами, часто используя античные сюжеты, что ещё раз демонстрирует гибкость греческих мастеров которые легко перешли на изготовление парадных изделий варварских типов.

Об одежде и обуви погребённых судить довольно трудно, так как от них иногда сохраняются только редкие элементы. Здесь следует упомянуть кожаные сапоги из захоронения девочки (?) во втором Павловском кургане, которые могут свидетельствовать о том, что погребённых хоронили в одежде характерной для всадника. Впрочем, это может быть и единичным случаем.

Остальные элементы аристократического захоронения вполне сформировались в первой половине 4 в. до н.э. Важнейшей деталью захоронения являлся деревянный импортный саркофаг. Следует отметить, что первоначально они имели некоторые различия в конструкции и декоре (расписной саркофаг из Куль-Обы, саркофаг с инкрустациями из Змеиного кургана), но во второй половине 4 в. до н.э. почти перестали отличаются по виду, в целом сохраняя композицию прекрасно сохранившегося саркофага из гробницы №48 пятого кургана Юз-Обы: двускатная крыша, резной антаблемент, окрашенная в красный цвет горизонтальная доска в центральной части стенок, на которую помещаются разнообразные резные фигуры.

Использование золотых нашивных бляшек, характерное для захоронений степи фиксируется уже с 5 в. до н.э., причём эти элементы изготавливаются греческими мастерами с использованием как местных, так и античных мотивов. Пожалуй, именно на бляшках греки начали осваивать изготовление предметов для местной кочевой аристократии.

Другие элементы погребального инвентаря также вполне уверенно фиксируются в 4 в. до н.э. во многих погребениях. Для мужских погребений характерны золотые венки и, редко, гривны, для женских - серьги, височные подвески, стленгиды, ожерелья, иногда – сложные головные уборы, украшенные золотыми бляшками, накладками и другими элементами. Для погребения обязательны перстни или резные камни на вращающейся дужке. Подавляющее большинство этих высококлассных ювелирных изделий изготавливалась греческими ювелирами. В курганах 5 в до н.э. встречаются простые гривны местной работы, но к 4 в. до н.э. их сменяют эффектные сложные греческие изделия. Таким образом, ювелирные украшения в целом, свидетельствуют о следовании греческой традиции

в одежде.

Среди сопровождающего инвентаря погребений, а также в насыпи курганов часто встречается греческая керамика. Это тарные амфоры (их наличие в насыпи обычно трактуется, как тризна) и высококлассные чернолаковые и краснофигурные вазы аттической работы, среди которых немало настоящих шедевров. Наиболее распространёнными типами являются пелики и леканы.

Отдельно следует указать на то, что, помимо ингумации, кремация была тоже относительно широко распространена. Ю.А. Виноградов фиксирует в некрополи Юз-Оба примерно 7 таких случаев на 30 курганов, что является чрезвычайно высоким показателем, учитывая, что часть из них является основными погребениями крупных насыпей. Нехарактерная для кочевой аристократии традиция сожжения в 4 в. до н.э. занимает прочное место как для основных, так и для впускных боспорских аристократических погребений.

Не смотря на то, что ко второй половине синкретический обряд погребения уже вполне устоялся, на фоне общей схемы хорошо выделяются погребения, содержащие неожиданные элементы или, напротив не содержащие привычных. Наиболее ярким примером является курган Куль-Оба. Он, в отличие от других курганов, содержит 3 погребения в основной камере, ни одного краснофигурного сосуда, а сами сосуды из драгоценных металлов часто лишены плоского основания и поддонов. Кроме того, наличествуют совершенно нехарактерные бронзовые котлы. Значительные отличия демонстрирует и сожжение в Ак-Бурунском кургане 1875 г., где найден весьма развитый набор вооружения, части пластинчатого доспеха (?), золотые ворварки (в т.ч. «тиара») и панафинейская амфора. Если многие детали куль-обского погребения можно связать со скифской культурой, то целый ряд деталей ак-бурунского погребения указывает на Прикубанье. Гибкость аристократической культуры позволяла недавно влившимся в него представителям местной аристократии сохранять ряд самобытных черт в погребении, которые могут указывать на их происхождение.

Из приведённых примеров видно, что различные элементы боспорской культуры 5-4 вв. по разному реагировали на культурное взаимодействие в рамках контактной зоны. Части из них осталась неизменной, часть подверглась быстрой трансформации и стабилизировалась, а часть продолжала изменяться, реагируя на различные факторы. В целом, однако, можно констатировать, что к середине 4 в. до н.э культуру Боспорского царства можно рассматривать как особое цельное явление.

ЛИТЕРАТУРА

Бутягин 2009 - Бутягин А. М. К проблеме формирования искусства античного Боспора IV–III в. до н.э.: искусство города и искусство кургана // Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб, с.111-113

Виноградов 2012 – Виноградов Ю.А. История изучения некрополя Юз-Оба // Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Том I, Симферополь-Керчь, 11-222

Butyagin 2010 – Butyagin A. Barrows of the Bosporan Kingdom during the 4 th century BC as a Greek-barbarian Phenomenon // Bollettino di Archeologia on line I 2010. Volume speciale C/C6/3, p.10-15

ВАХОНЕЕВ В.В.
(ЧЦПИ, Феодосия)

ФОТОГРАММЕТРИЯ В ПОДВОДНОЙ АРХЕОЛОГИИ

История археологической науки непрерывно связана с развитием её методических основ, идущих по пути постоянного увеличения получаемой при исследовании археологического объекта информации. Усовершенствование методической базы в прошлом неоднократно приводило к увеличению точности и детальности фиксации. Пройдя пусть от графической зарисовки и письменного описания объекта, археология вобрала новые способы документирования, такие как фотография, новые геодезические приборы. Массовое использование в современности компьютерных технологий и электронных тахеометров вывело археологическую фиксацию на совершенно иной уровень развития.

Общеизвестно, что в современном мире главной ценностью является информация. Любой, даже самый изысканный предмет из прошлого, без информации о нём, месте и условиях его находки и археологического контекста многократно утрачивает свою значимость и ценность. В этом смысле уровень документирования при археологических исследованиях должен быть максимально высоким и информативным.

На данном этапе археологическое изучение памятника возможно с применением широкого спектра различного технического оснащения, позволяющего проводить документирование как в двухмерном, так и трехмерном режиме. С применением нового программного обеспечения и устройств стало возможным создание высокоточных реалистичных трехмерных моделей археологических объектов. При этом на земле стали активно использоваться две альтернативные технологии – трехмерное сканирование и наземная фотограмметрия [Drap, 2012].

История развития методов фиксации в подводной археологии также прошла свой путь развития. Безусловно, последнее десятилетие, как и в примере с наземными исследованиями, отразилось и тут появлением

широкого спектра технических возможностей. Они включают в себя появление нового программного обеспечения, как, к примеру, специализированная программа для картографирования и учёта подводных объектов Site Recorder 4, разработанная компанией 3H Consulting Ltd. Новые технические возможности представлены, в первую очередь, современной поисковой аппаратурой: многолучевые эхолоты, гидролокаторы, магнитомеры и профилографы.

При этом самым доступным сегодня методом является подводная фотограмметрия [Сингатулин, 2013]. Специальный алгоритм сьёмки и последующая компьютерная обработка позволяют создавать трехмерные модели на основе серии двухмерных снимков, выполненных цифровой фотокамерой в подводном боксе. При этом технология съёмки весьма проста: она проводится под разными углами с перекрытием на 2/3 предыдущего кадра. Специальная программа затем сопоставляет полученные фотографии, рассчитывает общие точки, расстояния и углы между ними, после чего с помощью математических алгоритмов создаётся трехмерная поверхность с наложенной текстурой. При размещении опорных точек возможно размещение масштаба [Зайцева, 2014, с. 13 – 14].

Зарубежные исследователи достаточно давно применяют фотограмметрию для фиксации затонувших археологических объектов. Среди археологов России набрало популярность программное обеспечение Agisoft PhotoScan. При этом используются и бесплатные программы, такие как Autodesk 123D Catch. Успехи использования программного обеспечения AgisoftPhotoScan для изучения кораблекрушений под водой привели к подготовке и последующей защите в Техасском университете профильной диссертации [Yamafune, 2016].

Отечественный опыт в использовании фотограмметрии в подводных исследованиях в последнее время также значительно увеличился. Одним из пионеров данного направления стала Фанагорийская археологическая экспедиция ИА РАН, которая с 2011 г. начала широкое внедрение фотограмметрической обработки в сочетании с высокоточными лазерными измерениями в ходе археологических работ и их документирования. В 2012 и 2014 гг. подводный отряд экспедиции проводил исследования остатков кораблекрушения I в. до н.э. В целом, авторы исследований указали на высокую эффективность применения фотограмметрии для документирования подводных исследований. При этом, программное обеспечение Agisoft PhotoScan доказало способность создавать высококачественные и точные трехмерные модели раскопок под водой даже в

неблагоприятных условиях (низкая прозрачность воды и отсутствие света) [Ольховский, Жуковский, 2013; Zhukovsky, Kuznetsov, Olkhovsky, 2013].

В 2017 г. метод фотограмметрии для фиксации подводных объектов стали применять при исследованиях античного городища Акра в юго-восточной части Керченского пролива. В ходе подводных работ были получены трехмерные модели раскопа «Шурф №1/2012» с фрагментом оборонительной стены городища, кладок стен строительных комплексов №№ 2 – 5 на площади более 60 м кв. Фотограмметрическое документирование проводилось и на прибрежном раскопе.

Документирование подводных объектов на Акре с первого года исследований стало одним из самых проблемных вопросов. Когда в 2011 г. к работам на памятнике приступила совместная экспедиция Государственного Эрмитажа и Черноморского центра подводных исследований, одной из основных задач на первые полевые сезоны стояло выявление строительных остатков, излучавшихся в 1980 – 1990-е гг. Однако уровень фиксации тех лет зачастую не позволял точно локализовать большинство объектов.

С теми же проблемами столкнулась и современная экспедиция. Несмотря на наличие тахеометра и достаточно точную привязку к береговым реперам, подводное документирование проводилось во всех случаях черчением на пластиковых планшетах. При этом на обследуемом участке выставлялась размеченная металлическая рама из квадратов 1х1 м. Безусловно, что в ходе такой зарисовки на малой глубине с учётом течения, волнения моря, плохой прозрачности воды регулярно возникали проблемы с реальным отображением объектов на двухмерном плане и их максимально точной привязкой.

В ходе работ последнего сезона ручное черчение и фотограмметрия проводились параллельно. Конечный результат при тщательной сверке однозначно был в пользу метода компьютерной обработки. В первую очередь фотограмметрия позволила достаточно быстро визуально отобразить весь объект, независимо от его размеров в пространстве. При создании общей фотографии условия видимости, которая на Акре колеблется от 0,5 до 2 м, зачастую не позволяют отобразить весь объект в одном кадре. Так же и работающий под водой исследователь не всегда сразу при фиксации объекта полностью понимает его форму и расположение. В данной ситуации фотографирование и видеодокументирование объекта с небольшого расстояния с последующим построением модели показало перспективность данного направления. Тем более, современные технические средства позволяют проводить компьютерную обработку и построение моделей непосредственно в ходе полевых исследований. А заранее проставленные маркера на фиксируемом объекте позволяют тахеометру привязать его к известным реперам и отобразить на общем плане. Данная трехмерная модель также эффективно переводится впоследствии в двухмерный чертеж, как на плане, так и при фиксации разрезов, фасов стен и т.д.

Помимо фиксации прибрежных археологических объектов, фотограмметрия эффективно зарекомендовала себя и при фиксации достаточно крупных объектов, таких как кораблекрушения периода Новой и Новейшей истории.

К примеру, построение трехмерных изображений методом фотограмметрии используется отечественными исследователями на Балтике. В последние годы экспедицией Центра подводных исследований РГО проводится систематическое изучение затонувшего в 1724 г. у южного входа в пролив Бьёрке-Зунда германского (любекского) торгового судна «Архангел Рафаил». В ходе работ на поверхность были подняты прекрасно сохранившиеся предметы, включая даже предметы одежды. Носовая часть судна после удаления донных отложений была зафиксирована методом фотограмметрии [Лукошков 2017, с.74, 77].

Кроме того, в 2017 г. на Балтике проведено несколько экспедиций на объекты, затонувшие в период Великой Отечественной войны. В результате обследования подводных лодок Щ-320 и Щ-408 методом фотограмметрии были созданы их трехмерные модели.

Таким же методом составлена модель затонувшего в 1888 г. парохода «Веста», героя русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. В ходе подводных работ 2016 г. была проведена видеосъёмка кораблекрушения. Впоследствии видеозапись была разбита на серии стоп-кадров, обработанных в программе Agisoft Photoscan. Полученная модель оказалась достаточно информативной и детальной для последующей идентификации отдельных элементов затонувшего судна.

В целом, за достаточно небольшой период времени фиксация объектов методом фотограмметрии заняла достойное место в арсенале подводных археологов. Простота в использовании, отсутствие необходимости приобретения дорогостоящих технических устройств сделали её весьма доступной для любой экспедиции. Возможность сохранения полученных 3D материалов в формате PDF также позволяет сегодня воспроизводить модели любому исследователю, независимо от технических

навыков. В связи с этим, безусловно, современная методика подводных археологических исследований обязана включить фотограмметрию в перечень необходимых методов археологического документирования подводныхобъектов.

ЛИТЕРАТУРА

Зайцева О. «3D революция» в археологической фиксации в российской перспективе // Сибирские исторические исследования. 2014. № 4. С. 10-20.

Лукошков А.В. Реестр кораблей и других объектов подводного историко-культурного наследия Российской Федерации. Т. 1: Финский залив. Кн. 1: Корабли и суда XVIII века (Ч.1). СПб., 2017. 208 с.

Ольховский С.В., Жуковский М.О. Применение фотограмметрии в подводных археологических исследованиях Фанагории // Новые материалы и методы археологического исследования: Материалы II Международной конференции молодых ученых. М, 2013. С. 194 – 195.

Сингатулин Р.А. Фотограмметрические технологии в археологии (краткий исторический очерк) // Исторические. Философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (29). Ч. 1. С. 148 – 152.

Yamafune K. Using Computer Vision Photogrammetry (AgisoftPhotoscan) to Record and Analyze Underwater Shipwreck Sites. PhD Dissertation. Texas A&M University, 2016. 183 p.

Drap P. Underwater Photogrammetry in Archaeology // Special Applications of Photogrammetry Edited by Daniel Carneiro da Silva. 2012. P. 111 – 136.

Zhukovsky M.O., Kuznetsov V.D., Olkhovsky S.V. Photogrammetric techniques for 3-D Underwater Record of the Antique Time Ship From Phanagoria // International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences, Volume XL-5/W2, 2013. Pp. 717 – 721.

ВАХТИНА М.Ю.[1]

КОМПЛЕКС КУРГАНА КАРАГОДЕУАШХ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ БОСПОРА В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ IV В. ДО Н.Э.[2]

Обычно IV в. до н.э. считают периодом расцвета Боспорского государства, сопровождавшегося относительной стабилизацией его варварской периферии. Общеизвестно, что в это время элита племен Азиатского Боспора, тесно связанная с античными центрами региона, воспринимала многие черты греческой культуры. Вероятно, поэтому об основных векторах культурных контактов Боспора этой эпохи часто можно судить и на основании находок, обнаруженных в памятниках варварской аристократии. Они отразились и в материалах знаменитого кургана Карагодеуашх, исследованного в 1888 г. Е.Д. Фелицыным в Прикубанье (современный г. Крымск, Краснодарский край) (Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1984). Обнаруженная под насыпью кургана гробница, содержавшая «богатые» мужское и женское захоронения, относится к замечательным памятникам туземного населения Северного Причерноморья. Обычно ее интерпретируют как погребение представителей синдо-меотской аристократии. Вещевой комплекс Карагодеуашха датируется в пределах 340-315 гг. до н.э.; курган принадлежит к той же хронологической группе, что и Чертомлык (центральное погребение), Куль-Оба, Огуз, Мелитопольский курган, Козел и некоторые другие элитные курганы региона (Алексеев 2003, с. 277).

На момент раскопок высота кургана достигала 10. 5 м, диаметр ос-

[1] *Отдел истории античной культуры, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории материальной культуры Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.*

[2] *Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по теме государственной работы: № 0184-2018-0007 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».*

нования его насыпи – 204. 5 м. Под насыпью была обнаружена каменная гробница, состоящая из трех погребальных камер, расположенных по линии запад-восток, и «галереи» (рис. 1). Гробница помещалась в западной части насыпи, длина ее составляла около 62 м. Полы всех помещений располагались на одном уровне, что позволило предположить, что гробница была возведена единовременно. Вход находился с западной стороны, все помещения были соединены проходами. Стены гробницы были оштукатурены и раскрашены: сохранились упоминания об остатках росписи и кусках цветной штукатурки, которые были найдены во внутренних помещениях (Лаппо-Данилевский, Мальмберг, 1894, с. 7-8).

Вещевые комплексы погребений гробницы, с одной стороны, отражают высокую степень эллинизации, с другой – демонстрируют яркие варварские черты. Эти материалы является очень важными для изучения культурных связей и контактов Боспора и его эллинизированной варварской периферии в последней трети IV в. до н.э.

Один из найденных в женском захоронении скарабеоидов, служивших вставками для перстней, украшен изображением льва, стоящего на задних лапах (Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894, табл. IV, 6). Характер изображения позволяет отнести эту вещь к группе гемм так называемого греко-персидского стиля, для которой характерно художественное влияние восточного (прежде всего, персидского и ассирийского) искусства. Манера передачи фигуры животного сходна с изображениями в «классическом дворцовом стиле»; находки перстней, украшенных в этом стиле, происходят, в основном, из Малой Азии, хотя известны они и в Греции (Boardman 1970, p. 305-307). Несколько экземпляров происходит из Северного Причерноморья. Изображения львов, сходные с изображением на стеклянной вставке из Карагодеуашха, можно видеть на перстне-печати из халцедона, обнаруженном в склепе III кургана Большая Близница на Тамани (Неверов 2010, с. 270, рис. 12), вставке перстня из гробницы 4 некрополя Нимфея (Boardman 1970, cat. 838), и на печати (случайная находка), происходящей из северопричерноморского региона (Ibid. cat. 823). Вероятно, эту находку можно рассматривать в контексте представлений о достаточно интенсивных связях Персидского государства со своими северными соседями, в частности, с Боспорским государством (Трейстер 2011, с. 117-119; Виноградов 2017, с. 150-151).

В комплексе Карагодеуашха отчетливо отражен и другой, «западный» вектор контактов. М.Ю. Трейстер в свое время обратил внимание на ряд вещей, отражающих связи с фрако-македонским миром (Трейстер

2002, с. 182-184). К таким предметам исследователь отнес серебряные и бронзовые сосуды и их фрагменты, обнаруженные в мужской и женской погребальных камерах, а также золотые пластинчатые браслеты и подвески «типа Кимы» из женского захоронения (2002, с. 180-183). Из женского погребения происходит круглая бляшка-омфалос (рис. 2, 1) с изображением женской головки (Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894, табл. III, 12), в древности украшавшая внутреннюю часть серебряной чаши. Ближайшая аналогия этому изображению – головка менады на медальоне чаши, найденной во Фракии (Marazov et al. 2005, p. 56-57, cat. 45); подобные изображения были широко распространены во второй половине IV в. до н.э. на серебряных сосудах из Фракии и Македонии (Трейстер 2002, с.182-183; Zimi 2011, cat. 68, 74, 88).

Конечно, самая выразительная находка из кургана Карагодеуашх, свидетельствующая о контактах между Северной Грецией и Боспором во второй половине IV в. до н.э. - фрагментированная обкладка горита из мужского погребения кургана (Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894, табл. IX; Jacobson 1995, p. 228-230) (рис. 2, 2). Она была изготовлена в тех же матрицах, что и золотая обкладка горита, найденная в Вергине, в гробнице, предположительно принадлежавшей Филиппу II (Andronicos 1984, p. 180-186, fig. 146-149). Традиционно полагают, что такие обкладки производили в мастерских Боспора. М. Андроникос считает, что обкладка горита из Вергины была изготовлена на Боспоре и могла попасть в Македонию как военный трофей после поражения, нанесенного в 339 г. до н.э. в Добрудже войском Филиппа II армии скифского царя Атея (1984, p. 186). М.Ю. Трейстер, напротив, предположил, что обкладка горита, найденная в Карагодеуашхе, могла быть изготовлена в македонской мастерской и, «будучи частью дара, включающего металлические сосуды и ювелирные изделия, попала к одному из царей племен, проживавших на границах Боспора, предположительно, царю племени фатеев» (2002, с. 184). Добавим, что, на наш взгляд, вполне возможен и иной вариант развития событий: обкладка парадного горита, обнаруженная в гробнице в Вергине, могла попасть в Македонию и как дипломатический дар правителей Боспорского государства. Упомянутые же выше металлические сосуды и украшения, обнаруженные в Карагодеуашхе, отражающие «фрако-македонский» вектор контактов Боспора, были доставлены в Причерноморье «независимо» от нее. А.Ю. Алексеев обратил внимание на связь горитов, украшенных «эпизодами взятия Трои» (к этой серии принадлежит и обкладка горита из Карагодеуашха) с территориями, которые были «тесней-

шим образом связаны с эллинским миром», и являлись «зонами с высокой концентрацией городских центров» (Алексеев 2003, с. 246).

Планировка гробницы, состоящей из четырех сообщающихся помещений, заслуживает особого внимания. Она не находит никаких параллелей в туземном мире Северного Причерноморья позднеклассического и эллинистического времени. Для аристократических усыпальниц Боспора IV в. до н.э. такое устройство также в целом не характерно, хотя отдельные случаи погребальных сооружений, где как бы «намечены» дополнительные помещения, здесь зафиксированы (Виноградов 2017, с. 157). Ближайшие параллели гробнице Карагодеуашха можно найти в более западных регионах, прежде всего, на территории древней Фракии. Тип подкурганной гробницы, имевшей сложную планировку, был распространен здесь во второй половине IV-III вв. до н.э. (Rousseva 2000, p. 45-51). Согласно типологии болгарской исследовательницы Ю. Валевой, разработанной для погребальных сооружений фракийской аристократии, гробницу Карагодеуашха, состоящую из соединенных между собой помещений, можно отнести к анфиладному типу; она близка анфиладным гробницам, имевшим прямоугольную форму помещений (тип IABBD-E) (Вълева 2013, с. 39). В качестве наиболее близких параллелей гробнице в кургане Карагодеуашх можно привести, например, гробницы в курганах Маглиж (Вълева 2013, рис. 19), Попова Могила, Большая Косматка (Китов 2005, с. 39, рис. 47; с. 69, рис. 101) на территории современной Болгарии. В IV – начале III вв. до н.э. стены таких гробниц часто расписывались, как, например, стены гробниц в Калояново и Маглиже (Вълева 1999, с. 70-71). Полагают, что эта черта, как и другие особенности конструкции, планировки, технические приемы, используемые при возведении, сближают гробницы фракийской элиты с аристократическими погребениями Греции (Вълева 1999, с. 71-72; Кисьов 2005, с. 112). Известно, что стены гробницы в Карагодеуашхе были оштукатурены и имели роспись (Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894, с. 9), что также находит параллели в погребальных памятниках Фракии и Северной Греции.

Это важнейшее, «фрако-македонское», направление культурных связей Боспора последней трети IV в. до н.э. нашло отражение и в памятниках элиты этого уникального государственного образования. Как мы пытались показать, эти связи в ряде случаев можно проследить и в материалах комплексов эллинизированной варварской аристократии ближней периферии государства.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб, 2003.

Вахтина М.Ю. О некоторых греческих элементах женского погребения в кургане Карагодеуашх // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб, 1999. С. 204-208.

Вълева, Ю. Типология на Тракеиските монументални градени гробници (V-III в. пр. н.е.). София, 2013.

Виноградов Ю.А. Культура боспорской элиты при Спартокидах. Элита Боспора Киммерийского: Традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени. БИ, 2017, т. 34. С. 112-223.

Кисьов К. 2005. Тракия и Гърция в древностата. Ч. 1. Могильни гробници от класическата епоха в община Калояново. Пловдив, 2005.

Китов Г. Долината на тракийските владетели. Варна, 2005.

Лаппо-Данилевский А.С., Мальмберг В.К. Древности Южной России. Курган Карагодеуашх // МАР, вып. 13. СПб. 1894.

Неверов О.Я. Глиптика // Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. III. С. 265-274.

Трейстер М. Ю. 2002. Металлические сосуды из Зеленского кургана и некоторые находки из Карагодеуашха (к вопросу о контактах Северной Греции и Боспора во второй половине IVв. до н.э. // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции Ч. 2. СПб, 2002. С. 180-186.

Трейстер М.Ю. Ахеменидские «импорты» на Боспоре Киммерийском. Анализ и интерпретация // Боспорский феноман: население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. СПб, 2011. С. 113-121.

Andronicos M. 1984. Vergina. The Royal Tombs and the Ancient City. Athens, 1984.

Boardman J. Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical. London, 1970.

Jacobson E. 1995. The Art of the Scythians. Leiden, New-York, Köln, 1995.

Marazov I., Kabakchieva G., Lazov G., Shalganova T. Vassil Bojkov Collection. Sofia, 2005.

Rousseva M. Thracian Cult Architecture in Bulgaria. Jambol, 2000.

Valeva Ju. Les decors Thraces et le style a zones (IVe – IIIe siecle AV.

J.C.) // Проблеми на искуството, 1999, n.4. P. 69-75.
Zimi E. Late Classical and Hellenistic Silver Plate from Macedonia. Oxford, 2011.

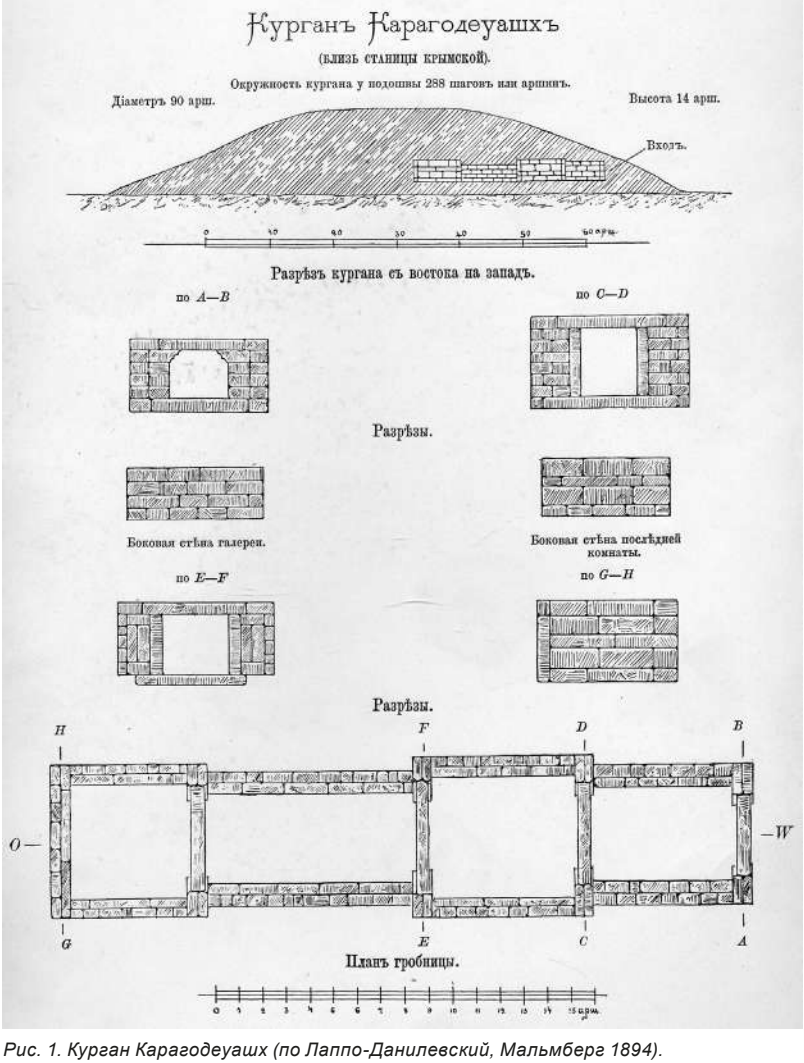


Рис. 1. Курган Карагодеуашх (по Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894).

Рис. 2. Находки из погребений в гробнице кургана (с негатива НА ИИМК РАН № III 12927). 1 – серебряный медальон чаши из женского погребения; 2 – фрагмент золотой обкладки горита из мужского погребения.

ВДОВИЧЕНКО И.И.
(Музей истории города Симферополя)

ИОНИЙСКОЕ БЛЮДО ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ ТАВРИДЫ

Ранняя расписная керамика Пантикапея изучена недостаточно. На территории города такие находки встречаются нечасто, к тому же материалы рассредоточены и хранятся в коллекциях разных музеев. Для того, чтобы составить общее представление об этих материалах, необходимо собрать все сведения о таких находках, собранных за время исследования памятника.

Большой интерес представляет коллекция ранней керамики из Пантикапея, хранящаяся в Центральном музее Тавриды. Она формировалась из передававшихся Императорской археологической комиссией археологических находок в Таврической губернии, пожертвований ученых и коллекционеров, из частных коллекций, национализированных в послереволюционные годы. В коллекции около 20 целых и фрагментированных чернофигурных сосудов аттического и коринфского производства, которые датируются концом VII-VI вв. до н.э. [1,с.69-78]. Среди них – не публиковавшееся ранее фрагментированное блюдо (КП-2879, А-780), изготовленное в одной из мастерских Северной Ионии. Изучение находок продукции мастерских Северной Ионии в Северном Причерноморье в последнее время проводится особенно настойчиво. К сожалению, работа по идентификации продукции отдельных ремесленных центров этого региона не завершена [2, p.627-724]. Среди стандартных и узнаваемых изделий больших керамических центров, встречаются находки, которые стоят особняком, технические характеристики глины и лака, стилистические особенности рисунка не имеют четких аналогий. Возникли даже предположения об изготовлении подражаний ионийской керамике местными гончарами не только на греческих [3,с.140-144], но и на варварских памятниках [4,p.341].

Блюдо, судя по сохранившимся в музейной документации сведениям, поступило в Музей древностей Таврической ученой архивной комиссии из Керчи. Сохранилось 16 его обломков, некоторые соединяются, часть подклеена. Форма блюда восстанавливается полностью. Широкий край бортика отогнут наружу, он округлый снаружи и вогнут снизу, переход к стенке выделен уступом. Поддон широкий, на низком кольцевом поддоне, профилирован снаружи и изнутри желобками (рис.1). Диаметр блюда – 34 см. Глина светло-бежевая с мелкими включениями блесток слюды. Поверхность покрыта беловато-желтым ангобом, лак черный, местами коричневатый, тусклый, отшелушивается. Используется как контурный рисунок лаком поверх ангоба, так и гравировка.

Форма сосуда близка пропорциям чернолаковых аттических блюд последней трети 6 в. до н.э. [5,cat.1003,1004]. Декор состоит из 2 фризов в виде поясов размещенных на поверхности сосуда, центральная часть дна представляет собой круг с вписанным в него изображением птицы. Внешняя часть сосуда, отогнутый бортик, декорирован правосторонним меандром. На границе между ним и внутренним фризом – точечный орнамент. Общая схема декора симферопольского блюда близка тарелкам из Эрмитажа [6,№59,60]: бортики их также декорированы меандром, затем расположен фриз с изображением растительного орнамента или шествия мифологических животных, на донышке - изображение в медальоне. Похоже и оформление края бортика – в виде жирных точек лака. На этих сосудах под бортиком и в центре дна – желобки, покрытые лаком.

Внутренний фриз блюда из Симферополя украшают симметричная повторяющаяся композиция с изображениями мифологических существ и и птиц, выполненных контуром по ангобу, с использованием гравировки. Точных аналогий композиции, изображенной на сосуде из Симферополя нам найти не удалось, однако изображенные на блюде мифологические животные часто встречаются на росписях сосудов этого времени. В центре блюда на донышке, окруженном желобком сохранилась нижняя часть контурного изображения длинноногой голенастой птицы с пышным хвостом – возможно петуха. Такие изображения часто встречаются на вазах этого времени, например на хиосской чаше из Токры (Токра,785), датируемой около 540 г. до н.э. [7,№322]. Во фризе расположенном под венчиком блюда – голова грифона или, может быть, птицы-грифона (griffin-bird) вправо. Гораздо более тщательное и совершенное воплощение этого образа – на коринфской пиксиде из университетского музея в Филадельфии MS 5482 [8, pl.42,1-4], датирующейся 590-570 гг.до н.э. Однако стилисти-

чески ей близко изображение волка фрагмент на тарелке производства мастеров Северной Ионии из Эрмитажа Б80.24, датирующейся первой половиной 6 в.до н.э.[6, №59]. Здесь таким же образом изображен глаз в виде кружка, небрежно прочерченного резцом, контурно нанесены очертания головы. Перед грифоном – изображение гуся или лебедя стоящего на коротких ножках, туловище массивное, голова небольшая наклонена вниз. Изображение выполнено в чернофигурной технике, с прочерченными резцом линиями крыла, туловища, головы. Лаковое покрытие пострадало, отшелушивается, поэтому детали не определяются. Птица похожа на изображение на коринфском арибалле инв.VFβ271 из Франкфурта на Майне [9,taf.22,1], датирующегося началом 6 в. до н.э. Похожа форма массивного каплевидного тулова, небольшая, наклоненная вниз голова. Такие же врезные линии нанесенные под тупым углом мы видим на крыле лебедя, изображенном на коринфском арибалле №86-AE44 из музея Гетти, датирующемся 595-570гг.до н.э. [10, pl.247.7-8]. Перед изображением лебедя – хвост и часть тулова сирены. Лаковое покрытие почти полностью отшелушилось, контуры изображения прослеживаются по врезным линиям, которые очерчивают хвост и заднюю часть туловища сирены – приподнятые крылья с закругленными окончаниями перьев, хвост с двумя перехватами в виде сдвоенных полосок и пышным венчиком из рулевых перьев.

На другом фрагменте сохранилось выразительное изображение сфинкса, движущегося вправо. Крылья приподняты. Контур крыла и очертания закругленных к краю перьев очерчены врезными линиями Локоны на голове сфинкса уложены параллельными горизонтальными прядями – такую прическу мы видим на изображении сфинкса на тарелке №451 из музея античного искусства Мюнхена [11, taf. 277,1], датирующейся второй половиной 6 в. до н.э. Глаз с дуговидной бровью изображены в фас, прочерчены резцом. Между фигурами мифологических животных – крупные пятна лака, заполняющие изобразительное поле сосуда, схематически изображающих розетки. Ближе всего изображениям, сфинкса и сирены - роспись ионийского кратера Б 51 из Эрмитажа, происходящего из Березани [6,№36],на котором мифологические персонажи шествуют друг за другом. Кратер датируют первой половиной 6 в. до н.э.

Таким образом, роспись блюда из Центрального музея Тавриды типична для переходного от ориентализирующего к чернофигурному стилю. Эта и композиция – шествие мифологических существ и животных, и техника росписи – наряду с контурным рисунком применяется гравировка

резцом. Желтоватая глина с включениями блесток слюды, светлый ангоб, коричневый матовый лак характерны для сосудов, вышедших из мастерских Северной Ионии.

Круг аналогий и форма сосуда позволяет отнести его ко второй половине 6 в. до н.э. э. Размеры сосуда, сложная композиционная схема росписи выделяет его из ряда характерной для Пантикапея продукции северо-ионийских мастерских [12,с.132-166], обогащает наши представления о характере импорта из Ионии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вдовиченко И.И. Античные расписные вазы из крымских музеев. –Симферополь, 2003а.– 128 с.

2. Greek and Cypriot pottery. A review of Scientific Studies. R.E. Jones with contribution by J.Boardman, H.W. Catling, C.B. Mee, W.W. Phelps and A.M. Pollard/The British School at Athens, Fitch Laboratory occasional papers I, 1986, Athens – 938 p

3.Соколова О.Ю. О керамическом производстве в Нимфее // Материалы II Боспорских чтений «Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья».– Керчь, 2002.– С.140–144.

4. Tsetskhladze G. Pots versus people: further consideration of the earliest examples of East Greek pottery in native settlements of the Northern Pontus//Colloquia antiqua from the pillars of Hercules to the footsteps of the argonauts edited by Antoine Hermary and Gocha R. Tsetskhladze.Leuven-Paris – Walpole, 2012. P. 315-374

5. Sparkes B. A., Talcott Z. Black and plain pottery of 6–th, 5–th, 4– th centuries B. C. // The Athenian Agora. – Princeton (N. J.), 1970. –Vol.XII.– 472 p., 23 fig.,100 pls.

6. Борисфен–Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. К 120–летию археологических раскопок на острове Березань.– СПб., 2005.–151с.

7. Boardman J. Early Greek Vase Painting. – N.Y., 1998.– 287 p.

8. CVA USA, 29, The University Museum, II

9. CVA Germany, 25, Frankfurt am Main,I

10. CVA USA,30,Getty Museum, Malibu,5

11.CVA DEUSCHLAND,28, Munchen,6

12. Сидорова Н.А.. Керамика архаического периода из раскопок

Пантикапея. 1965–1985 (кроме аттической чернофигурной) // Археология и искусство Боспора. Сообщения ГМИИ им. Пушкина. – М., 1992.– Вып.10.– С.131–171

Рис.1. Ионийское блюдо.

ВИНОГРАДОВ Ю.А.
(ИИМК РАН, С-Петербург)

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В АРИСТОКРАТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ БОСПОРА ДОРИМСКОЙ ЭПОХИ[1]

В последние годы интерес к изучению элиты, её роли в экономическом, политическом и культурном развитии различных обществ на различных хронологических срезах заметно усилился. В полной мере это относится к древности, в том числе и классической. Культура элиты Боспорского государства даёт великолепный материал для исследования. Этот материал, как известно, в значительной мере связан с погребальными памятниками – знаменитыми курганами Боспора Киммерийского.

Изучение культуры боспорской аристократии традиционно сводится к выявлению греческих и негреческих (варварских) элементов, которые можно выделить в погребальном обряде и сопровождающем инвентаре курганных памятников. На этом пути достигнуты немалые успехи, но новое время требует более углубленного анализа всех имеющихся материалов. Культура элиты любого общества является очень сложным и многогранным феноменом. Правящий слой состоит из различных группировок, отношения между которыми часто отличаются крайней враждебностью. Вместе с тем все они составляют чётко определённое культурное и социально-психологическое единство. «Чужаки», конечно, могли проникать в этот слой, но далеко не все и совсем не всегда. Если в среду греческой в своей основе боспорской элиты включались выходцы из среды аристократии варварских племён (и только из неё!), то для этого должны были иметься особые причины.

[1] *Публикация подготовлена в рамках программы фундаментальных научных исследований Российской Академии Наук по теме государственной работы № 0184-2018-0007 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».*

Современное состояние источниковой базы позволяет считать, что греки-колонисты не принесли на берега Боспора Киммерийского какого-либо типа монументальной гробницы, которая могла бы символизировать особое положение колониальной аристократии (Вахтина, 2017. С. 30–34; Виноградов, 2017а. С. 69–70). Такие гробницы появляются лишь приблизительно к середине V в. до н.э.: Нимфейские курганы, Ак-Бурунская гробница (1864 г.) и др. Их чаще всего считают погребениями варварской знати, и эта точка зрения имеет свой резон. Если придерживаться альтернативной точки зрения по вопросу об этнической принадлежности этих погребений, то приходится признать, что «образцом» для такого нововведения в немалой степени стали могилы вождей варварских племён Северного Причерноморья. В материалах ранних боспорских элитарных гробниц имеется ещё одна любопытная особенность – появляются немногочисленных предметы, несущие ахеменидскую символику (см.: Силантьева, 1959. С. 56, рис. 24, 2).

Новый этап в развитии элитарной культуры Боспора наступил с созданием государства Спарокидов, скорее всего, ведущих своё происхождение из Фракии. С рубежа V–IV вв. до н.э. на Боспоре получают распространение монументальные каменные склепы с уступчатым перекрытием. Их генетическая связь с фракийскими прототипами в высшей степени вероятна. Курганы боспорской аристократии IV в. до н.э. являются удивительным культурным феноменом. Происходящие из них материалы позволяют без труда понять, что главные векторы политических, экономических и культурных связей вели в это время, с одной стороны, в Аттику, а с другой – в Скифию. Наряду с этим имеются основания считать, что, по крайней мере, часть боспорской аристократии с большой симпатией относилась к Персии. Об этом позволяют судить некоторые предметы из кургана, раскопанного у села Баксы, возможно, принадлежащего Сатиру I (Виноградов 2014б; 2017в. С. 148–153; Трейстер 2013), а также довольно многочисленные на Боспоре находки ахеменидских цилиндрических печатей (Трейстер 2011. С. 119; 2013. С. 356; Treister, 2010. P. 251–256; Виноградов, 2017б. С. 9).

Ахеменидские влияния, как не трудно понять, исчезли после падения Персидской державы под ударами войск Александра Великого. Начало эпохи эллинизма на Боспоре было ознаменовано чрезвычайно показательными новыми веяниями в культуре элиты. В последней трети IV в. до н.э., как показал Х.С. Робертс, так называемая греко-скифская торевтика Северного Причерноморья демонстрирует много общего с художественной традицией Македонии (Roberts 2009). Есть основания считать, что мастера-торевты из Македонии трудились на Боспоре.

Важнейшим событием в истории Северного Причерноморья стало падение Великой Скифии, которая, как считается, не пережила рубежа IV–III вв. до н.э. Самым показательным памятником этого времени на Боспоре является погребение с золотым «шлемом», открытое на мысе Ак-Бурун в 1875 г. (Бутягин, Виноградов 2014; Виноградов, 2015-2016. С. 91; 2017в. С. 176–182; 2017г. С. 88–90). В нём нет предметов, которые можно было бы связать со скифской культурой, но имеются материалы, указывающие на связи похороненного здесь вождя с меото-сарматским миром Прикубанья. В дальнейшем именно эти связи будут доминировать в варварской составляющей боспорской элитарной культуры.

Начиная с кургана Ак-Бурун (1875 г.) в материалах аристократических погребений появляются золотые бляшки с изображением звезды, чрезвычайно близкой звезде Аргеадов, являвшейся главным символом власти царей Македонии. Они встречаются на Боспоре вплоть до позднего эллинизма – в Зеленском кургане, кремации Анапского кургана 1881 г., Ахтанизовском кладе (Виноградов 2017в, с. 181, прим. 27). Нет сомнения, что культура македонской элиты стала в это время мощным аттрактором для всего эллинского мира. Не удивительно, что культурные импульсы, исходящие из Македонии, очень быстро проявились на берегах Боспора Киммерийского, утвердившись здесь на долгое время.

Одним из таких проявлений, как представляется, стало распространение склепов «македонского» типа, начавшееся в III в. до н.э. (Виноградов 2014а; 2015-2016. С. 97; 2017в. С. 182–196). Для них характерно деление погребальной камеры на две неравные части (встречаются и однокамерные склепы), а также арочное перекрытие. Стоит отметить, что лучшие образцы склепов этого типа сосредоточены на азиатской стороне Боспора: комплексы Васюринской горы, Артюховского кургана и др. (Виноградов 2017а. С. 90–92; 2017в. С. 194–195). На Боспоре, надо признать, конструкция «македонских» склепов была адаптирована к местным условиям. В отличие от гробниц Македонии здесь отсутствует нарядное оформление фасада, не получили распространения и двери (вход в склеп по-прежнему закрывался каменной плитой). Боспорские архитекторы не отказались и от дромоса, превратившегося в лестницу, ведущую вниз к погребальной камере. Несмотря на эти особенности, вряд ли могут возникать сомнения, что идея склепа «македонского» типа пришла на Боспор из Македонии, возможно, через Фракию, где такие гробницы весьма мно-

гочисленны.

В III в. до н.э. на Боспоре фиксируется ещё одно любопытное явление – появление перстней «птолемеевского типа», которые в особенно большом количестве сконцентрированы именно на берегах Керченского пролива (Неверов 1974; 1976. С. 167–176; Трейстер 1982; 1985; Литвиненко 1991. С. 14–16; Финогенова 2001). Эти артефакты могут свидетельствовать только об одном – особом значении для аристократии Боспора связей с Птолемеевским Египтом. Можно считать, что в этой среде перстни с такой символикой считались очень престижными и, как представляется, бережно хранились в семье, передаваясь по наследству (Виноградов 2017в. С. 9). В более позднее время так же, по всей видимости, оценивались перстни с изображением Митридата VI Евпатора (Неверов 1976. С. 176–177).

Среди погребальных памятников боспорской элиты второй половины I в. до н.э. принципиально важным является погребение, открытое на мысе Ак-Бурун в 1874 г. (Бутягин, Виноградов 2014. С. 42–52; Виноградов 2015-2016. С. 91–93; 2017а. С. 99; 2017г. С. 281–286). В составе драгоценных предметов этого комплекса имеется золотая фибула типа «Алезия». Она является великолепным показателем начала римского влияния на культуру элиты Боспора. По существу это памятник открывает новую эру в истории боспорской аристократии.

Культура элиты Боспора VI–I вв. до н.э. демонстрирует интереснейший путь развития. Она весьма специфична, и её отличие от культуры элит других античных центров Северного Причерноморья вполне очевидно. Прежде всего, в ней нашли отражение культурные импульсы, исходящие из эллинских центров Средиземноморья, – в IV в. до н.э. из Аттики, позднее из Македонии. Важное значение имели также элементы культурного влияния, проникавшие на Боспор со стороны варварских государств – Фракии и Персии. Наконец, необходимо сказать о влиянии аристократической культуры (правильнее сказать, культур) местных племён Северного Причерноморья – скифов, меотов, сарматов.

ЛИТЕРАТУРА

Бутягин А.М., Виноградов Ю.А. 2014. Курганы на мысе Ак-Бурун // Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. II. Боспорские исследования. Suppl. 13. Симферополь-Керчь.

Вахтина М.Ю. 2017. Боспорская элита до эпохи Спартокидов // Элита Боспора Киммерийского: традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени. БИ. Вып. 34. С. 25–111.

Виноградов Ю.А. 2014а. О склепах македонского типа на Боспоре // БИ. Вып. 30. С. 171-189.

Виноградов Ю.А. 2014б. Курган у села Баксы в Восточном Крыму // БИ. Вып. 30. С. 510–528.

Виноградов Ю.А. 2015-2016. Юз-Оба – некрополь боспорской знати. Культура и хронология // Российский археологический ежегодник. № 5-6. С. 79-99.

Виноградов Ю.А. 2017а. Курганный некрополь Пантикапея // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев. СПб. С. 67-110.

Виноградов Ю.А. 2017б. Об элите Боспора и не только // Элита Боспора Киммерийского: традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени. БИ. Вып. 34. С. 3–24.

Виноградов Ю.А. 2017в. Культура боспорской элиты при Спартокидах // Там же. С. 112-223.

Виноградов Ю.А. 2017г. Элита Боспора в митридатовское и постмитридатовское время // Там же. С. 261–287.

Литвиненко Ю.Н. 1991. Птолеммевский Египет и Северное Причерноморье в III в. до н.э. // ВДИ. № 1. С. 12–26.

Неверов О.Я. 1974. Группа эллинистических бронзовых перстней в собрании Эрмитажа (К вопросу о времени проникновения египетских культов в Северное Причерноморье) // ВДИ. № 1. С. 106–115.

Неверов О.Я. 1976. Портретные геммы и перстни из Северного Причерноморья // ТГЭ. Т. XVII. С. 166–182.

Силантьева Л.Ф. 1959. Некрополь Нимфея //МИА. № 69. С. 5–107.

Трейстер М.Ю. 1982. Бронзовые перстни с изображениями на щитках из Горгиппии и окрестностей // ВДИ. № 3. С. 67–76.

Трейстер М.Ю. 1985. Боспор и Египет в III в. до н.э. // ВДИ. № 1. С. 126-139.

Трейстер М.Ю. 2011. Ахеменидские «импорты» на Боспоре Киммерийском. Анализ и интерпретация // БФ: население, языки, контакты. СПб. С. 113-121.

Трейстер М.Ю. 2013. Золотые бляшки ахеменидского стиля из кургана Баксы в Восточном Крыму // ДБ. 17. С. 345–360.

Финогенова С.И. 2001. Группа бронзовых эллинистических перстней из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина // ВДИ. № 2. С. 164-167.

Roberts H.S. 2009. Macedonian craftsmanship in Crimean tombs from late 4th century BC to early 3rd century BC // Proceedings of the Danish Institute at Athens. VI. P. 189–200.

Treister M. 2010. «Achaemenid» and «Achaemenid-inspired» Goldware and Silverware, Jewellery and Arms and their Imitations to the North of the Achaemenid Empire Persia // PSS. 11. Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers. Aarhus University Press. P. 223–279.

ВИНОКУРОВ Н.И.
(МПГУ, Москва)

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ДВУХ АНТИЧНЫХ ЖЕРТВЕННЫХ КОМПЛЕКСАХ ГОРОДИЩА АРТЕЗИАН В КРЫМСКОМ ПРИАЗОВЬЕ

В 2017 г. во время раскопок пространства между оборонительным рвом и северной крепостной стеной 194 ранней цитадели городища Артезиан было найдено два разновременных жертвенных комплекса эллинистического времени и первой половины I в. н. э. (рис. 1–2). Они располагались неподалёку друг от друга на самой возвышенной части памятника, которая в древности использовалась для совершения различных сакральных действий и религиозных церемоний, связанных с жертвоприношениями хтоническим божествам людей и животных (Винокуров Н.И., 2004, с. 55–87). Эта традиция, сложившаяся ещё с эпохи энеолита, когда здесь появился курганный и грунтовый некрополи со специально устроенными плитовыми жертвенниками, развивалась в античное время и продолжала бытовать вплоть до средневекового периода, несмотря на смены эпох, миграции и изменения состава населения (Винокуров Н.И., 2012). Причина популярности этого места для интенсивной культовой жизни на протяжении нескольких тысячелетий, на мой взгляд, достаточно ясна: вершина естественного холма, вокруг которой на рубеже нашей эры сформировался центр античного поселения, заметно доминировала над всей местностью. С неё просматривались все отдалённые водоразделы с севера и юга, а с запада и востока – низменная центральная зона урочища с протекавшей по дну балки рекой. Кроме того, на западе открывался прекрасный вид на морское побережье и весь мыс Казантип. По этой причине холм, расположенный на мысу между двух соединявшихся южной и северной балок, издревле привлекал людей не только близостью к воде, удобством обороны и заселения, но, прежде всего, – для совершения погребений, проведения обычных и экстраординарных религиозных обря-

дов богам, героям и умершим соплеменникам. Эстетическое, мистическое и практическое здесь удачно совмещались.

Жертвенные античные комплексы, открытые в 2017 г., были заглублены в культурные отложения насыпей террас, которые предшествовали сооружению стен ранней цитадели. Террасы, как было установлено ранее, следовали широкими уступами вниз по склону возвышенности на юг, по направлению к южной балке. Их насыпи сохранились локально, небольшими по площади участками.

В 2015–2017 гг. террасы доследовались на площади в пределах 120 кв. м в пространстве между ТВ-186 и фундаментом стены поздней цитадели 68[1], а также на площади около 100 кв. м севернее ТВ-194[2]. Насыпи террас, состоявшие из переотложенных культурных и материковых напластований, повреждены фундаментами позднейших стен, ямами, колодцами и перекопами с находками первых веков нашей эры, что существенным образом осложнило понимание участка. Так, их прорезали полуподвалы 1–6, бытовавшие одновременно с ранней цитаделью и погибшие вместе с ней в 46/47 г., стены поздней цитадели и многочисленные ямы первых веков нашей эры. Формирование нижних напластований насыпей террас происходило на рубеже – в начале первого века нашей эры перед началом больших строительных работ, когда весь участок западного склона возвышенности, попавший в пределы раскопа III, подвергся планировке перед сооружением ранней цитадели. От подпорных стен террас остался небольшой каменный останец стены 201 и траншея выборки стены 207, раскопанные в 2014 г.

Ранние напластования бронзового времени и эпохи эллинизма были срезаны до уровня древнего почвообразовательного горизонта «В», иногда даже ниже – до горизонта «С». Причем верхний дерновый уровень – горизонт «А» – был переотложен, он остался локальными линзами под строительными остатками[3]. Таким образом, подошвой насыпи ранних террас послужил снивелированный горизонт «В». Он четко отделялся от на-

[1] В квадратах: Ки3/4, Ки4/3, Кк3/2, Кк4/1, южнее РПЮ75 северной прирезки раскопа.

[2] В квадратах: Ки1/1–4, Ки2/1–4, Кк3/1–4, севернее РПЮ80 северной прирезки раскопа.

[3] В данном случае следует учитывать общепринятое геологическое строение почвы, особенно когда надо выяснить, снимался ли почвенный слой при сооружении того или иного объекта. При этом материковый грунт – естественно образовавшиеся напластования, подстилающие культурный слой на поселениях, курганах и т. д., разделяется на собственно почву (слой «А»), подпочву (слой «В») и материнскую основу (слой «С») (Афанасьева Т. В., Василенко В. И. и др., 1979, с. 19 и сл.; Каменецкий И. С., 1986, с. 183).

сыпей террас интенсивной темно-коричневой окраской, однородностью, гумусированностью, и не содержал находок, за исключением отдельных очень мелких фрагментов стенок амфор, по всей видимости, втоптанных в него во время планирования склона. Горизонт «В» подстилал желтый материковый грунт горизонта «С» – пластичная глина – «белоглазка», переходящая в глинистый ожелезненный кварцевый песок с прослойками желто-красной и красно-коричневой ожелезненной глины[4].

Террасы состояли из золистых, глинисто-золистых и чистых глинистых прослоек общей мощностью 0,15–0,48 м, которые залегали с небольшим наклоном к югу и востоку, реже – практически горизонтально[5]. Эти прослойки хорошо видны в вертикальных срезах грунта – не только под фундаментом восточной крепостной стены 68 поздней цитадели и севернее полуподвала 1, но и под строительными остатками полуподвалов 1–4, в бортах хозяйственных ям, внешних бортах траншей выборок крепостных стен 186 и 194 ранней цитадели, южном борту раскопа III.

На уровне горизонта «В», спланированного на рубеже нашей эры, выявлен жертвенник 1 IV–III вв. до н.э. (рис. 1–2). Он не пострадал при устройстве террас, так как был глубоко впущен в материковый желтый грунт горизонта «С» с уровня древнего почвенного горизонта – тонкой (в 1–3 см) коричнево-чёрной гумусной прослойки[6]. Поверх него отложились глинисто-щебёнистые напластования террасы рубежа нашей эры.

Жертвенник 1 открыт после сильного дождя, когда оказался размытым северо-западный борт пифосной ямы 8 хранилища 4[7], в квадрате Ки3/3, на 0,96 м южнее рпВ20/ю75 (рис. 2.1). Он представлял собой горло амфоры гераклейского производства IV в. до н. э. (Зеест И.Б., 1960, т. XXII,

[4] Данная последовательность слоев прослежена в бортах траншей выборок стен ранней цитадели. Необходимо отметить, что в 2012 г. на восточной прирезке раскопа по уровню залегания поддернового погребенного горизонта «В» удалось проследить на протяжении 20 м заметное понижение древней поверхности с севера на юг (до 0,60 м). Уклон фиксировал пологое падение южного склона древней возвышенности, вершина которой располагалась севернее на 30–40 м. Именно там, где были открыты в 1990-х гг. грунтовые захоронения от разрушенной в античное время курганной группы энеолита-бронзового века. Этот уклон древней поверхности рубежа нашей эры отчетливо заметен в вертикальных срезах грунта, ниже камней фундамента восточной крепостной стены 68 поздней цитадели, выявленных в 2014 г. (См. Отчет ААЭ 2014 г., рис. 18–19).

[5] Отметки: –1,99–2,47.

[6] На отметке – 2,09.

[7] Пифос 8 исследовался в 2016 г. севернее ранней цитадели, рядом с останцем крепостной стены 194.

43), устье которой плотно закрывала перевернутая основанием вверх ножка амфоры Менды (к. о. 86/2017). Под верхним прилепом ручек на горле амфоры имелось плохо читаемое вертикальное двухстрочное клеймо в овальной рамке:

Απολλώνιος Δαματρι гроздь.

По любезному определению Н.Ф. Федосеева, магистрат Даматрий принадлежит к IV Б группе и датируется 340-ми гг. до н. э. Ножка амфоры Менды[8], использованная в качестве пробки, была так глубоко вбита (втоптана?) в горло амфоры, что её венчик лопнул на несколько частей. Впрочем, первоначальная форма горловины сосуда сохранилась, так как окружающий плотный грунт не дал обломкам сместиться.

Горло амфоры, которое использовалась, по-видимому, для возлияний хтоническим божествам, было вкопано строго вертикально (отметки верха –2,24, низа –2,48), на глубину до 0,40 м в небольшую яму грушевидной формы, на 0,06–0,07 м выше её дна. Контуры ямы едва читались в вертикальном срезе пифосного котлована 8. Её заполнял очень плотный глинистый грунт жёлто-коричневого цвета, без находок. Размер ямы: сечение верха 0,61 м, диаметр дна 1,09 м, глубина 0,44 м (дно на отметке –2,66). Верх её срезан при устройстве террасы. В северном борту пифосной ямы 8, с западной стороны ямы под жертвенник, осталось пятно красно-коричневого прокала почвы, размером около 0,30х0,40 м, расположенное сразу под древним почвенным горизонтом. Связь прокала грунта со временем бытования жертвенника возможна, но стратиграфически не доказана. Внутри амфорное горло заполнял легкий сыпучий серый золистый грунт, не содержавший находок. Его промывка с целью поиска палеокарпологического материала результатов не дала. Такие подземные жертвенники-алтари со сквозными отверстиями предназначены для стока жертвенной крови и других возлияний в землю. Они были связаны с хтоническими культами.

Аналогии подобным жертвенникам на Боспоре и в Северном Причерноморье хорошо известны. На городище Артезиан похожий жертвенник позднеантичного времени с вертикальным отверстием для стока в землю был найден в нескольких десятках метрах к северу от жертвенника 1.

Второй, более поздний жертвенный комплекс 2, состоявший из жёлоба и грунтовой ямы-ботроса, раскопан в близком стратиграфическом

[8] Пятка ножки открыта на отметке –2,15.

горизонте, маркированном втоптанными в снивелированную насыпь террасы большими черепками амфор и хорошо уложенной вымосткой 1. Он располагался в кв. Ки3/4 на 8,58 м[9] северо-восточнее-восточнее первого жертвенника, в непосредственной близости от вымостки 1, которая была раскопана в 2014–2016 гг. на 0,37–0,46 м ниже фундамента стены 179/189 поздней цитадели (рис. 1–2.2)[10].

В период бытования и разрушения ранней цитадели на вымостке отложились золистые сбросы, мощностью до 0,51 м (отметки –1,47–1,98), прослоенные жёлто-коричневыми прослойками глинисто-песчаного переотложенного материкового грунта, выброшенного при выкапывании ям под пифосы хранилищ 1–4[11].

Вымостка к северу от сохранившихся плит была разобрана, по-видимому, после катастрофы 46/47 г. в начальный период боспоро-римской войны 44/45–49 гг., в которой погибла цитадель и всё городище. В этот период северо-восточнее от цитадели образовался развал из крупных

[9] На отметках –1,96–2,01.

[10] В кв. Ки3/4 и Ки4/3 поверхность вымостки находилась на отметках–1,82–1,94.

[11] Выше плит вымостки в золистом слое выявлены фрагменты калиптеров и соленов, обломки амфор, простой гончарной и лепной керамики, позднейшими находками датируемые серединой I в. н.э. (см. Отчёт ААЭ 2016 г., рис. 20–21). Из находок следует указать: фрагменты желобчатых калиптеров коричневой глины местного производства, край солена, стенки и венчики позднегераклейских амфор типа C-IVA1 второй-третьей четверти I в. н. э. (Внуков С.Ю., 2013, рис. 5.А); фрагмент венца амфоры красно-коричневой глины, фрагмент ножки амфоры типа C-IV второй-третьей четверти I в. н. э. (п.о. 980/2016), которые на городище Кара-Тобе бытуют до 20-х гг. I в. н. э. (Внуков С.Ю., 2013, с. 24, рис. 4. Б); стенки и ручки позднегераклейских амфор типа C-Ia рубежа 60-х – 40-х гг. I в. до н. э. – первой четверти I в. н. э. (Внуков С.Ю., 2006, рис. 1, с. 167; 2013, с. 14–25, рис. 3. А); фрагмент венца гончарного кувшина коричневой глины с серым ангобом, часть венца гончарного кувшина коричневой глины, фрагмент венца гончарного кувшина розовато-коричневой глины (см. Отчёт ААЭ 2016 г., рис. 20.1–3); фрагмент ручки гончарного кувшина коричневой глины, часть донца кувшина красной глины, фрагмент лепной крышки чёрной глины, два донца краснолаковых сосудов (см. Отчёт ААЭ 2016 г., рис. 20.4–5); фрагменты обгоревших и околотых морских галек серого, серо-коричневого и темно-коричневого цвета (Ø60х33х58, Ø15х11, Ø56х45, Ø56х38, Ø56х49 мм) (рис. 20). Обращает на себя внимание значительное количество орудий из кремня, скорее всего, попавших в насыпь из переотложенного культурного слоя эпохи мезолита-энеолита во время сооружения террас в I в. до н. э. и строительства ранней цитадели (рис. 21.1). Среди них встречены: дюжина фрагментов ножевидных пластин фрагментированная (к.о. 29–40/2016); пятнадцать отщепов без дополнительной ретуши по краю из серого, темно-серого, серо–коричневого и бежевого кремня (к.о. 42/2015), попавших из переотложенного культурного слоя эпохи энеолита-бронзового века (см. Отчёт ААЭ 2016 г., рис. 21.1).

обломков обгоревших квадров, промежутки между которыми заплыли глинистым жёлто-коричневым щебёнистым грунтом с редкими мелкими обломками керамики и костей домашних животных. Формирование каменного завала следует связывать с выборкой квадров из крепостных стен ранней цитадели, когда отбракованные обломки квадров отбрасывались от ТВ-194 в северном и северо-восточном направлении, где они образовали довольно беспорядочный навал. Часть обломков квадров выбрана при устройстве позднего колодца – ямы 253 1999 г.

Развал квадров был выявлен в 2016 г. и разобран в 2017 г. Подошва каменного развала (отметки –1,94–1,95) располагалась над золистым грунтом, толщиной до 0,09 м, залегавшим непосредственно на поверхности вымостки с находками не ранее рубежа нашей эры[12].

В ходе выборки золистого грунта, ниже подошвы вымостки, был открыт жёлоб стока, сложенный в одну линию из перевернутых вниз верхним ребром гранёных коньковых калиптеров, установленных торцами друг к другу (рис. 1–2.2). Жёлоб ориентирован по линии юго-запад-северо-восток и направлен в небольшую яму 559. В длину он сохранился на 1,80 м, при ширине до 0,12 м, заглублен на 0,08–0,10 м. Жёлоб располагался почти под 45°(с небольшим сдвигом к югу) по отношению к северо-восточному углу ранней цитадели, от которого отстоял на расстоянии 2,01 м.

Калиптеры высечены из плотного серо-белого известняка (к.о. 47/2017). Их размер: высота до 85 мм, ширина до 112 мм, длина до 310 мм. Сохранилось in situ, по меньшей мере, шесть калиптеров, лопнувших на девять крупных фрагментов. Еще один калиптер обнаружен в обломках

[12] *В завале в 2016 г. обнаружены немногочисленные стенки амфор и отдельные профильные части: стенки и ножка позднегераклейских амфор типа С-Ia рубежа 60-х – 40-х гг. I в. до н. э. – первой четверти I в. н. э. (Внуков С.Ю., 2006, рис. 1, с. 167; 2013, с. 14–25, рис. 3. А); фрагмент донца амфоры позднегераклейской амфоры типа С-IVA1 второй-третьей четверти I в. н. э. (Внуков С.Ю., 2013, рис. 5.А); часть ручки амфоры гончарного кувшина розовато-коричневой глины, обломок донца краснолаковой миски (рис. 21.2); верхних напластованиях насыпи террас в южной части раскопа под жилым горизонтом середины I в. н. э., сильно поврежденной поздними перекопами, найдены в 2014 г. в небольшом количестве фрагменты нескольких соленов красной и коричневой глины, стенки светлоглиняных узко – и широкогорлых амфор типа А1 и С-Ia, в нижних ее слоях в 2014 г. – более ранняя эллинистическая керамика: оббитый венчик амфоры коричневой слюдянистой глины IV в. до н. э. (Фасос?) (п.о. 2134), уступчатая ножка амфоры синопского производства IV–III вв. до н. э. (п.о. 2144), фрагмент ножки амфоры (Хиос(?) IV в. до н. э. (п.о. 2245), фрагмент края гончарной миски коричневой глины (п.о. 2247) (См. Отчет ААЭ 2014 г. рис. 24). Последние находки попали в слой при формировании насыпи террасы из срезанных культурных напластований эллинистического периода.*

на дне пифосной ямы 567, которая прорезала жёлоб на северо-востоке, где, скорее всего, размещался алтарь для совершения возлияний хтоническим божествам.

Судя по отпечаткам в грунте, калиптеры укладывались на мокрую жёлтую глину. Контуры специальной канавки для них в плане были едва заметны. Во время консервационных работ по завершению сезона все калиптеры и их фрагменты были извлечены и сданы в фонды Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника (к. о. 47/2017). Напомню, что подобные калиптеры, высеченные по одним шаблонам из известняка, а также известняковые солены, встречались в культурных напластованиях среди находок как внутри, так и за пределами ранней цитадели.

Жёлоб для стока жертвенных возлияний был направлен на юго-запад, где располагался приёмник для сбора жидкости, стекавшей с несохранившегося алтаря: грушевидная яма 559, которую можно интерпретировать как ботрос. Яма была смещена со средней линии жёлоба к юго-востоку. Её размер: сечение округлого в плане устья – 0,33–0,35 м, глубина – 0,20–0,26 м (дно на отметке –2,29); диаметр вогнутого дна – 0,41 м. Она выкопана в плотной жёлто-коричневой насыпи террасы, содержавшей среди включений бутовый камень, щебень, известковую крошку, отдельные обломки стенок амфор и простых гончарных сосудов. Устье ямы находилось на несколько сантиметров ниже уровня стока. Крайний южный калиптер жёлоба нависал над её краем. Внутри яма заполнена влажным рыхлым серо-коричневым золистым грунтом с щебнем, мелкими обломками гончарных стенок и калиптеров местной красно-коричневой глины, фрагментами костей животных. Алтарь располагался с северо-восточной стороны жёлоба, но участок здесь оказался повреждённым серией ям из-под пифосов первой половины I в. н. э. и следов его проследить не удалось.

Жёлоб деформирован сейсмическими подвижками грунта, сместившими калиптеры по вертикали по отношению друг другу. В результате, северный его участок приобрёл наклон в противоположном направлении от ямы-ботроса. По центру, где грунт особенно заметно поднялся, известняковые калиптеры жёлоба растрескались, бортики их скололись. Последний с севера калиптер оказался в заполнении поздней пифосной ямы 567.

Обращает на себя внимание необычный характер использования известняковых гранёных калиптеров. В научной литературе мне не уда-

лось найти близкие аналогии такого вторичного использования калиптеров в святилище или храмовом жертвеннике. Подобная «новация», наверное, вряд ли может быть системой для столь дорогостоящего строительного материала, как каменная черепица. Сложно сказать, имело ли некое религиозное значение то, что калиптеры были развёрнуты наоборот своему обычному положению, вниз коньковым ребром. Понятно, что по-другому составить сток жёлоба было просто невозможно. Но символическое значение подобного разворота калиптеров на 180° исключать не следует. По крайней мере, это касается и амфорной пробки в первом жертвеннике, которая также найдена в перевёрнутом положении. Намеренное опрокидывание или разворачивание предметов, как и их повреждение или разрушение в святилищах или погребениях достаточно традиционны. Такими магическими приёмами производилось изменение сущности тех или иных предметов, которые использовались в культовых нуждах. Они должны были изменить свою природу, умереть для прошлой жизни, претерпеть метаморфозу, трансформироваться для грядущего возрождения. Мотив «переворачивания» или «оборачивания» характерен для погребальных верований многих народов (Косарев М. Ф., 2000, с. 46 и сл.). Таким способом символизировалось прекращение нормальной, земной жизни индивида, переход его в иное пространственное измерение. В любом случае, использование приема «поворота-переворота» исследователями трактуется как демонстрация хтонического характера религиозного действа (Сорокина Н. П., Сударев Н. И., 2001, с. 136).

Следует отметить, что одновременно с жертвенником 2 в пространстве между ранней цитаделью и оборонительным рвом эксплуатировались алтарь 1, открытый в 2015 г. у южной крепостной стены 175, и алтарь 2, находившийся в святилище, раскопанном в 2016 г. в полуподвале 2 восточнее крепостной стены 186. Внутри святилища около алтаря найдены ямы-фависсы со сбросами остатков жертвоприношений, среди которых преобладали черепа и длинные кости быков. В одной из ям было ритуальное захоронение собаки. Хтонический характер святилища вполне очевиден.

Стратиграфическую картину в районе открытия ботроса сильно осложнила позднеантичная яма 253 от колодца, повредившая калиптеры с северо-запада, а также выборка плит вымостки к северу от него. Данные обстоятельства не позволили достаточно ясно установить, как хронологически соотносились между собой вымостка и второй жертвенный комплекс (жёлоб с ботросом). Не исключено, что вымостка и ботрос бытовали одновременно, в начальный период сооружения ранней цитадели. Впрочем, полной уверенности в этом нет. Если плиты вымостки закрывали жёлоб, то вымостка могла появиться позже его сооружения. В любом случае данные стратиграфии не позволяют однозначно говорить о такой возможности перекрытия, хотя подошва плит находится на несколько сантиметров выше верха калиптеров жёлоба.

Таким образом, находка двух новых жертвенных комплексов в центральной части городища Артезиан свидетельствует о достаточно активной религиозной жизни местного населения, связанной с почитанием хтонических божеств или героев.

ЛИТЕРАТУРА

Винокуров Н.И., 2004. Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам раскопок ритуальных захоронений в Крымском Приазовье) // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3. Москва. С. 55–87.

Винокуров Н.И., 2012. Археологические памятники в Крымском Приазовье (по материалам ААЭ 1988–2011). Издательство: Lap Lambert academic publishing. Германия. 632 с.

Внуков С. Ю., 1988. Широкогорлые светлоглиняные амфоры Северо-Западного Крыма // СА. № 3.

Внуков С. Ю., 2006. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. Часть II. Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб.

Внуков С.Ю., 2013. Амфоры римского времени городища Кара-Тобе // ДБ. Т.17. М. С. 21–54.

Зеест И. Б., 1960. Керамическая тара Боспора. МИА, 83.

Косарев М. Ф., 2000. Приобщение к внеземным сферам в сибирском язычестве (по жертвенным ритуалам и погребальным обрядам) // Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности и до наших дней. М.

Сорокина Н. П., Сударев Н. И., 2001. Предметы, связанные с культами и магией, из погребений кепского некрополя VI-II вв. до н. э. // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образования государства // Материалы Межд. науч. конференции. Ч. 1. СПб.

Рис. 1. План-схема ранней цитадели.

Рис. 2. Эллинический жертвенник 1 в борту ямы из-под пифоса 8 2016 г.;

Рис. 3. Жертвенник 2 и вымостка 1 первой половины I в н.э. Вид с востока. Северная прирезка раскола III 2017 г.

ВЛАСОВ В.П.
(ИАК РАН, Симферополь)

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ КОМПЛЕКСА ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ ПОЗДНИХ СКИФОВ КРЫМА (ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ)

За время существования крымского локального варианта позднескифской археологической культуры (III в. до н.э. – III в. н.э.) у его носителей сложился своеобразный комплекс лепной керамики (далее – ЛК), характеризуемый определенным набором форм и видов орнаментации. При всей самобытности данного комплекса, его морфологический анализ и сравнение с аналогичным материалом других памятников и культур Северного Причерноморья, а также сопредельных территорий показывают, что он состоит из нескольких разнородных по своему происхождению культурных групп.

Самая многочисленная из них включает сосуды, лишенные этно- или культуромаркирующих признаков, форма и орнамент которых имели широкое географическое и хронологическое распространение. Следующую позицию занимает группа собственно позднескифской ЛК, представленная посудой и другими изделиями, присущими только скифам поздней поры. Вслед за ней расположилась группа, продолжающая скифские керамические традиции более раннего времени. Перечисленные выше группы ЛК представлены в керамическом комплексе позднескифской культуры Крыма на протяжении всего срока ее существования. Остальные культурно значимые группы ЛК репрезентованы более малочисленными экземплярами, появившимися вследствие различных инокультурных влияний и заимствований, а также синтеза гетерогенных традиций в изготовлении ЛК. Хронологическая систематизация образцов такой ЛК, имевших неравномерное бытование во времени, позволяет проследить появление в керамическом комплексе поздних скифов Крыма культурных инноваций, тенденции и динамику их развития, а также взаимодействие с

традиционными элементами.

Данные о наборе ЛК начального периода (III – конец II в. до н.э.) позволяют говорить, что в целом, он представляет собой совершенно новое культурное явление, единственным традиционным компонентом в котором выступает ЛК, наследующая нормы кочевых и полукочевых скифов V-IV вв. до н.э. Приднепровья, Дунай-Днестровского междуречья и Крыма.

Численно преобладающая позднескифская ЛК, представленная разнообразными и специфическими формами, присущими только поздним скифам, является культурной инновацией, механизмы, обстоятельства и условия формирования которой остаются пока невыясненными. Аналогичная картина наблюдается и в комплексе ЛК периода становления Ольвии и Березани. Очевидно, появление не обнаруживающего прототипов набора ЛК на начальном этапе существования новых культурно-исторических общностей – это объективная закономерность, механизм которой еще не раскрыт. В последующем, группа позднескифской ЛК приобретает статус традиционной, а расширение ее ассортимента, скорее всего, следует расценивать как результат внутреннего развития керамического комплекса и культуры в целом.

ЛК, имитирующая античные изделия, а также сочетающая особенности варварской и эллинской керамических традиций, представлена во всех хронологических периодах развития позднескифского комплекса, отражая принятие варварами чуждой инокультурной инновации, передачу ее последующим поколениям и, соответственно, переход в разряд традиции. Первоначальное появление группы античной ЛК связано с влиянием Боспорского царства, с которым скифы во II в. до н.э. имели прочные торгово-экономические, культурные и междинастийные связи, а в дальнейшем античное влияние, помимо Боспора, исходило из Ольвии и Херсонеса. На фоне общего усиления античного воздействия на скифов вполне закономерным выглядит и заметное увеличение, особенно с рубежа эр, «симбиозных» изделий с позднескифскими и греческими особенностями.

Значительно более весомый, чем это представлялось ранее, вклад в формирование позднескифского керамического комплекса внесли носители кизил-кобинской культуры. Количество собственно таврской ЛК, невелико, притом, что изделия, объединяющие таврские и позднескифские керамические традиции гораздо более представительны. Очевидно, в дальнейшем для комплекса позднескифской ЛК данную группу также можно считать традиционной, отражающей процесс этнической миксации таврского и скифского компонентов, который привел к появлению в пись-

менных и эпиграфических документах нового этнонима «тавроскифы» («скифотавры»). Постепенное сокращение доли ЛК таврского облика и полное прерывание традиции ее изготовления, примерно, к I в. н.э., свидетельствует об ассимиляции скифами крымских аборигенов.

Присутствие редкой ЛК, обнаруживающей единственные параллели в зарубинецкой ЛК, позволяет говорить о том, что жителями позднескифских городищ Крыма становились отдельные представители носителей зарубинецкой культуры, привнесшие данную культурную инновацию. Судя по тому, что в следующем хронологическом периоде ЛК зарубинецкого облика не представлена, мигрировавшие в Крым в конце III-II вв. до н.э. «зарубинцы» не составляли сколько-нибудь значительной группы и, очевидно, полностью растворились в основной массе скифов. Рост процентного соотношения и морфологическое разнообразие зарубинецкой ЛК I в. до н.э. – I в. н.э. дает основания усматривать в ее распространении свидетельство притока в Крым новых групп населения из Среднего Поднепровья. Они не составили замкнутого анклава, а интегрировались в позднескифское окружение и изготовляемую по их канонам ЛК можно считать уже традиционной для поздних скифов, поскольку известна она до II-III вв. н.э. включительно.

В конце II – середине I вв. до н.э. в комплексе позднескифской ЛК складывается новая группа, связываемая с сарматами (роксоланы / ревксиналы), оказавшими скифам помощь в боевых действиях против херсонесско-понтийского войска. Потерпев поражение, роксоланы покинули полуостров, однако, незначительная их часть, видимо, осталась, влившись в ряды своих бывших союзников и положив начало скифо-сарматскому межэтническому сближению. Судя по продолжению бытования и возросшей, за счет прибытия на полуостров новых групп сарматов, численности сарматской ЛК в I в. до н.э. – I в. н.э., можно констатировать, что сарматская культурная инновация «прижилась» и стала традицией, получив дополнительный импульс в виде распространившейся практики производства, особенно на финальном этапе Крымской Скифии, т.н. «гибридных» изделий, демонстрирующих смешение скифских и сарматских черт. Они свидетельствуют не только о сарматизации поздних скифов, но и о скифизации сарматов.

Сарматские передвижения не могли не затронуть слои меотского, к этому времени сильно сарматизированного населения, чем и объясняется появление у поздних скифов широкого ассортимента ЛК, специфичной только для Нижнего Дона и Прикубанья. Ситуация с группой меотской ЛК

аналогична сарматской ЛК. В последующие периоды в ней сохраняются формы, бытовавшие прежде, но появляются и новые. Из этого следует, что половина всей ЛК данной группы могла быть изготовлена в Крыму меотами, переселившимися сюда ранее, но появление более поздних по времени сосудов, скорее всего, обусловлено притоком очередной волны мигрантов из Нижнего Подонья и Прикубанья. При этом, конечно, нельзя полностью исключать и возможность продолжения практики изготовления в Крыму меотами «первой миграционной волны» привычной для них ЛК.

В комплексе ЛК I в. до н.э. – I в.н.э. выделяется крайне малочисленная группа фракийской ЛК, на основании чего можно предполагать проникновение в это время в Северо-Западный и Юго-Западный Крым фракийцев, хотя наиболее характерные для гетского керамического комплекса «дакийские чаши» и «банки» в Крыму отсутствуют. Это свидетельствует о незначительности проникновения на полуостров представителей фракийского мира в отрыве от своего этнокультурного ядра. Появившись на рубеже эр они, судя по отсутствию бесспорно фракийской ЛК в материалах последующих хронологических периодов, не составили компактной этнической группы и бесследно исчезли среди жителей позднескифского государства.

В конце I – середине II вв.н.э. в комплексе позднескифской ЛК Крыма появились неизвестные до этого изделия, которые могут указывать на прибытие в центральный и юго-западный район полуострова приднепровских поздних скифов, многие поселения и некрополи которых в это время прекращают свое существование. Привнесенная ими культурная инновация, как и в случае с фракийцами, не получила продолжения.

На заключительном этапе развития комплекса позднескифской ЛК (вторая половина II – середина III в.н.э.) в его составе выделяется неизвестная до этого группа ЛК, имеющей прототипы в пшеворской, вельбаркской и черняховской археологических культурах, происхождение которых связывается с германскими племенами. Морфологическое сходство столь редкой посуды, фиксирующейся примерно в одно время на достаточно удаленных друг от друга территориях, вряд ли является случайным и не может объясняться простым совпадением, заимствованием, а тем более результатом обмена или торговли. На наш взгляд, это должно свидетельствовать о присутствии в Крыму носителей соответствующих керамических традиций – германцев. Известны также и образцы посуды, которая могла появиться в результате синтеза позднескифских и германских керамических традиций. Кто именно был изготовителем этой посуды – скифы,

воспринявшие новые формы от германцев, или непосредственно германцы и каковы были взаимоотношения переселенцев с позднескифским населением, – сказать сложно.

Помимо группы ЛК германского облика, впервые фиксируется не очень весомая, но географически близкая группа ЛК, характерной для Европейского Боспора. Очевидно, ее появление иллюстрируют процесс проникновения боспорян в среду поздних скифов, что являлось следствием включения Крымской Скифии в состав Боспорского царства при Савромате II и Рескупориде III.

Как видно, данные анализа комплекса позднескифской ЛК отражают степень участия и влияния керамических традиций различных археологических культур на его формирование и последующее развитие, давая возможность проследить пути и механизмы проникновения инокультурных инноваций в традиционную культуру поздних скифов на различных ее стадиях, а также конкретизировать их источники, выступая достаточно надежным репером этнокультурных связей. Комплекс ЛК позднескифской археологической культуры Крыма еще раз подтверждает хорошо известное положение о том, что традиции и инновации, являясь полными противоположностями друг другу, всегда состоят в тесной взаимосвязи, которая позволяет выяснить природу появления в традиционной культуре новых черт и элементов. Они, как правило, возникают либо в результате внутреннего развития традиционной культуры в ходе целенаправленной или спонтанной деятельности ее носителей, либо в результате инокультурных влияний и заимствований, как со стороны соседних народов, так и в ходе миграций, когда происходит переселение новых для данной территории этносов с их последующим взаимодействием с местным населением. В случае намеренного сохранения и наследования инноваций, они в дальнейшем, приобретают статус традиции. Вместе с тем, при изучении традиций (их формирования, тенденций и динамики развития, степени сохранения и т.д.) и инноваций в археологических культурах сохраняется существенная проблема, связанная с разделением и соотношением инокультурных влияний и заимствований, а также тех элементов культуры, чье появление связано с внутренним развитием культуры. Особенно актуально это при изучении археологических культур, к числу которых относится и позднескифская культура Крыма, сформировавшихся в переходные культурно-исторические периоды и существовавших в контактных зонах.

ГАРБУЗОВ Г.П.
(ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

НЕКОТОРЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ МЕЖДУ РОССИЙСКИМ И БОСПОРСКИМ ЗЕМЛЕДЕЛИЕМ[1]

Об организации боспорского земледелия имеется крайне мало достоверной информации. Мы точно знаем о вывозе хлеба с Боспора, но нам почти ничего неизвестно о том, как была устроена местная сельская экономика с производственной точки зрения. Лишь очень немногое можно узнать из письменных источников, например, Теофраст пишет о сроках сева, периоде созревания и весе «понтийской» пшеницы (HP VIII.4.5–6), Страбон рассказывает о плодородных равнинах Европейского Боспора, упоминая об урожайности в сам-тридцать, достигаемой при самой небрежной обработке земли (VII.4.6), Демосфен указывает на какое-то, видимо значительное, количество полевых работников у безымянного феодосийского землевладельца (XXXV.32). Археологические данные здесь также не сильно помогают, так как по ним трудно реконструировать все тонкости живых хозяйственных процессов, хотя иногда даже единичные находки, рассмотренные в определенном контексте, бывают очень показательны (такой пример см. ниже).

При общей скудости сведений о боспорском сельском хозяйстве вполне естественно попытаться промоделировать основные его черты, исходя из свойств традиционного (до-индустриального) российского земледелия второй половины XIX – начала XX в., для которого существует значительный массив статистической информации, а также ряд подробных аналитических обзоров. В предположении сходства природно-климатических условий в античности и в современности оба варианта аграрной экономики находились под воздействием приблизительно одних и тех же главных факторов (количество осадков и почвенное плодородие), в обоих

[1] *Работа выполнена в рамках темы НИР ЮНЦ РАН 00-18-09, № гр. проекта 01201354248.*

случаях результаты труда определялись большей частью именно природными особенностями.

Первое, что напрашивается в такой ситуации, это оценить на основе российской статистики некоторые производственные параметры, зависящие от природных условий, и распространить эти оценки на случай античного земледелия. Данный подход вполне справедлив для таких параметров, как средняя урожайность и максимально возможные размеры пашни. Однако этим не исчерпываются возможности сближения двух разновременных сельских экономик, между которыми на самом деле можно найти ряд параллелей. Например, достаточно очевидным будет сближение сельскохозяйственных календарей – обе экономики, скорее всего, были весьма схожи по общему распределения работ внутри сельскохозяйственного года. В этом сходстве рабочих циклов не принципиально различие в мелких деталях, гораздо важнее обязательное присутствие некоторых ключевых моментов, которые при сопоставимых природных характеристиках должны были приблизительно одинаково сказываться на организации хозяйства.

В сближении сельскохозяйственных календарей значение имеют не даты полевых работ сами по себе, а универсальные требования к срокам работ и затратам труда. Местное земледелие и в античности, и в дореволюционное время было основано на выращивании как озимых, так и яровых зерновых. Все работы делились, соответственно, на три большие группы: осенний сев, весенний сев и уборка. Взяв в качестве примера Восточный Крым, отметим, что сев озимых начинался сразу после окончания уборки, длился он с начала августа до середины октября, его средняя продолжительность была более полутора месяцев; весенний сев зерновых начинался как можно раньше, с первым теплом, так как необходимо было воспользоваться весенними запасами влаги в почве, и продолжался приблизительно с середины февраля – начала марта до начала апреля, в среднем около месяца [Вернер, 1889, отд. IV, с. 62]. В целом продолжительность и осенней, и весенней посевной позволяла сельским хозяевам без особого перенапряжения сил вспахать и засеять необходимые площади.

Наиболее проблемным звеном местного земледельческого календаря являлась уборка урожая. Благодаря особенностям местного климата хлеба поспевали очень дружно, сразу вслед за важным для хозяйства и весьма трудоемким периодом сенокоса. Производимая вручную жатва должна была происходить в кратчайшие сроки, в ином случае терялась

значительная часть зерна, например, из-за осыпания перезревших полей или за счет нередких в период уборки ливневых дождей. В Крыму оз. пшеницу и ячмень убирали в основном в первые две декады июля, яр. пшеницу во второй половине июля – начале августа (время уборки каждой культуры могло сильно варьироваться год от года), т.е. уборка всех хлебов занимала целиком июль и начало августа; среднее время уборки оз. пшеницы составляло 22 дня, яр. пшеницы и ячменя 16 дней [Вернер, 1889, отд. IV, с. 62][2]. Уборка и сенокос были связаны с необходимостью найма множества временных рабочих[3], особенно остро вопрос стоял в годы с большими урожаями[4]. При товарном производстве зерна сложности с уборкой возрастали многократно, в урожайные сезоны ощущалась значительная нехватка рабочих рук и цены на них резко росли [Вернер, 1889, отд. IV, с. 61]. Нанимаемые работники были большей частью пришлыми, причем их число было сопоставимо с количеством трудоспособных местных сельских жителей. К примеру, в 1860-х годах, когда крымское земледелие находилось в самом начале развития и посевные площади были малы, число приходящих рабочих по официальным данным достигало в Феодосийском уезде 24000 [Янсон, 1870, с. 14]. Общая же численность населения уезда (вместе с Керчь-Еникальским градоначальством) в 1870 г. составляла 70514 человек, из них сельских жителей всего 38440 [Карачунский, 1875].

Схожие проблемы с уборкой, по крайней мере в пору наибольшего расцвета боспорского земледелия и хлебной торговли, должны были испытывать и античные земледельцы. Есть все основания предполагать, что в относительно непродолжительный, до полутора месяцев, период жатвы и молотьбы здесь также возникала большая потребность во временных полевых рабочих, число которых, как мы только что показали на примере российского хозяйства, могло быть весьма велико. Почти наверняка именно о таких работниках свидетельствует отмеченный выше фрагмент из корпуса речей Демосфена (XXXV.32), датируемый серединой IV в. до н.э.: в летнее время, к которому относится интересующий нас эпизод, люди в

---

[2] *Посевы озимой пшеницы были по площади заметно больше посевов яровых культур, что соответственно влияло на соотношение сроков уборки.*

[3] *Какая-то часть весенних посевных работ также производилась при помощи наемного труда [Вернер, 1889, отд. IV, с. 52].*

[4] *Обычно при уборке использовали косы, и только при отличном урожае хлеб жали серпом, что сильно повышало затраты труда [Янсон, 1870, с. 14, 19]. Вообще же хороший урожай увеличивал трудоемкость и продолжительность всех уборочных операций.*

поле совершенно точно были заняты уборкой, а немного необычная ситуация с наймом большого греческого грузового судна для доставки весьма скромной партии провизии для простых рабочих может подразумевать экстраординарность дела, т.е. возможно, что урожай в то лето превзошел ожидания и были срочно набраны дополнительные работники.

Социальный статус упомянутых у Демосфена полевых рабочих неоднократно обсуждался в литературе, более вероятным считается, что это были свободные наемные работники [Виноградов, 1997, с. 551]. Отметим в связи с этим, что массовое использование несвободного труда на уборке хлебов автоматически предполагает значительную диспропорцию в социальной структуре, так как несвободных людей должно было быть несоразмерно много по отношению к свободным. Контингент временных работников теоретически могли формировать обедневшие или безземельные граждане местных греческих полисов, хотя в силу предполагаемой и в данном случае большой социальной диспропорции такой вариант почти также неправдоподобен (для середины IV в. до н.э. о земельном кризисе и всеобщей бедности на Боспоре говорить нет никаких оснований), как и вариант с несвободным трудом. Скорее следовало бы видеть во временных работниках какую-то часть негреческого боспорского населения, в первую очередь из числа тех, кто сам не занимался земледелием (это могли быть, например, оседлые скотоводы). Вероятна и прямая аналогия со случаем российского земледелия: масса наемных работников формировалась из населения соседних с Боспором варварских областей.

Отметим, что позиционирование хозяйства либо как натурального, либо как товарного, служит своеобразным триггером, который вместе с качеством экономики меняет характер и уровень проблем. К примеру, экстенсивный рост зернового производства предполагает, что со временем под плуг будут пущены все мало-мальски пригодные земли. Это приводит к быстрой трансформации хозяйства, хорошо прослеживаемой на опыте российского земледелия. Одно из заметных изменений касается животноводства, его соотношения с земледелием и нуждами полевых работ. Рост площади распаханных земель требовал пропорционального увеличения численности рабочего скота, которым в российском хозяйстве поначалу были большей частью волы, кормившиеся в условиях Крыма и Тамани либо на пастбищах, либо заготовленным сеном. Так как необходимых пастбищ и сенокосов с каждым годом становилось все меньше, то неизбежно наступал пастбищный кризис: условия для содержания скота ухудшались, на корм скоту шла большей частью солома и другие побочные продукты зернового производства [Вернер, 1889, отд. IV, с. 12–14]. Радикально решить проблему можно было, сменив модель хозяйства с экстенсивной на интенсивную, что подразумевало, в числе прочего, замену паровых полей кормовыми культурами. В этом случае в основном пастбищное содержание скота заменяется постоянным стойловым, а восстановление плодородия полей осуществляется с помощью вывоза на поля удобрений (навоза).

Даже в начале XX в. российское сельское хозяйство в рассматриваемом регионе в целом так и не перестроилось на интенсивный способ развития – до самой революции здесь господствовала трехпольная паровая система [Бененсон, 1919, с. 21]. При постоянном высоком спросе на товарный хлеб все усилия сельские хозяева тратили не на интенсификацию земледелия, а на сохранение уровня сбора зерна в рамках привычного способа производства. Главной инновацией были закупаемые в больших количествах усовершенствованные плуги, сеялки, косилки, молотилки, т.е. все то, что за счет увеличения производительности труда позволяло осуществлять сев и уборку в оптимальные сроки с меньшим числом рабочих [Вернер, 1889, отд. IV, с. 60]. Пастбищный кризис в какой-то мере решался сменой преимущественного типа рабочего скота. Вместе с сокращением площади тяжелых в обработке целинных и залежных земель[5], происходило постепенное замещение в хозяйстве очень неприхотливых, но медлительных волов, на лошадей[6]. Немалые затраты на содержание лошадей оправдывались их хозяйственной универсальностью и большей эффективностью при работе с современными орудиями труда.

Наблюдалось ли что-то подобное пастбищному кризису на античном Боспоре? Нет сомнений, что боспорское зерновое производство также было экстенсивным, и что для обеспечения экспорта были распаханы значительные площади земли. Это можно было сделать только при большой численности рабочего скота, которым, судя по всему, также были быки (волы). На первый взгляд, в Восточном Крыму сложно ожидать проблем с пастбищами, так как уровень распашки здесь вряд ли был слиш-

[5] *В середине XIX в. в южных районах России для подъема целины использовался тяжелый двухколесный малороссийский плуг-сабан, рассчитанный на очень широкий, до полуметра, пласт переворачиваемой земли, его тянули несколько, вплоть до 10, пар волов. В Крыму и на Кубани в целинный плуг впрягалось обычно от трех до семи пар волов.*

[6] *Если в 1880-х годах соотношение числа волов и рабочих лошадей в Феодосийском уезде было приблизительно 1.5 к 1, то в 1916 г. оно было 1 к 3.5 [Вернер, 1889, отд. IV, с. 3–11; Челинцев, 1922, с. 126–127].*

ком велик, и какое-то количество пастбищ и сенокосов в глубинной, менее плодородной и менее освоенной части Керченского полуострова должно было оставаться практически в любой ситуации. Но не следует забывать о проблеме раздела территории между разными собственниками, с разными уровнями и принципами освоения земли. Возможен вариант, при котором чрезвычайно распаханная область, например, хора какого-нибудь греческого полиса, не имела уже достаточных пастбищ и сенокосов для своего рабочего скота. Что происходило в такой ситуации, была ли возможность найти нужные угодья вне своей территории, у каких-то других владельцев земли? Другими словами, в целом для пастбищного кризиса на Европейском Боспоре вроде бы не было оснований, однако в некоторых локальных хорошо освоенных областях он вполне мог наблюдаться. Возможно, что в таких областях при необходимости наращивания уровня производства начинали идти процессы интенсификации земледелия.

Боспорским регионом, в котором следовало бы с наибольшей вероятностью ждать интенсификации сельского хозяйства, является Таманский полуостров. Особенности развития местной системы поселений подтверждают, что уровень его распашки, скорее всего, был выше, чем в других местах Боспора, причем начало массового освоения земель можно отнести на Тамани к очень раннему времени – к концу VI в. до н.э. Проблемы с выпасами и сенокосами, достаточными для рабочего скота (учтем, что им не ограничивалось все стадо домашних животных), в момент наибольшей распашки вполне реальны – достаточно вспомнить плотность размещения и размеры здешних сельских поселений в IV в. до н.э. Кроме того, есть прямое свидетельство интенсификации местного земледелия уже на достаточно раннем этапе. В 1983 г. в Фанагории во время раскопок было обнаружено большое количество (почти тонна) обгорелых семян Vicia ervilia (вика чечевицеобразная, в англ. bitter vetch, т.е. вика горькая), хранившихся в помещении, погибшем в последней четверти V в. до н.э. [Завойкин, 2004, с. 52–53]. Это известная бобовая культура, нетребовательная, урожайная, скороспелая, ее семена, солома, сено и зеленая масса служат питательным кормом для скота[7]. Семена вики эрвилии после правильного приготовления[8] в принципе могут потребляться и

[7] Несмотря на горечь, семена хорошо поедаются овцами и очень охотно рабочими волами; предварительно замоченные в воде в течение 1–2 дней и забродившие семена считаются необходимой подкормкой (2–3 кг в день) для поддержания сил волов во время весенних полевых работ [Ларин, 1951, с. 818–819].

людьми, но трудно представить, что в классическое время в краю, отправлявшем на экспорт тысячи тонн продовольственного зерна, в пищу в заметном количестве употреблялся неудобоваримый и фактически ядовитый для человека продукт[9] (у Демосфена продажа в Афинах вики горькой в качестве еды иллюстрирует крайнюю степень нужды в продовольствии (XXII.15)). На наш взгляд в случае Боспора данный вид бобовых неверно относить к пищевым [Завойкина, 2017, с. 154–155], его назначением было, безусловно, служить кормом для скота (о кормовом значении вики в античности пишет Плиний (XIII. 130; XVIII. 139)[10]). Семена этой культуры часто обнаруживают при раскопках греческих поселений Боспора [Пашкевич, 2016][11], однако объем находки в Фанагории позволяет отбросить всякие сомнения и определенно утверждать, что в округе этого полиса к концу V в. до н.э. в большом масштабе возделывали специализированные кормовые культуры[12]. Это, в свою очередь, является индикатором высокого уровня распашки полисных земель и пастбищного кризиса.

[8] Необходимо несколько раз прокипятить семена, меняя воду, до тех пор, пока не исчез нет горечь [Miller, Enneking, 2014, p. 262].

[9] Семена вики считаются цианогенными и могут содержать некоторое количество синильной кислоты. Плиний Старший указывает, что при употреблении в пищу вики эрвилии возможна рвота, расстройство кишечника, тяжесть в голове и желудке, слабость в коленях (XXII. 153), см. также [Miller, Enneking, 2014, p. 255]. Как и почти всякое ядовитое растение, вика эрвилия находит применение в народной медицине, она была хорошо известна в этом качестве в античности, об этом подробно рассказывает тот же Плиний (XVIII. 139; XXII. 151–153).

[10] Плиний считал вымоченные в течение нескольких дней семена вики эрвилии очень хорошим кормом для рогатого скота и вьючных животных (XXII. 153), в другом месте он приводит норму кормления пары быков такими семенами – пять модиев в день (XVIII. 139, по переводу Г. Рэкхэма 1950 г. в LCL), т.е. 21–22 л (?) на одно животное.

[11] А.В. Кирьянов в комментарии к анализу материалов из раскопок в Кепах отмечает, что чечевицеобразная вика, семена которой были найдены в незначительном количестве среди зерен хлебных растений, представляет собой распространенный сорняк хлебных посевов в южных областях, подчеркивая в то же время возможную самостоятельную роль этой культуры как корма для скота [Кирьянов, 1962, с. 96].

[12] Если предположить, что найденный склад семян вики эрвилии служил семенным фондом, то его объема по современным нормам высева этой культуры (50–80 кг/га) достаточно для посева на площади 12–19 га [Медведев, Сметанникова, 1981, с. 57]; при максимальной урожайности 20–25 ц/га с 19 га можно было бы собрать до 38–48 тонн семян, плюс к этому еще столько же (по весу) соломы, которая является кормом для рогатого скота [Ларин, 1951, с. 818; Медведев, Сметанникова, 1981, с. 57]. В севообороте вика эрвилия считается хорошим предшественником озимой пшеницы [Ларин, 1951, с. 819].

Еще одной заметной особенностью местного производственного цикла, проявлявшейся, как можно предполагать, и в боспорской экономике, мы считаем продолжительную паузу между временем окончанием уборки и началом массовой отгрузки зерна на экспорт. Этот вопрос уже затронут нами ранее [Гарбузов, 2016], здесь бы хотелось, если уж речь идет о сближении разных экономик, указать не на гипотетический, а на вполне реальный характер проблем с быстрым вывозом морем только что собранного зерна. Как показано в указанной выше нашей работе, в IV в. до н.э. на Боспоре подвоз с полей зерна нового урожая и его погрузка на суда должны были уложиться в промежуток времени между окончанием уборки (первая декада августа) и приблизительно 10 сентября. Российский опыт зерновой торговли говорит, что в такие сроки весь объем товарного зерна нового урожая никогда не отгружался.

Даже во второй половине XIX в. доставка всего товарного зерна в краткие сроки в порты представляла собой нетривиальную задачу. На это требовались немалые ресурсы, и так как местных ресурсов по обыкновению не хватало, в Крыму в перевозке хлеба участвовало большое количество наемного транспорта (чумаков) [Янсон, 1870, с. 27] (здесь, также как и в случае уборки, для античного времени вполне возможны какие-то схожие варианты). Но сложности на пути к продажам не ограничивались перевозкой товарного зерна от полей к портам. Здесь были еще другие обязательные трудоемкие этапы, которые в том или ином виде присутствовали и в античности: подработка зерна (сушка, сортировка, чистка и т.п.), взвешивание, затаривание[13], погрузка на суда. Судя по российской практике, первое зерно безусловно успевало прибывать в августе на склады купцов, но основные потоки зерна приходились на сентябрь и октябрь, вплоть до начала осенней распутицы (о непроходимости крымских дорог в осеннее время см. [Янсон, 1870, с. 21]), главный же подвоз шел в конце сентября – начале октября [Янсон, 1870, с. 27]. Контракты на вывоз зерна феодосийские купцы заключали обычно перед началом погрузки – «в конце лета или ранней осенью», погрузка судов в Феодосийском порту начиналась с 1 сентября [Янсон, 1870, с. 32].

Мы видим из этого сопоставления, что по крайней мере в случае больших урожаев и затяжной уборки успеть вывезти все товарное зерно нового урожая в тот промежуток времени, которым по идее располагали команды пришедших на Боспор греческих судов, действительно было

[13] Мы не знаем, как перевозилось зерно на греческих кораблях, но вполне возможно использование корзин или мешков.

вряд ли возможно. Как на самом деле была организована в этом плане боспорская хлебная торговля, совершенно не ясно. Не исключено, что вывозили все-таки большей частью прошлогоднее, подготовленное и подработанное за осень и зиму, зерно, запасенное в частных и общественных зернохранилищах. При этом отгрузки из этих хранилищ могло не производиться до тех пор, пока не становился понятен объем текущего урожая и уровень цен, а такое понимание наступало с началом уборки, где-нибудь в июле [Янсон, 1870, с. 32].

В заключение отметим, что сближений и параллелей между российским и боспорским земледелием и сельским хозяйством может быть сделано гораздо больше, чем в нашем кратком сообщении. Очень простая главная мысль заключается здесь в том, что две разные системы, помещенные в одинаковые условия, обязательно будут хотя бы в некоторых важных моментах функционировать схожим образом, и, выделив бесспорно общие и универсальные точки соприкосновения этих систем, можно сделать на основе знаний об одной системе, в нашем случае это российское дореволюционное традиционное сельское хозяйство, какие-то предположения об устройстве и функционировании другой, малоизвестной системы, т.е. о хозяйстве античного Боспора.

ЛИТЕРАТУРА

Бененсон М.Е. Экономические очерки Крыма. Симферополь, 1919.

Вернер К.А. (ред.) Памятная книжка Таврической губернии. Сборник статистических сведений по Таврической губернии. Том IX. Симферополь, 1889.

Виноградов Ю.Г. Письмо с горгиппийских наделов // В кн.: Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997.

Гарбузов Г.П. Корабли с зерном из Понта // ДБ. 20. 2016. С. 177–198.

Завойкин А.А. Фанагория во второй половине V – начале IV вв. до н.э. (по материалам раскопок «Южного города»). Древности Боспора. Supplementum I. 2004.

Завойкина Н.В. Новое торговое граффито из Фанагории // БЧ. Вып. XVIII. 2017. С. 151–158.

Карачунский Л. Наличное население Российской империи за 1870 год // Статистический временник Российской империи. Серия II. Вып. 10. СПб., 1875.

Кирьянов А.В. Материалы по земледелию из раскопок античных поселений Боспора // КСИА. Вып. 91. 1962. С. 92–97.

Ларин И.В. (ред.) Кормовые растения сенокосов и пастбищ СССР. Том II. М.–Л., 1951.

Медведев П.Ф, Сметанникова А.И. Кормовые растения европейской части СССР. Л., 1981.

Пашкевич Г.А. Археоботанические исследования Боспора // БИ. Вып. XXXII. 2016. С. 205–299.

Челинцев А.Н. (ред.) Сборник статистических материалов по организации крестьянского хозяйства Украины и смежных губерний. Одесса, 1922.

Янсон Ю.Э. Крым, его хлебопашество и хлебная торговля. Труды экспедиции, снаряженной Императорскими вольным экономическим и Русским географическим обществами, для исследования хлебной торговли и производительности в России. Том II. Вып. 1. СПб., 1870.

Miller N.F., Enneking D. Bitter vetch (Vicia ervilia): Ancient medicinal crop and farmers' favorite for feeding livestock // P.E. Minnis (ed.) New lives for ancient and extinct crops. The University of Arizona Press, 2014. P. 254–268.

ГЛАЗУНОВ В.В.[1], МОДИН И.Н.[2], ТОПИЛИНА Т.В[2],
ЯЛОВ Т.В[2], ПАЛЁНОВ А.Ю[2], ПАНЧЕНКО В.В.[3],
КОСТРОМИЧЕВ Д.А.[3], ЕФИМОВА Н.Н.[4]
(1-СПбГУ, Санкт-Петербург; 2-МГУ, Москва;
3-ГМЗ «Херсонес Таврический», Севастополь;
4 - ООО НПП «ИнжГеофизика», Санкт-Петербург)

ИННОВАЦИОННЫЕ АРХЕОЛОГО-ГЕОФИЗИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ХЕРСОНЕССКОГО НЕКРОПОЛЯ У КАРАНТИННОЙ БУХТЫ

Некрополь у Карантинной бухты является составной частью обширного некрополя Херсонеса Таврического, который опоясывает город за периметром крепостных стен. Некрополь расположен в нижней части устья Карантинной балки, которая прорезает выходы сарматских известняков. Он занимает тальвег балки и часть правого и левого ее склонов, оформленных скалистыми отрогами Девичьей горы и правого борта балки (Филиппенко, 2008, л. 4).

Некрополь простирается к юго-востоку от Херсонеса Таврического, вдоль древней городской дороги, которая в свою очередь тянется вдоль западного берега Карантинной бухты. С IV по II вв. до н.э. эта территория входила в состав наделов херсонесской хоры. В I-II вв. н.э. на смену надельной размежевке приходит городской некрополь, который функционирует до XII в. Общая площадь некрополя составляет более 10 гектар.

Участок некрополя в районе Карантинной бухты имел большое значение в истории ранней христианской общины города. Тут в границах городского некрополя на рубеже античности и средневековья сформировался участок христианских погребений, особенно почитаемых херсонеситами (Филиппенко, 2008, л. 7). Значительная часть некрополя до сих пор остается неисследованной. Музеефикация этого памятника является одним из приоритетов деятельности Государственного музея-заповедника

«Херсонес Таврический».

Первые свидетельства про вырубленные в скале могилы и склепы некрополя Херсонеса относятся к концу XVIII – первой половине XIX вв. Первые могилы и склепы на западном берегу Карантинной бухты раскопаны в середине XIX в. В 1897 – 1914 гг. под руководством К.К.Костюшко-Валюжинича и Р.Х.Лёпера проведены широкомасштабные раскопки некрополя вдоль западного берега Карантинной бухты. В дальнейшем раскопки проводились здесь эпизодически (Зубарь, 1982, с. 4; Рішняк и др., 2012, с. 8-14; Филиппенко, 2008, л. 3-4).

Подавляющее большинство погребальных сооружений представлено тремя типами конструкций: склепами, подбойными могилами и грунтовыми могилами. Практически все они вырублены в скале (Зубарь, 1982, с. 11-18). Склепы являются доминирующим типом погребальных сооружений. Типичные склепы имеют входную яму, в одной из стенок которой устраивался вход в погребальную камеру. Для римского периода характерны склепы с нишами-лежанками. Изредка встречаются склепы-колумбарии, в стенах которых вырубались ниши для урн с кремациями. Глубина склепов достигает 3.5 м. Площадь камер варьирует от 8-10 до 25 кв. м (Филиппенко, 2008, л. 4-5). Среди большого количества погребальных сооружений некрополя известно несколько склепов с фресковой росписью.

Геофизические исследования Херсонесского некрополя имеют свою предысторию. Впервые они были проведены в 1972 г. на некрополе, расположенном в Песочной балке, под руководством директора музея И.А Антоновой. Работы начал геофизический отряд МГУ им. М.В.Ломоносова для оценки возможностей применения геофизических методов для обнаружения склепов, расположенных на северном склоне балки (Бабаева и др., 1973). В 1973 г. к этим работам присоединился геофизический отряд Ленинградского горного института им. Г.В.Плеханова. Для решения поставленных археологических задач применялись методы магниторазведки, электроразведки и сейсморазведки. К середине 70-х годов прошлого века выполнены значительные объемы геофизических исследований в Песочной балке, которые нуждались в заверке археологическими раскопками (Модин и др., 1976; Шевнин и др., 1977). Для увеличения достоверности выявленных аномалий было выполнено детальное геологическое обследование верхней части разреза. В результате было установлено, что склепы вырубались в слое известняков, который был условно назван «продуктивным» и характеризуется относительно низкой прочностью по сравнению с перекрывающими и подстилающими слоями прочных известняков (Антонова и др., 1979). Выявленная геолого-археологическая особенность некрополя была положена в основу обнаружения склепов методом сейсмического прозвучивания «продуктивного» горизонта. В результате применения этого метода удалось установить местоположение склепов на одной из террас балки. Некоторые из склепов были разбурены, обследованы и сфотографированы с помощью перископа (Глазунов и др., 1979).

Успехи, достигнутые на некрополе Песочной балки, послужили основой для проекта проведения геофизических исследований на некрополе у Карантинной бухты в настоящее время. Современный уровень развития технологий археологической геофизики позволяет вывести исследования некрополя на новый уровень.

Инновационность предлагаемого проекта исследований определяется виртуальным характером изучения некрополя, основанным на сочетании методов археологической геофизики и интроскопии склепов. Археолого-геофизические исследования позволяют обследовать археологический памятник, но при этом не приводят к нарушению современного его состояния и не требуют проведения дорогостоящей консервации после завершения работ. Результатом исследований является детальная карта погребальных сооружений некрополя, видеофиксация состояния склепов, определение их геометрических параметров, а также наличия и сохранности фресок. Такой подход обеспечивает получение археологической информации о сохранности и значимости памятника без проведения более затратных раскопок.

Содержание планируемых археолого-геофизических исследований в Карантинной балке включает выполнение следующих видов работ:

а) изучение территории некрополя комплексом геофизических методов, включающим георадиолокацию, электротомографию, магнитную съемку и высокоточную тахеометрическую съемку с целью получения детальной карты склепов и объемной модели некрополя;

б) интроскопию и обмеры обнаруженных склепов с помощью телескопического перископа и лазерного сканера, опускаемых через шпуровое отверстие, разбуриваемое с дневной поверхности в своде склепа;

в) видеофиксация с высоким пространственным разрешением внутреннего объема склепов, включая настенные фрески и артефакты.

Проведение планируемых археолого-геофизических исследований включает три этапа:

1. Опытно-методические геофизические работы на отдельных

участках раскопанной и неисследованной площадей некрополя для выработки оптимальной методики геофизических наблюдений.

2. Геофизическое сканирование всей неисследованной территории некрополя с целью получения карты склепов, а также проведение высокоточной тахеометрической съемки для построения 3D модели микрорельефа.

3. Разбуривание шпуровых отверстий малого диаметра в сводах обнаруженных склепов, проведение видеофиксации и промеров склепов с последующим тампонированием шпуровых отверстий.

Работы первого этапа проведены в августе - сентябре 2017 г. в рамках совместной экспедиции Московского государственного и Санкт-Петербургского горного университетов под руководством сотрудников Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический».

Для опытно-методических работ выбран участок, примыкающий с юга к раскопанному в конце XIX в. участку некрополя у Карантинной бухты. На участке находится открытый склеп, свод которого поврежден траншеей для укладки кабеля. Этот склеп удобен для проведения экспериментальных геофизических работ.

Для выполнения геофизических исследований в пределах этого участка размещен прямоугольный планшет с размерами 25х45м. Геофизические наблюдения на участке выполнялись по системе параллельных профилей, расстояние между которыми составляло 0.5м.

Методика выполненных геофизических исследований основана на сканировании площади некрополя методами георадиолокации, электротомографии, магниторазведки и проведении высокоточной тахеометрической съемки.

Метод георадиолокации обладает наибольшей пространственной разрешающей способностью, поэтому расценивается в качестве основного метода поиска и определения глубины расположения и размеров склепов.

Электротомография позволят установить структурные особенности геологического строения скального массива и выявить размещение слоя известняков пониженной прочности («продуктивного слоя»), в котором древние строители предпочитали вырубать склепы. Метод позволяет также обнаруживать дромосы и могилы, вырубленные в скале и заполненные грунтом.

Магниторазведка обеспечивает локализацию фрагментов железных предметов, которыми насыщен грунтовый слой.

Высокоточная тахеометрическая съемка позволяет зафиксировать положение поверхности памятника и получить детальную топографическую карту микрорельефа некрополя, которая является основой для синтеза по данным комплексных геофизических исследований 3D модели некрополя.

Комплекс выбранных методов является оптимальным, так как результаты работ позволяют получить наиболее достоверную и полную информацию о скрытом пространстве некрополя.

Результаты георадарных исследований, выполненных над открытым склепом, свод которого находится на глубине 1.5м, подтвердили возможность определения геометрических параметров и глубины расположения склепов. На георадарограмме зарегистрированной по профилю, пересекающему склеп, отчетливо проявились характерные возмущения волнового электромагнитного поля свойственные пустоте (рис.1,а). Контуры склепа, показанные на георадиолокационном разрезе, контролируются областью аномальных возмущений. На карте, построенной по данным георадарной съемки, плановое положение георадиолокационного эффекта соответствует форме склепа в плане (рис.1,б). Анализ георадарограмм, полученных по всем профилям геофизического планшета, показал, что волновые эффекты от склепов разнообразны и зависят от глубины расположения, размеров склепов и электрических свойств известняков. Выделены три основных типа атрибутов волнового поля, указывающие на наличие склепов. Уверенное обнаружение склепов, возможно на глубине не менее 2м.

Информация, полученная с помощью электротомографических исследований, представлена в виде геоэлектрических разрезов, которые характеризуют геологическое строение на глубину 5м (рис.2,а). Скальный массив имеет слоистую структуру. Верхний слой характеризуется в среднем высокими значениями удельного электрического сопротивления и соответствует наиболее прочным, монолитным известнякам. Второй слой обладает наименьшими значениями УЭС и соответствует известнякам меньшей прочности. Более высокие значения УЭС подстилающего слоя косвенно указывают на увеличение его прочностных свойств. Глубина кровли слоя 1 изменяется от 1 до 2.5м, а мощность второго слоя варьирует от 1.5 до 2м.

Наиболее интересную археолого-геологическую информацию дает совместное рассмотрение результатов электротомографии и георадио-

локации. На электротомографическом (рис.2,а) и георадиолокационном (рис.2,б) разрезах показана кровля «продуктивного» слоя. Эта геологическая граница отчетливо прослеживается на всем протяжении георадарооилокационного разреза в виде протяженной оси синфазности, отраженного георадиолокационного сигнала. Все склепы, обнаруженные методом георадиолокации, расположены под этой границей, т.е. приурочены ко второму «продуктивному» слою (рис.2,б).

Выявленная закономерность позволяет понять предельно рациональную логику древних строителей. Они рассматривали особенность геологического строения скального массива как средство, облегчающее их работу. Пониженная прочность и толщина (1.5-2м) «продуктивного» слоя идеально подходила для вырубки склепов требуемых размеров, а верхний прочный слой, как естественная крыша, защищал их от обрушения.

На карте, полученной по данным магнитной съемки, проявилось большое количество магнитных аномалий от мелких железных предметов, которые являются свидетельством интенсивных боев Великой Отечественной войны.

По данным георадиолокационного сканирования построена карта волновых электромагнитных возмущений, связанных со склепами, расположенными в «продуктивном» горизонте. На приведенном фрагменте этой карты проявилась упорядоченность размещения предполагаемых склепов, что дополнительно указывает на искусственное происхождение источников георадиолокационных аномалий (рис.2,в).

Реализация третьего этапа запланированных археолого-геофизических исследований обеспечит разработку принципов археологической интерпретации комплексной геофизической информации. Это позволит преобразовать геофизические карты и разрезы некрополя в археологические, содержащие информацию о размещении погребальных сооружений, их сохранности и значимости для изучения некрополя.

В целом, реализация опытно-методического этапа работ позволила обосновать целесообразность проведения дальнейших геофизических исследований для определения границ памятника археологического наследия «Некрополь у Карантинной бухты».

ЛИТЕРАТУРА

Антонова И.А., Глазунов В.В., Гоц И.А., Шевнин В.А., Модин И.Н., Беликов В.В., Уразаев Н.И., Тарнопольская Н.Б., Рыжов С.Г.. Геолого-геофизические исследования на некрополе Херсонеса // Новое в применении физико-математических методов в археологии. М., 1979, с.10-19.

Бабаева Т.М., Романовский В.Е. Шевнин В.А. Поиски археологических объектов в Херсонесе геофизическими методами // НСО № 9 Геол. ф-та МГУ. М.: 1973, с.218-224.

Глазунов В.В., Модин И.Н., Шевнин В.А., Яковлев А.Г. Опытно – методические электроразведочные работы на территории Херсонесского некрополя. // Региональная геология некоторых районов СССР. Вып.4. М.: Из-во МГУ, 1979, с.153-158.

Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. н.э. Киев, 1982. 144 с.

Модин И.Н., Агеев В.В., Глазунов В.В., Перекалин С.О., Шевнин В.А. Результаты электроразведочных работ 1976 г. в Херсонесе // Региональная геология некоторых районов СССР. Вып. 3. М.: Из-во МГУ, 1978, с.160-163.

Рішняк О., Садова О., Туровський Е., Філіппенко А. Некрополь Херсонеса Таврійского. Нові сторінки в історіі досліджень. Львів, 2012. 124 с.

Филиппенко А.А. Паспорт Загородного храма и некрополей возле Загородного храма и возле Карантинной бухты. 2008. НА ГМЗ ХТ. Дело № 4052/2. 17 л.

Шевнин В.А., Модин И Н., Перекалин С.О. О возможности электроразведки при поисках склепов в Херсонесе // Региональная геология некоторых районов СССР. Вып.2. М.: Из-во МГУ, 1977, с.156-162.

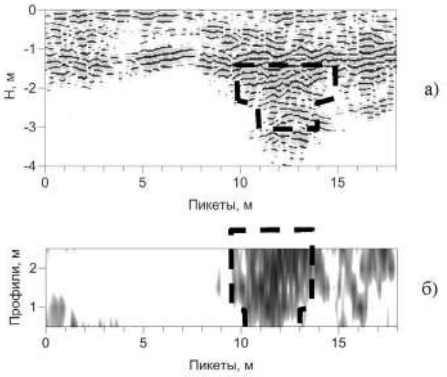


Рис.1. Георадарограмма (а) и карта аномального волнового эффекта (б) с указанием схематических контуров известного склепа.

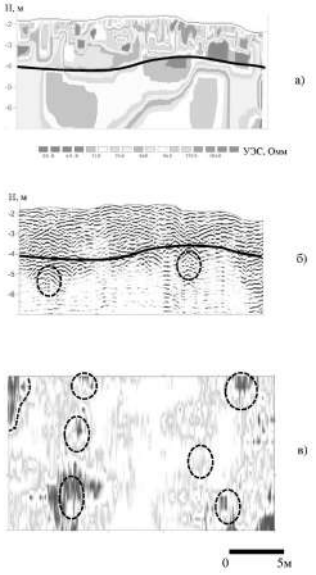


Рис.2. Результаты комплексных археогеофизических исследований участка некрополя у Карантинной балки: электротомографический (а) и георадиолокационный (б) разрезы; карта георадиолокационных аномалий с указанием предполагаемых склепов (в).

ГУНЧИНА О.Л.
(Краснодарский край п.Сенной, Керчь)

РЕСТАВРАЦИЯ МУЗЕЙНЫХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ СВИНЦА (ПО МАТЕРИАЛАМ ФАНАГОРИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ)

Одним из первых процессов обработки металла известных человеку была выплавка и обработка свинца. Свинец используется многие тысячелетия. Бусины из свинца датируются 7 тысячелетием до н.э. Исторические данные об использовании свинца очень многочисленны и мы, в наших археологических исследованиях сталкиваемся с очень большим количеством изделий декоративно-прикладного искусства из свинца и с использованием его в строительстве и ремонте. Параллельно с археологическими изысканиями идет реставрация находок. Очень часто расшифровка свинцовых печатей и писем невозможна без расчистки.

Это было предисловием к конкретным реставрационным методикам применяемым в реставрации произведений из свинца на примере находок Фанагорийской археологической экспедиции в том числе находок поднятых из моря.

Выбор методики реставрации зависит от степени минерализации металлического ядра и от наличия рельефных деталей и изображений. Очень часто рельеф сохраняется в продуктах коррозии, то есть при расчистке предмета до металла изображение может быть утрачено. Поэтому первым и самым важным этапом в реставрации любого музейного предмета из металла является исследование степени минерализации металлического ядра и определение продуктов коррозии. Знание состава продуктов коррозии даёт нам возможность оценить стабильность (или нестабильность, что намного чаще в условиях приморского климата) состояния памятника, определить очередность реставрации, условия хранения и составление реставрационного задания. Я хочу представить реставрацию трех музейных предметов из свинца разной сохранности реставриро-

ванные по разным методикам.

Реставрация свинцового письма

Особенностью коррозии металлов в водах Таманского залива является наличие сульфидов, что связано с большим количеством сероводорода растворенного в воде. Поднятое со дна залива свинцовок письмо, кроме обычных солей образующихся в морской воде (сульфатов, карбонатов, хлоридов) было покрыто сульфидом свинца- PbS. Хотя в данном случае для реставрации это было не принципиально.

Сложность реставрации свинцовых писем состоит в том, что письма как правило свернуты. И первое что нужно сделать это развернуть минерализованный металл. Одна из методик электрохимического восстановления металлического свинца из продуктов коррозии применяется при разгибании свинцовых пластин.

После легкой сухой расчистки от рыхлых продуктов коррозии в местах сгибов была подведена дублирующая основа из реставрационной шелковой бумаги. Немного разогнули пластину. Металл начал трескаться. Остановили разгибание и восстановили металл. Снаружи у нас профилактическая заклейка удерживающая целостность предмета внутреннюю растрескивающуюся поверхность мы локально восстанавливали. Для процесса восстановления сделали два ватных тампона (на деревянных или пластиковых палочках) и попеременно смачивали место сгиба горячим раствором трилона Б, а потом горячим раствором сульфаминовой кислоты. Процесс восстановления проводили очень аккуратно только в местах растрескивания металла, так как восстановленный металл заполняет не только трещины, но и ложится слоем на поверхности пластины. То есть если это письмо, то при неаккуратной работе текст может оказаться под слоем восстановленного металла и вернуть его будет невозможно.

Постепенно в несколько приемов развернули пластину. Профилактическую заклейку удалили. Дальнейший процесс зависит от состава и степени минерализации предмета. В нашем случае, когда слой продуктов коррозии довольно тонкий применялось электрохимическое восстановление свинца металлическим цинком в растворе муравьиной кислоты (что брать в качестве электролита – кислоту или щелочь зависит от состава продуктов коррозии). Еще нужно отметить, что методика электрохимического восстановления свинца из продуктов коррозии применяется в тех случаях, когда коррозионный слой не очень толстый и не искажает форму предмета.

Затем проводилась промывка в дистиллированной воде, просушивание и консервация. Один фрагмент пластины с письмом был найден отдельно, но его место довольно точно определялось. Фрагмент был подклеен встык с подведением дублирующей основы.

Исследование и реставрация свинцовой тессеры из Фанагории

Округлый плоский металлический предмет: диаметр- 9мм, толщина- 1мм. Рельефное изображение не читается. Проведен анализ состава сплава (рентгено-флуоресцентный спектрометр Мистраль-1) - свинец-98%. При поступлении в реставрацию тессера была покрыта почвенными наслоениями смешанными с продуктами коррозии свинца. По визуальным наблюдениям это оксиды и соли свинца разного состава. На большей части поверхности оксид свинца двухвалентного – PbO- темно-серая пассивная пленка. Примерно на 20 % поверхности желтоватые вздутия по видимому смесь оксида свинца четырехвалентного- PbO2, основного карбоната свинца- Pb(OH) –PbCO3 и сульфата свинца-PbSO4. Рельефное изображение частично скрыто продуктами коррозии. Значительные почвенные загрязнения и рыхлые продукты коррозии после сухой механической расчистки были удалены промывкой в воде. Плотные продукты коррозии частично удалялись 10% раствором трилона Б. Так как процесс растворения продуктов коррозии происходит очень медленно, то процесс сохранения рельефного изображения достаточно надежно контролируется. В данном случае важно вовремя остановиться. Тессера была расчищена частично до определения рельефного изображения. Продукты коррозии не искажающие поверхность не удалялись. Еще раз надо обратить внимание, что оставлены плотные и стабильные соединения свинца там, где при полном удалении минерализованного металла будут утраты поверхности. После химической расчистки тессера промыта в горячей дистиллированной воде, просушена в ацетоне и покрыта микрокристаллическим воском в вакуумной камере.

Реставрация свинцовой гири

Третий предмет о реставрации которого хотелось бы сообщить - это уникальное свинцовое грузило с барельефным изображением Гермеса и надписью ФАNАГО.

На поверхности предмета толстый слой продуктов коррозии свинца смешанных с почвой. Коррозионный слой различается по плотности –снаружи рыхлый смешанный с почвой, глубже более плотный без почвенных включений. Визуально продукты коррозии можно определить, как смесь различных солей свинца -PbCl2, Pb SO4 и возможно Pb(OH)2.PbCO3.

Еще раз хочется подчеркнуть важность лабораторных исследова-

ний состояния сохранности музейного предмета поступившего в реставрацию. В данном случае рельеф довольно тонкий, ведь всё изображение вместе с надписью занимает площадку диаметром 1,7см и сохранилось оно в слое плотных продуктов коррозии. То есть это тот случай, когда расчистка до металла может привести к потере информации, а восстановление может произойти в поверхностных слоях и со временем отслоиться, что тоже может привести к разрушению памятника.

Была проведена расчистка от рыхлых продуктов коррозии смешанных с почвой. Расчистка проводилась под микроскопом (Bresser Advance ICD x10) с помощью скальпеля со сменными лезвиями и увлажнением водно-спиртовым раствором. После выравнивания поверхности грузило было высушено в этиловом спирте и покрыто микрокристаллическим воском в вакуумной камере.

В данном случае очень важна превентивная консервация, то есть создание условий хранения приближенных к идеальным. Для произведений из свинца это минимальная влажность и абсолютно нейтральная атмосфера. Мы можем создать такие условия поместив музейный предмет в герметичный пластиковый бокс с просушенным силикагелем. Предмет должен быть отделен от силикагеля слоем безкислотной бумаги. В бокс обязательно помещается индикатор влажности и записка с датой просушивания силикагеля. Один раз в полгода проводится профилактический осмотр и просушивание силикагеля.

ЛИТЕРАТУРА

Фармаковский М.В. «Реставрация и консервация музейных коллекций» Москва 1947.

Шандоровская В.С. «Византийские печати в собрании Эрмитажа». Ленинград 1975.

Шемаханская М. С. «Реставрация металла. Методические рекомендации». Москва 1989.

Минжулин А.И. «Введение в реставрацию металла» Киев 1992.

Шемаханская М.С. «Металлы и вещи». Москва 2015.

Рис. 1. Свинцовая гиря, до реставрации.

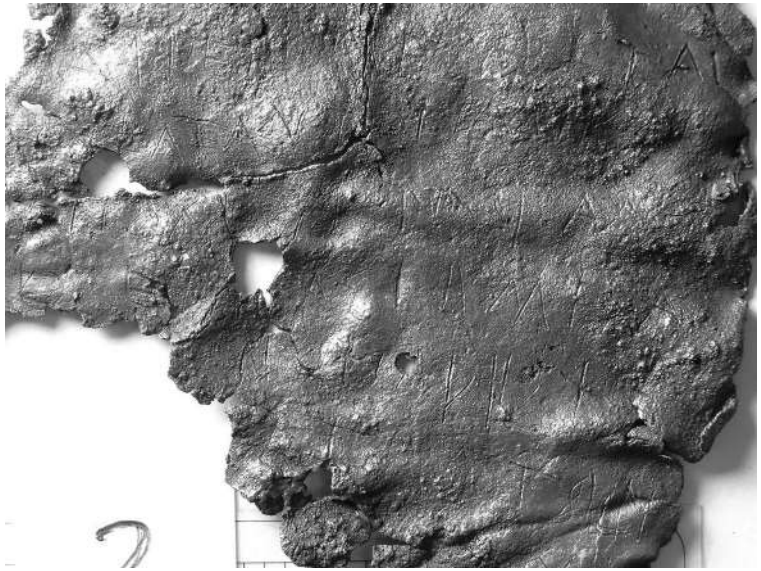


Рис.2. Свинцовая гиря, после реставрации.

ДОРОШКО В.В., ДОРОШКО О.П.
(ГМЗХТ, Севастополь)

РАННИЙ ВЕЩЕВОЙ КОМПЛЕКС ПУНКТА РИМСКОГО ВОЕННОГО БАЗИРОВАНИЯ НА ВЫСОТЕ СУЗДАЛЬСКАЯ[1]

Памятник римского времени расположен на северной окраине Сапун-горского плато. Впервые развалины башни и окружавших ее стен отметил Л.Н. Соловьев в 1925 г. (НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 1385. Л. 111; Филиппенко 1994, с. 84). В 2009, 2012 и 2017 гг. на вершине горы были проведены разведочные работы и раскопки с целью выявления архитектурных остатков, отмеченных Л.Н. Соловьевым.

Исследования показали, что на высоте Суздальской существовал памятник, связанный с римским военным присутствием. К сожалению, его архитектурные остатки были выбраны в последующие времена. В пользу этого свидетельствуют выстроенные здесь и по склонам вершины ограды и каменные возвышения позднеантичного времени. Особенно сильно объект пострадал в годы Крымской войны, когда фактически был срыт при строительстве большого английского редута (именно его и принял за древнее укрепление Л.Н. Соловьев). В дальнейшем и сам редут в значительной степени был срыт при строительстве старого и нового памятников Инкерманскому сражению, при обустройстве траншей во время Великой Отечественной войны, а в послевоенное время рельеф вершины серьезно изменил большой бетонный бункер. Фактически для исследований осталось пространство к югу от редута, где фиксируется культурный слой римского времени на пространстве 30х40 м.

Во время раскопок этого памятника в августе – сентябре 2017 г. была обнаружена яма с многослойным заполнением, центральный горизонт которой представлял собой сброс керамического боя, металлических и стеклянных предметов. Засыпь насыщена частицами угля, остатками золы, реже встречаются кости животных.

[1] *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-31-01082 а2 «Херсонесское пограничье в Юго-Западной Таврике античного времени».*

Первоначально яма, по нашему предположению, была землянкой-погребом поселения, обитавшего на высоте Суздальская до середины II в. На сегодняшний день это единственная земляночная конструкция римского времени, открытая на всем пространстве Гераклейского полуострова. Форма землянки трапециевидная со скругленными краями. В центре и по периметру были найдены обугленные остатки вбитых в скальную основу кольев прямоугольного сечения. Нижняя часть ямы представляет собой заполнение светло-коричневого гумуса с редкими фрагментами керамики, костей животных и угля. В северно-западной части землянки обнаружены несколько углублений, по-видимому, использовавшихся для установки сосудов. На ровной скальной поверхности in situ найдены раздавленная краснолаковая тарелка с закругленным внутрь краем (рис. 1, 1), нижняя часть кувшина, а также бронзовая подвеска в виде фигурки человека в остроконечном головном уборе (рис. 1, 2). Многочисленные аналогии подвеске можно найти среди инвентаря ряда могильников римского времени. По материалам херсонесского некрополя В.М. Зубарь датировал подвески I – III вв. (Зубарь 1982, с. 102-102); по материалам могильника Бельбек IV они датируются в пределах первой половины II в. (Гущина, Журавлев 2016, с. 100).

Выше этой засыпи располагался публикуемый вещевой комплекс, в составе которого есть не только распространенные в данном регионе предметы, но и значительное число необычных по своему происхождению вещей.

Большая часть краснолаковой керамики представлена традиционной для нашего региона понтийской сигиллатой А. В первую очередь, это несколько тарелок с вертикальным бортиком (форма 4.2 по Д.В. Журавлеву, вторая-третья четверть II в. (Журавлев 2010, с. 137, кат. № 115)) (рис. 2, 1), тарелки с закругленным краем (рис. 2, 2), большие чаши с усечено-коническим туловом и вертикальным вогнутым бортиком (форма 30.2 по Д.В. Журавлеву, вторая-третья четверть II в. (Журавлев 2010, с. 145, кат. № 196)) (рис. 2, 3-5). Особо следует выделить находку фрагментов краснолаковой чаши с высоким вертикальным бортиком, закругленным внутрь по верхнему краю, к которому прикреплены горизонтальные π-образные ручки (рис. 2, 6). Глина розовато-красная, в некоторых частях сосуда доходит до серого цвета от воздействия огня, с примесью редких белых и серых частиц. Лак жидкий, цвет варьируется от коричневато-ох-

ристого до темно-коричневого, без блеска. По форме эта чаша совпадает с экземплярами книдской керамики (начало I в. до н.э. – II в. н.э. (Hayes 2000, p. 293, fig. 21, 2-3)). Подражания книдским чашам изготавливались в Афинах, Родосе, Пергамоне, Эфесе, Северной Африке и других центрах (Doksanaltı 2007, s. 12). Судя по опубликованным материалам, такие чаши не встречаются в римских слоях Херсонеса и близлежащих могильниках.

Кухонная посуда представлена, в основном, мелкими фрагментами кастрюль, горшков, одним фрагментом дна ойнохои «эгейского типа». Обращает внимание почти полное отсутствие фрагментов сковород, за исключением одного фрагмента стенки сковороды с красным покрытием. Необычной находкой среди этой группы материала являются фрагменты верхней части горшка округлой формы со слегка отогнутым венчиком, по тулову которого прочерчены тонкие глубокие бороздки (рис. 2, 7). Глина охристо-серая с включениями частиц пироксена. На тулове видны следы копоти. Точных аналогий этому сосуду найти не удалось, однако наиболее близкий ему по форме горшок происходит из Истрии, где датируется по контексту началом II – серединой III в.; А. Сучевану отнес этот горшок к истрийскому производству (Suceveanu 1985, pl. 60, 4).

Уникальными находками можно считать фрагменты двух сосудов на кольцевом поддоне с широким горлом. Форма одного сосуда восстанавливается полностью (рис. 2, 8). Эти горшки изготовлены из светлой с оливковым оттенком, местами имеющей светло-пепельный цвет, очень плотной глины с включением очень мелких частиц коричневатого цвета. Сосуды относятся к галльской каолийной керамике римского времени, местом производства которой является район Везона (Meffre, Raynaud 1993, p. 488). Урны, найденные на высоте Суздальская, принадлежат к группе Kaol A1, время бытования которой датируется в пределах 20-150 гг. (Meffre, Raynaud 1993, p. 489).

Интересны находки фрагментов светильников. Первый, который сохранился частично, представлен распространенной в Северном Причерноморье формой светильника II в. с изображением на щитке дельфина (рис. 1, 3). Только в Херсонесе таких светильников найдено два: один происходит из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича (инв. № 978); другой найден на Западном некрополе Херсонеса (раскопки В.М. Зубаря) (инв. № 37098/27). Второй светильник сохранился лучше, однако аналогий ему в известной нам литературе найти не удалось. На его щитке - рельефное изображение пасущейся лани (рис. 1, 4). Глина розовато-коричневая; лак на щитке темно-оливкового цвета с коричневым оттенком, на дне он варьируется от темно-красного до почти черного цвета, покрывает светильник частично и неравномерно.

Среди металлических изделий следует выделить находку фрагментированной подвески из желтого металла с круглой стеклянной вставкой. О том, что засыпь ямы была связана с римским гарнизоном, свидетельствуют находки деталей военного снаряжения:

- железные обувные гвозди;
- фрагмент бронзовой поясной пластины с растительным орнаментом из точек (рис. 1, 5); датировка аналогичных изделий не разработана, но появляются они ещё в I в н.э. (Unz, Deschler-Erb 1997, Kat. Nr 1217; Lenz 2007, s. 155, taf. 24, 212, 213);
- обломок бронзового перехвата ножен меча, украшенного двумя глубокими бороздками (рис. 1, 6) (Miks 2007, s. 826, Taf. 196, B 139, 1,2).

В засыпи ямы были найдены три монеты, две из которых чеканены одним штампом (Анохин 1977, с. 149, кат. № 214).

Дата образования комплекса лежит в пределах второй четверти – середины II в. Эту датировку подтверждает как сам вещевой комплекс, так и его стратиграфическое расположение. Яму и пространство вокруг нее перекрывает слой длительного накопления, содержащий находки от второй половины II до V в. Интересно отметить находку бронзового диска в слое, перекрывающем комплекс. На его обеих сторонах выбиты трехстрочные латинские тексты. В предварительном прочтении, этот диск был частью амуниции солдат I Киликийской когорты. Суммарно он датируется последней третью II – первой половиной III в. Также немаловажно отметить, что южную сторону землянки и слой над ней перекрывает бутовая кладка позднеантичного времени, которую следует связывать с существованием в это время сельскохозяйственной округи местного населения, проживавшего в каком-то неизвестном на сегодняшний день поселении. Стоит упомянуть, что этим же временем датируется некрополь Килен-балка, расположенный в километре к западу-юго-западу от пика вершины высоты Суздальская (Контны, Савеля 2006, с. 148).

Подводя итог, отметим, что римские солдаты, с деятельностью которых мы соотносим публикуемый комплекс, как и следовало ожидать, перенесли на место новой дислокации часть материальной культуры, с которой они были связаны до этого. Такую особенность мы наблюдаем только на начальном этапе функционирования римского поста на высоте Суздальская. В дальнейшем, как показали раскопки здесь более поздних напластований второй половины II – начала III вв., римские военнослу-

жащие пользовались распространенной в Юго-Западной Таврике керамикой.

ЛИТЕРАТУРА

Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). К., 1977.

Гущина И.И., Журавлев Д.В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В 2 частях. М., 2016. Ч. 1.

Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I – III вв. н.э. Симферополь, 2010.

Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I – IV вв. К., 1982.

Контны Б., Савеля Д.Ю. Вооружение из могильника в Килен-балке // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 129 – 160.

Филиппенко А.А. К вопросу о Таврическом лимесе // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. VII междунар. науч. конф. Ростов-на-Дону, 1994. С. 82 – 84.

Doksanaltı E. Knidos- Kap Krio Çalışmalarında Bulunan Sarnıç Buluntuları -II Kulplu Kaseler- // İDOL. Arkeologlar Derneği Dergisi. 2007. Y. 9. S. 34. S. 8 – 14.

Hayes J.W. From Rome to Beirut and Beyond: Asia Minor and Eastern Mediterranean Trade Connections // Acta Rei Cretariae Romanae Fautores. 2000. Vol. 36. P. 285 – 297.

Lenz K.H. Römische Waffen, militärische Ausrüstung und militärische Befunde aus dem Stadtgebiet der Colonia Ulpia Traiana (Xanten). Bonn, 2006.

Meffre J.-C., Raynaud C. Céramique commune kaolinitique // LATTARA. 1993. Vol. 6. P. 488 – 499.

Miks C. Studien zur römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit. – Leidorf, 2007. – 522 s.

Suceveanu A. Ceramica romană din secolele I–III p.c. // Histria. Vol. X. Bucureşti, 1985.

Unz K., Deschler-Erb E. Katalog der Militaria aus Vindonissa. Militärische Funde, Pferdegeschirr und Jochteile bis 1976. Veroeffentlichungen der Gesellschaft pro Vindonissa. Bd 14. Brugg, 1997.

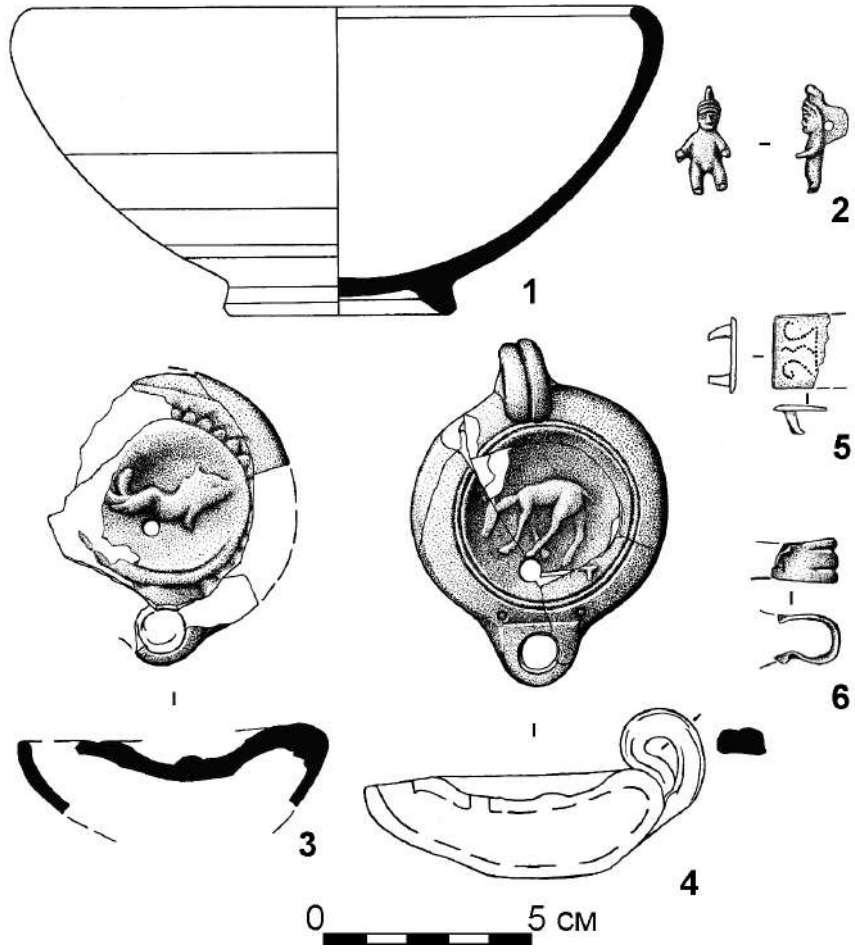


Рис. 1. 1 – 2 – находки со дна землянки; 3 – 6 – находки из засыпи ямы.

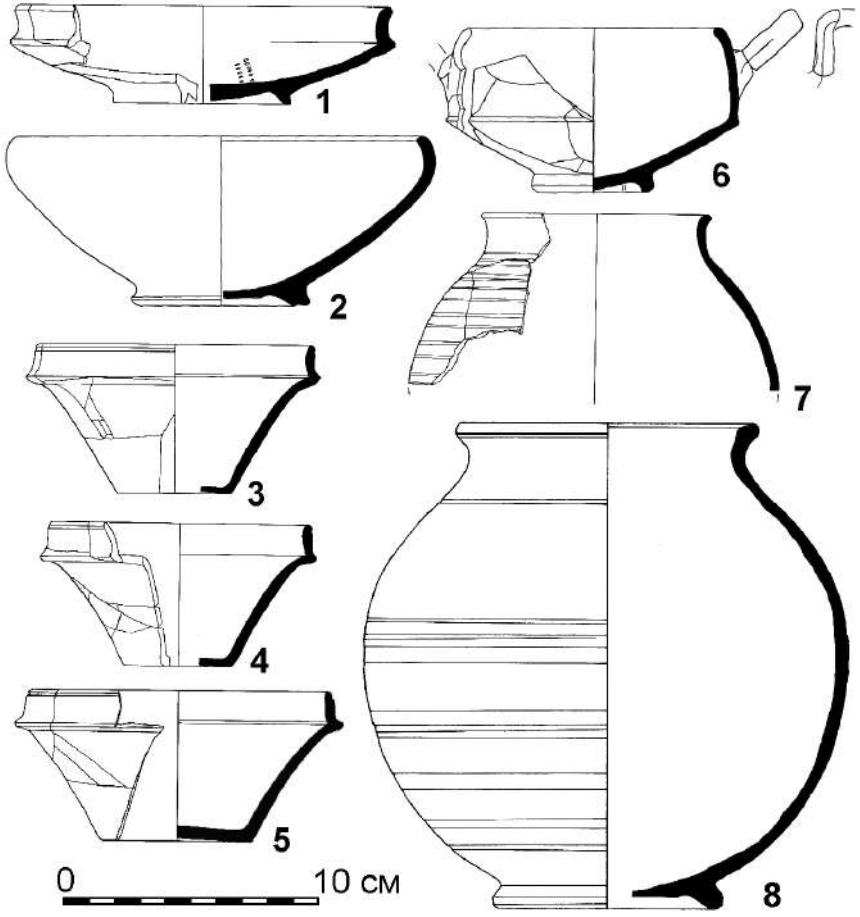


Рис. 2. Керамические находки из засыпи ямы.

ЕГОРОВА Т.В.
(МГУ, Москва)

ЧЕРНОЛАКОВЫЕ ФЛЯГИ ИЗ РАСКОПОК ПАНТИКАПЕЯ

Коллекция чернолаковой керамики из раскопок Пантикапея, проводившихся Боспорской археологической экспедицией ГМИИ им. А.С. Пушкина, хранящаяся в фондах этого музея и Восточно-Крымского историко-культурного заповедника, отличается большим разнообразием форм [Егорова, 2014, с. 174][1]. Одной из уникальных форм, представленных в материалах из Пантикапея, являются чернолаковые фляги [Егорова, 2016, с. 265, рис. 5, №7; Егорова, 2017, с. 112, рис. 19, табл. 40, №203].

Фляги (flasks) – дорожные сосуды, приспособленные для ношения с собой различных жидкостей, известны на территории Греции еще с эпохи Бронзового века [Furumark, 1941, pp. 32, 67; Mingazzini, 1967, pp. 349-352; Rotroff, 1997, p. 183]. Обычно это закрытые емкости средних размеров с узким горлом и округлым или уплощенным туловом без ножки или поддона, с двумя вертикальными ручками. О том, что их использовали именно в качестве фляг путешественники или солдаты (некоторые ассоциируют их с известными по письменным источникам специальными солдатскими χώθων) свидетельствует не только характерная форма, но и изображение подобного сосуда на поясе терракотовой статуэтки актера, изображающего солдата, хранящееся в Берлине [Bieber, 1961, p. 40, fig. 153; Rotroff, 1997, p. 184]. Вероятнее всего, сосуды подобного назначения делались преимущественно из органических материалов [Rotroff, 1997, p. 184], поэтому их глиняные аналоги встречаются не так часто.

Наибольшее распространение в античном мире получили красног-

1 Благодарю начальника Боспорской экспедиции, заведующего отделом искусства и археологии Античного мира ГМИИ им. А.С. Пушкина В.П. Толстикова за возможность публикации материалов, а также руководство и сотрудников Восточно-Крымского историко-культурного заповедника, в частности, директора заповедника Т.В. Умрихину и заместителя директора по научно-фондовой работе Н.В. Быковскую, за возможность работы в фондах.

линяные экземпляры, хотя и их находки нельзя назвать многочисленными [например: Белов, 1962, с. 153, рис. 20; Panskoye I, 2002, p. 178, pl. 106, no. C266; Rotroff, Oliver, 2003, p. 66, pl. 40, no. 240; Rotroff, 2006, p. 122, fig. 57, no. 347; Egorova, 2011. P. 866, Pl. 350b; Егорова, 2014. С. 319; Berlin, 2015, p. 638, 667, pl. 6.1.19 и др.]. Как правило, это изделия местных мастерских тех регионов, где они были обнаружены.

Еще реже встречаются чернолаковые фляги, которые появляются, скорее всего, не ранее V – IV в. до н.э., возможно, в Беотии, а в Аттике их начали выпускать только в раннеэллинистическое время – с первой четверти III в. до н.э. [Rotroff, 1997. P.183-184; CVA, Mainz Universitat 2, 1978, taf. 52, p. 74-75, no. 152]. Пожалуй, наибольшее количество чернолаковых фляг происходит из раскопок Афинской агоры – более 20. Здесь они известны в трех вариантах: с прямоугольным туловом (rectangular), круглые (round) и треугольные (triangular) [Rotroff, 1997. P.185]. Преимущественно аттические сосуды двух первых вариантов время от времени попадали в Северопричерноморский регион. Очевидно, что они не являлись предметами торговли, а попадали в Северное Причерноморье в качестве личных вещей прибывающих, в частности, на Боспор путешественников.

В Пантикапее представлены только пять экземпляров с прямоугольным и круглым туловом. Четыре из них, несомненно, аттического производства. Первый (рис. 1, 1) отличает подпрямоугольная (по крайней мере в верхней, наиболее хорошо сохранившейся части) форма выпукло-вогнутого тулова, что позволяет относить его к так называемому варианту прямоугольных фляг (rectangular), существовавших на протяжении всего III в. до н.э. Характерная форма венчика: раструбообразного, с утолщением в верхней части, а также форма и способ крепления вертикальных округлых в сечении ручек, нижние корни которых примазаны к середине или ближе к краю плечиков, свидетельствуют о том, что сосуд является ранним в своем варианте и может датироваться первыми десятилетиями III в. до н.э. [Rotroff, 1997, p. 185]. Глина красного тона (Munsell, 7.5YR 7/4), хорошо отмученная, без видимых включений. Лак черный, блестящий, тонким ровным слоем покрывает всю видимую поверхность сосуда. На внутренней поверхности венчика граффито: А. Форма сосуда типологически близка флягам максимально схожим, по мнению С. Ротрофф, с кожаными прототипами [Rotroff, 1997, p. 185, 292–293, fig. 34, pl. 88, no. 1198].

К этому же типу, но судя по особенностям формы края, к более позднему времени – второй половине III в. до н.э. [аналогия: Rotroff, 1997, p. 358, fig. 74, no. 1201], вероятно, относится и фрагмент венчика фляги с

аналогичными характеристиками глины и лака, но украшенный процарапанными полосами в нижней части (рис. 1, 2).

Фляги такого же варианта уже встречались в Северном Причерноморье, в частности, на городище Ак-Кая/Вишенное в центральном Крыму в пристенном святилище эллинистического времени [Зайцев, 2015, с. 137-138, рис. 3, 11].

Особенности крепления уплощенных ручек, смещенных в одну плоскость, характерные для двух фляг, от которых сохранились только верхние части (рис. 1, 3, 4), а также подгоризонтально отогнутый наружу венчик с заглаженным краем, позволяют отнести эти экземпляры к варианту с округлым туловом (round), типологически близкому одному из аттических сосудов, датированному С. Ротрофф концом III в. до н.э. [Rotroff, 1997, p. 358, fig. 74, no. 1203]. Для них характерно округлое более или менее плоское тулово, одна поверхность которого выпуклая, другая слегка вогнутая. Глина этих сосудов также характерна для аттических образцов (Munsell, 7.5YR 7/4, 8/4). Качество лакового покрытия сходно, но №4 отличается металлическим блеском.

Самым интересным является пятый сосуд (рис. 1, 5). Это фрагментированная фляга с округлым куполообразным с одной стороны и слегка вогнутым с другой туловом. Горло развернуто как у асков, венчик отбит. Две симметричные уплощенные ручки (утрачены). От известных аттических образцов с круглым туловом его отличает наличие специально сформованного выступающего бортика по окружности тулова, в месте стыковки выпуклой и вогнутой частей. Найти аналогий форме фляги среди опубликованного аттического, равно как и малоазийского, македонского или западнопричерноморского материала пока не удалось, хотя основные характеристики глины: оранжевого тона (Munsell, 10YR 7/4), без видимых включений, хорошо отмученная, на первый взгляд, позволяют предположительно отнести ее к продукции аттических мастерских. Однако под горло на выпуклую часть тулова сосуда нанесен орнамент в стиле West Slope: гирлянда с копьевидными подвесками [Егорова, 2016, с. 266]. Оранжевые глиняные подвески крепятся процарапанными дугами к белой ленте, заканчивающейся длинными, свисающими вниз концами. Такой вариант орнамента редко встречается на аттических сосудах [Rotroff, 1997, pl. 49, no. 499]. Гораздо шире он представлен в пергамской керамике [Behr, 1988, abb. 2, no. 5, taf. 13, no. 7, taf. 14, no. 2; Lungu, 2011, p. 278, no. XXXVII 2]. Таким образом, в какой-то степени, это ставит под сомнение ее аттическое производство. Дата сопутствующего материала – III – II вв. до н.э.

Интересно отметить, что эллинистические фляги находят, преимущественно, на поселениях и практически никогда в некрополях. Если не считать флягами так называемые «аски с двумя ручками», широко представленные на некрополе Аполлонии Понтийской, а также некоторых поселениях в Западном Причерноморье (например, Истрии). Это сосуды местного производства, по форме напоминающие фляги с круглым туловом (двояковыпуклые, без поддона, ручки расположены горизонтально) [Иванов, 1963, с. 140-142, обр. 57]. Однако при всей схожести форм они отличаются исключительно малыми размерами, что позволило исследователям относить их к миниатюрным сосудам для масла – аскам. Только протогеометрические сосуды, интерпретированные как фляги, были найдены в погребальных комплексах Аттики [Rotroff, 1997, p. 184-184].

Иногда встречаются чернолаковые фляги с клеймами Филона, Гераклеида, Аполлона и др. [Rotroff, 1997, p. 359, №1211, 1212; Χατζηδακης, 1997, pl. 277; Зайцев, 2015, с. 135-145 и др.], позволившие исследователям уточнить хронологию отдельных вариантов [Rotroff, 1997, p. 186]. Но незначительное количество фрагментов и целых форм, найденных к настоящему моменту как в Средиземноморском регионе, так и в Северном Причерноморье, а также широкий разброс дат слоев из которых зачатую происходят некоторые из них, не позволяют пока, на наш взгляд, говорить о достаточно узкой датировке таких сосудов.

ЛИТЕРАТУРА

Белов Г.Д. Эллинистический дом в Херсонесе // Труды Государственного Эрмитажа. Т. VII: Культура и искусство античного мира. Л., 1962. С. 143–183.

Егорова Т.В. Предварительный анализ комплекса чернолаковой керамики VI–II вв. до н.э. из раскопок Пантикапея 1945–1992 гг. // Древности Боспора. Т. 18. – Отв. ред. А.А. Масленников. М., 2014. С. 174–195.

Егорова Т.В. Чернолаковая керамика с росписью в стиле «West Slope» из раскопок Пантикапея // Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology. 2016. № 3. С. 259–276.

Егорова Т.В. Античная чернолаковая керамика из собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. М., 2017. 203 с.

Зайцев Ю.П. Пристенное святилище эллинистического времени на городище Ак-Кая/Вишенное в центральном Крыму // Боспорские исследования XXXI. – Отв. ред. В.Н. Зинько, Симферополь-Керчь, 2015. С. 135–145.

Иванов Т. Антична керамика некрополя Аполлония // Аполлония. – Отв. ред. И. Венедиков. София, 1963. С. 65–273.

Behr D. Neue Ergebnisse zur pergamenischen Westabhangkeramik // Istanbuler Mitteilungen. Bd. 38. 1988.

Berlin A. Hellenistic Period // The ancient pottery of the Israel and Neighhbors from the Iron Age through the Hellenistic Period. V. 2, chapter 6.1 – Ed. S. Gitin, Jerusalem, 2015. P. 629–745.

Bieber M. The History of Greek and Roman Theatre. Princeton, 1961. 343 p.

Egorova T.V. Ceramic complex of the second half of the IVth – the beginning of the IIId century BC from the farmhouse in the suburbs of “Chaika” settlement (North Western Crimea) // Ζ’Επιστημονικη Συναντηση για την Ελληνιστικη Κεραμικη. Αθηνα, 2011. P.

Furumark A. The Mycenaean pottery: analysis and classification. Stockholm, 1941. 689 p.

Lungu V. West Slope pontique: productions et ateliers // Ζ'Επιστημονικη Συναντηση για την Ελληνιστικη Κεραμικη. Αθηνα, 2011. P. 497–514.

Mingazzini P. “Qual’era la forma del vaso chiamato dai greci kothon?”// AA 82, 1967. P. 344–366.

Rotroff S.I. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. The Athenian Agora XXIX. Princeton; New Jersey, 1997. 575 p.

Rotroff S.I., Oliver A. The Hellenistic Pottery from Sardis: the finds through 1994 // Archaeological Exploration of Sardis, Monograph 12. Cambridge, London, 2003. 376 p.

Rotroff S.I. Hellenistic Pottery. The plain Ware and Related Material. The Athenian Agora XXXIII. Princeton; New Jersey, 2006. 550 p.

Panskoye I // The Monumental Building U6. Vol. 1 – Ed. L. Hannestad, V.F. Stolba, A.N. Sceglov. Aarhus, 2002.

Χατζηδακης Π. Κτίριο νοτια του «Ιερου του Προμαχωνος» Μία taberna vinaria στη Δήλο // Δ'Επιστημονικη Συναντηση για την Ελληνιστικη Κεραμικη. Αθηνα, 1997. P. 291–307.

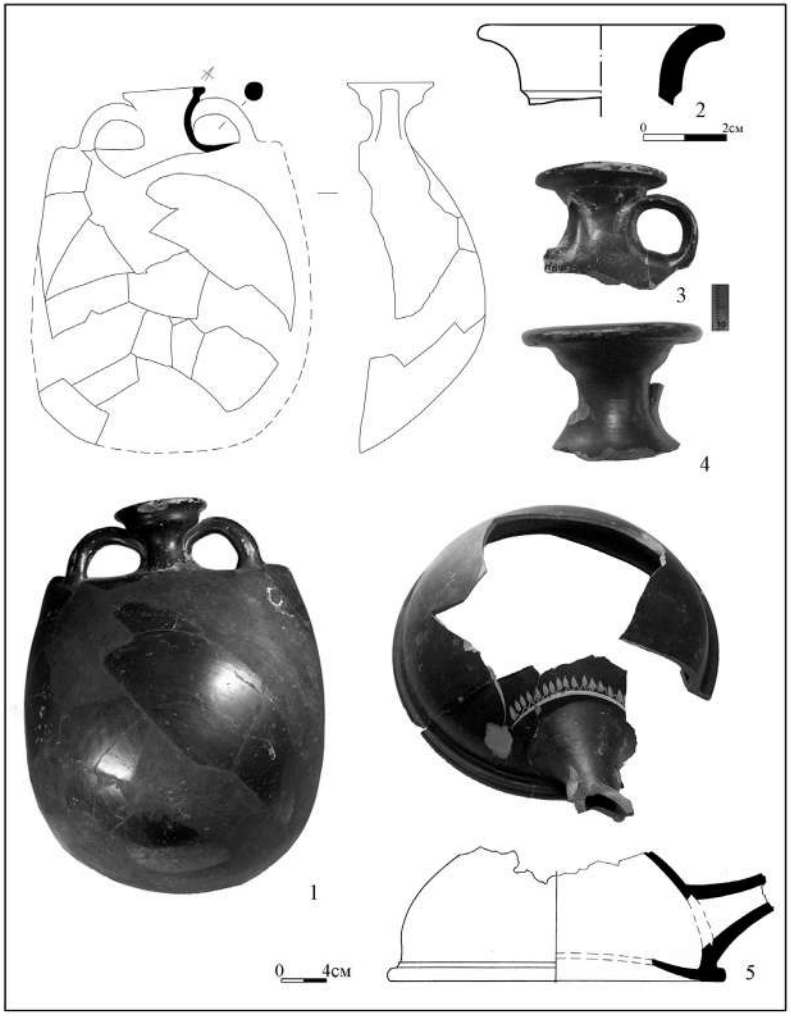


Рис. 1. Фляги из Пантикапея: 1 – М65, Новый Эспланадный раскоп, № 34; 2 – М68, Новый эспланадный раскоп, №376; 3 – М07, Центральный северный раскоп, №59; 4 – М95, Центральный северный раскоп, №351; 5 – М07, Центральный северный раскоп, №2.

ЗАВАДСКАЯ И.А.
(НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского,Симферополь)

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ПРОИЗВОДСТВЕ ЧЕРЕПИЦЫ В СРЕДНЕВЕКОВОМ КРЫМУ[1]

Керамическая черепица была наиболее популярным кровельным материалом в городах и поселениях средневекового Крыма. В основном она представлена плоскими керамидами с бортиками и полукруглыми калиптерами, форма которых унаследована из античности. Сочетание этих двух видов черепицы известно в Греции и Италии с VI в. до н.э. [Brodribb, 1987, p. 5]. В Крыму, а именно в Пантикапее привозная черепица фиксируется с конца VI – начала V вв. до н.э. [Ковальчук, 2007]. В античную эпоху причерноморские города в значительной степени использовали черепицу из Синопы [Гайдукевич, 1934, с. 214, 230-231; Федосеев, 2011, с. 303]. Синопские керамиды и калиптеры массово находят при раскопках Ольвии, боспорских городов, Херсонеса и его хоры, например, эллинистической усадьбы Ортли в Северо-Западном Крыму [Завадская, Дюженко, 2013, с. 247-262; Завадская, 2014, с. 266-271].

Вероятно, с конца V в. до н.э. в городах Боспорского царства и в Херсонесе наряду с импортными поставками было организовано местное производство черепицы, которое особенно активно развернулось с середины IV в. до н.э., когда началась практика клеймения черепицы [Гайдукевич, 1934, с. 217, 237; Крыжицкий, 1984, с. 202; Ковальчук, 2007]. Образцами для местных черепиц послужили формы керамид и калиптеров из разных древнегреческих центров. Наиболее близкие аналогии для пантикапейских керамид с поперечным валиком в верхней части и выступом («зубом») с тыльной стороны в нижней части В.Ф. Гайдукевич видел в черепицах из Пергама и Делоса [Гайдукевич, 1934, с. 230-231, 236]. Наряду с ними в боспорских городах и Херсонесе производились также керамиды

[1] *Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00314 «Средневековый город на плато Эски-Кермен в Горном Крыму».*

по синопским образцам, в которых были срезаны продольные бортики в верхней части и нижние углы с тыльной стороны, а также полукруглые гладкие или желобчатые калиптеры. Следует подчеркнуть, что несмотря на вариации, именно плоские керамиды стали в Крыму доминирующими при сравнительно небольшом проценте вогнутых черепиц-керамид лаконского типа.

Античная черепица отличается достаточно крупными размерами. Некоторые экземпляры наиболее ранних керамид с бортиками VI в. до н.э. из Греции и Италии имели длину больше 1 м (85х115 см, 76х110 см) [Brodribb, 1987, p. 5-6]. Размеры эллинистических боспорских (пантикапейских) керамид составляли 50,0-51,0х59,0-60,0 см, а синопских того же времени – 51,5-52,0х67,0 см [Гайдукевич, 1934, с. 222, 229-231; Завадская, Дюженко, 2013, с. 248]. В античном мире керамическая черепица ценилась очень дорого и была своего рода критерием богатства и знатности [Brodribb, 1987, p. 7-8]. Ею покрывали храмы, общественные здания и дома состоятельных граждан.

Таким образом, античная черепица была дорогостоящим и тяжелым кровельным материалом, рассчитанным для сооружений с очень прочными несущими конструкциями. Изменения, которые происходили в процессе производства черепицы в последующие столетия, были направлены, прежде всего, на то, чтобы сделать ее дешевле и легче.

Тенденция к уменьшению размеров черепицы в римское и ранневизантийское время наблюдается по всему Причерноморью. Исследователи отмечают также ухудшение качества строительной керамики уже в римское время [Гайдукевич, 1934, с 238-242]. Отступление от качественных и метрических стандартов, соблюдавшихся в эллинистический период, вероятно, было одним из факторов, которые удешевляли и ускоряли производство.

Эффективность производства черепицы зависела, прежде всего, от способа ее формовки и от тех инструментов, которые использовал мастер. Описания этого процесса в письменных источниках не известны. Поэтому его реконструкция возможна лишь на основании изучения сохранившихся черепиц. В историографии предложено несколько таких реконструкций. В отношении античных керамид большинство исследователей предполагают использование для их формовки деревянных матриц (форм) [Гайдукевич, 1934, с. 232; Джгамая, 1969, с. 103]. Наиболее детально этот процесс представлен на реконструкции A. McWhirr [Моисеев, 2011, с. 184, рис. 5, II]. Согласно данной реконструкции, в деревянную форму с

выступами для продольных бортиков утрамбовывалась глиняная масса, затем в пространстве между планируемыми бортиками удалялась лишняя масса, после чего специальным инструментом формировался профиль бортика. Такая процедура получила название «лицевой» способ изготовления черепицы [Моисеев, 2011, с. 183; Моисеев, 2013, с. 172]. Он требовал много времени и сил, поскольку отформованное изделие нуждалось в существенной дополнительной обрезке и правке.

Главной инновацией на пути повышения эффективности процесса изготовления черепицы было усовершенствование формы-матрицы. Наиболее явными признаками керамид, отформованных в обновленных матрицах, являются наличие верхнего бортика и рельефных водосливных валиков и меток. Именно эти признаки характерны для средневековых керамид. А.Л. Якобсон считал, что матрица для их изготовления состояла из двух частей: в нижней раскатывался слой глины, верхняя формировала бортики, на ней же были вырезаны валики и метки, которые отпечатывались на черепице [Якобсон, 1950, с. 119]. В таком случае верхняя часть матрицы, вероятно, должна была служить в качестве пресса. Е.А. Паршина предложила более вероятную реконструкцию, согласно которой матрица представляла собой деревянный ящик, на дно которого крепилась толстая доска с вырезанными на ней валиками и меткой. Толщина и профиль доски формировали высоту и форму бортиков [Паршина, 1974, с. 81]. Аналогично по сути реконструировал матрицу («форму-изложницу») и В.А. Сидоренко, сопроводив детальное описание ее графической реконструкцией [Сидоренко, 1985, с. 94-95, рис. 1]. Процесс формовки черепицы заключался в том, что в матрицу помещалось глиняное тесто, плотно утрамбовывалось, после чего излишки глины с верхней поверхности заполненной матрицы удалялись. Такой способ получил название «тыльный» [Моисеев, 2011, с. 183, 184, рис. 5, I; Моисеев, 2013, с. 174-175]. Его принципиальное отличие от античного «лицевого» способа состояло в том, что теперь лицевая сторона черепицы формировалась на дне матрицы, принимая от нее форму бортиков и вырезанные изображения. Использование подобных матриц позволило значительно ускорить и стандартизировать процесс изготовления черепиц. И хотя на многих экземплярах, выполненных таким способом, наблюдаются небольшие подрезки, в частности нижних тыльных углов, затраты времени и труда на послеформовочную доработку изделия были сравнительно не велики. Помимо явного экономического эффекта, новый способ формовки наделял матрицу дополнительной функцией. Если в античное и ранневизантийское время маркировка строительных

материалов производилась с помощью клейм, которые отпечатывались на некоторые уже сформованные изделия, теперь метка вырезалась в самой матрице. Именно она становилась орудием маркировки, своего рода станком для тиражирования десятков и даже сотен идентичных черепиц – носителей определенной метки, знака. Новый способ маркировки, скорее всего, изменил и ее суть. И хотя вопрос о значении рельефных меток окончательно не решен, ответ на него может находиться в гораздо более широкой плоскости, чем простая производственная целесообразность и указание на принадлежность изделия [Завадская, 2015, с. 222-223].

Изготовленная новым способом черепица появляется, скорее всего, в ранневизантийский период. Д.А. Мосеев, на основании материалов из засыпи цистерны, предшествующей строительству Базилики Крузе в Херсонесе, относит время появления нового способа к середине – третьей четверти VI в. [Моисеев, 2013, с. 168-175]. В ранневизантийскую эпоху новый способ формовки черепицы был известен также в Абхазии, Закавказье, Малой Азии и, вероятно, в других регионах, где использовали плоские керамиды. К сожалению, строительная керамика византийского мира публикуется крайне редко и скупо, поэтому говорить о более точном времени и месте, где впервые был изобретен новый способ формовки черепицы не представляется возможным.

В средне- и поздневизантийский период в Крыму и Восточном Причерноморье «тыльный» способ формовки черепицы становится основным и, скорее всего, единственным. При этом в отличие от Восточного Причерноморья и Закавказья, где черепицы с метками были сравнительно редки [Армарчук, 2012, с. 85; Чхаидзе, 2012, с. 189-191; Завадская, 2015, с. 215], в Крыму практика нанесения рельефных изображений на поле черепиц получила широкое распространение [Якобсон, 1979; Романчук, 2004; Моисеев, 2011; и др.]. Наибольшее разнообразие рельефных меток характерно для поздневизантийского периода. До настоящего времени самой многочисленной из опубликованных остается коллекция меток на черепице, найденной в Херсонесе [Романчук, 2004].

Фрагменты кровельной черепицы являются самой массовой категорией находок также в слоях разрушения средневекового города на плато Эски-Кермен. Планомерные раскопки одного из жилых кварталов, выходящих на главную улицу этого города, проводятся с 2003 г. с перерывами до настоящего времени под руководством А.И. Айбабина и Э.А. Хайрединовой [Айбабин, Хайрединова, 2017]. Квартал был разрушен в конце XIII в. [Айбабин, 2014, с. 245-250]. В течение 10 археологических

сезонов получено более 113,5 тыс. фрагментов от плоских керамид и более 4,8 тыс. – от полукруглых калиптеров. Среди керамид зафиксированы лишь единичные разрозненные фрагменты от форм, сделанных «лицевым» способом. Подавляющая масса керамид и калиптеров изготовлены в матрицах «тыльным» способом. Все керамиды имели верхний бортик, на многих экземплярах присутствуют водосливные валики. Значительная часть керамид имела рельефные метки в виде греческих букв, разных знаков, изображений животных и людей. Фиксируются целые серии маркированных керамид, происходящих из одной матрицы [Завадская, 2008; 2015, с. 219; 2017, с. 179]. Встречаются также керамиды с гладким полем – без меток и валиков. Значительная часть калиптеров, также, как и керамиды, имели рельефные водосливные валики, реже – буквенные метки. Это свидетельствует о том, что калиптеры также формовали в деревянных матрицах с вырезанными на дне элементами.

Технологические и морфологические характеристики черепицы из раскопок эски-керменского городища позволяют говорить о том, что она была произведена в разных керамических центрах, вероятно, в период с XI-XII до конца XIII в. Две наиболее поздние группы, относящиеся, скорее всего, к последнему ремонту крыш помещений в исследуемом квартале, были привезены на плато из Илькинского керамического центра под Мангупом, а также из мастерских, расположенных в Херсонесе или его округе [Завадская, 2017]. Скорее всего, в средне- и поздневизантийский периоды в Юго-Западном Крыму функционировало несколько достаточно крупных керамических центров с хорошо налаженным товарным производством, поставлявшим свою продукцию в разные населенные пункты.

Таким образом, нововведения в процессе производства черепицы, в частности использование принципиально новой матричной формы, а также отход от античных стандартов качества и размеров черепиц, привели к тому, что в средне- и поздневизантийский периоды черепица стала массовым и сравнительно доступным кровельным материалом. В отличие от античного времени, когда она использовалась в основном для общественных зданий и богатых особняков, в указанные периоды, вероятно, все дома в крымских городах имели черепичные крыши.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 240-277.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Особенности городской застройки XIII в. на плато Эски-Кермен // V Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений (Бахчисарай, 7-8 сентября 2017 г.). Бахчисарай, 2017. С. 5-6.

Армарчук Е.А. Христианский храм у пос. Веселое: предварительная публикация результатов раскопок 2010 г. // Российская археология. 2012. № 3. С. 78-90.

Гайдукевич В.Ф. Строительные керамические материалы Боспора // ИГАИМК. 1934. Вып. 104. С. 211-315.

Джгамая Д.К. Производство строительной керамики в феодальной Грузии // Археологические памятники Феодальной Грузии / под ред. Г.А. Ломтатидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1969. Вып. I. С. 94-105.

Завадская И.А. Серии черепиц с ремесленными знаками из Эски-Кермена (по материалам раскопок 2003-2005 гг.) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 291-315.

Завадская И.А., Дюженко Т.В. Черепица из раскопок башни античной усадьбы Ортли // Материалы к археологической карте Крыма. Симферополь, 2013. Вып. XI. Ч. 2. Кутайсов В.А., Смекалова Т.Н. Ортли. Античная усадьба и виноградник на дальней хоре Херсонеса. Приложение 1.
С. 247-251.

Завадская И.А. Черепица из раскопок башни античной усадьбы Ортли (2013 г.). // Материалы к археологической карте Крыма. Вып. XIV: История и археология Северо-Западного Крыма / под ред. В.А. Кутайсова и Т.Н. Смекаловой. Симферополь, 2014. С. 266-271.

Завадская И.А. Проблемы интерпретации рельефных меток на средневековой черепице Крыма // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 213-232.

Завадская И.А. Черепица группы Ia на Эски-Кермене: к вопросу о месте производства // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 158-184.

Ковальчук А.В. Керамические строительные материалы Боспора в эпоху эллинизма (типология и хронология боспорских черепичных клейм): Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2007.

Крыжицкий С.Д. Строительная техника // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М.: «Наука», 1984. С. 201-204.

Моисеев Д.А. Археологический комплекс строительной керамики IX-X вв. из раскопок поселения в Лагерной Балке (Мангуп) // Древности. Харьков, 2011. С. 172-189.

Моисеев Д.А. Ранневизантийская черепица из раскопок цистерны в центральном нефе базилики «Крузе» в Херсонесе // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 162-186.

Паршина Е.А. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965-1969 гг.). // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма / под ред. С.Н. Бибиков. Киев, 1974. С. 56-94.

Романчук А.И. Раннесредневековая строительная керамика Херсонеса // ВВ. 1976. Т. 37. С. 156-159.

Сидоренко В.А. Метки-аббревиатуры и монограммы на черепице памятников средневекового Херсона // АДСВ. Проблемы социального развития. Свердловск, 1985. С. 93-101.

Федосеев Н.Ф. Производство клейменной черепицы в античном мире и на Боспоре Киммерийском // ПИФК. 2011. Вып. 4 (34). С. 277-308.

Чхаидзе В.Н. Фанагория в VI-X веках. М., 2012. 590 с.

Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.) // МИА. 1950. № 17. 364 с.

Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Ленинград: Наука, 1979. 164 с.

Brodribb G. Roman Brick and Tile. Gloucester, 1987. 164 p.

ЗАСТРОЖНОВА Е.Г.
(СПбФ АРАН, г. Санкт-Петербург)

К ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ ПАНТИКАПЕЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗАПОВЕДНИКА (1932-1933 ГГ.)[1]

Пантикапей – столица Боспорского царства, привлекает к себе внимание исследователей уже более двух столетий и входит в число памятников, охраняемых государством и имеющих важное историко-культурного значение [Толстиков, 2015]. Вопрос об определении границ охраняемой зоны Пантикапея стал наиболее актуальным уже после завершения Гражданской войны на территории Крымского полуострова. Если в начале 1920-х гг. необходимость охраны была связана с возросшим масштабом грабительских раскопок, то в начале 1930-х гг. потребность в охраняемых границах была обусловлена ростом промышленности в рамках Первого пятилетнего плана по развитию народного хозяйства на территории СССР.

В современной историографии истории формирования охранной зоны Пантикапея в 1920-1930-х гг. уделено не очень много внимания, ввиду крайне немногочисленных архивных источников по этой теме (в основном это связано с уничтожением архива Керченского историко-археологического музея в 1942 г. в ходе его эвакуации в г. Армавир – Е.З.). В работах современных исследователей упоминается о том, что в 1932 г., выдвигались предложения о создании археологического заповедника, и благодаря усилиям Ю.Ю.Марти была выделена площадь охраняемой зоны вокруг Пантикапея в 16,2 га [Федосеев, 2002, с. 171; Виноградов, 2009, с. 20; Быковская, 2015, с. 24]. Однако, благодаря не опубликованным документам, хранящимся в Научном архиве Института истории материальной культуры, стало возможно более подробно рассмотреть этот важный и актуальный вопрос. Выявленные архивные дела, содержат переписку

[1] *Исследование подготовлено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации МК-867.2017.6*

Керченского историко-археологического музея с ГАИМКом и Наркомпросом по вопросу образования Пантикапейского археологического заповедника в 1932-1933 гг. [Об образовании Пантикапейского заповедника. НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1932. Д. 78] и дальнейшую переписку с музеем по поводу проведения Керченской экспедицией работ по межеванию границ заповедника и нанесения их на городской план Керчи [Переписка об организации Керченской экспедиции и об охране памятников старины на территории г. Керчи. НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1933. Д. 248].

Кратко освещая предысторию вопроса, следует отметить, что по завершении Гражданской войны на территории Крымского полуострова, возникла необходимость в восстановлении научно-организационной работы по охране античного наследия региона. В сфере охраны памятников в Крымской АССР был создан Крымский отдел по делам музеев и охране памятников искусства, старины, природы и народного быта (КрымОХРИС, 1920–1927 гг.) Были созданы шесть ОХРИСов в таких городах Крыма, как Бахчисарай, Евпатория, Керчь, Севастополь, Феодосия и Ялта. Заведующим Керченским ОХРИСом (КерчОХРИС) был назначен Ю.Ю. Марти [Федосеев, 2002, с. 160]. В ноябре 1923 г. на Заседании КерчОХРИСа Ю.Ю. Марти, было вынесено предложение о закреплении за Керченским историко-археологическим музеем следующих объектов: городища Пантикапей, музеев на Митридатской улице и на улице Свердлова, сторожек у Золотого, Мелек-Чесменского и Царского курганов, сторожек при склепе Деметры и склепов на Нагорной и Продольной улицах. Кроме того, Ю.Ю. Марти предложил выделить подходящие доходные земли, связанные с керченскими древностями в районе Керченского округа, для их эксплуатации ОХРИСом [ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 180. Л. 36-40]. Эти меры не были реализованы в силу катастрофической нехватки финансирования музея, когда не было даже обеспечено снабжение продуктовыми пайками его сотрудников. Вопрос об объявлении Пантикапея заповедником был включен в резолюцию Керченской археологической конференции 1926 г. и это же требование содержалось в резолюции Херсонесской конференции 1927 г. [Александрова, 2017, с. 25]

Ситуация с практикой применения охранного законодательства и финансированием охранных раскопок стала меняться с начала 1930-х гг. Промышленное освоение Керченского района, в контексте пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, предусматривало исследование памятников материальной культуры, которым угрожало разрушение «в порядке и в связи с развитием капитальных строительных работ по об-

щему плану» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1931. Д. 771. Л. 11].

В 1932 г. вопрос о выделении охранных границ и ограничения хозяйственной деятельности на территории Пантикапея решался Ю.Ю. Марти в переписке с ГАИМКом и Наркомпросом СССР. В своей записке «Об объявлении городища Пантикапея заповедником» он отмечал опасность частичного уничтожения памятника на горе Митридат вследствие плантажных раскопок Старого кладбища с целью дальнейшей посадки деревьев и устройства Керченского Парка культуры и отдыха, строительства водонапорной башни на горе Митридат и постройки на Предтеченской площади Дома Советов [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1932. Д. 78. Л. 7]. Ю.Ю. Марти считал необходимым объявить городище заповедником, запретить строительство и посадку деревьев и форсировать скорейшие масштабные раскопки городища, исключая те места, которые не представляли ценности для археологии.

В ответ на этот документ, в марте 1932 г., ГАИМК запросила у Керченского музея сведения, какие именно учреждения угрожают Пантикапею и каков будет предполагаемый размер нанесенного ущерба, а также есть ли возможность переноса Дома советов [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1932. Д. 78. Л. 10]. Вместе с тем, ГАИМК запрашивал план Пантикапея с точным указанием границ заповедника [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1932. Д. 78. Л. 1]. Сотрудниками Керченского музея была сделана копия с плана Пантикапея, опубликованного в «Античной декоративной живописи юга России» (Ростовцев, 1913). Однако античный сектор ГАИМКа счел присланный план «недостаточным», потребовав документ с «детальным указанием границ заповедника» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1932. Д. 78. Л. 10]. Был ли он составлен и вторично отправлен не известно.

На основании Записки Ю.Ю. Марти, в апреле этого же года, научным сотрудником ГАИМка, П.Н. Шульцом2, было подготовлено «Заключение по вопросу об объявлении городища Пантикапея заповедником» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1932. Д. 78. Л. 5]. Позиция П.Н. Шульца состояла в следующем: «объявление площади горы Митридат заповедником с установкой на обязательное запрещение застройки и засадки деревьев по всему заповеднику, явилось бы серьезным тормозом в деле социалистической реконструкции города Керчи, являющегося крупнейшим центром промышленной индустрии и базой металлургической промышленности в Крымской автономной республике». Проведение масштабных раскопок по всей площади памятника он считал «не реальным», потому «идея организации Парка культуры и отдыха на горе Митридат, а также и

постройки водонапорной башни должны быть поддержаны» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1932. Д. 78. Л. 8]. Также П.Н. Шульц считал целесообразным выделение нескольких участков для производства раскопок, которые бы представляли наиболее полноценный и в политико-просветительном отношении показательный материал. Эти участки должны были быть учтены при планировке парка, и в дальнейшем законсервированы. Для осуществления этих задач, предполагался созыв Комиссии из сотрудников ГАИМКа, Государственного Эрмитажа, Керченского музея и местных керченских организаций, заинтересованных в разбивке парка3.

Очевидно, что подобный отзыв не мог быть принят ни сотрудниками Керченского музея, ни большинством античных археологов. Поэтому, в ноябре 1932 г. Ю.Ю. Марти, как уполномоченным Сектора науки Наркомпроса, и сотрудниками МО ГАИМК, В.Д. Блаватским и Б.Н.Граковым был составлен «Список древних памятников, подлежащих объявлению заповедниками в городе Керчи и его окрестностях», в котором еще раз подчеркивалось принципиальное значение и необходимость сохранения от застройки площади Пантикапейского городища от первого до второго Кресла. Ученые также настаивали на включении в охранную зону некрополей: от Круглой скалы до Золотого кургана; курганной цепи Юз-Оба (в степи между Керчью и Старым Карантином); кургана в деревне Баксы и склепов на Нагорной, Подгорной и Госпитальной улицах [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1932. Д. 78. Л. 11]. Предполагалось также присвоение статуса заповедника таким памятникам, как Мирмекий, Дия (Тиритака), Нимфей, Киммерик и пр., общим количеством 45 единиц. В документе указывалось на то, что необходимо официальное утверждение этого списка заповедников с центральной властью, издание специальных правил по охране и землемерное межевание для того, чтобы их территориальные границы были строго определены. Все эти вопросы предполагалось решать Комиссии в составе: Керченского городского совета, Строительного бюро, уполномоченного Сектора науки по охране памятников Наркомпроса (Ю.Ю. Марти) и представителей Камышбурунстроя и Керчьстроя .

25 марта 1933 г. был подготовлен очередной отзыв П.Н. Шульца на «Список древних памятников…». В нем было высказано предположение, что столь большое число памятников «заставляет усомниться в том, насколько реально и целесообразно с точки зрения качества охраны превращать все пункты в заповедники» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1932. Д. 78. Л. 15]. П.Н. Шульц указывал также на то, что «в списке отсутствует характеристика исторического значения памятников, степень их сохран-

ности и площадь, тогда как они не равноценны по исторической значимости и требуют дифференцированного подхода». В целях обеспечения «подлинной, а не фиктивной охраны памятников», он предложил сократить список путем разделения перечисленных в «Списке…» памятников на две группы. В первую группу должны были попасть античные центры первостепенного значения, статус заповедников которых должен был утвердить Наркомпрос. Во вторую, должны быть определены те, которые не нуждаются в объявлении заповедниками [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1932. Д.78. Л.18]. Обе группы должны быть защищены от застройки, земляных и сельскохозяйственных работ, с той разницей, что первую группу должен был курировать Наркомпрос, а вторую - местные организации Керчи. По мнению П.Н. Шульца к заповедникам следовало отнести Пантикапей, включая склоны и прилегающие участки некрополя, Мелек-Чесменский, Царский и Золотой курганы, а также 18 склепов на склонах горы Митридат (также к заповедникам предполагалось отнести Нимфей, Дию, Мирмекий и Китей). Античный сектор ГАИМКа на основе «Списка…» и отзыва на него П.Н. Шульца признал целесообразным в целях обеспечения эффективных мер охраны признать соответствующей дифференциацию памятников на две категории. Было предложено кратко аргументировать необходимость охраны каждого пункта с указанием степени его научного значения, сохранности и степени разрушения, а также примерных границ требуемой охранной площади.

29 июня 1933 г. было принято обязательное Постановление Керченского городского совета рабочих, крестьянских, красноармейских и краснофлотских депутатов «Об охране памятников старины» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1933. Д. 248. Л.29]. Решением Совета были объявлены археологическими заповедниками: Пантикапей, «участок греческой церкви» и участки, занятые склепами на Нагорной, Подгорной и Госпитальной улицах, курганы Мелек-Чесменский, Царский, Золотой и курганная цепь Юз-Оба. К числу заповедников были отнесены также Дия, Нимфей, Киммерик и Мирмекий. Для проведения межевания была учреждена Комиссия в числе представителей Городского совета, Керченского археологического музея, Камышбурунского строительства, и Металлургического завода им. Войкова. Все работы по межеванию и нанесению границ охраняемых памятников на городскую карту должны были быть совершены в месячный срок, в строгом согласовании с Керченским музеем. Виновные в нарушении привлекались к обязательной выплате штрафа в административном порядке, в случае серьезных нарушений вменялись принудительные работы, либо уголовная ответственность.

Выполнение работ по межеванию участков должна была выполнять Керченская археологическая экспедиция, объединившая научный силы ГАИМКа, МО ГАИМКа и ГМИИ им.Пушкина, под руководством О.О. Крюгера4 (Виноградов, 2009, с. 20). В научный состав экспедиции вошли: В.Ф. Гайдукевич, Л.М. Славин, М.М. Кобылина, И.Д. Марченко, В.Д. Блаватский. Межевание участков на горе Митридат осуществлялось несколькими геодезистами под руководством В.Ф. Гайдукевича с 15 июля по 15 августа 1933 г. [Ф. 2. Оп. 1-1933. Д. 248. Л. 43].

24 августа 1933 г. состоялось заседание Керченского бюро краеведения под председательством Ю.Ю. Марти. На этом заседании был принят ряд решений, способствующих охране исторических памятников, выделенных на территории Керчи. В частности были закреплены шефские обязательства школ и созданы кружки «Юных друзей музея». В шефские обязанности входило наблюдение за общим состоянием заповедников, сохранностью межевых знаков и проведение разъяснительной работы среди населения окружающих районов о важности сохранения историко-культурного наследия. Керченский музей в свою очередь взял на себя обязательства по проведению лекций, экскурсий и циклов занятий, посвященных истории Боспорского царства, а также формированию передвижной библиотеки с историко-археологической литературой по Крымскому полуострову [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1-1933. Д. 248. Л. 4].

Таким образом, уже в 1933 г. Пантикапей приобрел статус охраняемого государством археологического заповедника. Раскопки на его территории продолжались вплоть до начала Великой Отечественной войны, а после нее вопрос о дальнейшем сохранении столицы Боспора был поставлен руководителем Пантикапейской археологической экспедиции, В.Д. Блаватским. 23 апреля 1953 г. Керченским исполкомом была утверждена охранная зона археологического заповедника на горе Митридат [Быковская, 2015, с. 34]. Тем не менее, это не решило насущных проблем, так как средств на межевание и ограждение выделено не было, а в 1955г. с целью благоустройства было начато озеленение склонов горы. Только благодаря протестам музея и поддержавшим его столичным учреждениям, высадка деревьев была прекращена. В сентябре 1955 г. было принято очередное решение Керченского исполкома, определяющее границу заповедных зон вокруг горы Митридат и Золотого кургана [см. Быковская, 2015, с. 34-35]. Окончательное решение об утверждении охранной зоны Пантикапея было принято Постановлением Совета Министров в 1965 г. и

рядом решений Крымского облисполкома в 1969, 1970 и 1980 гг. В результате охраняемая государством площадь заповедника составляет 127 га [Быковская, 2015, с. 35; Умрихина, 2015, с. 41].

В итоге, благодаря данным не опубликованных ранее архивных документов, можно более подробно восстановить историю формирования Пантикапейского археологического заповедника в довоенный период, а именно в 1932-1933 гг.

ЛИТЕРАТУРА

Александрова Н.В. История археологического исследования Пантикапея (вторая половина 1920-х гг. – наши дни) // Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. Каталог. М., 2017. С. 25-31.

Быковская Н.В. Раскопки Пантикапея 1945 г: памятникоохранный аспект (по материалам архива Восточно-Крымского заповедника) // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова. М., 2015. С. 24-36.

Виноградов Ю.А. Отдел истории античной культуры ИИМК РАН и его предшественники в РГАК-РАИМК (ГАИМК) – ИИМК АН СССР – ЛОИА АН СССР // Записки ИИМК РАН. 2009. № 4. С. 7-35.

Кашаев С.В. Сотрудники отдела истории античной культуры ИИМК РАН и его предшественников в РАИМК-ГАИМК-ЛОИИМК-ЛОИА (1919-2009 гг.) // Записки ИИМК РАН. 2009. № 4. С. 37-49.

Толстиков В.П. К археологическому портрету столицы Боспора Киммерийского. Симферополь, 2015.

Умрихина Т.В. Древний Пантикапей как историко-археологическая доминанта современной Керчи // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова. М., 2015. С. 37-43.

Федосеев Н.Ф. Керченский музей древностей // ВДИ. 2002. 1. С. 154-178.

ЗИНЬКО В.Н., ЗИНЬКО Е.А., ЗИНЬКО А.В.
(НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

ТИРИТАКА: ОТ ГРЕКО-ВАРВАРСКИХ КУЛЬТОВ К ХРИСТИАНСТВУ[1]

На протяжении всего своего существования культово-сакральная жизнь населения боспорского города Тиритака претерпевала многочисленные изменения за счет притока новых разноэтничных жителей и поступающих из вне инноваций. Следы этого взаимодействия в одном из самых ранних сакральных комплексов Тиритаки, датируемых позднеархаическим временем, отмечал еще В.Ф. Гайдукевич. На протяжении всей последующей истории Боспора этот культ женского божества, олицетворяемый то Деметрой, то Афродитой, то Кибелой, то Артемидой и т.д., всегда играл очень важную роль в религии боспорцев, будучи идейно близким аналогичным верованиям местного скифского, синдо-меотского и сарматского населения [Гайдукевич, 1952, с.86]. Особенно это усилилось в первые века н.э., когда Боспорское царство вошло в тесную орбиту политических и экономических взаимоотношений Римской империи и последующих массовых миграций варварских племен.

Несмотря на определенное запустение, связанное с походами варваров, в IV-VI вв. Тиритака, судя по проведенным раскопкам, оставалась довольно важным центром в южной части европейского побережья Боспора Киммерийского. Кварталы, открытые В.Ф. Гайдукевичем на южной и восточной окраине города, сохранили регулярную застройку и направление основных улиц [Гайдукевич, 1952]. Также и в центральной части верхнего города, где нами проводятся исследования последние 15 лет, выявлены жилые дома и улицы, в основе своей повторяющие городскую планировку заложенную еще в архаическую эпоху. Постройки занима-

[1] *Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5156.2017/БЧ по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты».*

ли всю городскую территорию общей площадью до 10 га, и ограниченную ветхими крепостными стенами, капитально перестроенными на отдельных участках еще в I в. [Зинько В., Зинько А., 2008]. Основными занятиями жителей этого небольшого боспорского города были рыбный промысел и сельское хозяйства, а также некоторые ремесла.

На основании раскопок установлено, что своеобразной градостроительной доминантой в центральной части верхнего города вероятно являлось большое отдельно стоящее здание площадью около 72 кв.м [Зинько В., 2007]. Это была культовая постройка, которая первоначально представляла собой однокамерное прямоугольное здание с внутренними размерами 12,5 х 5,7 м, вытянутое с северо-востока на юго-запад. Кладки стен, шириной от 0,60 до 1,0 м, местами сохранились на высоту 3-5 рядов камней, а в юго-западной стене находился дверной проем шириной 1,5 м (рис.1). Возведенное еще в I-II вв., на рубеже III-IV вв. святилище перестраивается, и его внутренний объем делиться на два помещения. В глубине дальнего (северного) помещения вдоль задней стены сохранились фрагменты двух алтарей в виде прямоугольных каменных загородок из поставленных на ребро плоских известняковых камней. Внутри загородок прослежена лишь подсыпка из крупного морского песка толщиной до 0,02 м. Подобные по конструкции алтари известны на позднеантичных памятниках Боспора и связаны с местными культами и верованиями. Неоднократные перестройки уничтожили большую часть культовых предметов из святилища, поэтому сложно утверждать каких языческих божеств в нем почитали [Зинько А., 2007; 2008, с.332].

К западу от этого святилища располагалась городская усадьба, на дворе которой в хозяйственной яме, датируемой по фрагментам керамики серединой IV – первой половиной V вв. н.э. Среди них найдены фрагменты светлоглиняных амфор, на которых красной краской нанесены изображения минор в виде семисвечников. Вероятно, эти дипинти свидетельствуют о присутствии среди жителей Тиритаки в это время почитателей иудаизма [Зинько А., 2011].

Языческого святилище в центре Тиритаки функционировало несколько столетий и было заброшено лишь во второй половине V в. Вероятно, это следует связывать с тем, что в последней трети V в. христианство становиться официальной религией Боспорского царства. Именно с этого времени, появляется бесспорные материальные свидетельства присутствия христиан среди жителей боспорского города Тиритака. Хотя, следует отметить, что отдельные находки краснолаковой керамики с христианской символикой встречались и при раскопках более ранних городских построек, датируемых IV – первой половиной V вв. События связанные с принятием боспорской правящей верхушкой христианства в лице царя Тиберия Юлия Дуптуна, коренным образом изменила публичную религиозную практику [Зинько Е., 2010, с.432]. Забрасываются старые святилища, и с помощью Византии, начинается строительство христианских базилик в боспорских городах. В тоже время в частной жизни, в той или иной степени, сохранились и прежние языческие обряды. Поэтому период последней трети V – начала VI вв. можно рассматривать как время перехода общественной культовой жизни от языческих обрядов к христианским литургиям.

Среди раннехристианских храмов Боспора наиболее хорошо, с археологической точки зрения, сохранилась базилика в юго-восточной части города Тиритака. Это, пожалуй, наиболее поздняя монументальная общественная постройка известная на городской территории Тиритаки. Базилика была построена в припортовой (нижней) части города, на склоне с покатостью в южном направлении на месте разрушенного рыбозасолочного комплекса первых вв. План здания имеет несколько перекошенную форму, а фундамент вдвое превосходил по толщине наземные стены (рис.2). На сновании уцелевших частей здания установлено, что базилика была трехнефная, ориентированная на восток - юго-восток (рис.3). Внутренние размеры базилики следующие: ширина 9 м, длина до алтарной части около 10,2 м, ширина среднего нефа 4,75 м, ширина боковых нефов 1,35 м. Тем самым по площади она была лишь немногим больше, чем заброшенное несколькими десятилетиями ранее языческое святилище в верхнем городе. Стены базилики и фундаменты сложены из местного известняка в виде грубо обработанных квадров или просто бута. Все кладки произведены на известняковом растворе, обильно заполняющем промежутки между камнем. Многочисленные обломки говорят о том, что некоторые части этого здания были сложены из кирпичей - плинфы, а кровля была черепичная [Гайдукевич, 1952, с.70]. Долгое время предполагалось, что алтарная часть была пристроена на отдельных фундаментах в притык к основному корпусу здания базилики. Однако при расчистке фундамента постройки в 2007 г. удалось установить, что с восточной стороны находилась не пристройка, а два контрфорса, а в толще очень широкой восточной стены была устроена небольшая овальная ниша - апсида. Внутри базилики местами сохранились основания колоннад, состоявших из 4-х колонн, имевшие продольное направление через всё помещение базили-

ки. В восточной части южного нефа находилась купель, к которой можно было подойти через боковой вход, сделанный в южной стене базилики. В основании этого входа in situ сохранился массивный порожный камень с квадратными основаниями для двери.

При исследовании базилики В.Ф. Гайдукевичем были обнаружены в большом количестве обломки мраморных архитектурных деталей. Сохранились различные мраморные ордерные детали – капители, базы и фрагменты колонн из проконесского мрамора. Особенный интерес представляет находка капителей, одна из них – ионийская импостная, сохранившаяся полностью. Византийско-коринфская капитель представлена лишь двумя обломками, но и по ним тип капители можно достаточно полно восстановить. Обе капители: ионийская и византийско-коринфская, позволяют датировать открытую в Тиритаке базилику в пределах второй половины или конца V – начала VI вв. [Гайдукевич, 1952, с.71].

Все это дает основание выдвинуть предположение, что лишь с конца V в. начинается активная христианизация жителей Тиритаки. Причем ведущую роль в этом процессе играла Византия, за средства которой, вероятнее всего, и была построена тиритакская базилика. В этой связи интересен факт находки при раскопках в 2013 г. в доме возле западной крепостной стены золотого солида императора Юстина I (518-527 гг.).

Для последнего периода жизни города характерно наличие среди столовой керамики значительно большее количество краснолаковой посуды с изображением креста, а также полное исчезновение терракотовых статуэток языческих божеств [Зинько В., Зинько А., 2015]. Кроме того, в 2012 г. была обнаружена на мраморной доске надгробная эпитафия церковного чтеца Феодора, которая датируется VI в. Она свидетельствует о высоком иерархическом статусе предстоятеля христианской общины города [Зинько Е., Зинько В., 2015, с.387]. Это первая находка христианского надгробия для Тиритаки.

Процесс христианизации населения боспорского города Тиритака происходил довольно медленно. На протяжении длительного времени основная масса жителей, как об этом свидетельствует материальная культура, были язычниками. Судя археологическим и эпиграфическим источникам, подавляющее большинство населения Тиритаки в это время составляли, как и ранее, боспорские греки, в среду которых возможно с конца III в. начинает проникать христианское вероучение. Но лишь в последней трети V в., после официального принятия Боспорским царством христианства в качестве государственной религии, церковь начинает играть ведущую роль в жизни города.

ЛИТЕРАТУРА

Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935-1946 гг. //МИА № 25 – М.-Л., 1952.- С.15-134.

Зинько А.В. Особенности религиозной жизни Тиритаки V-VI вв. н.э. (по материалам археологических раскопок) // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. – Материалы международной научной конференции. – Часть 1. – СПб: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2007. - С.177-179.

Зинько А.В. Боспорский город Тиритака в ранневизантийскую эпоху. По материалам раскопок 2002-2005 гг. //ТГЭ, XLII.- Византия в контексте мировой культуры.- СПб., 2008.- С.329-338.

Зинько А.В. Амфоры с минорами из раскопок ранневизантийской Тиритаки // Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. – Керчь, - 2011. С.131-133.

Зинько В.Н. Культово-сакральные объекты Тиритаки первых вв.н.э. (предварительное сообщение) //VIII Боспорские чтения. Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты – Керчь, 2007. – С.137-140.

Зинько В.Н., Зинько А.В. Тиритака в V-VI вв. н.э. //МАИЭТ. – Вып. XIV. – Симферополь, 2008. – С.91-103.

Зинько В.Н., Зинько А.В. К вопросу о христианской общине боспорского города Тиритака // II Свято-Владимирские чтения. Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции посвященной 1000-летию преставления святого равноапостольного князя Владимира (Севастополь, 24-29 июля, 2015 г.). – Севастополь, 2015. – С.30-31.

Зинько Е.А. Процесс христианизации Боспорского царства //БИ. – Вып.XXIII. С-Керчь, 2010. – с.424-433.

Зинько Е.А., Зинько В.Н. Процесс христианизации населения боспорского города Тиритака // ТГЭ. – T.LXXIV. - Византия в контексте мировой культуры. – СПб, 2015. – С.377-388.

Рис.1. Языческое святилище первых вв. н.э. Вид с юга.

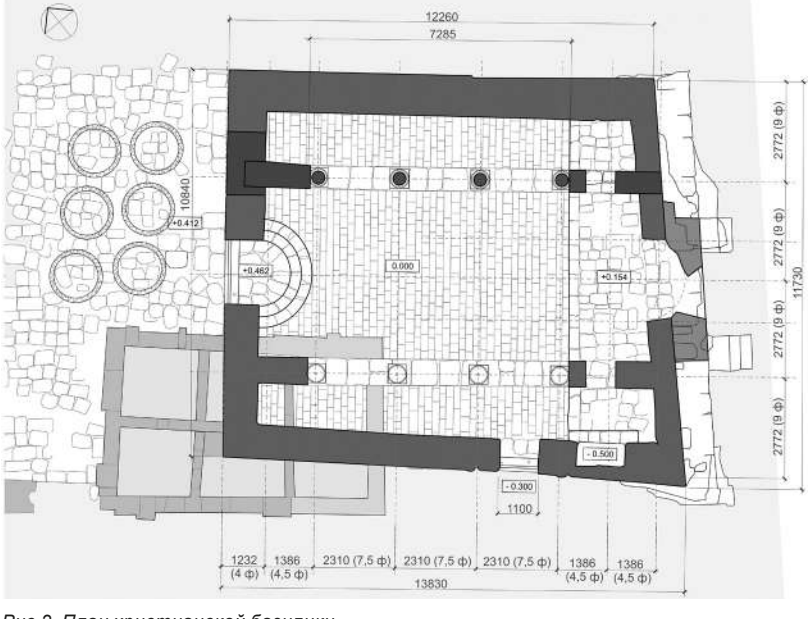


Рис.2. План христианской базилики.

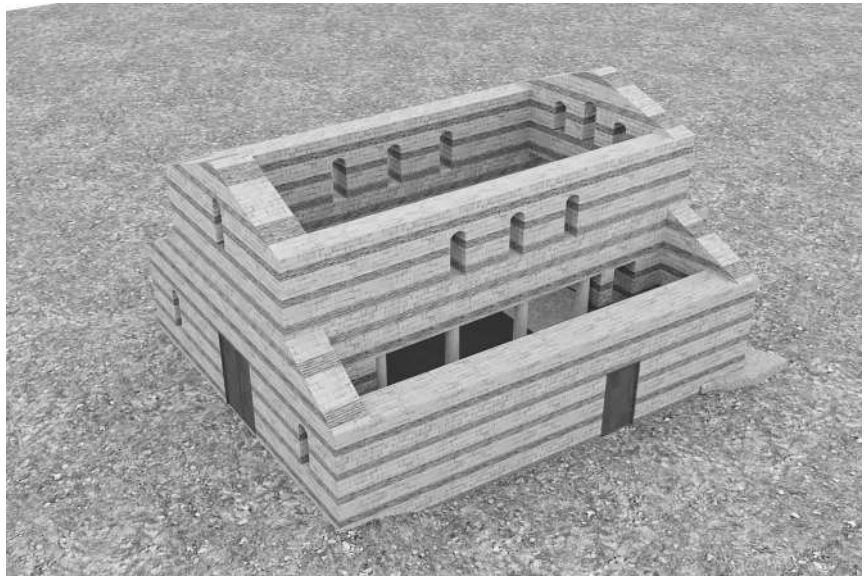


Рис.3. Реконструкция тиритакской базилики. Вид с юга-запада.

ЗИНЬКО В.Н., СЕРГЕЕВ К.С., ПОРОТОВ А.В., ЗИНЬКО А.В.
(НИЦ ИАК КФУ им. В.И.Вернадского, Симферополь;
РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, Москва; МГУ, Москва)

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОРАЗВЕДКИ (ЭТ) ПРИ ИЗУЧЕНИИ ТИРИТАКСКОГО ГОРОДИЩА[1]

При изучении древних поселений на побережье Керченского пролива одним из вопросов, представляющих самостоятельный интерес, связан реконструкции палеотопографии прилежащей территории. Для расположенных в приморской полосе античных городищ на побережье Керченского пролива актуальность палеогеоморфологических исследования обуславливается изменениями рельефа прибрежной полосы суши под влиянием повышения уровня моря за последние 1.5 тыс. л. Подъем уровня моря сопровождался масштабными плановыми перестройками контура береговой линии, последствия которой особенно заметны в вершинах открытых бухт и заливов. Примеры античных поселений, располагавшихся на побережье и располагающихся в настоящее время на значительном удалении от моря в результате активного нарастания приморской полосы береговой лини широко известны на побережье Черного и Средиземного морей.

Участок побережья к северу от мыса Ак-Бурун представляет собой полосу низменной суши, шириной до 2,5 км, приуроченной к низовьям долины р. Чурубашки. Проведенное в последние годы изучение развития этого участка побережья показало, что в античное время территория приморской низменности была занята глубоким морским заливов, вершина которого, возможно, занимала низовья долины Чурубашки. Древнебереговая линия античного времени залегает непосредственно вблизи подножий уступов коренного берега, ограничивающих древний залив с

[1] *Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5156.2017/БЧ по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты».*

севера и юга. На северном борту его находился боспорский город Тиритака, а на южном - Нимфей. Возможно, что вблизи северной окраины плато, на котором находится Нимфей, располагалась упоминаемая в античных источниках гавань Нимфея. Одной из характерных черт рельефа коренных бортов долины р. Чурубашки является наличие развитой системы балок и мелких оврагов, одна из которых расположен вблизи южной окраины платообразной возвышенности, на котором расположено Тиритакского городища. Повышение уровня моря за последние 1,5 тыс. лет сопровождалось размывом мористой части косы и общим смещением ее в сторону суши. Материал от размыва древней косы поступал на формирование ранних генераций косы, выполняющих внутренние участки палеозалива. Особенности конфигурации системы древнебереговых валов показывают последовательность выполнения береговыми наносами и осушения южной части палеозалива, которая на фоне продолжавшегося подъема относительного уровня моря превращалась в заболоченную низменность. Нараставшая к северу аккумулятивная терраса полностью отгородила палео-Чурубашский лиман от моря, превратив его в озеро, а также протянулась севернее, отгородив от моря восточную окраину возвышенного плато, на котором расположено Тиритакское городище. Общая ширина сформировавшейся аккумулятивной террасы в вершине Камыш-бурунского залива составляет 2-2,5 км [Зинько, Поротов 2013]. В настоящее время территория представляет собой сильно измененную антропогенным воздействием (комплекс судоремонтного завода, отвал шлама горно-обогатительного комбината и т.п.) аккумулятивную морскую террасу, образованную серией древних береговых валов, которые отчетливо прослеживаются как на топографических картах 50-х годов, так и по аэрофотосъемочным материалам начала 50-х годов.

Реконструкций палеотопографии южной окраины Тиритакского городища на основе детализации представлений о строении верхней части осадочной толщи представляют интерес в связи ограниченностью археологических материалов по этой территории, так же значительной техногенной освоенностью территории, что крайне ограничивает проведение геоархеологических исследований. К южной окраине античной Тиритаки вплотную примыкает устье глубокой балки, низовья которой в античное время могли представлять собой небольшой залив, на северном берегу которого располагалась припортовая часть античного города.

Материалы проведенных на этом участке геоморфологических работ [Зинько, Поротов 2013] показали, что под приповерхностным насып-

ного грунта и грубозернистых песков древних береговых валов, общей мощностью мощностью 2,5 – 4,0 м, залегают тонкие серые пески с раковинами хорошей сохранности, представленной соленолюбивым видом - Chione gallina, что позволяет рассматривать их как типичные литофации мелководного полуизолированного залива, современным аналогом которого может рассматриваться прилежащая к северну внутренняя часть Камыш-Бурунского залива. Серии радиоуглеродных датировок раковинного материала показала, что возраст интервал этого залива период от сер. I тыс. до н.э. до конца I тыс. н.э. Одной из скважин, расположенной в 100-150 м южнее юго-восточного выступа городища, в толще мелководно-заливных песков на глубине 4,5-5,3 м были встречены тонкие прослои серо-зеленых илов, формирование которых характерно для внутренних затишных частей лиманов в близи устьев небольших водотоков. В целом, это подтверждает предположение о расположении на этом участке приустьевой зоны небольшого водотока, и дренировавшего балку вблизи южной окраины Тиритакского городища. Вблизи городища в двух скважинах на глубинах 5 – 6 м от дневной поверхности (на абс. отметках - 3 - 4 м) были встречены остатки культурного слоя, представленные обломками керамики, бутового камня. Культурные остатки (мелкие обломки керамики местного типа розово-глинного цвета) встречены в основании слоя мелкозернистых коричневых песков с раковинным детритом (интервал 4,7-5,1 ниже поверхности). Ниже залегает слоистая толща, состоящая из прослоев бурых суглинков и серых песков с обломками раковин. В составе песков встречены мелкие окатанные обломки керамики. На глубине 6,7 м от поверхности была вскрыта кровля коренных глин. Таким образом, полученные геолого-геоморфологические материалы подтверждают предположение о том, что в античное – раннесредневековое время береговая линия древнего залива-лимана располагалась в вблизи южного берегового уступа коренного берега, на котором расположено Тиритакское городище. На месте прилежащей к городищу с востока низменности располагался мелководный залив, частично отгороженный от открытой акватории пролива древней Камыш-Бурунской косой.

Для расширения представлений о строении верхней части осадочной толщи на территории, непосредственно прилежащей к южной окраине Тиритакского городища и детализации реконструкций рельефа этой территории в античное время были проведены опытно-методические геофизические работы с применением метода электротомографии.

Аппаратурный комплекс геофизических исследований включал

многоканальную многоэлектродную станцию Syscal Pro Switch 72 (Франция), а также геодезическое цифровое оборудование и беспилотный летательный аппарат (БПЛА) Phantom 4 Advanced с камерой формата UHD, позволивший получить ортофотоплан района работ (Рис .). Привязка координат к местности осуществлялась с использованием комплекса геодезического оборудования GNSS станции Leica Viva GS 10. Обработка данных проводилась в специализированном центре кафедры разведочной геофизики и компьютерных систем РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина.

Учитывая влияние рельефа на структуру волновых полей (данных), на предварительном этапе на основе аэрофотосъемки с использованием беспилотного летательного аппарата была составлена карта рельефа полигона исследований. Точность полученные данных (при использовании поправок) составляла 8 – 10 мм в плане и 10 – 15 мм по высоте.

Исследования методом ЭТ является модификацией классических вертикальных электрических зондирований (ВЭЗ) нашел свое применение при геоархеологических исследованиях (Бобачев и др., 2006; Griffiths D.H., 1993). В проведенных исследованиях использовалась многоканальная многоэлектродная станция Syscal Pro Switch 72 (Франция), которая является одним из наиболее точных и эффективных комплексов для проведения работ данным методом. При проведении исследований расстояние между электродами составляли от 0.5 до 1 метра. Сответственно, используя такой шаг по электродам, разнос варьируется от 1.5 до 71 метра, а глубины исследований - от 7 до 20-25 метров. Данные параметры обеспечивают максимальную эффективность картирования археологических объектов. Полученные в результате проведеных исследований геоэлектрические разрезы приведены на рис. 2-4, а их положение показано на рис.1.

Величины электросопротивления рыхлых отложений в общем случае определяются широким набором факторов, среди которых в первую очередь следует отметить состав и крупность наносов, степень их обводненности, состав грунтовых вод и ряд др.(Рожков и др., 2017). Кроме этого следует отметить сравнительно изменчивость физико-механических свойство как по площади, так и по разрезу, отражающие условия их формирования, что в целом определяет довольно мозаичную картину распределения удельной проводимости по профилю. Следуя принятой практике проведения геоэлектрических исследований для целей геоархеологии, для обоснования интерпретации геоэлектрических разрезов

использованы материалы проведенного в окрестностях южного борта городища бурения.

Приведенные на рисунках 2-4 геоэлекторические разрезы имеют высокое качество, довольно выдержанное строение и в общем случае состоят из трех различных по сопротивлениям пластов. Первый (верхний) пласт (А) высокоомный, состоит предположительно из песков и супесей. Мощность пласта колеблется от 1 до 3 метров. Второй (средний) пласт (Б) более низкоомный. Состоит из тонких раковинных песков, мощность. 2-3 м. Третий пласт (В) проассоциирован с плиоценовыми глинами или четвертичными покровными суглинками, залегающими в основании разреза рыхлых отложений, мощность которого превышает 3-5 м и полностью нигде не вскрыта. (нижний) представлен отдельными блоками (останцами), которые имеют высокое сопротивление. Первые два пласта в качестве своих разновидностей включают слои, обогащенные переотложенным культурным материалом, как правило, представленный керамикой и известняковым щебнем. Геоэлектрические аномалии, обусловленные добавлением крупнообломочного метриала искусственного происхождения, приурочены к ряду участков у подножий южного и восточного уступов городища и определяются осыпанием культурного слоя вниз склону вслед за обрушением склона плато (Профили 2 и 4). В качестве Сравнительно индивидуально природа аномалии на профиле 2, расположенная у подножья городища. Ее возникновение связано с залеганием фрагментов кладки, вскрытых раскопками на этом участке в ходе предшествующих исследований (Марти, 1941). Отдельно следует остановиться на результатах профилирования в районе южной окраины городища (Профиль 3), который был призван дополнить материалы проведенного ранее бурения с целью уточнения палеотопографии на этом участке. Скважины, пробуренные в западной половине профиля на абс. отметках -3□5 м вскрыли прослой хорошо сортированных мелкозернистых песков с раковинным материалом, которые интерпретировались как отложений прибрежной части залива, существовавшего в окрестностях Тиритаки в античное тысячелетие. Полученные 14С датировки раковинного материала показали, что возраст формирования нижней части песчаных отложений охватывает вторую половину I тыс. до н.э., С учетом относительно более низкого положения уровн моря в этот период, это позволяет реконструировать положение древней береговой линии на участке, непосредственно прилежащей к южному подножью Тиритакского городища. На геоэлектрическом профиле примерно в его центральной части выделяется область

низкой проводимости, которая ассоциируется с поднятием кровли коренных глин. Расположенная южнее ложбина в рельефе кровле базальной толщи может рассматриваться как часть эрозионной ложбины, к которой была приурочена приустьевая зона небольшого водотока, долинка которого ограничивает с юга Тиритакское плато. Это хорошо согласуется с материалами бурения, показавшими на этих глубинах залегание линзы заиленных отложений с тонкими прослоями органического материала, характерного для затишных участков вблизи устьев водотоков.

Результаты проведенных геоэлектрических исследований на территории, прилеащей к южной окраине Тиритаксого городища позволяют сделать предварительные выводы:

Не смотря на достаточно сложные инженерно-геологические условия, связанные с присутствием мощного техногенного слоя, а также наличие разветвленной транспортной и коммунальной инфраструктуры, оказывающей существенное влияние на пространственные характеристики геоэлектрического поля, полученные материалы в целом отражают основные черты строения покрова рыхлых отложений.

Дополненные материалами геологических исследований полученные геоэлектрические профили не смотря на их небольшую пространственную плотность позволили уточнить пространственные особенности строения прибрежных отложений, особенно на участках, на которых благодаря наличия транспортной и коммунальной инфраструктуры проведение геологических исследования крайне затруднено.

Наиболее эффективно по материалам геоэлектрического профилирования выделяются пласты, в той или иной мере обогащенные материалом из культурного слоя, обуславливающим резкое изменение фоновой проводимости.

ЛИТЕРАТУРА

Бобачев А. А., Горбунов А.А., Модин И.Н., Шевнин В.А. Электротомография методом сопротивлений и вызванной поляризации // Приборы и системы разведочной геофизики. 2006. N 2. С. 14-17.

Зинько В.Н. и др. Археологические разведки на хоре Тиритаки //БИ. – Вып.XVI. - Симферополь-Керчь, 2007.

Зинько В.Н. Поротов А.В. Изменение уровня моря и рельеф приморской полосы хоры Тиритаки и Нимфея в античное время (Западное

побережье Керченского пролива) // БИ. – Вып.XXVIII. – С.-Керчь, 2013.

Рыжков В.И., Белоусов А.В., Сергеев К.С., Горин А.Д., Новиков В.В., Каинов С.Ю. Применение электротомографии при изучении курганов центральной курганной группы Гнездовского археологического комплекса // Приборы и системы разведочной геофизики. 2017. №2. С. 58-63.

Griffiths D.H., Barker R.D. Two-dimensional resistivity imaging and modelling in areas of complex geology // Appl. Geophysics. 1993. N 29. 211–226

Loke M.H. and Barker R. D. Rapid least-squares inversion of apparent resistivity pseudosections by a quasi-Newton method // Geophysical Prospecting.1996a. N 44. 131-152 p.

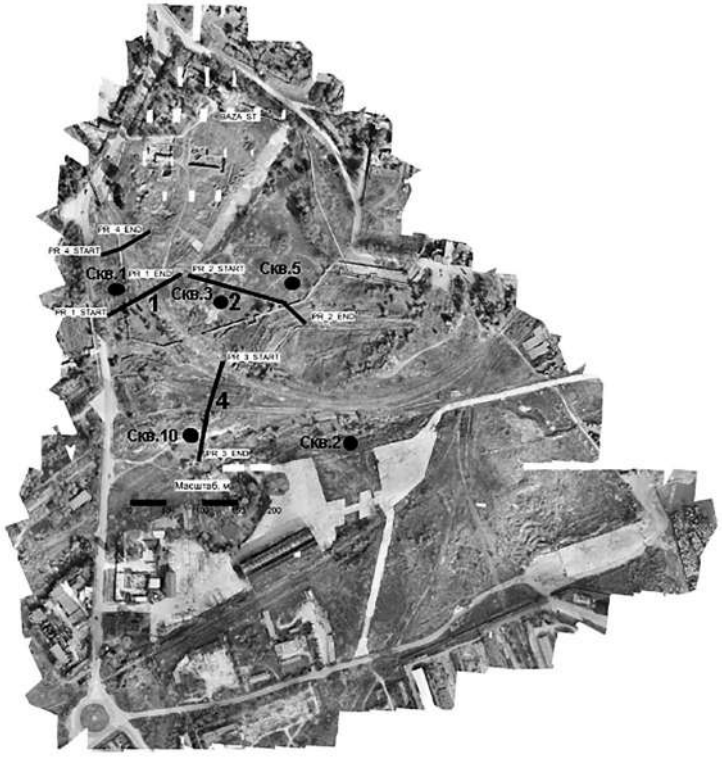


Рис.1. Схема расположения геоэлектрического профилирования и скважин

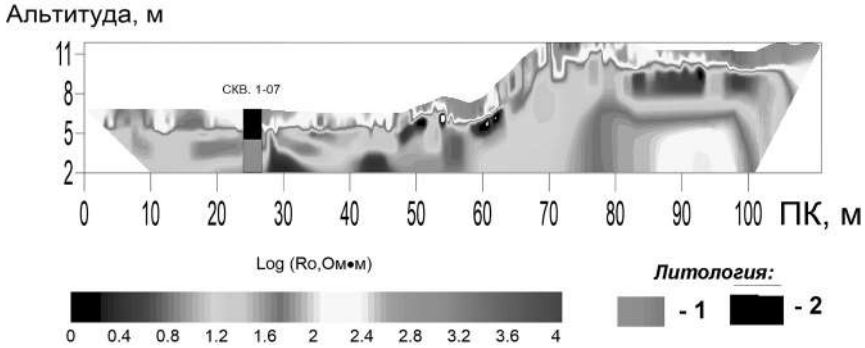


Рис. 2. Геоэлектрический профиль 1. Расположение на рис. 1. Литология: 1 – Раковинные пески; 2 – Техногенный грунт

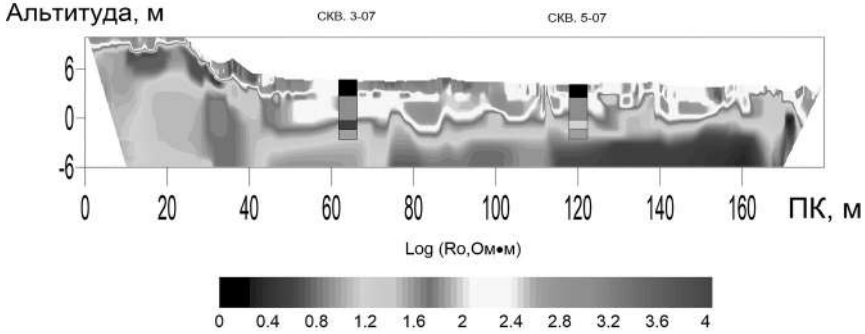


Рис. 3. Геоэлектрический профиль 2. Расположение на рис. 1. Литология: 1 – Раковинные пески; 2 – Техногенный грунт

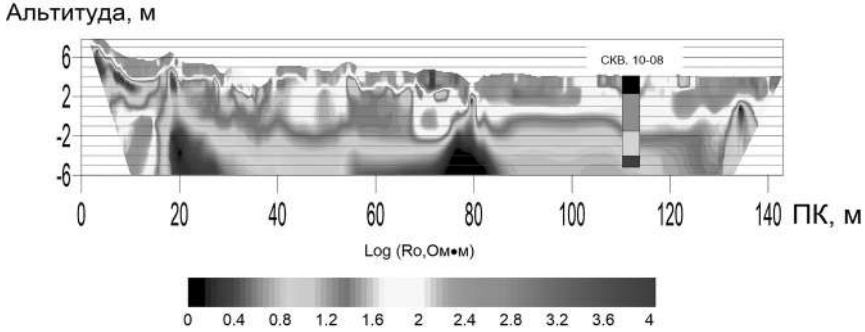


Рис. 4. Геоэлектрический профиль 3. Расположение на рис. 1. Литология: 1 – Раковинные пески; 2 – Техногенный грунт

ЗУБАРЕВ В.Г., С. В. ЯРЦЕВ, С. Л. СМЕКАЛОВ
(ТГПУ, Тула)

«ВАРВАРСКИЙ» КОМПОНЕНТ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА ВО II – V ВВ. Н. Э. (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДИЩА «БЕЛИНСКОЕ»)[1]

Степень взаимодействия различных культур в немалой степени зависит от территориальной близости и стабильности контактов между этническими группами [Масленников, 2011, с. 243]. На периферии античного мира, особенно в приграничных районах, такие контакты были устойчивыми и влияние античной цивилизации на соседних варваров несомненно. Однако сколь бы тесными в данном случае не были контакты, они не вели к ассимиляции местного населения, сохранявшего в большей или меньшей степени собственную идентификацию.

Иное дело группы варваров, оказавшиеся по тем или иным причинам на территории самого античного государства и инкорпорированные в его структуру. Здесь такие группы, представлявшие собой некое инородное тело (чуждый элемент), неизбежно должны были подвергнуться ассимиляции и, в конечном итоге, утратить собственную идентичность. С другой стороны, немалую роль в этом процессе играл количественный фактор. Сколь бы высокой не была культура, если носителей этой культуры мало, то вероятность их растворения в варварской среде чрезвычайно велика. И тогда «варваризация» общества неизбежна. При этом отдельные элементы прежней культуры (в том числе и язык) могут сохраняться достаточно долго, однако их носителей уже вряд ли возможно идентифицировать как прежнее население.

[1] *Работа выполнена в рамках НИР «Археологические и геофизические изыскания на археологических памятниках Аджиэльской балки для проверки гипотез о характере антропогенного воздействия в период голоцена» в Тульском государственном педагогическом университете им. Л.Н. Толстого (задание Минобрнауки России, № 33.6496.2017/8.9).*

Эти процессы становятся особенно интенсивными в римский и позднеантичный периоды, когда правители Боспора активно привлекают варварский контингент в качестве наёмников или федератов, расселяя эти группы варваров на своей территории в военных крепостях и поселениях. Почти полное отсутствие письменных свидетельств об этническом составе и местах дислокации подобных групп (мы располагаем лишь косвенными данными Зосима (Zosim, I, 31) и Константина Багрянородного (Const. Porph. De adm. Imp., 53), выдвигает на первый план использование результатов раскопок поселений и некрополей, которые могли быть связаны с практикой расселения варваров на территории Боспорского царства. В этой связи городище «Белинское» для решения этой задачи можно рассматривать как эталонный памятник.

Городище «Белинское», расположенное вблизи Узунларского вала на территории современного Керченского полуострова, занимало важное место в системе обороны Европейского Боспора [Зубарев, 2005, 284-285]. Оно было построено при Савромате I в начале II в. н. э. и просуществовало до середины V в. н.э. За это время городище служило базой для крупного воинского соединения, участвовавшего в военных действиях против крымских скифов [Зубарев, 2008, с. 116 - 122], дважды подвергалось разрушению и дважды восстанавливалось, постепенно эволюционируя в сторону небольшого сельского городка [Зубарев, Седых, 2013, с. 250 - 274].

Несмотря на то, что накопленный к настоящему времени археологический материал позволяет отчасти ответить на вопрос об изменениях этнического состава жителей городища «Белинское», судить о степени проникновения в традиционную античную материальную культуру чуждых ей элементов, носителями которых являлись новые поселенцы, крайне сложно. Во всяком случае, однозначный ответ получить вряд ли возможно.

Прежде всего, это связано с тем, что к интеграции в античное пространство Боспора допускались народы уже эллинизированные или поддающиеся воздействию греко-римской культуры. По сути, варвары, осевшие или расселённые на городище, уже давно не являлись «варварами» в чистом виде. Материал, полученный в ходе раскопок на городище, достаточно однороден на протяжении почти всего времени его существования. Число инноваций, например в керамике, по которым можно было бы судить о появлении новых этнических групп, незначительно, особенно до первого разгрома во второй половине III в. н.э. [Зубарев, Крайнева, 2005,

с. 212].

Некоторые изменения можно наблюдать в религиозных воззрениях населения, однако, их связь с инокультурными элементами также нельзя оценивать однозначно. Удаётся в какой-то мере проследить развитие архитектуры поселения в контексте общей «варваризации» построек. Наконец, наиболее значительный материал дали раскопки некрополя, и, в первую очередь, выявленные здесь отличия в типах погребений. Однако, только сопоставление всех этих факторов позволяет определить характер изменений в материальной культуре жителей городища в целом.

Архитектура городища при его строительстве полностью соответствовала античной строительной традиции. По периметру оно было окружено оборонительной стеной, соответствующей рельефу местности. В наиболее уязвимых местах фортификация дополнялась глубоким рвом. Последний не давал возможности подвести осадные орудия непосредственно к куртине. Ширина сохранившегося фундамента оборонительной стены - 2,5 м, кладка трехслойная двулицевая. Слои внутреннего и внешнего фаса сложены из крупных камней желтого ракушечника. Посредине находился слой забутовки более мелким камнем, который, по словам Вегеция, значительно усложнял разрушение стен стенобитными орудиями (Veget., IV,3).

Фортификационная система городища традиционно включала в себя и башни. К настоящему времени они выявлены на южном и западном участках, на угловых стыках оборонительных стен. В наиболее полном виде до нас дошел фундамент западной башни. Здесь даже сохранился in situ один из рустованных блоков первого ряда кладки. Судя по остаткам фундамента, башня имела форму, близкую к квадрату, и располагалась под острым углом к северо-западной оборонительной стене. Это позволяет отнести данную конструкцию к системе «косых куртин», о которых сообщает Филон Византийский (Philon, VIII, 13-15).

Внутренняя планировка достаточно чёткая и приближается к планировке стационарного римского лагеря. Выявленные в ходе раскопок жилые и хозяйственные постройки ориентированы по сторонам света. Кладка сохранившихся фундаментов качественная и типична для античных поселений этого времени. Постройки разделены улицами.

Массовый и коллекционный материал также вписывается в общий контекст античной культуры: обломки тары (в первую очередь амфор), краснолаковой и обычной столовой посуды, фрагменты терракотовых статуэток, пряслица, ткацкие грузила, монеты. Доля лепной керамики на

начальном этапе крайне незначительна, однако, к середине III в. н.э. её процент увеличивается.

После того, как в 193 г. Савромат II «завоевал сираков и скифов», «присоединив по договору» (КБН, 1237) с римским военным командованием часть Таврики [Зубарь, 1998, с. 111-113], на городище «Белинское» начинает меняться состав населения. С одной стороны отсюда уходят воинские контингенты, с другой, возможно появляются беженцы-переселенцы, которые вместе с осевшими здесь ветеранами составляют основу нового населения [Зубарев, 2008, с. 119].

В связи с прекращением боевых действий и наступлением некоторой стабилизации обстановки, миграция населения из наиболее пострадавшего во время войны Центрального Крыма происходит в Юго-Западную Таврику, к югу от Альмы [Зубарь, 1998, с. 111] и в Восточный Крым, на Боспор. На последнем направлении перемещение людей хорошо прослеживается по данным анализа лепной керамики, проведенного В.П. Власовым [Власов, 2006, с. 173]. Это подтверждается и появлением новых для территории Боспора культовых захоронений животных, захоронений внутри помещений человеческих черепов и других инноваций [Емец, Масленников. 1992. с. 32-40]. Скорее всего, именно в рамках выявленной А. А. Масленниковым особой роли позднескифского этноса в культуре населения Боспора [Масленников, 2007, с. 517-522], необходимо оценивать и погребение с недоношенными младенцами на Белинском городище. Однако, материалы, полученные при исследовании некрополя городища «Белинское», заставляют усомнитьься в том, что только крымские скифы были участниками миграции населения.

Некрополь городища «Белинское», расположенный в 600 м к востоку от городища, функционировал на протяжении почти всего времени существования поселения. Наиболее ранние погребения в его центральной части совершались в типичной для Боспора склепах с искусственным полуциркульным перекрытием и грунтовых могилах с «заплечиками» или без них. В то же время на южном участке некрополя погребения совершались в могилах, в длинных стенах которых имелись пазы , предназначенные для удержания краёв деревянного или каменного перекрытия. Единственным аналогом этих погребений могут служить ранние грунтовые могилы могильника Нейзац в центральной части Предгорного Крыма [Храпунов, 2004, с. 134]. Появление таких захоронений здесь связывается с определённой группой сармат, не вступавшей в тесные контакты с поздними скифами и отличающейся некоторой замкнутостью [Храпунов, 2004,

с. 136].

Погребения данного типа на некрополе городища «Белинское» занимают обособленный участок, удалённый от обычных боспорских погребений в центральной части. Судя по выявленным остаткам богатого погребального инвентаря, группа обладала достаточно высоким социальным статусом. Присутствуют как мужские, так и женские захоронения. Все захоронения одиночные. Часть захоронений была с оружием (в грабительских отвалах было найдено несколько фрагментов мечей сарматского типа). Всё это свидетельствует в пользу интерпретации этнической группы, совершавшей рассматриваемые погребения, в качестве наёмников на службе Боспорских царей. Соответственно, появление их в составе жителей городища «Белинское» можно рассматривать как проявление такого типа миграции, как профессиональная миграция. Обнаружить следы такой миграции можно только при наличии особенностей в погребениях. В остальном их жизнь ничем не отличалась от прочего населения.

После разгрома городища в ходе варварских походов III в. н.э. его архитектура претерпела некоторые изменения, но в целом сохранила греко-римские строительные традиции. Серьезным образом была изменена фортификационная система городища. Это наглядно демонстрирует западный участок городища, где сохранился довольно большой фрагмент противотаранного пояса, полностью охватывающего фундамент западной башни и наглухо закрывающего проход вылазной калитки.

Возведенный в усеченно-конической форме, он был вскрыт на участке длины 22,0 м (расстояние по внешнему фасу). Ширина пояса 2,9 – 4,1 м, максимальная высота выявленной кладки 1,9 м, сохранность до 6 рядов кладки. Кладка двухслойная, однолицевая, сложена под острым углом к основанию конструкции. Кладочный материал из панцирного слоя представлен крупными необработанными камнями (0,9х0,4х0,5; 1,1х0,4х0,6; 0,8х0,5х0,4 м) белого известняка. Помимо указанных камней в качестве кладочного материала было использовано небольшое антропоморфное изваяние с отбитой нижней частью, и пирамидальный алтарь из белого ракушечника размером 0,4х0,29х0,23 м. Пространство между панцирем противотаранного пояса и непосредственно стенами западной башни было заполнено слоем (шириной до 3,5 м) бутового камня мелкого и среднего размеров с большим количеством земли, битого ракушечника, древесного угля. Вся конструкция противотаранного пояса непосредственно была возведена на слое пожара середины III в. н.э. На камнях сооружения следы воздействия огня отсутствуют.

Противотаранным поясом была укреплена не только западная башня, но и юго-западная оборонительная стена. Известно, что такой пояс нередко укреплял не только башни, но и куртины в наиболее уязвимых местах [Зубарь, 1998, с. 111-113]. На раскопе «Южный» он вскрыт на участке длиной 17,2 м. Принцип конструкции аналогичен противотаранному поясу западной башни.

Планировка внутри оборонительной линии в целом остаётся прежней. В ряде случаев разрушенные постройки восстанавливаются на прежних фундаментах. Расширяется площадь застройки. Появляется больше хозяйственных ям и построек хозяйственного назначения. Каких либо инноваций, чуждых античной культуре выявлено не было.

Тоже самое можно сказать и в отношении массовых и индивидуальных находок, хотя здесь некоторые изменения заметны более отчётливо. Помимо существенного возрастания доли лепной посуды в общем объёме керамики, присутствие новой группы населения на городище подтверждаются находками аланской керамики. В частности интерес представляет серолощёный кувшин биконической формы, явно подражающий черняховской керамике. Кроме того, следует отметить находки довольно большого количества фрагментов лепных лощёных мисок с полусферическим или усечено-коническим туловом и резко загнутыми краями, отделёнными от тулова чётко выраженным ребром. Миски такой профилировки обычно считаются имитацией аналогичных краснолаковых сосудов. Однако, в тех случаях, когда на памятниках они фиксируются в слоях и комплексах после середины III в. н.э., особенно если ранее такая посуда здесь не встречалась, её присутствие следует рассматривать как проявление керамических традиций черняховской археологической культуры. Отметим при этом, что доля краснолаковой посуды, по сравнению с начальным периодом в истории городища снижается.

Расселение очередной варварской группы на городище в качестве постоянного оседлого населения фиксируется и по новому типу погребальных сооружений, который вплоть до вторичного разрушения городища на рубеже первой и второй четверти IV в. н.э. становится доминирующим на некрополе городища «Белинское». Речь идёт о появлении здесь во второй половине III в. н.э. вырубных склепов с коротким дромосом, характерных для аланской культуры [Зубарев, 2009а, с.175-181].

Наиболее существенные изменения, свидетельствующие о качественном переломе в жизни населения городища «Белинское», произошли на заключительном этапе античного периода в его истории. Прежде всего,

все прежние оборонительные стены и башни были заброшены и по большей части разобраны до уровня фундамента. На территории жилой части городища появляются зольники. Участок вдоль северо-западной оборонительной стены (включая остатки фундамента) специально был засыпан золой из домашних очагов и бытовым мусором. Ритуальные захоронения, которые совершались на этом участке, фактически рядом с жилыми домами, свидетельствуют о нарушении одной из составляющих традиционной античной культурной структурно-пространственной парадигмы – погребение своих умерших на некрополе. Следует отметить, что погребения этого времени выявлены не только в северной части, но и на центральном участке и в восточной части городища [Зубарев, Ярцев, 2015, с. 142-153].

Резко снизилось качество построек. Хотя, справедливости ради, необходимо отметить, что некоторое подобие прежнего благоустройства всё же сохранялось. Например, в северной части городища был выявлен ливневый водосток, функционировавший именно в это время.

Большинство погребений этого времени как на некрополе, так и на городище безинвентарные или содержат крайне бедный инвентарь. Резко увеличилось количество лепной посуды. Она более грубая и менее качественная по сравнению с предшествующим периодом.

Анализ сакральных комплексов, выявленных на городище, позволяет говорить о существенном усилении хтонических культов в религиозной практике местных жителей [Зубарев, 2015, с. 161-181.], однако однозначно связывать это явление с влиянием мигрантов мы бы не стали. Так, например ритуальные погребения собак на городище имели место, как в период строительства поселения, так и на последнем этапе его существования.

Итак, археологический материал из раскопок городища «Белинское» и его некрополя свидетельствует о постепенной «варваризации» населения этого сельского поселения. Процесс этот был достаточно длительным и на начальном этапе малозаметным. Первая волна мигрантов, представлявших наёмников на службе боспорских царей, мало чем отличалась от общей массы населения, сохраняя лишь особенный тип погребального сооружения. Вторая волна, пришедшая на городище после или во время варварских походов III в. н.э., уже была более заметна, но в целом осталась в русле греко-римской культурной традиции. Лишь на заключительном этапе с третьей волной мигрантов проникновение в традиционную материальную культуру чуждых элементов переросло в качество. Оно покончило с античной культурной структурно-пространственной

парадигмой. Сначала мигранты начали хоронить своих умерших за пределами некрополя, а затем (в первой половине V в. н.э.) отказались проживать в домах на городище и окончательно покинули его.

Основной причиной такого исхода стал количественный фактор. Каждая новая волна мигрантов, хотя и принимала античный образ жизни, вносила в него некоторую часть собственных традиций. Степень первичной эллинизации новых переселенцев уменьшалась, а их количество увеличивалось. Пока носителей традиционной античной культуры было достаточно, чтобы противостоять чуждому влиянию, это влияние незначительно отражалось на материальной культуре. Как только этот баланс нарушился, «варваризация» культуры пошла полным ходом. В крупных городах и, возможно, части прибрежных поселений античные ценности ещё какое-то время сохранялись, однако на сельской территории с ними было покончено.

ЛИТЕРАТУРА

Власов В.П. О позднескифских миграциях на Боспор // БИ. Вып. XI. 2006

Емец И.А., Масленников А.А. Новые данные о религиозных представлениях сельского населения античного Боспора // РА. 4. 1992

Зубарев В.Г. Городище «Белинское» в системе фортификации Европейского Боспора в I – II вв. н.э. // БЧ. IX. 2008

Зубарев В.Г. К вопросу об этническом составе жителей сельских поселений Европейского Боспора в III – IV вв. н.э. // БЧ. X. 2009

Зубарев В.Г. Культовые объекты на городище у с. Белинское в Восточном Крыму (по материалам раскопок 1996-2014 гг.) // ДБ. Т. 19. 2015

Зубарев В.Г., Крайнева А.А. Лепная керамика с городища у села Белинское // ДБ. Т. 8. 2005

Зубарев В.Г., Седых Е. Е. Планировка и основные этапы застройки городища «Белинское» во II – первой половине V вв. н.э. // БИ. Вып. XXVII. 2013

Зубарев В.Г., Ярцев С.В. Римская культурная экспансия на периферии античного мира // Цивилизация и варварство. Вып. IV. 2015

Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. – первая половина VI в.). Киев. 1998

Масленников А.А. Сельские святилища Европейского Боспора. М.

2007
Масленников А.А. Культурные взаимодействия в полиэтнической среде (факторы влияния и варианты последствий) // БЧ. XII. 2011
Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // БИ. Вып. VI. 2004

ИВАНОВ А.В., СУДАРЕВ Н.И.
(ЮРАЦ, Кранодар; ИА РАН, Москва)

«УРОЧИЩЕ САМОЙЛЕНКО» - ПОСЕЛЕНИЕ В СИНДИКЕ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

Ни для кого не секрет, что поселенческие памятники, расположенные в Синдике, исследованы достаточно слабо, а появляющиеся сведения о результатах работ в этом регионе, как и сопутствующий им материал, зачастую носят дискуссионный характер. Особенно это касается культурной атрибуции исследованных памятников. В данном контексте чрезвычайно интересными является результаты наших исследований, которым и посвящено это предварительное сообщение.

Экспедицией «Южного регионального центра археологических исследований» совместно с ИА РАН были проведены охранные раскопки на участке поселения «Урочище Самойленко», в зоне строительства газопровода «Южный поток». Само поселение расположено в нескольких километрах к западу от станицы Натухаевской, на поросших лесом возвышенностях1, на границе Новороссийского и Анапского районов Краснодарского края. С поселения открывается чудесный вид на Анапу, подразумеваем, что в древности Синдская Гавань или позднее Горгиппия была в зоне прямой видимости.

Памятник крупный, по площади занимает несколько гектар. Ввиду своего местоположения он имеет довольно сложную морфологию, со значительными уклонами, а перепады высот на противоположных концах заложенного раскопа, а это 50 м, составляли свыше 7 м. Здесь много камня, выходы скалы и мергеля. Ко всему прочему территория памятника никогда серьезно не распахивалась. Всё это привело к тому, что поселение было выявлено далеко не сразу, и потребовались значительные усилия, чтобы доказать что в древности здесь жили люди. Однако, в защиту наших оппонентов, обратим внимание на то обстоятельство, что мы и сами не сразу определились с характером памятника, одно время, считая его

могильником. Эти перипетии вполне наглядно демонстрируют яркое своеобразие и некую нестандартность самого памятника, но так часто бывает в горно-лесистой зоне черноморского побережья.

Работы продолжались два сезона, в 2013 и в 2014 гг. В результате было исследовано чуть более 4000 кв. м. Мощность культурных напластований не большая, до полуметра, между тем сам слой чрезвычайно насыщен находками. Материк представлял собой скальный выход, в северной же части раскопа материком являлся серо-желтый суглинок, мешанный с мелкой каменной крошкой. Линия перехода от скалы к суглинку четкая. Эта информация нам еще пригодится, когда речь пойдет о планиграфии поселения.

Что касается хронологии памятника, то на основании массового керамического материал выделяется два основных периода. Первый выразительно маркирован многочисленными фрагментами античных амфор и столовой посуды, лепными сосудами местного производства (Рис. 1, 1). Временной диапазон этого периода – вторая половина VI – начало II в. до н.э. Другая, значительно меньшая часть керамики, которая представлена фрагментами амфор, сероглиняной лощеной посудой, лепными горшками с отогнутым наружу венчиком, иллюстрируют второй период жизни поселения, и относится к кругу салтово-маяцких древностей, датирующихся ранним средневековьем.

Начало жизни поселения отмечено совсем небольшим количеством находок. Это каменные орудия, ковши с раздвоенной вверху «рогатой» ручкой, датирующиеся в рамках VI в. до н.э. (Лимберис, Марченко, 2013, с. 57), фрагменты ионийской столовой посуды, клазоменскими, коринфских, милетскими и самосскими амфорами второй половины VI в. до н.э. Полагаем, что как раз на этот временном отрезок и приходится основание поселения. Около четвери всех находок принадлежит материалу рубежа VI-V вв. до н.э. Здесь доминируют амфоры на сложнопрофилированной ножке и Хиоса. От этого момента прослеживается расцвет поселения, который продолжается и в последующее за тем время. V-IV вв. до н.э. представлены более чем десятком амфорных центров, на памятнике появляется и активно используется импортная столовая и чернолаковая посуда, различного рода светильники, иногда весьма редких форм. Встречена пара монет Перисада I. К III в. до н.э. относятся амфоры Синопы и Родоса, чернолаковая и столовая посуда, кризисные монеты с надчеканкой на аверсе. Между тем, материал этого столетия по количеству значительно уступает предыдущим векам, ощутима стагнация, если не упадок.

Отдельные невнятные находки II в. до н.э. указывают на то, что жизнь на поселении затухает, видимо в начале указанного века.

На всем протяжении первого периода у жителей поселения была в ходу лепная посуда местных форм – горшки и миски. Последние имели вполне стандартную для этой категории морфологию, без каких либо изысков – дно плоское, стенки округлые, без выделенного бортика. Горшки, в целом, можно разделить на два типа – баночные, часто декорированные под венчиком манжетовидным налепом, украшенным насечками или пальцевыми вдавлениями, и горшки с отогнутой наружу шейкой, иногда имеющие насечки на венчике.

Теперь о планиграфии. Исследованный участок поселения условно можно разделить на две части – жилая и хозяйственная. Жилая часть поселения располагалась на скале и занимала всю центральную и южную часть раскопа. Она ограничена с северо-запада хозяйственной территорией, с юго-востока – балкой свыше 7 м шириной, которая была освобождена от дерна, углублена небольшим ровиком в центре, а её северный борт был эскарпирована хорошо сохранившейся стеной (Рис. 1, 2). Стена двупанцирная, с забутовкой, сложена сухим способом из необработанного камня. Высота каменной кладки в наиболее сохранившейся части стены до 10-12 рядов, ширина стены – 1 м. В основании стены были положены крупные каменные необработанные блоки, правильной подквадратной и подпрямоугольной формы. На них были положены более мелкие камни и плитняк. Через равное расстояние, стену в нижней части с внешней стороны подпирали плоские крупные плиты, опиравшиеся на дно рва. Заполнение рва – сплошной зольник, функционировавший практически на всем протяжении существования поселения. У нас нет сомнений, что ров и стена имели оборонительное значение, хотя фортификацией в полном смысле этого слова ее назвать нельзя. В качестве довольно близкой аналогии можно привести укрепленные холмы самнитов (Oakley, 1995). В IV в. до н.э. строится новая стена к югу от предыдущей, а площадь поселения несколько увеличивается. Перед постройкой новой стены была произведена нивелировка поверхности, сама стена сооружена из лучше обработанных и подобранных камней и явно строилась уже в другой традиции. В жилой зоне были выявлены остатки различных построек, небольшие подвальчики с амфорными складами, стены, печи, очажки. Чтобы проследить это всё, поверхность скалы вычищалась на ножах. Только благодаря такому способу были обнаружены столбовые ямки наиболее ранних жилищ. В плане эти сооружения имели округлую форму, с очагами в центре. Об-

лик строений, их планировка и конструкция, видимо особо не отличалась от традиционных «меотских» домов (Шевченко, 1995, с. 134-137). Однако, практика подобных сооружений довольно быстро вытесняется каменным домостроительством. Наверное, наиболее показательный объект – хорошо сохранившийся фундамент здания, площадью более 40 кв. м. Дом имел глинобитные полы, пристроенный к стенке округлый очаг и глинобитный кухонный «рабочий стол». Здесь же была найдена различная бытовая посуда, лепная вазочка и набор из 62 керамических ткацких грузиков.

К северу от жилой зоны, между ней и водоносной балкой, ограничивающей территорию с севера и северо-запада, располагалась зона хозяйственная (Рис. 1, 3). Здесь было исследовано более 150 хозяйственных ям, причем в отличие от жилой зоны, где средневекового материала практически не было, примерно половина объектов принадлежала салтовцам. Такое расположение и концентрация ям на довольно узком участке легко объяснима – именно здесь заканчивалась скала, и начинался суглинок, мешанный с каменной крошкой, в котором сооружать хозяйственные объекты было намного проще, нежели в скале. Помимо простых хозяйственных ям, в данной части находились ямы, с обложенными камнями стенками. Вряд ли это хранилища, видимо этим приемом закреплялись стенки в сыпучем грунте. Наконец, один объект был интерпретирован нами как землянка.

Ко всему прочему, совсем рядом с поселением, нами был обнаружен сопутствующий ему грунтовый некрополь. Он расположен в лесу, на вершине небольшого водораздельного хребта, огораживающего поселение с востока, и естественно полностью ограблен. Одно захоронение было доисследованно. Погребение совершено в крупном каменном ящике, сложенном из массивных высоких плит, поставленных вертикально. Среди разрушенного костяка взрослого человека были найдены железный нож, красноглиняная солонка, разноцветный мелкий пастовый бисер и бронзовый перстень. Погребение датируется IV в. до н.э. Аналогичной структуры комплексы, в составе некрополей, широко распространены на этих землях, исследователи их традиционно увязывают с местным населением региона Анапы-Новороссийска.

Памятник, которому посвящено это сообщение, в основе своей однозначно варварский – и здесь двух мнений быть не может. Мы не можем точно сказать, кто обитал на данном поселении – синды или родственные им племена, инкорпорированные в общую культуру, но так ли это важно, если атрибуция памятника очевидна? Вопрос в другом – смогли ли мы прийти к подобному заключению, если, допустим, мы бы работали на похожем памятнике, но с немного другой хронологией, скажем V-IV вв. до н.э.? Скорее всего – нет. Перед нами бы лежало вполне обычное античное поселение, например дальняя хора Горгиппии. Может быть, смущал высокий процент лепной керамики, и не совсем стандартное расположение поселения – но и здесь мы бы нашлись, что на это ответить. Опыт нашей работы в регионе, уже артикулированный одним из авторов этих строк, выявил парадокс, который заключается в том, что памятники, исследованные на этих землях по своей структуре по многим показателям более «греческие», более эллинского облика, нежели сельскохозяйственная хора Тамани (Сударев, 2014, с. 96). Пожалуй, поселение «Урочище Самойленко», на определенном хронологическом этапе, как нельзя лучше иллюстрирует приведенный выше тезис. Почему так произошло, как сложился данный феномен – тема, требующая отдельного, всестороннего изучения. За рамки этого сообщения мы так же оставляем практически все актуальные вопросы, связанные с этим памятником, среди которых основополагающим является характер взаимоотношений между варварами региона и греками. Но обещаем, что к нему мы вернемся уже в ближайшее время.

ЛИТЕРАТУРА

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2013. Типология и хронология раннемеотских ковшей из погребений правобережья Кубани // Древности Западного Кавказа. Краснодар. Вып. 1.

Сударев Н.И. 2014. Греки и Варвары в Синдике //Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию М.М. Кубланова. СПб.

Шевченко Н.Ф. 1995. Строительные традиции у меотов // Историко-Археологический Альманах. Армавир; М. Вып. 1.

Oakley S. P. The Hill-forts of the Samnites. – British school at Rome, 1995. – №. 10.

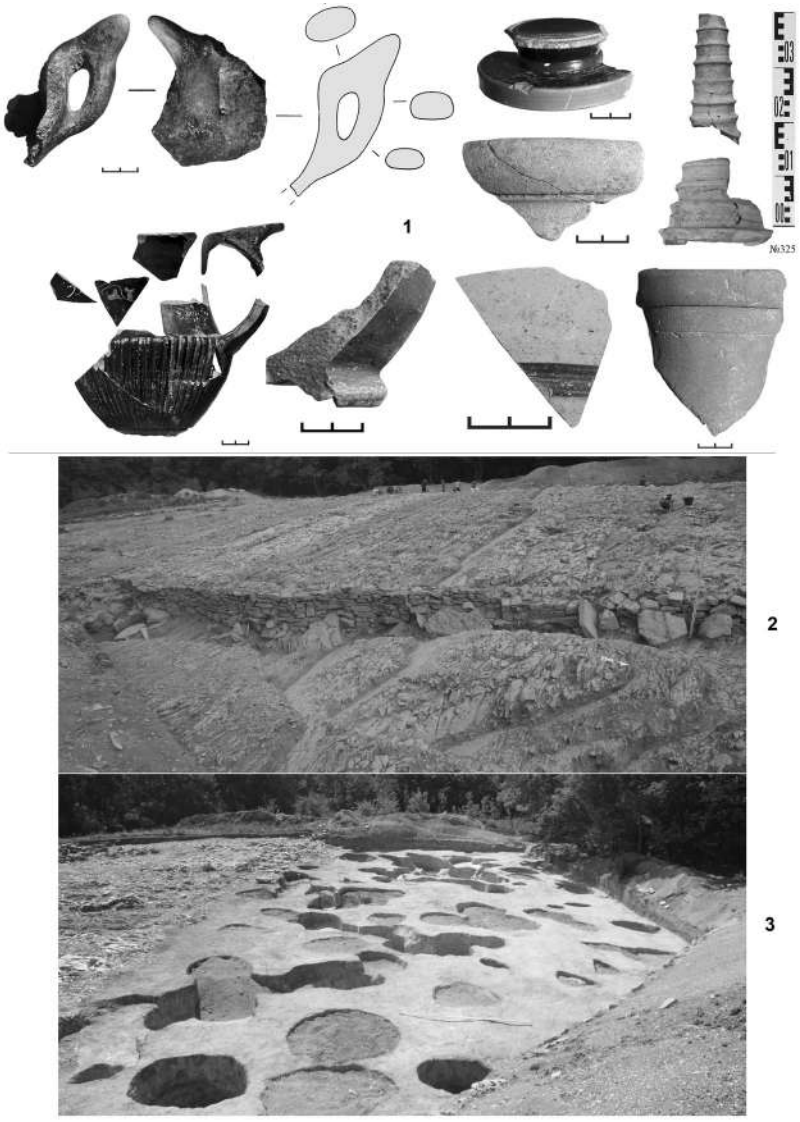


Рис.1. Поселение «Урочище Самойленко»: 1- фрагменты керамики; 2 – стена и ров; 3- хозяйственная зона.

КАЗАНСКИЙ М.М.
(CNRS - UMR 8167, Париж)

ЛАМЕЛЛЯРНЫЕ ШЛЕМЫ НА БОСПОРЕ КИММЕРИЙСКОМ В РАННЕВИЗАНТИЙСКОЕ ВРЕМЯ: ТРАДИЦИЯ ИЛИ ИННОВАЦИЯ?

Для начала средневековья на Боспоре Киммерийском известно две находки ламеллярных шлемов, полусферическая калотта которых собрана из относительно тонких вертикальных пластин, увенчанных шишаком. Здесь предлагается рассмотреть возможное происхождение этого вида касок.

Один шлем был найден в Керчи, на улице Госпитальной, в гробнице, исследованой Ю.А. Кулаковским в 1891 г. (Рис. 1, 1). Гробница была ограблена, из нее происходят, среди прочего, монета Льва I (453-473 гг.), элементы тисненого геральдического набора VII в., два шлема, в том числе один ламеллярный (Arendt, 1932. Abb. 6; Кубарев, Журавлев, 2012. Рис. 3), два меча, трехлопастные стрелы, наконечник копья, ламеллярный панцырь (ОАК 1891. С. 59, 60; Кубарев и др. 2003; Кубарев, Журавлев, 2012). Фрагменты второго шлема были обнаружены на Ильичевском городище, на Тамани (Рис.1, 2). Они происходят и культурного слоя памятника (Николаева, 1986. С. 185, 186, Рис. 1, 6). Основная масса находок на городище приходится на VI в. (не познее третьей четверти) (Гавритухин, Паромов, 2003. С. 154). В связи с боспорскими находками надо упомянуть наборный шлем из Южного Дагестана, найденный в погр. 3 могильника Калкни (Салихов, 1985. Рис. V). Он несколько иной конструкции, но тоже ламеллярный, с пластинами расширенными у основания и с шишаком (Рис. 1, 4). Дата погребения определяется в рамках конца IV - первой половины V вв. по пряжке с длинным язычком (Рис. 1, 5).

До недавнего времени ламеллярные шлемы в Восточной Европе были известны только в её южной части, в Крыму, на Тамани, и на Северном Кавказе. Однако сравнительно недавно один такой шлем был найден

и в Центральной России, в Хомутовке, Курской обл. (Рис. 1, 3). Контекст находки неясен (Радюш, 2012). В целом ламеллярные шлемы в Европе известны в аламаннских, лангобардских, византийских и аварских древностях VI-VII вв. (Steuer, 1987. S. 197, 198, Abb. 4 ; Quast, 1993. S. 133; Glad, 2009. P. 55, 137; Радюш, 2012. С. 203, 204).

Очень распространено мнение, что эта форма шлема, как и сам ламеллярный доспех, появилась в Европе с востока, в середине-второй половине VI в. вместе с миграцией авар (Arwidsson, 1939. P. 55, 56 ; Steuer, 1987. S. 197). Ламеллярные шлемы действительно хорошо известны на Дальнем Востоке в предшествующее время (см. напр. Werner, 1988. S. 13). Карта их распространения в Европе, преимущественно на Среднем Дунае (Quast, 1993. Abb. 13; Glad, 2009. P. 55, 137), вроде бы подтверждает связь этих шлемов с аварами. Однако вопрос, откуда собственно в Европе взялись сами авары, является на сегодняшний день спорным. Подчас говорится об их центрально-азиатском происхождении и связи с кочевым народом жужаней, т.н. истинных авар, о которых упоминают и западные источники (Приск Панийский, Феофилакт Симокатта). Однако имеется прямое свидетельство Феофилакта Симокатты, о том, что европейские авары, это на самом деле волжские угры, точнее их племена Уар и Хунни, отступившие на запад под двлением тюрок и привоившие себе грозное имя «истинных» авар (Феофилакт Симокатта, История. Книга седьмая, VII, 13, 14; VIII, 1-4). Угры/огоры (уроги) впервые засвидетельствованы в европейских степях уже в 463 г. в составе союза оногур, сарагур и урогов, вытесненых на запад савирами, которых в свою очередь «подвинули» те самые истинные авары (Приск Панийский, фр. 8; см. Артамонов, 1962. С. 62, 76). Поэтому в русской историографии обоснованно утвердилось мнение, что европейские авары с далекого востока не приходили (Артамонов, 1962. С. 64, 65, 105-107), а стало быть и сама возможность привнесения аварами каких-то азатских культурных элементов в Европу нуждается в дополнительной развернутой аргументации.

Следует отметить, что ламеллярные шлемы известны в Восточной Европе уже в позднеримское время, т.е. явно до миграции авар. Это находка из погребения № 13 Кишпек в Кабардино-Балкарии (Рис. 2, 1), датированная временем около 300 г. или несколько позднее (Бетрозов, 1987. С. 13, 14. Рис. III, 1; о дате погребения см. Казанский, 1994. С. 242-244). По конструктивным особенностям и по времени кишпекскому шлему близок ламеллярный шлем из грабительских находок в Минеральных Водах (Рис. 2, 2) (Симоненко, 2014. С. 272. Рис. 18, 3). От более поздних боспорских

шлемов их отличает отсутствие шишака, а может быть он просто не сохранился. По В.А. Кузнецову шлем, найденный в Кишпеке, принадлежит позднеримской традиции, поскольку его тисненый и полихромный декор очень близок орнаменту позднеримских «офицерских» касок (Кузнецов, 1987. С. 4-6)[1]. По иному происхождение кишпекского ламеллярного шлема видит А.В. Симоненко. По его мнению данный шлем продолжает линию развития восточноевропейских каркасных / ажурных касок римского времени, известных по находкам на Северном Кавказе и в Приуралье (Симоненко, 2014. С. 271-275). Наконец третья гипотеза происхождения кишпекского шлема изложена А.А. Васильевым и Т.М. Кармовым. Они полагают, что шлем из Кишпека является азиатским по происхождению, поскольку подобные шлемы есть на парфянских изображениях (Васильев, Кармов, 2008. С. 241).

При оценке вышеизложенных гипотез надо отметить два важных обстоятельства. Во-первых, сама по себе конструкция ламеллярного шлема очень давно известна не только в Центральной Азии и на Дальнем Востоке, но и на Ближнем Востоке. Изображения ламеллярных касок встречаются уже в древнем Египте, и у хеттов, или же, например, на серебряной античной посуде из Хадрамаута (Рис. 2, 5) (Kazanski, 1993. P. 59, 60, Pl. 25, 70 ; 40, 159-161; Glad, 2009. Fig. 14, 1-4,6). Известны ламеллярные шлемы и в сасанидском Иране (Kubik, 2017a ; Kubik 2017b. S. 23, 24). В Передней Азии ламеллярные каски бытуют и позднее, в средние века (напр. Kazanski, 1993. P. 59, 60. Pl. 40, 172, 173). Поэтому привязывать эту конструкцию только к Центральной Азии или Дальнему Востоку вряд ли справедливо.

Во-вторых, ламеллярные шлемы известны и в римской армии, о чем свидетельствуют изображения солдат на колонне Траяна и на арке Галерия в Фессалониках (Рис. 2, 3,4). У последних, кстати, четко виден шишак на верхушке каски, как на боспорских шлемах (Kazanski, 1993. Pl. 40, 163-165). Видимо римским по происхождению является и уже упоминавшийся шлем из Калкни. На его римское происхождение указывает реалистическое изображение ушей на боковых сторонах шлема (Рис. 1, 4), как на римских касках (Glad, 2009. P. 56).

Итак, если принять во внимание находки в Кишпеке, Минеральных Водах и Калкни, у нас есть некоторые основания полагать, что боспорские

[1] *Впоследствии эта гипотеза была почему-то приписана исключительно мне, хотя я лишь повторил мнение выдающегося кавказского археолога, с четким указанием на его авторство (Казанский, 1994. С. 243).*

ламеллярные шлемы или находка из Хомутовки не являются инновацией, принесенной с востока в VI в., а скорее принадлежат традиции, укоренившейся в предшествующее время как в римской армии, так и у восточноевропейских варваров.

ЛИТЕРАТУРА

Артамонов М.И., 1962. История хазар. Ленинград: Издательство Государственнго Эрмитажа.

Бетрозов Р.Ж., 1987. Курганы гуннского времени у селения Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Том 3 / Отв. ред. В.А. Кузнецов. Нальчик: Эльбрус. С. 11-39.

Васильев А.А., Кармов Т.М., 2008. Шлем из княжеского погребения у с. Кишпек // Нижневолжский Археологический Вестник. Вып. 9. С. 238-246.

Гавритухин И.О., Паромов Я.М., 2003. Ильичевское городище и поселения его округи //Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV – XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева, Москва: Наука. С. 152-157.

Казанский М.М. 1994. Могилы сармато-аланских вождей IV в. в Понтийских степях // Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии. Вып. IV. С. 238-256

Кубарев Г.В., Ахмедов И.Р., Журавлев Д.В., 2003. Катакомбное погребение с доспехом с Госпитальной улицы г. Керчи (предварительная информация) // Боспорские Исследования. Вып. III. С. 204-221.

Кубарев Г.В., Журавлев Д.В., 2012. Доспех из кактакомбного погребения с Госпитальной улицы города Керчи (из раскопок 1891 года профессора Ю.А. Кулаковского) // Вестник Новосибирского Государственного Университета Т.11, Вып. 5. С. 135-146.

Кузнецов В.А., 1987. Введение // Археологические исследования на новочтройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Том 3 / Отв. ред. В.А. Кузнецов. Нпльчик: Эльбрус. С. 3-10.

Николаева Э.А., 1986. Находки оружия на Ильичевском городище // Проблемы античной культуры / Отв. ред. Г.А. Кошеленко, М.: Наука. С. 183-188.

Приск Панийский, Готская история // В.В. Латышев, Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Том I. Греческие писатели. - Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1890. С. 810- 847.

Радюш О.А., 2012. Ламеллярный шлем эпохи переселения народов из Курской области // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А.И. Пузиковой). Курск: Комитет по культуре администарции Курской области, Курский областной музей археологии. С. 202-257.

Салихов Б.М., 1985. Калкнийский могильник // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа / Отв. ред. М.М. Маммаев, Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР. С. 167-187.

Симоненко А.В., 2014. Шлемы сарматского времени из Восточной Европы // Stratum plus. № 4. С. 249-284.

Феофилакт Симокатта, История. Вступительная статья Н.В. Пигулевской, перевод С.П. Кондратьева, примечания К.А. Осиповой. Москва: Идательство Академии Наук СССР, 1957.

Arendt W., 1932. Beiträge zur Entstehung des Spangenharnisches – Ein alttürkischer Waffenfund aus Kertsch // Zeitschrift für historische Waffen- und Kostümkunde, Gesamtfolge Bd. 13 (Neue Folge, Bd. 4). S. 49–55.

Arwidsson G., 1939. Armour of the Vendel Period // Acta Archaeologica. T. X. P. 31 - 58.

Glad D., 2009. Origine et diffusion de l'équipement defensif corporel en Méditerranée orientale (IVe-VIIIe s.). Oxord : Johs and Erica Hedgers Ltd. (British Archaeological Reports Intarnational Series S 1921).

Kazanski M., 1993. Les armes du wâdi Dura' // Breton J.-F., M. Bafaqih M., Trésors du wâdi Dura' (République du Yémen). Paris : Librairie orientaliste Paul Geuthner (Bibliothèque Archéologique et Historique de l'IFAPO, CXLI). P. 52-61.

Kubik A.L., 2017a. Sasanian lamellar helmets / Crowns, hats, turbans and helmets. The headgear in Iranian history / Eds. K. Makzymium, G. Karamian, Siedlce - Tehran: Siedlce University of Natural Sciences and Humanities. P. 195-210.

Kubik A.L., 2017b. Hełmy Azji Południowo-Zachodniej pomiędzy VI - VIII w.n.e. zarys problematyki. Siedlce: Institute of History and International Relations, Faculty of Humanities,University of Siedlce.

Quast D., 1993. Die merwingerzeitlichen Grabfunde aus Gültlingen (Stadt Wildberg, Kreis Calw). Stuttgart: Konrad Theiss.

Steuer H., 1987. Helm und Ringschwert. Prunkbewaffnung und Rangabzeichen germanischer Krieger // Studien zur Sachsenforschung. Bd. 6. S. 190-236.

Werner J., 1988. Adelsgräber von Niederstotzingen bei Ulm und von Bokchondong in Südkorea. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften.

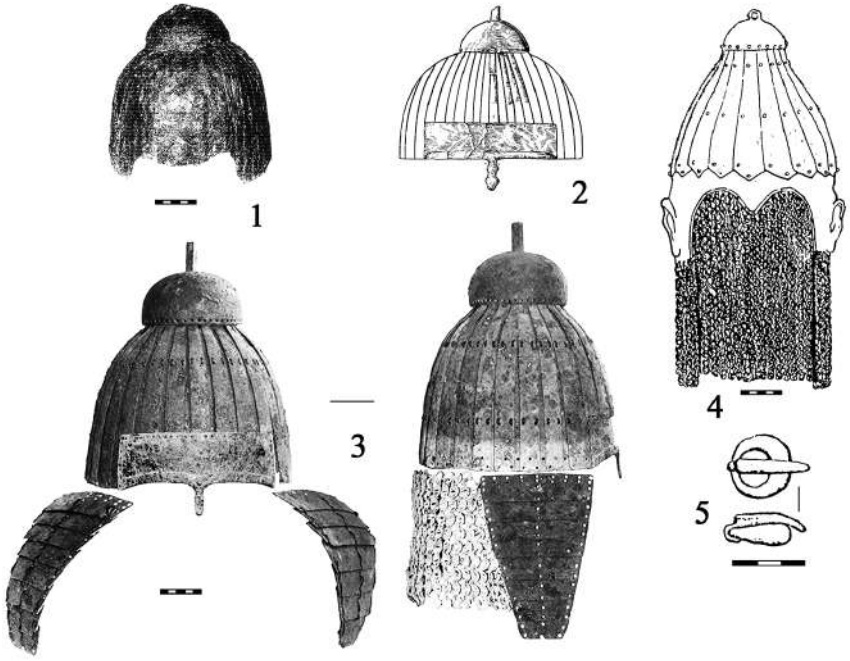


Рис. 1. Ламеллярные шлемы эпохи переселения народов (1-4) и сопровождающий материал (5) из Восточной Европы. 1: Керчь, погр. 1891 г.; 2: Ильичевка; 3: Хомутовка; 4,5: Калкни, погр. 3. По: 1: Кубарев, Журавлев, 2012. Рис. 3; 2: Николаева, 1986. Рис. 1, 1; 3: Радюш, 2012. Рис. 1; 4,5: Салихов, 1985. Рис. V, 7; VI, 11.

Рис. 2. Ламеллярные шлемы римского времени и их изображения. 1: Кишпек, погр. 13; 2: Минеральные Воды; 3,4: Фессалоники, арка Галерия, 298 г.; 5: Аден, Музей, часть изображения на металлическом блюде. По: 1: Бетрозов, 1987. Рис.III, 1; 2: Симоненко, 2014. Рис. 18, 3; 3,4: Kubik, 2017a. Fig. 6 ; 5 : Kazanski, 1003. Pl. 25, 70.

КАМЕЛИНА Г.А.
(ГИМ, Москва)

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЯ ГОЛУБИЦКАЯ 2

Античное поселение Голубицкая 2, начала второй четверти VI в. до н.э. - рубежа II-I вв. до н.э., расположено на северо-восточной оконечности Таманского полуострова, между станицами Пересыпь и Голубицкая, на берегу Ахтанизовского лимана. (Журавлев, Шлоцауер, 2014. С. 174, 182)

Изучение памятника началось в 2007г. с обследования оборонительного рва, вала и примыкающего к ним пространства (Раскоп 1). На этом участке был найден 391 фрагмент лепных сосудов. Весь этот материал был систематизирован. В ее основе лежат визуально фиксируемые признаки: форма венчика, характер его оформления, способ обработки внешней поверхности и орнамент. Самая представительная категория - нелощеные горшки, используемые для хранения и приготовления пищи. Они были разделены на две группы, которые делятся на типы и варианты. Для каждого варианта были получены данные об отборе исходного сырья, его обработке и составе формовочных масс. Сделаны предварительные наблюдения о технологии изготовления сосудов. Отдельные, выделенные варианты, были представлены единичными фрагментами, которым не было найдено аналогий на других памятниках.

Первая группа - сосуды, с уплощенным или округлым в верхней части венчиком, шейка отсутствует. Венчик у одних сосудов невыделенный, плавно переходящий в плечи и тулово, у других - выделен, имеется четкий переход от венчика к плечам сосуда.

Вид. 1. Сосуды с прямым венчиком, с внешней стороны оформленным в виде широкой ленты – «воротничка».

Вариант 1 - фрагменты с неорнаментированным «воротничком». (Рис.1, 1) В качестве исходного сырья использовалась среднепластичная глина и илистая глина. Выделяется три состава формовочных масс.

Горшки с «воротничком» по краю считаются специфической чертой

меотской культуры и известны с протомеотского времени на памятниках левобережья Кубани: поселение Красногвардейское II (Шарафутдинова, 1989. С. 52, 56. Рис. 7, 1, 2, 4) и в святилище Ленинохабль (Эрлих, 2007. С. 79. Рис. 141, 16, 21, 22). Похожий орнамент встречается на сосудах с памятников левобережья Кубани и позднее в VI-V вв. до н. э. (Анфимов, 1981. С. 79. Рис. 21, Шарафутдинова, 1989. С. 52). Такие сосуды присутствуют в составе инвентаря в погребениях первой половины-середины VI - середины-второй половины V вв. до н.э. грунтовых могильников меотских городищ правобережья и существуют до конца IV в. до н.э. (Лимберис, Марченко, 2001. С. 35. Рис. 5,3; С. 57. Рис. 34,4; Лимберис, Марченко, 2012. С. 36). В материалах сельских поселений Таманского полуострова горшки этого варианта (один экземпляр) известны в слое последней трети VI – первой четверти V в. до н.э. поселения Артющенко 1. (Виноградов, 2006. С. 72-74. Рис. 2.3.) В позднейших слоях античных поселений Таманского полуострова подобные горшки не встречаются.

К варианту 2 относятся горшки с «воротничком», орнаментированным по нижнему краю пальцевыми вдавлениями. (Рис. 1, 2) Выделяется три вида исходного пластичного сырья – илистая глина, ил и глина и несколько составов формовочных масс, как однокомпонентных, так и многокомпонентных.

Лепные горшки с орнаментированным «вортничком», найдены в слое середины VI – второй четверти V вв. до н. э. архаического Торика (Онайко,1980. С. 85-86. Табл. XXV-XXVI, С. 241, С. 249-251). Этим временем, вероятно можно датировать и фрагменты с поселения Голубицкая 2. Н.А. Онайко отмечает, что такой способ декорирования сосудов известен и на сосудах из Пантикапея. Однако, рисунок и описание И.Т. Кругликовой указывают на совершенно иной прием орнаментации (Кругликова, 1954. С. 80-81. Табл. I,1). Наличие лепной керамики на греческом поселении Торик Н.А. Онайко связывала с присутствием в его составе местного аборигенного населения керкетов-торетов, но не исключала возможности ее производства греками (Онайко. 1980. С. 90). В Горгиппи и ее округе, а также в округе Торика именно таких форм нет. (См.: Алексеева, 1991. Табл. 7, 16, 20, 23-26, 28-29 и др; Алексеева, 1991. С. 135. Табл. 62).

Вид 2. Горшки с прямым венчиком без «воротничка» плавно переходящим в расширяющиеся плечи.

К варианту 1 относятся горшки с прямым венчиком, край которых плоско срезан и наклонен внутрь. (Рис. 1, 3) В качестве исходного пластичного сырья были использованы – ил и среднеожелезненная глина.

Выделяется однокомпонентный и многокомпонентный состав формовочных масс.

Горшки данного типа существовали достаточно долгое время. В Мирмекии, они были найдены в комплексах второй четверти - середины VI в. до н. э. и последней трети VI- первой четверти V в. до н.э. (Виноградов, 1991. С. 12-16. Рис. 314-15 ; Бутягин, 1998. С. 83. Рис. 7). В дальнейшем их количество постепенно уменьшается и в первой четверти V в. до н.э. они редко встречаются (см.: Бутягин, 2011. С. 178-179). На Таманском полуострове подобные сосуды найдены в слое VI – IV вв. до н. э. в Фанагории (Кругликова, 1951. С. 89-91. Рис. 1,2), в комплексах этого же времени Анапского поселения и его окрестностей (Алексеева, 1997. С. 289. Табл. 9, 17), на городище Артющенко 1 в слое последней трети VI – первой четверти V в. до н.э. (Виноградов, 2006. С. 72-73. Рис. 1, 1-10) и в Тирамбе в слое конца VI-V вв. до н.э. (Коровина, 1968. С. 55. Рис. 4, 9-11). На всех греческих поселения этот вариант сосудов традиционно связывают с меотским населением.

В погребениях могильников правобережья подобные горшки широко распространяются с V в. до н.э. и продолжают существовать до I в. до н.э. (Лимберис, Марченко, 2012. С. 36) В Среднем Прикубанье такая форма появляется начиная с IV в. до н. э. (см.: Пашковский могильник (Смирнов, 1958. С. 301-302. Рис. 5, 21, 22) могильник у станицы Усть-Лабинской (Анфимов, 1951. С. 164-165. Рис 3, 7). В Закубанье они известны на поселении Венцы I конца VI – V в. до н.э. (Беглова, 1991. С.63-64. Рис. 3, 20-21).

К варианту 2 относятся сосуды с прямым венчиком, уплощенным сверху и наклоненным внутрь. Ниже венчика на 2,5 см расположен орнамент в виде пальцевых вдавлений. (Рис. 1, 4) В качестве исходного пластичного сырья использована глина в естественно увлаженном виде. Состав формовочной массы двухкомпонентный.

Близкие по форме горшки известны на Анапском поселении в материалах, происходящих из полуземлянок второй половины VI – V вв. до н.э., а также в погребениях того же времени, принадлежавших местному населению, обитавшему в окрестностях Анапы. (Алексеева, 1991. С. 10-11. Табл. 23; С. 46-47. Табл. 62) и в слое конца VI-V вв. до н.э. на городище Тирамба (Коровина, 1968. С. 55, 59. Рис. 4, 9.10). Е.М. Алексеева связывает происхождение лепных сосудов с меотской традицией (Алексеева, 1991. С. 46).

Вариант 3. Сосуды с прямым округлым в верхней части венчиком, переходящим в расширяющиеся плечи. (Рис. 1, 5) Состав формовочных

масс однокомпонентный и двухкомпонентный.

Горшки с невысоким прямым венчиком обычно связывают с меотской культурой. Их фрагменты известны в Мирмекии в слоях и комплексах VI-начала V в. до н.э. (Бутягин, 2011. С. 179), в Фанагории в слое III – I вв. до н. э., на Елизоветовском городище, где они датируются V-III вв. до н. э. (Кругликова, 1951. С. 92-93. Рис. 2,3; Крапивина, 1934. С. 163-164. Рис. 46, 1-3) Фрагменты таких горшков встречаются также на поселение Венцы I в слое VI – V вв. до н. э. (Беглова, 1991. С. 63. Рис. 3, 9-15)

Ко второй группе отнесены сосуды с отогнутым наружу в той или иной степени венчиком и выделенной шейкой.

Тип 2. Сосуды с округлым в верхней части венчиком и четко оформленной шейкой, переходящей в плечи сосуда.

Вариант 2. Горшки с отогнутым наружу венчиком, имеющим подрезку по краю, четко профилированным горлом, переходящим в раздутые плечи сосуда. (Рис. 1, 6) В качестве исходного пластичного сырья использована илистая глина. Состав формовочных масс – илистая глина без искусственных добавок. Отличительной особенностью данного варианта является моделирование и заглаживание венчика на гончарном круге.

В Мирмекии горшки подобной формы встречаются в ранних комплексах середины VI в. до н.э. (Бутягин, 2007. С. 35-37). На поселении Артющенко 1 они найдены в комплексах второй половины III – первой половины II в. до н.э. (Стоянов, 2009. С.273-274. Рис. 3). В Фанагории - в слоях III-I вв. до н.э. (Кобылина, 1951. 92-93. Рис. 2,5). Таким образом, время бытования этого типа от архаической эпохи до позднеэллинистического времени.

Рассмотренный выше материал представляет собой небольшую часть лепных сосудов, найденных на поселение Голубицкая 2. Для выделения устойчивых технологических традиции в изготовлении того или иного типа сосудов, необходимо расширение источниковой базы. Это возможно будет сделать при дальнейшей работе с постоянно пополняющейся коллекцией лепной керамики. Основные выводы об исходном пластичном сырье: использовалась среднеожелезненная глина, илистая глина и ил в естественно увлажненном виде. Выделяются однокомпонентные (илистая глина и ил как моносырье) и многокомпонентные составы формовочных масс. Как искусственная добавка к глине и илистой глине использовалась дресва (чаше всего кальцит) и шамот. Искусственно введенные органические материалы: растительная органика, органический раствор (в сочетании с илом, в качестве исходного пластичного сырья),

ракушка и кость. Основным приемом обработки внешней и внутренней поверхности было простое заглаживание мягким материалом. Лишь у нескольких сосудов отмечается прием искусственного огрубления внешней поверхности.

Обжиг сосудов проходил в восстановительной среде. У большей части горшков в изломе наблюдается трехслойная окраска со светло-коричневыми тонами у внешней и внутренней поверхности и серым или темно-серым тоном в центре и четкими границами между ними или двухслойная окраска, также с четкими границами. Такой характер излома говорит о быстром остывании сосудов после обжига, возможно вне обжигового устройства. У остальных сосудов отмечается двухцветная окраска темно-серый с плавным переходом в более светлый серый цвет, что характерно при медленном остывании после обжига. Во всех случаях, где в составе формовочной массы присутствует ракушка как естественная или искусственная примесь, она сохраняет свою структуру. Это говорит о том, что термическая обработка происходила при конечных температурах не более 700-750 °С (Бобринский, 1978. С. 81). Минералы кальцита, используемые в качестве дресвы, начинают утрачивать природный цвет и структуру при температурах 600-650°С (Бобринский, 1991. С. 93). Описанные признаки вероятнее всего говорят, что использовался костровой обжиг.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е.М., 1991. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М. 1991.

Анфимов Н.В. Меото-сармасткий могильник у станицы Усть-Лабинской // МИА, № 23. М.–Л., 1951.

Беглова Е.А. Венцы I – поселение эпохи раннего железа Закубанья // Древности Серенного Кавказа и Причерноморья. М., 1991.

Бутягин А.М. Лепная керамика архаического Мирмекия (динамика изменений) // Боспорское царство как историко-культурный феномен. Материалы конференций. Спб., 1998. С. 82-87.

Бутягин А.М. Меоты в Мирмекии в VI-V вв. до н.э. // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Спб., 2011. С. 178-180.

Виноградов Ю.А. Ранние комплексы Мирмекия //Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж-Белгород, 1991.

Виноградов Ю.А. Лепная керамика архаического времени с поселения Артющенко 1 на Таманском полуострове // Записки ИИМК РАН. Вып. 1. СПб., 2006.

Журавлев. Д.В. Шлоцауер У., 2013. Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове. 2006-2013 гг. // Государственный исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников. М.. 2014. С. 178-179.

Коровина А.К. Тирамба (городище и некрополь). Итог археологических работ экспедиции Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина за 1956, 1961-1963 и 1965 годы // Сообщения ГМИИ им. А.С. Пушкина. М., 1968. Вып. IV. С. 54-85.

Крапивина Т.Н. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции Государственной академии истории материальной культуры в 1928 г. // ИГАИМК. Вып. 104. М., 1934.

Кругликова И.Т. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города // МИА. Вып. 33. М., 1954.

Онайко Н.А. Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М., 1980.

Смирнов К.Ф. Меотский могильник у станицы Пашковская // МИА, № 64. М., 1958.

Стоянов Р.В. Лепная керамика второй половины III – первой половины II вв. до н.э. из раскопок поселения Артющенко I (1999-2006 г.) // Боспорские исследования. Вып. XXII. Симферополь-Керчь, 2006.

Шарафутдинова Э.С. Двуслойное поселение Красногвардейское II - памятник эпохи бронзы – начала раннего железа на Кубани // Меоты – предки адыгов. Майкоп, 1989.

Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. М., 2007.

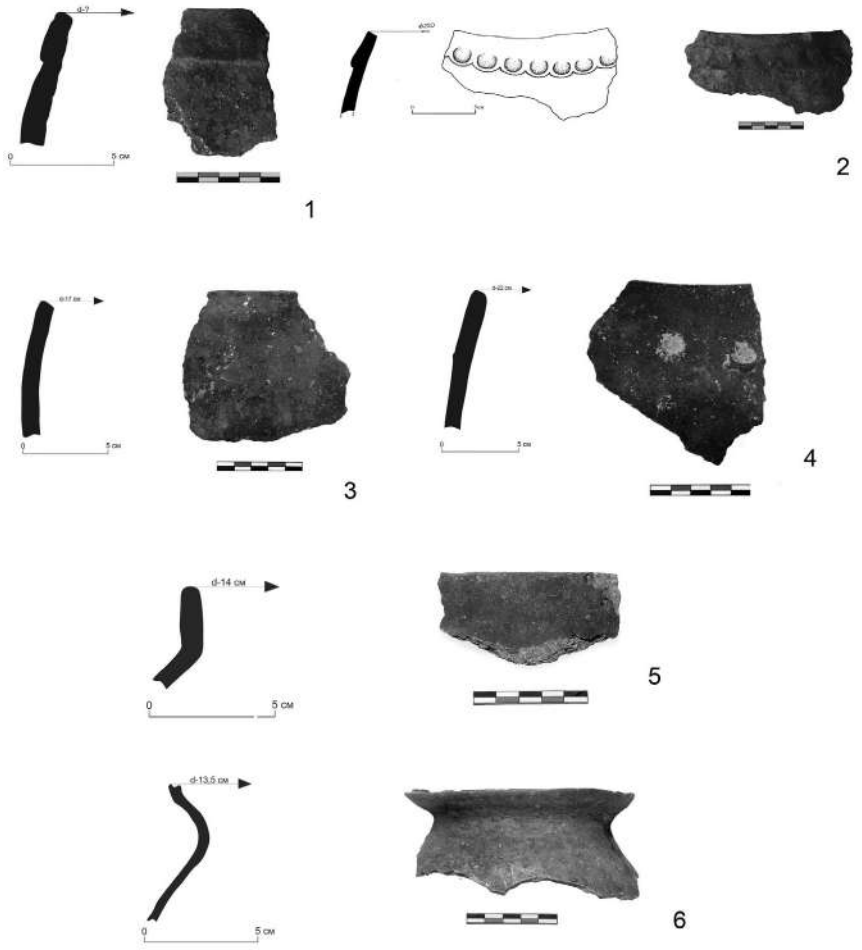


Рис.1. Фрагменты лепной керамики.

КАМЫШЕВ К. Д.
(ПГНИУ, Пермь)

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ «ПРОПАРФЯНСКОЙ ПАРТИИ» В БОСПОРСКОМ ЦАРСТВЕ

Дискуссия о связях и даже возможной зависимости Боспора и Персидской империи Ахеменидов является достаточно интересной. Упоминается поход Дария в Скифию, гипотетическом подчинении Боспора, и вхождении его в состав Персидской империи. Более мягкая (и взвешенная!) версия – «Величайшая монархия Азии не могла не оказывать влияние на историческое развитие и Скифии, и Боспора уже одним фактом своего существования»[1].

Иранско-ахеменидский фактор вновь появляется на Боспоре с подчинением его Понтийским царем из династии Митридатидов (потомков сатрапов Фригии и Каппадокии Артабазидов - боковой ветви династии Ахеменидов) – Митридатом VI Евпатором. После поражения в ходе третьей Митридатовой войны к 63 г. до н.э. Боспорское царство оказывается последним владением Понтийского царя. Таким образом, именно этого царя можно рассматривать как первого представителя пропарфянской партии (точнее антиримской партии, ориентированной, в том числе на поддержку Аршакидского Ирана). В процессе войны с римлянами Митридат VI пытался заручится поддержкой державы Аршакидов. Иранские по происхождению атрибуты в виде титула «царя царей», иранских имен сохраняются и в дальнейшей истории династии Митридатидов на Боспоре.

Митридат VIII (39/40-44/45 гг. н.э.) во время Боспорской войны активно использовал свое родство с династией Ахеменидов при взаимодействии с кочевой ираноязычной периферией Северного Причерноморья. Во время своего поражения и обсуждения условий капитуляции перед союзными Риму аорсами, боспорский царь говорил следующее: «Перед

[1] *Завойкин А.А. Ахемениды и Боспор (историографический аспект проблемы)//Проблемы истории, филологии и культуры. Магнитогорск. 2015. № 1. С. 241.*

тобою добровольно явившийся Митридат, который на протяжении стольких лет на суше и на море преследуют римляне; поступи по своему усмотрению с потомком великого Ахемена – лишь одного этого враги не отняли у меня.» (Tacitus. Ab excessu…XII. 18).

В широком геополитическом соперничестве между Римом и Парфией в Восточном Средиземноморье, на Кавказе и Ближнем Востоке, - Боспорское царство играло важную роль. Римское политическое влияние на Боспоре проводилось через специального куратора при администрации Малоазиатской провинции Вифиния и Понт. Таким образом, прямо или косвенно Боспор втягивался в римско-иранские отношения. Особенно ярко данные процессы проявлялись в период каких-либо изменений во внутренней и внешней политике Боспорского царства.

После свержения и убийства Домициана к власти приходит Нерва, а затем усыновленный им Марк Ульпий Траян (98–117 гг. н.э.). Неудачи восточной политики римлян, и на Дунае[2] подорвали их авторитет в глазах парфян. В 102 г. н.э. дакийцы совместно с роксоланами наносят удар по провинции Мёзия. Траяну удается отбить их нападение, но он готовиться к окончательному решению «дакийской проблемы». Парфяне в свою очередь имели контакты с Дакийским царством Децебала. На данную международную ситуацию указывает нам переписка Плиния Младшего, бывшего тогда наместником Вифинии с Траяном (Plinius M. Epistolae X, 74.). Существует предположение, что подобные контакты привели к реальному участию парфянских всадников в римско-дакийской войне 105-106 гг. н.э. В качестве сравнения можно сопоставить рельеф на колонне Траяна и граффити из Дура-Европос (Иллюстрации 1, 2).

В целях установления союзнических отношений к Пакору II было отправлено посольство, возглавил которое бывший раб Мезийского легата Лаберия Максима – Калледром. Один из наиболее вероятных маршрутов дипломатической миссии представляется Боспорское царство.

В контексте упомянутых контактов представляет интерес ситуация сложившаяся в Боспорском царстве. Существует предположение, что Савромат I мог проявить дружественный для противников Рима нейтралитет. Считается, что именно в это время он принимает титул «царя царей».

А.В. Ивенских выдвигает несколько другую гипотезу о существовании антиримской группировки на территории Боспорского царства. Опираясь на нумизматические данные, он доказывает, что Савромат на

[2] *Имеется в виду походы Домициана в Дакию.*

протяжении всего правления Траяна сохраняет проримскую ориентацию. Подобную же точку зрения поддерживает и В.Н. Парфенов, указывая, что Савромат добровольно принял римский протекторат еще в 98 г. н.э. Причем, переговоры об его установлении носили частный характер между эмиссаром римского императора – Марка Ульпия Прима и Савроматом и его ближайшим окружением с другой[3].

Существует предположение, что в период 105-106 г. н.э. произошло восстание гарнизона Фанталовского укрепленного района, воспользовавшегося непосредственным участием царя Савромата I в войне со скифами. Возможно, что существовал сговор повстанцев и скифов. В пользу этого говорит то, что Фанталовский Остров не подвергся нападению со стороны скифов, обрушившихся непосредственно в сердце царства. Гарнизон Острова состоял преимущественно из сарматов, среди которых были распространены антиримские настроения. Вероятно, что во главе восстания стоял крупный боспорский чиновник – один из сарматских вождей.

Восстание готовилось достаточно долго. Для компрометации Савромата в лице римлян пропускается посольство Каллидрома через Боспор. Царь, таким образом, лишается римской поддержки. Необходимо учесть, что сарматы были союзниками Децебала. Между гарнизоном Острова и их единоплеменниками сохранялись связи. На этапе подготовки им удалось решить сразу две задачи: внешнеполитически изолировать Савромата и способствовать поддержке даков со стороны Аршакидов.

Далее предполагалось, заключить соглашение со скифами, поскольку своими силами победить боспорскую армию было невозможно. Вторжение скифов оттянуло военные силы царства, в том числе и часть придворной гвардии. Ее состав попытались пополнить за счет сарматов, которые были связаны с заговорщиками. Именно эти сарматы должны были начать восстание, а затем подключить гарнизон Острова.

Однако, либо повстанцы не смогли справиться с остатками царской гвардии, либо заговор был раскрыт еще на этапе подготовки. Цитадель Пантикапея была взята штурмом, о чем свидетельствуют археологические данные. Скифы также потерпели поражение от Савромата. Это позволило перебросить верные войска к Острову, гарнизон которого спешно покинул его. Лишенные своих лидеров, погибших в Пантикапее, солдаты сдались на милость победителей.

[3] *Парфенов В.Н. Боспорская миссия Марка Ульпия Прима.// «Античный мир и археология». Вып. 13. Саратов, 2009. С. 354.*

В войне со скифами была одержана победа. Фанталовские укрепления были разрушены, как очаг сепаратизма и заговоров. В этих условиях римляне правильно растолковали ситуацию с парфянским посольством. В надписи КБН 1048 указывается дополнение в титулатуре Савромата: «великого царя царей всего Боспора…». По всей видимости, подобное дополнение должно было показать Риму, что Савромат контролирует ситуацию в своем царстве[4]. В.Н. Парфенов указывал, что принятие титула «царь царей» Савроматом может являться свидетельством идеологической подготовки к парфянскому походу Траяна[5].

Ситуация в Боспорском царстве демонстрирует нам общую закономерность развития буферных государств, традиционно входящих в орбиту римского влияния. Только в период обострения внутри- и внешнеполитической ситуации антиримские силы начинают искать крупного, сопоставимого по военно-политическому влиянию противника Рима. Наиболее сильным противником Рима являлась Парфянская держава Аршакидов. Таким образом, даже на Боспоре, значительно удалённом от сердцевины римско-иранского пограничья существовала антиримская группировка, готовая ориентироваться не только на кочевой мир Северного Причерноморья и Подунавья, но и на Аршакидский Иран.

ЛИТЕРАТУРА

Завойкин А.А. Ахемениды и Боспор (историографический аспект проблемы)//Проблемы истории, филологии и культуры. Магнитогорск. 2015. № 1. С. 240-260.

Ивенских А.В. Военная организация Боспорского царства в середине I века до н.э. – II века н.э. Дисс. на соискание уч. ст. канд. наук. Пермь, 2006.

Парфенов В.Н. Боспорская миссия Марка Ульпия Прима.// «Античный мир и археология». Вып. 13. Саратов, 2009. С. 349—354.

Парфенов В.Н. К оценке римско-боспорских отношений I–II вв. н.э. Боспорские исследования вып. XXV. С. 143-158.

[4] *Ивенских А.В. Военная организация Боспорского царства в середине I века до н.э. – II века н.э. Дисс. на соискание уч. ст. канд. наук. Пермь, 2006. С. 54.*

[5] *Парфенов В.Н. К оценке римско-боспорских отношений I–II вв. н.э. Боспорские исследования вып. XXV. с. 145.*

Изображение катофрактариев на Колонне Траяна II в. н.э. (источник: Ю.А. Колосовская. Война Траяна с Даками // http://kirsoft.com.ru/mir/KSNewФs_301.htm)

Граффито из Дура-Европос III в. н.э.

КАТЮШИН А.Е.
(НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ИСТОРИИ КЕРЧЕНСКИХ ПЕРЕПРАВ

С талассократической точки зрения древнегреческих колонизаторов Керченский пролив безусловно выглядел очень привлекательным местом для освоения его берегов. Обширное водное пространство, соединяющее бассейны Азовского и Чёрного морей, представляло собой перекрёсток перспективных торговых путей как по воде, так и по суше [Гайдукевич, 1949. С. 26]. Поэтому абсолютно закономерным стало возникновение множества населённых пунктов на обоих берегах Керченского пролива (Боспора Киммерийского), объединившихся со временем в единое государство. Зона пролива стала наиболее заселённой на Керченском полуострове в античную эпоху [Зинько, 2016. С. 3]. Пользуясь современной терминологией, Керченский пролив можно было бы назвать «градообразующим».

Диалектика любой крупной водной артерии, по которой осуществляется судоходство, состоит в том, что удобный транспортный путь, позволяющий перевозить значительное количество грузов с минимальными затратами, является в то же время преградой, которую, чаще всего, невозможно пересечь без определённых технических средств. Кроме того, на качество и безопасность водных сообщений оказывают сильное влияние метеоусловия. Такие особенности имеются и у Керченского пролива.

Отрывки из письменных источников, где античные и средневековые авторы касаются темы переправы через Боспор, к сожалению, немногочисленны и отрывочны. Воссоздать на их основе какую-то более или менее наглядную картину эволюции этих переправ вряд ли возможно. Однако можно получить хотя бы общее представление.

Известно, что ещё Геродот упоминал некие «киммерийские переправы» [Геродот, 1972. С.-190]. Многие древние писатели оставили упоминания о Меотиде и Боспоре, в том числе, о мелководности моря и пролива, и о замерзании воды вследствие сурового климата [Федосеев, 1999. С. 78 сл.] Облик древнего Боспора Киммерийского скорее всего значительно отличался от современного Керченского пролива. Известный морской гидролог Д.Я. Беренбейм считал, что уровень Чёрного моря повысился на три метра за прошедшие две тысячи лет, при этом скорость прибывания воды не оставалась постоянной в течение этого времени. С повышением уровня моря усиливался фактор абразии берегов, а так же перемещения и отложения наносов. Древний Боспор Киммерийский, по мнению Беренбейма, не был так опасен для мореплавания, как в современности, и изобиловал бухтами. Глубины бродов через пролив в отдельных местах (особенно в северной его части) могли не превосходить 1-1,5 м. [Беренбейм, 1959. С. 42-52]. В целом, эти выводы принимаются сейчас многими, однако в частностях оценки амплитуды колебаний уровня воды у исследователей единства нет. Кроме того, отдельные данные геоморфологических концепций нередко используются выборочно в исторических работах [Зинько, 2016. С. 4]. Вопросу о локализации античных переправ Боспора посвящена статья Н.Ф. Федосеева. Исследователь отмечает, что переправа могла осуществляться как минимум в трёх местах: в районе мысов Фонарь (где автор локализует Порфмий, что не является общепринятой точкой зрения – этот населённый пункт, вслед за В.В. Веселовым [Веселов, 1952. С. 235-236], и сейчас многие традиционно локализуют несколько южнее), Ак-Бурун и античного города Нимфей. Кроме этих мест могли быть и другие. Привлекая данные геологии, исследователь также показывает, что Керченский пролив был более мелководным, а вода – менее солёной, за счёт чего в зимнее время образовывался пеший переход на азиатскую сторону по льду. Береговая линия соответственно тоже была несколько иной, отчасти из-за низкого уровня воды, отчасти из-за перемещений песчаных наносов, формирующих косы. Благодаря этим обстоятельствам, переправа через пролив существовала как летом, так и зимой, и не только в античное, но и в более позднее время, что подтверждается письменными источниками [Федосеев, 1999. С. 75-82].

Пешие переходы по льду время от времени, несомненно, были возможны. Классическим источником, подтверждающим такую возможность, является надпись на «Тмутараканском камне» [Медынцева, 1979]. Но известны и фатальные неудачи во время таких переправ. Свидетелем такой трагедии стал турок Эвлия Челеби, в 1667 г. пешком переправлявшийся из Тамани в Керчь. По словам турецкого путешественника твердый с утра

лёд подтаял к полудню и тронулся, что стало причиной гибели находившихся на нём нескольких десятков человек. Вообще, пролив между мысами Чочка (Чушка) и Килиседжик Эвлия назвал «злосчастным», приведя, как пример, историю утонувших во второй половине XVI в. при аналогичных условиях «воинов ислама», которых было «более 10-ти тысяч» [Книга путешествия... 1999. С. 107-110].

В ноябре 1776 г. Крымский корпус русских войск под командованием князя А.А. Прозоровского занял Перекоп. В этом же месяце имперские деташементы блокировали пути в Крым в районах Ченишке (Геничи) и Шунгар (Чонгар), а так же развернулись на Кубани. Кроме того, русские гарнизоны в соответствии с Кючук-Кайнарджийским мирным договором находились в крепостях Керчь (Старая Керчь) и Еникале. Официальным поводом для выдвижения войск к приграничным областям Крымского ханства стала необходимость надзора за выполнением условий Кючук-Кайнарджийского трактата. Причина, заставившая командование снять войска с зимних квартир и выдвинуть их в холодную степь заключалась в том, что в формально независимом Крымском ханстве всё более реальной становилась опасность реставрации турецкого владычества. Крымский хан Девлет-Гирей, принципиально отрицавший возможность независимости крымских татар от Турции, приобретал всё большую популярность как у осман, так и среди крымской знати. Екатерина II решила применить «демонстрацию силы» (вступать в сражения русским войскам строго запрещалось без самой крайней необходимости) для усмирения возможного восстания и одновременно поддержать пророссийского калгу-султана Шагин-Гирея, находившегося в это время на Кубани. Зимний выход в степь сразу стоил русским войскам небоевых потерь среди личного состава. Нередким явлением был падёж тяглого скота – основы сухопутного транспорта. Вместе с этим, военные документы живописно рисуют навигацию в Керченском проливе холодной зимой 1776-1777 гг.

Из рапорта командующего Крымским корпусом А.А. Прозоровского главнокомандующему графу П.А. Румянцеву-Задунайскому от 7 ноября 1776 г. известно, что зима наступила рано, и сообщение с гарнизонами Еникале и Керчи нарушено: «суда по Азовскому морю за сильными морозами не надеюсь, чтобы уже более ходили» [Дубровин, 1885. С. 130-132]. Суда Азовской флотилии, находившиеся тогда на службе в Керченском проливе, покрыли себя славой в предыдущую военную кампанию и хорошо поработали в послевоенный период, снабжая Керчь и Еникале [Григорьев, 2015. С. 110-112; Материалы... 1877. С. 473]. При этом в силу

объективных причин суда эти обладали весьма невысокими мореходными качествами: все корабли, строившиеся на донских стапелях, имели минимальную осадку и небольшое водоизмещение. Суда с большей осадкой не могли преодолеть речной бар и выйти из гаваней в Азовское море[1]. По этим причинам были осуществлены проекты так называемых «новоизобретённых» кораблей с вооружением от 12 до 20 пушек и осадкой не более 9 футов, плоскодонных прамов (плавучих батарей) и канонерских лодок с мелкокалиберной артиллерией. «Новоизобретённые» корабли были валки, тихоходны, неповоротливы и обладали недостаточным запасом прочности [История русской... 1912. С. 47-48; Материалы... 1877. С 263-264, 266-267]. Керченская флотилия была также пополнена в 1775 г. двумя судами (фрегатами) Архипелагской экспедиции, сумевшими пройти Босфор под купеческими флагами. [Материалы... 1888. С. 290-292]. Маневрирование у европейского берега Керченского пролива (в частности, у Еникале) даже летом представляло собой нелёгкую задачу [Белик, Ткачук, 2007. С. 526-527]. В зимнее время положение флотилии в проливе конечно же усугублялось: нередко случалось так, что сдвинувшийся от крепкого ветра лёд уносил суда от берега и ломал их [Материалы...1877. С. 491; Веселаго, 2009. С. 154; Ульяницкий, 1883. С. 463].

16 декабря комендант Еникале генерал-майор Н.В. Борзов докладывает о «нынешнем позднем времени» (вероятно, имелось в виду зимнее время, ограничившее навигацию) и пресёкшейся водной коммуникации с бригадным генералом И.Ф. Бринком (командующим деташементом на Кубани) [Дубровин, 1885. С. 181]. Сообщение по воде было ограничено ещё и потому, что в крепостях Тамань и Темрюк стояли турецкие гарнизоны, закрывавшие прямой путь на Кубань. В начале 1777 г. Шагин-Гирей, при ненавязчивой помощи отрядов бригадира Бринка, «мягкой силой» взял Ачуев: турки сдались без боя и были выведены из крепости в форштадт. Таким образом Бринк получил в распоряжение пристань в Восточном Приазовье, с которой можно было осуществлять сообщение с Еникале по воде, в обход Темрюкского залива и Тамани. Одно было плохо – море и пролив в январе 1777 г. периодически замерзали, прерывая «водяную коммуникацию» [Дубровин, 1885. С. 237-238, 286]. Отметим, что в подробнейшей подборке военных документов нет ни слова о том, чтобы кто-то

[1] *Не говоря уж о том, что и таким судам получалось выйти из Таганрога не во всякое время года и даже не во всякий день. Как писал Сумароков про суда в Таганрогском заливе: «при сильном ветре с твёрдой земли остаются они как на обширном болоте...» [Сумароков, 1803. С. 134]*

пытался пересечь пролив по льду пешим или конным. 13 января 1777 г. Екатерина II издала рескрипт о необходимости перевоза Шагин-Гирея в Крым с тем, чтобы, собрав сторонников пророссийского калги, вытеснить Девлет-Гирея с полуострова. Рассматривались два варианта пути в Крым: через Керченский пролив (в случае, если удастся удалить турок из Тамани и Темрюка) или вокруг Азовского моря и через Чонгар (в ином случае) [Дубровин, 1885. С. 251-254]. Идея о том, чтобы отправить Шагин-Гирея прямо из Ачуева морем, была отвергнута как слишком рискованная из-за все того же оледенения [Дубровин, 1885. С. 259, 286]. Тем временем от бахчисарайской резидентуры поступили данные, свидетельствовавшие о том, что, хотя берег вблизи Керчи и Еникале и находился под русским контролем, курьеры Девлет-Гирея беспрепятственно переправлялись к туркам на Тамань с мыса Таклы (Такиль). В связи с этим местные обитатели - союзники Шагин-Гирея рекомендовали командованию поставить на вахту судно на траверзе этого мыса, 4-5 судов у устья мыса Чошка (коса Чушка) напротив Тамани и 2-3 судна в Темрюкском заливе. Прозоровский не счёл возможным воплотить эту идею в жизнь по двум причинам. Во-первых, командование не хотело лишними военными демонстрациями будоражить как Турцию, так и европейские державы, которые «...на таковые обстоятельства весьма с примечанием взирают...»; во-вторых, как уже говорилось, ходить кораблям в проливе мешал лёд. Впрочем, забегая вперёд, скажем, что наблюдательные корабли был всё же выставлены напротив м. Такиль под видом брандвахтенного поста [Дубровин, 1885. С. 270, 282, 286, 297, 330-332, 369, 370-372].

В конце января был взят Темрюк, а в начале февраля капитулировал командир турецкого гарнизона Тамани орду-агаси Сулейман-ага [Дубровин, 1885. С. 326-327]. Таким образом, путь к проливу для Шагин-Гирея был открыт. Судя по переписке Прозоровского с «мирными» татарами и Борзовым, к концу десятых чисел февраля Керченский пролив освободился ото льда. Сулейман-агу с его отрядом переправили на керченскую сторону под охраной русского отряда в середине февраля (орду-агаси сдался на условиях его перевода под русским конвоем в турецкий Очаков). Турок перевезли к месту «ниже крепости Керчи в семи верстах, при Павловской батарее... где всегда при капитане шестьдесят человек мушкетёр, тож и несколько казаков состоит» [Дубровин, 1885. С. 332, 379], т.е. к мысу Ак-Бурун.

По причине долгих приготовлений, разногласий командования с Шагин-гиреем, улаживанием калгой различных дел на Кубани перед отъ-

ездом, его прибытие в Крым значительно затянулось. Кроме того, на смену мешавшему навигации льду появился резкий ветер и пришлось дожидаться его прекращения. В начале марта через пролив стал переправляться обоз Шагин-Гирея, а 10 марта переправился сам калга [Дубровин, 1885. С. 385-387, 436]. Наступила весна, русские суда уже свободно перемещались по проливу, доставляя грузы и людей на Тамань и забирая оттуда больных в Еникальский госпиталь, а также присматривая за «немирными» некрасовскими казаками в устье Кубани [Дубровин, 1885. С. 465-468]. Сошедший в Таганрогской гавани лёд и ожидаемое повышение уровня воды давало контр-адмиралу Клокачеву надежду на скорый вывод в Азовский бассейн шести «новоизобретённых» кораблей. 5 апреля капитан второго ранга Карташев получил приказ выйти с эскадрой из нескольких судов разного водоизмещения в Черное море и крейсировать побережья от траверза Суджук-кале (совр. Новороссийск) до траверза Очакова [Дубровин, 1885. С. 529-534].

Переправа через Керченский пролив упоминается в травелогах путешественников, приезжавших в Крым после присоединения Крыма к России в 1783 г. Например, его пересекал в 1800 г. британец Э.-Д. Кларк (Тамань - Еникале) [Кларк, 1999. С. 11; Храпунов, 2016. С. 116-132], его соотечественник Реджинальд Хебер в 1806 (коса Тузла – Керчь, упоминает существование парома регулярного хождения) [Храпунов, 2008. С. 666-667], француз Шарль де Бар, путешествовавший по Югу России в 1784 г., в своих записях упоминает, что Азовское море промерзает настолько, что по нему можно ездить на экипаже [Храпунов, Гинькут, 2015. С. 421]. Так же, во второй половине XIX в. упоминаются переправы как водные, так и по льду, в отчётах Керчь-еникальского градоначальника [Федосеев, 1999. С. 80-81].

Остаётся подытожить, что далеко не всегда водное путешествие с Северного Кавказа в Керчь выглядело так же идиллически, как это было у Э.-Д. Кларка. Различие между сообщениями о пересекавших пролив боспорянами, варварами, путешественниками и многими другими и документами о действиях русской армии и флота в этом регионе состоит в том, что первые, в большинстве случаев, совершали переправу когда это было возможно в силу объективных факторов (уровень воды, наличие брода, плавсредств, благоприятных метеоусловий), а вторые действовали по военной необходимости, руководствуясь рациональной целесообразностью, соответственно чаще попадая в экстремальные ситуации.

Открытие Екатерининской железной дороги во второй половине XIX

в. можно назвать транспортной революцией, произошедшей на юге Российской империи. Весь XX век эта дорога, сменившая название сначала на Сталинскую, а потом Приднепровскую, совершенствовалась и росла. Пути, проложенные на севере Крыма, связали полуостров с материком. При этом значение Керченской переправы не только не упало – наоборот, железнодорожный паром связал УССР и Кавказ через Крым, существенно сократив «плечо подвоза». Но вследствие событий, произошедших в последние годы, составы перестали ходить в Крым через Джанкой. Автомобильный транспорт тоже заезжает в Северный Крым в минимальных количествах. В новых условиях переправа «Крым-Кавказ» стала, по сути, безальтернативным наземным путём на полуостров. К сожалению, работа паромной переправы сильно зависит от капризной керченской погоды - но вскоре мы станем очевидцами новой инфраструктурной революции: в декабре 2018 г. откроется Крымский мост и федеральная транспортная система «Таврида». Это событие, несомненно, сделает путь на полуостров проще и безопаснее и приведёт к серьезным изменениям в экономике Крыма.

ЛИТЕРАТУРА

Белик Ю.Л., Ткачук Г.В. Крепость «Ени-Кале» на рубеже XVIII-XIX вв.// МАИЭТ. Вып. XIII. сб. ст./ отв. ред. А.И. Айбабин, В.Н. Зинько. Симферополь, 2007. С. 523-540.

Беренбейм Д.Я. Керченский пролив во времена Страбона в свете новейших данных об изменении уровня Чёрного моря// Советская Археология. № 4. 1959. С. 42-52.

Веселаго Ф.Ф. Краткая история русского флота. М.: «Вече», 2009.

Веселов В.В. Древние городища в районе Синягино (к вопросу о местоположении Парфения и Порфмия)//Археология и история Боспора. Вып. I. Симферополь: «Крымиздат», 1952. С. 227-237.

Дубровин Н.Ф. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Т. I. 1775-1777 гг. СПб, 1885.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л., 1949.

Геродот. История. В девяти книгах/ пер. Г.А. Стратановского. Л.: «Наука», 1972.

Григорьев С.И. «...Кафир весьма крутого нрава»: А.В. Суворов и Крымское ханство (1771-1779 гг.). СПб.: «Наука», 2015.

Зинько В.Н. Особенности природно-ландшафтной ситуации на европейском побережье Боспора Киммерийского в период эллинской колонизации// Боспорские исследования. Вып. XXXIII. Сб. ст./ отв. ред. В.Н. Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 2016. С. 3-16.

Кларк М. Е.-Д. Путешествие по России, Татарии и Турции// Археология и история Боспора. Т.III. Сб. ст./ ред.-сост. Н.Ф. Федосеев. Керчь, 1999. С. 11-38

Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666-1667 гг.)/ пер. и коммент. Е.В. Бахревского. Симферополь: ДАР, 1999.

Материалы для истории русского флота. Т. VI. СПб., 1877.

Материалы для истории русского флота. Т. XII. СПб., 1888.

Медынцева А.А. Тмутараканский камень. М.: «Наука», 1979.

Сумароков П.И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. 1. СПб., 1803.

Ульяницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Чёрное море в XVIII в. М., 1883.

Федосеев Н.Ф. Ещё раз о переправе через Боспор Киммерийский// Археология и история Боспора. Т.III. Сб. ст./ ред.-сост. Н.Ф. Федосеев. Керчь, 1999. С. 61-102.

Храпунов Н.И. Крым в описаниях Реджинальда Хебера (1806 г.)// МАИЭТ. Вып. XVI. Сб.ст./ ред.-сост. В.Н. Зинько. Симферополь, 2008. С. 645-698.

Храпунов Н.И. Крымские древности глазами Эдварда-Даньела Кларка: от археологии к идеологии// Известия УрФУ. Т. 18. № 3(154). 2016. С. 116-132.

Храпунов Н.И., Гинькут Н.В. Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара// МАИЭТ. Вып XX. Сб. ст./ отв. ред. А.И. Айбабин, В.Н. Зинько. Симферополь, 2015. С. 395-430.

КИЯШКО А.В., СУДАРЕВ Н.И.
(ЮФУ, Ростов-на-Дону; ИА РАН, Москва)

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Вопрос о древностях бронзового века на Тамани возник в научной литературе в последние два десятилетия (Паромов, Гей 2005; Иванов, Сударев 2012). Особую остроту проблематика изучения догреческого периода приобрела два-три года назад в связи с открытием и раскопками на полуострове около десятка разнообразных и разновременных памятников эпохи поздней бронзы. На сегодняшний день проведены исследования около 2-х десятков однослойных и стратифицированных поселений (Тузла VII, Юбилейное XIV, Тамань XIV, Балка Лисовицкого IV, Балка Хреева II, Волна 1, Гаркуши 1, Старотиторовская 20, За Родину 8, Чиркова 1, на Западном некрополе Гермонассы и др.) и грунтовых могильников (Юбилейное IV), кладов (Балка Лисовицкого), специфических объектов – долговременных хозяйственных сооружений (колодцы на поселениях Ильич I, Волна 4).

Всесторонний комплексный анализ всех этих материалов еще впереди. Однако некоторые предварительные итоги уже вполне очевидны. Наиболее изученным (на площади около 40 Га) и представительным по количеству находок: около тысячи экземпляров предметов и их фрагментов из глины, бронзы, кости и камня – является поселение Балка Лисовицкого IV (Кияшко, Гугуев и др. 2016; Kiyashko 2017). Следует отметить, что многослойное поселение эпохи бронзы - раннего железного века - средневековья Балка Лисовицкого I было впервые выявлено и исследовано в 1993 году экспедицией КубГУ под руководством И.И. Марченко и В.В.Бочкового. Авторы последующих раскопок в первое десятилетие XXI века предприняли попытку интерпретации материалов эпохи бронзы (Шишлов и др.

2008, Иванов, Сударев , 2013 с. 177, рис. 2).

Стратифицированных культурных слоев бронзового века на памятнике не обнаружено: все находки залегают в одном культурном слое на диапазоне третьего – шестого пласта. Анализ материалов по глубине залегания еще не производился. Но зафиксированы элементы стратиграфии: на отдельных участках взаимное перекрытие комплексов: сооружений, хозяйственных ям, ровика, и безусловное типолого-хронологическое разнообразие керамики, металлических и других изделий. Осложняющим фактором служит нарушение значительного участка слоя бронзового века существовавшими здесь посёлками раннего железного века и эпохи средневековья.

Детальная культурно-хронологическая оценка материалов поселения стала возможной благодаря открытию здесь комплекса признаков, свойственных памятникам бронзового века Крыма и Северного Причерноморья. Предварительный анализ дает нам все основания, с одной стороны, наметить трехчленную периодизацию материалов поселения Балка Лисовицкого IV (Рис. 1), а с другой стороны, вслед за И.Н. Шарафутдиновой, предположить генетическую связь представленных на памятнике бабинских (каменских?), раннесабатиновских и позднесабатиновских древностей (Шарафутдинова и др. 1986. С. 115). Ребристая керамика с рядами оттисков ногтевых вдавлений, покрывающих сам сосуд или же многочисленные налепные валики на его тулове, может быть определена как посуда бабинской или каменской культуры (Рис. 1, 1,2). Раннесабатиновские сосуды более плавных очертаний, имеют налепные валики с пальцевыми вдавлениями по краю венчика, либо, в тех или иных сочетаниях, на всех частях тулова: на венчике, горловине, плечике, максимальном диаметре и у дна (Рис. 1, 4 - 8). Эти керамические традиции, явно генетически взаимосвязанные, пока трудноразличимы. Но встреченный на поселении фрагмент каменного топора бородинского типа (Рис. 1, 3) вполне соответствует керамике позднебабинского времени, а металлические орудия – бронзовое тесло и нож – лобойковско-голоуровских типов (Рис. 1, 9,10) датируются раннесабатиновским периодом (Бочкарев 2017. С. 172).

Значительная часть изученных на поселении Балка Лисовицкого IV каменных конструкций (цоколей стен жилых и хозяйственных построек) обнаруживает параллели в домостроительстве сабатиновских памятников Нижнего Поднепровья и Юго-Западного Причерноморья (Шарафутдинова 1982. С. 16-42). Связанные с этими постройками находки многочисленны, разнообразны и служат хорошими культурно-хронологическими индика-

торами. Это, прежде всего, керамика, украшенная зачастую одиночными налепными валиками без дополнительного декора, но часто имеющими разрывы и свисающие концы. Появляются всевозможные налепы округлой, продолговатой формы, в виде рельефной спирали или колеса (Рис. 1, 18,19). Распространены кубковидные сосуды с подлощенной поверхностью и всевозможные черпаки с высокой ручкой, а также двуручные вазы (Рис. 1, 12,13). На полу построек обнаружены развалы высоких сосудов пифосоидного облика: высотой около метра, толщиной стенок до 2 см, массивным, характерно отогнутым венчиком (Рис. 1, 11). Здесь же располагались фрагменты грубо сформованных керамических сковород (термин И.Н. Шарафутдиновой) - округлые в плане, большого диаметра формы, имеющие прямой бортик высотой до 10 см, иногда украшенный - снаружи по перегибу от дна к тулову - овальными вдавлениями. Такая керамика также находит аналогии на территории Восточного Крыма (Кировское поселение), а также на памятниках сабатиновской культуры Северного Причерноморья, относящихся к позднесабатиновскому времени (Лесков 1970. С. 16-28; Шарафутдинова 1982. С. 86-106).

Другой инвентарь, обнаруженный в культурном слое, а также в жилых и хозяйственных комплексах изучаемого поселения: глиняные зооморфные фигурки (Рис. 1, 15,16), кремневые ножи и вкладыши серпов (Рис. 1, 14).. Следует также назвать находки всевозможных костяных (коньки, тупики, лощила, проколки) и каменных (песты, ступы, округлые терочники, зернотерки, обломки топоров) орудий, которые также находят соответствие в сабатиновской культуре Крыма и Северного Причерноморья. Наконец, ряд бронзовых изделий, найденных на памятнике (шилья, булавки с кольцевидным навершием и со свернутой головкой, фрагмент подвески солонецкого типа - Рис. 1, 20-23) относятся к позднему этапу сабатиновской культуры (Бочкарев 2017. С.172-173).

Хронологический диапазон материалов поселения эпохи бронзы Балка Лисовицкого IV от бабинской культуры до финала сабатиновской культуры делает его реперным для ряда недавно исследованных соседних поселений Тамани. Раннему периоду его бытования соответствуют находки керамики бабинской или каменской культуры, а также типичной раннесабатиновской посуды на соседнем поселении Балка Хреева III (раскопки Д.В. Кутукова и В.П. Мокрушина). С позднесабатиновским, наиболее ярким комплексом находок Балки Лисовицкого IV, соотносится материал поселения Юбилейный XIV (раскопки О.В. Сергеевой) и слоев эпохи бронзы городища Патрей (работы А.П. Абрамова). Совсем недавно,

аналогичная керамика была изучена на участке эпохи бронзы поселения Тамань XIV.

Традиции широко распространенной, как теперь выясняется, на Таманском полуострове сабатиновской культуры получили продолжение в материалах белозерской культуры с поселения Балка Хреева II (раскопки А.А. Глухова), грунтового могильника Юбилейный IV (работы Ш.О.Давудова), а так же Тузла VII (раскопки С.В. Буравлева). Этой же культуре принадлежат сосуды бронзового века, найденные в древних хозяйственных комплексах городища Ильич I (раскопки О.В. Шарова и С.Л. Соловьева) и поселения Волна 1 (раскопки Житникова В.Г.). Наиболее характерные образцы керамики, например, корчага с каннелюрами (Балка Хреева II), имеют аналогии в материалах фракийского гальштата (керамика группы Кишенеу-Корлатэнь: Смирнова 1990).

Следует отметить, что западный, балкано-карпатский вектор формирования культуры населения Тамани в бронзовом века подтвердил анализ химического состава металла с поселения Балка Лисовицкого IV, произведенный в Отделе научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа (авторы экспертизы С.В. Хаврин и К.С. Чугунова). Металл практически всех бронзовых предметов представляет собой сплав меди с оловом, что подтверждает их карпатское происхождение. Можно утверждать, что в эпоху поздней бронзы, вплоть до ее финала в IX в. до н.э., осуществлялась циркуляция населения и технологий по линии балкано-карпатский регион – Крым – Тамань.

Данные культуры рядом исследователей связываются с фракийским населением (Новикова, 1976. С.25-57; Телегін, 1961. С. Яйленко, 2014. С. 514). Эти материалы находят подтверждение в данных ономастики и лингвистики Азиатского Боспора (подробный разбор с историографией вопроса см. Яйленко 2014. С. 542-550; 2016. С.30-94; Трубачев, 1999. С.137; критику см. Тохтасьев, 2017. С. 135-280). Ряд памятников предшествующего греческой колонизации времени доживает до появления в регионе колонистов. Так, на поселениях Ильич 1 и Волна 1 мы видим комплексы от сабатиновского времени до VI в. до н.э. Отдельные находки VI в. до н.э. встречены так же в верхних слоях на поселении Тузла VII. На позднем этапе на этих поселениях явственно прослеживается прото и раннемеотское влияние. После начала греческой колонизации большая часть памятников местного населения Таманского полуострова прекращает свое существование. Сохраняется только локальная группа местного населения в юго-западной части полуострова в районе пос. Артющенко, Волна, Тузла.

Их керамика, погребальный обряд имеют явное сходство как с материалами предшествующего времени (Иванов, Сударев 2012. С. 196-197, 2013. С.181), так и с синдскими памятниками анапского региона[1] (Мимоход, Сударев, Успенский 2017. С.11). Наличие линии развития от сабатиновской культуры до синдской позволяет предположить участие фракийцев в сложении синдского этноса, что в свою очередь позволит по новому взглянуть на некоторые вопросы ранней истории Боспора. Но это уже тема отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев. 1986.

Бочкарёв В.С. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы. Stratum plus. №2.2017.

Иванов А.В., Сударев Н.И. К вопросу о догреческом населении Таманского полуострова // Древности Боспора. Т. 16. 2012.

Иванов А. В., Сударев Н. И. Об автохтонном населении Тамани накануне колонизации// Древности Боспора. Т. 17. М. 2013.

Кияшко А.В., Гугуев В.К., Ильяшенко С.М., Петров П.А., Коробков П.А. Предварительные сведения о раскопках поселений эпохи бронзы – средневековья у балки Лисовицкого на Тамани в 2015 – 2016 гг. // Проблемы археологии Восточной Европы: материалы XI Международной археологической конференции студентов и аспирантов (Ростов-на-Дону, 7-9 ноября 2016 г.) – Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2016

Лесков А.М. Кировское поселение // Древности Восточного Крыма (предскифский период и скифы). Киев. 1970

Мимоход Р.А., Сударев Н.И., Успенский П.С. «Волна 1» – новый «городской» некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове (по материалам работ ИА РАН в 2016 и 2017 гг.)//Археологические исследования на территории строящегося терминалла СУГ и Таманского Терминала Навалочных грузов. Краснодар. 2017

Новикова Л. А.. Западные связи северопричерноморского очага металлообработки в эпоху поздней бронзы// СА № 3 1976

Паромов Я.М., Гей А.Н. Памятники эпохи камня и бронзы на Таманском полуострове (краткий обзор) //Древности Боспора. Вып. 8. М., 2005

Смирнова Г.И. Памятники типа Кишинев-Корлатэнь и группа Белегиш II / Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 30. 1990

Телегін Д.А. Питання відносної хронології пам'яток пізньої бронзи Нижнього Подніпров'я// Археологія, 1961, вип. XII.

Тохтасьев С.Р. Варварские племена, соседи греческих городов Боспора//Scripta Antiqua. Т. 6. М. 2017. С.135-280

Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. - М:: Наука. 1999

Шарафутдинова И.Н. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. - Киев. 1982

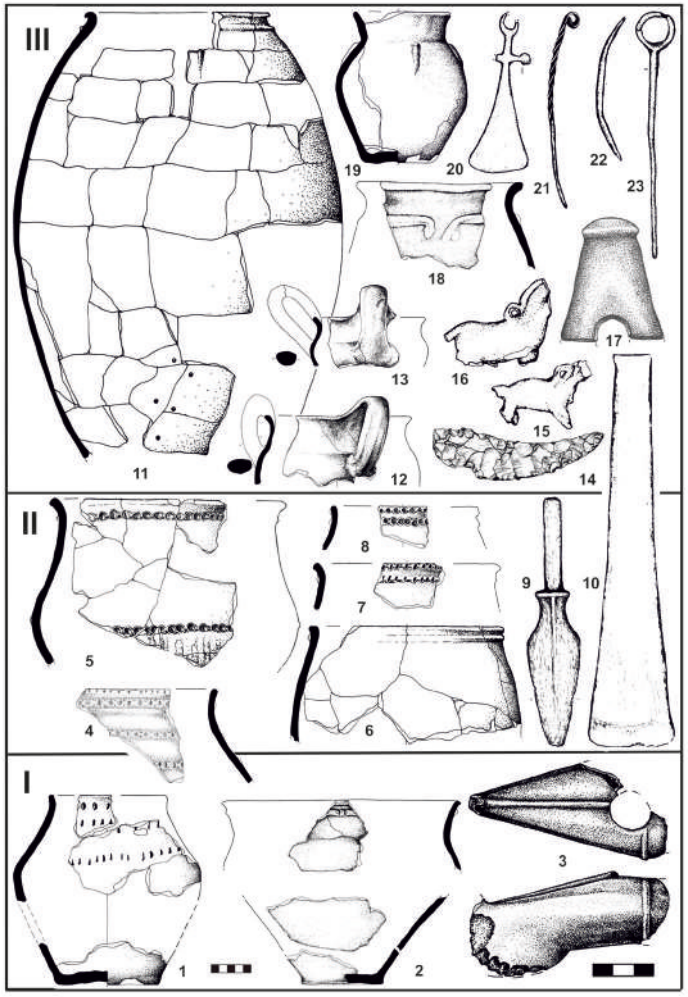
Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В. Поселение у балки Лисовицкого - новый памятник эпохи поздней бронзы на Тамани // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий . Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Владикавказ. 2008.

Яйленко В. П. Три историко-ономастических фракийско-скифских очерка: алазоны, амазонки, Эксампей //Боспорские исследования. – 2016. – №. XXXIII. – С. 30-94.

Яйленко В. П. Фрако-дакийская и иллирийская топонимика Северного Причерноморья (Сарматии и Скифии) //Древности Боспора. – 2014. – Т. 18. – С. 512-557.

Kiyashko A.V. Study on the Settlement in the Taman Peninsula of the Bronze Age // Journal of Cultural Relics. Vol. 31. March. 2017 The Research Foundation of Cultural Relics in East Asia. Busan. Korea.

[1] *В анапском регионе полномасштабных (сопоставимых с таманскими) исследований поселений эпохи поздней бронзы-раннего железного века до настоящего времени не проводилось, однако имеющиеся данные позволяют предполагать наличие и там памятников сабатиновско-белозерского круга*



Периодизация материалов поселения эпохи бронзы Балка Лисовицкого I на Таманском полуострове: I - бабинская (каменская ?) культура; II - сабатиновская культура (ранний этап); III - сабатиновская культура (поздний этап). 1, 2; 4-8; 11-13; 15,16; 18, 19 - изделия из глины.
3, 14,17 - изделия из камня.
9, 10; 20-23 - изделия из бронзы.
Масштабы приведены: для керамики, для всех других изделий.

КЛЕМЕШОВА М.Е.
(ИА РАН, Москва)

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ИЗУЧЕНИИ ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ АНТИЧНОГО БОСПОРА

По сложившейся практике при изучении лепной керамики из раскопок различных памятников античного времени на территории Северного Причерноморья используются в основном методы типологического, морфологического и статистического анализа. Они позволяют получить данные для установления доли лепной посуды в общем керамическом комплексе исследуемых объектов, типов лепных сосудов и их характерных особенностей, дающих возможность в некоторых случаях соотносить их с определенными археологическими культурами. В большинстве случаев при этом выделяются морфологические хронологические признаки и хронологические группы сосудов, позволяющие использовать эту категорию материала для датирования археологических объектов. Важнейшие результаты этих исследований представлены в работах Т.Н. Книпович, И.Т. Кругликовой, Б.Н. Гракова, Т.М. Арсеньевой, Е.Г. Кастанаян, К.К. Марченко, Н.А. Гаврилюк, А.А. Масленникова, И.С. Каменецкого, Е.А. Бегловой, В.Р. Эрлиха, А.Н. Новичихина, С.Н. Сенаторова, Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко, В.П. Власова, А.А. Крайневой. Объектами изучения при этом являются размеры, формы и орнаменты сосудов, формообразующие признаки - степень отгиба венчика, расширения или сужения тулова, форма дна и придонной части, внешний вид поверхности в виде фиксации наличия или отсутствия лощения или иных ярко выделяющихся следов ее обработки. Иные методы исследований в изучении лепной керамики используются редко. Единичные работы посвящены полностью или включают разделы об исследовании сырьевой базы и примесей к керамике с помощью химического и петрографического анализа (Кульская, 1940; Беглова, 1995, с. 404-412; Stolba V.F., 2002, p.180-182; Kovnurko, 2002). Данные о примесях к формовочной массе, приводимые в большинстве публикаций, выделяют-

ся чаще всего в результате визуального просмотра черепков или с помощью лупы и, за редкими исключениями, обычно очень суммарно учитываются, не давая возможности понять, для какой формы сосуда какого рода искусственные добавки характерны.

В последнее время осуществлен ряд работ, связанных с изучением лепной керамики Боспора, в которых задействованы инновационные методы исследования данной категории археологического материала. Некоторые изыскания выполнены с применением современных археометрических видов анализа. Все они проведены в сотрудничестве с немецкими специалистами и дали очень интересные результаты. Использование метода нейтронной активации (NAA) в изучении глин, собранных в окрестностях различных памятников, и некоторых образцов лепных сосудов, позволили ученым прийти к заключению о том, что часть лепной керамики с поселения Вестник-1 происходит из района Таганрога, неместном происхождении значительной части лепной посуды с поселения Голубицкая 2 и, напротив, о полной идентичности глины из котлована рядом с этим памятником составу сырья, из которого изготовлен ряд обнаруженных на нем лепных изделий (Mommsen, Schlotzhauer, Zhuravlev, 2013; Attula et al., 2014; Моммзен, Журавлев, Шлотцауэр, 2016).

Перспективным представляется использование в комплексных исследованиях лепной керамики античного времени методов технико-технологического анализа, применяемого в рамках разработанного А.А. Бобринским историко-культурного подхода к изучению древней керамики (Бобринский, 1978; 1999). Эта методика используется в отечественной археологии уже более 40 лет, направлена на получение информации о культурных традициях изготовления керамических изделий различными группами древнего населения и дает возможность выделять информацию не только о технологических приемах, но и в определенной степени о составе, происхождении, смешении и изменении состава населения отдельных памятников и регионов. Основные результаты, полученные в исследованиях керамики различных культур неолита, энеолита, бронзы, раннего железного века и средневековья, изложены в работах А.А. Бобринского, Ю.Б. Цетлина, Н.П. Салугиной, И.Н. Васильевой, Е.В. Волковой, И.А. Гей, Л.А. Краевой, О.А. Лопатиной, О.Л. Шаргановой, Н.Ю. Петровой, В.В. Илющиной, В.Н. Бахматовой, В.И. Мухаметдинова и других.

Данная методика основана на применении бинокулярной микроскопии, трасологии и физического моделирования. Технико-технологический анализ, разработанный на ее основе, проводится в соответствии с выделенной и описанной А.А. Бобринским естественной структурой гончарного производства, состоящей из последовательно решаемых в процессе изготовления сосуда узких технологических задач (Бобринский, 1999, с.9-11). В процессе анализа определяется вид и состав исходного пластичного сырья для изготовления сосуда, степень его ожелезненности и запесоченности, состав формовочных масс, вид, размерность и количество искусственных примесей в них, программы и способы конструирования начина (части сосуда, с которой начинается его изготовление и которая создается в процессе единого непрерывного технологического акта) и полого тела сосуда, способы обработки поверхностей, техника нанесения орнамента, приемы придания прочности и устранения влагопроницаемости изделия, в том числе режим и температура обжига сосуда. Исследования выполняются по свежим изломам черепка с помощью бинокулярного микроскопа при увеличении до 56 крат при использовании эталонной базы экспериментальных образцов, специально изготовленных в лаборатории или экспериментальной экспедиции. А.А. Бобринский определил закономерности изменения технологических приемов изготовления посуды. происходившие в условиях изолированного проживания или смешения различных групп населения, выделил группы субстратных и приспособительных (наиболее устойчивых к изменениям даже в условиях смешения населения и, напротив, наиболее быстро реагирующих на него) навыков труда при производстве сосудов. Эта информация, соотнесенная с данными технико-технологического анализа керамики отдельных памятников, в дальнейшем может быть использована в реконструкции истории древнего населения в различные промежутки времени. Источниковедческие возможности применяемой методики базируются также на выявлении А.А. Бобринским преемственности по родственным линиям при передаче и сохранении культурных традиций изготовления керамики. Использование этих методов в изучении лепной посуды позволяет выделять данные для решения следующих задач:

выявление особенностей изготовления керамики в различных культурах на уровне восстановления полного технологического цикла изготовления сосудов;

выявление межкультурных связей между разнокультурными группами населения;

получение информации о культурном составе населения, изменениях в нем и случаях культурного смешения в рамках истории отдельных памятников;

определение ареала распространения керамики, изготовленной в различных культурных гончарных традициях;

реконструкция исторических процессов расселения различных групп древнего населения.

На территории Азиатского Боспора на основе данной методики была исследована керамика поселения Вестник-1 (кон.VI – нач. III вв. до н.э.) (Клемешова, 2017, 2017а), Ахтанизовская-4 (I в. до н.э.), Тамань-3 (III-II вв. до н.э., раскопки 2013 г.), часть материалов из некрополя Виноградное-7 (IV в. до н.э.), поселения Ильич-1 (II-III вв. н.э., раскопки А.В. Бонина[1] и частично – материалы О.В. Шарова), курганного могильника Уташ (Вальчак, Клемешова, сдано в печать), для определения субстратных догреческих гончарных традиций населения Таманского полуострова – поселения эпохи бронзы Ильич-1 из раскопок А.В. Бонина (Клемешова, сдано в печать) и О.В. Шарова (готовится к печати). Из памятников Европейского Боспора в настоящее время обрабатывается керамика поселения Полянка и сторожевой башни I в. до н.э. Казан II на Узунларском валу.

В некоторых случаях для уточнения вида искусственных примесей и минерального состава сырья при этом были использованы данные петрографического и рентгенографического фазового анализа (РФА) отдельных образцов керамики и собранного вокруг памятника исходного пластичного сырья (Клемешова, 2017а, с.252). До определенной степени такую информацию впоследствии возможно привлекать для выяснения характера происхождения (местного или привозного) отдельных групп лепных сосудов.

Таким образом, применение наряду с традиционными различных инновационных методов исследования – изучения технологии изготовления керамики на базе знаний закономерностей ее изменения и развития и различных археометрических видов анализа позволяет в настоящее время существенно расширить возможности использования лепной посуды античного времени как исторического источника.

ЛИТЕРАТУРА

Беглова Е.А. 1995. Керамика Закубанья VI-IV вв. до н.э. как исторический источник. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М. //Архив Института археологии РАН, Ф. 1, Р. 2, № 2587.

Бобринский А.А. 1978. Гончарство Восточной Европы. М.

Бобринский А.А. 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения//Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара.1999. С. 5-109.

Вальчак С.Б., Клемешова М.Е. Результаты анализа формовочных масс керамики из курганного могильника Уташ в Краснодарском крае // Тезисы 30 Крупновских чтений, сданы в печать.

Клемешова М.Е. 2017. О сырье для изготовления лепной керамики поселения и некрополя Вестник-1 // Древности Боспора. 21. М. С. 228-240.

Клемешова М.Е. 2017а. Результаты исследования лепной керамики поселения и некрополя Вестник-1 из раскопок 2010-12 гг. (по данным технико-технологического анализа) // КСИА. Вып. 247. С. 249-264.

Клемешова М.Е. Предварительные результаты технико-технологического анализа керамики эпохи поздней бронзы из раскопок поселения Ильич-1 // Тезисы 30 Крупновских чтений, сданы в печать.

Кульская О.А. 1940. Химико-технологические исследования ольвийских керамических изделий // Ольвия, К. Т.1. С.171-184.

Моммзен Г., Журавлев Д.В., Шлотцауэр У. 2016. Археометрические исследования происхождения керамики // Древние эллины между Понтом Эвксинским и Меотидой. М. С.90-93.

Attula R., Dally O., Huy S., Larenok P., Mommsen H., SchlotzhauerU., Zhuravlev D. 2014. Lokale Topferwerkstatten am Nordpontos – Archaologische und archaometrische Untersuchungen zur Herkunft szuweisung der Keramikerzeugnisse aus der Don-Region und am Kimmerischen Bosporos // Phanagoreia und daruber hinaus…Festschrift fur Vladimir Kuznetsov. Altertumer Phanagoreias / N. Povalahev (Hrsg.). Gottingen. Bd. 3. S. 251—282.

Mommsen H., Schlotzhauer U., Zhuravlev D. 2013. Statistical interpretation of elemental concentration data and the origin of pottery found in the Bosporus region in the North Pontus// Международный симпозиум «Современные подходы к изучению древней керамики в археологии». Тезисы докладов. М. С. 48-49.

Kovnurko G.M. 2002. Petrophysical study of the handmade pottery// Panskoye I. The Monumental Building U6. Volume 1. Aarhus. 2002. P.317-326.

Stolba V.F. 2002. Handmade pottery// Panskoye I. The Monumental Building U6. Volume 1. Aarhus. 2002. P.180-200.

[1] *Материалы упомянутых памятников готовятся к печати.*

КОВАЛЬЧУК А.В.
(ИА РАН, Москва)

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ СПАРТОКИДОВ В ПРОИЗВОДСТВЕ ЧЕРЕПИЦЫ В III В. ДО Н. Э.[1]

Еще в 1934 году В. Ф. Гайдукевич нарисовал картину участия представителей царского рода Спартокидов в организации производства черепицы, которая была принята большинством исследователей и стала уже давно традиционным взглядом на положение вещей [Анохин, 1999, с. 202-204; Берзин, 1959, с. 54-55, 60]. Основные ее положения сводятся к следующему.

Начиная с Перисада I можно уверенно говорить об участии боспорских царей в производстве строительных керамических материалов [Гайдукевич, 1934, с. 271], о чем свидетельствуют двойные клейма с именем Перисада и фабрикантов, принадлежавших к боспорской аристократии [там же, с. 270]. В это время участие бопорского царя являлось лишь номинальным и было, по всей видимости, связано с принадлежностью глинищ, где добывалось сырье для производства черепицы, государству. В связи с этим боспорский царь стал претендовать на «доходы от черепичных предприятий» [там же, с. 271] и, хотя он сам и не имел собственных черепичных мастерских [там же, с. 274], его имя было включено в состав клейм.

При Спартоке III ситуация изменяется, он, по-видимому, уже становится «непосредственным владельцем черепичного дела» [там же, 274], о чем свидетельствуют оттиски с его именем (ΣΠΑΡ[2]). Картина кардинально меняется в начале III в. до н. э. [там же, с. 291], к этому времени В. Ф. Гайдукевич относит появление оттисков с легендой βασιλικZ/ βασιλικOς, которые, по мнению исследователя, обозначают «происхождение продукции из керамических предприятий, принадлежащих государству в лице боспорских

[1] *Статья написана в рамках работы по гранту РГНФ № 16-31-01101 «Организация производства строительных материалов на Боспоре в IV – II вв. до н. э.»*

[2] *В настоящее время клейма с легендой ΣΠΑΡ относятся к первой половине IV в. до н. э.*

царей» [там же, с. 293]. Выпуск этих клейм продолжается также при Перисаде II [там же, с. 294]. Отмечая преобладание клейм этой группы над остальными оттисками [там же, с. 293] (1/ 5 всего количества в собрании Керченского музея), ученый высказывает предположение о «полной или почти полной» монополизации этой области боспорскими царями [там же, с. 294-295]. В конце III- первых десятилетиях II в. до н. э. участие боспорских царей в керамическом производстве отмечено клеймами Спартока V и Перисада III [там же, с. 275], оттиснутых в легенде в полной форме с сохранением падежного окончания.

В последствие некоторые положения работы В. Ф. Гайдукевича были дополнены В. А. Анохиным, который считает, что «сам факт возникновения клеймения может указывать на то, что эта ключевая в строительном деле отрасль ремесла оказалась под контролем правителя» [Анохин, 1999, с. 202]. По мнению автора, этот контроль осуществлялся или путем сдачи государственных глинищ в аренду, или получением от государства разрешения на производства черепиц (сроком на 10 лет) [там же, с. 202]. Анохин отмечает, что монополизация черепичного производства была завершена уже при Перисаде I [там же, с. 202]. Отмечая наличие имен частных промышленников на клеймах III в. до н. э., ученый объясняет их практикой предоставления царского разрешения частным лицам заниматься производством черепицы [там же, с. 20], а появление клейм βασιλικ/ βασιλικς относит к несколько более позднему времени, их он датирует правлением Перисада II (№ 132-133) и Спартока IV (№ 136) и объясняет их появление предоставлением разрешения городской общине Пантикапея клеймить черепицу [там же, с. 199, 204].

Как мы видим, отдельные положения теории В. А. Анохина тесно связаны с гипотезой, предложенной В. Ф. Гайдукевичем. Основой его размышлений является признание факта существования царской монополии в черепичном производстве. Ученый, однако, пытается объяснить смену практики клеймения (переход от упоминания царского имени в клеймах к безличному βασιλικZ/ βασιλικOς) и отмечает наличие в III в. до н. э. отдельных черепичных клейм частных промышленников. Для согласования этих данных с теорией монополизации он выдвигает гипотезу о сдаче права выпускать черепицу (предоставления лицензии) отдельным лицам или городской общине Пантикапея[3].

В связи с указанными противоречиями, нам хотелось бы еще раз

[3] *Возникает вопрос, почему в клеймах, выпускаемых общиной, не указывалось просто ее название, как, например, на известном оттиске ΠΑΝΤΙ?*

остановиться на вопросе существования в III в. до н. э. царской монополии на производство черепицы. Здесь необходимо выделить несколько факторов.

Во-первых, следует отметить локальную неоднородность группы с клеймами βασιλικZ/ βασιλικΟς. Большая часть из них была найдена на территории Керченского п-ова и была произведена в Пантикапее, что подтверждается также особенностями глиняного теста и характером оттисков. Однако некоторая часть клейм была изготовлена на Азиатской стороне Боспорского царства. С уверенностью можно говорить, о существовании собственных мастерских в Фанагории (ΒΑΣΙΛΙΚΗ/ трезубец, дельфин) и Горгиппии (ΒΑCΙΛΙΚΗ №). Во-вторых, эта группа, как это уже впрочем отмечал В. Ф. Гайдукевич [Гайдукевич, 1934, с. 292], различается и хронологически. В. Ф. Гайдукевич относил основную часть клейм к первым годам/ десятилетиям III в. до н. э., а оттиски с лунарной сигмой к последним десятилетиям III в. до н. э. – началу II в. до н. э [Гайдукевич, 1934, с. 292]. Мы склоняемся к мнению, что клейма № 1370-1637, 1638-1654, 1655-1673, 1714-1793 (номера IosPE III) появляются около 260 г. до н. э. Фанагорийский штамп относятся ко времени Спартока III, а клейма ΒΑCΙΛΙΚΗ (в частности, из Горгиппии) уже ко II в. до н. э.

В-третьих, следует отметить, что простой количественный подсчет всех черепиц с вышеупомянутыми клеймами, представленный В. Ф. Гайдукевичем, не совсем корректен. На наш взгляд, весьма вероятно, что керамиды с оттисками βασιλικ и калиптеры со штампами βασιλικς продавались совместно.

Наконец, остановимся на цифрах, которые позволили сделать предположение об установлении государственной монополии в области производства керамических строительных материалов.

Недавно опубликованная коллекция черепичных клейм Керченского историко-культурного заповедника [Федосеев, 2012] дает нам прекрасную возможность перепроверить эти данные. В каталоге значатся 3509 клейм, на долю группь βασιλικZ/ βασιλικΟς приходится 656 экземпляр (№ 2832-3487). А если из этой группы исключить оттиски с легендой βασιλικς (166 экз., № 3322-3487) и фанагорийские штампы (№ 3318-3321), то 486 экз. Это около 19 (14) % от всей коллекции клейм из фондов музея. Цифры в целом близкие к приведенным В. Ф. Гайдукевичем [Гайдукевич, 1934, с. 293]. Вопрос в том, корректны ли они и как их интерпретировать. Для сравнения отметим, что клейма Сатириона составляют 11, 5 % от общей коллекции клейм музея.

В связи с этим, мы считает подобные подсчеты довольно поверхностными. Если мы хотим выяснить вопрос, существовала ли в III в. до н. э. монополия государства на производство керамических строительных материалов, нам нужно делать подсчеты только среди клейм III в. до н. э. и для каждого центра производства (Пантикапей, Фанагория, Горгиппия).

Нам известны оттиски с частными именами, изготовленные в Пантикапее и датирующиеся в пределах III в. до н. э. Это клейма с легендой ΑΙΣΧΥΛΟΥ (8 экз., № 39-46), ΕΠΙΚΡΑΤΟΥ (3 экз., № 544-546), ΟΡΧΑΜΟΥ (12 экз., № 1695-1706), ΣΑΤΥΡΙΩΝΟΣ (404 экз., № 1995-2398). Всего 427 экз., то есть цифры вполне сравнимые с оттисками группы βασιλικZ/ βασιλικΟς.

Для проверки точности этих данных можно сравнить их с цифрами, фигурирующими в IosPE III. ΑΙΣΧΥΛΟΥ (8 экз., № 39-46), ΕΠΙΚΡΑΤΟΥ (1 экз., № 198), ΟΡΧΑΜΟΥ (13 экз., № 647-659), ΣΑΤΥΡΙΩΝΟΣ (249 экз., № 817-1065).

Отчасти сходны с ними и сведения, полученные нами в ходе работы над диссертацией: ΑΙΣΧΥΛΟΥ (12 экз.), ΕΠΙΚΡΑΤΟΥ (1 экз.), ΟΡΧΑΜΟΥ (11 экз.), ΣΑΤΥΡΙΩΝΟΣ (78 экз.). Этот список мы можем также дополнить двумя новыми именами ΑΚΥΛΟΥ (1 экз.), ΑΡΧΙΟΥ (1 экз.).

Анализ материала из Фанагории представляет определенные сложности в связи с отсутствием общих публикаций и каталогов, посвященных именно данных оттискам. В нашем распоряжении имеются лишь данные IosPE III, а также собранные нами на момент написания диссертации (2007 год).

В III в. до н. э. в Фанагории работали отдельные частные фабриканты, чьи имена фигурируют на черепице. Это клейма с легендой ΔΙΟΤΙΜΟΥ (11 экз.), ΜΙΚΚΟΥ (2 экз.), ΠΑΝΘΗΡΟΣ/ ΝΕΟΚΛΕΟΥΣ (68 экз.) и ΠΕΡΙΑΝΔΡΟΥ? (6 экз.). Если говорить об оттисках группы βασιλικZ/ βασιλικΟς, то к фанагорийскому производству относится клеймо ΒΑΣΙΛΙΚΗ/ трезубец и дельфин (31 экз.).

В IosPE III приведены следующие цифры: ΒΑΣΙΛΙΚΗ/ трезубец и дельфин (13 экз., № 1673-1685), ΔΙΟΤΙΜΟΥ (12 экз., № 178-189), ΠΑΝΘΗΡΟΣ/ ΝΕΟΚΛΕΟΥΣ (28 экз., № 721-748).

Ко времени Спартока III относится также клеймо с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ/ ΣΠΑΡΤΟΚΟΥ. Непонятно, почему в одних клеймах имя царя продолжает упоминаться, а в других заменяется на безличную форму.

Однако, в целом видно, ни о какой государственной монополии в области производства черепицы в Фанагории не может быть и речи.

Гогриппийским клеймам посвящен небольшой раздел еще одной статьи В. Ф. Гайдукевича [Гайдукевич, 1947], в которой он публикует не-

сколько новых оттисков и затрагивает вопросы производства черепицы в Горгиппии. В частности, он вводит в научный оборот клейма βασιλικη/ δια Νουμη(νιου) и βασιλικη/ δια Βατα(κου) [там же, с. 24], которые исследователь датирует последними десятилетиями III в. до н. э. [там же, с. 25], а надпись в легенде интерпретирует как указание на то, что черепица была произведена на царском предприятии, на котором Батак и Нумений были или техническими мастерами, или «откупщиками черепичного производства, принадлежащего царю» [там же, с. 25]. В заключении к статье автор высказывает мнение, что как и в Пантикапее, в Фанагории и Горгиппии «черепичные эргастерии были собственностью или боспорских царей, причем последние, по-видимому, сдавали здесь свои предприятия на откуп…или членов царской фамилии, или представителей местной варварской знати» [там же, с. 26].

В этой заметке мы коснемся лишь черепичных клейм III в. до н. э., изготовленных в Горгиппии. Так, в каталоге, опубликованном В. И. Кацем [Кац, 2015], значатся следующие собственные имена: Батак (№ 1674-1675), Деметрий (№ 1742-1743), Метродор (№ 1784-1793). По нашему мнению, именем собственным является также имя Архий, деятельность которого относится к III в. до н. э. (№ 1872-1890) [Ковальчук, 2017, с. 243, 246]. На первый взгляд, число клейм с собственными именами невелико – 33 экз.

Однако невелико и число т.н. «царских» клейм – 21 экз. (1845-1865), к которым можно также добавить двойные клейма с легендой βασιλικ и именем собственным, предваряемым предлогом διά – 6 экз. (№ 1866-1971).

Подведем итоги. Среди клейменной черепицы, произведенной в Пантикапее, довольно значительное число составляют оттиски группы βασιλικ/ βασιλικός. Однако в это время известны и клейма с именами частных фабрикантов.

Несколько иная ситуация существует в Фанагории и Горгиппии, здесь в III в. до н. э. группа черепицы с клеймами βασιλικZ/ βασιλικΩς не доминирует, известны также оттиски частных промышленников. К этому же периоду относятся оттиски с собственным именем Спартока III [Кац, 2015, № 1809-1838].

Таким образом, ни о какой царской монополии здесь в прямом смысле этого слова речи не может идти.

Кроме того, возникает вопрос о том, почему часть черепицы клеймилась штампами с собственным именем боспорского царя, а часть безлично, лишь с указанием на ее принадлежность царю. Возможно, вторая категория черепицы изготавливалась вовсе не на царском заводе, а лишь по поручению царя частными промышленниками (о чем свидетельствуют в частности имена с предлогом δι на горгиппийской черепице). В данном случае легенду βασιλικZ/ βασιλικΩς следует интерпретировать как указание на тип собственности, а именно на принадлежность данных строительных материалов царю.

ЛИТЕРАТУРА

Анохин В. А. Боспор Киммерийский. Киев, 1999.

Берзин Э.О. Из истории производства клейменой черепицы на Боспоре (IV – начало III в. до н. э.) // СА. М., 1959. № 4.

Гайдукевич В. Ф. Строительные керамические материалы Боспора (боспорские черепицы) // ИГАИМК. М.-Л., 1934. Вып. 104

Гайдукевич. Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях времени Спартокидов // КСИИМК. М.-Л., 1947. Вып. XVII

Кац В. И. Производство черепицы в Горгиппии (история локализации и изучения) // АМА. 2011. Вып. 15

Кац В. И. Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и ее хора. Семибратнее городище. Саратов, 2015

Ковальчук А. В. Горгиппиские черепицы. Группа керамид с клеймами ΑΡΧΕΙΑ // ДБ. М., 2017. Т. 21

Федосеев Н. Ф. Керамические клейма. Боспор: из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Т. 1. Киев, 2012

КОЛОСОВ В. П.
(Гос. Эрмитаж, Санкт-Петербург)

РАННИЕ ИОНИЧЕСКИЕ КАПИТЕЛИ БОСПОРА. ОПЫТ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В работе продемонстрированы возможности применения методов многомерной статистики для анализа массового археологического материала и решения вопросов хронологической и стилистической атрибуции памятников.

Для исследования были привлечены пять капителей, происходящих из городов Боспора, которые сравнивались с капителями из других регионов античного мира, имеющими наиболее полную сохранность и относительно надежную датировку: из Малой Азии, Великой Греции, Аттики, Пелопоннеса и с островов Эгеиды. Всего в исследовании задействовано 83 объекта. Хронологические рамки охватывают период от архаики до эллинизма.

В качестве признаков были рассмотрены пропорции капителей и особенности их оформления. Всего было рассмотрено 63 признака. Из них 17 являлись пропорциональными соотношениями, и выражались количественно. Остальные 46 отражали наличие или отсутствие различных характеристик, и выражались как бинарные. Количественные признаки объектов были исследованы методом анализа главных компонент. Бинарные признаки были проанализированы на основе сравнения коэффициентов сходства, которые преобразовывались в двухмерные координаты методом многомерного шкалирования. Затем полученные данные были объединены, и методом анализа главных компонент получен общий результат по всем 63 признакам.

В итоге удалось выявить связь между формой капителей, особенностями их оформления и регионально-хронологическими характеристиками. Наиболее ранние капители (VI в. до н.э.) – широкие по фасаду, но с небольшим диаметром колонн с широко разнесенными волютами. Эхин, как правило, оформлен по всей окружности, очень широкий абак, часто отсутствуют глазки волют. Очень близкие к ним по форме, но более поздние (втор. пол. VI – пер. пол. V в. до н.э.) капители относящиеся, в основном, к городам Великой Греции, отличаются более вытянутыми во фронтальной плоскости пропорциями и дополнительными элементами декора. Обособленную группу составляют капители, большей частью, происходящие с островов Эгеиды (пер. пол. V в. до н.э.). Они характеризуются относительно большим диаметром волют и более плотным их расположением. Капители из Аттики образуют, также, отдельную большую группу (V в. до н.э.) и близки по пропорциям волют к капителям Эгеиды, но менее вытянуты во фронтальной плоскости. Кроме того, аттические памятники имеют ряд характерных признаков, которые вместе с пропорциями выделяют их в отдельное сгущение. Например, у капителей этой группы очень часто изогнут канал волют, а эхин нередко имеет горизонтальное членение на две части. Наиболее плотное сгущение показали аттические капители втор. пол. V в. до н.э. Еще одна группа состоит из наиболее поздних объектов в выборке (втор. пол. IV – пер. пол. III в. до н.э.), которые происходят, в основном, из Малой Азии. Капители в этой группе не очень широкие по отношению к диаметру колонны, абаки в плане близки по форме к квадрату, но волюты расположены далеко друг от друга и имеют не очень большой диаметр. Балюстры часто бывают без декора, или, наоборот – декорированы растительным орнаментом, глазки волют нередко выделены дополнительным валиками. Нужно отметить, что эта группа не однородна, и более поздние капители имеют более «собранные» пропорции и относительно меньшие волюты.

К анализу были привлечены пять ионических капителей из городов Боспора: 1) капитель из Пантикапея (Пичикян. 1974) 2) капитель из Нимфея (Соколова. 2004. С. 98), 3) капитель из Пантикапея (Буйских. 2007), 4) капитель из Гермонассы (Арзаманов. 1989), 5) капитель из Пантикапея (Толстиков. 2007. С. 283).

Пропорции первых трех выше названных капителей наиболее сходны с памятниками из Аттики втор. пол. V в. до н.э. Пропорции капители из Гермонассы близки к аттическим, но более ранним (пер. пол. V в. до н.э.) так как характеризуются большим диаметром волют и более тесным их расположением. Логично предположить, что сходство в пропорциях боспорских капителей с классическими аттическими памятниками говорит о прямой или, возможно, опосредованной ориентации мастеров на данные образцы.

Пятая из названных капителей, имеет довольно специфичные пропорции. По многим своим пропорциональным соотношениям она близка к группе аттических памятников, но имеются некоторые различия: очень широкая балюстра, абак в плане близкий к квадрату. Но, не смотря на то, что по пропорциям капитель не имеют абсолютных аналогий в выборке, анализ морфологических особенностей (проведенный по наличию или отсутствию 46 признаков) показывает сильное сходство данной капители с аттическими памятниками пер. пол. V в. до н.э.

Таким образом, в результате исследования была получена картина развития форм ионических капителей, определены основные направления изменчивости характеристик и выявлены признаки, отражающие региональные и хронологические различия объектов. Так же удалось определить памятники, с которыми сходны ионические капители, обнаруженные на территории Боспора. Безусловно, сходство формы объектов не являются абсолютно надежным датирующим фактором, поскольку капители могли повторять значительно более ранние образцы. Тем не менее, это достаточно важный критерий, который необходимо учитывать. Можно отметить, что, несмотря на различия в отдельных характеристиках, при статистическом анализе большого количества признаков, капители Боспора демонстрируют значительную степень сходства на фоне всей выборки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арзаманов Г.Ф. Архаическая капитель из Тамани // Вестник древней истории. – 1989. –№4. – С. 49-54.

2. Буйских А.В. Новая капитель из Пантикапея (к проблеме развития архитектуры ионического ордера на Боспоре) // Боспорские исследования. – 2007. – №16. – С.159-169.

3. Пичикян И.Р. Ионийская капитель из Керчи // Вестник древней истории.–1974. – № 2. – С. 105-110.

4. Соколова О.Ю. Нимфей //Античные памятники Крыма. Киев.: Мистецтво, 2004. – С. 89-112.

5. Толстиков В.П. Храм Аполлона в Пантикапее. Проблемы датировки, типологии и периодизации // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2010. – №01. – С. 277-315.

КОЛТУХОВ С.Г.
(ИАК РАН, Симферополь)

ТУОТАЙСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК

В конце 60-х гг. прошлого века, в глубине Горного Крыма в области северного макросклона Главной горной гряды крымскими археологами был исследован курганный могильник, вошедший в литературу под названием Туотайский (Щепинський, 1972, с. 36 -37). Автором названия, в котором использован тюркский микротопоним был А.А. Щепинский. Могильник находился на территории Белогорского района Крымской области, однако, его локализация по топониму невозможна (Колтухов 2014, с. 141), так как доступные нам картографические материалы такого топонима не содержат.

К сожалению архивных материалов, как полевых, так и отчетных, в распоряжении современных исследователей нет. Опубликованные сведения о памятнике минимальны. Первое, сообщение об исследовании курганов в этой части Крымского полуострова принадлежит И.А. Баранову, проведшему охранные археологические работы неопределенного характера[1] в 1967 г. (Баранов, 1968, с. 210-211, 215). По его информации в 1,5 км к югу от восточной окраины с. Новокленово Белогорского района, на отроге Главной горной гряды при сельскохозяйственных работах было разрушено 5 курганов, позднескифское поселение и поселение кизил-кобинской культуры VII – VI вв. до н.э. В курганах находились каменные гробницы. Среди находок упомянуты обломки гераклейских амфор, датированные IV – III вв. до н.э., бронзовые пластины толщиной 5 мм (?), обрывки золотой фольги и обломок железного ножа. Фрагменты гераклейских амфор относятся ко времени не ранее IV в. до н.э. Следовательно, в представлении И.А. Баранова, это был памятник скифской эпохи.

[1] *Возможно, это был осмотр местности и сбор подъемного материала?*

Следующая информация опубликована А.А. Щепинским[2] и относится к археологическим работам 1967 – 1969 г. (Щепинський, 1972, с. 36 -37). Именно в этой заметке объект назван Туотайским могильником и локализован в Предгорном Крыму. В курганах и грунтовых могилах близ них (следовательно, здесь был и грунтовый могильник) А.А. Щепинским и его коллегами исследовано около 100 погребений эпохи бронзы и раннего железного века. Исследователь упомянул памятники кеми-обинской, ямной, катакомбной и позднесрубной культур. Были специально отмечены маленькие курганы с погребениями предскифского времени, которые Аскольд Александрович посчитал чрезвычайно важными для решения «киммерийской проблемы». Были упомянуты и погребения раннескифского, и средневекового времени.

Несколько лет назад, А.Е. Пуздровский (2007, с. 27), на основе того же сообщения Щепинского (1972, с. 38) выделил и связал с окрестностями с. Зеленогорское Белогорского района еще один курганный могильник. Здесь, в разрушенных курганах были обнаружены «коллективные» погребения в каменных склепах. Судя по материалу, описанному и опубликованному А.А. Щепинским, находки датировались временем от IV –III вв. до н.э. до первых вв. н.э., а погребения были отнесены к позднескифскому времени. Предположительной локализации объекта способствует упоминание расположенного вблизи городища, очевидно Аргинского (см. Смекалова, Колтухов, Зайцев, 2015, с. 187). К северу от него были расположены курганы высотой от 1 до 2 м, скорее всего они и были разрушены. Следовательно, А.А. Щепинским в те же годы что и Туотайский, в той же части Горного Крыма, исследован еще один курганный могильник, расположенный несколько севернее Туотайской группы курганов.

Обратимся к возможности достоверной локализации Туотайского могильника. Среди доступного автору картографического материала, наиболее подходящим для прояснения археолого-топографической ситуации и локализации могильника представляется фрагмент топографической карты 1954 г. в масштабе 1: 25000. Именно на этой карте в направлении и на расстоянии указанном И.А.Барановым, но чуть восточнее, существует курганная гряда, с курганами высотой от 1 до 5 м, вытянутая с севера на юг по отрогу Главной горной гряды (рис. 1). В 6 км к югу от последнего пятиметрового кургана этой группы, начинается плато Караби-Яйлы с обширным горным пастбищем.

[2] *В 60-е гг. охранные раскопки курганов. А.А. Щепинский, как правило, проводил совместно с Е.Н. Черепановой.*

Очевидно, на карте изображен Туотайский могильник, северная и центральная часть которого была разрушена в 60-е гг. прошлого века. Значит, могильник с достаточно крупными курганами, содержащими погребения нескольких археологических эпох, находится на северном склоне Первой горной гряды в нескольких километрах от горных пастбищ, близ скотопрогонных дорог, столетиями не менявших своего направления. Присутствие в нем предскифских и раннескифских погребений, позволяет говорить о целенаправленном продвижении ранних кочевников в направлении летних альпийских пастбищ Горного Крыма. Причем путь по р. Биюк-Карасу был кратчайшим маршрутом, соединявшим степные пастбища с горными.

О времени появления здесь кочевников раннего железного века можно судить по нескольким находкам из этого некрополя. Так бронзовые обоймы, по словам находчиков, происходящие из разрушенного здесь кургана (Колтухов, 2008, с. 246), несомненно, относится к предскифскому времени. Вопрос об их узкой датировке, тема отдельная.

К скифскому времени относятся бронзовые псалии, также происходящие из разрушенного кургана. В настоящее время их датировка V в. до н.э. не вызывает сомнений (Колтухов, 2008, с.246). Еще более интересны скифские зооморфные украшения конской узды, найденные грабителями вблизи Туотайского могильника и недавно опубликованные С.А.Скорым и Р.В. Зимовцом (Скорый, Зимовец, 2014, с. 166). Например, у с. Александровка, лежащего у отрогов Главной горной гряды в 3 км к северо-востоку от Туотайского могильника локализована находка двух бронзовых блях V в. до н.э. (Скорый, Зимовец, 2014,кат. 354; 366). К тому же столетию относятся обломки двух бронзовых псалиев, найденные близ с. Зеленогорское в урочище Соленая Балка (Скорый, Зимовец, 2014,кат. 243, 245). И в этом случае, расстояние от Туотайского могильника до населенного пункта, не превышает 3 км[3].

И самое важное то, что близ с. Новокленово, а это зона размещения Туотайского могильника, локализованы находки четыре фигурных блях V в. до н.э. (Скорый, Зимовец, 2014, кат. 310, 324, 328, 334). Следовательно, на небольшом пространстве вокруг сел Александровка, Новокленово, Зеленогорское близ которых находится несколько курганных могильников (рис. 1), в том числе и Туотайский, обнаружено не менее восьми скифских украшений конской узды, при этом все они датированы V в. до н.э.

[3] *Урочище Соленая балка по картам не локализуется.*

По мнению автора, это прямое свидетельство о времени проникновения скифов в верховья р. Биюк-Карасу и ее притоков, освоения межгорных долин и занятия части крымских горных пастбищ. Именно здесь в сезон, длившийся с мая по октябрь, какая-то часть стада, выпасалась на обильных травами яйлах, чуть ниже, в обводненных долинах находились стойбища, путь до которых занимал лишь несколько часов.

Однако предполагаемое проникновение скифов в глубину крымских гор произошло на локальном участке. Например, в верхней части долины р. Салгир, с ее выходами на Долгоруковскую и Чатырдагскую яйлы, скифских памятников не обнаружено, нет их и западнее, в верховьях рек Альма, Кача и Бельбек, ведущих с севера и северо-запада на Байдарскую, Айпетринскую, Ялтинскую, Никитскую яйлы и Бабуган-яйлу.

Наблюдения и за хронологией находок достаточно показательны, так как все они относятся к V в. до н.э. В первой половине или на рубеже первой и второй трети этого столетия, военное давление скифов испытывали и греческие поселения Боспора Киммерийского и Керкинитида, расположенная на западном побережье Крыма. Вероятно, тогда же аннексии подверглась часть территории тавров, чем и объясняется появление скифов у подножья Караби-яйлы.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов И.А. Археологические памятники у с. Новокленово // АИУ.1967. К.: Наукова думка, 1968. С. 210-215.

Колтухов С.Г. Случайные находки предскифского и скифского времени из горной и предгорной части Крымского полуострова // Херсонесский Колокол. Симферополь: Сонат, 2008а. С. 243-250.

Колтухов С. Г. Скифы горной части Крымского полуострова: (Регион, ресурсы и хозяйственная деятельность, история изучения) // ССПК. 2014. Т. XVII. С. 122–153.

Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в.до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. – 480 с.

Скорый С. А. Зимовец Р.В. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. К.: Олег Філюк, 2014. 180 с.

Смекалова Т.Н., Колтухов С.Г., Зайцев Ю.П. Атлас позднескифских городищ Предгорного Крыма. СПб.: Алетейя, 2015. 248 с. (Материалы к археологической карте Крыма. Вып. XV).

Щепинський А. О. Кримська охоронно-археологична експедиція 1969 року // АДУ-1969. К.: Наукова думка, 1972. С. 36-39.

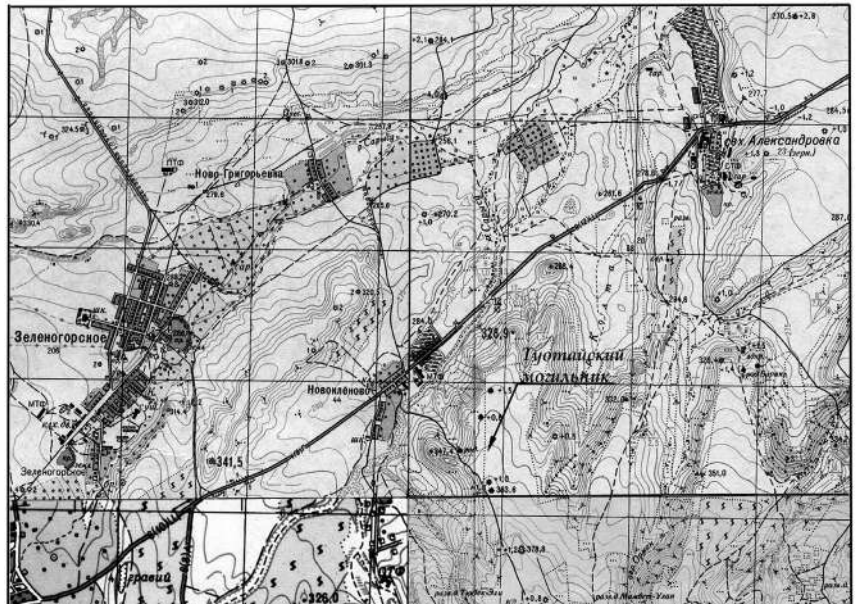


Рис. 1. Местоположение Туотайского курганного могильника

КОТИНА А.В.
(ЦАИ БФ «Деметра», Керчь),
СЕРГО С.В., ЛАЗАРЕВ Н.В.
(ЭКЦ ГУ МВД России по Ростовской
области, Ростов-на-Дону)

ИЗ ОПЫТА ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ ДАКТИЛОСКОПИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ТЕРРАКОТОВЫХ СТАТУЭТОК ИЗ РАСКОПОК КУЛЬТОВОГО КОМПЛЕКСА ПАНТИКАПЕЯ ПОЗДНЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО – РИМСКОГО ВРЕМЕНИ[1]

На сегодняшний день, общеизвестно, что темпы археологических исследований весьма высоки. Вследствие этого, у ученых появляется все больше материала, который крайне необходимо вводить в научный оборот. Артефакты, обнаруженные в ходе археологических изысканий в связи с различными строительными работами, дают подчас весьма ценные сведения относительно материальной и духовной жизни древних обществ, локализующихся на рассматриваемой территории.

К числу интересных и информативных памятников относится и культовый комплекс Пантикапея позднеэллинистического – римского времени, открытый экспедицией Крымского отделения института востоковедения НАН Украины еще осенью 2002 г. (Айбабин, Ачкинази, 2003, с. 7) в ходе охранных археологических исследований на участке строительства гаражей по ул. Ленина №№10, 12.

Исследователи определили обнаруженные памятники следующим образом: зольник-эсхара (Зольник 1 – к. II в. до н.э. – к. I в. н.э.), святилище римского времени (II в. н.э.) и Зольник 2 – (II – III вв. н.э.) (Ачкинази, 2004, с. 20). Не вдаваясь подробно в конструктивные особенности вышеуказанных культовых объектов, стоит отметить обилие находок: многочисленный амфорный материал, значительное количество терракотовых статуэток, светильники, грузила, монеты, фрагменты каменных алтариков, стеклянные сосуды, изделия из металла и др. Практически все находки были опубликованы различными исследователями. То же можно сказать и о терракотах, интересующих нас. Однако, в связи с тем, что публикация И.В. Ачкинази носит тезисный, краткий характер, мы считаем возможным в будущем исследовать терракотовые статуэтки более подробным образом.

Основным методом при изучении предметов коропластики остается традиционный – сравнительно-типологический. Однако в настоящее время известен и успешный опыт применения естественнонаучных методов датирования терракот (Ильина, 2008). Таким образом, привлечение методов естественных наук, к которому все чаще обращаются различные исследователи в области керамического производства, может способствовать получению новых данных и выводов. Среди подобных методов – метод дактилоскопии (Котина, Суворова, 2017). Не углубляясь в подробную характеристику данного метода, которая уже была представлена в публикациях 2016 и 2017 гг. (Серго, Лазарев, Суворова, 2016; Котина, Суворова, 2017), где описывается постановка проблемы по поводу использования дактилоскопии в исследовании терракотовых статуэток, предложим результаты, полученные в ходе начала исследования фрагментов терракот, из культового комплекса Пантикапея позднеэллинистического – римского времени.

Выбор этой коллекции для исследования определяется ее значимостью в связи с тем, что она представляет собой единый комплекс.

Всего в коллекции – 107 экземпляров.

Из них:

- с отпечатками пальцев (с разной степенью качества и выраженности следа) – 53,
- без отпечатков – 54.

Для первого этапа дактилоскопического исследования взято 16 фрагментов терракот.

Была произведена фотофиксация предметов в целом, и отпечатков в частности. При работе с данными экземплярами экспертами-криминалистами признаны пригодными для исследования отпечатки на 4-х фрагментах терракот. По ходу исследования это количество снизилось до 2-х. Несомненным плюсом в данной ситуации явилось то, что фрагменты,

[1] *Авторы выражают глубокую благодарность начальнику экспедиции – д.и.н. Айбабину А.И. за возможность работать с коллекцией терракотовых статуэток*

пригодные для идентификации, являются атрибутированными (в отличие от 2-х фрагментов, представляющих собой, по всей видимости, невыразительные оборотные стороны фигурок).

Исследуемые предметы представляют собой фрагмент торса статуэтки с изображением Афродиты (КОИВ-Б-02, №311), и фрагмент маски Диониса (КОИВ-Б-02, №418 (2)). Оба они происходят из Зольника 1 и носят вотивный характер.

КОИВ-Б-02, №311 – лицевая часть крупной объемной статуэтки, представляющей собой фрагмент обнаженного изящного торса, на нижнюю часть которого наброшен гиматий, придерживаемый левой рукой. Торс хорошо моделирован: чуть выпуклый округлый живот, складки гиматия переданы рельефными диагональными полосами. Размер – 8,3х7,5 см. Судя по аналогиям, целая фигурка представляла собой стоящую Афродиту, возможно, возле колонны. На поверхности фрагмента сохранились следы белой грунтовки. Глина местная (Боспор), содержит белые включения и редкие блестки. Цвет по Munsell: 5YR 6/6 (reddish yellow). Оттиск фигурки был произведен в форме, затем обжиг. (Аналогии: Winter F., 1903, 100,1; Усачева О.Н. 1983, 2, 8 (Кепы); Шевченко А.В., 2016, табл. XCIV, 1 (Херсонес (?)) и др.) Учитывая датировку памятника, из которого происходит рассматриваемая находка (Зольник 1 – к. II в. до н.э. – I вв. н.э.) и аналогии, данный фрагмент можно датировать концом II в. до н.э. Насколько популярным было изображение Афродиты в коропластике Боспора – свидетельствуют многочисленные находки разнообразных вариантов статуэток этой богини.

КОИВ-Б-02, №418(2) - левая часть небольшой маски с изображением Диониса. Сохранился фрагмент лица – щека, левая часть глаза, большая часть губ, левый ус, фрагмент бороды, часть волос и головного убора. В складках бороды и усов сохранились остатки белой грунтовки, бордовой и серой красок. Сохранился также характерный для подобного вида изделий треугольный выступ сбоку. На аналогичных изображениях, Дионис представлен в виде улыбающегося бородатого мужчины, в жреческой повязке. Согласно классификации С.И. Финогеновой, наш фрагмент можно отнести к типу так называемого Диониса-Быка (Финогенова, 1990, с. 190). Размер фрагмента – 6,0х5,0 см. Глина импортная (Хиос?), хорошо отмученная, тонкая, с редкими мелкими блестками. Цвет по Munsell: 7/5YR 7/4 (pink). Оттиск в форме, обжиг. (Аналогии: Пругло В.И., САИ, 1970, табл. 44,1 (Мирмекий); Финогенова С.И., 1992, ил. 8; Шевченко А.В., 2016, табл. XL,232 (Херсонес); Michałowski K., 1958, s.87, ryc. 105 (Мирмекий);

Summerer L., 1999, Taf. PII2 (Амис) и др.)

Известно, что маски Диониса имели мистическое значение. И, в первую очередь, связаны с культовыми действиями в честь божества. Небольшие размеры рассматриваемого нами фрагмента свидетельствуют о том, что данная маска была использована в качестве вотивного приношения (Финогенова, 1990, с. 189). Это подтверждает и характер памятника, в котором был обнаружен артефакт.

Результатом дактилоскопического исследования должны были стать ответы на следующие вопросы:

- Имеются ли на представленных терракотовых фигурках следы папиллярных узоров рук, если да, то пригодны ли они для идентификации?
- Какой рукой, какими пальцами отминались фигурки?
- Какой предположительно был возраст мастера на момент изготовления фигурок?
- Какой предположительно пол мастера?

Дактилоскопическое исследование:

В результате визуального исследования установлено, что на терракотовых фигурках с внутренних сторон отобразились следы папиллярных узоров, а именно:

- на фрагменте лепной фигурки КОИВ-Б-02 № 311, с оборотной стороны, на одном из краев отобразились два вдавленных следа (слева направо). Первый след имеет в своем отображении плавно изогнутые потоки папиллярных линий, частично базисной зоны, центральной (петлевого типа) зоны, ножки петель направлены вправо, частично правой латеральной с дельтой зоны, частично дистальной зоны, второй след имеет в своем отображении плавно изогнутые потоки папиллярных линий, частично базисной зоны, центральной зоны, частично правой латеральной зоны, частично дистальной зоны.

Учитывая размеры следов их форму направление и крутизну потоков папиллярных линий, можно сделать вывод о том, что два следа оставлены ногтевой фалангой пальца руки.

Признаки строения папиллярного узора, в описанных выше следах, в виде начал, окончаний, слияний и разветвлений, фрагментов папиллярных линий отобразились относительно полно и четко и в своей совокупности с общими признаками (формы и размеры следов, направление и крутизна потоков папиллярных линий) индивидуализируют узоры, что дает основание признать два следа пальца руки, отобразившийся на оборотной стороне, на фрагменте терракотовой фигурки КОИВ-Б-02 №311,

пригодными для идентификации по ним личности.

Дальнейшим исследованием, учитывая взаимное расположению следов на предмете, предположительный захват предмета мастером во время лепки, и фиксации следа пальца руки на последний момент лепки, можно отследить механизм образования следа и сделать вывод о том, что оба следа, отобразившиеся на фрагменте лепной фигурки КОИВ-Б-02 №311, оставлены большим пальцем левой руки.

Для определения предположительного возраста мастера, выполнившего фигурку КОИВ-Б-02 №311, просчитывался гребневой счет папиллярных узоров следов пальца руки и сравнивался с таблицей, для чего бралась поверенная линейка ГОСТ 17435 (точность измерения до 0,1 мм), и прикладывалась на следы. В расстояние 0,5 мм, вмещалось от 9 до 10 папиллярных линий, что согласно таблице 2.11, стр. 97 указанной в «Справочнике криминалиста-трасолога. Том 1. Гомеоскопия», соответствует взрослому человеку, возраст которого 18 лет и старше (данные даны с учетом современного человека).

Так же, учитывая размер следа при сравнении с таблицей 2.12, стр. 97, указанной в «Справочнике криминалиста-трасолога. Том 1. Гомеоскопия», можно сделать вероятный вывод о том, что пол мастера, отминавшего фигурку КОИВ-Б-02 № 311, женский.

На фрагменте терракотовой фигурки КОИВ-Б-02 №418 (2), с оборотной стороны, на одном из краев отобразились два вдавленных следа (слева направо). Первый след имеет в своем отображении плавно изогнутые потоки папиллярных линий, частично дистальной зоны, второй след имеет в своем отображении плавно изогнутые потоки папиллярных линий, частично дистальной зоны.

Учитывая размеры следов, их форму, направление и крутизну потоков папиллярных линий, можно сделать вывод о том, что два следа оставлены ногтевой фалангой пальца руки.

Признаки строения папиллярного узора в описанных выше следах, в виде начал, окончаний, слияний и разветвлений, фрагментов папиллярных линий отобразились относительно полно и четко, и в своей совокупности с общими признаками (формы и размеры следов, направление и крутизна потоков папиллярных линий) индивидуализируют узоры, что дает основание признать два следа пальца руки, отобразившиеся на оборотной стороне фрагмента фигурки КОИВ-Б-02 № 418 (2), пригодными для идентификации по ним личности.

Дальнейшим исследованием, учитывая взаимное расположению

следов на предмете, предположительный захват предмета мастером во время лепки, и фиксации следа пальца руки на последний момент лепки, можно отследить механизм образования следа и сделать вывод о том, что оба следа, отобразившиеся на фрагменте терракотовой фигурки КОИВ-Б-02 № 418 (2), вероятно, оставлены большим пальцем правой руки.

Для определения предположительного возраста мастера, выполнившего лепную фигурку КОИВ-Б-02 № 418 (2), просчитывался гребневой счет папиллярных узоров, следов пальца руки и сравнивался с таблицей, для чего бралась поверенная линейка ГОСТ 17435 (точность измерения до 0,1 мм), и прикладывалась на следы. В расстояние 0,5 мм вмещалось от 9 до 10 папиллярных линий, что согласно таблице 2.11, стр. 97 указанной в «Справочнике криминалиста-трасолога. Том 1. Гомеоскопия», соответствует взрослому человеку, возраст которого 18 лет и старше (данные даны с учетом современного человека). Предположительный пол мастера установить не представляется возможным ввиду не полного отображения следов пальца руки.

Таким образом, в результате проведенного исследования, можно сделать следующие выводы. Обе фигурки изготовлены взрослыми людьми. Статуэтка Афродиты изготовлена женщиной. Исследуемые отпечатки оставлены большими пальцами, что обусловлено технологией изготовления терракот в форме.

Даже при таком, пока небольшом количественном результате, есть очевидные перспективы исследования коропластики с применением метода дактилоскопии. При накоплении и пополнении базы отпечатков станет возможным проследить половозрастные характеристики мастеров, а также передачу навыков изготовления предметов коропластики по женской или мужской линиям.

Создание общей базы данных отпечатков пальцев античных мастеров сделает возможным установление принадлежности разных предметов одному мастеру. Это способствовало бы уточнению авторства тех или иных предметов, местоположения мастерских коропластов, основных направлений торговых отношений Европейской и Азиатской частей Боспора, а также объемов поставок изделий коропластики (Котина, Суворова, 2017).

Необходимо также отметить информативность для исследования именно фрагментированных статуэток, на которых отпечатки пальцев могут быть выявлены и зафиксированы. Кроме того, выявление тождественных отпечатков на атрибутированных предметах и на фрагментах

терракот, атрибуция которых затруднена или невозможна, даст дополнительные возможности для датировки последних в случаях, когда сравнительно-типологический метод не применим.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И., Ачкинази И.В. Раскопки зольника римского времени у подножья горы Митридат в Керчи // Боспорские чтения. Керчь, 2003.

Ачкинази А.И. Фрагменты терракотовых статуэток из раскопок зольника эсхара и святилища римского времени в Керчи // Боспорские чтения. Керчь, 2004.

Ильина Т.А. Проблемы исследования античной коропластики Боспора: опыт комплексного анализа материалов святилища на Майской горе близ Фанагории // Автореф. дисс. на соискание уч. ст. к.и.н. М, 2008.

Котина А.В., Суворова Н.И. Применение методов дактилоскопии в исследовании античной коропластики Европейского и Азиатского Боспора (постановка проблемы, перспективы решения) // Боспорские чтения. Керчь, 2017.

Криминалистика: Учебник / Под ред. А. Г. Филиппова. 2-е изд., перераб и доп. М.: Спарк, 2000.

Лазарев Н.В., Серго С.В., Суворова Н.И. А Мастер кто? (По материалам дактилоскопического исследования терракоты Танаиса) // Боспорские исследования. Керчь, 2016. Вып. 32.

Пругло В.И. Статуэтки из Мирмекия. Терракоты Северного Причерноморья. Терракотовые статуэтки. САИ. Ч. I. Г1-11. М.: Наука, 1970.

Усачева О.Н. Терракотовые статуэтки из кургана вблизи Кеп // КСИА, 1983, №174.

Финогенова С.И. Античные терракотовые маски Северного Причерноморья // СА, 1990, №2.

Финогенова С.И. Терракоты Пантикапея из раскопок последних лет // Археология и искусство Боспора. Вып. 10. М., 1992.

Шевченко А.В. Терракоты античного Херсонеса и его ближайшей сельской округи. Симферополь, 2016.

Michałowski K. Mirmeki. Wykopaliska odcinka polskiego w r. 1956. Warszawa, 1958.

Summerer L. Hellenistische Terrakotten aus Amisos. Stuttgart, 1999.

Winter Fr. Die Antiken Terrakotten. Berlin und Stuttgart, 1903.

КРАМАРОВСКИЙ М.Г.
(Гос.Эрмитаж, С-Петербург)

СОЛХАТ: ОТ ЯМА К ГОРОДУ (ЭТАПЫ РОСТА И ВЕКТОРЫ КУЛЬТУРЫ)

1.0. Солхат / Крым (XIII-XVвв.) - золотоордынский город, не имевший ни античного, ни раннесредневекового прошлого. Город вырос в безымянной долине на востоке Внутренней Крымской гряды у северо-восточного подножия горы Агармыш,[1] являющейся самой восточной из крымских плато. К северу за отрогами Агармыша лежат степи Северо-Восточной Таврики. Место нового центра на карте полуострова косвенно указывает на содержание его коммуникативной функции - быть связующим звеном между крымским предгорьем и северо-западом Дешт-и Кыпчак (через степной коридор у Перекопского перешейка). По-видимому, одна из главенствующих задач нового центра, состояла в организации контроля и получении таможенных сборов от прохождения торговых караванов, следующих из Северного Причерноморья в сторону ханского домена в Поволжье и дальше - через Ургенч по направлению к Северному Китаю. При маршрутах в обратном направлении (из Северного Китая к Поволжью и дальше к морским причалам Крыма), роль Солхата оставалась неизменной.

1.1. В своем становлении Солхат/Крым прошел несколько этапов. Догородскую стадию – составили два археологически не фиксируемых периода - почтового яма и поселения деревенского типа – «ḳарйа» (арабск.). Оба, тем не менее, дошли в отголосках памяти ближневосточных соседей-современников. О первом мы узнаем из арабской компиляции египтянина ал-Муфаддала (1265 г.) [История I, 2005: 150], отметившего сменных лошадей йулак/юлак у правителя Солхата Таюк'и (Табук'и).

[1] *Агармыш (с тюркского – Седой) является самым восточным из крымских плато. Его длина ок. восьми километров, высота 723 м. Другое название горы – Большой Агармыш; массив Большого Агармыша включает еще две горы поменьше – Таз-Агармыш (Лысый Агармыш) и Малый Агармыш.*

Лошали йулак, как известно, предназначались для ямской гоньбы на маршрутах монгольской конно-почтовой службы. Ямы (их называли «таян ям», от тюрк. jam) предназначались в первую очередь для обслуживания ямчинов (от тюрк. gamçi - почтовый гонец) и верховых курьеров-улаачинов, но система ямской службы использовалась и для перемещения грузов, включая продукты натурального налогообложения. Инфраструктуру яма составляли жилища (вероятно, юрты) для отдыха и ночлега послов, гонцов, и других чиновников. Здесь же размещался резерв повозок, запасы продовольствия, какое-то количество животных – овец, дойных кобыл, упряжных волов для грузовых перевозок и фураж для их содержания. Почтовые лошади занимали в организации яма центральное место. В Северном Китае, как свидетельствует Марко Поло, на каждой станции (уртоне, монг.) содержалось от трехсот до четырехсот сменных лошадей, предназначенных для гонцов. Оптимальным считалось расстояние между станциями в 25 миль (около 40 км). По наблюдениям акад. В.Б. Базарова, «…дорогу в одном уртоне обслуживали обычно не менее 20 тысяч человек» [Базаров 2014:34].

Уртонная (почтовая) служба была учреждена в период общемонгольского единства великим ханом Угедеем в 1235 г.[2]

1.2. Ям, расположенный на границе ландшафтной зоны предгорья с Великой степью, являвшийся к тому же в ряде случаев начальным этапом выхода в Приазовье, косвенно указывает на его роль в создании ядра поселения, из которого вырос город. Первое упоминание ямской повинности в Золотой Орде датируется августом 1267 г. и связано с ярлыком Менгу-Тимура об освобождении русской православной церкви от уплаты дани. К 1333 году восходит свидетельство о существовании почтовой линии Солхат/Крым - Азак с 18-ю промежуточными станциями-ямами [История I, 2005, с. 212].

2.1. Временные границы отрезка «эмбрионального» этапа Солхата, с учетом поселенческого периода, известного по арабскому нарративу как ḳарйа, определяются в рамках конца 1230-х - начала 1270-х годов. Поразительны темпы формирования города, для чего понадобились усилия всего двух поколений его насельников. Причина - присутствие в рамках кочевнического уклада стимула к инновационному ускорению в развитии оседлого поселения, подтолкнувшего созревание городского статуса Солхата. Полагаю, им стал административный ресурс регионального центра, нацеленный на получение таможенных прибылей с одного из начальных маршрутов средиземноморской торговли.

2.2. В реальной жизни пусковым механизмом и условием перехода Солхата от рядового поселения к городу, как это обычно и происходило, стало формирование рынка. Его индикатором выступает чекан монетным двором «Крым» медных пулов в период правления Менгу-Тимура (1267-1280). Речь идет о монетах 674 г.х.=1275/1276 и 679 г..х = 1280/1281 [см.: Лебедев 2000, табл. «Медные монеты Крыма XII-начала XIV вв.», особенно, монеты № 2 и № 5]. Подчеркну значение монетной меди как признака локализации местного рынка, в то время как номиналы, на которые в Золотой Орде велась крупная торговля (саумы двухсотграммового стандарта или данги), дают представление лишь об акте успешного торга. Исследование местных медных монет послужило основанием для наблюдения о «…существовании двух центров монетного производства <… > - монетных дворов Крым (Ордубазар?) и Крым (Солхат) [Сидоренко 2017: 85-86]. Работа в Крыму этих центров прослеживается на материалах времени правлений Менгу Тимура (665-679 гг.х.), Туда Менгу (679-685 гг.х.) и Тулабуги (686-690 гг.х.).

2.3. По-видимому, после 679 г.х. = 1280-1281гг. заканчивается этап деревенского существования поселения и с формированием устойчивого рынка Солхат вступает в период полноценной городской жизни.

Первое упоминание Солхата/ Крыма как города в нарративных источниках относится к 734 г.х. = 1333-34 гг. и принадлежит арабскому путешественнику Ибн-Баттуте, назвавшего его «городом Кирам» [История 2005: 209]. Арабский автор 2-ой пол. XIV в. ал-Калкашанди (1355-1418) характеризует Крым/Солхат уже как ставку главы Правого крыла Золотой Орды [Григорьев, Фролова 2002:.265].

3.1. Солхат изначально складывался как населенный пункт, в котором монголы и тюрки, прошедшие этап седентаризации, мигранты из Византии, Восточной Европы, стран Ближнего Востока и Малой Азии, Великой Армении и Киликии, из Италии, преимущественно, Лигурии или Генуи, по разным причинам, оказавшиеся в Крыму, образовали многосоставное неоднородное культурное пространство оседлого поселения. Естествен-

[2] *Согласно «Сокровенному сказанию», система конно-почтовой службы в империи была учреждена Угэдеем в 1235 г. «Юань-ши» - официальная история династии Юань, относит учреждение уртонной службы на шесть лет раньше – см.: Базаров 2014: 34-35. Рубрук указывает на отличие великоханского от золотоордынского управления ямами. При дворе Бату он отметил диференциацию ямов по направлениям посольских миссий, что позволяло держать посланников в изоляции друг от друга. Но, в тоже время, при дворе Менгу все посольства находились под управлением одного яма [Рубрук 1957:.143]. О ямской гоньбе в Золотой Орде - см.: Spuler 1965: 409—415; Шпулер 2016: 407-412.*

но, что «национальные» маркеры в таком полиэтническом ландшафте вынужденно отступили перед маркерами исповедальных групп, легитимно существующих в рамках мировых религий.

3.2. В условиях интегративного пространства, порожденного чингисидской глобализацией, каждая из городских общин – христианская, иудаистская и исламская - были не только неоднородны этнически и культурно, но, еще и гетерогенны конфессионально. Так, христианская община объединяла представителей несторианства, византийского православия, католичества и григорианства [Малышев 2013:142-165; Крамаровский 2017б: 394-406]; иудаистская – состояла из представителей раббанитов и караимов [Кизилов 2011:91-243; Ахиезер 2015:24-39], в мусульманской общине, где доминировали монгольские и тюркские реалии, сложилось суннитское большинство с четырьмя мизхабами (богословско-правовыми школами) - маликитским, шафиитским, ханафитским и ханбалитским [Крамаровский 2015: 299-309]. Этническую основу исламской общины составили перешедшие к оседлости представители элит монгольских родов кыят и найман, и потомки тюрок-кыпчаков; во 2-ой пол. XIII ст. в их ряды влились сельджукские переселенцы из Анатолии [Крамаровский 2009: 395-431; Крамаровский 2017: 58-61].

4.1. Не входя в детализацию проблем культуры отдельных общин Солхата отметим все же, что городские центры Золотой Орды были вызваны к жизни заинтересованностью имперских элит в успешном инфраструктурном обслуживании рыночных очагов как на основных артериях ВШП, так и их маргинальных маршрутов.

4,2. Модель «степных городов» не была изобретением чингисидской эпохи. Вопреки тому, что город для кочевника всегда символ чуждой цивилизации, сама парадигма взаимодействия степи и городов имеет объективный характер и насчитывает многовековую историю. Так, для семитов-набатеев (III до н.э. -106 г. н.э.), например, эту функцию выполнял рынок столичной Петры в долине Вади-Муса (Иордания) [Шифман, 2007]. Кочевники-набатеи контролировали караванные пути, по которым из Персидского залива и Йемена через Аравийскую пустыню в Дамаск и Петру шла торговля пряностями, благовониями, шелком, драгоценными металлами и асфальтом. Важную статью доходов, как представляется, составляла и дождевая вода из цистерн, сбор которой в аравийской пустыне велся короткими зимами. Память о набатейской торговле, благодаря компедиуму Иосифа Флавия, отразилась даже в китайских источниках о Шелковом Пути].

4.3. Спустя тысячелетие основные черты этой модели повторились в условиях империи Чингисидов. На всем протяжении ВШП от Северного Причерноморья до Центральной Азии во 2-ой пол. XIII – нач. XIV вв. уже на ранней стадии в рамках империи вырастают многие десятки городских центров, предназначенных обслуживать торговые интересы кочевнических элит Золотой Орды. Не исключено, что в каких-то из них, особенно в регионе золотоордынского Поволжья, мог повториться исторический путь Солхата, но их уртонный период нам неизвестен.

4.4. Эти «степные города» (термин Г.А.Федорова-Давыдова) обладали рядом общих черт. Среди них назовем отсутствие городских стен, нетрадиционную планиграфию городской застройки, доминирование этнически пестрого населения, отражающего процессы чингисидской глобализации в масштабах Pax Mongolica, религиозно-исповедальный принцип в организации жизни общин, доминирование исламского выбора в городах Джучидов и пр.

5.1. Что касается Солхата, следует отметить связь городской культуры со сменой в Таврике/Крыму византийской парадигмы на чингисидскую, но еще и большой вклад малых миграций из стран исламского и христианского Востока и Малой Азии в формирование его облика.

5.2. Для истории Солхата одним из базовых инновационных векторов является воплощение новой для полуострова системы водоснабжения, основанной на соединении характерного для зоны предгорья сбора карстовых водных ресурсов с центральноазийской системой кяризей]. Существенно, что речь идет о единой системе водопользования в рамках всей городской застройки площадью не менее 220 га.

ЛИТЕРАТУРА

Ахиезер 2015 –Ахиезер, Голда. Завоевание Крыма Российской империей глазами караимских хронистов. Иерусалим; Москва. 2015;

Базаров 2014 – Базаров Б.В. Коммуникации и связь в Монгольской империи // ж. «Власть», №10, 2014, М.;

Григорьев, Фролова 2002 – А.П.Григорьев, О.Б.Фролова. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник 2001. Золотая Орда и ее наследие. М. , 2002;

История I, 2005 – Из сочинений Ал-Муфаддаля // История Казахстана в арабских источниках. Т.I. Сборник материалов, относящихся к исто-

рии Золотой Орды. Извлечение из арабских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузеном. Переработанное и дополненное издание. Алматы, 2005;

Кизилов 2011 – Кизилов, Михаил. Крымская Иудея. Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен до наших дней. Симферополь, 2011;

Крамаровский 2009 – Крамаровский М.Г. Религиозные общины в истории и культуре Солхата XIII-XIV вв. //Archeologia Abrahamica. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М., 2009;

Крамаровский 2015 - Крамаровский М.Г. Крым и Дашт-и Кипчак в XIII-XIV веках // «Подарок созерцающим». Странствия Ибн Батуты. Каталог выставки. СПб., 2015;

Крамаровский 2017а- Крамаровский М.Г. Анатолийская диаспора и городские культуры Солхата // « Исторические, культурные, межнациональные и религиозные связи Крыма с Сирией и государствами Ближнего Востока» (Севастополь, 6-8 июня 2017 г.). Тезисы докладов, М., 2017;

Крамаровский 2017б – Крамаровский М.Г. О христианских конфессиях Солхата в XIII-XIV вв. (предварительное сообщение) // Материалы по археологии и этнографии Таврики. Вып. XXII. Симферополь;

Лебедев 2000 – Лебедев В.П. Каталог монет Крыма всоставе Золотой Орды (сер.XIII-XV вв.)// Вестник Одесского музея, 2000;

Малышев 2013 – Малышев А.Б. Христиане и христианство в среде золотоордынской аристократии // Чингисиды и их западные соседи. М.. 2013;

Рубрук 1957 – Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Редакция, вступительная статьяи примечания Н.П.Шастиной. М., 1957;

Сидоренко 2017- Сидоренко В.А. Посольство 1263 г. мамлюкского султана в Крыму и монетная чеканка крымских улусов Золотой Орды // « Исторические, культурные, межнациональные и религиозные связи Крыма с Сирией и государствами Ближнего Востока» (Севастополь, 6-8 июня 2017 г.). Тезисы докладов, М., 2017;

Шифман 2007 - Шифман, Илья. Набатейское государство и его культура. Из истории доисламской Аравии. СПб., 2007. – 208 с.;

Шпулер 2016 – Шпулер, Бертольд. Золотая Орда. Монголы в России. 1223-1502 гг. / Перевод и комментарии М.С.Гатина. Казань, 2016.

Spuler 1965 - Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland, 1223-1502. 1965.

КРАСНОДУБЕЦ Е.М.
(ГМЗХТ, Севастополь)

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ СОЮЗА В ИЗОБРАЖЕНИЯХ НА ЛИЧНЫХ ПЕЧАТЯХ ИЗ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО И ЕГО ОКРУГИ

Одним из наиболее распространенных сюжетов среди изображений на античных печатях в коллекции музея-заповедника «Херсонес Таврический» является т. н. «dextrarum iunctio» (рукопожатие), символ заключения соглашения, воплощающего в себе суть греческой Гомонии и римских Конкордии (Согласия) и Фидес (Верности) [Bounegru, 2011, p. 87; Hamat, 2014, p. 66; Spier, p. 124, № 327; p. 142, № 394].

Культ Гомонии (ὁμόνοια), олицетворяющий абстрактную идею единства-«политического согласия», становится популярным с IV в. до н. э. [Lotz, 1999, p. 177, 179]. Конкордия – римская версия культа Гомонии, была интегрирована в римскую религию еще в IV – начале III вв. до н. э., однако настоящую популярность она приобрела в контексте пропаганды императорского культа с конца I в. до н. э. [Hamat, 2014, c.65; Lotz, 1999, p. 181, 186]. С этого времени гомония, охватывая все сферы личной и общественной жизни, становится большим, нежели политическая добродетель: дружбой и гармонией, которая существовала между супругами, между братьями и между друзьями, между гражданином и правителем [Dio Ch., Or., 38, 11, 15].

Изображение Гомонии-Конкордии, аналогичное образу богини на реверсах римских монет кон. I в. н. э. – первой четверти III в. н. э., сохранилось в оттиске (d 1,4 см) металлического перстня на грузиле (№ 30820) из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича (рис. 1, 1) (h 6,4; осн. 4,2 х 4,4 см): лицо в профиль вправо, волосы собраны в узел; черты лица крупны: прямой нос и выдающийся подбородок; в правой руке держит рог изобилия, в левой, вытянутой вперед – патеру.

Иконография перстней с «dextrarum iunctio» включает два вариан-

та: представление пары мужчины и женщины и более поздний, появившийся в конце I в. до н. э., – одних лишь двух рук [Hamat, 2014, p. 66]. Корни этого образа, известного с V в. до н. э. [Spier, 1992, p. 39, № 67], лежат в основе связи искусства с политическими идеалами: полис часто проявлялся в изобразительном искусстве в образе юной женщины в сопровождении мужчины, символизирующего демос [Novakova, Gucik, 2014, p. 268–269].

Фрагмент щитка и шинки бронзового перстня-печати (кол. № 36560/41) (0,6 x 0,5; d 1,8 см). Происходит из раскопок могильника «Совхоз № 10» в 1961 г. Схематичными штрихами изображены две условные стоящие фигуры: правая вытянутой рукой соприкасается с левой, по обеим сторонам – по три точки, расположенные вертикально в ряд (рис. 2, 1). Этот перстень относится к выделенной В.С. Щербаковой группе перстней херсонесского производства ок. III в. н. э. [Щербакова, 1986, с. 65; Щербакова, 2000, с. 50]. Перед нами своеобразное повторение популярного сюжета в особенной манере, не имеющее аналогий [Щербакова, 2000, с. 50, 54]. Сопутствующий материал (каменный ящик VII, урна-оссуарий 18): краснолаковая посуда, нож, пряслице, деталь ременного набора, украшения: серьги, бусины, перстни, деталь замка шкатулки [Стржелецкий, 2003–2004, с. 51, 208].

Грузило (№ 30815) (h 7,8 осн. 4,8 x 4,6) с оттиском (d 0,8 см) металлического перстня с изображением пары, держащейся за руки лицом к лицу: женщина (слева) с покрытой головой, как персонификация Пудиции, стыдливости и целомудрия, и мужчина (справа), держащий свободной рукой край тоги (рис. 1, 2). I–II вв. н. э. Из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича в 1900 г. Оттиск того же перстня, но худшей сохранности, обнаруживается еще на двух грузилах из дореволюционных раскопок: кол. №№ 35272/200–201 (рис. 1, 3–4) (h 6,5; осн. 4,7 x 4,5; h 7,8; осн. 4,5 x 4,2).

Говоря о перстнях, скрепляющих брачный союз, нельзя не коснуться темы подарков «на память [о любви]» [Максимова, 1957, с. 80], воплощенных в метафорических изображениях руки, касающейся кончика уха, вместилища человеческой памяти [Plin., N.H., IX, 103]. Перстни-амулеты с гравировкой OMONOIA, популярные со II в. до н. э., определенно являются залогом личных чувств [Неверов, 1988, с. 114; Furtwängler, 1896, № 3391–3394, pl. 27; № 8088, pl. 58; Spier, 1992, p. 163, № 452; Walters, 1926, № 3692].

Из раскопок на городище Херсонеса происходит лишь один перстень такого типа (ГЭ, инв. № Х.1899.44). Впрочем, мы располагаем рядом оттисков на ткацких грузилах:

Грузило (кол.№ 35762/237) (h 7,2, осн. 3,4 x 3,2) с оттиском инталии (1,0 x 1,2 см): рука, касающаяся мочки уха и надпись, из которой четко читаются три буквы: OMN (рис. 1, 5). Сокращение формулы Μνημονεύε μοῦ της χάλης ψύχης [Неверов, 1988, с. 112–114, № 246–248; с. 148, № 391–392]. Происходит из раскопок Г.Д. Белова на Северном берегу Херсонеса в 1936 г.: заполнение подвального помещения-ямы Г внутри помещения «л-п-с-р» (дом II) [Белов, 1938, с. 211]. В отчете Г.Д. Белов пишет об однородности грунта заполнения ямы, что позволяет говорить о единовременности насыпи. Материал преимущественно первой половины II в. до н. э.

Грузило (кол. № 35272/202) (h 7,1; осн. 2,8 x 3,3 см) с фрагментированным оттиском (d 0,9 см) того же или очень похожего перстня (рис. 1, 6). Из дореволюционных раскопок, место находки неизвестно.

Грузило (кол. № 35272/203) (h 6,1; осн. 3,9 x 3,8 см) с четырежды повторенным на боковых и верхней гранях оттиском (d 1,2 см) инталии, лишь на одном из которых читается изображение: изящные запястье и кисть руки, едва касающаяся изображенного над ней уха в несколько преувеличенных пропорциях (рис. 1, 7). II в. до н. э. (?).

К этому же сюжетному типу представляется возможным отнести еще два сильно фрагментированных оттиска на грузилах, на которых лишь частично сохранились изображения ушей:

Грузило (№ 22007) (h. 8; осн. 4,3 x 3,9) со смазанным оттиском (0,8 x 1,0 см) (рис. 1, 8). Из раскопок Р.Х. Лепера в 1909 г. в Северо-Восточном районе городища [Гриневич, 1930, с. 24]. Из материалов контекста сохранились фрагмент бронзовой ручки, оселок и аттический чернолаковый светильник (Howland, тип 32) середины–второй половины III в. до н. э.

Грузило (кол. № 35272/204) (h 5,8; осн. 4,3 x 3,8) с фрагментарным оттиском (0,7 x 0,5 см) (рис. 1, 9). III–II вв. до н. э. Из дореволюционных раскопок.

На перстнях-печатях повторяется один иконографический вариант рукопожатия, окруженного колосьями в упрощенном и схематичном исполнении, без деталировки. Четыре геммы II–III вв. н. э., происходят из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: кол. №№ 36007/11–12, 6208 и 6216 (рис. 2, 2–5). Три из них изготовлены из сердолика, 36007/12 – литик из кобальтово-синего стекла. Также гемма с изображением рукопожатия из Херсонеса хранится в ГЭ (инв. № Х.1905.39).

Два фрагмента перстней со вставками происходят из раскопок могильника «Совхоз № 10» в 1956 г.:

Бронзовый перстень (кол. № 36443/158) со стеклянной вставкой

(0,45 х 0,32 см) зеленого цвета [Щербакова, 1980, с. 99] (рис. 2, 6). Сопутствующий материал (могила № 14): краснолаковый кувшинчик, оселок, бронзовые проволочные браслеты, фибулы, пряжка, стеклянный бальзамарий [Стржелецкий, 2003–2004, с. 207].

Бронзовый перстень (кол. № 36443/237) с сердоликовой вставкой (0,8 х 0,45 см) темно-красного цвета (рис. 2, 7). Сопутствующий материал (подбойная могила № 24): краснолаковая, стеклянная посуда, бусины, пряслица, бронзовые украшения и фибулы [Стржелецкий, 2003–2004, с. 27, 209]. сер. II – III вв. н. э. [Bounegru, 2011, № 141–142].

Фрагмент бронзового перстня (кол. № 37052/19) с круглой расширяющейся к щитку шинкой и светло-зеленым литиком овальной формы (0,6 х 0,8 см). С изображением рукопожатия, двух пшеничных колосьев и мака (рис. 2, 8). Происходит из открытого в 1982 г. Савелей О.Я. и Пахалковым И.П. сарматского могильника Мамай-оба в междуречье Бельбека и Качи в 4,5 км к С-В от пос. Любимовка [Зубар, 1989, с. 74–83]. Инвентарь погребения (подбойная могила № 3): краснолаковый кувшин, железный ключ, гагатовые и стеклянные бусы. I – начало II вв. н. э.

Происхождение подобных печатей, ношение которых скорее символизировало согласие между товарищами или лояльность армии императору, несомненно связано с римским влиянием [Новак, 2006, с. 160; Hamat, 2014, p. 70; Spier, 1992, p. 124, № 327; Furtwängler, 1896, № 8603, pl. 61]. При этом находки перстней, особенно со стеклянными вставками-литиками, в могильниках варварского населения округи Херсонеса свидетельствуют о доступности и все возрастающей популярности украшений с врезными изображениями со II в. н. э.

Таким образом, геммы и оттиски из Херсонеса Таврического, связанные с идеологией гомонии, возможно разделить на три группы: кольца «annulus pronubus», служившие залогом свадебной клятвы или чувства привязанности [Plin., N.H., 33, 4–12; Максимова, 1957, с. 80; Неверов, 1988, с. 148, № 393–395; Hamat, 2014, p. 65, 68]; связанные с армией либо государственной политикой; утратившие свои семиотическую и практическую функции вследствие распространения среди негреческого населения округи Херсонеса.

ЛИТЕРАТУРА

Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935–1936 гг. – Симферополь, 1938. – 349 с.

Гриневич К. Э. Северо-Восточные кварталы Херсонеса Таврического. По данным раскопок Р. Х. Лепера // ХСб / под ред. К. Э. Гриневича. – 1930. – Вып. 3. – 245 с.

Зубар В.М., Савеля О.Я. Новий сарматськиай могильник другої половини I – початку II ст. н. э. в Південно-Західному Криму // Археологія. –1989. – № 2. – С. 74–83.

Максимова М.И. Боспорская камнерезная мастерская. СА, № 4, 1957. С. 75–82.

Неверов О.Я. Античные камеи в собрании Эрмитажа. – Л., 1988. – 191 с.

Новак М.К. вопросу об иконографии гемм и камей из Нов (Нижняя Мезия) // ХСб. – Вып. 15. –2006. – С. 159–164.

Стржелецкий С.Ф. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») / С.Ф. Стржелецкий, Т.Н. Высотская, Л.А. Рыжова, Г.И. Жесткова // Stratumplus. – 2003–2004. – № 4. – С. 27–277.

Щербакова В.С. Бронзовые перстни-печати херсонесского производства II–III вв. н. э. // Археологія. – 2000. – № 3. – С. 49–55.

Щербакова В. С. Каталог античных печатей Херсонеса // НА ГМЗ ХТ. – 1986. – Д. 2746/ II. – 75 л.

Щербакова В.С. Коллекция гемм из некрополя в окрестностях Херсонеса //АДСВ.– 1980. – Вып. 17. –С.94–103.

Bounegru G. Lux, util şi estetic la Apulum. Podoabe şi accesorii vestimentare / G. Bounegru, R. Ciobanu, R. Ota, D. Anghel. – Alba Iulia, 2011. – 132 p.

Furtwängler A. Beschreibung der geschnittenen Steine im Antiquarium. – Berlin, 1896. – 391 p.; 71 pl.

Hamat A.C. Despre dextrarum iunctio şi inelele asosiate cu logodna descoperite pe teritoriul Daciei romane. // Sargetia. – 2014. – P. 61–76.

Lotz J.P. The homonoia coins of Asia Minor and Ephesians 1:21 // Tundale bulletin. – 1999. –Vols. 50, № 2. – P. 173–188.

Novakova L., Gucik L. Powerful figures and images: contribution to personification of polis in hellenistic art. // Iliria International Review – 2014. – № 2. –P. 265–277.

Spier J. Ancient gems and finger rings: catalogue of the collections, the J. Paul Getty Museum. – Malibu, 1992.–184 p.

Tsouvala G. Integrating marriage and homonoia // The unity of Plutarch's work: 'Moralia' themes in the 'Lives', features of the 'Lives' in the 'Moralia'. – 2008. – Vol. 19. – P. 701–718.

Walters H.B. Catalogue of the engraved gems and cameos greek, etruscan and roman in the British Museum. – L., 1926. – 419 p.; 44 pl.

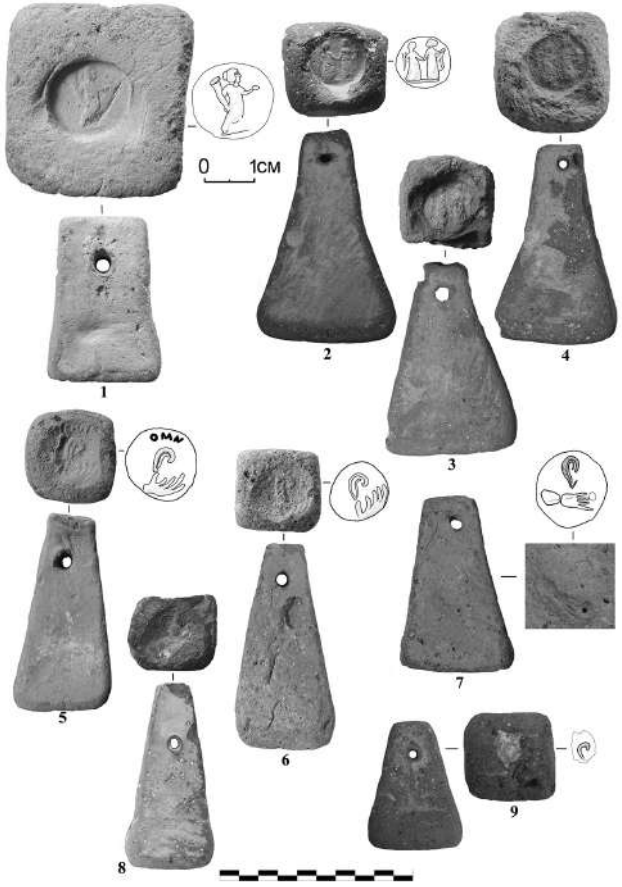


Рис. 1. Грузила с оттисками перстней-печатей

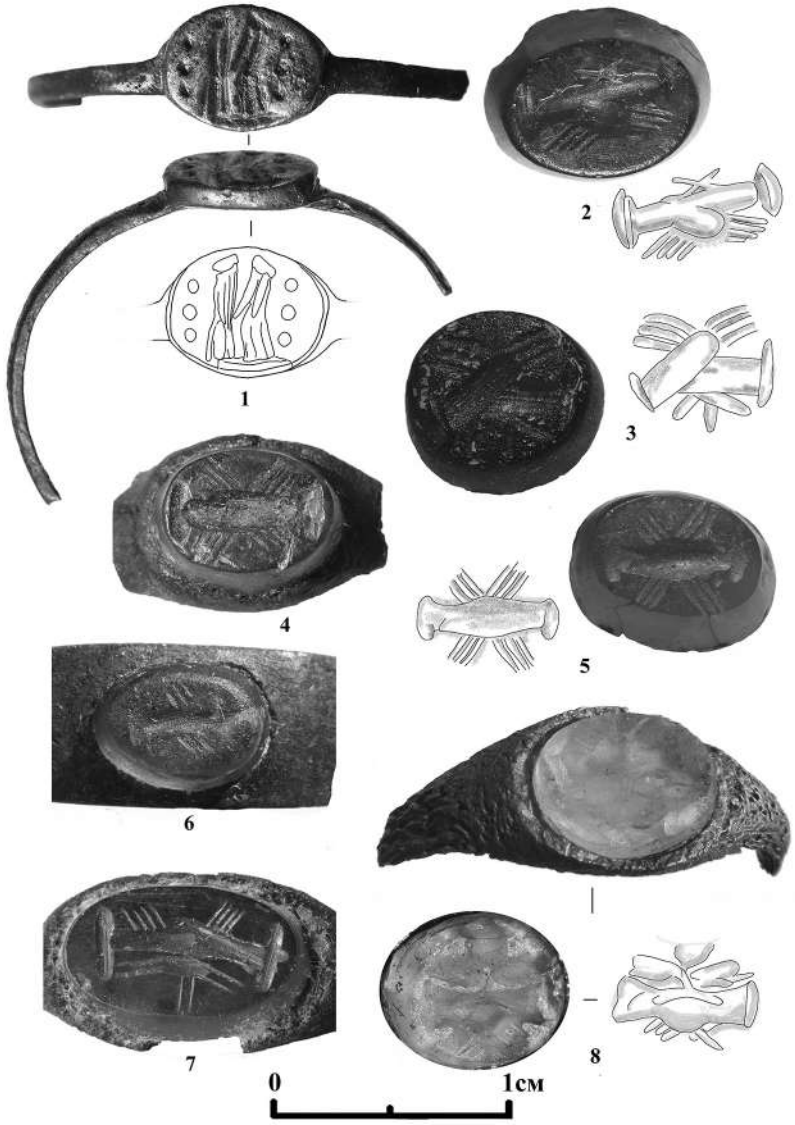


Рис. 2. Перстней-печатей фрагменты с изображением dextrarum iunctio: 1 – бронзовый; 2–8 – инталии. (Фото Зыковой К.В., ФГБУК ГИАМЗ «Херсонес Таврический»)

КУТАЙСОВ В.А., СМЕКАЛОВА Т.Н.
(ИАК РАН, НИЦ ИАК КФУ, Симферополь)

ЭЛЛИНЫ И ВАРВАРЫ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ТАВРИКЕ

Как установлено раскопками, Каркинитида была выведена на западное побережье Крыма вскоре после середины VI в. до н.э. как реакция ионийских полисов на захват персами Малой Азией. Вся историческая традиция, нумизматика и малая эпиграфика связывает названный полис именно со скифами. “Καρκινῖτις πόλις Σκυθική“ – в описании Европы около 500 г. до н.э. в первом географическом атласе Гекатея Милетского [Fr. 153]. Дважды в качестве географического ориентира упомянута Каркинитида Геродотом в связи с географической характеристикой Скифии [Herod., 55, 99]. В первом случае около нее впадает в море шестая река – Гипакирис, во втором – Каркинитида является разделительной точкой между древней Скифией (’αρχαίη Σκυθίη) и гористой страной, населенной племенами тавров. Исключительный интерес представляет частное письмо около 400 г. до н.э. Апатория, в котором упоминается об уплате дани скифам (τελῇ γίνωσκε ἐς τõ(ς) Σκύθας) [Соломоник, 1987]. Скифские этнографические сюжеты по выражению А.В.Орешникова [1892] появляются на монетном чекане Керкинитиды в ионийской огласовке. На монетах времен правления гераклейского тирана Сатира 352 – 345 гг. до н.э. воспроизведен всадник с копьем на низкорослой скачущей лошади и, наконец, сидящий на скале бородатый скиф с секирой в руке 300 – 290 гг. до н.э. [Кутайсов, 2013, с. 136– 145]. После всего сказанного выше у нас не остается сомнений в том, что под варварами, дважды упоминаемыми в Херсонесской присяге, имеются в виду, скорее всего, скифы [IosPE, I², 401]. В первом из названных пассажей варвары логически связаны с Керкинитидой и другими пунктами дорийского полиса.

В камнерезных мастерских Керкинитиды во второй половине IV – начала III вв. до н.э., по всей видимости, по заказу кочевой знати изготовлялась круглая скифская скульптура, которая за пределами Северо- Западного Крыма не известна [Ольховский, 1990, с. 101 – 102; 2005. с. 25, 28]. На протяжении второй половины VI – V и, вероятно, первых трех четвертей IV вв. до н.э. скифских оседлых или полуоседлых поселений в обозначенном районе пока не зафиксировано [Дашевская. 1981, с. 220, 234; Колтухов, 2012, с. 134].

В ближайшем окружении Керкинитиды, на расстоянии 20 – 25 км от древнего города, по главному водоразделу между озерами Донузлав и Сасык- Сиваш, протянулась скифская курганная группа, высотой 5 – 6 и даже 9 м. Из одного разграбленного еще в конце XIX века кургана Чаян-Апан-Сарчи происходит типичный царский набор погребального инвентаря, а именно: золотые обкладка ножен меча, чаша, гривна, браслет или пояс [Shcheglov, Katz, 1991, Щеглов, Кац, Смекалова, Беван 2013]. Все выше перечисленное свидетельствует только о том, что здесь мы имеем дело с царскими погребениями одного из скифских племен. Их экономические интересы были, несомненно, связаны с Каркинитидой-Керкинитидой. Оттуда они получали предметы роскоши и вино из эллинского мира, туда сбывали свою продукцию скотоводства. С большой долей вероятности можно предполагать, что предводители местного скифского племени могли по примеру Скила иметь в городе собственный дом. Ведь трудно сейчас сомневаться в том, что местная элита знала греческий язык, мифологию и понимала культуру, коль скоро они заказывали высокохудожественные произведения с религиозными сюжетами. Ведь не надо сбрасывать со счетом и тот установленный факт, что какая-то весьма скромная по численности

группа скифского и таврского населения постоянно проживало в VI – IV вв. до н.э. в городе о чем красноречиво свидетельствуют встречаемые здесь фрагменты варварской керамики [Кутайсов, 1991]. Это могли быть взятые в жены аборигенки из-за острого дефицита на ранних порах существования колоний слабой половины человечества.

Степной и, отчасти, предгорный Крым густо населены курганами разных эпох. Общее представление о плотности распределения насыпей дает полуверстовая карта конца XIX в. (рис. Т3). Северо-западная часть полуострова является зоной наиболее высокой концентрации курганов не только в Крыму, но и во всем Северном Причерноморье. Здесь находится треть из более 16 тыс. крымских курганов. Свыше половины из них невелики и имеют каменные насыпи-наброски. Они соотносятся с поселениями местного земледельческого населения эллинистической эпохи

[Мульд, Смекалова 2012]. Хотя подобных поселений на Тарханкуте уже известно более ста (рис. 1, 3), до недавнего времени они не были достоянием науки, и были открыты в ходе археологических разведок только в 2007-2012 гг.

Появление этих поселений на археологической карте перевернуло устоявшееся мнение о том, что греки в позднеклассическое и раннеэллинистическое время прибыли в северо-западный Крым на пустующие земли, в которых лишь время от времени кочевали скифы. В настоящее время можно утверждать, что со второй половины IV в. до н. э. здесь сосуществовали три этно-социальные группы: колонисты-эллины (более ранние ионийцы и дорийцы), скифы-номады и многочисленные оседлые земледельцы и пастухи, скорее всего, родственные кизил-кобинцам или таврам.

Другая часть курганов относится к скифским захоронениям; их земляные насыпи более внушительны по величине и, как правило, располагаются на вершинах главных водоразделов. Среди скифских курганов

Северо-Западного Крыма выделяются протяженные многокилометровые группы, вероятно, маркирующие кочевые перемещения того или иного племени. Каждая такая цепочка, по сути, является родовым курганным могильником, растянутым на значительные расстояния. Перекочевки по сезонно повторяющимся маршрутам привели, очевидно, к распространению среди скифов обычая ежегодного поминовения предков, захороненных под той или иной курганной насыпью. Таким образом, свидетельством скифской принадлежности курганов являются заупокойные тризны, располагающиеся у их подножья.

ЛИТЕРАТУРА

Дашевская О.Д. О скифах Северо – Западного Крыма в период греческой колонизации // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации // ДСППВГК. – Тбилиси: Мецниереба – 1981. – С. 218 – 227.

Колтухов С.Г. Скифы Северо-Западного Крыма в VII – IV вв. до н.э. (погребальные памятники) // Археологический альманах. 27. – Донецк: “Донбасс”, 2012. – 268 с.+ 2 илл.

Кутайсов В.А. Население Керкинитиды // Проблемы археологии Крыма. – 1991. – Вып.1. – С. 73 – 75.

Кутайсов В.А. Античный полис Куоркинитида. – Симферополь: ”Феникс”, 2013. – 400 с.

Мульд С.А., Смекалова Т.Н. Каменные курганы на полуострове Тарханкут. – Симферополь: ”Доля”, 2012. – 182 с. (Материалы к археологической карте Крыма. Вып. VI. Часть 1).

Орешников А.В.Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья. – М., 1892. – 39 с.

Соломоник Э.И. Два античных письма из Крыма / Э.И. Соломоник // ВДИ. – 1987. – № 3. – С. 114 – 131.

Ольховский В.С. Скифские изваяния Крыма// Проблемы скифо – сарматской археологии. – М., 1990. – С. 98 – 115.

Ольховский В.С. Монументальная скульптура Крыма V – III вв. до н.э. // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С.Ольховского. – М., 2005. – С. 21 – 29.

Щеглов А.Н., Кац В.И., Смекалова Т.Н., Беван Б. Курганы скифской знати в Западном Крыму – Симферополь: ”Феникс”, 2013. – 102 с. (Материалы к археологической корте Крыма. Вып. XI).

Shcheglov A.N. Katz V.I. A Fourth–Century b.c. Royal Kurgan in the Crimea // The Metropolitan Museum Journal. – 1991. – № 26. – P. 97 – 122.

ЛАВРОВ В.В.
(ИАК РАН, Симферополь)

ПОЯВЛЕНИЕ В ТРАДИЦИОННОМ КЕРАМИЧЕСКОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ОСМАНСКИХ КУРИТЕЛЬНЫХ ТРУБОК: ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

В отличие от другого археологического материала, внимание к курительным трубкам стало уделяться лишь во второй половине XX в. Все же к настоящему времени накопился определенный объем научной литературы, которая освещает вопросы производства курительных трубок, а также их хронологии и интерпретации. Перед тем, как приступить к анализу данной литературы, необходимо указать на проблемы, которые возникают во время изучения трубок. Зачастую при работе с керамическим материалом исследователь визуально определяет морфологию изделия и состав теста, а затем относит его к какой-либо группе или типу. При изучении курительных трубок определить состав теста весьма затруднительно по ряду причин: 1) для изготовления этих изделий использовалась хорошо промученная глина, без явных примесей; 2) в виду назначения изделия и его толщины, в изломе трубка может иметь пережёный черепок. Соответственно для разработки типологии в первую очередь нужно делать упор на морфологию изделий, но и здесь есть свои сложности. Учитывая большое разнообразие фасонов и орнаментов, и разницу формовочных масс можно предположить, что центров производства данной группы изделий было на порядок больше, чем других групп керамического материала. Трубки могли производится массово в больших центрах, и кустарно в «домашних» условиях, причем мастер, возможно, производил реплики известных «брэндов» и выполнял индивидуальные изделия на заказ, причем из разной формовочной массы. Предположить даже примерное количество фасонов не является возможным. Все эти факторы существенно усложнили работу исследователей, которые попытались в своих научных трудах найти решения вышеперечисленных вопросов.

Болгарские исследователи [М. Станчева, Ст. Медарова, 1968; М. Станчева, 1972] были одними из первых, кто уделил внимание глиняным курительным трубкам. В публикации М. Станчевой [М. Станчева, 1972] описана коллекция трубок из Варненского музея. В работе В. Илчевой [В. Илчева, 1975] сделана одна из первых классификаций трубокна основе 133-х изделий из раскопок в Велико Търнова.В целом, в работе рассмотрены главные вопросы, связанные с курительными трубками: принципы производства, морфология изделий, состав теста, клейма.Но, к сожалению, в работе существуют некоторые недостатки: во-первых отсутствует датировка, во-вторых для определения изделия в тип (автор выделяет 6 типов.) используется несколько критериев – морфология, состав теста и орнаментация, а мастер мог использовать разную глину и разнообразный набор инструментов для декора.

Важной фундаментальной работой в этой области является публикация Дж. Хейса [Hayes, 1980]. Первым делом автор определил нижнюю границу распространения табакокурения, соответственно появления трубок, не ранее начала XVII вв. Табак, согласно турецким источникам, попал в империю приблизительно в 1605 году, и эта привычка очень быстро распространилась. И даже под страхом смертной казни после запрета курения в 1633 году, который продлился до 1650 года, остановить табакокурение было уже невозможно. Однако по мнению Дж. Хейса, именно запретом курения объясняется малое количество трубок в контекстах раннее конца XVII в. В работе была сделана предварительная типология турецких трубок на основе более чем тысячи находок из Сарачана. Автор выделил 27 типов, указывая, что изделия из серой (светлой) глины более ранние, чем из красной. Принцип классификации основан на разнице фасонов (морфологии) изделий. Хронологические рамки Дж. Хейс оставил достаточно широкие, хоть и разделил трубки на ранние типы [Hayes, 1980, с. 4 – 8], отнеся их к XVII – XVIII вв., и поздние – XIX в. Данная работа является важным опорным исследованием: автор выделил нижнюю границу распространения трубок, и что самое главное – классифицировалих исключительно по фасону. Но, к сожалению,по рисункам в таблице и их описанию сложно провести аналогии, а отсутствие контекста находок не позволяет точнее датировать трубки.

Р. Робинсон [Robinson, 1983] были сделаны интересные предположения о происхождении трубок «османского типа». Автор считала, что Сэр Джон Хокинс,курсируя на своих кораблях между Новым Светом и Африкой, использовал для курения трубку с коротким стволом, куда вставлял трост-

ник [Robinson, 1983, с. 150 - 151]. Определено пять особенностей ранних изделий. Р. Робинсон, также как и Хейс считает, что сероглинянные трубки более ранние. Далее высказывается идея, что в начале XVII в. табак был очень редким и соответственно дорогим продуктом, первые трубки «Старого Света» были маленькими, это касается изделий и «европейского», и «османского» типов. Третья определяющая особенность ранних трубок, по мнению автора, это маленький канал в гнезде – около 7 мм. Четвертая – небольшое количество трубок ранее XVIII в. отмечено клеймом мастера. Пятая – «ранние трубки не имеют красивого соединения между стволом и чашечкой, которое называется килем» [Robinson, 1983, с. 161 - 162].Трубки из раскопок Коринфа и Афинской агоры в каталоге представлены лишь в фотографиях, без рисунков, но автор уточняет место находок планами и стратиграфией, что делает работу Робинсон весьма полезной для выявления аналогий и уточнения хронологии предметов.

Отдельно стоить отметить исследование Ф. Госсе [Gosse, 2007], в котором обработана большая коллекция курительных трубок с о. Помег (Марсель, Франция), и сделана их классификация. Основываясь на морфологии изделий, автор выделяет типы по географическому принципу: по вероятным центрам производства – египетский, турецкий, греческий, венгерский типы и т.д. Возможны смешанные типы – греко-венгерский, египетско-турецкий. Огромный материал, представленный в исследовании, дает хорошую основу для поиска аналогий. Но колоссальное количество типов и вариантов изделий и отсутствие сводной таблицы существенно затрудняет работу с данной классификацией на практике. К тому же, остаются неясными принципы типологии: в работе есть типы основанные по географическому принципу (турецкий, египетский и т.д.), а также по морфологическому (лилиевидный, сумковидный и т.д.) [Gosse, 2007, с. 187 - 197].

В. Тодоровым разработана типология трубок на основе коллекции из Силистры [Тодоров, 2010]. В своей классификации автор детально рассматривает морфологию изделий и на ее основе выделяет XIV типов. Исследователь делит трубку на две, три или четыре части, в зависимости от формы, и на основе их комбинаций выделяет типы. Поперечное сечение трубки, утолщение гнезда или края, дают вторичные признаки, которые формируют подтип. Декор на изделии образует вариант. Эта классификация является наиболее удобной для работы на практике, но она охватывает вариации изделий характерных лишь для данного региона.

Важной в хронологическом аспекте является работа В. Бикич [V. Bikic, 2003]. Исследование посвещено керамике из раскопок Белграда XVI – XVII вв. Выделяя слои османского времени, автор определяет их верхнюю границу – 1688 г. Всего было выявленно 12 типов трубок, из которых четыре датированы широко – XVII в., а остальные восемь имеют более узкие хронологические рамки и отнесены ко второй половине XVII в.Относительно датировки изделий есть некоторые сомнения – указанные в работе курительные трубки на других памятниках характерны скорее для XVIII в.[Тодоров, 2010;Robinson, 1983].

Из отечественных исследований следует выделить работу И. Волкова и Г. Новиковой [Волков, Новикова, 1996] об изделиях из коллекции музея истории г. Москвы. В ней определены фасоны характерные для этого региона. В другой публикации [Волков, 1999] автор высказывает предположение, что трубки «османского» типа зародились самостоятельно: «турецким ремесленникам пришлось создавать собственную технологию, получив лишь самые общие представления о ней от европейцев. При этом могла быть и была заимствована техника штамповки в двусторонних формах. Центральные мастерские долго подражали европейским, используя белую глину; у наиболее ранних турецких трубок самые длинные мундштуки, что также можно расценивать, как подражание европейцам» [Волков, 1999]. В работе детально описывается процесс производства трубок, возможные принципы будущих классификаций. Данная публикация имеет большое теоретическое значение.

Отдельно стоит отметить итоговую работу И. Гусач [Гусач, 2016], посвященную коллекции трубок из раскопок Османской крепости Азак. В каталоге автор предлагает собственную классификацию, где изначально делит трубки на западный (голландские) и восточный («турецкие», итальянские, украинские и условно «европейские») типы. Подавляющее большинство трубок в коллекции «восточного» типа [Гусач, 2016, с. 31-32]. Далее исследователь выделяет четыре разновидности (по месту производства) «восточных» типов трубок: «турецкие (или османские), украинские, итальянские (венецианские) и, предположительно, европейские» [Гусач, 2016, с. 36]. Для первого из них (османского) типа, который составляет приблизительно 80-85% от общего числа изделий, разработана классификация. Структура типологии следующая: автор делит трубки по цвету черепка, затем на группы, далее на подгруппы. Данная работа полезна не только в аспекте изучения курительных трубок, но и для понимания торгово-экономических связей в османский период. Тем не менее в исследовании существует ряд недостатков, которые имеют отношение к

классификации – это отсутствие сводной таблицы и четких критериев для разделения изделий на группы и подгруппы.

Что касается Крыма, то специализированное исследование нашей темы было сделано Д. Алядиновой – публикация коллекции трубок, найденных при раскопках крепости Алустон в разные годы (1981, 1984–1994, 1998 гг.) [Алядинова, 2013, с. 372]. По цвету обожженного черепка трубки разделены на белоглиняные, сероглиняные и красноглиняные, а по конфигурации профиля выделено около 16 типов [Алядинова, 2013, с. 374]. К сожалению, четкие критерии разделения изделий на типы в данном исследовании отсутствуют.

В виду вышесказанного можно резюмировать, что разнообразие фасонов, связанное, очевидно, с большим количеством мест производства курительных трубок, усложнило работу исследователей. На это указывает тот факт, что критерии классификации разнятся и большинство авторов старается ставить широкие временные рамки – XVII-XVIII вв. Тем не менее, изучение данной группы материала крайне перспективно, т.к. массовость находок и огромная вариабильность изделий при детальном исследовании может стать не только важным хроноиндикатором, но и позволит узнать больше о торгово-экономических связях.

ЛИТЕРАТУРА

Алядинова Д., Керамические курительные трубки османского периода из раскопок на территории крепости Алустон // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні: Зб. наук. ст. — 2013. — Вип. 22, ч. 1. — С. 372-378.

Волков И., Новикова Г. Красноглиняные «турецкие» курительные трубки в собрании Музея истории города Москвы. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Москва, 1996. С. 134-152.

Волков И. Частная коллекция «Турецьких» курительных трубок из Москвы. // Материальная культура Востока, Москва, 1999. С. 226-253.

Гусач И. Закрытые комплексы с «турецкими» курительными трубками из Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 18. Азов, 2002. С. 368-389

Гусач И. Археологические исследования на территории турецкой крепости Азак // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 21. Азов, 2006. С. 379-383.

Гусач И. Османские курительные трубки из раскопок в крепости Азак // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні, вип. 22, ч. 1, Київ, 2013. С. 379-383.

Гусач И. Курительные трубки из османской крепости Азак (по материалам фонда Азовского музея-заповедник). Каталог коллекции. Азов, 2016. 360 с.

Илчева В. Глинени лули от Велико Търново // Годишник на музеите от северна България. Книга 1. Варна, 1975. С. 179 – 199.

Станчева М. Колекцйата от лули във Варненския музей // Изв. НМВ, кн. VIII (XXIII).Варна, 1972, с. 82.

Тодоров В. Характеристика на колекцията керамични лули от Силистра // Studia archaeological universitatis serdicensis Supplementum V, (2010). С. 813-826.

Bikic V. Gradska keramika Beograda (16 – 17. v). Beograd, 2003. 187 str.

Gosse Ph. Les pipes de la quarantaine. Fouilles du port antique de Pomegues (Marseille) // The Archeology of The Clay Tobacco Pipe XIX. BAR international series 1590, Oxford, 2007. P. 340.

Hayes J. W. Turkish Clay Pipes: A Provisional Typology // The Archeology of The Clay Tobacco Pipe IV. BAR international series 92, Oxford, 1980. P. 3-11.

Robinson R. Clay tobacco pipes from the Kerameikos // Mittelungen des Deutschen Archaologischen Instituts Athenische Abteilung. Bd. 98. Berlin, 1983. P. 149-236.

Robinson R. Tobacco pipes of Corinth and of the Athenian Agora // Hesperia. Vol. 54, no. 2, april – june, 1985. P. 52-56.

Milošević Br., Topić N. Keramičke lule s lokaliteta Kula Gornji ugao u Dubrovniku // Starohrvatska prosvjeta, III. serja – svezak 38/2011. P. 297-328.

Milošević Br., Topić N. Turkish clay pipes from archaeological excavations in Dubrovnik // Journal of the Academie Internationale de la Pipe, Vol. 5, 2012. P. 17-25.

ЛОБОДА А.Ю[1], АНТИПЕНКОА.В.[2], КОЛОБЫЛИНА Н.Н.[1],
Е.Ю. ТЕРЕЩЕНКО[1,3], ЯЦИШИНА Е.Б.[1]
(1 НИЦ «Курчатовский институт», Москва;
2 НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь;
3 Институт кристаллографии им.
А.В. ШубниковаФНИЦ РАН, Москва)

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ДЕТАЛЕЙ[1] КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ В ПРЕДСКИФСКОЕ ВРЕМЯ

ВВЕДЕНИЕ

В 2015 г. в ГБУ РК Историко-археологический музей-заповедник «Неаполь скифский» был передан комплект конского снаряжения, обнаруженный на территории Белогорского района (горный массив Кубалач, между с. Сенное, Некрасово и Богатое) Республики Крым. В состав комплекта входили литые удила со стремечковидными окончаниями грызл, стержневидные псалии (2 экз.), бляшки (17 экз.), пронизи (4 экз.) и петля-привеска (1 экз.). Удила со стремечковидными завершениями в сочетании с псалиями, которые по конструкции сходны с цимбальским типом по класификации А.И.Тереножкина (Тереножкин, 1976, С.149), позволяют отнести весь комплекс к раннему предскифскому времени (IX-VIII в. до н.э.).

Известны исследования других комплектов конского снаряжения данного периода. Например, спектральный анализ сплавов предметов конского снаряжения из киммерийского погребения воина у с.Квитки показал, что основными сочетаниями лигатурных примесей были олово и олово с мышьяком и небольшим количеством сурьмы (Гошко, Ольговский, 1992,С.69—70). Изучение состава металла двух одинаковых наборов деталей конского снаряжения VIII - нач.VII в. до н.э., найденных в насыпи кургана у г. Аксай, методом полуколичественного спектрального анализа

[1] *Авторы выражают благодарность директору ГБУ РК Историко-археологический музей-заповедник «Неаполь скифский» Ю.П. Зайцеву за возможность работать с материалами.*

показало его неоднородность: основными легирующими компонентами сплавов на медной основе было олово 0,5 - 7% при невысоком содержании мышьяка 0,5—2 % и сурьмы (менее 1%) (Мелентьев, 1967, Табл.1). Причем функционально идентичные предметы имели одинаковые рецептуры сплавов, что наблюдалось в составах изделий обоих наборов. Кроме того, было выдвинуто предположение, что однотипные изделия обоих комплектов отливались в сходных по конструкции, но разных формах (Мелентьев, 1967, С.40).

ОБЪЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной работе исследовались: 2 псалия, 9 блях, 1 петля и 2 пронизи.

Псалии (рис.1,а) представляют собой стержень, плавно изогнутый по всей длине, четырехгранный в поперечном сечении с тремя отверстиями, расположенными в одной плоскости. Отверстия в муфтообразных выступах имеют ровные округлые контуры. Окончания стержней оформлены круглыми шляпками, приблизительно равными по диаметру. Бляхи (№1—8, 34) имеют полусферическую форму и снабжены петлей на тыльной стороне (рис. 2,а). Петля (№23), вероятнее всего для крепления повода, имеет шляпку на одном конце и отверстие на другом (рис. 2,с). Бусины-пронизи (№19, 20) прямоугольной формы с тонкими стенками (рис. 2,b).

Целью исследования было выявление технологических особенностей производства изделий комплекта, а также определение и анализ состава лигатуры использованных сплавов.

МЕТОДИКА

Комплексная методика исследования состояла в изучении поверхности изделий методом оптической микроскопии совместно с определением элементного состава металла предметов и последующим сопоставительным анализом полученных данных. Анализ производственных дефектов и следов обработки, оставленных мастером на предмете, позволяет получить информацию о технологиях мастеров древности (Минасян, 2014, С.199).

Изучение поверхности изделий комплекта производилось на оптическом микроскопе Olympus BX51 с камерой Leica DFC420C с увеличением X50.

Анализ элементного состава предметов проводился на двухлучевом растровом электронном микроскопе HeliosNanoLab 600i (ThermoFisherScientific, США), оборудованном энергодисперсионным рентгеновским спектрометром (EDAX, США), позволяющим получать дан-

ные о химическом составе от заданной области и в конкретной точке (Васильев А.Л., Ковальчук М.В., Яцишина Е.Б, 2016). Энергодисперсионный рентгеновский микроанализ (ЭРМ) выполнялся при ускоряющем напряжении в 25 кэВ на предварительно очищенных участках металла.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПТИЧЕСКОЙ МИКРОСКОПИИ

Псалии. На изделиях были зафиксированы дефекты, было установлено, что вся поверхность псалиев, включая отверстия в муфтообразных выступах, заполирована. На псалии 1 обнаружен производственный брак - один конец стержня завершается не шляпкой, а неровной выпуклостью, диаметром чуть больше диаметра стержня (рис.1, a). На ней, а также на внутренней стороне шляпки на другом конце стержня, видны не до конца зашлифованные выступающие наросты и каверны (дефекты в виде полостей). Псалий 2 изогнут, самые крупные дефекты на нем также локализуются на внутренней поверхности шляпок на обоих концах стержня, в частности под одной из шляпок хорошо видны не до конца зашлифованные литьевые швы (рис. 1, b). При сопоставлении псалиев и наложении их изображений становится ясно, что они почти идентичны, за исключением искривления псалия 2 (рис.1, d).

Бляхи. Внешняя поверхность всех 9 блях заполирована. Размер и контуры всех изделий немного отличаются. На внутренней поверхности шляпок и в местах соединения шляпки с петлей присутствуют выступающие дефекты. На петлях всех блях хорошо прослеживаются следы шва литейной формы.

Поверхность пронизей заполирована, края немного деформированы.

Петля сохранила свои контуры, но довольно сильно изъедена коррозией, поэтому анализ дефектов и следов производства затруднен.

ЭЛЕМЕНТНЫЙ СОСТАВ ПРЕДМЕТОВ

Исследование состава сплавов изделий и последующий сравнительный анализ производился с учетом типологической общности групп изделий, сравнивались не единичные объекты, а вариативность составов металла в группах, комплект рассматривался как единый комплекс предметов.

Выбранный метод анализа (ЭРМ) позволяет оценить состав металла с точностью 0,5 вес.%, что достаточно для решения поставленной задачи. При сравнительном анализе сопоставлялись основные компоненты сплава, данные округлялись до целых чисел (таблица 1).

Элементный состав металлических изделий комплекта конской упряжи (в вес.%).																
	1.1	1.2	2.1	2.2	№1	№2	№3	№4	№5	№6	№7	№8	№34	№19	№20	№23
Cu	48	44	56	71	60	66	70	80	68	84	90	60	58	61	39	80
Sn	43	52	37	28	30	25	24	15	25	10	8	32	30	35	49	18
As	-	2	-	<1	8	6	5	5	6	-	3	8	9	1	3	-
Pb	5	-	4	1	-	-	-	-	-	4	-	-	2	-	5	-

Таблица 1.

Элементный состав металлических изделий комплекта конской упряжи (в вес.%).

Состав металла псалиев определялся по двум областям анализа на каждом (рис.1,a-b, табл. 1: 1.1, 1.2, 2.1, 2.2). На рис.1,e представлена гистограмма сплавов. В обоих исследованных объектах содержание свинца колеблется от 0 до 5 вес%, а мышьяк присутствует в следовых количествах (до 2 вес. %). Основной примесью в медном сплаве псалиев является олово, однако его концентрации различны: в псалии 1 – 43-52 вес.%, а в псалии 2 - 28-37 вес.%.

Гистограмма на рис. 2,d представляет данные о составе сплавов блях, пронизей и петли. Свинец присутствует в трех случаях: бляхи №6 и №34 – до 4 вес.%, пронизь №20 – 5 вес.%. Мышьяк встречается чаще, его содержание колеблется от 0 до 9 вес.% в бляхах и 1 – 3 вес.% в пронизях. Олово, как и в составе псалиев, является основным легирующим компонентом и составляет от 8 до 32 вес.% в бляхах и 35 – 49 вес.% в пронизях. Пропорциональных взаимосвязанных колебаний лигатурных компонентов сплава не наблюдается. Также нет стабильного сочетания примесей. В бляхе №6, к примеру, олово присутствует наряду со свинцом, при полном отсутствии мышьяка, а в бляхах №1-5, №7, №8 свинец полностью отсутствует, а олово соседствует с мышьяком. В той же типологической группе предметов присутствует бляха №34, сочетающая в себе все три основные примеси.

ВЫВОДЫ

Характер и локализация дефектов, выявленных на поверхности псалиев и блях, позволяет охарактеризовать их как продукты литьевого производства.

Поверхность псалиев качественно заполирована. Остатки литьевых швов прослеживаются только на труднодоступной для обработки внутренней части шляпок. Их абсолютно идентичные размеры позволяют нам предположить, что псалии были изготовлены в одной разъемной форме.

На петлях блях хорошо читаются литьевые швы. Размер и контуры их шляпок немного различны, что, скорее всего, появилось вследствие механических воздействий при обработке после литья и в процессе бытования предметов. Основной характеризующей особенностью для блях являются контуры и размер петли. Среди исследованных нами 9 блях можно предварительно выделить четыре основные подгруппы. Каждая подгруппа блях, вероятно, изготавливалась в своей форме.

Подгруппа 1	Подгруппа 2	Подгруппа 3	Подгруппа 4
№1, №2, №3, №5	№4	№6, №8, №34	№7

Металл блях почти идентичен в подгруппе 1, а в подгруппе 3 сильно варьируется. В целом, состав блях крайне разнороден. Сплавы отличаются как комбинацией лигатурных примесей, так и их содержанием.

Псалии, при общем низком содержании свинца и следовом содержании мышьяка, значительно – в среднем на 10-15 вес.%, различаются между собой количеством олова в сплаве.

Анализ металла двух пронизей показал высокое содержание олова, что выделяет их из общего ряда изделий. При этом в одной из пронизей (№19) практически отсутствуют другие примеси. Петля выполнена из сплава олово-медь, без побочных примесей, что также выделяет ее на остальном фоне.

Таким образом, наблюдается крайне нестабильное содержание основных металлов в сплаве (Cu 39-90 вес.%, Sn 8-52 вес.%), нет устойчивых комбинаций лигатуры (Pb, As). Такое отсутствие взаимосвязи в колебаниях процентного содержания основных металлов сплавов и легирующих компонентов между собой, позволяет сделать вывод о том, что свинец и мышьяк попали в сплав как сопутствующий материал при повторной совместной переплавке изделий с различным составом, а также, что имело место добавление в сплавы чистого сырья.

Учитывая большую популярность в литьевом производстве раннего железного века повторной переплавки металлических изделий, закономерно предположить, что это использовалось и при изготовлении данного комплекта конской упряжи. Но результаты исследования позволяют нам предположить, что в данном случае в сплавы также вводился и сырьевой материал (медь/олово).

Исследования проводились в рамках:

- Госзадания Минобрнауки РФ № 33.1470.2017 г по теме «Херсонесская колонизация и исторические судьбы населения северо-западного и предгорного Крыма в раннем железном веке».

- Соглашения о научно-техническом сотрудничестве между НИЦ «Курчатовский институт» и КФУ им В.И. Вернадского от 11.06.2015 г.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев А. Л., Ковальчук М. В., Яцишина Е. Б. Исследование объектов культурного наследия методами электронной микроскопии// Кристаллография. 2016, Том 61 (6), С. 845–857.

Гошко Т.Ю., Ольговский С.Я. Кольоровий метал з кімерійського поховання поблизу с. Квітки//Стародавне виробництво на території України. Київ, 1992, С.67-71.

Мелентьев А. Н. Некоторые детали конской упряжи киммерийского времени//КСИА. 1967, Вып.112, С.38—44.

Минасян Р.С. Металлообработка в древности и Средневековье. - СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2014. 472 с.

Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976. 223 с.

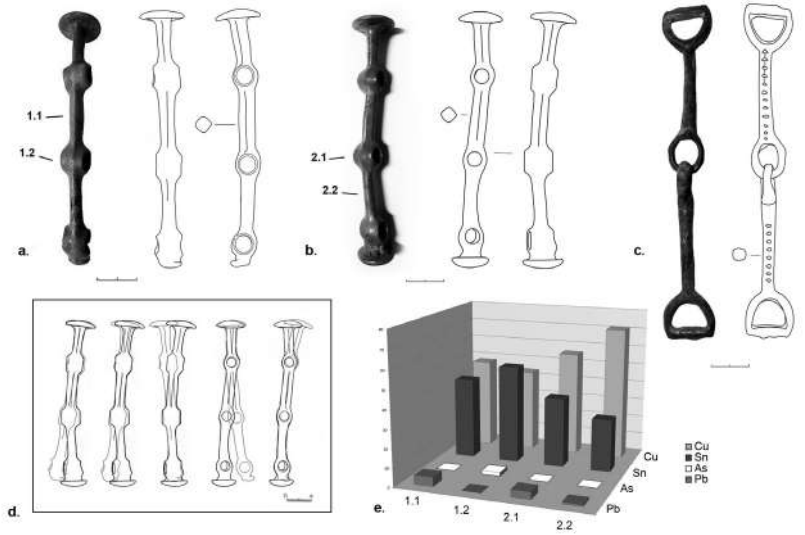


Рис.1. a.- псалий 1, области ЭРМ-анализа; b.- псалий 2, области ЭРМ-анализа; c.- удила; d.- сопоставление контуров псалиев 1 и 2; e.- гистограмма химического состава металла псалиев 1 и 2

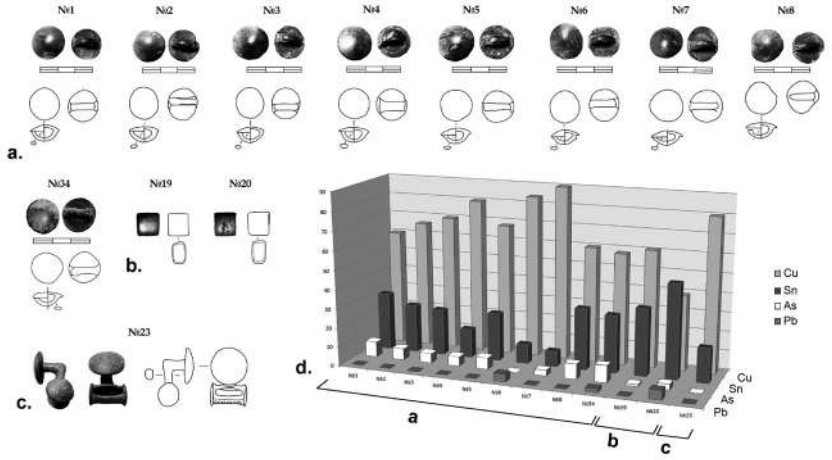


Рис.2. a.- бляхи №1-8,34; b.- пронизи №19,20; c.- петля; d.- гистограмма химического состава металла блях (a), пронизей (b), петли (c).

МАЙКО В.В.
(ИАК РАН, Симферополь)

БОЛГАРСКИЕ ХРИСТИАНСКИЕ РАРИТЕТЫ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ВОСТОЧНОГО КРЫМА X- ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIII ВВ.

Материальная культура населения Византии в т.н. средневизантийский период в каждом из регионов империи имеет ряд характерных отличий. Тем не менее, благодаря широкому проникновению передовых технологий и небывалому размаху торговли, эта культура носит стандартизированный для территории всего государства характер. Эта стандартизация, исходя из всеобъемлющего проникновения христианской идеологии во все сферы жизнедеятельности, проявилась и в общем наборе предметов христианского культа. Среди них особое место занимают христианские раритеты, производившиеся на территории Балканских провинций Византийской империи. Благодаря многолетним исследованиям отечественных и болгарских специалистов достаточно четко очерчен круг предметов, связанных с территорией второго Болгарского царства, определена их хронология, намечены причины и основные пути проникновения в другие регионы Византийского государства. Исходя из этого новые и правильно атрибутированные старые материалы, позволяют, подчас, дополнять существующие представления.

В данной работе предпринята попытка суммировать данные о бесспорно Болгарских христианских раритетах средневизантийского времени, обнаруженных на территории восточного Крыма. Эта коллекция, полученная благодаря раскопкам средневековой Сугдеи и памятников ее ближайшей и отдаленной округи, состоит из четырех энколпионов, одного свинцового нательного креста и семи свинцовых медальонов с христианской символикой. До сегодняшнего дня эти находки, частично опубликованные [Майко, 2014, с. 170-171, 174-177], в комплексе не рассматривались. В целом, для всей территории полуострова, балканские христианские ра-

ритеты не часто становились предметом исследований. Исключение составляют только некоторые энколпионы Херсонеса [Асташова, Сарачева, 2007, с. 20-26].

Первый Болгарский энколпион был обнаружен при раскопках христианского храма у подножия горы Килиса-Кая близ с. Дачное Судакского региона (рис. 1, 3). Это фрагмент лицевой створки бронзового энколпиона с прямоугольными, немного расширенными верхним и нижним лучами. На створке в технике низкого рельефа изображен Христос в колобии. Над его головой - четырех конечный крест с расширяющимися концами. Наиболее подробно данные изделия были проанализированы Л. Дончевой-Петковой, выделившей их в отдельный тип рельефных мощевиков с изображением Распятия и Богородицы Оранты [Дончева-Петкова, 2011, с. 131-136]. Обозначенные исследовательницей три их варианта незначительно различаются в деталях изображения колобии Христа и развороте его ступней, а так же иконографии Богородицы. Наш экземпляр ближе к варианту 2, где ступни Христа развернуты в разные стороны под прямым углом [Дончева-Петкова, 2011, с. 133]. Все аналогии, обнаруженные, как на территории Балкан, так и восточной Европы в целом, существуют в хронологических рамках XI-XII вв. Исходя из значительного преобладания находок на территории Болгарии, а так же наличию заготовок изделий, Болгарское их происхождение бесспорно.

Второй энколпион происходит из средневековой Сугдеи, но археологический контекст его находки неизвестен (рис. 1, 2). Изделие было случайно обнаружено в 1873 г. На створке изображен святой Николай в полный рост с кириллической надписью. Изображение, в отличие от сирийских прототипов, выполнено не гравировкой, а врезными линиями. Хорошо известна и единственная аналогия кресту, обнаруженная в Каневе Киевской губернии еще на рубеже XIX-XX вв. Большинство исследователей связывает этот крест с Балканской традицией, считая его и аналогичный экземпляр из Каневского уезда провинциально-византийским изделием [Тимашкова, 1991, с. 122, рис. 2, 5; Корзухина, Пескова, 2003, с. 53].

Третий энколпион происходит с территории поселения у с. Русское (рис. 1, 4). Отличает его каплевидное завершение концов лучей. На изделии помещено стилизованное гравированное изображение Святого Николая в рост. На верхнем луче греческая надпись. На боковых лучах изображение Святого фланкируется стилизованными кипарисами. Совершенно аналогичным экземпляром является створка энколпиона приобретенная В.Г. Боком в Стамбуле [Пескова, 2000, с. 267, рис. 1, 1], которая могла относиться к энколпиону, служившему евлогией Болгарских монастырей, где особо почитался Св. Николай [Залесская, 2006, с. 108-120].

Уникальным для Крыма и Сугдеи является фрагмент четвертого энколпиона, происходящего из археологических разведок 2006 г. на территории средневековой Сугдеи (рис. 1, 1). Это изделие с изображением Святых с двойными именами (Никола-Власий и Георгий-Димитрий). Разработки Людмилы Дончевой-Петковой [Дончева-Петкова, 2011, с. 104-108] доказали, что они имеют балканское происхождение. Наиболее близки нашему экземпляры с реалистическим изображениями лица и одежд Святого [Дончева-Петкова, 2011, с. 105, обр. 21, 205а]. Датируются они, согласно нумизматическому материалу, концом XII в. По мнению А.А. Песковой [Пескова, 2000, с. 268-269], избраны были пары Святых преимущественно почитаемых в среде двух народов: Николая и Власия у валахов, Георгия и Димитрия у болгар. Вероятнее всего их локализация связана с храмом Святого Димитрия в Тырнове, возведенном после 1185 г.

Вторая категория христианских раритетов представлена свинцовым нательным крестом, выполненным из составных, круглых пластин дополнительно орнаментированных рельефными, концентрическими кругами (рис. 1, 5). На лицевой стороне, в центре, помещен рельефный крест латинского облика с расширяющимися концами, на внутренней – концентрическая окружность. Типологически близкий крест известен в погребальном инвентаре некрополя Одырци в Добрудже [Дончева-Петкова, 2005, с. 96, обр. 6, 2472], где датируется в рамках первой половины XI в. В настоящее время исследователи относят такие кресты к изделиям Балканских или Нижнее Дунайских провинций Византии и датируют первой половиной XI в. [Зоценко, Попельницька, 2008, с. 88-90].

Третья категория изделий представлена свинцовыми медальонами с христианскими сюжетами. Практически все они были обнаружены при проведении подводных исследований в Судакской бухте. Два медальона, практически идентичные по размерам, отличаются только некоторыми морфологическими деталями (рис. 1, 6,7). Оба изделия имеют уплощенную форму в виде восьмилистника с четырьмя крупными и четырьмя мелкими лепестками, обрамляющими круг. В круге с двух сторон помещены плохо сохранившиеся погрудные изображения Святого с копьем. Традиционно изображения на подобных медальонах атрибутируются, как Св. Георгий и на обратной стороне Св. Феодор или Святой Димитрий. Основываясь на том, что все аналогии происходят с территории Болгарии, в качестве рабочей гипотезы можно предположить Балканское происхождение

подобных свинцовых изделий.

Согласно типологии свинцовых медальонов, разработанной болгарскими специалистами и [Дончева, 2007; Атанасов, Дончева, 2011, с. 93-113], есть основание относить в балканским и ряд других подобных изделий, обнаруженных в Судакской бухте. Во-первых, это медальон в виде шестилепесткового цветка цветок с рельефными точками между лепестками и насечками по краю изделия (рис. 1, 11). Подобные медальоны широко известны и на территории Болгарии, где выделены С. Дончевой в тип G I [Дончева, 2007, с. 33-35]. Отметим, что на Балканах они получили наибольшее распространение в середине X-XI вв. Некоторые общие черты в орнаментации присутствуют и у медальонов типа G II с восьми лепестковой розеткой, лучи которой разделены точками [Дончева, 2007, с. 240, табло LXXVIII, 14].

На другом медальоне изображен рельефный орнамент в виде концентрических окружностей в центре, и рельефными выпуклыми крупными точками по краю (рис. 1, 9). Вероятнее всего эти медальоны существуют длительное время. В материалах исследований на плато Тепсень подобный свинцовый медальон обнаружен в слое первой половины X в. (рис. 1, 8). На одной стороне третьего экземпляра помещен мелколепестковый цветок в круге, обрамленный по краю медальона растительным орнаментом. На его другой стороне – концентрические незамкнутые окружности (рис. 1, 10). Эта наиболее представительная для восточного Крыма коллекция медальонов так же имеет аналогии в балканских изделиях, отнесенных С. Дончевой к типу D II с разнообразными вариантами сочетания орнамента, в виде идущих по кругу точек и концентрических окружностей [Дончева, 2007, с. 29]. На территории Болгарии они получили распространение во второй половине IX – первой половине X вв.

Последний рассматриваемый медальон является односторонним. Это изделие овальной формы с рельефным крестом в центре, заключенном в пятиугольную рамку, по краям которой прочерчены линии, разделенные точками (рис. 1, 12). Подобные круглые медальоны с насечками по краю и вписанным равносторонним крестом, окончание лучей которого подчеркнуты точками, получили широкое распространение на Балканах. Болгарской исследовательницей С. Дончевой они отнесены к типу C III [Дончева, 2007, с. 26-27]. В настоящее время Г. Атанасовым и С. Дончевой они отнесены к группе сплошных круглых медальонов с изображением греческого креста. Наибольшее распространение они получили во второй половине IX – первой половине X вв., однако известны и во второй половине X в.

Таким образом, представленная группа болгарских христианских раритетов дает дополнительную информацию для рассмотрения балкано-византийских связей населения восточной Таврики средневизантийского времени.

ЛИТЕРАТУРА

Асташова Н.И., Сарачева Т.Г. Коллекция сирийских энколпионов в археологическом собрании ГИМ // Sacrum et profanum. II. Религиозное мировоззрение в древнем и современном обществах: праздники и будни. Севастополь-Краков, 2007. С. 19-26.

Атанасов Г., Дончева С. Свинцовые медальоны с изображением крестов эпохи Первого Болгарского царства (IX-XI вв.) // Stratum plus № 6. СПб.-Кишинев-Одесса, 2011. С. 93-113.

Дончева С. Медалиони от средновековна България. Шумен, 2007. 340 с.

Дончева-Петкова Л. Одърци. Некрополи от XI век. Т. 2. София, 2005. 469 с.

Дончева-Петкова Л. Средновековни кръстове-енколпиони от България (IX-XIV в.). София, 2011. 751 с.

Залесская В.Н. Византийские евлогии Св. Николая // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии: Памяти Татьяны Чуковой. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. С. 108–120.

Зоценко В., Попельницька О. Наперсний хрест-релікварій, зібрання Національного музею історії України // Науковий збірник присвячений 900-літтю Свято-Михайлівського Золотоверхого монастиря: Матеріали наук.-практ. конференції. К., 2008. С. 88-90.

Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI-XIII вв. СПб., 2003. 432 с.

Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X-XII вв. К., 2014. 467 с.

Пескова А.А. Св. Николай Мирликийский в иконографической программе древнерусских энколпионов XI-XIII вв. // Stratum plus. № 6. СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест, 2000. С. 266-284.

Тимашкова Т.Г. Кресты-энколпионы XI-XIV вв. из собрания Одесско-

го археологического музея // Северо-западное Причерноморье – контактная зона древних культур. К., 1991. С. 120-124.

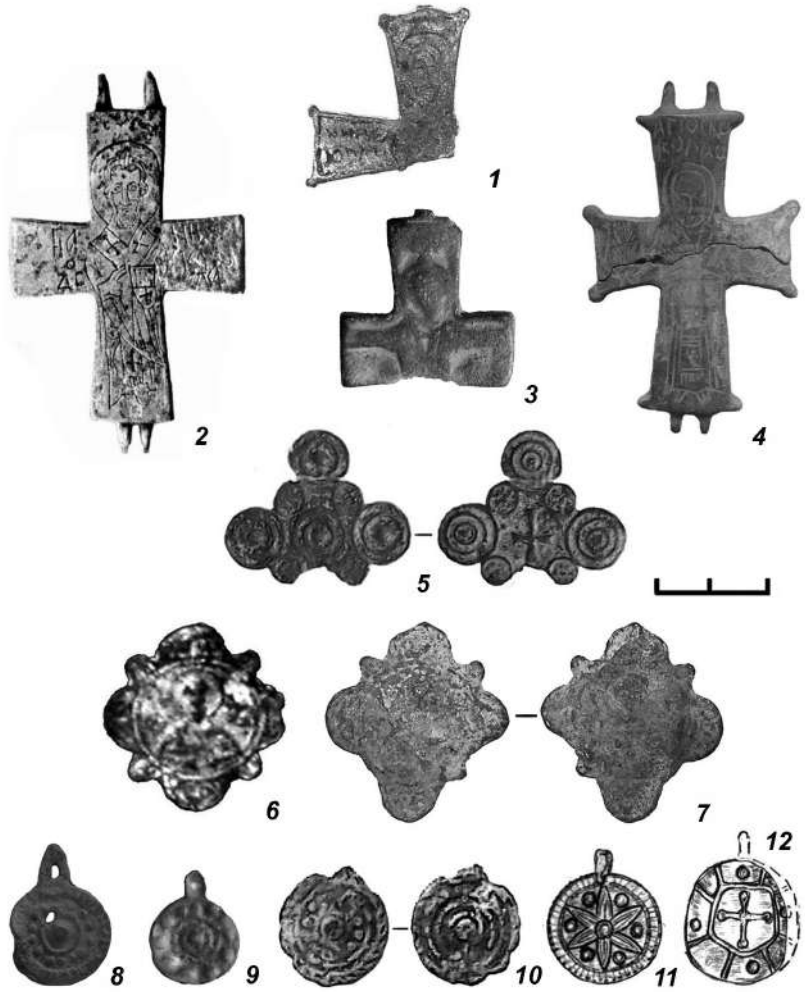


Рис. 1. Болгарские христианские раритеты восточного Крыма X-XII вв.
1,2,5-11 – средневековая Сугдея; 3 – храм у горы Килиса-Кая; 4 – поселение у с. Русское.
1-4 – бронза; 5-12 – свинец.

МАСЛЕННИКОВ А.А.
(ИА РАН, Москва)

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ НА СЕЛЬСКОЙ ТЕРРИТОРИИ АНТИЧНОГО БОСПОРА

Когда заходит речь о традициях и инновациях применительно к античным государствам Северного Причерноморья, то чаще всего обсуждаются разного рода греко-варварские «сюжеты», так или иначе «вращающиеся» вокруг проблемы варваризации «первых» и эллинизации «вторых». Думается, однако, что это направление научного поиска к настоящему времени себя в некоторой степени исчерпало. И дело тут вовсе не в ограниченности наших письменных источников, что, скорее всего, останется таковым навсегда или, напротив, не в стремительном (в последние годы) росте разнообразной археологической информации, которую просто не успевают «переварить». Налицо, как нам кажется, некий методологический тупик, выражающийся в неоднозначности и переменчивости содержания вышеупомянутых определений (неясно, как и кем осознавали себя в каждый конкретный период «персонажи» этого «дуализма»), а также - незнании неких глубинных «законов» такого этно-культурного противостояния/симбиоза, вернее – возможных его сценариев. Вот почему, акцент поиска, соответствующего заявленной теме, должен быть перемещён как бы во - внутрь самого боспорского социума. В данном случае, его самой консервативной и труднодоступной для изучения части – сельского населения. Иными словами: разного рода внутренние общегосударственные перемены или, наоборот, устойчивые, долговременные факторы и явления со всеми их инновациями и традициями, по крайней мере, до какого-то критического момента развития, значили больше, нежели внешние вторжения или мирные этно-культурно инфильтрации сопредельного «варварства».

Почему именно так? И что мы имеем в виду? А, прежде всего, то, что на протяжении практически всей своей истории боспорское государ-

ство при всей очевидной специфике оставалось, так сказать, в рамках общеантичной цивилизационной «модели». Было частью античного мира со всеми его стадиальными переменами, сменой центров экономического, политического и культурного влияния. И самое главное: всякое явление, в данном случае – боспорский социум (общность) «имеют право» на саморазвитие, противоречивая логика которого как раз и предполагают «единство и борьбу противоположностей», то есть, традиционность и инновационность. Именно эти обстоятельства, а вовсе не сомнительный на наш взгляд греко-варварский характер боспорской государственности следует считать определяющими. Разумеется, гармоничное (эволюционное) сочетание того и другого – идеальный, но непостоянный вариант развития. При этом степени нестабильности, вернее – дисгармонии, тоже могут быть разными. В одних случаях мы имеем дело с консервативным застоем, в других - с критически резкой сменой всего принятого, устоявшегося, известного. И в этом плане в истории Боспора в целом и населения его сельской территории в частности можно было бы выделить периоды, характеризующиеся, как глубокими переменами (если хотите, инновационностью), так и столь же очевидным сочетанием того и другого, при существенном «доминанте» традиционного. В качестве первого – назовём рубеж первой - второй третей III в. до н.э. и, возможно, второй и последней третей III в. н.э. Что же касается второго -, то это, с известными оговорками, период как бы между ними. В свою очередь внутри него весьма значимым, даже «рубежным» представляется не столько эпоха Митридата Евпатора (с её развитием эллинистических традиций), сколько включение Боспора в «орбиту» Римского мира.

Не останавливаясь даже кратко на разного рода историко-археологической конкретике, в том числе обстоятельствах и степени «глубины» этого «включения», попытаемся, насколько нам это позволяют источники, рассмотреть на «сельском примере» основные проявления заявленных в заглавии данных тезисов «явлений».

Нижеследующее изложение нужно предварить несколькими уточнениями. Итак, во - первых, ещё раз подчеркнём, что почти всё, что нам известно о политическом устройстве, хозяйстве, культуре, религии, бытовых традициях и прочих реалиях повседневности Боспора Киммерийского в предшествовавший период (VI-I вв. до н.э.), включая с некоторых пор население его довольно обширной хоры, за исключением не столь уж значительных явно местных, по большей части иранских компонентов, представляло собой территориальный вариант развития эллинской цивилизации. В начале – в его почти классическом, а со временем (вероятнее всего, с начала III в до н.э. и особенно при Митридате Евпаторе) – эллинистическом варианте. Причём, эти эллинистические инновации, со временем становившиеся традициями (что само по себе есть «частная» закономерность: «выжившие» инновации нередко обращаются в традиции), как считают некоторые исследователи [С.Ю. Сапрыкин], вполне отчётливо давали о себе знать, по крайней мере, до системного кризиса III в. н.э., а, может быть, и дольше. Иными словами: антично-эллинское здесь почти во всём и всегда доминировало над варварским. И наша задача - ответить на вопрос: можно ли говорить об изменении этой ситуации на пространствах боспорской хоры в «русле» её романизации или варваризации (сарматизации) в римское время?

Во – вторых, что собственно считать в истории Боспорского государства «римским» временем? Отправной датой мог бы служить 63 г. до н.э. (смерть Митридата VI), которая означала завершение борьбы Рима за окончательное господство в Восточном Средиземноморье, включая и Северное Причерноморье. Несмотря на все сложные и противоречивые перипетии дальнейшей политико-дипломатической и военной истории Боспора, особенно во второй половине I в. до – первой половине I в. н.э. это господство уже как бы и не подвергалось серьёзному сомнению и испытаниям. Гораздо сложнее определиться с «верхней» датой. Думается, это будет период между 217/226 и 235/239 гг. (В Риме – между концом правления Каракаллы и приходом к власти первого «солдатского императора» - Максимина, за чем последовали несколько десятилетий военно-политического хаоса. На Боспоре это конец правления царя Рескупорида III, сына Савромата II, какие-то военные действия и разрушения в Фанагории, разгром Танаиса и Горгиппии [Алексеева, 1997; Она же, 2015; Кузнецов, 2007; Шелов, 1972]. Затем и всё государство, лишённое военно-дипломатической и финансовой поддержки Империи, которой стало «не до того», надолго погружается в кризисное небытие.). Эти совпавшие для Рима и Боспора несколько десятилетий уже трудно назвать «римским» временем. А последующие два с чем – то века и вовсе были связаны в Причерноморье с иными господствовавшими силами: готами, гуннами, протоболгарами, Восточной Римской Империей и, наконец, ранней Византией.

В - третьих, почему сельская территория выделяется нами особо и заслуживает отдельного рассмотрения (помимо, разумеется, личных «интересов» автор)? Общепринято, что античная культура, в том числе собственно эллинская, по своему основному содержанию и достижениям яв-

лялась городской культурой [Блаватский, 1963]. Но, столь же очевидно, что сельское хозяйство было основой экономики всех античных государств, и в нём, так или иначе, была занята значительная, если не большая часть населения. Вместе с тем, сельская территория, как городов – полисов, так и полисов, не ставших городскими центрами, всегда оставалась как бы «на периферии» культурного пространства. Конечно, переоценивать степень этого разрыва не стоит, ведь гражданин классического полиса в идеале оставался сельским хозяином. Но собственно сельский житель, надо думать, был для среднего горожанина в некотором роде дикарём. И в первых веках н.э. (хотя о состоянии и организации сельского хозяйства, жизни и быта поселян на территории собственно Греции в это время у нас вообще мало информации) это противопоставление, видимо, стало ещё резче. Достаточно вспомнить эпизод из «Эвбейской речь» Диона Хрисостома (VII), как раз, относящийся к концу I в. н.э. (Впрочем, судя по нему же, облик небольшого городка в провинциальном греческом захолустье «оставлял желать лучшего».)

Что же касается Боспора, то специфика сельской жизни тут и подавно должна была быть ещё более выраженной. Ведь помимо того, что это был весьма удалённый район античной Ойкумены, это - ещё и многовековое греко-варварское пограничье со всеми вытекающими из этого последствиями. Правда, эти же особенности в определённой степени заставляли население, если, разумеется, оно оставалось достаточно стабильным, цепко держаться старинных, привычных традиций, языка, верований (то есть, своей самоидентификации), что, как мы увидим ниже, имеет археологические и отчасти литературные (классический пример: «Борисфенитская речь» (XXXVI) всё того же Диона Хрисостома) подтверждения. С учётом же всего, что нам известно о боспорских городах, по большей части небольших и непритязательных по своему облику, само противопоставление: город – хора было здесь всегда менее выраженным, резким и существенным, нежели в метрополии. В «римское» же время эти различия сгладились как бы ещё больше. Мы имеем в виду процесс т.н. рустификации городов и, напротив, существование крупных поселений – крепостей, которые, как теперь выясняется, не многим уступали городам и городкам по площади, планировке, мощи фортификации, уровню строительного дела, экстерьеру построек и, надо думать, качеству жизни и достатка населения.

Однако, всё это в известной степени - умозрительные заключения, поскольку источники по данной теме состоят почти исключительно из ар-

хеологического материала, к сожалению, не всегда достаточного, и, подчас, трудно интерпретируемого.

Начнём наши сравнения и анализ с вопросов о размерах сельской территории Боспорского царства, его структуре и государственной власти над ней в рассматриваемую эпоху. Напомним, что за исключением отдельных, коротких периодов, это было время относительной политической, военной и экономической стабильности, и даже как будто бы благополучия [Сапрыкин, 2006]. Следовательно, ничто по большому счёту не должно было нарушать устоявшегося примерно к рубежу эр «порядка вещей» во всех сферах сельского бытия.

Итак, рубежи Боспорского государства, вероятнее всего, оставались в указанное время в основном примерно теми же, что и в эпоху поздних Спартокидов или, что предпочтительнее (см. ниже), - при Митридате и его ближайших преемниках [Масленников, 2003]. Но при Асандре, затем Аспурге, ком-то из правителей конца I - начала II вв. н.э. и, совершенно очевидно, при Савромате II Боспор в той или иной степени контролировал какую-то часть Крымского п-ова. Тем не менее, так сказать, реальная, постоянная граница на Западе проходила, скорее всего, где-то в районе дальней округи Феодосии [Гаврилов, 2004]. На востоке же она, вообще, по-видимому, столь-либо чётко не фиксировались, завися, как и прежде, от соотношения сил и взаимоотношений с местными племенами Среднего и отчасти Нижнего Прикубанья, а также – Северо-Западного Кавказа. На севере – это, по - прежнему, округа Танаиса.

Говоря всё это, следует, однако, иметь в виду, что в политико-правовом смысле боспорские цари в рассматриваемое время не имели полной «свободы рук» во внешней политике, военных действиях и, следовательно, территориальных приобретениях или потерях. Ведь, как известно, все они при вступлении на царство или при смене императоров должны были проходить своего рода прямую (личную) или «опосредованную» «аккредитацию» - утверждение/переутверждение их во власти. Помимо взаимных с Римом обязательств, надо думать, это предполагало и пространственную легитимизацию их владений, а также характера отношений с наиболее влиятельными и важными для Империи соседями Боспора (Херсонес, возможно, скифы Крыма и некоторые сармато-меотские племенные союзы в Прикубанье, например: сираки и аорсы в эпоху Клавдия).

Эта «наследственная», юридически и фактически относительно постоянная и достаточно обширная территория (прежде всего, Восточный Крым и Таманский п-ов) в административном плане, судя по немно-

гочисленным эпиграфическим свидетельствам, делилась на некие «округа» («остров», Синдика, Феодосия и др.). Границы между ними, очевидно, определялись как чисто географическим фактором, так и конкретными экономическими (хозяйственными), демографическими, историческими и военно-политическими обстоятельствами и связями. При этом все вовлечённые и не вовлечённые в хозяйственную деятельность пространства как бы делились на две основные части: хору городов («ближняя» хора) и хору государства («дальняя» и/или царская). Вторая – надо думать, была значительной по площади и в основном располагалась по «окраинам». Как сочетались между собой эти две основные формы землевладения/землепользования (например: входили ли все города с их хорой в те или иные «округа», или нет - , то есть, сохраняли в этом вопросе полисную автономию от центральной власти) мы точно не знаем[Масленников, 2016]. Кроме того, есть письменное свидетельство о существовании в это же время и храмового землевладения, масштабы которого и вовсе неизвестны.

Так или иначе, но такое «деление» земельного фонда государства (и в этом - одно из главных проявлений «традиционализма» в боспорской истории римского времени) находит соответствующие аналогии в эллинистических странах восточного Средиземноморья [Бикерман, 1985; Сапрыкин, 1996]. (Крупное императорское землевладение – явление более позднее и совсем иного «плана», хотя…) Сказав всё это, следует, однако, ещё раз напомнить, что почти никакой археологической конкретикой в отношении полисного и храмового землевладения (усадьбы, следы размежёвки участков и т.п.) именно для данного периода мы не располагаем. Но некоторые эпиграфические памятники, безусловно, свидетельствуют о сохранении хотя бы в ряде городов прежних полисных традиций [Завойкина, 2013], а, следовательно, и их экономической основы – мелкого и среднего землевладения.

Зато относительно «дальней» хоры наша информированность существенно выше. Особенно это касается её западной (крымской) части. В первую очередь - это различные поселенческие структуры, во вторую – сопровождавшие их некрополи, в - третьих - местные святилища. На Азиатском Боспоре, исключая т.н. батарейки с их «посадами» и некрополями, а также сторожевые посты-башни, сведений в интересующем нас плане практически нет. Раскопки первых - за небольшим исключением проводились около полувека назад, и их материалы уже неоднократно привлекались историками и археологами. О сторожевых башнях на юго-восточном

пограничье Боспора, просуществовавших около столетия, тоже время от времени появляются новые публикации.

Все эти, да и вообще, сельские поселения, как становится всё более очевидным, можно поделить на две группы в зависимости от степени их «наполнения» античными или условно «варварскими» признаками. При этом второе определение не случайно поставлено в кавычки. Ведь за исключением некоторых сомнительных строительных приёмов в фортификации, относительно непрямолинейной планировки, невысокого общего качества построек, скромного, к тому же однообразного интерьера помещений и аналогичных же в массе своей находок ничего собственно позднескифского, позднемеотского или сарматского в их общей характеристике нет. Указанные же особенности являлись скорее следствием просто сельской специфики с её почти неизбежным стремлением к упрощению, удешевлению и т.п., по причине, прежде всего, невысокого достатка и/или этно-социального статуса их обитателей. К тому же, до сих пор эти поселения мало с чем можно сопоставить на сопредельной с Боспором территории. А то, что там раскопано, пока даёт не так много оснований для утверждений о соответствующих заимствованиях/инновациях. Другая же группа поселений по обоим берегам пролива, вообще, демонстрирует почти полное соответствие античным строительным традициям. Да и в остальном таковые тоже как будто бы доминируют. Вместе с дорожной сетью, гаванями, водными источниками, переправами, полевыми пограничными укреплениями и т.п. все эти поселения составляли целостную военно-административную и демографическую систему, исправно функционировавшую в рассматриваемое время, а, отчасти, и в последующие два-три века [Масленников, 1998]. Её «истоки» теоретически и в реалиях правильнее искать в соответствующей практике эллинистических государств, впитавших в себя, как известно, многие греческие (эллинские) традиции [Сапрыкин, 1996].

Следующий «предмет» нашего рассмотрения: сельские могильники второй половины I в. до – начала III вв. н.э. Они много лучше исследованы в Восточном Крыму. Общее количество открытых здесь захоронений приближается к тысячи [Хршановский; Корпусова, 1983; Масленников, 1990; Масленников, 2000; Винокуров, 2014]. Но в последние годы сельские некрополи интенсивно изучаются и на пространствах хоры ряда районов Азиатского Боспора, где число раскопанных погребальных комплексов исчисляется уже сотнями [Малышев, 2008, 2011; Сударев, 2017]. Таким образом, материал для разного рода суждений – более чем достаточ-

ный. Главное же, что (особенно в отношении могильников европейского Боспора) следует выделить, это то, что и по типам (и «удельному весу» каждого) погребальных сооружений, и по основным чертам погребального обряда, и по общему (стандартному) набору погребального инвентаря, и даже формам надмогильных сооружений (насыпь, надгробие) могильники «дальней» хоры Керченского п-ова при всех их локальных различиях очень близки синхронным им городским некрополям. Последние же, в целом, как бы соответствуют обычной, рядовой погребальной практике, сложившейся здесь ещё ранее на основе традиций их митрополий [Масленников, 1990]. Стоит уточнить, что этот казавшийся поначалу неожиданным вывод опирается на материалы раскопок могильников всех упомянутых групп поселений. И только некоторые – на юго-восточной окраине Боспора демонстрируют, как и следовало ожидать, заметную местную (варварскую) специфику.

Таким образом, можно полагать, что население боспорской «глубинки» в указанное время, несмотря на незначительные инновации предположительно варварского (скифо-сарматского) происхождения, соблюдало прежние, эллинские в своей основе, представления и традиции погребально-поминальной практики. Впрочем, последняя - вообще, как известно, была не совсем единообразной, но при этом очень консервативной.

Всё только что сказанное, естественно, говорит и о сохранении в той же среде населения в основном эллинских религиозных воззрений, соответствующих обрядовых действий и даже мест их совершения, что убедительно подтверждается археологическими раскопками (также главным образом в Восточном Крыму) сакральных объектов и находок явно культового назначения [Масленников, 2007]. Появившись ещё в эпоху эллинизма, эти святилища продолжали функционировать до начала III в. н.э., а может быть, даже и несколько дольше. При этом ни внешний облик (планировка) построек, ни их интерьер существенно не менялись. Инновации коснулись скорее набора «священных» предметов и их «персонофикации». (Преобладающий «персонаж», как и прежде: Деметра (Афродита) и Кора, но, приблизительно с середины I в. до н. э. появляются изображения и других женских и мужских божеств в основном малоазийско-фракийского пантеона: героя-всадника, Геракла, Силена, Пана, Аттиса, Диониса, быка Аписа и особенно часто - богини на троне – Кибелы.) К концу этого периода наблюдается заметная стилизация «образов», вероятно, отражавшая их синкретизм или общий упадок коропластики. Впрочем, всё

это характерно и для синхронных городских святилищ, да и сакральных находок вообще. В последующие века этот набор в святилищах, как и они сами, и их топография кардинально меняются, но это уже – иная эпоха.

В строительном деле все, с чем до сих пор сталкивались археологи на пространствах боспорской хоры, немногим, кроме вышесказанного, отличалось от рядовой местной же городской застройки. Вместе с тем, там, где это требовалось или было целесообразно по военным или иным соображениям, качество строительства даже не уступало городскому. Особенно это касалось оборонительных сооружений (Илурат, Артезиан). Ничего, сугубо римского (кирпич-плинфа, бетон, арочный свод) нигде пока не выявлено. Пожалуй, единственное, да и то не бесспорное исключение – одна из реконструкций так называемых боспорских ворот, раскопанных совсем недавно на линии Узунларского вала [Супренков, 2017], предполагающая конструкцию наподобие триумфальной арки.

Наконец, последнее, на чем можно было остановиться, но, пожалуй, самое показательное: обыденная речь боспорских поселян, точнее – её отражение в письменности. Ещё сравнительно недавно всё, чем располагали исследователи – это несколько эпитафий на надгробных стелах, найденных (что не всегда очевидно) вдалеке от городских центров по обоим берегам пролива. Новейшие раскопки, при всей их масштабности, очень мало добавили в этом отношении.

Зато малая эпиграфика: граффити и дипинти, при всей порой неоднозначной интерпретации и иных сложностях позволяет продвинуться в этом направлении. И здесь должно отметить следующее. Непосредственно в предшествовавший период (III-II вв. до н.э.), да и в I в. до н.э. число разного рода граффити, найденных на поселениях хоры (почти исключительно в Приазовье) на порядок меньше, нежели там же, на памятниках т.н. царской хоры IV-III вв. до н.э. К тому же, в подавляющей своей массе они малоинформативны (некие метки или отдельные буквы греческого алфавита) [Сапрыкин, Масленников, 2007]. Видимо, такой упадок грамотности и культуры был характерен для большей части сельского населения указанного времени, что тоже можно посчитать своего рода инновацией «с минусом».

Картина заметно меняется в первых веках н.э. Поселения «дальней» хоры европейской части государства, где хорошо и на большой площади исследовались культурные напластования I - начала III вв. н.э. (Артезиан, отчасти Михайловка, Белинское, Золотое-берег, мыс Зюк) предоставили в руки специалистов несколько сотен граффити и дипин-

ти. Правда, большая их часть: графические, цифровые, оценочные или иные метки, состоявшие из знаков и букв. Причём граффити, наряду с дипинти, стали значительно чаще помещаться на амфорной таре и даже пифосах. Но всё же сохраняется и традиция «подписей» на дне, реже стенках простой гончарной и краснолаковой столовой посуды. Особенно показательны рисуночные и «ученические» граффити, подчас весьма информативные и даже фривольные (Артезиан) [Сапрыкин, Винокуров, Белоусов, 2014]. Можно полагать, что их наносили в процессе обучения грамоте и письму непосредственно на том или ином поселении. Примерно то же наблюдается и на синхронных памятниках по другую сторону пролива [Сапрыкин, Масленников, 2007]. При всём этом, мы имеем дело почти (?) исключительно с греческим алфавитом и письменностью. Вероятно, специалисты в области эпиграфики и греческого языка смогут сказать что-то о трансформациях тех или иных грамматических форм, ошибках в написании и т.п. Мы же только укажем, что уже со второй половины III в. н. э. граффити снова попадаются при раскопках крайне редко, а мало-мальски пространные тексты и вовсе не встречаются.

Наше беглое изложение можно было бы закончить анализом некоторых бытовых реалий сельской жизни. Но знания относительно этого либо очень неконкретны, либо опираются лишь на отдалённые аналогии или же вовсе отсутствуют. Так или иначе, но в заключении можно сказать, что эллинские по своему происхождению и содержанию традиции продолжали господствовать среди обитателей боспорской хоры, по крайней мере, до начала кризиса III в. н.э. Всякого рода инновации – как правило, неоднозначны и относительно немногочисленны. Что касается римского влияния, то, оно вообще никак не «ощущается», что, в принципе, не удивительно (слишком значительная территориальная удалённость). Известно, что в большей части восточных провинций Империи римские власти не стремились к романизации населения. Напротив, они поощряли эллинизацию, создавали условия для сохранения и развития близких им «по духу» эллинских традиций, порядков и устоев. Греческая полисная система рассматривалась ими в качестве важного элемента своего влияния, как опора при организации провинций. Как правило, проримской являлась придворная (в зависимых царствах) и полисная «верхушки» (хотя между ними и могли случаться «трения»). Последняя - , как они полагали, могла поддерживать ремесло и торговлю на достаточно высоком уровне, что было важно для стабильности общеимперского экономического и культурного пространства. Более того, и торгово-ремесленные слои рассматривались в Риме, как главные проводники его политики. Отдельные граждане и их родственники, выходцы из богатых и знатных семей, получали римское гражданство. Впрочем, всё это обитателей далёкой боспорской сельской «глубинки», скорее всего, вовсе не касалось.

МАСТЫКОВА А.В.
(ИА РАН, Москва)

О ВИЗАНТИЙСКОМ ХРАМЕ В ГОРЗУВИТАХ: РАСКОПКИ 2017 Г.

В письменных источниках упоминание о Горзувитах появляется в середине VI века в трактате Прокопия Кесарийского «О постройках», посвященном строительной деятельности императора Юстиниана. Прокопий сообщает о сооружении в Юго-Западной Таврике двух византийских крепостей – Горзувиты (Гурзуф) и Алустон (Алушта) [Procopius, De Aedificius, III.VII.11]. Здесь, по свидетельству Прокопия, находилась страна Дори [Procopius, De Aedificius, III.VII.13–15], заселенная готами, православными христианами и союзниками Византийской империи [Сидоренко, 1991, 105; Айбабин, 1999. С. 107–120; Айбабин, 2003. С. 40–46; Щукин, 2005. С. 457–465]. К сожалению, работы на поселениях в районе Горзувит до сих пор имели оганиченный характер [Якобсон, 1954; Якобсон, 1970. С. 23, 24; Домбровский, 1974. С. 9–13; Фирсов, 1990; Турова, 2015].

В 2017 г. Институт археологии РАН начал спасательные работы на участке, отводимом под строительство лагеря «Солнечный», на территории международного детского центра «Артек» (пгт. Гурзуф, Ялтинский округ). Данный участок расположен на южном склоне Лысый Бугор (Хазары), между горой Аю-Даг и скалой Дженевез-Кая, а также между урочищами Бал-Гота и Суук-Су, на территории которых были открыты в конце XIX – начале XX в. известные могильники крымских готов. Довольно хорошей сохранности руины генуэзской крепости на склонах горы Дженевез-Кая в юго-восточной приморской части Гурзуфа всегда привлекали внимание [Домбровский, 1974. С. 9–13]. Об этом памятнике неоднократно упоминали путешественники и ученые XVIII–XIX вв.

Первым исследователем этой территории был известный советский археолог А.Л. Якобсон. В 1951 году он провел археологические раскопки, носившие разведочный характер [Якобсон, 1951; 1954]. Им были

выявлены руины христианского храма – прямоугольного в плане с полукруглой абсидой, ориентированного на СВ, который перекрывался более поздней церковью, также прямоугольной в плане с полукруглой абсидой (Рис. 1). Первоначальный, ранний храм, по керамическому материалу А.Л. Якобсон предварительно датировал VI–VII вв., возможно отчасти VIII в.; верхний храм – IX–X вв. На других раскопанных участках им были обнаружены остатки архитектурных сооружений неясного назначения и десять захоронений.

В 2017 г. месторасположение храмовой постройки, раскопанной А.Л. Якобсоном, было локализовано на основании архивных фотографий в юго-восточной части исследуемой площадки, на краю террасы с крутым склоном. На этом небольшом участке открыты остатки двух храмовых построек, исследованных в 1951 г. (Рис. 2). Хорошо сохранились фундаменты южной стены верхнего и нижнего храмов, выявлены их входы в западной стене. Северная стена как верхней, так и нижней храмовых построек, а также абсидная часть сильно повреждены, проложенной уже после 1951 г., траншеей подземных коммуникаций (см.: Рис. 2). Фундамент нижнего, раннего, храма сложен из крупного неотесанного камня. Стены же верхнего, позднего, храма представляют собой кладку, сложенную на известковом растворе из двух рядов не очень крупного камня с подтеской лицевой поверхности, местами для выравнивания кладки использованы фрагменты черепицы.

Выяснилось, что культурный слой внутри храмовой постройки в 1951 году не был исследован. Поэтому была проведена разборка пола и в западной его половине обнаружена гробница, перекрытая четырьмя крупными плитами, на одной из которых с внутренней стороны прочерчено изображение креста. Зазоры между этими плитами закрыты камнями, крупной галькой и фрагментами черепицы. Сами плиты опирались на обкладку из камней, выложенную по контуру гробницы из блоков ракушечника, фрагментов черепицы и плинфы на известковом растворе. Гробница представляет собой грунтовую яму ладьевидной в плане формы, стены которой внутри выложены пилеными блоками ракушечника. В гробнице обнаружено более 20 захоронений, лежавших послойно. Верхний погребенный лежал in situ в анатомическом порядке, головой на запад с вытянутыми ногами со сложенными на бедрах руками. Рядом с ним возле северной стены обнаружена фрагментированная керамическая чаша, которая

предположительно принадлежит группе Zeuxippus Ware, XIII в.[1], ближе к восточному «краю» гробницы – керамический кувшинчик небольшого размера. Нижние захоронения были сдвинуты, при этом их анатомический порядок был нарушен. В целом погребальный инвентарь незначительный – два стеклянных браслета, несколько стеклянных и каменных бус, бронзовый бубенчик-пуговка. Соотнесение этих предметов из нижних захоронений с каким-либо погребенным не представляется возможным.

Поскольку западная стена верхнего храма перекрывала край могилы, то вероятнее всего гробница относится к нижнему, раннему, храму. Ее открытие в корне меняет наши представления о хронологии этих церквей, ранее относившихся, как уже говорилось, соответственно к VI–VII и IX–X вв. По всей видимости, небольшая по размерам нижняя церковь функционировала еще в XIII в., и вряд ли дата ее постройки может приходиться на VI–VII вв. и соответствовать времени юстиниановского строительства в стране готов. Верхняя церковь, перекрывавшая коллективную гробницу, была построена не ранее XIII в., а может быть и еще позже, о чем свидетельствует найденная в 1951 г. при расчистке ее западной стены монета золотоордынского хана Узбека (1313–1341 гг.) [Якобсон, 1954. С. 112]. Кстати, А.Л. Якобсон предполагал, что в это время по соседству с генуэзской крепостью существовал поселок, а храм, видимо не был еще разрушен и функционировал [Якобсон, 1954. С. 114].

Аналогичная небольшая однонефная церковь с покруглой абсидой также как и в Горзувитах, построенная на развалинах более древней, была открыта Н.И. Репниковым здесь же, в Гурзуфе, при раскопках юго-западной части могильника Суук-Су в 1905 г.[2] [Репников, 1907. Рис. 83] (Рис. 3). Высота сохранившегося фундамента первоначальной, ранней, церкви достигала 1 м, сложен фундамент был на известковом растворе. Впоследствии внутри этой церкви из грубо отесанных камней, кладка на глине, была построена меньших размеров «часовенка», как ее называет Н.И. Репников, высота сохранившийся кладки составляла 1,10 м. Внутри более поздней церкви-часовенки открыты три каменных гробницы. Первая гробница с семью погребенными была перекрыта плитой с процарапанным на

[1] *Атрибуция керамического сосуда проведена Л.А. Голофаст.*

[2] *Н.И. Репников отмечал, что место раскопок находится за дорогой по правую сторону ворот, ведущих в имение Соловьевой, на землях которой и располагался могильник Суук-Су, а именно на бугре, составляющем юго-западную оконечность могильника [Репников, 1907. С. 102]. По мнению А.Л. Якобсона этот холм находился на территории Артека № 2 [Якобсон, 1951. С. 112].*

ней крестом; вторая – с шестью погребенными закрыта четырьмя плитами; в третьей гробнице, перекрытой пятью плитами, на одной из которых зафиксирован неопределенный знак, было обнаружено пятнадцать костяков. Все погребенные лежали головами на ЮЗ, вещей ни в одной из гробниц не было найдено. Интересно отметить, что в стенах поздней церкви были заложены два камня с процарапанными крестами, а также большое надгробие с крестом и граффити [Репников, 1907. С. 122, 123. Рис. 83–86].

В целом, выявленный в Горзувитах однонефный храм с полукруглой абсидой является вполне рядовым, если можно так выразиться «типовым» памятником византийской храмовой архитектуры. Подобного рода однонефные храмовые постройки были характерны для Южного берега Крыма и известны, например: в Верхней Массандре [Домбровский, 1974. С. 36. Рис. 21], на нижней площадке укрепленного средневекового монастыря Панеа в Симеизе [Домбровский, 1974. С. 28. Рис. 17], на Исар-Кая [Фирсов, 1974. Рис. 10; Мыц, 1991. Рис. 14, 7], Кучук-Ламбате [Фирсов, 1990. Рис. 20], на Аю-Даге [Мыц, 1991. Рис. 14, 10; Лысенко, Тесленко, 2002. Рис. 2; Бочаров, 2004. Рис. 11; 12; Турова, 2015. Рис. 9], к западу от пос. Верхняя Ореанды на скале Хачла-Каясы [Фирсов, 1990. Рис. 79; 81; Мыц, 1991. Рис. 14, 5], на Ай-Тодор близ с. Малый Маяк (Биюк-Ламбат) [Домбровский, 1974. С. 42. Рис. 24; Фирсов, 1990. Рис. 25; Мыц, 1991. Рис. 14, 9; Бочаров, 2004. Рис. 7–9; Тесленко, Лысенко, 2004. Рис. 3; 7; 8], на Чабан-Куле [Кирилко, Мыц, 2004. Рис. 23], Челик-Дере [Бочаров, 2004. Рис. 10], в Мордвиновском парке Ялты [Турова, 2002. Рис. 6.2; Турова, 2015. Рис. 2], Никите [Турова, 2015. Рис. 13].

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И., 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар. 352 с.

Айбабин А.И., 2003. Крым в VI–VII веках // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука. С. 27–52.

Бочаров С.Г., 2004. Описание средневековых храмов региона Алушты в архивных материалах П.И. Кеппена // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических» / Гл. ред. В.Л. Мыц. Киев: Стилос. С. 43–57.

Домбровский О.И., 1974. Средневековые поселения и «исары»

Крымского Южнобережья // Феодальная Таврика / Отв. ред. С.Н. Бибиков. Киев: Наукова Думка. С.5–55.

Кирилко В.П., Мыц В.Л., 2004. Укрепление Чабан-Куле // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических» / Гл. ред. В.Л. Мыц. Киев: Стилос. С. 205–245.

Лысенко А.В., Тесленко И.Б., 2002. Античные и средневековые памятники горы Аю-Даг // Алушта и алуштинский регион с древнейших времен до наших дней / Сост. В.Г. Рудницкая, И.В. Тисленко. Киев: Стилос. С. 59–88.

Мыц В.Л., 1991. Укрепления Таврики X–XV вв. Киев: Наукова Думка. 164 с.

Репников Н.И., 1907. Некоторые могильники области крымских готов // Записки императорского Одесского общества истории и древностей. Т. XXVII. С. 101–148.

Сидоренко В.А., 1991. «Готы» области Дори Прокопия Керсарийского и «длинные стены»в Крыму // Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии. Вып. II . С. 105–118.

Тесленко Н.Б., Лысенко А.В., 2004. Средневековый христианский храм на южной окрвине с. Малый Маяк и его археологическое окружение // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических» / Гл. ред. В.Л. Мыц. Киев: Стилос. С. 260–296.

Турова Н.П., 2002. Средневековые христианские храмы на ЮБК по полевой картотеке Е.И. Висниовской // Дмитриевский чтения. История Южного берега Крыма. VI. Ялта: Ялтинский государственный объединенный историко-литературный музей. С. 9–31.

Турова Н.П., 2015. История изучения христианских древностей южного берега Крыма // Материалы по Археологии и Истории Античного и Средневекового Крыма. Вып. 7. С. 158–187.

Фирсов Д.В., 1974. Археологические разведки на Исвр-Кая и Шайтан-Мердвене в 1967 г. // Феодальная Таврика / Отв. ред. С.Н. Бибиков. Киев: Наукова Думка. С. 94–108.

Фирсов Д.В., 1990. Исары. Очерки истории средневековых крепостей Южного Берега Крыма. Новосибриск: Наука. 472 с.

Щукин М.Б., 2005. Готский путь. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. 576 с.

Якобсон А.Л., 1951. Отчет об археологической разведке средневекового поселения и могильника Горзувит (бл. Гурзуфа) в 1951 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 654.

Якобсон А.Л., 1954. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзубиты // КСИИМК. Вып. 53. С. 109–120.

Якобсон А.Л., 1970. Раннесредневековые сельские посления Юго-Западной Таврики. Ленинград: Наука. 224 с. (Материалы и Исследования по Археологии СССР. № 168).

Procopius, De Aedificius // Opera Omnia. Libri IV. Ed. J. Haury, G. Wirth : Leipzig : Teubner, 1964 (Bbiliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana. Vol. III–IV).

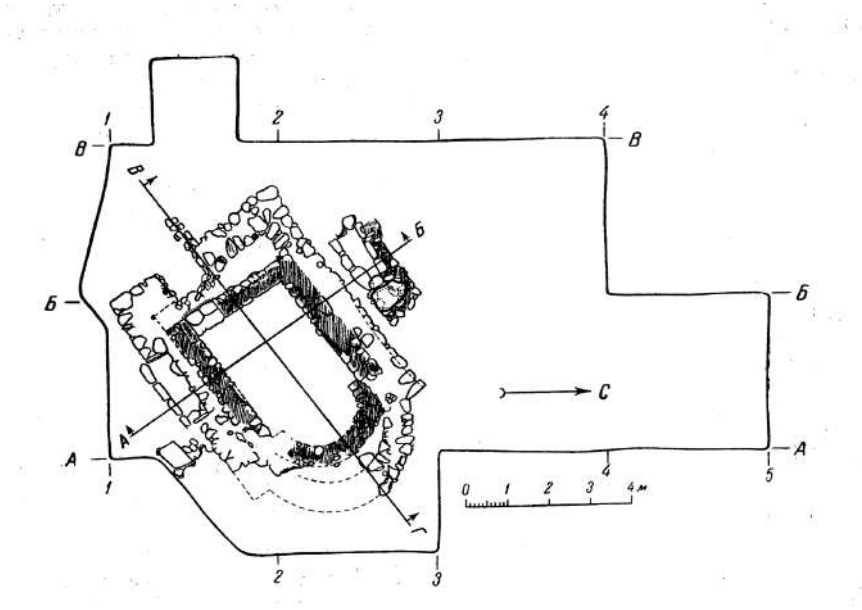


Рис. 1. Горзувиты. План храмов, раскопанных А.Л. Якобсоном в 1951 г. По: Якобсон, 1954. Рис. 50.

Рис. 2. Горзувиты. План храмов, исследованных в 2017 г.

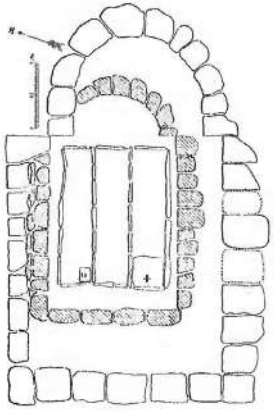


Рис. 3. План храмов, открытых Н.И. Репниковым на территории могильника Суук-Су в 1905 г. (По: Репников, 1907. Рис. 83.).

МАСЯКИН В.В.
(ИАК РАН, Симферополь)

УМБОН ЩИТА ИЗ СКЛЕПА ЮЛИЯ КАЛЛИСФЕНА[1].

Склеп, из которого происходит рассматриваемый умбон щита (рис. 1, 1), содержавший мужское и женское погребение, был случайно открыт в 1894 г. (ОАК 1894, с. 44). Внимание исследователей было посвящено, главным образом, трем предметам, относящимся к погребальному инвентарю мужского захоронения: золотому перстню с аметистовой геммой с изображением портрета императора Клавдия, золотой налобной пластине с греческой надписью, содержащей имя Юлия Каллисфена и железному, покрытому бронзовой обкладкой с рельефным орнаментом умбону щита, не однократно использовавшимся в реконструкциях исторических событий на Боспоре в римское время. Тем не менее, существуют различные точки зрения относительно хронологии этого комплекса, основанные, прежде всего, на представлениях о дате двух последних предметов. Исходя из палеографического анализа текста, Л. А. Мацулевич датировал надпись на пластине началом II в. н. э. (Мацулевич, 1941, с. 79), О. В. Шаров и М. М. Чореф предложили другую дату – вторая половина II в. н. э. (Шаров, Чореф, 2015, с. 369)[2]. Также высказаны различные предположения, касающиеся культурной принадлежности и датировки умбона щита. М. М. Казанский, отметив сходство умбона с находкой из фракийского погребения в кургане Караагач, связал происхождение предмета с присутствием в Крыму римских гарнизонов, в состав которых входили вспомогательные подразделения, сформированные из фракийцев (Kazanski, 1994, p. 436). По мнению А. А. Васильева умбон находит соответствия среди скандинавских находок периода B 2в – начала C 1a хронологии Европейского

[1] *Работа выполнена в рамках плановой темы отдела археологии раннего железного века Института археологии Крыма РАН «Археологические памятники варварского населения Крыма в 3 в. до н.э. – 6 в. н. э.» (№ 0832-2015-0003).*

[2] *В настоящей работе учитывается только археологический контекст.*

Барбарикума и связан с проникновением на Боспор германцев (Васильев, 2005, с. 38 - 39). О. В. Шаров, первоначально поддержавший предположение о «римско – фракийском» происхождении умбона (Sharov, 2006, p. 11), позже высказался в пользу его германской принадлежности (Шаров, 2011, с. 443, рис. 8, 9; Шаров, Чореф, 2015, с. 367 – 368, рис. 7, 9, 10). Основанием для этого послужила информация из отчета директора Керченского музея К. Е. Думберга о том, что в момент открытия склепа умбон имел длинный шип (рис. 1, 1 а), разрушенный находчиками (Шаров, Чореф, 2015, с. 363) . Таким образом, по мнению исследователя этот предмет относится к типу германских умбонов с длинным шипом и датируется серединой – второй половиной II в. н. э. (Шаров, Чореф, 2015, с. 367 – 368). Однако не трудно заметить, что германские умбоны значительно отличаются пропорциями каллоты и ранта, последний, как правило, значительно уже, чем у рассматриваемого (Шаров, Чореф, 2015, рис. 9, 10). Представляется, что находку из склепа Юлия Каллисфена необходимо сопоставить с тремя умбонами, имеющими аналогичную форму, близкий декор и выполненными в сходной технике. Два из них происходят из погребения фракийского аристократа второй половины I – начала II вв. н.э. в кургане Рошава Драгана (рис. 1, 2) (Буюклиев, 1980, с. 71, таб. 9, 92; Краеведческий музей Старой Загоры), место находки третьего, хранящегося в частной коллекции, не известно (рис. 1, 3) (Nabbefeld, 2008, taf. 115, 732). Верхняя часть калотты этих умбонов завершается выступом в виде кнопки. При внимательном взгляде на фотографию умбона из склепа Юлия Каллисфена можно заметить, что сохранившаяся часть выступа имеет закругление, что вероятно свидетельствует о том, что изначально калотта также завершалась подобным выступом. Можно предположить, что шип появился позже в результате переделки или ремонта. В виде примера можно привести бронзовый умбон из погребения 152 некрополя Нейзац в Центральном Крыму (Храпунов, 2003, с. 339, рис. 5, 2). В качестве близкой параллели умбону из склепа Юлия Каллисфена М. Казанский указал на экземпляр из погребения в кургане Караагач, также имеющий кнопку (рис. 1, 6) (Kazanski, 1994, p. 436). Этот умбон найден вместе с богато декорированным шлемом в погребении конца I – первой половины II вв. н. э., принадлежащем ауксилиарию, возможно, офицеру фракийского происхождения (Велков, 1928 – 1929, обр. 14, табл. III). Судя по одной из двух надписей, обнаруженных на предмете, он был изготовлен в первой половине I в. н. э. Во второй надписи, относящейся ко второй половине I в. н. э. назван владелец с фракийским именем Ефтатралис из центурии Пруденса (L'année epigraphique,

2002, p. 441 – 442, № 1257). Военнослужащий с близким именем Ептатралис из фракийского племени бессов служил в I Ульпиевой але контариев (Zahariade, 2009, p. 323). Умбоны близкой формы, имеющие цилиндро - коническую калотту с кнопкой в верхней части найдены и в других фракийских аристократических погребениях (Караново, Дългата могила, Микри Доксипара, Лутрос, некрополь Траянополиса). Одновременно использовались также и экземпляры без кнопки. В некоторых комплексах найдены умбоны обоих вариантов. Высота калотты у них варьирует, но очевидно, это не является хронологическим признаком.

Происхождение рассматриваемых умбонов с цилиндро - конической калоттой связано с образцами, возникшими в позднелатенское время (период LT D1, первая половина I в. до н.э.). В эпоху Августа (27 г. до н. э. – 14 г. н. э.) щиты с подобными умбонами получили широкое распространение во вспомогательных подразделениях римской армии в связи с комплектованием последних преимущественно из кельтов и германцев, использовавших такие умбоны в предшествующий период (рис. 1, 5) (Pernet, 2010, p. 109 – 112, pl. 122, 4; 230, 5; 25, e; Gaspari, Masaryk, Novsak, 2013, p. 62 - 83). В I в. н. э. и особенно после создания провинции Фракия в 46 г. н. э. подобные умбоны получают распространение в местной среде в связи с привлечением фракийцев в римскую армию в качестве ауксилиариев, где они получили ряд местных особенностей, в частности кнопку в верхней части калотты. Умбоны такой формы с кнопкой за пределами Фракии не многочисленны. В качестве примеров можно назвать экземпляры из двух погребений ауксилиариев времени Августа в Галлии (Berry-Bouy, Huismes) и из лагеря Ксантен на нижнем Рейне, относящемся к I в. н. э. (рис. 1, 4). Последний также изготовлен из железа и покрыт бронзой (Nabbefeld, 2008, taf. 33, 351).

Уточнить датировку умбона позволяет анализ декора. Орнаментальные зоны разделены концентрическими окружностями в виде рельефного жгута. Верх калотты украшен розеттой, зона ниже розетты и рант заняты растительным орнаментом и изображениями птиц. Растительный орнамент состоит из чашечки (calyx), образованной тремя листьями аканфа, из которой в противоположные стороны расходятся побеги, образующие S – видные узоры, между которыми расположены цветы, почки и птицы (рис. 2, 1) (Сокольский, 1955, с. 19). Такой орнамент (Rankenakanthus), символизировавший возрождение и процветание, является одним из характерных проявлений искусства времени Августа, отражавшего провозглашенную идеологию «золотого века» (Aurea Aetas) (Künzl, 1996, s. 421

– 423; Istenič, 2003, p. 289). Наиболее известным примером этого мотива являются изображения на Алтаре Мира (Ara Pacis Augustae), построенном в 13 г. до н. э., в которых аканф выступает символом Аполлона, покровителя Августа (рис. 3, 4, 5) (Pollini, 2012, p. 271). Нашел отражение этот декор и в произведениях торевтики, в том числе, в оформлении предметов вооружения, например, ножен мечей - гладиусов типа Майнц (Miks, 2007, taf. 192, A 445, B 300, 7), деталей военных поясов (cingulum) (Istenič, 2003, p. 288 – 289, fig. 5). Одним из наиболее ярких образцов этого стиля является оформление назатыльника офицерского шлема с маской августовского времени из Эмесы в Сирии (рис. 2, 4, 6) (Seyrig, 1952, pl. XXIII – XXV). Декор последнего чрезвычайно близок орнаменту на серебряном блюде из Хильдесхаймского клада, сокрытие которого связывают с событиями похода Квинтилия Вара в 9 г. н. э. (рис. 2, 3, 5) (Stupperich, 1995, s. 112, abb. 20 - 22). Подобный же декор присутствует на надгробии кенотафа центуриона XVIII легиона Марка Целия, погибшего в этом походе (рис. 3, 3, 6). Таким образом, можно предположить, что рассматриваемый умбон был изготовлен в первой половине I в. н. э.

В качестве дополнительного основания для датировки и определения статуса лица, которому мог принадлежать щит с рассматриваемым умбоном, необходимо обратиться к материалам погребения 2 в кургане Рошава Драгана, представляющего, кроме склепа Юлия Каллисфена, единственный случай находки двух подобных умбонов в контексте. Захоронение, датирующееся второй половиной I - началом II в. н. э., принадлежало фракийскому аристократу, имевшему римское гражданство и вероятно являвшемуся командиром подразделения вспомогательной кавалерии (Werner, 1994, s. 273; Негин, Камишева, 2016, с. 92 - 95). В погребении найден комплект наступательного и защитного вооружения, среди которого выделяется парадный шлем с маской первой половины I в. н. э. Учитывая, что шлем с маской и умбоны щитов выполнены в сходной технике (железная основа, бронза с серебрением), можно предположить, что эти предметы изготовлены в одно время и относятся к экипировке офицера римской вспомогательной кавалерии. Вероятно, таким же образом можно интерпретировать и не орнаментированные умбоны близких форм, происходящие из погребений фракийских аристократов второй половины I - первой половины II вв., служивших офицерами в римских вспомогательных войсках, и получавших по окончанию службы римское гражданство (Кабакчиева, 2005, с. 25). В некоторых из этих погребений зафиксированы и остатки щитов, имевших вытянутую овальную форму,

характерную для щитов ауксилиариев.

В этой связи находку из керченского склепа необходимо рассматривать в комплексе с другими обстоятельствами, прежде всего, родовым именем (nomen) погребенного, свидетельствующем о наличии у Юлия Каллисфена римского гражданства, и золотым перстнем с аметистовой геммой с изображением императора Клавдия (41 – 54 гг.) работы мастера Скилакса (Неверов, 1994, с. 134 – 135, № 55). Находка в погребении золотого перстня с императорским изображением рассматривалась исследователями в связи с предполагаемым участием Юлия Каллисфена в событиях римско - боспорской войны 45 – 49 гг., или в качестве дипломатического подарка (Горончаровский, 2003, с. 168). Принимая во внимание наличие у Каллисфена римского гражданства, необходимо отметить, что в раннеимператорское время привилегией ношения золотого перстня обладали два сословия – сенаторы и всадники. Более того, по сообщению Плиния Старшего (33, 3, 41) именно при Клавдии лица, которым было пожаловано право ношения золотого перстня с изображением императора, имели доступ к принцепсу. Исходя из этих обстоятельств и учитывая «всаднический» характер погребального инвентаря (Трейстер, 2010, с. 527 - 526), можно предположить, что Юлий Каллисфен, так же, как и фракийский аристократ, погребенный в кургане Рошава Драгана, мог получить римское гражданство в результате службы в качестве офицера в римской вспомогательной кавалерии. Таким подразделением могла быть I Боспорская ала (ala I Bosporanorum), предположительно сформированная в правление Клавдия, возможно, в связи с событиями римско - боспорской войны, дислоцировавшаяся в разные годы в Сирии, Мёзии и Азии, после 113 г. н. э. – в Паннонии и Дакии. В таком случае, не исключено, что римские парадный щит и золотой перстень могут быть интерпретированы и в качестве военной награды (Dona militaria). Случай получения награды от сослуживцев в виде щита (clypeus) и золотых колец, наряду с золотым венком, засвидетельствован в эпитафии Гая Юлия Мацера первой половины I в. н. э., служившего во вспомогательной кавалерии. Также, во время правления Клавдия щитами был награжден всадник Корнелий Валериан (Maxfild, 1980, p. 120, p. 120). Исследователи отмечают, что подобные виды наград не характерны для официальной римской практики и возможно связаны с инокультурными, прежде всего, кельтскими традициями. Отметим, что среди военнослужащих I Боспорской алы зафиксированы выходцы из кельтского племени нантуантов и германского племени убиев. Использование награды в виде погребального приношения зафиксирова-

но и в захоронении в кургане Рошава Драгана, в котором найден золотой дубовый венок (corona civica), также относящийся к категории dona militaria (Негин, Камишева, 2016, с. 92).

ЛИТЕРАТУРА

Буюклиев Х. Тракийският могилен некропол при Чаталка, Старозагорски окръг. 1980.

Васильев, О некоторых особенностях хронологии предметов вооружения германцев в Северном Причерноморье (этапы В 2 и С1) // Боспорские чтения VI, 2005, с. 37 – 43.

Велков И. Нови могилни находи // Известия на българския археологически институт 5, 1928-1929, с. 13-55.

Горончаровский В. А. Римско-боспорский конфликт 40-х годов I в. н.э. // ВДИ. 2003, № 3, с. 161 – 170.

Кабакчиева Г. Культура Фракии в римское время // Спасеные сокровища древней Фракии. София – Москва, 2009, с. 22 – 28.

Мацулевич Л. А.. Кто был Каллисфен, названный в надписи, открытой в Керчи в 1894 г. // СА, 1941, Вып. 7, с. 61—80.

Неверов О. Я. Античные камеи. СПБ., 1994.

Негин А.Е., Камишева М. Доспех катафрактария из погребения в кургане «Рошава Драгана» // Stratum plus. 2016, № 4, с. 91-119.

Сокольский Н. И. О боспорских щитах. КСИИМК, 1955, Вып. 58, с. 14—25.

Трейстер М.Ю. Оружие сарматского типа на Боспоре в I–II вв. н.э. // Древности Боспора. 2010, Вып. 14, с. 484 – 561.

Храпунов И. Н. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // Боспорские исследования. Симферополь, 2003. Вып. III, с. 329 – 350.

Шаров О.В. К вопросу о «сарматской знати» на Боспоре в позднеримскую эпоху // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы VII Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2011, с. 217-233.

Шаров О.В., Чореф М.М. К вопросу о датировке tabula ansata с именем Юлия Каллисфена // Stratum plus, 2015, №4, с. 357-378.

Gaspari A., Masaryk R., Novsak M. The shield boss from Emona (Ljubljana): Celtic weaponry in an Early Roman context // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu, 2013, Vol.46, № 1, p. 57 – 87.

Istenič J. The Early Roman “Hoard of Vrhnika”: A Collection of Finds from the River Ljubljanica // Arheološki vestnik, 2003, 54, p. 281-298.

Kazanski M. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l’époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // Beïtrage zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten fier nachchirstlichen Jahrhunderten. Lublin; Marburg, 1994, p. 429-485.

Künzl E. Gladiusdekorationen der frühen römischen Kaiserzeit: dynastische Legitimation, Victoria und Aurea Aetas. – Jahrbuch des Römisch - Germanischen Zentralmuseums Mainz, 1996, 43, s. 383-474.

L’année epigraphique, 2002.

Miks K. Studien zur römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit. Rahden, 2007.

Nabbefeld A. Römische Schilde – Studien zu Funden und bildlichen berlieferungen vom Ende der Republik bis in die späte Kaiserzeit. Rahden, 2008.

Pernet L. Armement et auxiliaires gaulois (IIe et Ier siècles avant notre ère). Montagnac, 2010.

Pollini J. From Republic to Empire. Rhetoric, Religion, and Power in the Visual Culture of Ancient Rome. University of Oklahoma Press, 2012.

Seyrig H. Antiquités de la nécropole d’Emèse. Syria, 1952, 29, p. 205 – 250.

Sharov O. Le Bosphore Cimmerien // Shchukin M., Kazanski M., Sharov O., Des Goths aux Huns : Le Nord de la mer Noire au Bas –Empire et a l’époque des Grandes Migrations. Oxford (BAR –S 1535), 2006.

Stupperich R. Römische Toreutik und augusteische Feldzüge in Germanien: Der Fall Hildesheim //A rminius und die Varusschlacht. Geschichte - Mythos - Literatur. Interdisziplinäres Kolloquium in Osnabrück 6.-9.12.1990. Paderborn, 1995, p. 97-122.

Werner J. Chinesischer Schwerttragbügel der Han-Zeit aus einem thrakischen Häuptlingsgrab von Catalka (Bulgarien) // Germania, 1994. 72, s. 269-282.

Zahariade M. The Thracians in the Roman Imperial Army: From the First to the Third Century A.D. I. Auxilia. Cluj-Napoca, 2009.

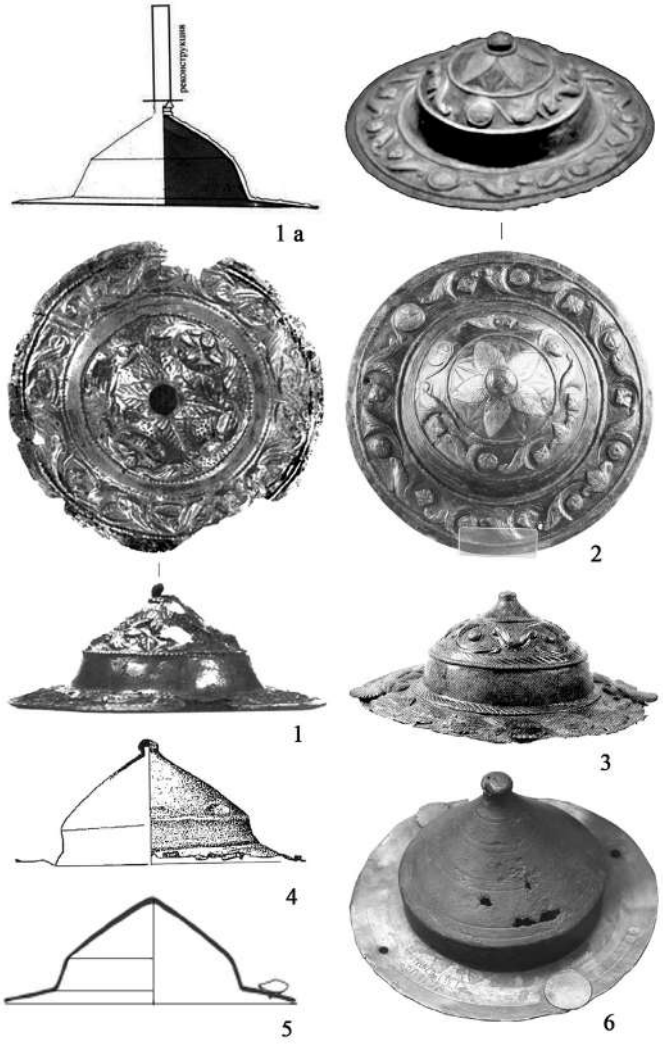


Рис. 1. Умбоны щитов. 1, 1а – склеп Юлия Каллисфена. 1 а – реконструкция О. В. Шарова. 2 – Рошава Драгана. 3 – место находки не известно. 4 – Ксантен. 5 - La Remise, могила 9. 6 – Караагач.

Рис. 2. 1 - Умбон из склепа Юлия Каллисфена, деталь. 2 – умбон из кургана Рошава Драгана, деталь. 3, 5 – блюдо из Хильдесхаймского клада и деталь. 4, 6 – шлем из Эмесы и детали.

Рис. 3. Умбон из склепа Юлия Каллисфена, деталь. 2 – умбон из кургана Рошава Драгана, деталь.3, 6 – надгробие Марка Целия и деталь. 4, 5 – Алтарь Мира, детали.

МОЛЕВ Е.А.
(ННГУ, Н-Новгород)

АРХЕАНАКТИДЫ – КТО ОНИ?

В истории Боспора проблема происхождения и характера власти Археанактидов рассматривалась многократно. Основные версии были высказаны еще в прошлом веке и наиболее подробно рассмотрены С.А. Жебелевым [Жебелев 1953, с. 21-28] и В.В. Шкорпилом [Шкорпил 1918, с. 54-59]. Согласно им Археанактиды были: 1) аристократическим родом, правившим тиранически; 2) аристократическим родом правившим олигархически; и 3) просто древними правителями. Нас же будет интересовать реальный характер власти этих правителей в глазах античных авторов, а не классификация или типология их титулатуры, поскольку и в самой Элладе этим последним вопросам внимание уделяли лишь немногие ученые-эрудиты (Платон, Аристотель), а тех, кто писал историю (или биографии) интересовало реальное положение дел в этой сфере и есть все основания думать, что их заключения более соответствовали истине, чем наши попытки подогнать их данные под античные (или современные) политические теории.

В дискуссиях последних лет особенно активно развиваются две идеи: о том, что Археанактиды были олигархическим родом или просто безымянными древними правителями, восстановившими после разрушения скифами эллинскую колонию в Пантикапее. Так, по мнению И.Е. Сурикова «наличествуют некоторые ньюансы, свидетельствующие… что правление Археанактидов представляло собой не тиранию, а олигархию… одного знатного рода [Суриков 2012, с. 84]».

Первый ньюанс в заявлении автора проистекает из осторожного предположения С.А. Жебелева, что власть Спартокидов – это может быть олигархия одного знатного рода, возможно похожая на «династию» Аристотеля. При этом сам С.А. Жебелев подчеркивает – «Государственный строй Боспора IV в. напоминает до известной степени (курсив здесь

и далее мой – Е.М.) крайнюю династию по характеристике ее по Аристотелю, хотя последний, несомненно, не имел в виду Спартокидов» [Жебелев 1953, с. 176. Прим. 5]. И тем более, добавим от себя, не имел в виду Археанактидов. Это, на мой взгляд, очень важный момент, который показывает, что для того чтобы применять термин «дюнастейя» к последним надо сначала признать, что характер их власти соответствует характеру власти Спартокидов. Судя по контексту статьи, И.Е. Суриков склоняется к этому признанию, с чем была несогласна в своей критике С.А. Жебелева Т.В. Блаватская [Блаватская 1959, с. 47-48]. Автор признает эту критику не вполне удачной, хотя именно в данном случае (в том, что власть Левконидов не могла походить на δυναστεία в определении Аристотеля) она, на мой взгляд, вполне корректна.

Далее, исходя из признания Археанактидов олигархическим родом, И.Е. Суриков приводит в пользу этого следующие четыре соображения. Во-первых, то, что Спарток принял власть не у конкретного правителя, а у Археанактидов в целом. По мнению автора «такой способ выражения является корректным только для случаев, когда происходит смена формы правления – с коллективной на индивидуальную» [Суриков 2012, с. 87-88]. Да, это так, но почему эта коллективная форма правления должны быть именно олигархией, а не аристократией или корпоративной тиранией отца и сына (братьев)?

Согласно второму соображению автора, в греческом мире известен только один случай смены одной династии тиранов другой. Это переход власти в сицилийской Геле от Пантаридов к Дейноменидам [Высокий 2004, с. 151-152]. Да, пока этот случай в античном мире единственный, но он есть и пока у нас нет точных данных о характере событий 438 г. до н.э. на Боспоре, я бы не стал так категорически утверждать, что низложение Археанактидов и утверждение Спартока не имеет никакого (по крайней мере, внешнего) сходства с вышеотмеченным переворот в Геле.

Третье соображение автора о кратковременности правления Археанактидов также очень относительное. Веди и Писистратиды правили около 40 лет (без перерыва с 546 по 510 гг. до н.э., учитывая десятилетнее изгнание Писистрата).

И, наконец, последнее, и главное, по мнению автора, соображение – это то, что мы не знаем ни одного конкретного имени тирана из династии Археанактидов. Имя Археанакт, по его мнению таковым не является, потому что «в античности далеко не всегда получали название от первого правителя». Согласен! И с примерами из Сицилии тоже согласен. Более

того, их можно было бы и не приводить, поскольку и у нас на Боспоре древние греки, в отличие от нас, именовали правителей государства Левконидами, а не Спартокидами. Но ведь есть и другие примеры. Опять же не будем далеко ходить. Всем известные Писистратиды в Афинах происходили от Писистрата, сына Гиппократа, хотя родословная этого героя античной истории возводилась еще к Нелеидам. Почему же мы не можем считать некоего Археанакта (сейчас не важно были ли это отец и сын или братья, отцом которых был Археанакт) основателем династии правителей Боспора его имени?

И.Е. Суриков абсолютно прав, говоря, что такие имена могли быть обозначениями знатных родов или наиболее крупных деятелей рода, но с этим никто и не спорит. Да, это так, но чем это могло помешать Археанактидам (независимо от того был ли Археанакт древнейшим представителем их рода или узурпатором, захватившим власть и передавшим ее сыну или брату) быть правителями Боспора Киммерийского?

И тут дело вовсе не в ходе наших рассуждений, а в том, что единственный наш источник по этому вопросу Диодор называет характер правления Археанактидов таким же термином, как и характер правления Спартокидов. Поэтому к Археанактидам вполне возможно применение тех (и только тех) потестарных терминов, которые применяли по отношению к Спартокидам античные авторы (и именно античные). А это, напомним, – в нарративных источниках «династ» (Strabo., VII, 4,4; при этом Страбон определяет характер их власти глаголом «μοναρχέω»; XI, 2, 7; 10), «тиран» (Aesch., III, 171; Aen., Tac., Comm. Poliorc. 5,2; Strabo VII, 4, 4; 5; Polyaen., V, 23; Ps. Arist., Oeconom. II, 2,8; Ps., Skymn., 836-839), «архонт (?)» (Dem., XX, 29) и «царь» (Хрисипп в «Географии» Страбона - Strabo., VII, 3,8). В аутентичных боспорских памятниках эпиграфики Спартокиды именуются как «архонт и царь».

Таким образом, ни сами боспоряне, ни античные авторы, в той или иной мере интересовавшиеся Боспором, никогда не считали Спартокидов родом олигархов. Сравнение их с «самым ярким и наиболее сущностно близким к нашему контексту примером – коринфской олигархией Бакхиадов» [Блаватский 1964, с. 47; Суриков 2012, с. 91] – аргумент, на мой взгляд, недостаточно сильный.

Да, Геродот отмечает, что правление Бакхиадов было олигархическим (ἦν ὀλιγαρχίη – Her., V, 92B, 1), но при этом подчеркивает в той же фразе и то, что они правили только они и друг за другом (ἤγοντο ἐξ ἀλλήλων). Более того, в оракуле, данном Бакхиадам, он называет их «ἀνδράσι

μουνάρχοισι – мужи-монархи» (V, 92B,2), что явно свидетельствует о том, что они монополизировали власть и правили фактически как тираны.

Более того, и наш Диодор, и Николай Дамасский отмечают, что коринфский притан Бакхиад имел положение царя (Diod., VII, 9; FgrHist 90 F 57, 1. 6). Причем, что особенно примечательно, Николай Дамасский там же сообщает, что и Кипсела (тирана) коринфский демос избрал басилеем. Страбон же прямо называет членов правящего клана правящими тирани-чески: «καὶ ὁι Βακχιάδαι τυραννήσαντες» (VIII, 6, 20).

Я думаю, все это потому, что и Диодору, и Страбону и Николаю Дамасскому было абсолютно все равно к какой группе по своей системе отнес бы правление Бакхиадов великий Аристотель. Для них была важна реальная оценка системы их правления, т.е. такой, какой она есть (или, по крайней мере, такой, какова она была в их представлении). И потому, я не думаю, что Страбон, говоря о тирании Бакхиадов, допускает неточность. Он настолько же прав, насколько прав Аристотель. Просто цели и характер их трудов были разными. А потому, сколько бы мы не привели примеров олигархий одного рода прямой параллелью их по отношению к характеру власти Археанактидов можно назвать лишь с очень большой долей условности. И оценка их политической системы с этой точки зрения как «корпоративной тирании, предложенная и наиболее обоснованная А.А. Завойкиным [Завойкин 2001, с. 153; он же, 2012, с. 288-289], на мой взгляд, выглядит более убедительно.

Кстати, есть и еще более убедительная оценка понимания «олигархии» как тирании уже современниками. Так, Ксенофонт в «Греческой истории» отмечает, что правление в Афинах «тридцати тиранов» начиналось как «олигархия» (ἐγένετο δὲ ἄυτη ἡ ὀλιγαρχία ὧδε… - Xen., Hell. II, 3, 2), но далее устами Крития (лидера этих олиграхов, которого в данном случае очень трудно заподозрить в неточности) он говорит его коллеге Ферамену: « Ты очень наивен, если полагаешь, что для сохранения власти за нами надо меньше предосторожностей, чем для охранения всякой иной тирании: то, что нас тридцать, а не один, нисколько не меняет дела (пер. С.Я. Лурье) - εἰ δὲ, ὅτι τριάκοντά ἐσμεν καὶ οὐχ εἷς, ἧττόν τι ὅιει ὥσπερ τυραννίδος ταῦτης τῆς ἀρχῆς χρῆναι ἐπιμελεῖσθαι, εὐήθης εἶ … - Xen., Hell. II, 3, 16). С.А. Жебелев [Жебелев 1940, с. 32] дает несколько иной, более дословный перевод этой фразы – «ты наивен, если думаешь, что мы, так как нас Тридцать, а не один, должны не так сильно заботиться об этой (т. е. достигнутой нами) власти как о тирании» и приводит перевод ее Г. Германом – «мы должны заботиться о сохранении нашей власти так

же, как заботится о сохранении своей власти тиран», что в любом случае не меняет смысла фразы..Как видим, для лидера афинских олигархов тиранический характер правления его команды не вызывал сомнений, как, впрочем, и для других афинян (в частности Аристотель отмечает, что Поликрат, автор обвинительного памфлета против Сократа, первым назвал их тиранами («Rhet.», 24, 1401a, 34).

Таким образом, термин «тираны» для обозначения власти Тридцати в Афинах 404-403 гг. до н.э. возник вскоре же после их низвержения и хотя он не был официальным, реальный характер их власти, особенно после казни Ферамена был именно таковым (τυραννεῖν ἀδεῶς – Xen., Hell.», II, 4,1) , что, кстати, отметил и Аристотель (Arist., Aph. Pol., 41 – δεκάτη δ’ἡ τῶν τριάκοντα καὶ ἡ τῶν δέκα τυραννίς, хотя далее в соответствие со своей классификацией типов государств называет их правление олигархией (Arist., Aph. Pol., 53 – ἡ ἐπὶ τῶν τριάκοντα ὀλιγαρχία). Последнее обозначение, как совершенно справедливо заметил С.А. Жебелев, «с правовой точки зрения, единственно правильное»... но «название «Тридцать тиранов», «тирания Тридцати» ведет свое происхождение из житейского обихода и является олицетворением образа действий Тридцати»[Жебелев 1940, с. 33].

И, еще раз повторимся, то, что наш единственный источник об Археанактидах – Диодор, называет их, как и Спартокидов, «царствующими над Боспором Киммерийским», означает только одно – для Диодора и его источника характер их власти был аналогичным [Виноградов 1983, с. 296]. И у нас нет оснований «сомневаться в адекватности этой титулатуры» [Подосинов 2012, с. 135] и в данном случае. А поскольку тиранический характер власти Спартокидов, в отличие от олигархического, прямо засвидетельствован источниками, вероятнее всего, на наш взгляд, видеть тиранов и в Археанактидах [Ср. Сапрыкин 2003, с. 19].

Таким образом, вслед за И.Е. Суриковым мы можем признать, что

«боспорские (пантикапейские) Археанактиды были знатным родом. Название его происходило либо от имени основателя – некоего Археанакта…, либо от выражения ἀρχαῖοι ἄνακτες – «древние владыки»… Возможно этот род вел свое начало от семьи ойкистов Пантикапея». Что же касается бóльшей вероятности происхождения названия «Археанактиды» от выражения ἀρχαῖοι ἄνακτες, к которой склоняется И.Е. Суриков и возможность которой столь скрупулезно обосновал в своих работах Ф.В. Шелов-Коведяев [Шелов-Коведяев 2012, с. 33-57; Шелов-Коведяев, Толстиков 2014, с. 452-504], то тут все же есть три сомнения.

Во-первых, при наличии и достаточно широком распространении

имени «Археанакт» в античном мире, что признается всеми исследователями, а также происхождении абсолютного большинства названий родов разных социальных групп (в том числе и тиранов) от имен происхождение названия «Археанактиды» от имени выглядит все же более предпочтительным.

Во-вторых – в тексте Диодора говорится, что они «именуются» (ὀνομασθέντες) Археанактидами. И если бы речь шла не об имени, а о названии (глагол ὀνομάζω имеет и то, и другое значение[1]) и, тем более, не конкретного рода, а неких неопределенных «древних правителях», я думаю, что Диодор скорее бы использовал более подходящий в таком случае глагол καλέω (звать, называть).

И, в-третьих, Ф.В. Шелов-Коведяев и вслед за ним В.П. Толстиков предполагают, что Археанактиды в представлении Диодора могли быть древними правителями, которые реколонизовали Пантикапей после его разрушения скифами. Но ни один наш источник не говорит о повторном основании Пантикапея. Да и вероятность полного уничтожения Пантикапея во всех четырех случаях военных столкновений со скифами гипотеза В.П. Толстикова, несмотря на все приведенные следы разрушений, все же не предполагает. А потому и связь с дальнейшего развития города с прибытием новой партии эпойков и появлением неких «древних правителей» около 480 г. до н.э. не более чем гипотеза. Само название «древние правители – ἀρχαῖοι ἄνακτες (если его принимать всерьез), для боспорян, полис которых к 480 г. до н.э. существовал уже больше сотни, лет могло относиться только к тем правителям, которые уже правили в их городе когда-то давным-давно и при их правлении полис, как минимум, жил нормальной жизнью. Вот это и могло бы стать в условиях суровых военных будней первой четверти V в. до н.э. причиной передачи им власти их потомкам. Но и в этом случае гораздо более вероятно происхождение термина «Археанактиды» от имени основателя их рода.

Таким образом, сопоставляя различные определения характера власти Археанактидов, мы и сегодня можем с определенной натяжкой допускать их олигархическое правление, но все-таки более предпочтительной, на мой взгляд, остается версия о тираническом характере их власти.

[1] *A Greek-English Lexicon compiled by Henry George Liddel and Robert Scott. Clarendon Press, Oxford, 1996. Стб., 1232-1233.*

ЛИТЕРАТУРА

Блаватский В.Д. Архаический Боспор // МИА. № 33. 1954. С. 37:

Блаватский В.Д. Пантикапей. М., 1964. С. 46;

Блаватский В.Д. О происхождении боспорских Археанактидов // Античная археология и история. М., Наука, 1985. С. 207-211.

Блаватская Т.В. Очерки политической истории Боспора в V-IV вв. до н.э. М., АН СССР, 1959. С. 47-48.

Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье /Античная Греция. Т. I. М., Наука,1983. С. 366-420.

Высокий М.Ф. История Сицилии в архаическую эпоху: ранняя греческая тирания конца VII – середины V в. до н.э. СПб., 2004. С. 151-152.

Жебелев С.А. О тирании тридцати в Афинах // ВДИ. 1940. № 1. С. 27-33.

Жебелев С.А. Боспорские Археанактиды // Северное Причерноморье. М-Л., 1953. С. 21-28.

Жебелев С.А. Боспорские этюды. Образование Боспорского царства //Северное Причерноморье. М-Л., АН СССР, 1953. С. 176. Прим. 5.

Завойкин А.А. «Боспорский феномен» или псевдо-эллинизм на Боспоре // Древности Боспора. 2001. Т.4. С. 153;

Завойкин А.А. Были ли Археанактиды «царями Киммерийского Боспора» (Diod. XII. 31, 1)? К периодизации становления Боспорского государства// Эмбатерион. Сборник статей по искусствоведению, филологии и истории. М., 2011. С. 291-299.

Завойкин А.А. Боспорская монархия: проблемы периодизации // Восточная Еввропа в Древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012. С. 288-289.

Подосинов А.В. Образование Боспорского царства в свете теории протоэллинизма // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства /Подосинов А.В.,Габелко О.Л. М., 2014. С.

Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство: от тирании к эжллинистической монархии // ВДИ. 2003. № 1. С. 11-35.

Суриков И.Е. Некоторые проблемы Боспорского политогенеза V-IV вв. до н.э. (взгляд из Эллады) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / Подосинов А.В.,Габелко О.Л. М., 2014. С. 84.

Шелов-Коведяев Ф.В. Кем были «Археанактиды»? // Древнейшие го-

сударства Восточной Европы. 2012. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства /Подосинов А.В.,Габелко О.Л. М., 2014. С. 57-33.

Шелов-Коведяев Ф.В., Толстиков В.П. Боспор в первой четверти V в. до Р.Х. (из истории Пантикапея начала эпохи классики) // Древности Боспора. Т. 18. М., 2014. С. 452-504.

Шкорпил В.В. Археанактиды // ИТУАК. 1918. № 54. С. 54-59.

Blavatsky V.D. Zur Herkunft der Bosporanischen Archaianaktiden // Klio.. 1970. № 52. S. 33-36.

A Greek-English Lexicon compiled by Henry George Liddel and Robert Scott. Clarendon Press, Oxford, 1996. Стб., 1232-1233.

МОЛЕВА Н.В.
(ННГУ, Н-Новгород)

НЕОБЫЧНЫЕ НАХОДКИ В СОСТАВЕ ТРАДИЦИОННЫХ ПРИНОШЕНИЙ В КИТЕЙСКОМ СВЯТИЛИЩЕ

Археологические исследования Китейского городского святилища начались в 1970 г. и с небольшими перерывами продолжаются по настоящее время. Судя по вотивным находкам (главные – терракоты и граффити), этот сакральный комплекс V в. до н.э. – V в. н.э., в основном, посвящен различным богам, несущим идею плодородия: Деметре и Коре, Афродите, Кибеле (Великой Матери), Артемиде, Гераклу и Дионису. Судя по обряду жертвоприношений, довольно стойкому на протяжении многих столетий, культы этих богов имели четко выраженные хтонические черты, характерные для архаического религиозного мировоззрения. Чаще всего приношения осуществлялись в природные расселины (фависсы) и ботросы. Алтари были снабжены сквозными отверстиями и стоками, ведущими вниз, для различного рода возлияний, уходящих в землю. Обязательной составной частью жертвоприношения являлась коллективная трапеза, также сопровождавшаяся возлияниями и оставлявшая каждый раз большое количество костей животных, рыб, раковин (Молева 2002, с. 189-190). Вероятно празднества, связанные с почитанием многих богов, происходили в разные календарные сроки. Сильное влияние на отправление этих культов оказали Элевсинские мистерии с их ночными церемониями (Молев, Молева 2015, с. 158-159).

Состав жертвоприношений традиционен для древнегреческих сакральных обрядов, в том числе и для периферийных центров античного мира в Северном Причерноморье. В Китее – это огромное количество (десятки тысяч) амфорных обломков, фрагменты столовой и расписной парадной посуды, светильников, лепной керамики. Последняя принадлежит в основном (71%) к «греческой группе», сделанной руками жителей города (Гаврилюк, Молев 2013, с. 103-104). К вотивным находкам относят-

ся части терракотовых статуэток (более 300), граффити и монеты. Кроме того, встречаются орудия труда, также являвшиеся подношениями богам (Молева 2006, с. 89-90), наконечники стрел (Молева 2017, с. 67), скромные женские украшения, костяные изделии, позже и стеклянные.

Очень редко в таком традиционном наборе встречаются весьма необычные, не характерные ни для греческой, ни для местных варварских культур вещи, представленные в этой работе.

Самыми древними такими находками еще доскифского периода являются каменные орудия труда (чаще всего ножевидные пластины и топоры), относящиеся к эпохам камня и бронзы и датирующиеся IV-II тысячелетиями до н.э. Они были найдены при раскопках многих боспорских городов, в том числе и в Китее. Все они были обнаружены на территории святилищ - центрального городского (зольник) и в сакральных комплексах у восточной крепостной стены (IV раскоп) и в южной части городища (V раскоп). Будучи найденными местными жителями при землеройных работах на территории городища или хоры, они приносились в святилища (Молева 2003, с. 200, 204). Вероятно, такие вещи отождествлялись с подземным миром и его богами. Они, безусловно, играли роль хтонических оберегов-апотропеев и, может быть, как-то использовались в обрядах жертвоприношений (Молева 2003, с. 205). Такие орудия в Китее представлены каменным топором, фрагментами топоров и булавы, ножевидной пластиной (Табл., 1).

Еще две находки, сделанные в разное время в центральном святилище, принадлежат семитским культурам и были изготовлены в Финикии или Карфагене. Это две цилиндрические бусы-подвески, изготовленные из темно-синего стекла с накладной желтой пастой (декор) в технике глинисто-песчаного сердечника (отсюда большой диаметр отверстия). На них изображены лица с большими круглыми глазами, обрамленные кудрями и бородой из желтых шариков (Молев 2009, с. 227). Такие штучные изделия стоили довольно дорого. Главный их элемент – большие круглые глаза, которые в странах Востока имели значение сильного апотропея. Обе китейские находки (Табл., 2а,б) размером 1,8 и 3,5 см с диаметром отверстия около 1 см. Они могут быть датированы IV в. до н.э. ближе к его середине (Молев 2009, с. 229). Они воспроизводят личину (в одном случае двустороннюю – Табл. 2б) божества явно негреческого облика. В святилище они могли быть принесены греками, побывавшими в Финикии или тамошними купцами, оказавшиеся на Боспоре. Эти подвески могли использоваться как амулеты или украшения конской сбруи. Сакральная обусловленность

этих изделий приводила к тому, что рано или поздно они оказывались в святилищах или погребениях. На боспорских памятниках такие находки редки, но они есть и появляются с V в. до н.э.

Все они, в том числе и китейские, свидетельствуют не только о торговых связях Боспора с Восточным Средиземноморьем, но и о вероятности проникновения инокультурных магических представлений в религиозное мировоззрение боспорского населения.

Обращают на себя внимание и две терракотовые поделки, обнаруженные в составе приношений наряду с фрагментами других статуэток, найденных на территории городского святилища (Табл., 3а). Одна их них представляет собой маленькую шаровидную голову (размеры 2 х 1,7 см) с примитивно обозначенными чертами лица: вдавленные глаза, нос в виде защипа. Голова вылеплена отдельно из красной, гончарной боспорской глины; на подбородке скол (Молев, Молева 2016, с. 192-193. Кат. 75).

Терракоты такого рода известны в ольвийском теменосе. А.С. Русяева интерпретирует их как приношения богам-врачевателям наряду с отдельно вылепленными частями тела (руки, ноги). Таковые встречаются на территориях святилищ (Русяева 1982, с. 116-117. Рис. 43, с. 158-159). Отмечу, что в Китее, в эллинистических слоях святилища на 7 и 8 квадратах, а именно там была найдена вышеупомянутая голова, также имеются находки отдельно выполненных рук и ног. Саму миниатюрную голову можно датировать по слою II-I вв. до н.э.

Следует, однако, заметить, что две подобные головы из лепной серой глины были обнаружены на территории святилища в Бельском городище (Гелоне). Техника их изготовления еще более примитивна: глаза и рот в одном случае, и глаза и нос – в другом, обозначены проколотыми ямками и насечками (Шрамко 1985, с. 33. Рис. 3/4-5). Слои этого святилища датируются VI-IV вв. до н.э., т.е. эти головы более ранние и, несмотря на некоторое сходство, сделаны они по-другому. Обратим внимание на то, что впервые греческий импорт появляется на поселении в третьей четверти VII в. до н.э. (Задников, Шрамко 2009, с. 476). Это время предшествует появлению греческих городов , а находки явно свидетельствуют о «доколонизационных» контактах и сваязях греков с местным варварским населением (Вахтина 2017, с. 51-52).

Вторая поделка вылеплена в виде небольшого цилиндрического «идола» из серой, пористой, в изломе желтоватой глины. В верхней его части условно переданы черты лица: глаза в виде углублений с обозначенными зрачками, нос – защип, рот – ямка под носом. Все остальное – за-

глаженный цилиндр (Табл., 3б). Эта статуэтка была найдена в восточной части городского святилища в перекопанных слоях с материалами IV-II вв. до н.э. Размеры ее 7,2 х 1,8 см (Кузина, Матукина, Молева 2010, с. 308 Кат. 3 52). Репликой этой терракоте может служить лепной антропоморфный идол из серой, желтой в изломе глины, с о. Березань. Но дата его гораздо более ранняя – втор. пол. VI в. до н.э. (Борисфен-Березань… Кат. С. 113., № 194). Находки двух цилиндрических лепных глиняных фигурок в виде «гермы с обозначенными чертами лица» (глаза – точки, рот – черточки, волосы – насечки) имели место в уже упоминавшемся святилище Бельского городища. На одном из таких цилиндров в нижней части имеется фаллос (Шрамко 1985, с. 11,13. Рис. 3/3, 15). Автор этих находок Б.А. Шрамко считал, что они символизируют «сохранение и продление жизни во всех ее формах» и могут быть связанными с земледельческими и скотоводческими культами ираноязычного населения доскифского времени (Шрамко 1985, с. 30). Что касается этого населения, то по его поводу имеются разные точки зрения. Так, В.В. Лапин отмечает большую роль греческих колонистов в основании Гелона и считает упоминаемых Геродотом гелонов греческими колонистами. В качестве доказательства им приводится большое количество фрагментов ионийской керамики VII-VI вв. до н.э., амфорной и расписной (Лапин 1966, с. 74-76). Б.А. Шрамко, упоминая о таких находках, считает их доказательством торговых связей местного доскифского населения (будинов и гелонов) с греческими факториями и городами Северного Причерноморья. Он утверждает, что Бельское городище (Гелон) «не может быть связано с появлением скифов в степях Северного Причерноморья (Шрамко 1975, с. 97, 115).

Во всяком случае, объяснять находки двух вышеописанных терракотовых поделок скифским влиянием у нас нет оснований. Но стоит отметить древнюю, относящуюся еще к VI-IV вв. до н.э. традицию изготовления таких вещей и их культовое предназначение.

Последний из публикуемых артефактов не связан обстоятельствами находки с сакральным комплексом. Он обнаружен в 2017 г. в районе крепостных сооружений, в южной части городища (раскоп I, башня «К») в слое позднеантичного времени. Это необычного вида изделие, напоминающее по своему облику футбольный мяч. Форма его шарообразная. Основу составляет ядро, небрежно слепленное из прочной известковой цемянки с песком. Снаружи оно обложено пятью кусочками толстостенного красноглиняного обожженного сосуда с реберчатым рельефным орнаментом. Размеры его 4,5 х 4 см. (Табл. 4). Что это такое – непонятно.

Никаких аналогий или реплик ему обнаружить не удалось. Может быть, это снаряд для пращи (по осторожному предположению В.Н. Зинько)?

ЛИТЕРАТУРА

Борисфен-Березань: начало античной эпохи в Северном Причерноморье. К 120-летию археологических раскопок на О. Березань // Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. СПб., 2005.

Вахтина М.Ю. Ранняя греческая керамика в варварских памятниках Северного Причерноморья: результат доколонизационных контактов или свидетельство связей между постоянными античнывми поселениями и варварской периферией? // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и впарварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения. Симферополь-Керчь, 2017. С. 49-59.

Гаврилюк Н.А., Молев Е.А. Лепная керамика Китея // Древности Боспора. Т. 17. М., 2013. С. 65-109.

Задников С.А., Шрамко И.Б. К вопросу о первых контактах населения Бельского городища с античным миром // Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира. СПб., 2009. С. 473-477.

Кузина Н.В., Молева Н.В., Матукина А.Н. Комплекс терракотовых статуэток из Китейского святилища (раскопки 2007-2009 гг.) // Древности Боспора. Т. 14. М., 2010. С. 276-312.

Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, Наукова Думка, 1966.

Молев Е.А. Финикийские подвески-апотропеи из Китейского святилища // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб., 2009. С. 227-230.

Молев Е.А., Молева Н.В. Триада в сакральном граффито из Китейского святилища // Боспорские исследования. Вып. XXXXI. Керчь, 2015. С. 155-163.

Молев Е.А., Молева Н.В. Боспорский город Китей. Ч. II. Симферополь-Керчь, 2016.

Молева Н.В. Обряд жертвоприношений в Китейском святилище // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002.

Молева Н.В. Древности эпох камня и бронзы на античных памятниках Боспора // Античный мир и археология. Вып. 11. Саратов, 2003. С.

200-206.

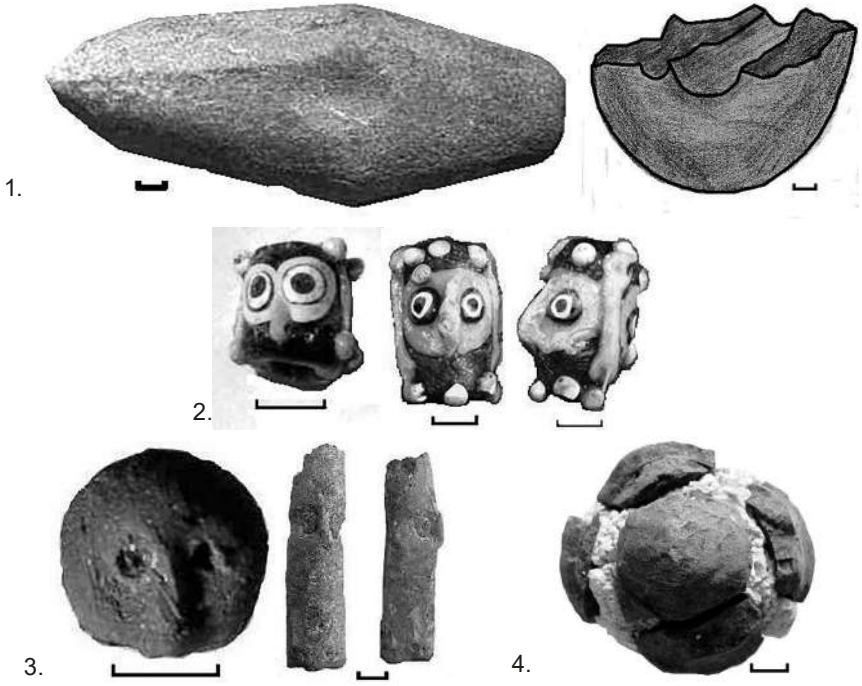
Молева Н.В. Орудия труда как вотивные подношения в Китейском святилище // Боспорские исследования. Вып. XIII. Симферополь-Керчь, 2006. С. 89-98.

Молева Н.В. Предметы вооружения в Китейском святилище // Артефакты и сакральное в истории Боспора. Н.Новгород, 2017. С. 67-71.

Русяева А.С. Терракоты Северо-Западного Причерноморья. Киев, Наукова Думка, 1982.

Шрамко Б.А. Крепость скифской эпохи у с. Бельск – город Гелон // Скифский мир. Киев. 1975. С. 94-132.

Шрамко Б.А. Культовые скульптуры Гелона // Археологические памятники юго-восточной Европы. Курск, 1985. С. 3-39.



Необычные находки в Китее.
1 - Каменные орудия труда эпох камня-бронзы; 2 - Финикийские стеклянные подвески-апотропеи; 3 - Лепные поделки из глины; 4 - Шарообразное изделие из цемянки и фрагментов гончарного сосуда.

МОРДВИНЦЕВА В.И., СМЕКАЛОВА Т.Н., ДЕВАЕВ А.С.
(ИВИ РАН, Москва; НИЦ ИАК КФУ, Симферополь)

ИССЛЕДОВАНИЕ ГОРОДИЩА НА ВЕРХНЕМ ПЛАТО Г. ОПУК В 2017 Г.

В 2015 и 2017 гг. на территории верхнего плато горы Опук были проведены магнитная и прецизионная геодезическая съемки (работы проводились под руководством Т.Н. Смекаловой при финансовой поддержке гранта РНФ № № 15-18-30047 и гранта № 33.1470.2017/4.6 Госзадания РФ). Участок магнитной съемки охватил территорию восточной части вершинного плато, примыкающую к крепостному сооружению и простирающуюся на 200 м к западу, до обнажения скального панциря. В ширину участок магнитной съемки составлял от 100 до 150 м, в зависимости от рельефа местности. Общая территория съемки, таким образом, была равна 2,85 га.

Магнитная карта (рис. 1) насыщена аномалиями природного и археологического происхождения. Отрицательные аномалии изображены светлым, а положительные – темным тоном. В качестве фона для магнитных карт выбрались космические снимки из интернет-ресурса Google Earth Pro. Выходы скалы отразились в магнитном поле в виде широких и постепенно увеличивающихся по интенсивности понижений магнитного поля. Они зафиксированы в северной части плато.

Аномалии, относящиеся к археологическим структурам, сконцентрированы на площади размерами примерно 150х150 м, примыкающей к крепости. С востока эта площадь отгорожена предположительно рвом, уходящим под сооружение цитадели (обозначен стрелками и словами «ров» на рис. 1). Ров проявился в магнитном поле в виде длинной положительной аномалии (темный цвет), обрамленной по обеим сторонам узкими отрицательными аномалиями (светлый тон). Вероятно, этот ров существовал еще до появления цитадели, защищающей въезд на плато, и огораживал центральную часть плато, которая, как будет показано ниже, была застроена каменными зданиями.

Наиболее важным результатом магнитной съемки явилось выявление крупного строительного комплекса, состоящего из «Главного здания» с подвалом (обозначено стрелкой) и какими-то, возможно, подсобными или менее значительными, жилыми и хозяйственными помещениями, расположенными вдоль оси плато (обозначены стрелками и словами «ряд помещений»). Эти помещения отразились в магнитном поле в виде линейных, взаимно перпендикулярных, отрицательных аномалий (светлый тон) с более магнитным (темным) заполнением (рис. 1).

«Главное здание», квадратное в плане, имеет размеры не менее 25х25 м. Внутри оно разделено каменными стенами на несколько отсеков. Северная часть здания, размерами 25х8 м, имеет в центре разрыв (вероятно, «вход»). Всю площадь этого северного отсека занимает интенсивная положительная аномалия, что может говорить о том, что здесь находится подвал или двор, заполненный более магнитным грунтом. Юго-западный отсек здания имеет несколько небольших помещений, внутри которых также есть положительные аномалии, создаваемые очагами или крупными керамическими сосудами. В юго-восточной части комплекса находится ряд помещений, а в центре – возможно, внутренний двор. С запада к описанному комплексу примыкают помещения, вытянувшиеся в ряд. Они проявились в магнитном поле в виде слабых линейных отрицательных аномалий.

К северу от главного здания находится крупный зольный холм, в центральной части которого имеется огромная современная яма, вырытая для сооружения военного капонира (?). Положительная аномалия от сильномагнитной обожженной золистой почвы, насыщенной керамикой, распространяется по площади не менее 50х50 м. Вероятно, этот зольник относится к центральному комплексу или к цитадели. Второй зольник, также отразившийся в магнитном поле в виде положительной, правда, меньшей по площади, аномалии, находится к юго-востоку от центрального здания (см. рис. 1). Данный зольник может относиться либо к центральному зданию, либо ко всему комплексу, состоящему из центрального и других зданий, находящихся к западу и юго-западу от него.

Подобных структур на верхнем плато до сих пор обнаружено не было. Поэтому было принято решение проверить результаты проведенной разведки.

Для получения представления о характере культурного слоя, его мощности и глубине залегания на месте «Главного здания» был заложен разведочный раскоп (шурф 1/2017 г.) площадью 6х3 м, ориентированный

по сторонам света.

Судя по материалам шурфа (рис. 2), первоначально на древнем горизонте образовался слой (рис. 2: I.11), который по предварительным данным датируется V-III вв. до н.э. (профильные части амфор производства Синопы, Гераклеи, средиземноморских центров[1], фрагмент стенки чернолакового сосуда). Обнаруженные в этом слое фрагменты лепной керамики с косыми насечками по краю венчика и с рассеченным валиком под горлом (рис. 2: II) традиционно относят к белозерской культуре эпохи финальной бронзы (XI-IX вв. до н.э.) [Колотухин 1996, рис. 11: 6, рис. 12: 7, рис. 13: 11, рис. 14, рис. 16: 5, рис. 17: 9, рис. 20: 17, 20, рис. 30: 5, 12]. Однако это уже второй случай совместного нахождения такой керамики с профильными частями амфор V в. до н.э. [Мордвинцева 2014, Шурф II/2012]. Не исключено, что традиция производства подобной керамики существовала у местного населения и в античное время. Показательно, что совместно с такой керамикой в обоих случаях (шурф Шурф II/2012 и Шурф 1/2017) были найдены визуально сходные куски шлака.

На слое 11 сформировался слой (рис. 2: I.7), в котором, видимо, был сделан котлован, в полу которого (рис. 2: I.10) вырыта яма, возможно, для установки несущего столба какой-то жилой или хозяйственной постройки. Эта постройка сгорела в пожаре (рис. 2: I.9а-б), который был перекрыт слоем (рис. 2: I.8), дата которого определяется клеймом на ручке синопской амфоры 277 г. до н.э. (рис. 2: II)[2], что позволяет предварительно датировать пожар этим или предшествующим временем.

Второй этап использования данной территории наступил во II-III в.н.э. Здесь был устроен хозяйственный комплекс с ямами 1 и 2, расположенными, видимо, во внутреннем дворе помещения, огороженного довольно мощной стеной (ширина не менее 1 м), время сооружения которой датируется найденным в теле стены керамическим материалом второй пол. II-III в.н.э. Этот комплекс, видимо, погиб в результате сильного землетрясения, после чего не восстанавливался.

Культурный слой V-III вв. до н.э. выявлен на верхнем плато горы Опук впервые. Положительная аномалия на магнитной карте 2015 г., по-видимому, соответствует обнаруженному в шурфе слою пожара III в. до н.э., а также мощному культурному слою, насыщенному керамикой, обожженной почвой, перегнившими органическими остатками. Учитывая

---

[1] *Определения сделаны А. Смокотиной, которой мы выражаем свою признательность.*

[2] *Благодарим Н.Ф. Федосеева за любезно сделанное определение клейма.*

чрезвычайную научную значимость находки раннего материала, необходимо продолжить исследование этого участка городища.

ЛИТЕРАТУРА

Колотухин В.А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века. Киев, 1996.

Мордвинцева В.И. Исследование позднеантичного городища на горе Опук в 2013 г. // XV Боспорские чтения. Керчь, 2014.

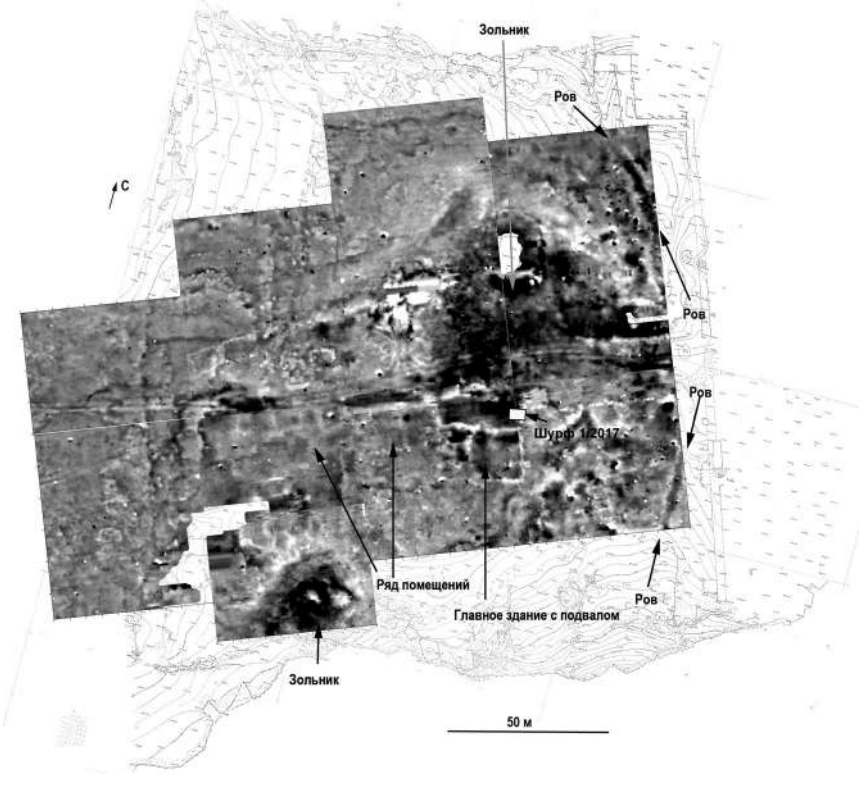


Рис. 1. Карта магнитного поля, снятая на верхнем плато Опука. Дана возможная интерпретация основных обнаруженных объектов. Показана на фоне топографической съемки 2013 г.

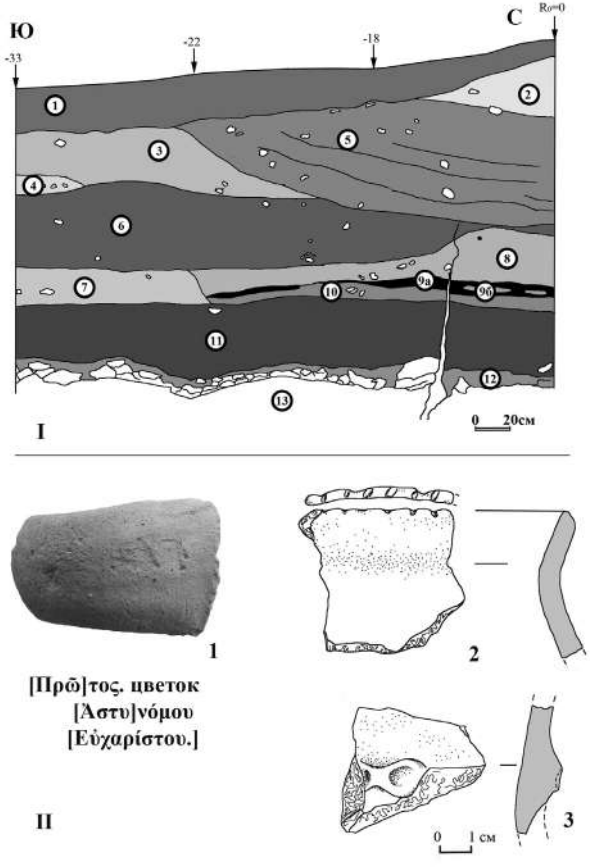


Рис. 2. I – Стратиграфия западного борта шурфа 1/2017. Расшифровка слоев: 1 – дерн. 2 – рыхлый зольный светло-серый суглинок. 3 – серый суглинок. 4 – светло-серый очень плотный суглинок с большим количеством щебня. 5 – рыжевато-серый относительно рыхлый суглинок. 6 – темно-коричневый суглинок. 7 – серый суглинок. 8 – коричнево-серый суглинок. 9а – линза черно-коричневого (горелого) золистого суглинка. 9б – линза желтого суглинка, нижний и верхний края которого имеют рыжевато-красный цвет (обожжены). 10 – плотный серый золистый суглинок. 11 – темно-коричневый рыхлый суглинок. 12 – предскальный слой, насыщенный кусками известняка и известняковым щебнем. 13 – скала (известняк). II. Находки из шурфа. 1 – фрагмент ручки синопской амфоры с клеймом (слой 8). 2, 3 – фрагменты лепных сосудов из слоя 11.

МУЛЬД С.А.
(НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ПОЗДНЕСКИФСКОЙ КУЛЬТУРЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБЕНИЙ КОНЕЙ МОГИЛЬНИКА ЛЕВАДКИ)

Могильник Левадки расположен в центральной части Крыма в 6 км к юго-западу от современной границы г. Симферополя. Исследования памятника начаты в 1997 году и продолжаются с небольшими перерывами по настоящее время. Всего открыто 191 погребальное сооружение, в том числе: 26 склепов, 23 катакомбы, 93 подбойных могил, 44 могилы в виде простых грунтовых ям, 2 могилы, устроенные в хозяйственных ямах, 3 недостроенных сооружения. Кроме того, раскопано 3 погребения собак и 31 хозяйственная яма. По датирующему материалу установлено непрерывное функционирование могильника со II в. до н.э. по III в. н.э.

Одной из ярких особенностей могильника являются погребения коней, это связано не только с их количеством, но с расположением на территории памятника (Мульд, 2009; 2012; Мульд, Кропотов, 2015, с. 127). Всего обнаружено 35 могил предназначенных для этой цели, что составляет 18% от общего числа открытых комплексов. Могилы сгруппированы на двух участках в центральной части могильника. Они тянутся рядами по линии СВ-ЮЗ, практически вплотную друг к другу. Отдельные погребения отклоняются от линий, изменяя ориентировку на 90°. В отличие от обычных грунтовых ям, конструкции этих могил усложнены элементом в виде ступеньки для размещения головы животного. И только в двух случаях это правило было нарушено (могилы №№89, 164). Все могилы забутованы камнем, который, вероятно, и составлял каменную наброску на дневной поверхности. 12 могил в разной степени потревожено грабительскими шурфами. Аналогичные погребения в небольшом количестве открыты практически на всех позднескифских могильниках Крыма, а также на

ранних участках могильников позднеримского времени (Нейзац, Опушки, Чернореченский).

В 26 могилах погребения сопровождали детали конской упряжи: удила, подпружные пряжки, распределители ремней, полусферические бляшки. Все удила железные, кольчатые, двучастные со стержневидными псалиями с различным оформлением концов. Эти предметы находят себе близкие аналогии среди материалов сарматских погребений Подонья (Власкин, 1990. Рис. 1, 1; Кияшко, Мыськов, 2000. Рис. 8; Медведев, 2008. Рис. 10, 20-21; 45, 11-12; 70, 6). Все они настолько близки левадковским, что не оставляют сомнения в датировке последних среднесарматским временем, т. е. в основном I (второй половиной столетия?) – первой половиной II в. н.э., в отдельных случаях не исключая и более поздние датировки. В подтверждение такой хронологии две могилы из Левадков (№№103, 113), перерезавшие ранние (II-I до н.э.) катакомбные сооружения могильника (№№104, 115).

Исследователи связывают погребения коней в это время с волной миграции сарматских племен в Северное Причерноморье (Пуздровский, 2007, с.123-124). Вместе с тем, такая интерпретация имеет некоторые спорные моменты. Традиция ритуального погребения коней является скифской. Сам тип погребального сооружения, соответственно и способ положения животного, а также каменные наброски имеют точные аналогии в скифских погребениях V-III вв. до н.э. (Ольховский, 1991, с.77, 117, 126). Для сармат этот ритуал не типичен (Ковпаненко, 1986, с. 26). Вместе с тем уздечные наборы являются распространённым элементом погребального инвентаря сарматских захоронений. Таким образом, создается впечатление, что скифская традиция прерывается на два столетия и возрождается с носителями иной культуры.

В 2013 году в Левадках обнаружена могила №164 с отличными от погребений, исследованных ранее, конструкцией и уздечным набором. В подпрямоугольный контур в плане вписаны три элемента сооружения - углубление для туловища животного, округлая в плане яма для помещения головы животного и перегородка разделяющая углубление и яму. Лошадь была уложена на брюхо с подогнутыми ногами, шея была перекинута через перегородку, голова опущена в яму мордой вниз (рис.1.2). Весь объем могилы забутован камнем. У лошади во рту были железные удила. Они состояли из: 1) двучастных грызл с ложновитым оформлением прямых участков, 2) одной крестовидной насадки с прямоугольными выступами-защипами у стержневидных окончаний, 3) одного С-овидного псалия

с утолщающимися концами и уплощенной, восьмерковидной площадкой в центре с двумя отверстиями, 4) двух колец, подвижно закрепленных на кольчатых окончаниях грызл (рис. 1.1). Удила состоящие из аналогичных элементов появляются в III в. до н.э. и бытуют вплоть до I в. до н.э. (Симоненко, 2009, с.151-169; Зайцев, Мордвинцева, 2004, с.179, рис. 5.4-6; Смирнов, 1984, с.58, рис.23). В самой конструкции могилы с перегородкой можно рассмотреть реплику подкурганных погребений коней с перегородкой из I Завадской Могилы, датирующихся V в. до н.э. (Мозолевский, 1980, с.89-91, рис.34)

Рассмотренный комплекс отчасти лишь заполняет лакуну отсутствия ритуальных погребений коней на позднескифских грунтовых могильниках во II-I вв. до. н.э. Но вместе с тем позволяет укрепить мнение о продолжении ранней традиции в этот период и возрождении ее в первых веках н.э. С чем связан последний импульс можно предполагать лишь гипотетически, например, с возросшим материальным благосостоянием или усилением роли воинской знати. Инновации в данном случае связаны лишь с изменениями материального комплекса – деталей сбруи, которые безусловно совершенствовались и также были подвержены влиянию моды.

ЛИТЕРАТУРА:

Власкин М.В. Уздечный набор с тамгообразными псалиями из могильника «Царского» // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 году. Азов, 1990. Вып. 9. С. 64-68.

Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Варварские погребения Крыма II в. до н.э. – I в. н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5-й международной конференции. Краснодар, 2004 г. С. 174-204.

Кияшко А.В., Мыськов Е.П. Ритуал элитного сарматского погребения на реке Есауловский Аксай (предварительное исследование) // Сарматы и их соседи на Дону / Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов-на-Дону, 2000. Т. 1. С. 46-60.

Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. Киев, 1986.

Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008.

Мозолевский Б.Н. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепровщине (раскопки 1972-1975 гг.) // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С. 70-154.

Мульд С.А. Конские погребения из могильников варварского населения Крыма первых веков нашей эры // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Боспорские чтения. Вып. X. Керчь, 2009. С. 300-302.

Мульд С.А. Погребения коней из могильника Левадки в Центральном Крыму // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Боспорские чтения. Вып. XV. Керчь, 2014. С. 291-293.

Мульд С.А., Кропотов В.В. Позднескифский могильник Левадки в Центральном Крыму (II в. до н.э. – III в. н.э.) // Уфимский Археологический Вестник. Уфа, 2015. Вып. 15. С. 117-129.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). М., 1991.

Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007.

Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб, 2009.

Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.

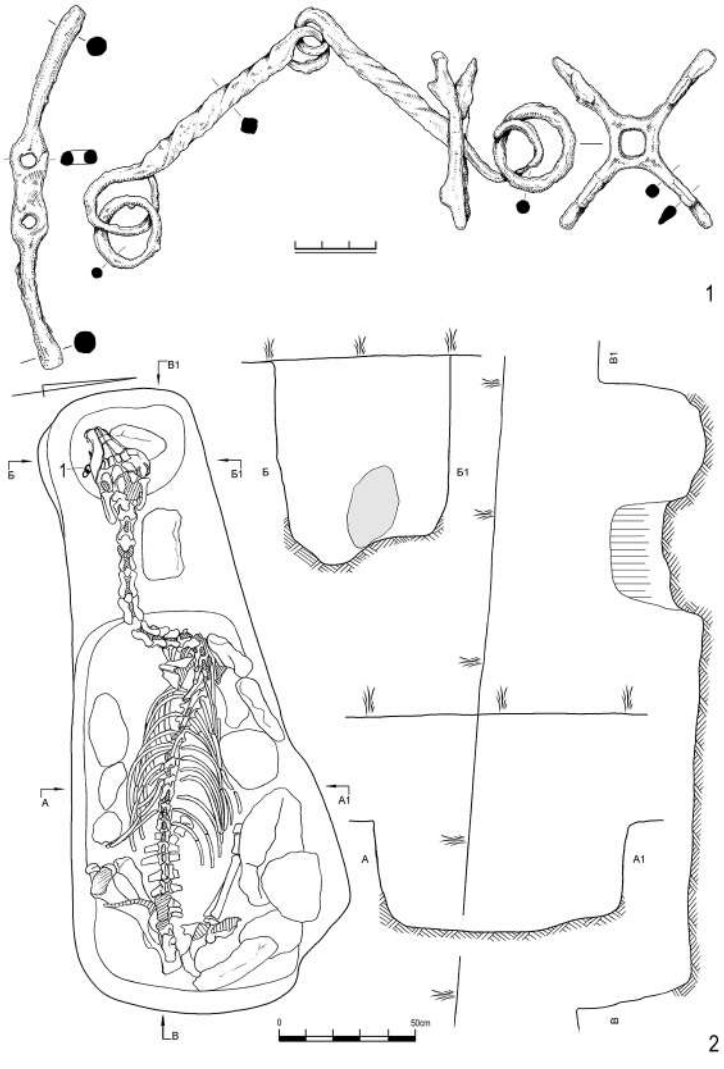


Рис. 1. Могильник Левадки. Могила №164: 1 – железные удила, 2 – план и разрезы погребального сооружения.

МУРАТОВА М.Б.
(Adelphi University и The Metropolitan Museum of Art, Нью-Йорк)
ИЛЬИНА Т.А.
(ГМИИ им. Пушкина, Москва)

«БОГИНЯ НА ТРОНЕ»: ИЗМЕНЧИВЫЕ АТРИБУТЫ И МЕНЯЮЩИЕСЯ АТРИБУЦИИ

В исследованиях, посвященных культам и религиозной жизни греков, изучение иконографии божеств занимает одно из важных мест. Атрибуты – это то, что позволяет идентифицировать божество. Но что делать, когда предмет, тесно связанный с одним божеством, вдруг становится частью изображения другого?

В результате работ Боспорской археологической экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина на акрополе Пантикапея в 1985-1986 гг. был расчищен фундамент эллинистического храма предположительно Афродиты и Диониса, входящего в комплекс дворца Спартокидов [Толстиков, 1992, с. 83]. Среди ста десяти открытых здесь терракот, датированных от середины III до начала I в. до н.э., вызывает интерес фрагмент женского торса (длина – 4.2 см), с «медальоном» в виде головы в обрамлении густых волос. Данное «украшение» первоначально было трактовано нами, как горгонейон, т.е. атрибут Афины [Ильина, Муратова, 2008, с. 314, рис. III, 3].

Судя по расположению складок одежды, богиня была представлена сидящей. Однако, в мелкой пластике сидящая поза была характерна для изображений Афины исключительно в конце VI – первой половине V в. до н.э. Основой для этой композиции архаических терракот, по всей вероятности, послужила мраморная статуя богини работы Эндойоса, созданная ок. 530 г. до н.э. (Афины, Нац. Музей, Акр. 625). Этот факт стал поводом для сомнений в предложенной атрибуции и отправной точкой нашего исследования.

Важно отметить, что рассматриваемый фрагмент изготовлен из боспорской глины. Судя по нечетким деталям, терракота оттиснута в за-

битой форме, без последующей доработки. Аналогичные статуэтки, лучшей сохранности происходят из Тиритаки, Мирмекия и Елизаветенского городища и датированы первой половиной III в. до н.э. [Пругло, 1970, рис. 36, 6]. Изображенная на них женщина сидит на троне, поставив ноги на низкую скамеечку. На ней длинный хитон, на спину наброшен гиматий, закрывающий колени и верхнюю часть ног. В правой, вытянутой вперед руке - фиала; на голове – башенная корона.

Принимая во внимание головной убор и чашу, в рассматриваемых терракотах скорее следует видеть Кибелу. К сожалению, левый край фигуры и кисть левой руки, в которой фригийская мать по обыкновению держит тимпан [Кобылина, 1978, С. 12], у ряда фигур утрачена. Следует отметить, однако, что тимпан далеко не всегда является обязательным атрибутом богини [Tacheva-Hitova, 1983, p. 138]. Также отсутствует и атрибут Кибелы par excellence, а именно лев (или львы); обычно зверь лежит у нее на коленях или сидит около трона; иногда на спине лежащего льва покоятся ее ноги [Thompson, 1963, p. 77].

Предположение, что данный тип статуэток может изображать Кибелу – Афину [Денисова, 1981, с. 52-53], не находит подтверждений ни у античных авторов, ни в эпиграфике. Также вызывает сомнение и тезис о синкретизме культов Афины и Кибелы в рассматриваемый период в Северном Причерноморье, основанный на схожести функций богинь [Шауб, 1999, с. 91] и совместных находках их изображений в культовой цистерне на теменосе и в домашнем святилище в нижнем городе Ольвии [Русяева, 1979, с. 151].

Почему в III в. до н.э. в местных мастерских появляются терракоты, где смешаны атрибуты двух различных божеств? Воспроизводят ли коропласты известный в скульптуре иконографический тип или создают новый? Если верно последнее, то с какими верованиями это связано? И главное, возможно ли определить, какое божество они изображают?

Фригийская Кибела стала популярна в материковой Греции и колониях уже в VI в. до. н.э. К середине века её изображения со львами тиражируется как в мраморе, так и в терракоте [Burkert, 1985, p. 178]. Тем не менее, истоки культа Великой матери в греческом мире проследить практически невозможно, т.к. местная микено-минойская традиция плотно переплетается с привнесенной фригийской. С одной мы располагаем обращением к этой богине, засвидетельствованным на пилосских табличках (линейное письмо Б), с другой - анатолийский элемент проявляется в ее негреческом имени Кибеба/Кибела. Последнее, позволяет предположить,

что первоначально, персонаж, известный как фригийское божество, был воспринят малоазийскими греками в 7 в. до н.э. [Burkert, 1985, p. 177]. В последствии, уже из Северной Ионии и Кизика, этот культ распространился по всему греческому миру [Tacheva-Hitova, 1983, p. 154; Burkert, 1985, p. 178].

В Афинах на Акрополе рядом с Буевтерионом для нее был построен храм – Метроон, со знаменитой статуей работы Фидия или его ученика Агоракрита, датированной последней четвертью V в. до н.э. [Burkert, 1985, p. 178]. Богиня была изображена в ставшей позже классической композиции, сидящей на троне со львами по обеим сторонам, с фиалой и тимпаном. Любопытно, что Метроон также использовался для хранения государственного архива.

Не совсем понятно, как и когда культ Кибелы попал на Боспор? Согласна дошедшим до нас посвятительным надписям и граффити, она известна здесь с V в. до н.э. [Muratov, 2015, p. 601]. В местной практике богиня почиталась под именами Кибела, Метер, Ма, «фригийская мать», и, возможно, Ангиссе (КБН 27). Помимо граффити, датированных периодом с V по II в. до н.э., также сохранились посвятительные надписи на постаментах статуй III в. до н.э., адресованные «фригийской матери» (КБН 21; КБН 23). Одна из них упоминает жрицу, посвятившую ей статую (КБН 21), что говорит не только о простом почитании, но об официальном культе богини с храмом и жречеством.

Вотивные приношения Кибеле – небольшие изображения в терракоте и мраморе - зафиксированы на Боспоре уже в V в. до н.э. В III в. до н. э. они, особенно глиняные, становятся самыми многочисленными среди фигурок других божеств [Муратова, Ильина, Шорунова, 2015, с. 87].

В конце IV в. до н.э. богиня «сменяет» традиционный полос на новый головной убор. Это - corona muralis, которую обычно носят божества плодородия, защищающие подобно башням и стенам, людей и города от врагов. В середине эллинистического периода в ней изображались несколько персонажей, однако Тюхе и Кибела чаще других [Allègre, 1889, p. 187].

Тюхе, богиня случая и удачи, служа какому-то конкретному персонажу, например, Аполлону, Афине, Зевсу, Деметре или Кибеле, выполняла и его градозащитную функцию.[Allègre, 1889, p. 189]. С конца 4 в. до н.э., покровительство городам становится основной чертой её культа [Allègre, 1889, p. 194-195].

Почему Кибела, иностранное божество в Греции принимает на себя

задачу защитника города? Возможно, что еще во Фригии, богиня, будучи матерью государства, выполняла подобную роль. По всей вероятности, прибыв в Грецию, она сохраняет ее за собой. Для понимания подлинной сути богини, кажется важным проследить места находок ее изображений в самой Фригии. Так наиболее часто они располагались на стенах поселений или на скальных фасадах, как в рельефах из Богазкей и Мидаса [Burkert, 1985, p. 178]. В других случаях их открывают на границах заселенных территорий, как в памятниках Арсланкайя и Мальтас.

Но каково значение горгонейона на боспорских статуэтках? Судьба этого символа не менее интересна. Прежде чем появиться на щите Афины, он воспроизводился на вооружении воинов. Горгонейон упомянут два раза в Илиаде (V; IX) и один раз в Одиссее (XI). Известно, что декорированный им щит носит Агамемнон. Впервые его изображение встречается во второй половине VII в. до н.э. на протокоринфских сосудах. В аттической вазописи этот символ на щите Афины появляется только ок. 600 г. до н.э. (Афины, Нац. Музей, Acr. 604). Между 575 и 550 гг. до н.э., засвидетельствовано одиннадцать примеров его воспроизведения. Шесть из них не являются аттическими и происходят из Аргоса и Коринфа. Возможно, что данная традиция связана с вариантом мифа о Персее и Медузе Горгоне, в котором Афина поместила отрубленную голову последней себе на щит. На эгиде богини его начинают изображать лишь шестьдесят лет спустя, т.е. ок. 540 г. до н.э.

В позднее эллинистическое и особенно в римское время, эгида и горгонейон (последний часто отдельно) становятся атрибутами не только богов и героев, но императоров и просто отдельных персонажей; известны, например, изображение кариатид с горгонейоном. Таким образом, он становится стандартным апотропеем, а не только символом Афины.

В данном контексте интересны наблюдения, полученные при работе над терракотами Кибелы, открытыми в городах Северного Причерноморья [Ильина, 2016, с. 165]. На них богиня представлена в «классической» иконографии - сидящей на троне с львенком на коленях. Морда животного с лохматой гривой изображена по центру торса, т.е. в том месте, где у вышеописанных терракот расположен «горгонейон». В то же время, вместо туловища зверя у рассматриваемых здесь фигурок мы наблюдает перекрученный жгутом конец гиматия, повторяющий контуры львенка. На статуэтках из Пантикапея, Тиритаки, Мирмекия и Елизаветенского городища обращает на себя внимание и лента (?) «медальона», рельефно представленная на рассматриваемых терракотах, полностью совпадающая

«V»-образной линией хитона у шеи богини. Складка ткани, проходящая под правой рукой женщины и край гиматия на левом плече, трансформируются в контуры эгиды, наброшенной поверх одежды.

Известно, что статуэтки хорошего качества, отличающиеся тщательной проработкой деталей, часто служили патрицами, с которых снимали формы для последующего изготовления терракот. В процессе оттиска фигурок формы забивались глиной, что приводило к нечеткости изображения, а порой и к потере некоторых деталей [Ильина, 2007, с. 64]. Возможно, со временем, при переходе от одного поколения статуэток к другому эти неточности обретали более конкретные формы, а подчас и видоизменяли весь облик. Нам кажется вполне вероятным, что в случае с рассматриваемыми боспорскими статуэтками, голова льва, некогда изображенного на коленях Кибелы, трансформировалась в горгонейон, а тело – в гиматий на коленях богини. Это, в свою очередь, могло привести к изменению иконографии божества, но никак не его сущности.

Таким образом, проделанное исследование, позволило поставить ряд вопросов относительно подходов к атрибуции, представленного на терракоте персонажа и пролить свет на появление новых типов в боспорской коропластике.

ЛИТЕРАТУРА

Денисова В.И. Коропластика Боспора. Л. 1981.

Ильина Т.А., Муратова М.Б. Вотивные терракоты из храма на акрополе Пантикапея // Древности Боспора 12(1). М. 2008.

Ильина Т.А. Проблемы исследования античной коропластики Боспора: опыт комплексного анализа святилища на Майской горе близ Фанагории. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М. 2007.

Ильина Т.А. Эллинистические терракоты из раскопок на городище Чайка в 2008-2013 гг.// Очерки археологии Северо-Западного Крыма (по материалам городища «Чайка» и некрополя у поселка Заозерное). М. 2016.

Кобылина М.М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. М. 1978.

Муратова М.Б., Ильина Т.А., Шорунова Ю.Н. Религия и культы в Пантикапее и Фанагории // Пантикапей и Фанагория: Две столицы Боспорского

Царства. М. 2017.

Пругло В.И. Статуэтки из Мирмекия // Терракоты Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1-11. Ч. 2. М. 1970.

Русяева А.С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев. 1979.

Толстиков В.П. Пантикапей – столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М. 1992.

Шауб И. Ю. Афина на Боспоре // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Сев. Причерноморья. Междунар. науч. конф., посв. 60-летию Нимфейской археологической экспедиции. Тез. докл. – СПб. 1999.

Allègre F. 1889. Études sur la déesse grecque Tyché. Paris: Ernest Leroux.

Burkert W. 1985. Greek Religion. Translated by John Raffan. Cambridge, MA. 1985.

Muratov M. Greek Religion in the Northern Black Sea: The Case of the Bosporan Kingdom // Oxford Handbook of Ancient Greek Religion, edited by Esther Eidinow and Julia Kindt, pp. 589-604. Oxford, 2015.

Tacheva-Hitova M. Eastern Cults in Moesia Inferior and Thracia. Leiden: E.J. Brill. 1983

Thompson D.B. 1963. Troy. The Terracotta Figurines of the Hellenistic Period. Princeton New Jersey: Princeton University Press.

НАМОЙЛИК А.С.
(ГМЗХТ, Севастополь)

ГРАФФИТИ НА КЕРАМИЧЕСКИХ ГРУЗИЛАХ ИЗ НИМФЕЯ В КОЛЛЕКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

Керамические грузила разных форм и размеров являются массовым материалом при раскопках античных памятников. Иногда на них встречаются надписи, процарапанные до либо после обжига. Среди находок из раскопок боспорского города Нимфея, хранящихся в Государственном Эрмитаже, насчитывается 16 глиняных подвесок[1] с граффити, которые происходят из слоёв эллинистического и римского времени.

В классификациях древнегреческих надписей на керамике граффити на грузилах не выделяются в отдельный тип (Lang, 1976. P. 1–2; Яйленко, 1980. С. 75; Емец, 2005). Вероятно, это обусловлено их малочисленностью и возможностью разбивки на общие тематические категории. Вместе с тем, они образуют особую группу материала преимущественно хозяйственной тематики.

Содержание граффити на грузилах находится в непосредственной связи со сферами производства и использования этих глиняных подвесок. Вопрос об их функциональном назначении неоднократно поднимался исследователями; в первую очередь, речь шла о наиболее распространённых изделиях характерной пирамидальной формы. Основной областью их применения считается ткацкое дело: они использовались для натягивания нитей основы в вертикальных станках (Гайдукевич, 1952. С. 395–414; Davidson, Thompson, 1943. P. 65–94; Бутягин, 2008. С. 108–123;

[1] *Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2018. Все граффити публикуются впервые. Выражаю глубокую признательность старшему научному сотруднику Отдела античного мира Государственного Эрмитажа, руководителю Нимфейской археологической экспедиции Ольге Юрьевне Соколовой за возможность публикации граффити и помощь на всех этапах работы.*

Бутягин, 2010. С. 50–54). Кроме того, пирамидальные грузила могли служить утяжелителями для рыболовных сетей (Онайко, 1956. С. 154–160; Куликов, 1998. С. 190). Иногда они выполняли функцию подставок для сосудов в очаге (при этом в отверстия вставлялись железные стержни), а также выступали в качестве вотивных даров (Гайдукевич, 1952. С. 397–398, 400–401; Davidson, Thompson, 1943. P. 75; Куликов, 1998. С. 190; Соломоник, 1994. С. 140–142).

Пятнадцать грузил нимфейской коллекции имеют пирамидальную форму, а одно – полукруглую (№ 6)[2]. Пирамидальные подвески отличаются друг от друга размерами и формой. В зависимости от высоты их можно разбить на две группы – небольшие (4,7–6,7 см, №№ 1–2, 4–5) и более крупные (8,8–11,4 см, №№ 3, 7–16). У большинства изделий боковые грани трапециевидные, а у некоторых они близки треугольнику (№№ 3, 5, 14). Один экземпляр имеет уплощённую форму с сильно вытянутым основанием (№ 7). Следы пребывания грузил в воде или огне отсутствуют. В подавляющем большинстве случаев граффити расположены на гранях с отверстиями[3].

Полукруглые (сегментовидные) грузила с двумя отверстиями по бокам (№ 6) крепились к сетям отцеживающего типа (неводы, бредни, волокуши), предназначенным для отделения рыб от воды путём перемещения орудия лова в сторону берега (Куликов, 1998. С. 187, 194. Рис. 4). В Фанагории такие грузила встречаются в слоях II–I вв. до н. э. (Онайко, 1956. С. 157. Рис. 1,12). Аналогичную находку из Мирмекия В.Ф. Гайдукевич считал ткацкой подвеской (Гайдукевич, 1959. С. 74–75. Рис. 79).

В четырёх случаях граффити процарапаны после обжига (№№ 1–4), в двенадцати – сделаны по сырой глине (№№ 5–16). Два экземпляра из последней группы (№№ 15–16) обнаружены в гончарной печи вместе с другими двенадцатью грузилами, одно из которых бракованное (Грач. Отчёт за 1969 г. С. 24; Грач. Альбом к Отчёту за 1969 г. Табл. 26; Соколова, 2001. С. 142). Из этого следует, что данные грузила были произведены в Нимфее. Остальные подвески с граффити, выполненными по сырой глине, судя по составу глиняного теста, также имеют местное происхождение.

Деление надписей по времени появления (до или после обжига) напрямую соотносится с тем, кто их наносил: граффити, прочерченные на готовых изделиях, представляют собой метки владельцев, а остальные,

[2] Здесь и далее указаны номера по каталогу, представленному в конце статьи.

[3] Вслед за А.М. Бутягиным (Бутягин, 2008. С. 113), далее мы будем условно называть грани с отверстиями «лицевыми», а грани без отверстий – «боковыми».

выполненные в процессе производства, являются метками ремесленников.

Метки владельцев

На двух грузилах указаны личные имена в полном (№ 1) и сокращённом (№ 2) виде. На первом читается редкое мужское имя Λάκος в Им. п. Согласно LGPN, этот антропоним засвидетельствован лишь однажды – в Аргосе, в надписи VI в. до н. э. Тот факт, что на ткацких подвесках – атрибутах женского труда – встречаются мужские имена, Э.И. Соломоник объясняла вотивным назначением этих предметов (Соломоник, 1994. С. 140–143. № 5). На втором грузиле представлена аббревиация одного из антропонимов на Θοκ-. По данным LGPN, известно лишь три имени с таким началом: Θοκλείδας, Θοκλῆς, Θοκρίνης. Все они упоминаются в надписях IV–III вв. до н. э. из Мегары. Данное обстоятельство наводит на мысль о мегарских корнях владельца или владелицы грузила.

Граффити на двух других подвесках имеют небуквенный характер и расположены на разных гранях: это кресты (№ 3), а также крест и тамгообразный знак (№ 4). Тамга сходных очертаний процарапана на пирамидальном грузиле из Тиритаки (Болонкина, 2006. С. 92. Табл. II,3). На экземпляре № 3 виден отпечаток бородки ключа. Такие клейма нередко встречаются на боспорских грузилах первых веков новой эры. Их считают метками владельцев, для которых изготавливались эти предметы, или своеобразной эмблемой ткацкого дела (Гайдукевич, 1952. С. 408–410).

Метки ремесленников

Граффити, сделанные ремесленниками по сырой глине, могли обозначать как самих ремесленников, так и заказчиков – будущих владельцев грузил. Кроме того, такие граффити могли служить для маркировки разных партий изделий (Davidson, Thompson, 1943. P. 74).

Буквенных надписей всего две: это литеры А на пирамидальном и полукруглом грузилах (№№ 5–6). Остальные экземпляры – небуквенного характера: кресты (№№ 7–9), ├ (№№ 10–12), две параллельные линии, пересекаемые третьей (№ 14), зигзагообразная линия (№ 16), другие знаки (№№ 13, 15). Граффити ├, идентичные символу драхмы, прочерчены на трёх грузилах аналогичной формы; по крайней мере, два из них (№№ 10–11) явно принадлежали одной партии. Зигзаг как апотропеический символ встречается в граффити магического характера (Намойлик, 2017. С. 203, 207. № 16b). Один знак, скорее всего, представляет собой тамгу (№ 15, ср. Драчук, 1975. С. 120. Табл. VI,380–384).

Группа граффити на грузилах нимфейской коллекции отличается

своей немногочисленностью. Для сравнения, аналогичная выборка из Херсонеса Таврического включает 68 экземпляров (Соломоник, 1994. С. 138–158, №№ 1–54, 57, 72–84). В целом, на территории Боспора надписи на глиняных подвесках встречаются нечасто (Болонкина, 2008. С. 12). Как правило, они представляют собой элементарные буквенные сокращения и различные знаки, причём нимфейские материалы демонстрируют перевес в пользу последних. Тамгообразные знаки на грузилах, а также на предметах столовой посуды (Намойлик, 2011. С. 19. №№ 29–30), указывают на сарматский элемент в составе населения Нимфея в первые века новой эры.

КАТАЛОГ

1. Фрагментированное пирамидальное грузило. Глина розово-оранжевая с мелкими включениями слюды и кварца. Высота 6,7 см, сохранившаяся ширина грани 4,5 см. Слой I в. н. э. Раскоп С. Инв. № НФ.52.464. Граффито на лицевой грани /рис. 1,1/:

ΛA

KO

Первую букву надписи можно также прочесть как Г, однако, согласно словарю Liddel–Scott–Jones, слова на γακ- в древнегреческом языке чрезвычайно редки, в то время как сочетание λακ- встречается в начальной позиции довольно часто. Аналогичная форма Λ засвидетельствована в другом нимфейском граффито (Намойлик, 2010. № 75).

2. Пирамидальное грузило. Боспор. Высота 5,4 см, размеры основания 4,3 х 4,2 см. Слой эллинистического периода. Участок М. Инв. № НФ.81.166. Граффито на боковой грани /рис. 1,2/:

<ΘOK

Вероятно, первый символ надписи имеет небуквенный характер.

3. Пирамидальное грузило с отпечатком ключа на лицевой грани. Боспор. Высота 8,8 см, размеры основания 4,3 х 3,9 см. Яма римского периода. Раскоп В. Инв. № НФ.60.382. Граффити на лицевой и боковой гранях /рис. 1,3/:

a крест

b крест

4. Пирамидальное грузило. Боспор. Высота 4,6 см, размеры основания 3,7 х 3,4 см. Яма «Г» со смешанным материалом. Раскоп ВС. Инв. № НФ.64.180. Граффити на лицевых гранях /рис. 1,4/:

a крест

b тамгообразный знак

5. Пирамидальное грузило. Боспор. Высота 6,3 см, размеры основания 3,1 х 3,1 см. Слой эллинистического периода. Участок М. Инв. № НФ.91.216. Граффито (по сырой глине) на лицевой грани /рис. 1,5/:

A

6. Массивное грузило полукруглой формы с двумя отверстиями по краям и жёлобом сверху. Боспор. Размеры 14,5 х 7,2 см, максимальная толщина 3,6 см. Слой III в. н. э. Раскоп В. Инв. № НФ.58.256. Граффито (по сырой глине) /рис. 1,6/:

A

7. Пирамидальное грузило уплощённой формы со светлым ангобом. Боспор. Высота 10,8 см, размеры основания 7,4 х 3,3 см. Слой эллинистического периода. Участок М. Инв. № НФ.91.227. Граффито (по сырой глине) на лицевой грани /рис. 1,7/:

крест

8. Фрагментированное пирамидальное грузило со светлым ангобом, грубое и тяжёлое. Боспор. Сохранившаяся высота 11,4 см, размеры основания 4,5 х 4,5 см. Слой эллинистического периода. Участок М. Инв. № НФ.88.301. Граффито (по сырой глине) на лицевой грани /рис. 1,8/:

крест

9. Фрагментированное пирамидальное грузило. Боспор. Сохранившаяся высота 8,6 см, размеры основания 6,3 х 6,0 см. Слой римского периода. Участок Г. Инв. № НФ.70.246. Граффито (по сырой глине) на лицевой грани /рис. 2,9/:

крест

10. Пирамидальное грузило. Боспор. Высота 9,7 см, размеры основания 6,8 х 5,0 см. Слой эллинистического периода. Участок Г. Инв. № НФ.72.733. Граффито (по сырой глине) на лицевой грани /рис. 2,10/:

┣

11. Пирамидальное грузило. Боспор. Высота 10,8 см, размеры основания 5,5 х 4,6 см. Слой римского периода. Участок Г. Инв. № НФ.70.241. Граффито (по сырой глине) на лицевой грани /рис. 2,11/:

┣

12. Пирамидальное грузило. Боспор. Высота 10,0 см, размеры основания 5,6 х 4,8 см. Слой римского периода. Участок Г. Инв. № НФ.70.235. Граффито (по сырой глине) на лицевой грани /рис. 2,12/:

┣

13. Фрагментированное пирамидальное грузило. Боспор. Со-

хранившаяся высота 8,5 см, размеры основания 4,7 х 4,4 см. Слой римского периода. Участок Г. Инв. № НФ.70.233. Граффити (по сырой глине) на лицевой грани /рис. 2,13/:

два знака в виде Е гастами вниз

14. Пирамидальное грузило со светлым ангобом. Боспор. Высота 10,7 см, размеры основания 4,7 х 4,6 см. Слой эллинистического периода. Участок Г. Инв. № НФ.72.739. Граффито (по сырой глине) на лицевой грани /рис. 2,14/:

две параллельные линии, пересекаемые третьей

15. Пирамидальное грузило. Боспор. Высота 10,6 см, размеры основания 5,2 х 4,7 см. Слой I–II вв. н. э. Участок с гончарной печью под северным склоном городища. Инв. № НФ.69.124. Граффито (по сырой глине) на лицевой грани /рис. 2,15/:

тамгообразный(?) знак

16. Пирамидальное грузило. Боспор. Высота 9,9 см, размеры основания 5,1 х 4,9 см. Слой I–II вв. н. э. Участок с гончарной печью под северным склоном городища. Инв. № НФ.69.125. Граффито (по сырой глине) на лицевой грани /рис. 2,16/:

зигзагообразная линия

ЛИТЕРАТУРА

Болонкина Е.В. Граффити и знаки на грузилах из коллекции Керченского заповедника // Научный сборник Керченского заповедника. Вып. I. Керчь, 2006. С. 89–98.

Болонкина Е.В. Граффити на пирамидальных грузилах из фондов Керченского заповедника // Научный сборник Керченского заповедника. Вып. II. Керчь, 2008. С. 3–19.

Бутягин А.М. Комплекс керамических грузил из усадьбы на акрополе Мирмекия // ТГЭ. Т. XLI: Античный мир. Искусство и археология. СПб., 2008. С. 108–123.

Бутягин А.М. Производство и использование пирамидальных керамических грузил на античном Боспоре // БЧ XI: материалы международной научной конференции. Керчь, 2010. С. 50–54.

Гайдукевич В.Ф. К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях // МИА. 1952. № 25. С. 395–414.

Гайдукевич В.Ф. Мирмекий (советские раскопки в 1956 г.) // Советско-польские раскопки Мирмекия. II. Варшава, 1959.

Грач Н.Л. Альбом к Отчёту о раскопках Нимфея в 1969 году. – Л., 1970 / Архив ОАМ ГЭ. Без №.

Грач Н.Л. Отчёт о раскопках Нимфея в 1969 году. – Л., 1970 / Архив ОАМ ГЭ. Без №.

Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975.

Емец И.А. Граффити и дипинти из античных городов и поселений Боспора Киммерийского (типология и методика исследования). М., 2005.

Куликов А.В. Материалы к изучению древних морских промыслов. Функциональная типология рыболовных грузил // ДБ. 1998. Т. 1. С. 186–201.

Намойлик А.С. Граффити на амфорах из раскопок Нимфея в коллекции Государственного Эрмитажа // ДБ. 2010. Т. 14. С. 397–450.

Намойлик А.С. Граффити на краснолаковой керамике из Нимфея // БФ: материалы международной научной конференции. СПб., 2011. С. 14–21.

Намойлик А.С. Магические граффити из раскопок Нимфея в коллекции Государственного Эрмитажа // АВ. 2017. Вып. 23. С. 198–210.

Онайко Н.А. О фанагорийских грузилах // МИА. 1956. № 57. С. 154–160.

Соколова О.Ю. О керамическом производстве в Нимфее // БЧ II: материалы международной научной конференции. Керчь, 2001. С. 140–144.

Соломоник Э.И. Херсонесские глиняные грузила с надписями // Северо-Западный Крым в античную эпоху: сборник научных трудов. Киев, 1994. С. 138–158.

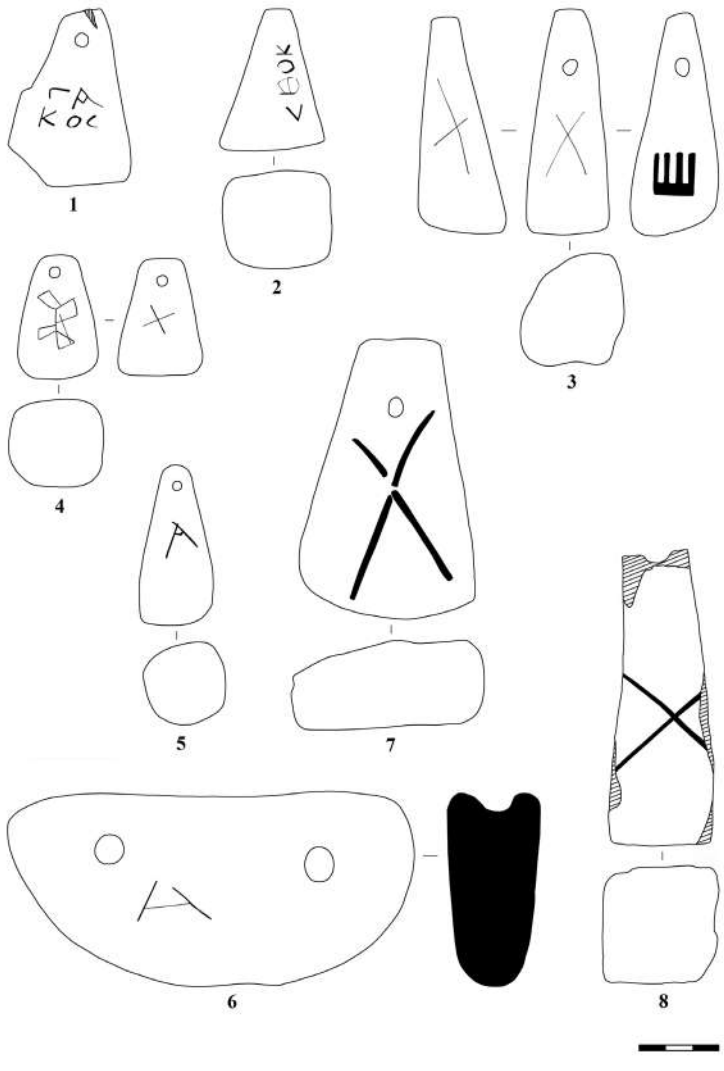
Яйленко В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 2. С. 72–94.

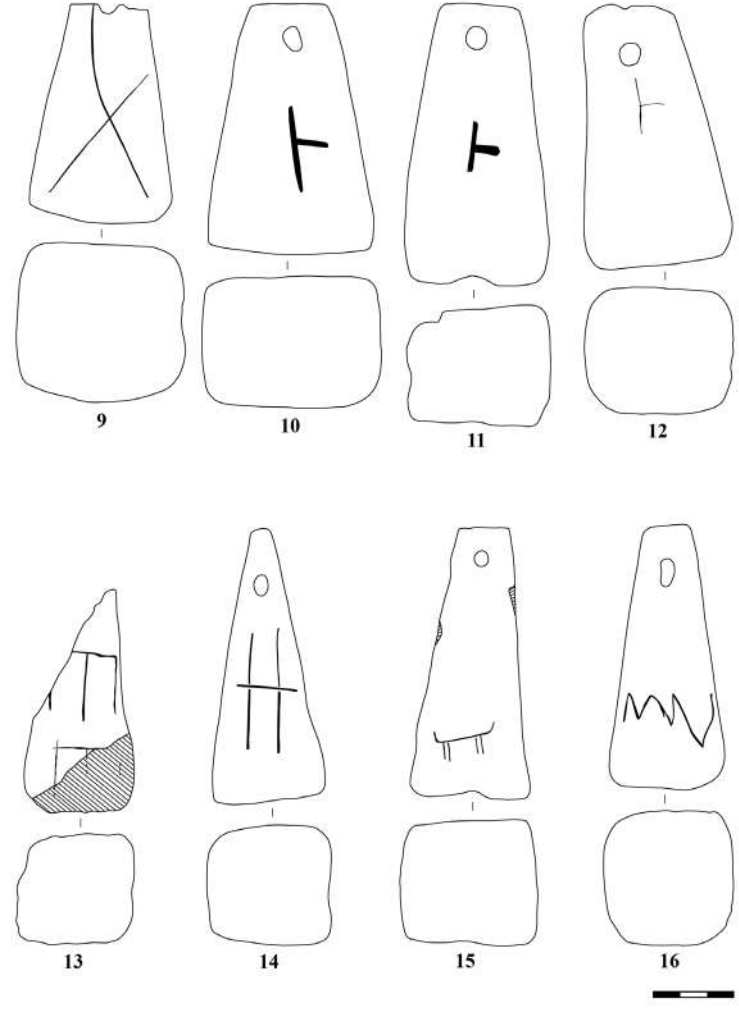
Davidson G.R., Thompson D.B. Small Objects from the Pnyx. I // Hesperia. 1943. Supplement VII.

Greek-English Lexicon / Compiled by H.G. Liddel and R. Scott, revised by H.S. Jones. Oxford, 1996.

Lang M. Graffiti and Dipinti // The Athenian Agora. 1976. Vol. XXI.

Lexicon of Greek Personal Names: [сайт]. URL: http://www.lgpn.ox.ac.uk.


1
2
3
4
5
6
7
8


9
10
11
12
13
14
15
16

НАУМЕНКО В.Е., ПОНОМАРЕВ Л.Ю.
(КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь; Керчь)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ КЕРЧИ КОНЦА XV-XVIII ВВ.: СОСТОЯНИЕ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

В последней четверти XV в. начинается новый (османский) период в истории Керчи. 31 мая 1475 г. в окрестностях Каффы высадилась османская армия под командованием великого визиря Гедик Ахмеда-паши. После непродолжительной осады, 6 июня этого года Каффа сдалась туркам. Вскоре, ее участь разделили многие другие генуэзские крепости на Южном берегу Крыма, а также в Приазовье, на Таманском полуострове и Черноморском побережье Кавказа. Тогда же османами была захвачена и генуэзскАая колония Воспоро на месте современной Керчи. Правда, в отличие от Каффы и южнобережных генуэзских опорных пунктов, Воспоро, скорее всего, досталась турецкой армии без значительного сопротивления [об особенностях военной кампании 1475 г. в Крыму подробнее см.: Vasiliev, 1936, p. 235-266; Мыц, 2009, с. 404-500; Руев, 2014, с. 157-264]. После завершения военных действий в Северном Причерноморье захваченные здесь Османской империей территории были выделены в особую провинцию Кефе, разделенную на шесть административно-судебных округов (kazā). Центром одного из них стал Воспоро, переименованный турками в Керчь (Kerš) [Veinstein, 1980, p. 230].

Османский период в истории Керчи остается слабо изученным. Отсутствует его связный исторический очерк и детальный обзор памятников города для конца XV-XVIII вв., за исключением общего анализа фортификационных сооружений османской крепости в приморской части Керчи [о ней см. подробнее: Бочаров, 2005, с. 145-150; Белик, 2010, с. 509-516; 2015, с. 9-18; 2016, с. 50-57]. В настоящей работе мы попытаемся частично компенсировать существующий историографический пробел, сформировав, на основе имеющихся письменных и материальных свидетельств,

достаточно объективную источниковую базу для будущих исследований в рамках данной проблематики.

Письменные источники. Именно они остаются наиболее информативными для изучения истории и топографии османской Керчи, в том числе реконструкции ее границ и общей планировки, выделения основных топографических доминант города (фортификационных, общественных и культовых сооружений) вплоть до его включения, по условиям Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г., в состав Российской империи и кардинальной реконструкции в 1820-е гг., приведшей к уничтожению практически всех средневековых построек.

Наиболее ранними из сохранившихся письменных источников являются сведения турецких дефтеров 1520 и 1542-1543 гг. – податных переписей населения городов и деревень Крыма, входивших на тот момент в состав провинции Кефе Османской империи [см. их публикации: Veinstein, 1980, p. 227-249; Fisher, 1981, p. 135-170; А. Фишер датирует дефтеры соответственно 1529 и 1545 гг.]. Знакомство с ними показывает важное значение, которое отводилось Керчи в системе управления османскими владениями в Северном Причерноморье. Она входила в число восьми городов провинции Кефе, являлась, как уже говорилось, центром одного из шести судебно-административных округов; в крепости был размещен небольшой (35 человек), но третий по численности в регионе, хорошо вооруженный турецкий гарнизон [Berindei, Veinstein, 1979, p. 398-409]. Показательными являются данные дефтеров о значительном росте населения города и деревень в его округе в течение 20-40-х гг. XVI в. Если в дефтере 1520 г. в Керчи проживало 585 человек, в том числе 220 мусульман и 365 греков-православных, то в дефтере 1542-1543 гг. ее население уже выросло до 845 человек (610 мусульман и 235 греков-православных). Не менее значителен был прирост населения в округе города. К 1520 г. под юрисдикцию керченского кадия попадали жители трех деревень в окрестностях Керчи – двух греческих и одной со смешанным мусульманско-православным населением (всего в них проживало 40 мусульман и 235 православных), в 1542-1543 гг. – уже пяти деревень, одной мусульманской и четырех смешанных, где числились 460 греков и 295 мусульман [Fisher, 1981, p. 155, 165-166, 169]. Таким образом, за 20 с небольшим лет количество податных жителей округа в целом выросло с 860 до 1600 человек, то есть почти на 46%, что значительно превышало общий прирост (на 11%) взрослого населения провинции Кефе за этот же период времени [Fisher, 1981, p. 140].

Оба дефтера свидетельствуют о наличии в Керчи в первой половине XVI в. представителей только двух конфессиональных общин – мусульманской и греко-православной, которые должны были проживать в отдельных «этнических» кварталах. Одной из главных тенденций развития города этого времени являлся, как и в других крупных населенных пунктах провинции, постоянный рост его мусульманского населения, за счет снижения доли жителей – не мусульман. В 1520 г. последние, очевидно, в основном греки-православные, насчитывали 365 человек податного возраста, проживавшие в пределах 73 «очагов» (домохозяйств), что составляло чуть более 60% от общего числа жителей крепости, в 1542-1543 гг. – уже 235 человек, 47 «очагов» и 3 холостяка, то есть около 27% населения Керчи [Fisher, 1981, p. 155, 165-166]. К сожалению, источники не приводят данные о культовых зданиях греческой общины города, вокруг которых должны были формироваться ее кварталы. Напротив, в нашем распоряжении имеется такого рода информация относительно мусульманского населения Керчи. В 1520 г. в крепости насчитывался только один мусульманский квартал с большой мечетью («Джами») – всего 220 человек, 44 «очага» и 3 холостяка, в 1542-1543 гг. – уже два квартала вокруг двух больших мечетей. Одна из них носила имя султана Баязида Вели, то есть Баязида II Святого (1481-1512) (в этом квартале проживало 254 человека, 4 холостяка в 50 «очагах»), другая – имя Хаджи Синана, одного из известнейших османских архитекторов XVI в. (в квартале насчитывалось 72 «очага», 364 человека и 9 холостяков) [Fisher, 1981, p. 155, 165-166].

В нашем распоряжении имеется крайне скудная и противоречивая информация о положении Керчи во второй половине XVI – первой половине XVII вв. В «Описание Татарии» Мартина Броневского, посла польского короля Стефана Батория к крымскому хану Мухаммед II Гирею (1577-1584) в 1578 г., ей уделено буквально несколько строк, из которых следует, что «Керчь, татарский город с крепостью, составляющий владение [Крымских] Ханов», союзников Османской империи на полуострове, был в это время ничтожным и малозначительным населенным пунктом. По словам Мартина Броневского, османы разрушили крепость в Керчи, в отличие от расположенной на противоположном берегу Керченского пролива крепости Тамань, где был размещен сильный турецкий гарнизон [Мартин Броневский, 2005, с. 157-190]. Трудно сказать, насколько эти данные источника объективно оценивают положение города и состояние его крепостных сооружений в конце XVI в. В любом случае, они находятся в явном противоречии с уже приведенными сведениями турецких дефтеров 1520 и 1542-1543 гг.,

подчеркивающих важное значение Керчи в системе османских владений в Северном Причерноморье.

Эмидио Дортелли д'Асколи, католический префект Кафы в течение 1624-1634 гг., оставил более подробное описание Керчи для своего времени. Он включает Керчь в число важнейших городов османской провинции Кефе в Крыму, подчиненных «паше, пребывающим в Каффе». Она характеризуется как «не очень большая, но сильная крепость, со стенами и рвами, хорошо содержимая, так как стоит на пути московских казаков, которые не раз пытались забраться в нее, но напрасно». Из городских построек внутри крепости Дортелли д'Асколи особо отметил «церковь, во имя св. Георгия, принадлежащая грекам, в которой есть алтарь с куполом, поддерживаемым 4-мя великолепными колоннами из мрамора» [Дортелли д'Асколи, 1902, с. 113, 122]. Именно эта деталь интерьера храма позволяет уверенно соотнести его с сохранившейся до настоящего времени в исторической части Керчи церковью Св. Иоанна Предтечи, хотя под своим современным названием последняя начинает упоминаться в источниках только с 70-х гг. XVIII в. [Пономарев, Бейлин, 2016, с. 302–303].

Совсем краткую информацию о Керчи середины XVII в., в которой насчитывалось «около сотни очагов», приводит французский военный инженер-картограф Гийом Левассер де Боплан (около 1651 г.) [Боплан, 2004, с. 210-211]. К сожалению, полностью не изданными остаются близкие по времени османские дефтеры 30-60-х гг. XVII в., что не позволяет уверенно отследить общую динамику демографических и этноконфессиональных изменений в структуре населения города в сравнении с данными первой половины XVI в. [о христианском населении в дефтере 1634-1635 гг., в том числе Керчи (24 «очага») см.: Ефимов, 2013, с. 136]. В этой связи, важнейшее значение для реконструкции облика Керчи XVII в. имеют сведения турецкого путешественника Эвлии Челеби, посетившего полуостров в 1666-1667 гг. и оставившего нам, по сути, единственное подробное ее описание в османский период истории города. Это описание, несмотря на некоторые преувеличения автора, будучи дополненное нарративными и картографическими свидетельствами конца XVIII – начала XIX вв., уже неоднократно становилось предметом специальных исследований, прежде всего, фортификационной системы Керченской крепости [Бочаров, 2005; Белик, 2016, с. 50-57]. В нашей работе, чтобы избежать повторов, сосредоточимся лишь на данных источника, имеющих отношение к общей реконструкции исторической топографии города.

В представлении Эвлии Челеби, Керчь 1660-х гг. являлась крупным

городом, территория которого была ограничена склонами г. Митридат («у подножия скал») и берегом морского залива. Топографически она делилась на две части – собственно крепость, окруженная по всему периметру каменными стенами и рвом, с многочисленными башнями, цитаделью и четырьмя воротами, и благоустроенное предместье. Под защитой крепости активно функционировал большой порт с пристанью. В цитадели размещался гарнизон (150 стражников), среди ее построек указаны дом начальника крепости и квартальная мечеть. В самой крепости находились соборная мечеть в честь султана Баязида Вели (упомянута в дефтере 1542-1543 гг.), минарет которой был восстановлен после землетрясения в 1598-1599 гг., 200 тесно расположенных двухэтажных домов, баня, 10 лавок, 50 складских сооружений, а также христианская церковь («древний храм генуэзских франков») с сохранившимися фресками [Эвлия Челеби, 2008, с. 192-196]. Последняя, безусловно, тождественна уже упомянутой церкви Св. Иоанна Предтечи. Вблизи крепости и порта Челеби перечисляет квартальную мечеть Мустафы Челеби со свинцовой крышей, построенную в 1587 г., пять городских фонтанов, 100 лавок и 300 домов, у подножья г. Митридат – еще одну квартальную мечеть, баню, караван-сарай, школу юношей, текие и медресе [Эвлия Челеби, 2008, с. 196]. Наличие квартальных мечетей, бань, караван-сарая, текие и медресе позволяет рассматривать Керчь XVII в. как город с типично восточными планировкой и укладом жизни, важный административный центр восточной части Крымского полуострова в это время.

Из других описаний Керчи в османский период ее истории отметим лишь краткий, но содержательный обзор фортификационных сооружений крепости и ближайшего к ней предместья, составленный на основе «журнала» вице-адмирала Российского флота К.И. Крейса, посетившего город в 1699 г. В источнике отмечены одноэтажная рядовая застройка с плоскими черепичными крышами, 20 мечетей (что выглядит явным преувеличением), впервые «две греческие церкви» за пределами крепости, «каменная плотина между гаванью и замком» (очевидно, портовый мол) и мусульманское кладбище на северо-западной окраине Керчи [Байер, 1782, с. 212; Крейс, 1830, с. 392].

Следующий блок сведений о топографии османской Керчи относится ко времени ее включения в состав Российской империи в 70-е гг. XVIII в. Одним из наиболее информативных источников является «Топографическое описание доставшимся по мирному трактату от Оттоманской Порты во владение Российской империи землям», составленное в 1774 г.

инженер-подполковником Р.Н. Томиловым. Помимо точной характеристики оборонительных сооружений города, он отмечает внутри Керченской крепости 50 домов, христианскую церковь, три мечети и баню, а на территории ее предместья – 600 турецко-татарских, 16 греческих и 8 армянских домов, три мечети, две бани и 50 лавок. Улицы, по словам автора, «кривы и узки»; среди инфраструктурных объектов упомянуты колодцы и городской фонтан [Томилов, 1868, с. 192–193].

Наконец, определенную информацию об облике Керчи конца XVIII – начала XIX вв., до момента коренной реконструкции ее исторической (приморской) части в 1820-е гг., может дать анализ сведений путешественников этого времени – Ж. Ромма, П.С. Палласа, П.И. Сумарокова, И.М. Муравьева-Апостола и других.

Картографические и изобразительные источники. Эта небольшая группа источников включает, прежде всего, более 10 Генеральных планов и чертежей Керчи и ее окрестностей, сохранившихся в ЦГВИА, РНБ, РГАВМФ и составленных между 1771 и 1824 гг. К сожалению, их комплексный анализ в историографии отсутствует. Лучшей публикацией отдельных планов города (1774, 1811 и 1821 гг.) по-прежнему остается работа М.Б. Михайловой [Михайлова, 1976]. В исследованиях С.Г. Бочарова и Ю.Л. Белика представлена лишь схематическая реконструкция планировки Керчи этого времени, сохранившей во многом свой «османский» облик. Между тем, полное издание всех указанных картографических материалов, с детальным историческим комментарием и перекрестным анализом сведений с данными, в первую очередь, Эвлия Челеби, К.И. Крейса и Р.Н. Томилова, является, пожалуй, одним из важнейших условий для установления объективной исторической топографии города в XVI-XVIII вв.

Еще одной группой источников по интересующей нас проблематике являются немногочисленные рисунки и гравюры видов города конца XVIII – начала XIX вв., опубликованные в работах П. Дебрюкса, Ж. Орие, П.П. Свиньина, М. Фамен, А. Ашика, Н.Н. Мурзакевича и других. Благодаря им, с определенными допущениями, возможна реконструкция внешнего облика отдельных оборонительных узлов Керченской крепости и еще сохранившихся на тот момент сооружений османского времени.

Археологические источники. Эта группа источников имеет в будущем наибольший потенциал для детального изучения исторической топографии Керчи XVI-XVIII вв. Однако, превращению ее в серьезную научную источниковую базу мешает ряд объективных факторов. Во-первых, включение территории османской Керчи в пределы плотной совре-

менной застройки города. При этом важно отметить, что культурный слой османского периода серьезно пострадал как во время кардинальной реконструкции центральной (исторической) части Керчи в 20-е гг. XIX в., так и в дальнейшем. Во-вторых, отсутствие серьезного интереса со стороны исследователей к артефактам и застройке Керчи османского времени, которые, в лучшем случае, формально фиксировались в научных отчетах и публикациях, посвященных античной и раннесредневековой истории города, после чего находки утилизировались либо безвестно оседали в фондах местного музея.

Между тем, история археологического изучения памятников османского периода в истории Керчи насчитывает уже более 100 лет. Впервые такого рода работы предпринял еще в 1911 г. В.В. Шкорпил. В ходе реконструкции торговых рядов на Предтеченской площади и на Рыбном базаре (современная площадь Ленина) он «нашел необходимым все время наблюдать за рытьем фундаментов для новых лавок», поскольку именно здесь находилась разрушенная в 1829 г. турецкая крепость. В результате, на глубине около 1,00 м, «под бывшей мостовой», частично была открыта турецкая баня, функционировавшая до 1771 г. На ее каменном полу найдены 23 русские медные монеты, выпущенные в период 1758-1771 гг. В процессе разборки комплекса был также обнаружен клад монет Крымского ханства (всего 2872 единицы), наиболее ранние из которых выпущены в правление Менгли Гирея I (1478-1515), наиболее поздние – при хане Девлет Гирее I (1551-1577). Из окрестностей бани на Предтеченской площади происходит «турецкое надгробие из белого мрамора» [Шкорпил, 1914, с. 16-21, 74].

Небольшие участки застройки Керчи XVI-XVIII вв. удалось исследовать в 1963-1964 гг., когда, с целью благоустройства центральной части города, был ликвидирован рынок на территории бывшей Предтеченской площади. На одном из участков (раскоп I), в 40 м к северо-востоку от церкви Св. Иоанна Предтечи, обнаружен фрагмент улицы этого времени с двумя линиями каменного водостока, а также сгоревшая в пожаре постройка с глинобитным полом и печью из плоских кирпичей [Якобсон, Зеест, 1963, с. 5–6]. Правда, в краткую публикацию результатов этих раскопок вошло лишь упоминание находки фаянсового блюдца с полихромной росписью XVI–XVII вв., обнаруженного в засыпи бани предшествующего (XIV-XV вв.) периода [Зеест, Якобсон, 1965, с. 62–69].

В 1970–1971 гг. Т.И. Макарова проводила раскопки снаружи и внутри церкви Св. Иоанна Предтечи. Ей удалось выяснить, что в османский

период истории Керчи и вплоть до XIX в. захоронения производились исключительно внутри храма; в его нартексе были обнаружены 9 каменных гробниц этого времени для многократных погребений [Макарова, 1998, с. 383–384]. Результаты раскопок стали дополнительным аргументом в пользу гипотезы о сохранении действующего характера церкви в течение XVI-XVIII вв. Новые археологические исследования памятника проводились на площади ее приделов XIX в. В.Н. Холодковым в 1988 г. В ходе этих работ вдоль северной стены обоих приделов выявлены разновременные строительные остатки, в том числе османского периода в истории храма. Материалы раскопок остались не опубликованными, за исключением небольшого числа керамических находок XVI-XVIII вв. – импортной глазурованной фаянсовой посуды групп «Iznik Ware» и «Kütahya Ware» и поливных красноглиняных светильников [Болонкина, 1999, с. 219–226; Артеменко, Желтикова, 2014, с. 159, 160, 162, №№ 22, 23, 24, 32].

Также не изданными остаются результаты археологических исследований османской квартальной застройки Керчи, открытой в 1990 г. А.Б. Занкиным у подошвы северо-восточного склона г. Митридат по ул. Театральной, между зданиями городского Дома культуры и «Приватбанка». Здесь удалось обнаружить два строительных горизонта интересующего нас периода времени – XVII–XVIII вв., где были открыты две улицы с примыкающими к ним жилыми постройками, и более худшей сохранности XV–XVI вв., где зафиксированы остатки сооружений с цистернами и колодцами [об этих раскопках вкратце см.: Занкин, 1991, с. 21–22].

Наконец, в 1990–1992 гг. и 2006 г. на площади Кооперативного переулка А.И. Айбабиным исследован участок городского некрополя второй половины XVI – первой половины XVIII вв. Всего были раскопаны 40 грунтовых могил и одна каменная гробница. Безынвентарные захоронения совершались в вытянутом положении на спине или на правом боку, с различной ориентацией [Радочин, 2009].

Из отдельных исследований археологических материалов османского периода в истории Керчи, хранящихся в фондах Керченского музея-заповедника, необходимо отметить лишь краткий обзор коллекции курительных трубок XVII-XVIII в. в публикации Н.В. Перепелкиной. Из 250 предметов коллекции 63 происходит из района площади Ленина и прилегающих улиц города, где в это время существовала плотная городская застройка, однако, из работы не ясны ни точное местонахождение артефактов, ни их археологический контекст [Перепелкина, 2001, с. 126–131].

Подытоживая, нужно констатировать, что изучение истории Керчи

османского периода находится на начальном этапе. Среди первоочередных задач, стоящих перед исследователями, следует отметить необходимость систематизации сведений письменных источников для создания связного очерка по истории города в XVI-XVIII вв. и подготовку полного издания картографических и изобразительных материалов конца XVIII – начала XIX вв. (до 1820-х гг.), без которых невозможна объективная реконструкция топографии османской Керчи. Интерес представляет ревизия фондов Керченского музея-заповедника на предмет сохранившихся в них позднесредневековых вещественных находок. Однако, с учетом широкомасштабных охранно-археологических работ в городе и его округе в настоящее время, не менее важным является тщательная фиксация стратиграфической и планиграфической ситуации на новых археологических объектах, имеющих отношение к османскому периоду в истории региона. Новые, хорошо стратифицированные вещественные материалы позволят сформировать необходимую эталонную коллекцию изделий из керамики, стекла, металлов, кости, камня XVI-XVIII вв., которая станет в дальнейшем важной составляющей общей источниковой базы для изучения истории и культуры Керчи этого времени.

ЛИТЕРАТУРА

Артеменко Е.Д., Желтикова А.Л. Гончарные светильники XIV–XVIII вв. из фондов Керченского заповедника // НСКЗ. 2014. Вып. IV.

[Байер Г.З.] Древние Азовские и Крымские известия. Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу. СПб., 1782

Бочаров С.Г. Топография города Керчи XVI–XVIII веков // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2005. Вып. 4.

Белик Ю.Л. Некоторые фортификационные особенности крепости Керчь в XVII–XVIII вв. // БИ. 2010. Вып. XXIII.

Белик Ю.Л. Керченская старина. Вып. II. Крепости Керченского полуострова (XVII–XIX вв.). Симферополь, 2015.

Белик Ю.Л. Османские оборонительные сооружения на Керченском полуострове (XVII-XVIII вв.). Казань, 2016.

Болонкина Е.В. Турецкая керамика XVI–XVIII веков из Керчи // Археология и история Боспора. Керчь, 1999. Т. III.

Боплан, Гийом Лавассер де. Описание Украины. М., 2004.

Дортелли д'Асколи. Описание Черного моря и Татарии // ЗООИД. 1902. Т. XIV.

Ефимов А.В. Христианское население Крыма в 1630-е годы по османским источникам // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Региональная история. Краеведение». М., 2013. № 9 (110).

Занкин А.Б. Исследования средневекового Корчева // Археологічні дослідження на Україні у 1990 р. Київ, 1991.

Зеест И.Б., Якобсон А.Л. Раскопки в Керчи в 1963 г. // КСИА. 1965. Вып. 104.

[Крейс К. И.] Экстракт из журнала, держанного от господина вице-адмирала Крейса на пути из Москвы на Воронеж, с Воронежа на Азов, на Таганрог и к Керчи, а оттуды паки назад к Азову, 1699 года // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. СПб., 1850. Ч. 8.

Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.

Мартин Броневский. Описание Крыма (подготовка републикации текста М. Мачинской и А. Герцена, предисловие и комментарий А. Герцена) // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2005. № 10.

Михайлова М.Б. Основные этапы формирования Керчи в XVIII–XIX вв. // Архитектурное наследство. М., 1976. Вып. 25: Проблемы градостроительства IV–XIX вв.

Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь, 2009.

Перепелкина Н.В. Коллекция глиняных курительных трубок из фондов Керченского Государственного историко-культурного заповедника // 175 лет Керченскому Музею Древностей. Материалы международной конференции. Керчь, 2001.

Пономарев Л.Ю., Бейлин Д.В. Церковь Иоанна Предтечи в Керчи (третья четверть XVIII – XX вв.) // История и археология Крыма. Симферополь, 2016. Вып. III.

Радочин В.Ю. Палеоантропологический материал из могильника позднесредневекового Боспора // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.

Руев В.Л. Турецкое вторжение в Крым в 1475 году. Симферополь, 2014.

[Томилов Р.Н.] Топографическое описание доставшимся по мирному трактату от Оттоманской Порты во владение Российской империи землям, 1774 года // ЗООИД. 1868. Т. VII.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в Керчи и на Таманском полуостро-

ве в 1911 г. // ИАК. 1914. Вып. 56.

Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Симферополь, 2008.

Якобсон А.Л., Зеест И.Б. Отчет о раскопках на Рыночной площади в Керчи в 1963 г. // Научный архив Института археологии НАНУ (г. Киев). №1963/21.

Berindei M., Veinstein G. La presence Ottomane au Sud de la Crimée et en Mér d'Azov dans la première moitié du XVI siècle // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1979. Vol. XX. №3-4.

Fisher A. The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century // HUS. 1981. Vol. V. №2.

Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge; Massachusetts, 1936.

Veinstein G. La population du Sud de la Crimée au début dela domination Ottomane // Mémorial Ömer Lûtfi Barkal. Paris, 1980.

НЕССЕЛЬ В.А., УШАКОВА К.С.
(ГМЗ «Херсонес Таврический», Севастополь)

КЕРАМИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ИЗ РАСКОПОК ХОЗЯЙСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ НА ЗАПАДНОМ БЕРЕГУ СТРЕЛЕЦКОЙ БУХТЫ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В ходе более чем столетнего изучения древней хоры Херсонеса Таврического получена ценнейшая информация о характере землепользования на ближней сельскохозяйственной округе, открыты и исследованы десятки античных усадеб, поселений, агротехнических сооружений, локализованы т.н. «священные участки», расположенные за пределами городских стен (Николаенко,1999; 2001). Некоторые из этих памятников уже давно вошли в научный оборот, однако многие опубликованы лишь частично, без описания найденного материала. В связи с этим неизменный интерес представляют объекты, чья строительная история и архитектурные остатки надежно подкрепляются характеристикой датирующих находок. Одним из таких памятников является крупный хозяйственный комплекс античного времени, обнаруженный на Западном берегу Стрелецкой бухты в 1971 г. и исследованный в 2003-2011 гг. (Савеля, 1971; Савеля, Демьянчук, 2004, л. 13-15; Савеля, Демьянчук, Савеля, Нессель, 2007, л. 5-11; Савеля, 2010, л. 4-24; Савеля, 2011, л. 4-40). Впервые выявленный как «усадьба», он, скорее всего, носил производственный характер, направленный на переработку и хранение продуктов виноделия (Савеля, 2011, л. 18-19; Нессель, Ушакова, 2012, с. 187).

Комплекс расположен в верховье Стрелецкой бухты, на ее Западном берегу и занимает часть территории блока наделов №101а хоры Херсонеса Таврического (Николаенко, 2001, с. 58-59). По данным аэрофотосъемки на наделе отмечались следы межевания и остатки 2 усадеб (Николаенко, 2001, с. 58-59). Усадьба, предположительно располагавшаяся

на территории надела № 1, была уничтожена в ходе хозяйственного освоения этих земель в середине XX в. Признаки еще одной усадьбы была выявлены на низменной части надела № 2 разведками в 1971 г. (Савеля, 1971). Археологическими исследованиями, проводившимися на данной территории в 2003-2011 гг. под руководством О.Я. Савели, были открыты остатки винодавильных площадок, нескольких помещений и сооружений для изготовления и хранения продуктов виноделия (ям суслоприемников?, подвалов и ям для пифосов) (рис. 1) (Савеля, Демьянчук, 2004, л. 13-15; Савеля, Демьянчук, Савеля, Нессель, 2007, л. 5-11; Савеля, 2010, л. 4-24; Савеля, 2011, л. 4-40).

В данной работе представлен керамический материал из раскопок данного комплекса.

Массовый материал составляют фрагменты черепиц производства Херсонеса, Синопы и Гераклеи. Кроме того в одном из подвалов были обнаружены обломки рухнувшей черепичной кровли, состоявшей из сильно фрагментированных синопских и гераклейских керамид и калиптеров. К сожалению, сильный разброс обломков по площади завала не позволил собрать целые формы. На нескольких керамидах синопского производства середины IV – первой четверти III вв. до н.э. сохранились клейма.

Многочисленны находки синопских, гераклейских и херсонесских пифосов эллинистического времени (Попова, Коваленко, 2005, с. 44, 48, рис. 89, № 2а, рис. 95, № 1-6), в том числе несколько венцов с цифровыми метками в акрофонической системе (Николаенко, 1974, с. 28-29; Попова, Коваленко, 2005, с. 115, рис. 70, №18,21). Причем несколько сосудов были найдены in situ, со следами древнего ремонта. Крышки для пифосов, также найденные в большом количестве, судя по глине, были изготовлены, в основном, в херсонесских мастерских.

Фрагменты амфорной тары представлены по большей части сосудами производства Херсонеса конца IV – конца III вв. до н.э. (Монахов, 1989, табл. XVIII, XIX, XXI, XXIII-XXV) и Синопы второй половины IV — третьей четверти III вв. до н.э. (Монахов, 2003, с. 152-154, 158-159, табл. 102, № 1-6, табл. 104, № 1-2) и II — начала I вв. до н.э. (Монахов, 1992, с. 177-178, табл. 11, №70, 79; Монахов, 2003, с. 152-154, 156, 159, табл. 104, № 4-6, табл. 105, № 2, 7, табл. 106, № 2). Помимо этого были найдены обломки амфор Гераклеи второй половины – конца IV в. до н.э. (Монахов, 2003, с. 140-144, табл. 98, № 7), Фасоса — второй – третьей четвертей IV в. до н.э. (Монахов, 2003, с. 76, табл. 44-45) и последней четверти IV – первой половины III вв. до н.э. (Монахов, 2003, с. 76, табл. 49, № 4, 5); Книда — последней четверти IV – первой трети III вв. до н.э. (Монахов, 1999, с. 471-473, табл. 202, № 2, 3; Монахов, 2003, с. 106-107, табл. 74, №3, табл. 75, №5, табл. 76, № 1, 2), Родоса — второй четверти – середины III в. до н.э. (Монахов, 2003, с. 116-117, табл. 80, № 6) и второй половины – конца III в. до н.э. (Монахов, 2003, с. 117-120, табл. 81, № 4, 5, табл. 82, табл. 83).

Уточнить хронологию комплекса позволяют данные амфорных клейм. Так, на ручках херсонесских амфор сохранились клейма астиномов Аполлония и Полистрата (325-287 гг. до н.э., хронологическая группа I-Б по: Кац, 2007, с. 442) и Ликона (272-266 гг. до н.э., хронологическая группа II-Б по: Кац, 2007, с. 442). Довольно редкой находкой можно назвать круглое клеймо на ручке родосской амфоры с изображением квадриги в центре и именем фабриканта Moirichos по кругу[1].

Показателен «набор» столовых и хозяйственных сосудов, изготовленных в Херсонесе во второй половине IV-III вв. до н.э.: кувшинов, в том числе расписанных красной краской (Kašaev, 2002, p. 161-162, pl. 77-79, № C3, C7-10, C12-14), мисок (Kašaev, 2002, p. 161-165, pl. 78-79, № C8-10, C 12, pl. 82, 84-86, № C31, C45, C48-49, C52, C54), лутериев (Kašaev, 2002, p. 174-175, pl. 100, № C205-206, pl. 101, № C215-216), стамносов (Попова, Коваленко, 2005, с. 13, рис. 12: 10), а также ангобированного рыбного блюда, по форме напоминающего чернолаковые образцы. Сосуды других производственных центров – в основном Гераклеи — единичны (Kašaev, 2002, p. 162, pl. 77, № C11, pl. 79, № C15). Несомненно выдающейся находкой в этой керамической категории является фрагмент верхней части мерного сосуда с частью сложной монограммы на ручке.

Среди довольно многочисленных обломков чернолаковых сосудов можно выделить разнообразной формы канфары последней четверти IV — последней четверти III в. до н.э., в том числе с накладным орнаментом в стиле West Slope Ware (Rotroff, 1997, p. 242-244, 249, 251-252, fig. 4-5, №7, 13, 22, 27, fig. 8, № 74, fig. 9, № 94-96), тарелки первой половины III в. до н.э. (Rotroff, 1997, № 875; Hannestad, Stolba, Hastrup, 2002, p. 150, pl. 65, № B110; ср.: Егорова 2009, с. 137-138, 166, рис. 28, № 452-460, рис. 45А, № 676) и конца II — начала I вв. до н.э. (Rotroff, 1997, p. 314, 328, fig. 50, № 699, fig. 58, № 847), миски первой — третьей четвертей III в. до н.э. (Rotroff, 1997, p. 329-334, 341, fig. 59-60, № 866-913, fig. 63, № 1000, 1001; Егорова 2009, с. 32-33, с. 106-111, 121, с. 155-156, рис. 15, № 211, рис. 17Б-19, рис. 22, № 319, рис. 39А, № 587), рыбные блюда конца IV – первой четверти III вв. до н.э.

[1] *Авторы благодарят Е.Я. Туровского и Н.А. Павличенко за определение клейм.*

(Егорова, 2009, с. 41-42, 142-143, рис. 29, № 485-493), дно пиксиды 250-240 гг. до н.э. (Rotroff, 1997, p. 363, fig. 77, №1249), аттический гуттус эллинистического типа середины III в. до н.э. (Rotroff, 1997, p. 353, fig. 71, №1146; Егорова, 2009, с. 146, рис. 31, № 517; Попова, Коваленко, 2005, с. 63, рис. 98, № 4), а также обломки венчиков буролаковых тонкостенных кубков III – середины II вв. до н.э. (Журавлев, 2007, с. 278-279, рис. 2, №13).

Среди посуды хозяйственного назначения более всего было найдено кастрюль традиционной для эллинистического времени формы (Kašaev, 2002, p. 169-171, pl. 93, № C122, pl. 97, № C148-154, pl. 94, 96, № C126, 127, 136; Попова, Коваленко, 2005, с. 43-44, рис. 84, № 2) и крышек для них (Kašaev, 2002, p. 172, pl. 97, № C168-173). Помимо гончарной посуды здесь во фрагментах присутствовали лепные горшки и миски.

Единичными находками в керамическом комплексе можно считать рыболовные грузила, фрагментированные светильники кон. IV — первой половины III вв. до н.э. (Hannestad, 2002, p. 201-202, pl. 138, № E2-3), фимиатерий гераклейского-? производства III в. до н.э. (ср.: Егорова, 2009, с. 172-173, рис. 48, № 725-729) и обломок культовой терракотовой статуэтки, изображавшей женскую фигуру с высокой прической (Нессель, Ушакова, 2012, с. 187-195; ср.: Merker, 2000, p. 101, pl. 15, №164).

Таким образом, анализ керамического материала позволяет говорить о том, что крупный хозяйственный комплекс на Западном берегу Стрелецкой бухты возникает во второй половине IV в. до н.э. и с неоднократными перестройками существует вплоть до второй четверти II в. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

Егорова Т.В. Чернолаковая керамика IV-II вв. до н. э. с памятников Северо- Западного Крыма. М., 2009.

Журавлев Д.В. О некоторых категориях позднеэллинистической краснолаковой керамики городища «Чайка» // Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму. М., 2007. С. 275-312.

Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Боспорские исследования XVIII. Симферополь; Керчь.

Монахов С.Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV-II вв. до н. э. Опыт системного анализа. Саратов, 1989.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII-II вв. до н.э. Саратов, 1999.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология. Каталог-определитель. М.- Саратов, 2003.

Нессель В.А., Ушакова К.С. Новая находка терракотовой статуэтки с округи

Херсонеса Таврического // ХСб, 2012, вып. XVII, с. 187- 195.

Николаенко Г.М. Метки на античных пифосах // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974. С. 28-29.

Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV-III вв. до н.э. Ч. I. Севастополь, 1999.

Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV-III вв. до н.э. Ч. II. Севастополь, 2001.

Попова Е.А., Коваленко С.А. Историко-археологические очерки греческой и позднескифской культур в Северо-Западном Крыму (по материалам Чайкинского городища). М., 2005.

Савеля О.Я. Предварительные результаты обследования зон застройки на водоразделе Карантинной и Стрелецкой балок Гераклейского полуострова в 1971 г. // НА ФГБУК ГИАМЗ «Херсонес Таврический», д. 2336.

Савеля О.Я., Демьянчук С.Г. Охранные археологические исследования в зоне строительства квартала жилых домов по ул. Фадеева-Щитовая и трассах инженерных сетей квартала в г. Севастополе в 2004 г. // НА ФГБУК ГИАМЗ «Херсонес Таврический», д. 3690.

Савеля О.Я., Демьянчук С.Г., Савеля Д.Ю., Нессель В.А. Отчет об охранных археологических исследованиях и контроле за земляными и планировочными работами в зоне строительства квартала жилых домов по ул. Степаняна в 2007 г. // НА ФГБУК ГИАМЗ «Херсонес Таврический», д. 3909.

Савеля О.Я. Отчет об охранных археологических исследованиях и контроле за земляными и планировочными работами в зоне строительства квартала жилых домов по ул. Степаняна в 2010 г. // НА ФГБУК ГИАМЗ «Херсонес Таврический», д. 4089.

Савеля О.Я. Отчет об охранных археологических исследованиях и контроле за земляными и планировочными работами в зоне строительства квартала жилых домов по ул. Степаняна в 2011 г. // НА ФГБУК ГИАМЗ «Херсонес Таврический», д. 4186.

Hannesta Od L. Lamps//Panskoe I. The monumental building U6. Text,

plates. Aarhus, 2002. P. 201-202.

Hannestad L., Stolba V.F., Hastrup H.B. Black-glazed, red-figure and grey ware pottery//Panskoe I. The monumental building U6. Text, plates. Aarhus, 2002. P.127-149.

Kašaev S.V. Commonware//Panskoe I. The monumental building U6. Text, plates. Aarhus, 2002. P.150-179.

Merker G.S. The Sanctuary of Demeter and Kore. Terracotta Figurines of Classical, Hellenistic and Roman Periods // Corinth. Vol. XVIII. Part IV. Princeton. 2000.

Rotroff S.I. Hellenistic pottery. Athenian and imported wheelmade table ware and related material. Part I, II//The Athenian Agora. Vol. XXIX. Princeton, New Jersey, 1997.

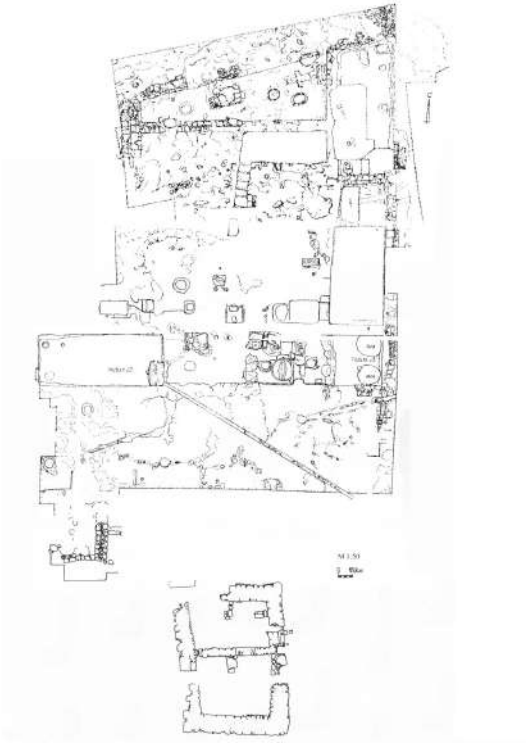


Рис. 1. План хозяйственного поселения эллинического времени на западном берегу Стрелецкой бухты.

ПАРОМОВ Я.М.
(ИА РАН, Москва)

ОСОБЕННОСТИ ОБРЯДА ПАРНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ ИЗ АРТЮХОВСКОГО КУРГАНА

Сведения о парных погребениях античного времени в могильниках Таманского полуострова и первые обобщения, относящиеся к особенностям этого обряда, лишь недавно стали появляться в печати (Паромов, 2013а; 2013б; Кашаев, 2016). Причина этого не в малом интересе к данной теме, а в ограниченности опубликованных источников. В связи с этим, рассмотрение парных погребений из Артюховского кургана, являющихся важнейшим звеном в ряду подобных захоронений, имеет особое значение. Курган Сенной 56 (Артюховский), находившийся рядом с городищем Кепы, исследовался В.Г. Тизенгаузеном (1879) и С.И. Веребрюсовым (1879, 1880). Из найденных в нем восьми погребений три оказались неграблеными. Им посвящено замечательное исследование М.И. Максимовой (1979), опубликованное после ее смерти. Два погребения, открытые В.Г. Тизенгаузеном, – «гробница II» и «гробница III» содержали парные захоронения мужчины и женщины.

Первое парное захоронение («гробница II») было найдено в каменном склепе «близ подошвы кургана. Склеп этот, наполовину впущенный в материк и внутри отштукатуренный, с полукруглым сводом, состоял из двух отделений: меньшего, составлявшего входную галерею, и большего, заключавшего в себе собственно усыпальницу». Он имел размеры 3,5 х 1,4 м, был ориентирован по направлению ЗЮЗ–ВСВ, сложен из больших тесаных камней, имел вход в виде арки из клинчатых камней (так же была оформлена перегородка), высота до замковых камней свода составляла 1,6 м. Пол преддверия был выстлан каменными плитами, пол погребальной камеры, расположенный ниже пола преддверия, был земляным. Ко входу в склеп, расположенному с западной стороны, вели три ступеньки, на нижней стояла большая плита, закрывавшая дверной проем. В погре-

бальной камере «прямо на земле», в вытянутой позе, на спине, черепами к востоку, лежали два скелета – мужской и женский (первый – ближе к северной стене, второй – к южной). Покойники были положены в парадных одеяниях. Голова мужчины была увенчана золотым венком, на груди найден статер Перисада (копия посмертного статера Лисимаха), у пояса – золотой медальон-застежка с гранатами и эмалью, на левой руке – золотой перстень с железной вставкой, справа от погребенного – четыре серебряные трубочки-колпачка; в преддверии склепа на стороне мужского погребения – два железных стригиля, серебряная пряжка сарматского типа от пояса, краснолаковое блюдо с остатками орехов, глиняные лагинос и кувшин.

Голова женщины была украшена золотым лавровым венком, золотым начельником с рельефным орнаментом, гранатами и кисточками-подвесками; золотой булавкой, поддерживавшей прическу; двумя золотыми серьгами в виде дисков-розеток с гранатами в центре, головным убором Исиды над дисками и подвесками: фигурками голубя и двумя цепочками с гранатами на концах. На голове найден золотой статер Лисимаха (посмертного чекана); на шее – золотая витая гривна и шесть ожерелий из золотых и разноцветных каменных и стеклянных бус и пронизок; на груди – золотой медальон с рельефным изображением Афродиты и Эрота, четыре золотые круглые бляшки с тисненым орнаментом; на каждой руке – по два золотых браслета (ленточные в четыре оборота со змеиными головками на концах и «крученые» из прямоугольного в сечении дрота). На левой руке найдены пять золотых перстней (с дымчатым халцедоном; со щитком в форме сандалии, украшенный гранатами и стеклом, с дарственной надписью «Гестией – Маммии»; с выпуклым овальным гранатом; с камеей, изображающей Эрота, ловящего бабочку Психею; со вставкой в виде необработанного кусочка железа); на правой руке – два золотых перстня (один – в виде свернувшейся в спираль змеи, второй – массивный литой, в виде кольца). Вдоль всего скелета найдены золотые нити от одежды или покрывала. С «женской» стороны у стены склепа был расставлен серебряный сервиз из девяти предметов (канфар с растительным орнаментом, фемиатерий-курильница, две чаши, пиксида, кувшинчик, два черпака-киафа со звериными головками на концах ручек и ложечка), там же найдены два серебряных веретена и палочка; в ногах – бронзовое зеркало с крышкой, на которой изображена Сцилла, бронзовый светильник с вытянутым рожком и ручкой в виде гераклового узла, футляр-ладанка, кусок кожаной плетенки, небольшая стеклянная пластина овальной формы,

расписная глиняная амфора и простой унгвентарий. В преддверии с «женской» стороны были найдены: бронзовая позолоченная чаша, бронзовая уховертка, семь керамических сосудов (чернолаковые чаша и пиксида без крышки, расписная амфора, лагинос и три унгвентария). В погребении найдены также серебряные ситечко и киаф, разрозненные кусочки листового золота. Захоронение датировано М.И. Максимовой 140–125 гг. до н.э. (ОАК 1878–1879. С. XLVI–XLVIII; Ростовцев, 1925. С. 274; Максимова, 1979. С. 7–9, 11–22; Паромов, 2003. С. 243, 244; 2013а. С. 155, 156).

Второе парное захоронение («гробница III») было найдено в каменном ящике – «гробнице, внутри тщательно отштукатуренной и выбеленной, сложенной из больших тесаных известняковых плит. В двух продольных стенах ее, северной и южной, у изголовья каждого из двух покойников находилась небольшая полукруглая ниша». Гробница имела примерно те же размеры, что и погребальная камера первого склепа и была ориентирована по направлению ЮЗ–СВ. В ней на земляном полу, в вытянутой позе, на спине, черепами к востоку лежали два скелета – мужской и женский (первый – ближе к северной стенке, второй – к южной). Как и в склепе, покойники были положены в парадных одеяниях. Голова мужчины была увенчана золотым венком, на левой руке найден железный перстень с железной вставкой в жуковине. В нише у головы лежали обрывки тонкого листового золота. При мужчине найдены железные стригиль и нож, чернолаковый реберчатый стамнос с крышкой, гидрия с ручкой в виде фигуры Приапа и расписная крышка леканы с орехами.

Голова женщины была украшена золотым венком. На шее найдены золотое ожерелье в виде мелкой цепочки с застежками в форме львиных грифонов и два (или три) ожерелья из сердоликовых и других каменных и стеклянных бус; в ушах – пара серег в виде розеток с подвесками: литыми, массивными фигурками Эротов; на левой руке – два перстня: золотой массивный с изображением Геракла и железный с железной вставкой в жуковине. В нише у головы стоял серебряный канфар с растительным орнаментом, на гвозде, вбитом в стену, висела меховая повязка. При женщине найдены серебряный унгвентарий, бронзовое позолоченное зеркало из тонкого листа, бронзовые чашечка, три тонких колечка и уховертка, фрагменты костяного веретена, створка раковины с остатками румян, алебастровая вазочка, четыре глиняных сосуда (чернолаковая чашка, лагинос, кувшинчик и унгвентарий). Всюду обнаружены кусочки золотой фольги. Над гробницей в насыпи кургана найдены остатки разбитого и сожженного деревянного ложа (клины), от которого сохранились бронзовые

обкладки ножек, скобы и массивная изогнутая пластина с двумя рельефными медальонами с бюстами юношей (на концах пластины), изображением отдыхающего Гермафродита (в центре), и по обе стороны от него двух играющих на цевнице и флейте эротов-младенцев. Погребение датировано М.И. Максимовой 140–125 гг. до н.э. (ОАК 1878–1879. С. XLIV– XLVI; Ростовцев, 1925. С. 273, 274; Максимова, 1979. С. 7–9, 12, 14–16, 18–22; Паромов, 2003. С. 245; 2013а. С. 156).

Погребения с совместными захоронениями мужчины и женщины встречаются почти во всех известных могильниках Таманского полуострова. Краткий анализ этих могил, приводимый ниже, основан на сведениях о 35 погребениях конца 6 – начала 1 в. до н.э. из 8 могильников (Артющенко 2, Волна 4, Кротенко, Тузла, Гермонасса, Фанагория, Кепы, Тирамба). Эти погребения выделяются среди других богатством и количеством приданных умершим вещей, а также уважением к женщине, которой отведено равное с мужчиной (или преимущественное перед ним, если судить по инвентарю) положение. Скорее всего, и при жизни она пользовалась не меньшим уважением и авторитетом. В силу своего значения, парные погребения являлись своего рода образцом для подражания, эталоном регламента и всей церемонии захоронения, определяя обрядовые нормы и правила, возникшие на Таманском полуострове в результате слияния коренных, местных и принесенных, греческих обычаев и традиций. По этому синкретическому таманскому обряду умершие укладывались в могилу в вытянутой позе, на спине, головой к востоку. Сопровождавший покойников инвентарь размещался вдоль южной стенки могильной камеры и в ногах. Одежда, оружие, украшения и предметы туалета находились на своих индивидуальных местах. В могилу ставили сосуды для воды и вина (амфоры, кувшины, кувшинчики, ойнохои), для еды (чашки, миски, тарелки, блюдца, солонки), для питья (килики, скифосы, чашечки), для хранения масла (лекифы, арибаллы, сосуды из финикийского стекла). Мужчинам принадлежали железные мечи, наконечники копий и стрел, железный чешуйчатый панцирь, ножи, стригили, бронзовые наконечники стрел. При женщинах найдены серьги, подвески, бусы, ожерелья, кольца, перстни, браслеты, зеркала, пряслица, иглы, пиксиды, леканы, раковины с румянами. К особой категории вещей относятся найденные и с мужчинами, и с женщинами амулеты и предметы, имевшие символическое (магическое) значение: «оболы Харона», фигурные подвески, перстни с железными вставками. С течением времени менялись некоторые черты погребального обряда, однако его главные особенности – поза погребенных, ориентация могилы, основной инвентарь и его размещение – оставались неизменными (богатство и количество вещей, положенных в могилу, зависело, естественно, от положения семьи в обществе и ее благосостояния). Большая часть инвентаря погребений состояла из греческого импорта: амфоры, расписная, чернолаковая и простая красноглиняная керамика, сосуды из финикийского стекла, золотые, серебряные и бронзовые украшения, предметы туалета, серебряные сосуды и курильницы. К местным традициям и вещам относились: общая тенденция к роскоши погребений, сырцовые гробницы, оружие, ножи, лепная керамика, заупокойная пища, некоторые амулеты.

Среди парных захоронений, найденных в могильниках Боспора, самыми богатыми и представительными являются описанные выше погребения из Артюховского кургана. В них наиболее полно отразились многие черты и особенности боспорской культуры, прежде всего, ее основа – греческий язык (надпись «Гестией – Маммии» на перстне из первого погребения). Глубокое проникновение греческих традиций выразилось в золотых венках на головах умерших (оба погребения), присутствие железных стригилей (оба погребения) и золотых статеров, символизирующих «обол Харона» (первое погребение). С другой стороны, анализируя общую картину, следует отметить, что кроме артюховских погребений, «обол Харона» был встречен еще в 11 парных захоронениях, в то время как венок и стригиль – лишь по одному разу каждый. На местные традиции, кроме «кричащего» богатства, выразившегося более всего в «излишних» золотых украшениях и очень редких серебряных сосудах, указывают найденные в обоих погребениях орехи – символ заупокойной пищи, серебряная пряжка – важная деталь «варварской» одежды (первое погребение) и железный нож (второе погребение). Некоторые находки свидетельствуют о местных и греческих традициях одновременно. К ним относятся нигде кроме Боспора не встречающиеся золотые и железные перстни со вставками из необработанного куска железа, найденные в обоих погребениях и у мужчин, и у женщин (золотые перстни – в первом погребении, железные – во втором), интерпретируемые как талисманы (Максимова, 1979. С. 21, 39, 66). Однако они могли иметь и более важное значение. У всех погребенных они были надеты на безымянных пальцах левой руки – там, где, по свидетельству Авла Гелия, приводимому Плутархом (Застольные беседы. Книга четвертая. Вопрос VIII), было принято носить кольца с печатями: «… древние греки носили кольцо на ближайшем к мизинцу пальце левой руки. Причина этого та, что от одного этого пальца отходит и достигает сердца

некий тончайший нерв; поэтому и было признано уместным почитать таким украшением этот палец, как ближайшим образом причастный к первенствующему в теле сердцу». Таким образом, сами перстни с железными вставками символизировали местную боспорскую традицию, а способ их ношения – греческую.

Рассматривая описанные погребения как явление боспорской культуры, можно заключить, что совместное захоронение мужчины и женщины в одной могиле было своего рода нормой – парным супружеским погребением, позволяющим предполагать такую же нормативность парного брака и существования малой семьи как основы общества.

ЛИТЕРАТУРА

Кашаев С.В. Парные погребения в некрополе Артющенко-2 //Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола. СПб. 2016. С. 173–181.

Максимова М.И. Артюховский курган. Л. 1979.

ОАК за 1878 и 1879 годы. СПб. 1881.

Паромов Я.М. Курганный некрополь Кеп // ДБ. Т. 6. М. 2003. С. 239–265.

Паромов Я.М. Парные погребения античного времени в могильниках Таманского полуострова // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник научных трудов, посвященный 65-летию профессора В.П. Копылова. Ростов-на-Дону. 2013а. С. 149–160.

Паромов Я.М. Характерные особенности обряда парных погребений античного времени на Таманском полуострове // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар. 2013б. С. 328–332.

Плутарх. Застольные беседы // Литературные памятники. Л. 1990.

Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л. 1925.

ПЕТРАКОВА А.Е., ЯГГИ О.
(Гос.Эрмитаж, С-Петербург; Базельский университет, Базель)

ЭРОТЫ С ПОЗОЛОЧЕННЫМИ КРЫЛЬЯМ: РЕЦЕПЦИЯ КРАСНОФИГУРНЫХ ВАЗ ИЗ МАСТЕРСКОЙ МАСТЕРА МАРСИЯ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Мастерская Мастера Марсия (сам мастер и вазописцы его круга) считается самой лучшей афинской мастерской IV века до н. э. (Beazley 1963, pp. 1474-1475). Несмотря на то, что несколько ваз из этой мастерской широко известны и много раз опубликованы, до сих пор не существует отдельного подробного исследования, посвященного изучению стиля разных вазописцев и гончаров этой мастерской. Задача нашего проекта – восполнить этот пробел. Настоящий доклад, как и доклад, сделанный нами в мае 2017 года на конференции в Салониках (Jaeggi, Petrakova, 2018, forthcoming), представляет собой одну из маленьких частей большого проекта, который, как мы надеемся, со временем превратится в монографию о мастерской Мастера Марсия.

На основе ваз, росписи которых демонстрируют стилистическое сходство, Карл Шефолд попытался выделить несколько индивидуальных стилей (Schefold 1930; Schefold 1934). Помимо Мастера Марсия (Schefold 1934, S. 127-131) он также определил Элевсинского Мастера (первоначально Мастера Элевсинской пелики – “der Maler der Eleusinischen Pelike”) (Schefold 1934, S. 125-127), Мастера Гетеры (Schefold 1934, S. 131-132), Мастера Тышкевича (Schefold 1934, S. 131) и Мастера свадебной процессии/свадебного шествия (“der Maler des Hochzeitszugs”) (Schefold 1934, S. 132-134).

Ученые, обращавшиеся к Мастеру Марсия и его мастерской после Шефолда, не всегда поддерживали его классификацию и атрибуцию. Например, Джон Бизли поддержал Мастера Марсия и Элевсинского Мастера, охарактеризовав первого, как лучшего вазописца IV века до н.э. (Beazley 1963, pp. 1474-1475), а про второго сказав, что он «связан» с

первым, но «вымученный и слабый – вот и вся разница» (Beazley 1963, p. 1476). Несколько ваз, которые Шефолд атрибутировал Мастеру Гетеры и его мастерской, Бизли переатрибутировал Мастеру Афин 1472, сказав, что «его фигуры напоминают фигуры Мастера Марсия» (Beazley 1963, p. 1477). Что касается Шефолдовских Мастера свадебного шествия и Мастера Тышкевича – Бизли их отверг, возможно, потому, что в его собственной классификации уже были мастера с такими именами ("the Wedding Painter" периода ранней классики: Beazley 1963, p. 922; мастер позднего V века до н.э. под условным именем "the Painter of the Athens Wedding": Beazley 1963, p. 1317; Мастер Тышкевича, работавший в поздней архаике и ранней классике: Beazley 1963, p. 350).

По мнению Паноса Валаваниса, Мастер Марсия и Элевсинский мастер должны быть объединены, поскольку это – одна и та же рука (Βαλαβάνης 1991, pp. 282-286; см. также: Kogioumtzi 2006, pp. 110-113), хотя Мастера свадебного шествия он поддержал и даже продолжил разрабатывать (Βαλαβάνης 1991, pp. 292-312). На основе панафинейских амфор, которые он атрибутировал мастерской Мастера Марсия, Валаванис пересмотрел вопрос о датировках, предложенных ранее Шефолдом (Schefold 1934, S. 108-134). В то время как датировки Шефолда базировались, главным образом, на стилистических особенностях вазовых росписей и сравнении их со стилистическими особенностями скульптурных рельефов и других произведений греческого искусства, датировки Валаваниса в основе своей имеют четкую привязку к четырехлетнему периоду от одних Панафинейских игр до других, поскольку на амфорах имеются имена архонтов.

Большинство ваз Мастера Марсия и его круга было найдено на территории Боспорского государства (избранная библиография: Цветаева 1951; Цветаева 1957; АГСП 1984, С. 58-62, 222-224; Fornasier, Böttger 2002; Fless, Lorenz 2005; Jaeggi 2012; Petrakova 2012; Виноградов, Зинько, Смекалова 2012; Ягги 2012, 133-137; Tsetskhladze 2013). Эти вазы отличаются от работ других мастерских того же времени высоким качеством, тонкостью и изяществом росписей, своеобразным сюжетно-тематическим репертуаром и иконографией, а также – техническими особенностями, например, наличием деталей, выполненных в невысоком рельефе из полужидкой глины и позолоченных сверху. Мы предполагаем, что не только сюжетно-тематический репертуар, но и эти технические особенности, придававшие вазам еще более нарядный вид, по-видимому, нравились покупателям, соответствовали их вкусам и предпочтениям, которые, возможно, были известны афинским мастерам. Хорошим примером может служить знаменитая эрмитажная гидрия П.1872.130 с изображением спора Афины и Посейдона (первая публикация: ОАК за 1872, с. XXI; избранная библиография: Cohen 2006, cat. 105; BAPD 6988). Она была найдена в маленьком каменном склепе, раскопанном в 1872 году на склоне горы Митридат и «заключала в себе лишь жженые человеческие кости и простой точильный брусок», к ее горлу «был примазан алебастром полированный темно-красного цвета кружок», вокруг «лежали обломки железного меча» (ОАК за 1872, с. XXI). Шефолд атрибутировал ее Мастеру свадебного шествия (Schefold 1934, S. 132, Kat. 161), Валаванис же датировал ее ок. 350-340 гг. до н.э. (Βαλαβάνης 1991, pl. 142-143) и атрибутировал мастерской Мастера Марсия (и мы согласны, что, по крайней мере, краснофигурная часть декора этой гидрии, действительно, следует связать с мастерской Мастера Марсия, это очевидно по стилистическому сходству). Насколько нам известно, к настоящему моменту, это – единственная ваза Мастера Марсия или его мастерской, декорированная не при помощи низкого рельефа из полужидкой глины с позолотой сверху, а настоящим высоким рельефом, покрытым полихромной росписью. При раскопках в Пелле была найдена еще одна гидрия этой мастерской, также с изображением спора Афины и Посейдона, но без рельефа (Simon 1994, p. 474 № 241 pl. 375).

Рассмотренная выше гидрия с Афиной и Посейдоном, большой (П.1837.2; Виноградов 2007; BAPD 217907) и малый (Зм.3; Petrakova 2012, fig. 9a; BAPD 217908) лекифы Ксенофанта, ойнохоя Зм.4 (Petrakova 2012, fig. 9b; BAPD 9976) и др. – количество ваз с рельефным декором, найденных в Пантикапее и окрестностях (и атрибутированных разным мастерам), показывает, что, по-видимому, местные жители ценили такую разновидность ваз: можно предполагать, что афинские мастера адаптировались к вкусу заказчика.

Помимо перечисленных ваз, украшенных достаточно сильно выступающими рельефами, в Пантикапее и окрестностях также найдены вазы мастерской Мастера Марсия, детали декора которых выполнены в низком рельефе из полужидкой глины и украшены позолотой: так выполнены крылья Эротов, украшения у женщин, предметы обстановки, атрибуты. Примером может служить эрмитажная лекана Ю.О.32, происходящая из склепа 47 Шестого [Каменистого] Кургана (первая публикация: ОАК за 1860, III–IV; далее см.: Petrakova 2012, p. 152; Виноградов, Зинько, Смекалова 2012, с. 62–66): в погребении был обнаружен деревянный саркофаг (Ю.А. Виноградов предположил мужское погребение на основе наход-

ки стригиля: Виноградов, Зинько, Смекалова 2012, с. 66), в ногах стояла краснофигурная лекана и чернолаковая пелика. Внутри саркофага также были обнаружены золотая оливковая ветвь (по Виноградову в ОАК за 1860, с. III–IV ошибка относительно положения ветви рядом с рукой, в действительности же она была найдена рядом с головой и являлась частью погребального венка, см.: Виноградов, Зинько, Смекалова 2012, с. 66), золотое кольцо с изображением Ники на колеснице, два алабастра, чернолаковая штампованная тарелочка и серебряная монета (аверс: голова Пана; реверс: голова быка и буквы ΠΑΝ, первая публикация: ОАК за 1860, с. III–IV. Датировка не ясна: Виноградов, Зинько, Смекалова 2012, 66). Шефолд, а затем – Бизли, атрибутировали лекану Ю.О.32 Мастеру Марсия; Валаванис датировал ее около 360 г. до н.э. против датировки Шефолда 350–340 гг. до н.э. (первые публикации: CR pour l'Année 1861, Atlas, pl. I; Stephani 1869, Kat.1858; Лукьянов, Гриневич 1915, с. 41. Избранная библиография: Schefold 1934, S. 7–8, no. 14; Beazley 1963, p. 1475 no. 7; Βαλαβάνης 1991, p. 270 no. 7; p. 279 pl. 114; Kogioumtzi 2006, p. 188 no. L214; BAPD 230425). Роспись показывает прекрасных женщин и девушек, как обнаженных, так и одетых в одежды с множеством сложных складок; девушкам помогают Эроты, тела которых покрыты белой краской, а выполненные в невысоком рельефе крылья – позолотой. Уже в первых публикациях сюжет был интерпретирован, как ἑπαύλια (ср.: Лукьянов, Гриневич 1915, с. 19–32), «toilette de jeunes filles» (CR pour l'Année 1861, Atlas, pl. I; Стефани 1862, с. 5–10) и «женщины и молодые девицы за своими обычными занятиями: туалетом, музыкой, играми, танцами, или в любовных интригах» (Стефани 1862, с. 5–6), а стиль росписи определен, как «nachlässiger Stil des vierten Jahrhunderts v. Chr.» (Stephani 1869, S. 362). Среди прочего на вазе имеется композиция, состоящая из двух фигур: девушки с гидрией и обнаженной женщины на корточках, которой девушка поливает голову из гидрии (о сюжете см.: Sutton 2009a; Sutton 2009b). Подобные композиции характерны для Мастера Марсия и его круга (ср.: Langner 2016, p. 144; см. также подробнее: Jaeggi, Petrakova 2018, forthcoming). Среди девушек и женщин находятся Эроты: их крылья выполнены в низком рельефе из полужидкой глины, хорошо сохранилась позолота, которой рельефы покрыты сверху. В такой же технике выполнены тулово гидрии в руках девушки, поливающей на голову присевшей на корточки женщине, серьги и браслеты у женщин.

Другой прекрасный пример – эрмитажная краснофигурная лекана Ю.О.9 (первые публикации: CR pour l'Année 1860, pl. I,1–3; Stephani 1869,

Kat. 1791. Избранная библиография: Schefold 1934, S. 5–6 no.10 Abb. 13–14; Beazley 1963, p. 1476 no. 3; Βαλαβάνης 1991, p. 282 no. 3 pls. 126; Kogioumtzi 2006, p. 187 no. L210; BAPD 230433) из склепа 50 в Кургане 'i' Юз-Обы (Третий Курган – см.: Виноградов, Зинько, Смекалова 2012, с. 44–51). Среди прочих предметов погребального инвентаря в гробнице найдены золотые серьги в виде менад (о второй серьге, украденной и вновь обретенной см.: Виноградов, Зинько, Смекалова 2012, с. 49–51), золотое ожерелье, два золотых кольца, золотая подвеска с инталией, датируемой от конца VI до середины V вв. до н.э (дискуссия о датировке см.: Виноградов, Зинько, Смекалова 2012, с. 48), бронзовая заколка для волос, костяное веретено и бронзовое зеркало (первая публикация: ОАК за 1859, с.VIII–IX; см. также: Petrakova 2012, pp. 154–155; Виноградов, Зинько, Смекалова 2012, с. 48–51). В соответствии с этими предметами погребение может быть определено, как женское. Лекана опять стояла вместе с пеликой, в этот раз не чернолаковой, а краснофигурной (ныне – Ю.О.10, ГЭ; первые публикации: CR pour l'Année 1860, pl. II,1–2; Stephani 1869, Kat. 1793; Лукьянов, Гриневич 1915, с. 39. Избранная библиография: Schefold, 1934, S. 42–43 no. 369; Beazley 1963, p. 1476 no. 2; 1695; Βαλαβάνης 1991, p. 282 no. 2 pl. 124–125; Kogioumtzi 2006, p. 305 no. P357; Langner 2016, p. 144 fig. 4; BAPD 230432). Лекана была атрибутирована Шефолдом, а затем – Бизли, Элевсинскому Мастеру (Schefold 1930, S. 5–6 no. 10; Beazley 1963, p. 1476 no. 3), в то время как Валаванис атрибутировал ее Мастеру Марсия и датировал примерно 350–340 гг. до н.э. (Βαλαβάνης 1991, p. 282 no. 3). Стефани, который первым опубликовал лекану, охарактеризовал стиль ее росписи как: «der vollendetste Stil des vierten Jahrhunderts v. Chr.» (Stephani 1869, S. 316). Роспись, действительно высочайшего качества. Она вновь представляет нам многофигурную композицию с участием прекрасных женщин, предположительно во время свадебной церемонии (ОАК за 1860, с. 5–38, комментарии к: CR pour l'Année 1860, pl. II,1–2). Очевидно, лекану использовали до того, как она попала в погребение: внутри имеются царапины, одна из ручек была отбита и прикреплена обратно уже в античную эпоху (дырочки от металлической скобы до сих пор видны). Как и Ю.О.32, эта лекана украшена фигурками Эротов (только здесь их гораздо больше) с рельефными позолоченными крыльями, аналогичным образом выполнены ювелирные украшения у женщин, детали предметов, которые находятся в руках у женщин или стоят на полу. Форму и орнаменты леканы Ю.О.9 следует сравнить с аналогичными элементами леканы Ю.О.32 и леканы инв. 4480 из Археологического музея в Салониках, атрибутированной Мастеру

Марсия Валаванисом и датированной им ок. 340 г. до н.э. (Βαλαβάνης 1991, p. 274 pl. 120–121; Kogioumtzi 2006, p. 189 no. L242; Tiverios 2012, pp. 42–43 fig. 9; BAPD 46941). Роспись также была интерпретирована как «сцены туалета» (ОАК за 1860, с. 5–38, комментарии к: CR pour l'Année 1860, pl. II,1–2): женщины предстают в богатых одеждах, Эроты – с белыми телами и рельефными позолоченными крыльями, среди атрибутов присутствуют зеркала, лутерии, лутрофоры, фимиатерии и венки. В дискуссии по поводу свадебного лебеса П.1906.175 аналогичные сцены интерпретированы, как свадебные приготовления (Лукьянов, Гриневич 1915, с. 19–32). Обе леканы украшены прихотливыми многофигурными композициями с обилием белой накладной краски и позолоты поверх рельефных деталей, но роспись леканы Ю.О.9 более насыщена фигурами у богаче украшена разнообразными второстепенными деталями и орнаментами, складки одежд сложнее, тела гибче, фигуры Эротов – более вытянутые. В то же время сходство лиц, волос, рук очевидно, равно как сходство поз и жестов – будто один и тот же мастер использует, повторяет и видоизменяет одни и те же мотивы, или же работает его последователь, используя наработки мастера, в любом случае – это одна и та же мастерская. Валаванис атрибутировал обе вазы Мастеру Марсия, но датировал Ю.О.9 ок. 350–340 гг. до н.э., то есть на 10–20 лет позже, чем Ю.О.32 (ок. 360 г. до н.э.).

Третьим примером может служить знаменитый свадебный лебес П.1906.175 (первые публикации: Pharmakowsky 1907, Sp. 131–136, figs. 3–7; Лукьянов, Гриневич 1915. Избранная библиография: Schefold, 1934, S. 30–32 no. 286 pls. 33–35; Beazley 1963, p. 1475 no. 1; Βαλαβάνης 1991, p. 269 no. 1 pls. 102–105; Kogioumtzi 2006, p. 265 no. LG58; Lapatin 2006, pp. 334–336 no. 103; BAPD 230419), служивший урной в маленьком пантикапейском погребении из каменных плит (Pharmakowsky 1907, Sp. 134–135: "Die Vase wurde zufällig in einem aus Steinplatten hergestellten Grab gefunden und war mit gebrannten Knochen gefüllt") в районе Глинище (Лукьянов, Гриневич 1915, с. 1–2). Хотя ваза была разбита при извлечении, она является на сегодняшний день единственным лебесом хорошей сохранности этой мастерской, остальные дошедшие до нас лебесы – это фрагменты (например: Ю.О.55, см: Petrakova 2012, fig. 10; КМАК 12912, см.: Ягги 2012, кат. № 23). Композиция состоит из 14 прекрасных женщин и 7 Эротов. Все женщины одеты, кроме единственной сидящей женщины, обнаженные части тела которой покрыты белой краской (Кеннет Лапатин (Lapatin 2006, p. 335) предположил, что "a fine garment may have been indicated with lines of dilute or even added in color upon her upper body", однако исследование

вазы не подтвердило его предположение); такая же краска использована для фигур летающих среди женщин Эротов. Сцена была интерпретирована как туалет женщин в гинекее или έπαύλια (Лукьянов, Гриневич 1915, с. 29-30); в руках у женщин – множество разнообразных предметов, возможно – с сакральным назначением (Lapatin 2006, pp. 334–336 no. 103). Сидящая женщина в таком случае – невеста, которая держит маленького Эрота, как будто он – ребенок. Лебес – одна из изящнейших работ Мастера Марсия, о чем писали и Шефолд, и Бизли (Schefold 1930, S. 15–19; Schefold 1934, S. 30–32 no. 286, Abb. 33,1–2; 34,1–2; Beazley 1963, p. 1475 no. 1, under the Marsyas Painter). Валаванис согласился с ними, но предложил более раннюю датировку – около 360 г. до н.э., против шефолдовских 340–330 гг. до н.э. По стилю и технике роспись особенно близка росписи леканы Ю.О.9, атрибутированной Шефолдом и Бизли Элевсинскому мастеру. Сходство особенно очевидно при сравнении стоящих женщин на обеих вазах, трактовки волос, лиц, глаз, рук, одежд. Некоторые детали – такие как ювелирные украшения, венки, крылья Эротов – выполнены при помощи невысокого рельефа из полужидкой глины и позолочены. Это сравнение поддерживает идею Валаваниса о том, что Элевсинский мастер и Мастер Марсия являются одним и тем же мастером. Он датировал лекану десятью годами позже лебеса, с чем, однако, мы не согласимся: по нашему мнению обе вазы принадлежат по стилю и технике к одному и тому же периоду, вероятно, в районе 350 г. до н.э.

О высокой оценке ваз из мастерской Мастера Марсия на территории Боспорского государства свидетельствует не только концентрация находок, особенно около Пантикапея, а также тот факт, что, как представляется, эти вазы использовались на протяжении какого-то времени, о чем свидетельствуют, например, следы в виде царапин внутри, а также отбитая и вновь прикрепленная при помощи скобы ручка леканы Ю.О.9. Причем, в некоторых случаях, речь идет не о нескольких годах, а о нескольких десятках лет: например, эрмитажная пелика ББ.67 (первая публикация: CR pour l'Année 1865, Atlas, Pl. IV,1-2; ОАК за 1865, с. 11; избранная библиография: Schefold 1934, Abb. 31.1; Ogden, Williams 1994, p. 184, fig. 57; Βαλαβάνης 1991, pl. 148; BAPD 30246) из Большой Близницы, из гробницы так называемой «жрицы Деметры»: драгоценности из погребального инвентаря датируются ок. 330 г. до н. э. (Schwarzmaier 1996, S. 132-136), пелика же – 350-340 гг. до н. э.

Выбор иконографии также представляется не случайным: прекрасные женщины, готовящиеся к важному торжеству или просто купающиеся

– одна из самых популярных тем. К этому также следует добавить и такие мифологические истории, как рождение и воспитание Диониса (лекана Ю.О.18, пелика Пав.8 – см. подробнее: Petrakova 2012; Jaeggi, Petrakova 2018, forthcoming), спор Афины и Посейдона (гидрия П.1872.130), сражение Геракла с разными кентаврами (пелики П.1841.3, ББ 67), а особенно – три вазы двух разных мастеров с изображением Париса и Елены (кратер Ю.О.28, лекиф Ю.О.27, гидрия Ю.О.26, т.е. предыстория Троянской войны) в одной и той же могильной насыпи, что свидетельствует, что местные жители прекрасно знали и понимали сюжеты греческой мифологии, представленные на вазах (см. подробнее: Petrakova 2012). Эти мифологические изображения имели значение для жителей Боспорского государства или территорий под влиянием греческой культуры, но за пределами греческого влияния не были понятны. При этом спецификой местного вкуса, по-видимому, является стремление к роскоши в отделке ваз, предпочтение вазам с деталями в низком и высоком рельефе, дополненном позолотой и полихромией.

ЛИТЕРАТУРА

Античные государства Северного Причерноморья, под ред. Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликовой, В.С. Долгорукого, М., 1984.

Виноградов Ю.А. Большой лекиф Ксенофанта, СПб., 2007.

Древности Боспора Киммерийского, СПб., 1854.

Лукьянов С.С., Гриневич Ю. П., Керченская кальпида 1906 года и поздняя краснофигурная живопись. Материалы по археологии России издаваемые императорской археологической комиссией № 35, Петроград, 1915.

Отчет императорской археологической комиссии за 1859 год, СПб, 1862.

Отчет императорской археологической комиссии за 1860 год, СПб, 1862.

Отчет императорской археологической комиссии за 1865 год, СПб, 1866.

Отчет императорской археологической комиссии за 1872 год, СПб, 1875.

Стефани Л., Объяснение вещей, найденных близ Керчи в 1859 году // ОАК за 1860, СПб, 1862, С. 3–98.

Цветаева Г.А., Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // Пантикапей, Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху, Материалы и исследования по археологии СССР, № 19, под ред. В. Д. Блаватского, Б. Н. Гракова, М., 1951, С. 63–86.

Цветаева Г.А., Курганный некрополь Пантикапея // Пантикапей, Материалы и исследования по археологии СССР, № 56, под ред. И. Б. Зеест, М., 1957, С. 227–250.

Виноградов Ю. А., Зинько В.Н., Смекалова Т. Н., Юз-Оба: Курганный некрополь аристократии Боспора, Том I, Боспорские исследования, Supplementum 9, Киев, 2012.

Ягги О. при участии Лазенковой Л., Коллекция расписной керамики. Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Аттические краснофигурные вазы. IV в. до н.э., Киев, 2012.

BAPD – Beazley Archive Pottery Database

Beazley J.D., Attic Red-Figure Vase-Painters, 2nd edition, Oxford, 1963.

Cohen B. (ed, et al.), The Colors of Clay, Special Techniques in Athenian Vases, Los Angeles, 2006.

Compte-Rendu de la Commission Impériale Archéologique pour l'Année 1860, St. Pétersbourg, 1861.

Compte-Rendu de la Commission Impériale Archéologique pour l'Année 1861, St. Pétersbourg, 1862.

Compte-Rendu de la Commission Impériale Archéologique pour l'Année 1865, St. Pétersbourg, 1866.

Compte-Rendu de la Commission Impériale Archéologique pour l'Année 1872, St. Pétersbourg, 1875.

Fless F., Lorenz A., Die Nekropolen Pantikapaions im 4. Jh. v. Chr. // F. Fless, M. Treister (eds.), Bilder und Objekte als Träger kultureller Identität und interkultureller Kommunikation im Schwarzmeergebiet, Kolloquium in Zschortau/ Sachsen vom 13.2.–15.2.2003, Rahden, 2005, S. 17–25.

Fornasier J., Böttger B. (eds.), Das Bosporanische Reich. Der Norden des Schwarzen Meeres in der Antike, Mainz, 2002.

Jaeggi O. Attische Vasen des 4. Jhs. aus Kerč und Umgebung: Fragen zu Gebrauch, Verteilung und Rezeption // S. Schmidt, A. Stähli (eds.), Vasenbilder im Kulturtransfer – Zirkulation und Rezeption griechischer Keramik im Mittelmeerraum, Beihefte zum CVA Deutschland V, Munich, 2012, S. 151–163.

Jaeggi O., Petrakova A, The Marsyas Painter and his Workshop in the

Northern Black Sea Area, // Classical Pottery of the Northern Aegean and its Periphery (480-323/300 BC), Proceedings of the International Archaeological Conference, Thessaloniki, May 17-20, 2017. Thessaloniki, 2018, forthcoming.

Kogioumtzi D. Untersuchungen zur attisch-rotfigurigen Keramikproduktion des 4. Jhs. v. Chr., Berlin, 2006.

Langner M., Grundlagen der Chronologie spätrotfiguriger Vasen aus Athen// BABesch 88 (2013), pp. 127–170.

Langner M., Die Produzenten spätrotfiguriger Keramik aus Athen // N. Eschbach, S. Schmid (eds.), Töpfer, Maler, Werkstatt. Zuschreibungen in der griechischen Vasenmalerei und die Organisation antiker Keramikproduktion, Beihefte zum CVA Deutschland VII, Munich, 2016, pp. 139–148.

Lapatin K., Kerch-style Vases: The Finale // B. Cohen (et al.), The Colors of Clay. Special Techniques in Athenian Vases, Los Angeles, 2006, pp. 318–326; cat. nos. 100–105.

Ogden J., Williams D., Greek Gold, Jewellery of the Classical World, London, 1994.

Petrakova A., Late Attic Red-figure Vases from Burials in the Kerč Area: The Question of Interpretation in Ancient and Modern Contexts // S. Schmidt, A. Stähli (eds.), Vasenbilder im Kulturtransfer – Zirkulation und Rezeption griechischer Keramik im Mittelmeerraum, Beihefte zum CVA Deutschland V, Munich, 2012, S. 151–163.

Pharmakowsky B., Archäologische Funde im Jahre 1906// AA, Beiblatt 1907, Zweites Heft, Berlin, 1907, S. 126–153.

Schefold K., Kertscher Vasen, Berlin, 1930.

Schefold K., Untersuchungen zu den Kertscher Vasen, Berlin – Leipzig, 1934.

Schwarzmaier A., Die Gräber in der Grossen Blisniza // JdI 111, 1996, S. 105-137.

Simon E., Ausgewählte Schriften I, Griechische Kunst, Mainz, 1998.

Simon E., Poseidon // LIMC VII, Zürich, 1994.

Stephani L., Die Vasen-Sammlung der Kaiserlichen Ermitage, Zweiter Theil, St. Petersburg, 1869.

Sutton R. F., Female Bathers in the Emergence of the Female Nude in Greek Art // C. Kosso, A. Scott (eds.), The Nature and Function of Water, Baths, Bathing and Hygiene from Antiquity through Renaissance, Leiden, 2009, pp. 61–86.

Sutton R. F., The Invention of the Female Nude: Zeuxis, Vase Painting and the Kneeling Bather // J. Oakley, O. Palagia (eds.), Athenian Potters and Painters II, Oxford, 2009, pp. 270–279.

Tsetskhladze G.R., The Greek Bosporan Kingdom: Regionalism and Globalism in the Black Sea // F. de Angelis (ed.), Regionalism and Globalism in Antiquity. Exploring Their Limits, Leuven – Paris – Walpole, MA, 2013, pp. 201–228.

Τιβέριος, Μ. (et al.), Η κεραμική της αρχαϊκής εποχής στο Βόρειο Αιγαίο και την περιφέρειά του (700–480 π.Χ.): Πρακτικά Αρχαιολογική Συνάντησης Θεσσαλονίκη, 19–22 Μαΐου 2011, Thessaloniki, 2012.

Βαλαβάνης Π., Παναθηναϊκοί αμφορείς από την Ερέτρια. Συμβολή στην αττική αγγειογραφία του 4ου π.Χ. αι., Athens, 1991.

ПОВАЛЯЕВ Н.Л.
(Геттингенский Университет, Гёттинген)

ГРЕЧЕСКАЯ «АРИСТОКРАТИЧЕСКАЯ» ТРАДИЦИЯ И «ВАРВАРСКИЕ» КУРГАНЫ БОСПОРА. «СОЦИАЛЬНЫЙ» ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

Доминирующие в отечественной науке интерпретации курганных погребений с оружием на территории Боспора в 6-3 вв. до н. э. как «варварских» основываются на целом ряде типизированных и можно сказать симптоматичных допущений, на которых следует остановиться достаточно подробно.

Большинству отечественных исследователей заупокойные дары с оружием представляются, как нечто варварское, глубоко чуждое греческим погребальным традициям архаического и классического времени. Подобная трактовка связана в первую очередь с концентрацией внимания исследователей на обычаях «центрального» в современном понимании истории Греции региона, т.е. районов расположенных прежде всего от юго-западных до юго-восточных побережий Эгеиды. Да, действительно, оружие в погребениях исчезает в Аттике, Арголиде, на Кикладах и Ионии практически полностью где-то между 735 и 675 гг. до н.э. Однако в других греческих регионах, прежде всего таких окраинных, как Этолия, Эпир, Фессалия и Македония захоронения с оружием под курганными насыпями возводились в течение всего архаического и классического периодов, в том числе и в 5-4 вв. до н.э.[1] Следовательно вопрос появления или исчезновения оружия среди загробных даров не может быть в рамках греческой культуры сведен к этническому аспекту и следовательно такие дары a priori не могут считаться негреческими.

Тезису о недопустимости интерпретировать погребения в боспорских некрополях как варварские, только из-за находок в них предметов

[1] *Morris 1998, 36-39, 40-42, 43-45, 49-51.*

вооружения, тут же противопоставляется утверждение о негреческом типе найденных образцов оружия, из чего автоматически вытекает вывод о негреческости успошего. Такого рода умозаключение представляется необоснованным по следующим причинам.

а) Не учитывается способность греческой знати к усиленному культурному обмену и восприятию референтных образцов негреческой материальной культуры. Достаточно вспомнить одержимость лидийским образом жизни и фиксацию на импортных вещах, по крайней мере, части греческой знати архаического периода «центрального» региона, т. н. лидиопатах (Anakreon fr. 481 Page). Импортные вещи в греческой среде не создавали, однако, особой этничности, а являлись статусными предметами. В греческой погребальной практике имеются примеры иноэтничных приношений в несомненно греческом контексте. Наиболее ранний и яркий пример такого рода – это обряд в Лефканди ок. 950 г. до н. э., где пепел сожженого мужчины был собран в кипрскую бронзовую амфору 12 в. до н.э., а шею ингумированной женщины украшало вавилонское колье начала 2-го тысячелетия до н. э.[2] Никто однако не считает мужчину киприотом, а женщину вавилонянкой, либо же приписывает им из-за расположенного рядом захоронения коней степное происхождение. Более близкий пример происходит из могилы номер 6 у западных ворот Эретрии ок. 700 г. до н. э., где кремированные останки сопровождались среди прочего «героического» антуража левантийским скарабеем в золотой оправе имитирующей египетский дизайн[3]. Это, безусловно, примеры удаленные по времени от интересующей нас эпохи. Они напоминают тем не менее, что выбор материальных обьектов не может без изучения более широкого контекста однозначно интерпретироваться как акт этнической (само-)идентификации[4].

б) На границе греческого мира есть отчетливые примеры заимствования иноэтничного символизма в погребальном контексте. В конце 6 в. до н.э. в богатых погребениях македонских Вергины и Синда отмечается сильное влияние иллирийского и даже центрально-европейского посмертного ритуала. В то же время нет никаких оснований полагать, что македонская элита конца 6 в. до н.э. была этнически менее македонской, нежели в 5-4 вв. до н.э. Македонская знать, по крайней мере ее часть, использовала широко распространенный символьный язык, который лишь

[2] *В гробнице имелось также оружие. О погребении в Лефканди см. Morris 2000, 218-219.*

[3] *Morris 2000, 271.*

[4] *См. например Hall 2009, 613-614.*

постепенно и на сравнительно короткое время (см. гробницу «Филиппа» в Вергине) был вытеснен другим, который можно условно назвать «центральногреческим»[5], и, который, как было сказано выше, воспринимается в качестве эталонного в отечественной, и не только в ней, литературе.

в) Аналогичный процесс использования неких референтных для представителей разноэтничных элит образцов фиксируется в северном Причерноморье. Для 5-4 вв. до н.э. элементы скифской триады, вооружение, упряжь и украшения в зверином стиле не были привязаны к относительно узкому скифскому этническому ареалу, а являлись частью распространенного метафорического языка, подчеркивающего статусные, а не этнические различия. Достаточно убедительна точка зрения, что керамика и в целом ритуал для индигенного населения Причерноморья представляются более надежным этническим индикатором, нежели скифская триада[6]. Можно с уверенностью полагать, что представители боспорской элиты в 6-3 вв. до н. э., как впрочем и впоследствии, знали о значении межэтнических военизированных обрядов, в том числе приношений оружием и конных жертв в системе посмертного статусного представления местной варварской знати и могли инструментализировать подобные ритуалы для своих целей[7]. Тем более, подобный способ подчеркивания статуса был близок греческой героической традиции (Il. 22.174; Hdt. 6.103).

Важно также то, что греческое вооружение или его имитаты проникают в курганы населения скифской культуры[8]. Следует ли в таком случае считать все подобные захоронения греческими? Вопрос безусловно риторический. Он еще раз подчеркивает мысль, что проникновение иноэтничных символов в другой этнический ареал не является, однозначным доказательством физической миграции или переселения индивидуумов.

Основной недостаток «этнического» подхода заключается однако не столько в игнорировании сделанных выше критических замечаний, сколько в непонимании интенциональности обряда и вытекающем отсюда произвольном делении ритуальной церемонии на некие этнически и социально значимые и, соответственно, этнически и социально нейтральные элементы. Если, как очевидно на примере 5-го кургана 1875г. на мысе

[5] *Morris 1998, 44-45.*

[6] *К распространению скифской триады см. Мелюкова 1989, 95; Петренко 1989, 104-106; Белозор 1991, 163-164; Раевский 1995, 95; о других элементах обряда см. например Андрух 2000, 64-65; о престижности сарматского вооружения в 3-1 вв. до н.э. – Абрамова 1989, 274.*

[7] *Марченко 1971, 148-157; Povalahev 2008, 148-149; Толстиков, Муратова 2013, 176-192.*

[8] *Мелюкова 1989, 94-95.*

Ак-Бурун, эклектичность оружия не позволяет определить этничность, то предлагается с помощью анализа других форм погребальной церемонии, таких например, как формы кремации, или состава насыпи кургана, положения тела в гробнице и т.п., уточнить племенную принадлежность усопшего. Подобное заключение не решает отмеченную несколькими строками выше проблему «этнического» подхода, а просто сдвигает ложную дихотомию, которую в данном случае можно обозначить как метафорическое vs этническое, к другим, нежели оружие, категориям находок. Возвращаясь к погребению в 5 кургане 1875 г. невозможно обьяснить, почему другая, если оставаться в логике авторов, не менее важная часть погребальной церемонии, а именно, выставление тела в саркофаге под пологом, украшенном звездами в македонском стиле – авторы считают эту часть обряда полной имитацией ритуала в Вергине – не должна была иметь этнически определяющего, в данном случае македонского, значения. Сами исследователи отмечают, что одна из наиболее ценных находок, золотой ажурный колпак („шлем»), найденный у пояса усопшего был выполнен в македонском стиле и возможно даже македонскими мастерами. «Македонские» элементы здесь не менее значимы, чем савроматско-сарматские или многочисленные греческие. Имеются также обьекты, могущие указывать на дальнее лесостепное население, например дротики, или скифов, например, т.н. «ожерелье» аналогичное подобному из 17 нимфейского кургана, считающегося скифским[9]. На эвристическом уровне каждый подобный «этнический» маркер равозначен другому, поэтому нет ничего удивительного, что вопрос этнической принадлежности погребенного не может быть решен в рамках традиционного подхода.

Приведенные выше соображения требуют поиска иной модели интерпретации материала, в рамках которой нашли бы обьяснение все аспекты погребального обряда. Исходить следует по-моему мнению из положения, рассматривающего погребальную церемонию, как совокупность ритуалов осуществляющих перевод умершего из этого мира в потусторонний (rites of passage) и посылающего сигнал живым о статусе усопшего и его семьи[10]. В таких ритуалах могут и должны формулироваться в рамках публичного представления высказывания об идеализированном образе усошего, выгодные основным участникам. Практически это значит, что следует учитывать как минимум, два важных положения при анализе

[9] *Бутягин, Виноградов 2014, 75-78, 81-86, 95. К 17 нимфейскому кургану см. Силантьева 1959, 74.*

[10] *Morris 1987, 29-36.*

погребальной практики. Первое исходит из идеализирующего и потому метафорического характера погребальной церемонии. Второе, связанное с первым, это положение о сознательном и следовательно интенциональном, т. е намеренном выборе того или иного элемента обряда. При подобном подходе погребальная церемония может рассматривается как своего рода антропологическая константа, независимая в своей интенции от этничности. Этническое значение имеет здесь не отдельный обьект, который может быть по происхождению внешним для данной культуры, как восточные обьекты в протогеометрическом Лефканди, а создаваемый этими обьектами образ, основные черты которого транслируются погребальной церемонией. Достаточно очевидна при этом мысль, что участники и зрители должны оперировать общим набором представлений, в том числе о подобающих способах артикуляции статуса. Также можно с уверенностью полагать, что транслируемый обществу идеализированный образ греческого «аристократа» и, соответственно, скифского вождя не должны были совпадать по форме выражения в погребальном контексте.

Поэтому, прежде чем анализировать боспорские памятники, следует поставить вопрос о характере самопредставления греческих элит архаического и классического времени и отражении того или иного идеализированного социального образа в археологическом материале, в том числе и в погребальной практике. Уместность подобного вопроса определяется, с одной стороны неоднородностью греческих ритуалов и наличием параллелей к обрядам Боспора (Фессалия, Македония и т.д.), а с другой тем, что греческая культура на самом Боспоре, несмотря на все влияния и «варварские» вкрапления была однозначно доминантной, в том числе и трансцедентном контексте. Как известно из этнографических примеров, евразийские кочевники, проникнув в оседлое общество, сохраняют в течение поколений собственные кладбища и погребальный обряд. Но ни в курганном некрополе Юз-Обы, ни в некрополе Нимфея ни насколько мне известно в каком-либо другом некрополе крупного боспорского центра не выделяются отдельные скифские, савроматские, сарматские и другие родовые варварские кладбища. Архитектурно «варварские» погребения не могут быть отделены от «греческих».

Предложенное недавно различение между ценностно-нормативными системами гетерии и гейтонии в архаическую и классическую эпохи дает, по-моему мнению в руки исследователей хороший инструментарий, как для выделения форм самопредставления греческих элит, в том числе и в погребальной церемонии, так и для понимания особенностей развития

обряда «центральногреческого» региона.[11]

Самопредставление «аристократа»[12], члена гетерии, подчеркивало прежде всего 1) его богатство; 2) наличие межрегиональных связей за пределами полиса, по-принципу, чем дальше, тем лучше, в том числе брачных, дружеских и т.п.; т.е, другими словами способность преодолевать пространственные барьеры; 3) ярко выраженную связь с прошлым, т.е. способность преодолевать временные барьеры.

Можно полагать, что основные черты нормативной системы гетерии были различимы уже в образе погребенного в Лефканди в 10 в. до н.э. По крайней мере в Илиаде и Одиссее все важнейшие признаки греческого «аристократа» ясно сформулированы и стали фактом общественного сознания[13].

Нормативная система гейтонии (гейтон – сосед), все черты которой видны уже у Гесиода в его образе идеального полиса и в многочисленных сентенциях лирического автора накладывала определенные ограничения на самопредставление индивидуума. В идеализированном типе полноправного члена гейтонии выступают прежде всего такие черты, которые характеризуют его, как 1) умеренного в своих желаниях и потребностях; 2) индивидуума с локальными связями, т.е. в рамках поселения и его ближайших окрестностей он выискивает себе друзей и заключает брачные связи; 3) человека ориентированного на современность и даже сиюминутность (при всем почтении к древности)[14].

Взаимодействие двух нормативных систем было комплексным феноменом, который был очень специфичен и не во всех греческих регионах, проходил в одинаковых формах и в одинаковом темпе[15]. Можно,

---

[11] Schmitz 2004, 166-189.

[12] Я сознательно ставлю слово аристократ в кавычки, т.к. традиционное понимание аристократии связано с приоритетом происхождения по крови. Хорошее рождение для греческого «аристократа» было безусловно очень важно. Однако, то ударение на развернутой генеалогии и принадлежности к знатному роду, которое подчеркивал, например, Ю. В. Андреев (Andreev 1988, 59-78) было все же вторичным по отношению к индивидуальным достижениям (Leistung) – Schmitz 2014, 28-29. В подобных обществах (Leistungsgesellschaft), где принадлежность к элите требует постоянного подтверждения вверяемого публичным мнением данной персоне потенциала значение происхождения теряет абсолютное значение.

[13] Schmitz 2014, 19-26, 28-29; Ср. Ulf 2009, 88-89.

[14] Schmitz 2004, 74ff., 136ff., 145.

[15] Boehringer 2001, 373ff. Не следует абсолютизировать противоположности заложенные в приведенных выше определениях. Так же, как нормативная система гетерии, свод цен-

однако, согласиться с тем, что система правовых норм позднеархаического и классического полисов центрального региона формировалась под преимущественным влиянием ценностной системы гейтонии[16].

Особенно интересным и важным для нашей темы является вывод о том, что наблюдаемые в центральном греческом регионе упрощение и гомогенизация погребального обряда в позднеархаическую эпоху, которые традиция приписывает имплементации законов Солона, либо в зависимости от места, таким легендарным законодателям как Залевку, Харонду или Ликургу, отражают воздействие нормативной базы гейтонии на систему норм и ценностей, транслируемых ритуалом погребения[17]. «Бедность» центральногреческих могил позднеархаического и классического времени, это не отражение бедности оставившего его общества, а скорее следование определенному идеалу, составляющему ядро социальной идентичности для больших групп людей, отклонения от которого в течение достаточно длительного времени осуждались общественным мнением[18]. Из вышесказанного вполне очевидно, что сравнение практик курганных погребений Боспора с обрядами центральногреческого региона не может быть продуктивным, поскольку транслируемые с одной стороны в центре Греции, а с другой на Боспоре образы умерших следовали, если мы примем во внимание хотя бы богатство, выраженное в том числе в трудозатратах необходимых для возведения курганов, различным идеалам.

Более вероятно, что аристократические курганные погребения

ностей члена гейтонии был элитарным и можно утверждать олигархическим. С одной стороны он отделял слой полноправных упряжных крестьян (Vollbauern) от слоя крупных землевладельцев-басилеев, но в то же время проводил резкую границу к слою маломощных крестьян, поденщиков и других категорий лично свободного, но экономически не самодостаточного населения. И можно с уверенностью полагать, что вторая граница осознавалась «аристократами» как определющая для них тоже. Schmitz 2004, 134ff. О характере архаического общества – Anderson 2005, 173ff.; Stein-Hölkeskamp 2009, 114.

[16] *Schmitz 2004, 148. Не стоит рассматривать смену нормативных систем, лишь как смену культурных парадигм в веберовском смысле. Одной из важнейших причин принятия норм гейтонии, могло быть то, что демографический рост в условиях практикуемого уравнительного наследования (Realerbteilung) ослаблял силу гетерий, компенсационные механизмы гейтонии, наследованные полисом, предоставляли новые шансы и были на определенном историческом отрезке привлекательны для «аристократов». К демографическому росту и его последствиям для социально-политической структуры архаического полиса см. Morris 2002, 31-41, esp. 36ff.*

[17] *Schmitz 2004, 144-145, 187-189.*

[18] *Morris 1994, 129.*

Боспора должны выказывать черты, характерные для нормативной системы греческой гетерии. Относительно обряда погребения в 5 кургане 1875 г. следует ввиду приведенных выше теоретических выкладок и анализа слабых мест в современных «этнических» интерпретациях остановиться на признании того факта, что «савроматские», «македонские» и другие элементы ритуала равнозначны на метафорическом уровне. На первый взгляд странное нагромождение разнородных предметов и практик имело одну ясную цель, метафорически возвысить усопшего, подчеркнуть его выдающиеся способности, в том числе и к удаленным контактам, к преодолению пространств. Достигалось подобная цель сознательным выбором обьектов, символизирующих отдаленные географические регионы, которые в свою очередь могли, или даже обязаны были для большей наглядности иметь четкую политическую коннотацию. В последнем случае пропагандитский заряд всей церемонии мог быть усилен многократно.

Наличие прямых параллелей к македонскому обряду или стилю символизировало связь с западом. Проникновение на дальний юг могли символизировать не только вавилонский статер Александра, но и каркасный шлем, если реконструкция этого обьекта верна. Аллюзии на обычаи савромато-сарматов либо лесостепного населения подчеркивали связи с севером и востоком. Размытость варварских черт – этот факт очевиден на примере реконструкции якобы савроматского обряда кремации, невозможность однозначного соотношения находок с конкретным варварским этносом являлись следствием осознанного выбора устроителей церемонии. Подобным образом и эклектичность набора вооружения была частью общего замысла. Набор оружия представлял паноплию, собранную из уникальных и дорогих элементов, также символизирующих, среди прочего, способность усопшего к преодолению пространства. Метафоричность паноплии могла к тому же дополнительно подчеркиваться наличием огромного меча[19], придающего усопшему в еще более сильной степени героические черты и отмечавшему, следовательно, его выдающиеся качества.

На значении приношений с оружием, в том числе на наличии необычных или супердимензиональных предметов вооружения следует остановиться особо. В литературе, и особенно в отечественной широко распространено представление об узкоутилитарном значении образцов

[19] *Бутягин, Виноградов 2014, 89-90.*

оружия, его связи с воинской профессией усопшего[20].

В погребальной практике материковой Греции подобное подчеркивание воинской специализации вряд-ли допускалось. Как было сказано выше, основной целью погребальной церемонии являлось создание идеализированного образа усопшего. Скорее можно полагать, что устроители церемонии старались придать усопшему черты героического воина или гоплита, а не стилизировали его под легковооруженного или лучника. Для «центрального» греческого региона, с его бережливой тратой энергетических ресурсов на загробные приношения идеализация очевидна в речах аттических ораторов, где павшие в бою всегда стилизованы под гоплитов, хотя, как известо, потери среди гребцов, т.е. среди менее состоятельных, зачастую были значительно выше[21]. Для окраинных регионов, вроде Фессалии, где как было сказано выше, нормативные ценности гетерии сохранялись в погребальном ритуале, нет оснований принимать тезис о сознательном намерении понизить статус умершего до уровня лучника или легковооруженного воина[22].

Такое понимание соответствует основной посылке о том, что метафорическое возвышение, а не военная специализация играли центральную роль в посмертном ритуале. Наличие огромного меча или гигантского копья не отражали и не могли отразить военную профессию усопшего, они подчеркивали его героическую природу и сверхчеловеческую силу[23]. Именно такая интерпретация огромного меча в нашем случае имеет смысл.

Еще одним способом героизации была также возможность поставить умершего на один уровень с наиболее выдающимися людьми его эпохи. Привлекательными для такого сравнения были образы эллинистических монархов и в первую очередь самого Александра. Отсюда, возможно, происходят аллюзии на обычаи македонского царского дома, в том числе, и на шлем Александра, что явно видно в золотом ажурном колпаке из 5 кургана 1875г. В таком случае огромный географический размах, выраженный в том числе отсылкой к обрядам совсем отдаленных народов[24], пояснял мысль о масштабе личности усопшего, не уступавшей по своим качествам легендарному македонцу.

Подобная героизация не дает, по-моему мнению, права делать однозначные выводы о профессии и жизненном пути погребенного в 5 кургане 1875г. Это было бы большим упрощением, характерным для «этнического» подхода. Примененные способы героизации – это, в первую очередь стилизация, а не биография.

В контексте греческого способа выражения статуса умершего следует обратить внимание также на еще одну важнейшую черту погребений из 5 кургана 1875 г. Они содержали ряд обьектов, временное расстояние между которыми очень значительно. И если в основном мужском погребении временная дистанция между найденными предметами не очень велика, панафинейская амфора датируется А. Петраковой 330-320 гг. до н.э., а золотой статер Александра временем 311-310 гг. до н.э., то в боковой женской кремации подобный временной лаг значительно больше. Можно с уверенностью полагать, что впускное боковое захоронение не может быть раньше мужского. Исходя из стратиграфических соображений женское погребение датируется началом 3 в. до н.э., при этом оно содержит краснофигурную лекану, близкую к сосудам группы Аполлония, относящуюся ко 2-ой четверти 4 в. до н.э.[25] Подобный разброс вызывает у многих археологов недоумение, т.к. противоречит установке на профанный, а не метафорический взгляд на датирующий материал.

Из подобного положения, в том числе и в данном случае, пытаются выйти либо путем сближения крайних датировок, чтобы сократить временной разрыв, либо делая вывод о длительном бытовом использовании обьектов, доживших до момента смерти данного человека[26]. Такого рода подход упускает из виду разобранную выше на примере выбора «этнических» обьектов интенциональность обряда. Как пример можно упомянуть находки из камеры 2-го Павловского кургана, которые покрывают огромный временной интервал от середины 5 в. до н.э. до начала 3 в. до н.э.[27] Следует полагать, что «антикварные» вещи здесь, тоже были частью ри-

[20] Завойкин, Сударев 2006, 106, 108-109.

[21] Loraux 1986: 34, 37, 98, 151; ср. Morris 2000: 116-117.

[22] Morris 1998, 38.

[23] Аналогии такому пониманию хорошо прослеживаются в эпосе. Ни копье Ахилла, ни щит Аякса не могут быть основанием для реконструкции особого типа вооружения или соотнесения с определенной исторической эпохой. Они часть их героического облика. – Van Wees 1992, 17ff.

[24] Именно в этом состоял, по-моему, смысл цитирования туманных «савроматских» обычаев в обряде кремации. Возможные параллели с иранским фарном на золотом «шлеме» могут проистекать из того же намерения, побудить зрителей к ассоциативному мышлению.

[25] Бутягин, Виноградов 2014, 71-72.

[26] Бутягин, Виноградов 2014, 72-73.

[27] Виноградов, Зинько, Смекалова 2012, 30-31.

туала, осознанно подобранными и в метафорическом смысле, не менее важными чем другие «знаковые» элементы[28].

На этой особенности обряда следует остановитьса особо. «Аристократическое» акцентирование особых отношений к прошедшему, своей укорененности во времени, своего старшинства, как отчетливо видно, например, из пассажей Геродота (Hdt 9.26; 7.153-154) было характерно для греческой культуры и являлось одним из сильнейших способов легитимировать претензии на власть и, соответственно, руководство обществом[29]. Намеренным использованием «антикварной» символики семья усопшей конструировала временную глубину и тем самым подчеркивала или/и претендовала на особое положение во временной структуре боспорского общества. Если мы учтем небольшой временной зазор между двумя погребениями кургана, т.е. факт, что память о первом погребении была еще актуальна в сознании целевой «аудитории», то можно с уверенностью полагать, что в плане общественного воздействия второе погребение дополняло первое.

Высказанные выше соображения подводят по-моему мнению к обоснованному выводу о том, что якобы «этнические», а также «антикварные» компоненты использовались для артикуляции актуальных идей греческой «аристократической» культуры и имели, особенно это касается «этнических» обьектов социальное значение. Подобная артикуляция была регионально специфична, т.е. должна была быть актуальна в условиях Боспора, отсюда и проистекает применение «эклектичных» с современной «этнической» точки зрения элементов обряда. Во время дорогостоящей и публичной церемонии с помощью манипуляции специально отобранными обьектами создавался и транслировался образ человека, который обладал выдающимися «аристократическими» качествами. Среди важнейших из них, были его особая «контакность», способность устанавливать связи, как мирным так и военным способом, с мощными центрами силами на периферии боспорского мира, а также акцентированная через семью, через ее женскую составляющую древность рода.

Предложенные интерпретации и теоретические модели имеют по моему мнению большой потенциал и дают возможность по-новому взглянуть на социальную историю Боспора. Однако это тема уже других публикаций.

[28] Насколько точно участники церемонии могли датировать подобные предметы представлятся очень важной, но в данном случае не влияющей на аргументацию темой.

[29] О взаимосвязи старшинства и власти в греческих спорах. – Gehrke 2001, 303-304.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М.П. 1989. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 268-281.

Андрух С.И. 2000. «...скифы смешанные с фракийцами» (Апол. Род. IV.320) // ВДИ 3, 63-74.

Бутягин А.М., Виноградов Ю.А. 2014. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т.II. Симферополь-Керчь.

Виноградов Ю.А., Зинько В.Н., Смекалова Т.Н. 2012. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т.I. Симферополь-Керчь.

Завойкин А.А., Сударев Н.И. 2006. Погребения с оружием VI-V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора // ДБ 9, 101-151.

Марченко И.Д. 1971. Архаическая мастерская оружейника в Пантикапее // СА 2, 148-156.

Мелюкова А.И. 1989. Оружие, конское снаряжение, повозки, навершия // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 92-100.

Петренко В.Г. 1989. Скифская каменная скульптура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 104-106.

Раевский Д.С. 1995. Ранние скифы: среда обитания и хозяйственно-культурный тип // ВДИ 4, 87-96.

Силантьева Л.Ф. 1959. Некрополь Нимфея //МИА 69, 5-107.

Толстиков В.П., Муратова М.Б. 2013. К проблеме пространственного развития Пантикапейской апойкии в первой половине VI — первой половине V в. до н.э. // ВДИ 1, 176–193.

Anderson G. 2005. Before Turannoi Were Tyrants: Rethinking a Chapter of Early Greek History // Classical Antiquity 24(2), 173-222.

Andreev Ju. 1988. Die homerische Gesellschaft // Klio 70, 5-85.

Belozor V. 1991. Skythische Großplastik aus Stein // Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine. Schleswig, 161-164.

Boehringer D. 2001. Heroenkulte in Griechenland von der geometrischen bis zur klassischen Zeit. Berlin.

Gehrke H.-J. 2001. Myth, History, and Collective Identity: Uses of the Past in Ancient Greece and Beyond // The Historical Craft in the Age of Herodotus. Oxford, 286-313.

Hall J. 2009. Ethnicity and Cultural Exchange // A Companion to Archaic Greece. Blackwell, 604-617.

Loraux N. 1986. The Invention of Athens. Cambridge.
Morris I. 1987. Burial and ancient society. Cambridge.
Morris I. 1994. Death-Ritual and Social Stucture in Classical Antiquity. Cambridge.
Morris I. 1998. Archaeology and Archaic Greek History // Archaic Greece: New Approaches and New Evidence. London, 1-91.
Morris I. 2000. Archaeology as Cultural History. Oxford.
Morris I. 2002. Hard surfaces // Money, Labour and Land. Routledge, 8-43.
Povalahev N. 2008. Die Griechen am Nordpontos. München 2008.
Schmitz W. 2004. Nachbarschaft und Dorfgemeinschaft im archaischen und klassischen Griechenland. Berlin.
Schmitz W. 2014. Die griechische Gesellschaft. Eine Sozialgeschichte der archaischen und klassischen Zeit. Heidelberg.
Stein-Hölkeskamp E. 2009. The Tyrants // A Companion to Archaic Greece. Blackwell, 100-116.
Ulf Ch. 2009. The World of Homer and Hesiod // A Companion to Archaic Greece. Blackwell, 81-99.
Wees van H. 1992. Status Warriors: War, violence and society in Homer and history. Amsterdam.

ПРОХОРОВ Д. А.
(НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

ИУДЕЙСКИЕ ОБЩИНЫ КРЫМСКОГО ХАНСТВА В СУДЕБНЫХ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ XVII–XVIII ВВ. (АНАЛИЗ НОВЫХ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ)[1]

Одним из содержательных источников по истории Крымского ханства являются кадиаскерские книги. Их подробный анализ (62 тома ныне хранятся в Республиканской крымскотатарской библиотеке им. И. Гаспринского в Симферополе) в 2017 г. предпринял О.Д. Рустемов. В этом издании впервые представлены транслитерированные и переведенные на русский язык тексты записей судов шариата Крымского ханства начала XVII – середины XVIII вв., несомненно, имеющие историческую и филологическую ценность. Помимо этого, серьезный интерес для исследователя могут вызвать материалы из книги «Документы Крымского ханства из собрания Хусейна Фейзханова» (Симферополь: Константа, 2017), которая представляет собой транслитерацию с арабского письма текстов документов из канцелярий Крымского ханства, собранных и переписанных востоковедом Х. Фейзхановым в 1858 г. Сама коллекция была издана в 1864 г. академиком В. Вельяминовым-Зерновым под заглавием «Материалы для истории Крымского ханства». До издания этих работ, помимо фрагментарных публикаций, не было попыток системного подхода к исследованию собранных в указанных трудах материалов. Целью предлагаемой статьи является рассмотрение записей, опубликованных в работе О.Д. Рустемова, а также в «Документах Крымского ханства из собрания Хусейна Фейзханова», содержащих сведения по истории иудейских общин Крымского полуострова XVII–XVIII вв.

[1] *Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5763.2017/БЧ по теме «Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия».*

Что касается непосредственно данных об иудейских общинах, то кадиаскерские книги Мангупского кадылыка[2] (1686–1710 гг.) содержат упоминания о правовом статусе караимов и евреев. Так, например, они подтверждают ранее встречавшуюся в нарративных источниках информацию, что за употребление в адрес еврея-раввиниста или караима слова «жид» в Крымском ханстве могло последовать наказание, если кадию в связи с этим поступала жалоба[3]. Например, в одном из сиджилей (книге судебных постановлений) Бахчисарайского кадылыка упомянут случай, имевший место в 1609 г., когда банщик Хаджи Хусейн «уничижительно и без причины» назвал евреем банщика Мусу (иск. Моше, Моисей), за что последний подал иск в суд шариата, который был рассмотрен в присутствии свидетелей, при этом Хаджи Хусейн свою вину признал[4].

Сохранились в книгах судебных решений и сведения о занятиях караимов. Косвенным свидетельством того, что караимы участвовали в операциях, связанных с кожевенным ремеслом и торговлей мехами, могут служить судебные постановления. Например, в 1608 г. в суде шариата слушалось дело о торговом споре, произошедшем между жителями одной из деревень: «Джафер Паша сын Абдуллах эр-Раджиля, вызвав в Собрание Суда Шариата иудея по имени Муша, в присутствии последнего, заявляя иск, сказал: “Этому самому Муше отдал я четыре собольих шкуры. Опросите его и истребуете!” После заданных вопросов Муши отвечал: “Не четыре, а две собольих шкуры”. Ответ его с признаниями был записан и зарегистрирован. Конец месяца Сефера Победоносного. Года 1017 (1608)»[5]. В другом судебном разбирательстве речь шла о том, что некто Джезаирли Джафер Паша б. Абдуллах, житель Карасу[6], дал показания по иску в присутствии Муши (иск. Моше) сына Якова «из племени (тайфа) иудеев», заявил: «Замирившись с упомянутым Муши на остатке в три с половиной алтына из суммы в двенадцать алтынов по обязательствам его за две собольи шкурки. И из сорока алтынов, уплаченных за масло. А также по получении следуемых из иных оплат одиннадцати гурушей

[2] *Кадылык (кадилык) – судебно-административный округ в Крымском ханстве.*

[3] *Маркевич А.И. К вопросу о положении христиан в Крыму во время татарского владычества. С. 530.*

[4] *Рустемов О. Кадиаскерские книги Крымского ханства: исследования, тексты и переводы. Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2017. С. 134.*

[5] *Рустемов О. Кадиаскерские книги Крымского ханства. С. 41.*

[6] *Очевидно, Карасубазара.*

считаю сумму возмещения достаточной, а долг мне исполненным». Далее следовало указание на то, что как только «он произнес это, Муши подтвердил правдивость слов упомянутого Джафера Паши. Зарегистрировано и записано в полном соответствии»[7].

Успешную коммерческую деятельность караимы осуществляли и за пределами Крыма. В 1609 г. в суде шариата Бахчисарайского кадылыка слушалось дело с отчетом о проданных представителем иудейской (караимской?) общины Исхаком агой (иск. Йицхак) шкурах в Московском государстве: «Хаджи Али б. Шукюр Ага в собрании Суда Шариата в присутствии Исхака б. Хаджи заявил: “Всего отправленных мной в Москву шкур вышло двадцать чемоданов (сундуков). Наказывал я так: расходы и доходы (казну) чтобы подбить, продавай перед свидетелями”. После слов его Исхак Ага принес клятву, что продал не более двадцати шкур. В соответствии с клятвой его было принято судебное решение и показания зарегистрированы»[8].

Одним из популярных занятий среди караимов было пчеловодство. В судопроизводственных документах сохранилась запись о том, что «иудей Яков б. Ильяв в собрании Суда [сказал] иудею Илийе: “Этот самый иудей Илийя израсходовал мои два батмана меда”. Сразу, как он сказал, был задан вопрос, на который последовало согласие и подтверждение (слов истца). Было вынесено решение о возвращении половины батмана меда»[9].

В документах содержатся сведения, которые дают основание утверждать, что уже в средневековье среди караимов было немало садоводов. Наиболее распространенным занятием садоводство было в районе средней полосы долины р. Качи, а также при дер. Шуры (ныне с. Кудрино Бахчисарайского р-на)[10]. В одном из сиджилей Бахчисарайского кадылыка, датированном началом XVII в., в деле о налоговых обязательствах упоминается сад близ «еврейской крепости» (Чуфут-Кале) и р. Бельбек, которым владел Абу Яхуди (еврей или караим). «Бывший дефтердар Мехмед Эфенди, – гласила запись, – предстал в собрании Суда вместе с Кефеви Джемшид беком: “За свой прежний долг в пятьдесят флоринов,

[7] *Рустемов О. Кадиаскерские книги Крымского ханства. С. 43.*

[8] *Там же. С. 141.*

[9] *Рустемов О. Кадиаскерские книги Крымского ханства. С. 233.*

[10] *Симиренко Л.П. Крымское промышленное плодоводство / Предисл. П.В. Вольвач. Симферополь: Таврия-Плюс, 2001. Т. 1. С. 474.*

который я был должен означенному Джемшид беку; я продал ему свой сад на Бельбеке, граничащий с одной стороны с садом начальника стражи Хусейна Аги, а с другой примыкающий к еврейской крепости <…> А он также согласился и принял". Непосредственно опрошенный упомянутый Джемшид бек отвечал: "Я купил сад в указанных границах за долг в пятьдесят флоринов. На оплату долга дал я шестьдесят дней отсрочки. Но теперь по изложенным причинам эту отсрочку прощаю". Как он это сказал, с подтверждением (этих слов) Мехмедом Эфенди сказанное было зарегистрировано»[11].

В источниках упоминается также о посреднической роли евреев-раввинистов и караимов в финансовых операциях, связанных с выкупом рабов из плена; кроме того, представители этих этноконфессиональных групп фигурировали как ростовщики, одалживавшие деньги пленникам и поставлявшие им провизию, и их охранники. Например, М. Броневский указывал, что русские послы, приезжавшие в Крым для выкупа пленных, привлекали в качестве посредников подкупленных ими евреев и татар, предлагавших за рабов цену, которая была намного ниже установленной рабовладельцем, а также свидетельствовал о том, что рабов приобретали и купцы-евреи: «подсылают подкупленных евреев или татар, или же купцов, и они уже за несравненно низшую цену выкупают пленников будто бы забытых и пренебреженных»[12]. Однако заметим, что экономический фактор в данном вопросе был превалирующим. В тех случаях, когда в Крым доставляли партии еврейских пленников, их выкуп считался богоугодным делом: для освобождения невольников, согласно религиозным догматам (ивр. пидъон шевуим)[13], следовало сделать все, чтобы собрать деньги для выкупа, даже использовав средства, собранные на строительство синагоги: об этом гласил первый полный кодекс еврейского закона, написанный Маймонидом (Рамбам) (Мишне Тора, Законы о дарах бедным, 8:11)[14].

[11] Рустемов О. Кадиаскерские книги Крымского ханства. С. 190, 191.

[12] Броневский М. Описание Крыма. С. 363; Kizilov M. Slaves, Money Lenders, and Prisoner Guards: The Jews and the Trade in Slaves and Captives in the Crimean Khanate // Journal of Jewish Studies. Vol. LVIII, № 2, autumn 2007. P. 5.

[13] Пидьон шевуим – один из немногочисленных законов, касающихся вопросов жизни и смерти. Поэтому Галахой он признается важнее всех остальных законов.

[14] Телушкин Й., р. Еврейский мир. Важнейшие знания о еврейском народе, его истории и религии. Иерусалим, 1995. С. 444, 445; Кизилов М. Крымская Иудея: Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен и до наших дней. Симферополь:

В мухаббетнаме[15] визиря Бахадыр-аги боярину князю В.В. Голицыну (вторая пол. XVII в.), направленному по случаю разбирательства сторон относительно разбойных нападений на сопредельных территориях, сообщалось, в частности, что послу Никите Тараканову было возвращено «пленников – 60, пленников у Велишах-бека, 428 пленников от иудея Моши и зимми Юрия, в долг за гуруш»[16]. Важно подчеркнуть, что встречающийся в документах термин «иудеи» может быть интерпретирован двояко и обозначать как караимов, так и евреев-раввинистов.

А в мухаббетнаме калги Герай-султана царю Алексею Михайловичу (писана в Акмесджид-Сарае, в 1061 г. х./1651 г.) речь шла о прибытии сипахи[17] Ивана Белякова и писаря Тимофея Кузьмина с верительными грамотами, казной и посылками («поминками»). После аудиенции, устроенной ханом для послов, посольство в сопровождении татарского гонца отправилось в обратный путь. Однако затем, по распоряжению хана, произошло «заключение отбывшего ранее посла в крепости Яхуди Калеси» (т.е. в Чуфут-Кале)[18]. Примечательно, что в других мухаббетнаме, посланных калгой Гази Герай-султана царю Алексею Михайловичу, упоминалось об отправлении в 1656 г. в Москву и возвращении обратно в Крым ханского гонца Кокей Эмельдеша (Kökey Emeldeşkâ)[19] – впоследствии среди караимов были весьма распространены эти антропонимы[20].

Встречаются в документах и данные о участии караимов в чеканке монеты. Так, в частности, в них упомянуто, что среди работников ханского монетного двора числились: «мастер-прокатчик и мастер прессовальщик 4 человека: Абдулькерим, Ахмед, Али и отпущенник иудей Исхак; кузнец зимми (не мусульманин) Муккадес и два ученика (шагирда); разметчики

Доля, 2011. С. 199.

[15] Мухаббетнаме – дружественная грамота.

[16] Документы Крымского ханства из собрания Хусейна Фейзханова / сост. и транслит. Р.Р. Абдужемилев; науч. ред. И. Миргалеев. Симферополь: ООО «Константа». 2017. С. 537.

[17] Сипах – зд.: вооруженный отряд, сопровождающий посланников. В Османской империи сипахи, наряду с янычарами, вплоть до середины XVIII в. были основным воинским формированием. Вооружение сипахов состояло из сабли, лука и копья, щита, шлема и кольчуги или панциря.

[18] Документы Крымского ханства из собрания Хусейна Фейзханова. С. 379.

[19] Там же. С. 149, 395.

[20] Антропоним Эмельдеш у караимов означает «молочный брат», «товарищ по чину»; Кокей – от гл. «синеть». В контексте цитаты из мухаббетнаме термин «эмельдеш» употреблен в качестве: «близкий хану человек».

монет два человека: Ясиф и другой Ясиф. Нарезчики монет, четыре человека: Хасан, Хусейн, Сейфуллах, Юсуф. Шаблонщик: шесть человек: Арслан, Черкез, иудей Иехуда; и ученики Юсуф, Мустафа, Хусейн. Костровые – два человека: Давут, Харун. Гравировщики монет – четыре человека: Исраиль, Мортекай (Мордехай), Муши (Мойша), иудей Илья»[21].

В месяце Ребиуль-эввель[22] 1018 г. хиджры (1609 г.), как сообщалось в другом сиджиле, дефтердар Хусейн Эфенди получил от зимми Каракуша (иск. от Каракаш, караим) и «оприходовал одним приходом пятьдесят пять монет хасене и одиннадцать с половиной курушей, и две тысячи четыреста шестьдесят пять акче нового ханского чекана убитого покойного Мехмеда Паши»[23], начальника интендантской службы ханского двора. Это также подтверждает, что в чеканке ханской монеты принимали участие представители караимской общины.

В документах Крымского ханства имеются указания на то, что представители иудейских общин, чье имущество составляли лошади и кони, даже обращались в суд шариата для вынесения решений по спорным делам. Так, в одном из сиджилей Бахчисарайского кадылыка начала XVII в. упомянуто, что некий «Иосиф сын Менахема, привлекая в собрание Суда Шариата Джан Гази б. Сари, в присутствии (последнего), давая показания (заявил): “Два года назад я потерял коня. Ныне же нашел я его у указанного Джан Гази и потребовал. Он под всякими уловками не возвращает мне его. Требую, пусть же будет он опрошен”. После опроса и отказа (данного ответчиком) у упомянутого Иосифа истребованы были убедительные доводы по его иску»[24]. О покупке крымским татарином Ягмуром велед-и Агрувчи коня у представителя караимской общины Кара (Чуфут-Кале), некоего Довунджи[25], свидетельствует судебная запись в сиджиле Бахчисарайского кадылыка, датированная месяцем сефер 1610 г. В сиджиле 29-го числа месяца Джумадие уль-ахыр[26] 1610 г. в суде слушалось дело, где в качестве ответчика был вызван иудей Исхак (иск. Йицхак), которому покойный брат истца продал кобылу за шесть флоринов и один гуруш.

[21] *Рустемов О. Кадиаскерские книги Крымского ханства. С. 236.*

[22] *Ребиуль-эввель – третий месяц лунного календаря.*

[23] *Рустемов О. Кадиаскерские книги Крымского ханства. С. 106.*

[24] *Там же. С. 72.*

[25] *Дуваджи, Дуванджи (кар.) – изготовитель, продавец талисманов (дува).*

[26] *Джумадие уль-ахыр, джумада-уль-ахыр – месяц мусульманского календаря, соответствующий маю-июню.*

Допрошенный Исхак дал такие показания: «”Покойный мне сказал, чтобы я отдал деньги другому человеку, я передал их”. Но он оказался неспособным доказать эту передачу (денег), сразу после этого было вынесено решение о выплате упомянутой суммы»[27].

Что касается юридических взаимоотношений между различными категориями населения внутри Крымского ханства (в том числе, и немусульманскими), заметим, что законодательной регламентации в соответствии с установлениями ислама подлежали и караимы. Например, в кадиаскерских дефтерах фигурантами судебных дел выступали представители райя и зимми, при этом истцы, ответчики и свидетели, не являясь сами мусульманами, принимали к обязательному исполнению решения суда шариата, и во многих случаях при свидетельских показаниях, или же в качестве истцов и ответчиков должны были приносить клятву Аллаху[28]. Например, в 1610 г. в суде было заслушано дело, фигурантом которого являлся торговец (ювелир?) из иудейской общины (возможно, Чуфут-Кале). Некто Эзра веледи иудей Брага (сын иудея Браги) в присутствии ответчика Лазе Фатьмы хатун ибнети Абдуллах и свидетелей заявил: «”Было два кольца с камнями. Одно с рубином, другое с бирюзой. Дал я ей чтобы продать. Девочки (дочери) взяли внутрь (внутрь комнаты), чтобы рассмотреть получше. Так на руках у них и остались, забыл я их, а они их сломали”. Непосредственно (опрошенная) Фатьма подтвердит (его слова). Тогда предложено было человеку принести клятву, на что он отказался. Было зарегистрировано оправдание упомянутой (хатун). 7-го дня месяца Мухаррема, года 1019-го»[29].

В 1647 г. в суде шариата разбиралось дело, в котором оба фигуранта – истец и ответчик – являлись иудеями (возможно, караимами). «Иудей Шумаил в собрании Суда начал иск против иудея Шалмана в том, что тот употребил без остатка принадлежащую им обоим на правах партнерства ширу (?), стоимостью шесть алтынов. Когда у означенного Шалмана спросили по существу этого дела, он отвечал с отказом, отрицая как партнерство, так и то что он все употребил. Тогда у Шумаила в пользу его иска были истребованы доказательства, в коих он оказался бессилен. На это Шалману было предложено принести клятву, в ответ он поклялся согласно шариату в правдивости своих слов, после чего было принято решение

[27] *Рустемов О. Кадиаскерские книги Крымского ханства. С. 80, 206.*

[28] *Там же. С. 27.*

[29] *Там же. С. 161.*

об освобождении его от ответственности»[30].

Безусловно, сведения, опубликованные в монографии О.Д. Рустемова, а также в сборнике «Документов Крымского ханства из собрания Хусейна Фейзханова», существенно дополняют имеющуюся на сегодняшний день информацию о прошлом иудейских общин Крымского полуострова. Следует также заметить, что материалы, размещенные в указанных изданиях, требуют дальнейшего изучения и научного комментария.

[30] *Там же. С. 232.*

РАДОЧИН В.Ю.
(НИЦ ИАК КФУ им.В.И. Вернадского, Симферополь)

ТРАДИЦИЯ ИСКУССТВЕННОЙ ДЕФОРМАЦИИ ГОЛОВЫ, КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ ПО ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КРЫМА

Некоторые традиции, присущие определенным группам, либо внутригрупповым слоям, могут являться устойчивыми маркерами самоидентификации. Таким элементом, несомненно, может быть искусственная и, что важно, преднамеренная деформация черепа (далее рассматривается только преднамеренная искусственная деформация черепа).

Теме обычая искусственной деформации головы посвящено большое количество публикаций, как узко – специальных, так и обобщающих. Некоторое количество работ в свете означенной темы затрагивает и Крымский полуостров [Бобин 1957 с. 46-90, Иванов 2003 с. 75-90, Пежемский 2000 с. 64-75, Радочин 2011 с. 306-310].

Носителями обычая искусственной деформации, по мнению различных ученых, были представители сарматских, аланских и гуннских племен. Появление этого обычая в Крыму фиксируется со II-I вв. до н.э. и связывается с проникновением элементов сарматского круга на территорию полуострова. В первой половине III в. В Крыму появляются новые типы погребальных сооружений (в частности склепы по конструкции отличные от бытовавших здесь ранее) и обрядов погребения, вместе с этим отмечается увеличение числа погребенных с деформацией. Известны памятники, где новые конструкции погребальных сооружений появляются на уже функционирующих могильниках. Данная посылка, в ряде случаев, подтверждается неоднородностью краниологического материала, в рамках одного могильника из разных хронологических периодов (Нейзац, Скалистое, Алмалык и др.).

В среднем, для территории юго-западного Крыма на материале IV-V вв. процентное соотношение деформированных черепов колеблется

от 4 до 10 % в рамках одной серии.

В ответ на угрозы со стороны кочевников, вторгавшихся с середины VI века на территорию Крымского полуострова, Византия активизировала строительство крепостей с размещением в них гарнизонов из местных алано-готов [Айбабин, Герцен, Храпунов 1993, с. 215]. Вероятно, именно они составляли население гарнизонов Эски-Кермена, Чуфут-Кале, Лучистого и др.

На VI - VII вв. приходится наибольшее число найденных деформированных черепов, как на вновь появившихся могильниках, таких как Эски-Кермен, Чуфут-Кале, так и на продолжавших непрерывное функционирование, например, Лучистое, Скалистое и др. О некоторых памятниках и их особенностях следует сказать чуть подробнее.

Лучистое. На могильнике у с. Лучистое стали хоронить в конце IV в. аланские племена [Айбабин , Хайрединова 2008, с. 6]. Деформированные черепа, полученные при раскопках могильника у с. Лучистое, составляют 24% от общего числа (данные с учетом степени сохранности материала и, соответственно, пригодных для исследования)[1].

При исследовании погребенных из раннего хронологического промежутка (конец IVв. - начало Vв.) выявлен только один случай преднамеренной лобно-затылочной искусственной деформации черепа (женское погребение в склепе № 174). Наибольшее количество полученных деформированных черепов приходится на VI-VII вв. Все они деформированы по типу двойного бандажирования и имеют ярко выраженную лобно – затылочную деформацию. Искусственно измененные черепа фиксировались в равной степени для обеих полов. Интересно отметить, что увеличение количества искусственно деформированных черепов совпадает с появлением несколько отличных краниометрических характеристик внутри серии и некоторыми изменениями конструкций погребальных сооружений.

Эски – Кермен. Могильник на юго-восточном склоне Эски-Кермена возник в конце VI века. Материал, полученный в ходе охранных раскопок, (2006-208, 2013, 2015, 2017) дал краниологическую серию, в которой 72% черепов имели следы искусственной деформации.

Деформация отмечена практически поровну на мужских и женских костяках захороненных в подбойных могилах и склепах. В подавляющем большинстве, изменения проводились по типу циркулярного бандажирования, в результате чего черепа имели башенную форму, либо были вытянуты сзади.

[1] *Автор выражает благодарность А.И. Айбабину и Э.А. Хайрединовой за предоставленный для исследования материал.*

Ранее уже упоминалось о черепах с деформацией из погребений Эски-Кермена, где автор указывает на тип деформации (затылочно-теменная), а также говорит, что процент деформированных черепов небольшой и все они были мужские [Петров 1935, с. 13].

Чуфут-Кале. Обычай искусственной деформации был широко распространен и среди населения, начавшего хоронить в конце VI в. на склоне Чуфут-Кале. Практически половина погребенных имели следы искусственной деформации. Тип деформации описан как лобно-затылочная, кольцевая и смешанная. Отмечалось, что степень деформации была от слабой до сильной. Деформированные черепа в большинстве были мужские и происходили из подбойных могил и склепов [Соколова 1958, с. 63].

Как было сказано ранее, гарнизоны Эски-Кермена, Чуфут-Кале, Лучистого, составили местные алано – готские племена, населявшие эти земли и, как предполагается, жившие неподалеку.

Ограничившись выше описанным материалом, обратим внимание на несколько вопросов. Первый и, несомненно, один из важных, откуда переселились люди, составившие население вновь созданных гарнизонов. В частности, относительно Эски-Кермена высказывалось мнение, что это могло быть население, оставившее расположенный по близости могильник Красный Мак. Но в публикациях отсутствует упоминания о деформированных черепах, и наблюдаются некоторые отличия в конструкциях погребальных сооружений [Лобода 1992, с.210-215; 2005 с. 192-251].

На сегодняшний день нет сведений о памятниках алано-готского круга, близких по временному промежутку (ранее конца VI в.) с таким высоким процентом искусственно деформированных черепов в погребениях, как на Эски-Кермене, Чуфут-Кале, Лучистое, Суук-Су.

Изучая типы деформации отмеченные на территории Крыма, в большинстве случаев можно говорить о специальных повязках, накладываемых на череп для изменения его форы. В зависимости от способа бандажирования череп приобретал определенную форму. Большинство отечественных исследователей пользуются типологией Е.В. Жирова, взятой за основу в работах современных исследователей.

Многолетние исследования на памятниках Лучистое и Эски-Кермен позволяют увидеть различия в типе деформаций (естественно речь идет о большинстве типов внутри каждой серии). Так на могильнике Лучистое зафиксирована лобно-затылочная деформация, в то время как на материале из Эски-Кермена деформация имела башенную форму, либо дефор-

мацию, сильно вытянутую кзади. Представляется важным наблюдение об использовании определенного вида деформации в рамках одной компактно проживавшей группе.

Вопрос о типах погребальных сооружений, в которых были найдены деформированные черепа, также вызывает определенный интерес. Так например в могильниках Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Алмалык деформированные черепа найдены в подбойных могилах и склепах, в то время, как в Лучистом в склепах и простых грунтовых могилах. Для могильника Скалистое сведения неполные, но минимум 5 деформированных черепов происходят из подбойных могил. На могильнике у высоты Сахарная головка большинство деформированных черепов происходят из дромосов (вероятно склепов) [Соколова 1963, с. 127]. На могильнике Суук-Су деформированные черепа были найдены в склепах, подбойных и простых грунтовых могилах [Кропоткин 1959, с. 192]. Примечательно, что погребения с деформированными черепами в простых грунтовых могилах отмечены только на материале из Лучистого и Суук-Су.

Несомненным является интерес соотношения количества мужских и женских деформированных черепов на разных памятниках. Так, на могильнике Скалистое выявлены только мужские деформированные черепа [Зиневич 1973, с. 34]. Среди погребенных с деформацией на могильнике Чуфут-Кале преобладали мужчины [Соколова 1958, с. 63]. На могильнике Сахарная Головка минимум 7 из 10 деформированных черепов были мужские (общий процент искусственно деформированных черепов составляет 19,2%) [Соколова 1963, с. 127-128]. Для Могильников Суук-Су, Лучистое, Эски-Кермен распределение деформированных черепов по половому признаку практически равное.

Таким образом, на памятниках общего круга, с близкими материальными и обрядовыми традициями в одном хронологическом промежутке, наблюдаются заметные отличия, связанные с обычаем искусственной деформации головы. Вероятно, это можно связать с тем, что носители этого специфического обряда хоть и входили в общий этно-культурный круг все же носили следы устойчивых индивидуальных традиций.

Вопрос же «всплеска» практики искусственной деформации головы на территории Крыма в VI в. - начале VII в. остается открытым. Мнение о притоке нового населения и оседавшего в районах с дружественной или родственной средой [Ушаков, Филипенко с. 219] (в пользу данной версии говорит массовость обряда, изменения в конструкции склепов, некоторые краниологические характеристики) хоть и имеет право на существование,

все же нуждается в дополнительных исследованиях.

Изучение искусственной деформации очень важно для реконструкции исторических процессов, так как является не только маркером древних миграций с одной стороны, но и устойчивой составляющей социально - родственных связей с другой.

Хотелось бы также обратить внимание, что, иногда не специалисты могут принимать за деформации анатомические варианты нормы.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И., Герцен А.Г., Храпунов И.Н. Основные проблемы этнической истории Крыма // МАИЭТ. Симферополь 1993. Вып. III.

Айбабин А.И. , Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое Том 1. Симферополь-Керчь 2008.

Бобин В.В. Искусственно деформированные черепа, найденные при раскопках в Крыму // Труды кафедр нормальной анатомии, гистологии и эмбрионологии. Симферополь, 1957.

Вейрман Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. К., 1993.

Зиневич Г.П. Антропологические материалы средневековых могильников юго-западного Крыма. К., 1973.

Иванов А.В. О практике искусственной деформации головы на територи Крымского полуострова // Вестник Антропологии Москва, Вып. 10, 2003.

Кропоткин В.В. Могильник Суук-Су и его историко-археологическое значение (по данным погребального обряда) // СА. 1959. №1.

Лобода И.И. Исследования могильника IV-V вв. в с. Красный Мак //Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь 1992.

Лобода И.И. Раскопки Красномакского могильника в 1983-1984 гг. // МАИЭТ. 2005. Вып. XI.

Пежемский Д.В. Информативность скелетных останков плохой сохранности (по материалам некрополя Сиреневая бухта) // РА. 2000. №4.

Петров Г.И. Об антропологических материалах Эски-Керменской экспедиции (Предварительная информация). // Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931-1933 гг. М.;Л.: ОГИЗ, 1935. С.12-16. ИГАИМК. Вып.117.

Радочин В.Ю. К вопросу о взаимовлиянии культур на примере краниологического материала из могильников Крыма // XII Боспорские чтения. Керчь, 2011.

Соколова К.Ф. Антропологические материалы из раннесредневековых могильников Крыма // История и археология средневекового Крыма. М., 1958.

Соколова К.Ф. Антропологічні матеріали могильників інкерманськоі долини. // Археологічні пам'ятки УРСР. К., 1963. том XIII.

Ушаков С.В., Филипенко А.А. Новые данные об аланах в юго-западном Крыму (по данным некрополя Карши-Баир) // ХСб. 2006. Вып. XV.

РЫЖОВ С.Г., ЛЕСНАЯ Е.С.
(ГИАМЗ «Херсонес Таврический», Севастополь)

О НЕКОТОРЫХ НАХОДКАХ ИЗ РАСКОПОК 6-Й ПОПЕРЕЧНОЙ УЛИЦЫ В ХЕРСОНЕСЕ

В ходе планомерных раскопок на городище в 1977–1978 гг. экспедицией херсонесского заповедника под руководством С.Г. Рыжова была исследована 6-я поперечная улица. Раскопанный участок располагается в Северо-Восточном районе между VI и VII кварталами, частично затронутыми раскопками ещё в конце XIX – начале XX вв. Вдоль западной стороны улицы остатки стен VII квартала перекрывала монастырская ограда, при строительстве которой частично была нарушена стратиграфия слоёв. За два полевых сезона удалось открыть участок улицы длиной 54 м и шириной от 2,7 до 3 м.

В стратиграфии условно было выделено три слоя: верхний (I), средний (II), и наскальный (III). Во всех этих напластованиях прослеживались промежуточные прослойки нивелировочных подсыпок из керамики и морской гальки (Отчёт, 1978, л. 43). Общая мощность культурных отложений достигала 2,3 м (Отчёт, 1977, л. 2). Все три слоя были насыщены большим количеством фрагментов амфор, расписной чернофигурной и краснофигурной посуды, чернолаковой и разнообразной столовой керамики, терракот и светильников. Именно из материалов, найденных при исследовании 6-й поперечной улицы, происходит представительная коллекция образцов расписной керамики[1]. Специальной публикации так же заслуживает и группа амфорных клейм. В данном случае мы бы хотели обратить внимание на не столь многочисленные, но не менее важные с точки зрения хронологии, находки ранних импортных столовых сосудов.

Прежде всего, это фрагменты столовой амфоры с двуствольны-

[1] *Некоторые из них уже опубликованы (см. Вдовиченко и др, 2012, с. 20-21). В настоящее время И.И. Вдовиченко подготовлена публикация всей коллекции фрагментов расписных сосудов из раскопок С.Г. Рыжова.*

ми ручками и характерным орнаментом по плечам в виде чередующихся полос пурпура и лака (рис. 1, 1). Такие сосуды относятся к производству Клазомен и других североионийских центров. В Северном Причерноморье они известны из раскопок Пантикапея (Сидорова, 1992, рис. 15, Б,В) и Ольвии, где датируются второй половиной VI в. (Буйских, 2013, с. 83, 92-93, рис. 71, 72). Прекращение поступления клазоменской амфорной тары и расписной столовой керамики в Северное Причерноморье исследователи связывают с разгромом персами ионийского восстания в 494 г. (Монахов, 2003, с. 55; Буйских, 2013, с. 83). Таким образом, верхняя граница датировки нашего сосуда определяется началом V в.

Два венца могут быть отнесены к ионийским столовым амфорам с характерным рельефным ребром на горле (рис. 2, 1). Как правило, горло и плечи сосуда орнаментированы горизонтальными полосами лака. Вероятно, к этой же разновидности столовой посуды можно отнести и несколько ручек. Группу ионийских полосатых сосудов дополняют находки фрагментов грибовидных кувшинов с туловом биконической формы. Они представлены венцами, стенками и двуствольными ручками, декорированными полосами лака (рис. 1, 2). Столовые амфоры и грибовидные кувшины получили широкое распространение в Северном Причерноморье: их находки известны в Ольвии (Буйских, 2013, рис. 113), Керкинитиде (Кутайсов, 2004, рис. 59, 60), на Боспоре (Сидорова, 1962, рис. 20). Они изготавливались во многих ионийских центрах и бытовали, вероятно, на протяжении всего V столетия (Sparkes, Talcott, 1970, p. 66, pl. 9; Буйских, 2013, с. 129).

Открытые формы ионийской полосатой керамики представлены фрагментом верхней части леканы (рис. 2, 3). Её внешняя сторона покрыта светлым ангобом и декорирована волнистым орнаментом под краем, внутренняя поверхность оставлена без покрытия. По мнению А.В. Буйских, леканы с волнистой полосой предшествовали по времени сосудам с простым линейным орнаментом. Поэтому, судя по аналогиям из Ольвии, херсонесский фрагмент может быть датирован концом VI – началом V вв. (Буйских, 2013, с.150, кат. № 9. 341).

Из раскопок 6-й поперечной улицы происходит также придонная часть хиосского закрытого сосуда (рис. 2, 5). Эти монохромные ангобированные ольпы(?) были выделены совсем недавно на материалах Ольвии (Буйских, 2013, с. 175). В придонной части и по кольцевому поддону херсонесского фрагмента нанесены полосы лака, внешняя поверхность дна ангобом не покрыта. Близкая аналогия из ольвийской коллекции датируется второй половиной VI – началом V вв. (Буйских, 2013, рис. 172, кат. № 10. 152).

С керамическим производством самой Ольвии, вероятно, можно связывать фрагмент красноглиняного кубка (рис. 2, 4). Внешняя поверхность сосуда над перегибом плечей декорирована полосой красной краски. По внутренней поверхности в верхней части фрагмента также нанесена красная полоса. По мнению К.И. Зайцевой, местные мастера начали изготавливать кубки, подражающие хиосским образцам, в конце V в. (Зайцева, 1972, с. 93–95). Однако недавно дата их появления была понижена до начала V в., а время бытования ограничено первой половиной столетия (Буйских, 2013, с. 173, рис. 170, кат. № 10. 146–10. 148).

Многочисленную группу находок представляют фрагменты разнообразных светильников. Часть из них можно соотнести с ионийскими открытыми двухрожковыми светильниками с втулкой в центре дна (тип Howland 19A) (рис. 2, 6). Такие изделия получили широкое распространение в Средиземноморье и Северном Причерноморье, их находки известны в Херсонесе (Журавлёв и др., 2005, кат. № 3). Обычно они датируются исследователями в рамках последней четверти VI – первой четверти V вв. (Журавлёв и др., 2007, с. 31; Шейко, 2013, кат. № 1, 2). Кроме того, из раскопок 6-й поперечной улицы происходят несколько фрагментов открытых светильников с коническим выступом в центре дна. Плечи, рожок и выступ таких светильников иногда декорированы полосами лака. Этот тип ламп также очень часто встречается на античных памятниках Греции и Северного Причерноморья, датируется концом VI – первой половиной V вв. (Журавлёв и др., 2005, кат. № 17, 18; Журавлёв и др., 2007, с. 41; Шейко, Чепкасова, 2013, с. 322).

Таким образом, рассмотренные находки из раскопок 6-й поперечной улицы существенно дополняют наши представления о составе ранней керамической коллекции Херсонеса. Некоторые типы столовых сосудов были отмечены для этого памятника впервые. Подчеркнём, что верхняя граница бытования описанных сосудов охватывает начало – первую четверть V в. Это подтверждает высказанное ранее в литературе мнение о начале формирования массовой керамической коллекции и постоянной жизни на городище не ранее середины первой четверти этого столетия (Буйских, 2006, с. 275).

ЛИТЕРАТУРА

Буйских А.В. Херсонес Таврический в VI в. до н.э.: реальность историческая или археологическая? // АМА. 2006. Вып. .

Буйских А.В. Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации). К., 2013.

Вдовиченко И.И., Рыжов С.Г., Жесткова Г.И. Античная расписная керамика VI– IV вв. до н.э. из Северного и Северо-Восточного районов Херсонеса (раскопки С.Г. Рыжова в 1976–2010 гг.) // Херсонесский сборник. 2012. Вып. 17.

Журавлёв Д.В. Быковская Н.В., Желтикова А.Л. Светильники VI – первой половины III вв. до н.э. К., 2007.

Зайцева К.И. Кубки V–IV вв. до н.э. из Ольвии // ТГЭ. 1972. Вып. XIII.

Кутайсов В.А. Керкинитида в античную эпоху. К., 2004.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М., Саратов, 2003.

Сидорова Н.А. Архаическая керамика из Пантикапея // МИА. 1962. Вып. 103.

Шейко І.М. Ранні світильники з Ольвії (VI–V ст. до н.є.) // Археологія. 2013. № 1.

Шейко І.М., Чепкасова М.І. Античні світильники у зібранні Миколаївського краєзнавчого музею // IX Миколаївська обласна краєзнавча конференція. Миколаїв, 2013

Sparkes B.A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6, 5, 4 centuries B.C. The Athenian Agora. Vol. XII. New Jersey – Princeton. 1970.

Рыжов С.Г. Отчёт о раскопках в Херсонесе, Северо-Восточный район, VI поперечная улица. 1977 г. // НА ФГБУК ГИАМЗ «Херсонес Таврический», Д. № 2130.

Рыжов С.Г. Отчёт о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1978 г. // НА ФГБУК ГИАМЗ «Херсонес Таврический», Д. № 2133.

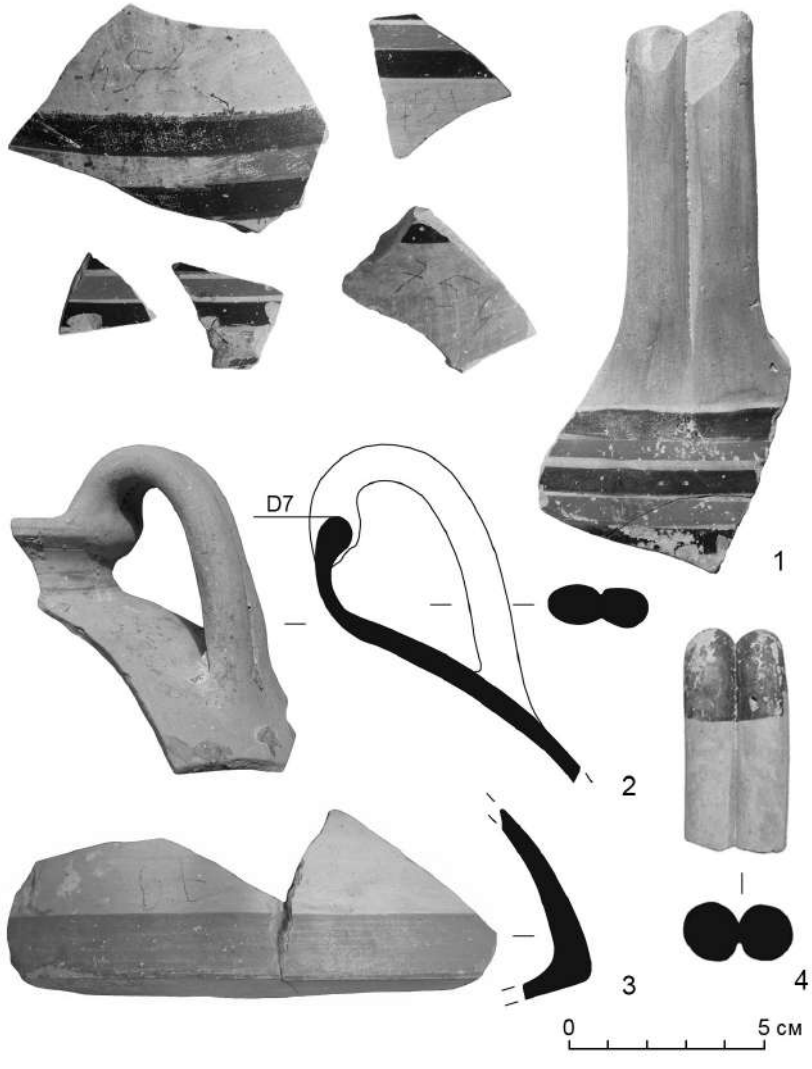


Рис. 1. Находки из раскопок 6-й поперечной улицы Херсонеса.
1 - фрагменты североионийской столовой амфоры; 2, 3, 4 - фрагменты грибовидных кувшинов.

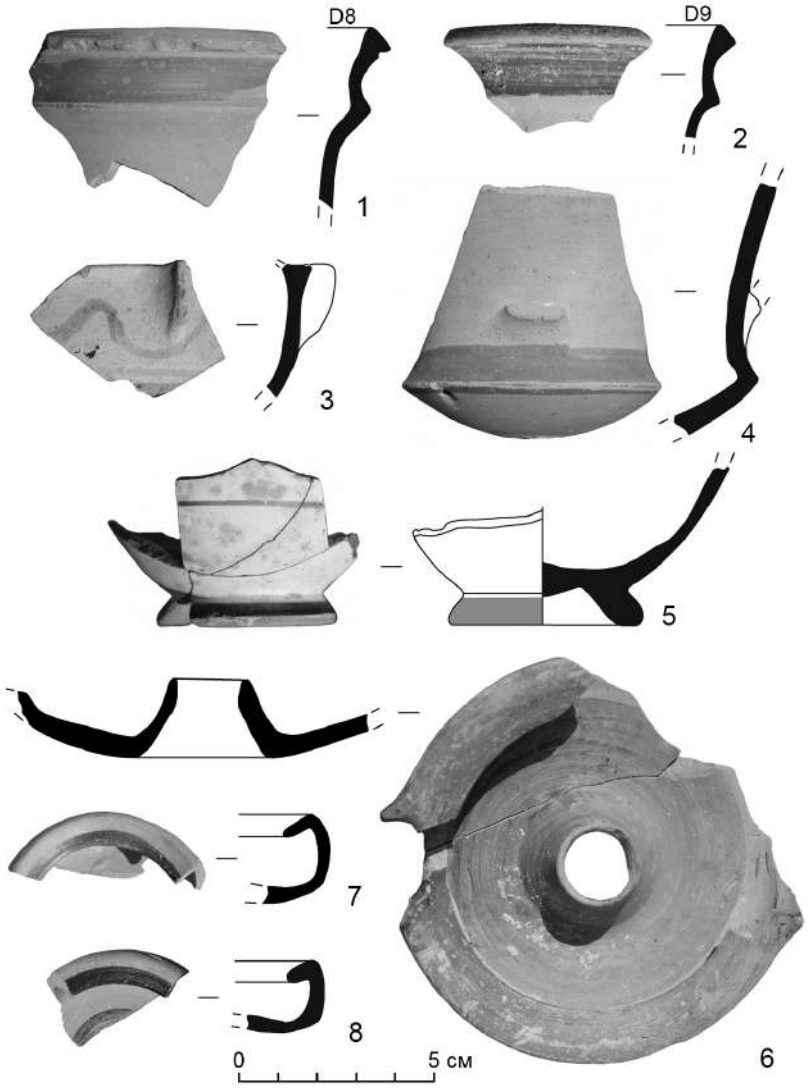


Рис.2. Находки из раскопок 6-й поперечной улицы Херсонеса.
1,2 - фрагменты столовых амфор; 3 - закраина леканы; 4 - фрагмент ольвийского кубка; 5 - фрагмент хиосского сосуда; 6-8 - фрагменты открытых светильников.

СЕЙДАЛИЕВ Э.И., КАДЫРОВ Р.Р.
(Симферополь)

«ОТ КОЧЕВИЙ К ... ПОСЕЛЕНИЯМ»: О ПЕРЕХОДЕ К ОСЕДЛОСТИ ТРАДИЦИОННОГО КОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ КРЫМСКОГО ХАНСТВА

Золотоордынское государство состояло из двух компонентов – кочевого и оседлого. Ко времени распада Улуса Джучи на территории Крымского полуострова уже существовала земледельческая культура, сформировавшаяся благодаря переходу к оседлости. Прежние родовые общины татар трансформировались в сельские, а главы татарских родов, кроме своего политического влияния, приобрели еще территориальные владения, сформировав на полуострове особый тип землевладения – бейлик [Лашков, 1985, с. 58]. После распада Золотой Орды, территория новообразованного Крымского ханства имело небольшую плотность населения, и поэтому одним из аспектов внутренней политики крымских ханов было стремление переселить на территорию ханства племена, кочевавшие по просторным степям Восточной Европы с целью их дальнейшего перевода к оседлому образу жизни. Процесс этот был крайне сложен и требовал от ханов значительных усилий. Так, по сообщению шведского историка И. Тунманна во времена прихода к власти Менгли Гирея (1467-1515) полуостров был малонаселен. Он же сообщает, что в результате войн за ордынское наследство, Менгли Гирей приводит в Крым большое количество кочевников-ногайцев, в целях заселения их на новых территориях [Тунманн, 1936]. Хан Сахиб Гирей (1532-1550 гг.) стремился заселить Крым кочевниками путем наделения их земельными уделами, а тех, кто противился переходу к оседлому образу жизни, хотел принудить к этому силой. Для привлечения кочевников к оседлости хан выстраивает для них ряд мечетей в местах, сопредельных с Буджаком. Наряду с традиционными местными кланами Ширин, Барын, Аргин и Кипчак он возвышает пришлый род Седжеут и Мансур, присоединяя к ним племя Ходжа-Атай [Смирнов, 2005,

с. 413-414, Лашков, 1895, с.58]. Целью этих мероприятий было не только усиление военной мощи ханов и создание противовеса традиционным крымским кланам, но и стремление к более эффективному управлению над населением, т.к. управлять кочевниками было намного сложнее. Тем не менее, несмотря на все усилия администрации, мы не можем говорить о резкой смене традиционного образа жизни кочевников. По свидетельствам польского посла в Крыму Мартина Броневского, находившегося в Крыму в 1570-х годах, ногайцы жили в хижинах из тонких деревьев, однако в летне-осеннее время они откочевывали за Перекоп на обширные равнины [Броневский]. По мнению В. Грибовского, для упрочения власти крымских ханов за пределами полуострова строили крепости (Очаков, Перекоп, Арабат и др.), они же позволяли контролировать кочевое население. Он же отмечает, что седентаризация внутри Крыма происходила эффективней, чем в остальных регионах Крымского ханства. К середине XVI столетия ногайцы, в частности племена мангъытов, потеряв контроль над преднепровской степью, откочевывают на полуостров. Сумев занять прочную позицию в Крымском ханстве и войдя в число карачи-беев под названием Мансуроглу, они все же контролировали миграционные потоки ногайских орд с постепенным включением их в орбиту своего влияния [Грибовский, 2014, с. 277, 279].

Причиной большого притока кочевников на земли крымского ханства с середины XVI века можно считать преследования Большой Ордой отделившихся групп ногайцев, которые откочевали сначала под защиту турецкой крепости Азов, а позднее, в результате усобиц, огромная часть ногайцев переселилась в Перекопские степи.

Согласно исследованиям турецкого историка Омера Быйика клан «Мансуроглу» мигрировал на территорию полуострова в XVI веке и расположился в его северной части. В своей работе «Osmanli Yonetiminde Kirim» (1600-1774)» он приводит список из 22 селений, которые в XVII-XVIII принадлежали этому родовому объединению и довольно размыто упоминает о их локализации в северных причерноморских районах Крымского полуострова [Omer Biyik, t.33]. Ф.Ф. Лашков, изучавший вопросы татарского землевладения, приводит данные списка, поданного в Таврическое Дворянское Депутатское Собрание в 20-х годах XIX столетия, и говорит о расселении клана Мансур. Он отмечает, что они до сих пор в большом количестве живут в евпаторийских степях [Лашков, 1895, с. 5]. В доказательство своего происхождения «Мансуроглу» предоставили два ярлыка, выданные Девлет Гиреем о жаловании им 32 деревень. Ко времени

присоединения Крыма к России, Ф.Ф. Лашков фиксирует владения клана Мансур в количестве 15 000 десятин земли и перечисляет их владения: Нурали, Так-Шейх, Конжалай, Тубинджи, Абай, Карачи, Урлюк, Бакал и другие, которые можно определить как традиционные ногайские деревни [Лашков, 1895, с.58].

Всего же за исключением клана «мансур» насчитывалось около 140 родоплеменных подразделений ногайцев, среди них: Бурлак, Кипчак, Китай, Кограт, Кара-Кипчак, Минг, Найман, Уйшун [Трепавлов, 2014, с. 781]. По приведенным данным Омера Быйика по всей территории Крымского ханства расселилось 65 таких родоплеменных подразделений. В письменных источниках содержится достаточно мало информации о локализации ногайский поселений, однако исходя из топонимов, отраженных на картах, можно сделать вывод о том, что вся северо-западная часть полуострова была занята ногайскими поселениями. На картах Крыма 1847 и 1924 года достаточно подробно отображаются все имеющиеся поселения, сохранившие старые тюркские названия. На них мы можем встретить селения, о которых мы упоминали ранее, так и множество поселений, названия которых позволяют их отнести к числу так или иначе принадлежавших ногайским родам. Например: Седжеут, Конрат, Найман, причем некоторые из них могут дублироваться, находясь в разных районах. К примеру, одно поселение Уйшун фиксируется на территории нынешнего Раздольненского района, а другое возле совр. Красноперекопска в районе села Ишунь (совр.). Топонимы «Конрат» и «Туркмен» встречаются как в северной части полуострова, так и за Перекопом, в районе Азовского побережья. Топоним «Найман», как и некоторые другие, встречаются и в крымских сиджилях (сборниках документов мусульманского права). Например, в одном из документов фигурирует сделка о продаже земли в округе Половинный Чонгар, примыкающая к «общине Найман», что опять же свидетельствует о наделении землей кочевников-ногаев. Более того, эти территории входили в специальный судебный округ – Нысф Чонгар [Рустемов, 2017, с. 124]. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что вся северная и северо-западная часть степного Крыма традиционно была заселена ногайцами. А количество стационарных поселений на картах 1847 и 1924 гг. в этом регионе, подтверждают гипотезу о постепенном переходе к оседлости это кочевой категории населения Крымского ханства. Детализация и конкретизация данных тезисов предполагает в дальнейшем проведение археологических изысканий, которые могут подтвердить данные письменных источников и картографии, а так же помогут локализовать древние

поселения в степной части Крыма.

ЛИТЕРАТУРА

Biyik Ö. Osmanli yönetiminde kirim (1600-1774). Izmir: 2007.

Броневский М. Описание Татарии [электронный ресурс] // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVI/Bronevskij/frametext.htm (дата обращения: 16.02.2018)

Генеральная карта Полуострова Крым. Военно-топографическое депо, 1847 г. [электронный ресурс] // http://www.archmap.ru/mapopis.htm (дата обращения: 16.02.2018)

Грибовский В. Причерноморские ногаи // История татар. Том IV. Татарские государства XV–XVIII вв. – Казань: Институт истории АН РТ. 2014.

Карта Крыма. Крымское Центральное Статистическое Управление, 1924 г. [электронный ресурс] // http://www.archmap.ru/mapopis.htm (дата обращения: 16.02.2018)

Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения (продолжение) // ИТУАК № 22. – Симферополь: типография таврического губернского правления, 1895.

Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения (продолжение) // ИТУАК № 23. – Симферополь: типография Таврического губернского правления, 1895.

Рустемов О. Кадиаскерские книги Крымского ханства: исследования, тексты, переводы. Симферополь. 2017.

Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты в двух томах/ под ред. С.Ф. Орешкова. М. 2005.

Трепавлов В.В. Ногаи // История татар. Том IV. Татарские государства XV–XVIII вв. – Казань:Институт истории АН РТ, 2014.

Тунман И. Крымское ханство / Пер. с нем. Л. Н. Эрнста и С. Л. Белявской. Симферополь: государственное издательство крымской АССР, 1936. [электронный ресурс] // http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Tunmann/frametext.htm (дата обращения: 16.02.2018)

СЕЙДАЛИЕВ Э.И.
(Симферополь)

ГОРОД И ТРАДИЦИОННАЯ КОЧЕВНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НА ПРИМЕРЕ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО СОЛХАТА ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

Традиционным считается мнение, что кочевые государства не имели и не создавали своих городов. Все города либо были завоеваны кочевниками, либо появлялись уже в результате перехода их к оседлости. В то же время, Золотая Орда, которая рассматривается в современной литературе, как кочевое государство, в подавляющем большинстве случаев исследуется именно по археологическим раскопкам городов [Зиливинская, Васильев, 2016, с. 633]. И в данном случае речь идет не только о завоеванных монголами городах в Европе и Азии (города Волжской Булгарии, Хорезма, Крыма и др.), но и возникающих на новых местах городских центрах таких как: Старый и Новый Сараи или Солхат-Крым. Причины и факторы возникновения городов в Улусе Джучи разнятся в зависимости от регионов и обстоятельств возникновения (военный лагерь, ставка хана или темника, караванная торговля и т.д.). Таким образом исследователи выделяют два пути в возникновении и развитии городов: степной и автохтонный [Зиливинская, Васильев, 2016, с. 637]. При этом отмечается, что в чистом виде эти пути нигде не представлены, поскольку культура Улуса Джучи формировалась именно в результате симбиоза степной и оседлой частей населения государства. На наш взгляд, именно Солхат в полной мере подтверждает этот тезис, поскольку возникает как типичный монгольский город в регионе, где уже достаточно долго существуют города с традиционными принципами формирования и градостроительства. Тем не менее, Солхат изначально появляется не как укрепленное поселение (типа приморских городов или городов-крепостей юго-западного Крыма). По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, формирование городов Золотой Орде происходило по примеру возникновения городов в Монголии.

Описание строительства Каракорума достаточно детально приводится Рашид ад-Дином. В то же время такой принцип вряд ли применим к возникшему в юго-восточном Крыму Солхату. Так как большинство городов, возникает в первые десятилетия XIV в., то, по обоснованному мнению Э.Д. Зиливинской этот процесс связан с градостроительной политикой ханов Узбека и Джанибека, а рост городов связан с принятием мусульманства, как государственной религии. Э.Д. Зиливинская связывает этот фактор с ролью хорезмийского купечества [Зиливинская, 2012, с. 157]. Как нам кажется не менее решающим фактором тут была так же и торговля, которая в Крыму все больше принадлежала итальянским купцам, и необходимо рассматривать несколько факторов, приведших к расцвету городов, не ограничиваясь религией. В данном случае и возникновение и расцвет Солхата явление уникальное и с точки зрения традиционного крымского градостроительства, и для традиционного монгольского. Причин этому, как нам кажется несколько:

1. Город возникает, хоть и на периферии джучидского государства, но все же на территории относительно спокойной в военно-политическом плане. Джучиды уверены в своих силах и нет смысла строить оборонительные сооружения – нет потенциально опасного врага (появление в позднейшее время вала и рва, а так же крепостных стен связано в первую очередь с позднейшим кризисом в государстве) [Сейдалиев, 2016, с. 277-278].

2. Солхат создается, на крупнейшем пути караванной торговли, что обусловило его быстрой рост и развитие, причем создается он не на побережье, как город-порт, а именно в глубине полуострова, по мнению М.Г. Крамаровского - как таможенный пункт (или ям !?).

3. Город возникает, по сути, на стыке степи и крымских гор, что в совокупности с наличием где-то поблизости (в одном дне пути) кочевой (!) ставки крымского наместника [Сидоренко, 2016, с. 88; Тизенгаузен, 1884, с.63] демонстрирует «степные» традиции в градостроительстве. Именно близость степи и контроль за путями к двум ведущим торговым факториям обусловили выбор места для таможенного пункта.

В городской культуре Солхата, одной из основных линий была именно тюркская [Крамаровский, 2012, с. 126] – кипчакская и сельджукская. Об этом говорят и возникновение в Крыму (вероятно в Каффе) «Codex Cumanicus» и присутствие среди населения большого количества кипчакского компонента, а так же то что одним из наместников Крыма был кипчак Табук. Находят отражение кипчакские влияния на городскую культуру Солхата и в особенностях эпиграфики золотоордынского Крыма и в формировании тюркской модели ислама и в тюркских надписях на ходивших тут монетах «Сорок восемь – один йармак» [Крамаровский, 2012, с. 57, 127-128].

Во многом инновационным вкладом в традиционную кочевническую культуру Золотой Орды, становится строительство оборонительных укреплений вокруг Солхата. М.Г. Крамаровский, отмечает феноменальность строительства городских стен, укрепленных 65 башнями, с точки зрения оборонительного комплекса в Крыму и в Золотой Орде [Крамаровский, 2012, с. 228].

Таким образом, создание средневекового золотоордынского города в юго-восточном Крыму в полной мере раскрывает взаимное проникновение чуждых элементов оседлости в кочевую культуру, а в свою очередь, город, как ярчайший признак оседлости, вмещает в себя признаки кочевой культуры Дашт-и Кипчака. В заключение отметим, что решение поставленного вопроса во многом зависит от дальнейшего археологического изучения административного центра золотоордынского Крыма и его округи.

ЛИТЕРАТУРА

Зиливинская Э.Д. Васильев Д.В. Города Золотой Орды // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань. 2016. С. 633-664.

Зиливинская Э.Д. Структура золотоордынских городов во времена хана Узбека // Ислам и власть в Золотой Орде. Казань, 2012. С. 154-177.

Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб. 2012. 496 с.

Сейдалиев Э.И. Военное дело Золотой Орды // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань. 2016. С. 264-287.

Сидоренко В.А. Из исторической топографии предыстории Крымского ханства // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ИМПЕРИЯ И ПОЛИС // Материалы научной конференции. VIII-й Международный Византийский Семинар (Севастополь-Херсонес 30.05-4.06. 2016). С. 87-90.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1. Извлечения из сочинений арабских. СПб. 1884.

Федоров-Давыдов Г.А. Исторические особенности городов в мон-

гольских государствах Азии XIII-XIV вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983. С.215-220.

СЕЙДАЛИЕВА Д.Э.
(НИЦИАК КФУ, Симферополь)

КЕРАМИКА КАК ИНДИКАТОР ИННОВАЦИЙ В ТРАДИЦИОННОЙ КОЧЕВНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (НА ПРИМЕРЕ НАХОДОК С ПОСЕЛЕНИЯ «СТАРЫЙ ФОНТАН»)[1] [2]

Рассматриваемое средневековое поселение Старый Фонтан (Мелек) находится в 0,27 км к юго-востоку от с. Некрасово Белогорского района Республики Крым, у подножия северного склона горного массива Кубалач. До 1948 г. с. Некрасово носило название Мелек. Одно из его первых упоминаниях встречается в «Ведомости о выведенных из Крыма в Приазовье христианах» А.В. Суворова от 18 сентября 1778 года [Ведомость … от 1778 г.]. В книге «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 годах» П.С. Паллас писал о поместье, «…которому также принадлежат две татарские деревни, одна русская и одна ногайская, называемая Мелек, имеющая пятьсот человек населения» [Паллас, 1999, с. 113]. На карте 1842 года, на почтовой дороге из Карасубазара в Феодосию, обозначен трактир Мелек у Фонтана, который в «Списке населенных мест Таврической губернии по сведениям 1864 года» уже не фигурирует. На картах 1842 и 1865 гг. рядом с с. Мелек имеется хутор Фонтан. Во избежание неясностей в дальнейшем исследователям предлагается именовать обнаруженное средневековое поселение по наименованию хутора зафиксированного тут на картах 1924 г. – «Старый Фонтан», а поселение раннего железного века – «Мелек».

В ходе исследований 2016 г. на памятнике было раскопано три

[1] *Публикация выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5156. 2017/БЧ по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты».*

[2] *Автор выражает признательность Э.И. Сейдалиеву и Ю.П. Зайцеву за возможность публикацию этих материалов.*

участка. Материалы рассмотренные в данных тезисах были обнаружены на участке № 3. За центр раскопа на этом участке был принят геодезический репер опоры, от него по оси север-юг был разбит раскоп со сторонами 10х10 м, что составило в общей сложности четыре квадрата со сторонами 5х5 м. Последовательное изучение слоя дерна и ниже залегающих горизонтов до скалы подтвердило наличие здесь культурного слоя мощностью от 0,5 до 1,2 м. Анализ стратиграфии северного борта раскопа показал, что накопление культурного слоя происходил в два этапа – первый (наиболее ранний) связан со слоем светлого золистого суглинка на скале мощностью 0,2-0,3 м, второй – со слоем золистого гумуса мощностью 0,6-0,8 м. Культурные горизонты разделяет прослойка темного гумуса толщиной 0,15 м. Слой золистого гумуса максимально насыщен гончарной керамикой, среди которой преобладали фрагменты столовой посуды с поливным покрытием разных цветов и орнаментацией, также было найдено несколько фрагментов плоскодонных красноглиняных амфор. Поливная керамика, найденная на поселении, демонстрирует большое разнообразие посуды различного происхождения, включая хорошо известные археологические группы и типы. Одновременно с этим материалом были обнаружены многочисленные железные, бронзовые и серебряные изделия: гвозди, ослиные подковы, механизмы дверных замков, пряжки, ножи, серп, перстни и их фрагменты, монеты.

Монеты датируются в пределах XIV в. Первая монета представляет собой пул 726 г.х. (1326 г.) или 772 г.х. (1370 г.) выпуска, чеканенный на монетном дворе г. Сарая. На одной стороне расположен двойной картуш из точечной (внешней) и сплошной концентрических окружностей. Внутри, в центре, надпись: «Высочайшее появление», вокруг, вдоль внутренней окружности, еще одна надпись: «16 пул – данник». На обратной стороне расположен двойной картуш из точечной (внешней) и сплошной концентрических окружностей. Внутри, в центре, рисунок птицы влево, голова развернута вправо, над спиной три небольших круга, расположенных треугольником. Вокруг, вдоль внутренней окружности надпись: «Бита в Сарае, 726». Вторая монета датируется серединой XIV в. На ней, с одной стороны, имеется орнамент в виде цветочной розетки, обратная сторона стерта. Третья монета представляет собой данг 720 г.х. (1320/1321 гг. н.э.). Чекан монетного двора г. Крым. На одной стороне, в нижней части – тамга дома Бату и надпись «Султан Мухаммед Узбек Хан, да будут победы его славны». На другой стороне – два картуша из сплошной окружности. Во внутреннем картуше надписи символ веры. Между картушами, по кругу,

надпись: «[Бита (в) богохранимом Крыму в году семьсот двадцатом]». Надчекан «хан». Золотая Орда, время правления хана Узбека (1313-1341).

В целом анализ нумизматического материала позволяет датировать нижний горизонт зольника 20-30 гг. XIV в. и связать его с крупным поселением, существовавшим на берегу водоносной балки в эпоху развитого средневековья.

Среди находок глазурованной керамики из слоя золистого гумуса выделяются многочисленные полихромные чаши с орнаментом в технике «сграффито» и «шамплеве» (группа «Polychrome Sgraffito Ware»), чаши с подглазурной росписью белым ангобом под коричневой, желтой или зеленой глазурью (группа «Slip-Painted Ware»), чаша с гравировкой по светлому ангобному покрытию под монохромной желтой глазурью (группа «Monochrome (Yellow) Sgraffito Ware») и др. Существует предположение, что подобные изделия изготавливались на территории Юго-Восточного Крыма [Тесленко, 2012, с. 495-564; Тесленко, Сейдалиева, 2016, с. 85-90]. Импорт представлен находками фрагментов сероглиняного штампованного кувшина, вероятно, из Поволжья и двух доньев на кольцевом поддоне от сосудов, изготовленных в одном из производственных керамических центров Византийской империи.

Фрагмент стенки сероглиняного сосуда со штампованным орнаментом (рис. 1). Кувшин покрыт тиснением в виде чешуек («кольчужный орнамент»). Если брать за основу классификацию Г.А. Федорова-Давыдова [Федоров-Давыдов, 1994], то, вероятней всего, такой вид кувшина можно отнести к так называемому типу IV, варианту II одноручных кувшинов (ручка уплощенная в сечении), с приплюснутым туловом, узким горлом и зауженным венчиком, на низком кольцевом поддоне. Орнамент с чешуей возле кольцевого поддона обычно сопровождался в сюжете с растительными мотивами и арабской надписью в верхней части; на месте соединения двух частей кувшина были расположены параллельные концентрические линии. Производство таких сосудов в Поволжье является прямым подражанием хорезмским кувшинам, либо такие изделия следует рассматривать как работу хорезмских мастеров, привезенных из Средней Азии в Зодотую Орду [Вактурская, 1959]. Плано Карпини упоминает о том, что в золотоордынские города свозились со всех покоренных земель востока, запада и юга наиболее квалифицированные специалисты [Путешествие…, 1957, с. 58].

Византийские чаши типа «Elaborate Incised Ware» отличаются тонкостенностью (3–4 мм). Черепок, как правило, кирпично-красного или

оранжево-красного цвета [Тесленко, 2014, с. 110]. Единственной заметной устойчивой примесью в формовочной массе являются частицы мелкозернистого песка. Ассортимент представлен двумя видами, различными по орнаменту. Это небольшие чашечки с сегментовидным туловом на низкой ножке. Т.к. от чаш сохранилась только центральная часть сосуда на кольцевом поддоне, то лишь по прямым аналогиям мы можем предполагать общий размер чаш – диаметр 10–12 см и высота 5–6 см. Орнаментация изделий достаточно стандартна. На маленькой питьевой чашечке на ножке встречаются изображения в технике «резерва» в виде разнообразных цветков в сочетании с геометрическими мотивами [Бочаров, Масловский, 2012, с. 33]. По классификации А. Кузева [Кузев, 1984], это третий тип, подтип 2 (рис. 2,1). Представлен чашами с орнаментом, основу которого составляет пяти или шестиконечная звезда с вписанным в нее пятилепестковым цветком или округлым пятном в центре [Бочаров, 2005, с. 308]. Такие чаши известны в Варне [Кузев, 1984, рис. 14], Херсонесе [Залесская, 2011, с. 186-187, 189; рис. 391, 393, 400], Белгороде-Днестровском [Кравченко, Столярик, 1983, с. 186], Калиакре [Бобчева, 1979, табл. III, 30], Константинополе [François, 2005, p. 204-205, fig. 2 (1-5; 7-14)], Фессалониках, на Крите [Wroom, 2005, p. 122-123, 8.2; 8.4], в Афинах, Никее [Тесленко, 2014, с. 111] и др.

Вторая чаша (рис. 2,2) орнаментирована также в сочетании растительного и геометрического мотивов. На фоне ромба изображена четырехлепестковая розетка. Здесь сочетание выемчатой техники и тонкой гравировки в нанесении орнамента создает рельефность лепестков. Темный фон вершин ромбов дополняет контрастность светлой орнаментальной полосы, заполненной двумя параллельными линиями, между которыми - мелкая вертикальная штриховка. Столь насыщенная и тонко исполненная орнаментальная композиция характерна для византийской и варненской поливной керамики XIII-XIV в. Такие чаши были найдены при раскопках Костантинополя [François, 2005, p. 204-205, fig. 2, 16], Фессалоник, Крита [Wroom, 2005, p. 122-123, 8.4], Белгорода-Днестровского [Кравченко, Столярик, 1983, с. 186], Афин, Никеи, Эфеса, Калиакры [Тесленко, 2014, с. 111] и др.

Производство керамики типа «Elaborate Incised Ware» связывают с Константинополем; в 2007 году при раскопках Стамбула выявлены остатки гончарной мастерской периода правления династии Палеологов [Тесленко, 2014, с. 111]. В этой керамике довольно распространенным мотивом является изображение плетенки, где сочетаются как растительные, так и

геометрические элементы. Такой вид орнамента связан с керамическими традициями Востока, в частности Ирана [Якобсон, 1950]. Различные конфигурации сплетений двойных полос в центре композиции образуют многоугольное декорированное поле. Композиция выполнена в выемчатой технике.

Таким образом, среди находок с поселения «Старый Фонтан» присутствуют предметы, прямые аналогии которым встречаются на памятниках с оседлой материальной культурой. Наличие среди находок сероглиняной тисненой керамики, произведенной в Поволжье, говорит о проникновении в самобытную кочевническую ремесленную традицию среднеазиатских элементов, в первую очередь на уровне производства (ремесленное подражание или привлечение хорезмских мастеров) и модных тенденций в столовой керамике. Этот же факт говорит о прочных внутриэкономических связях между регионами Улуса Джучи. Византийская импортная керамика на крымских памятниках золотоордынского времени также иллюстрирует торгово-экономические связи в средиземноморско-черноморском бассейне. Кроме того, импорт византийской керамики в типичные золотоордынские поселения отображает новые модные тенденции кочевнического общества Золотой Орды. Внедрение инноваций в традиционную ремесленную среду и быт кочевого населения Золотой Орды является одним из важнейших аспектов формирования этой многокомпонентной и многообразной культуры Евразийского региона.

ЛИТЕРАТУРА

Белинский И.В., Масловский А.Н. Импортная поливная керамика Азака (XIV в.) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Киев: Стилос, 2005. С. 160-177.

Бобчева Л. Сграффито керамика от Калиакра // Известия на народен музей Варна. – 1979. – Т. XV. – Табл. III, 30.

Бочаров С. Г., Масловский А. Н. Византийская поливная керамика в городах Северного Причерноморья золотоордынского периода (вторая половина XIII — конец XIV вв.) // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 20-36.

Бочаров С.Г. Группа взантийских поливных чаш второй половины XIV в. // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв.: Сб. науч. Трудов. Т. I. – К.: ИД «Стилос», 2005. - С. 306-323.

Вактурская, Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) / Н. Н. Вактурская ; под. ред. С.П. Толстова // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. : М., 1959. – Т. IV. – С. 261–342.

Ведомости о выведенных из Крыма в Приазовье християнах…от 18 сентября 1778 года [Электронный ресурс] // http://www.azovgreeks.com/gendb/rus/dzuha/5-app-3.htm (дата обращения: 11.02.2018).

Залесская В. Н. Памятники византийского прикладного искусства. Византийская керамика IX-XV вв. Каталог коллекции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. 256 с.

Кравченко А.А., Столярик Е.С. Керамика византийского круга из Белгорода XIII-XIV вв. // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Сборник научных трудов. Киев. – Наукова думка, 1983 – С.179-191.

Кузев А. Средневековна сграфито керамика. Буклет. – Варна, 1984, рис. 14.

Науменко В. Е., Душенко А. А. Византийская глазурованная керамика из раскопок Дворца правителей княжества Феодоро (Мангуп): по материалам исследований 2006-2010 гг. // Поливная керамика Причерноморья — Средиземноморья как источник по изучению ви- зантийской цивилизации. Тез. докл. междун. науч. семинара. Севастополь, 2014. С. 93-95.

Петр Симон Паллас. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 годах / Пер. с нем. – М.: Наука, 1999. – 246 с., ил. – (Науч. наследство; Т. 27)

Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука [Электронный ресурс]. М., 1957. – Режим доступа: (дата обращения: 20.01.2018)

Тесленко И. Б. Византийская керамика группы «Elaborate Incised Ware» из усадеб XIV в. городища Луста (современная Алушта, Крым) // Поливная керамика Причерноморья-Средиземноморья как источник по изучению византийской цивилизации. Тез. докл. междун. науч. семинара. Севастополь, 2014. С. 109-115.

Тесленко И. Б. Одна из гончарных традиций Таврики XIV-XV вв. (керамика группы Юго-Западного Крыма) // История и археология Крыма. Симферополь, 2014. Вып. I. - С. 495-564.

Тесленко И.Б., Сейдалиева Д.Э. Гончарное производство и керамический импорт Крыма конца XIII- начала XV вв. // Крым в Золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки – Симферополь: ООО «Издательство «Тарпан», 2016 – С. 85-106

Федоров-Давыдов, Г. А. Золотоордынские города Поволжья / Г. А. Федоров-Давыдов. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1994. – 228 с.

Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.). М-Л.: 1950 – 260 с. + 40 табл.

François V. Elaborate Incised Ware: un témoin du rayonnement de la culture byzantine à l'epoque Paléologue // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья XXVIII вв. Киев: Стилос, 2005. – С. 195-208.

Vroom J. Byzantine to Modern Pottery (7th to 20th Century). An introduction and Field Guide. Bijleveld: Parnassus Press, 2005. – 223 p.

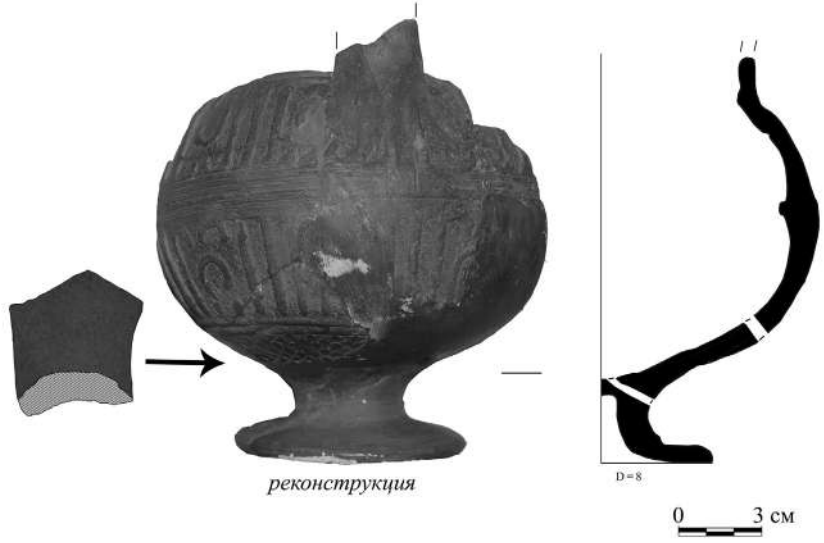


Рис. 1. Фрагмент со сероглинянного штампованного сосуда, найденный на поселении «Старый Фонтан» (центр изготовления — Поволжье).

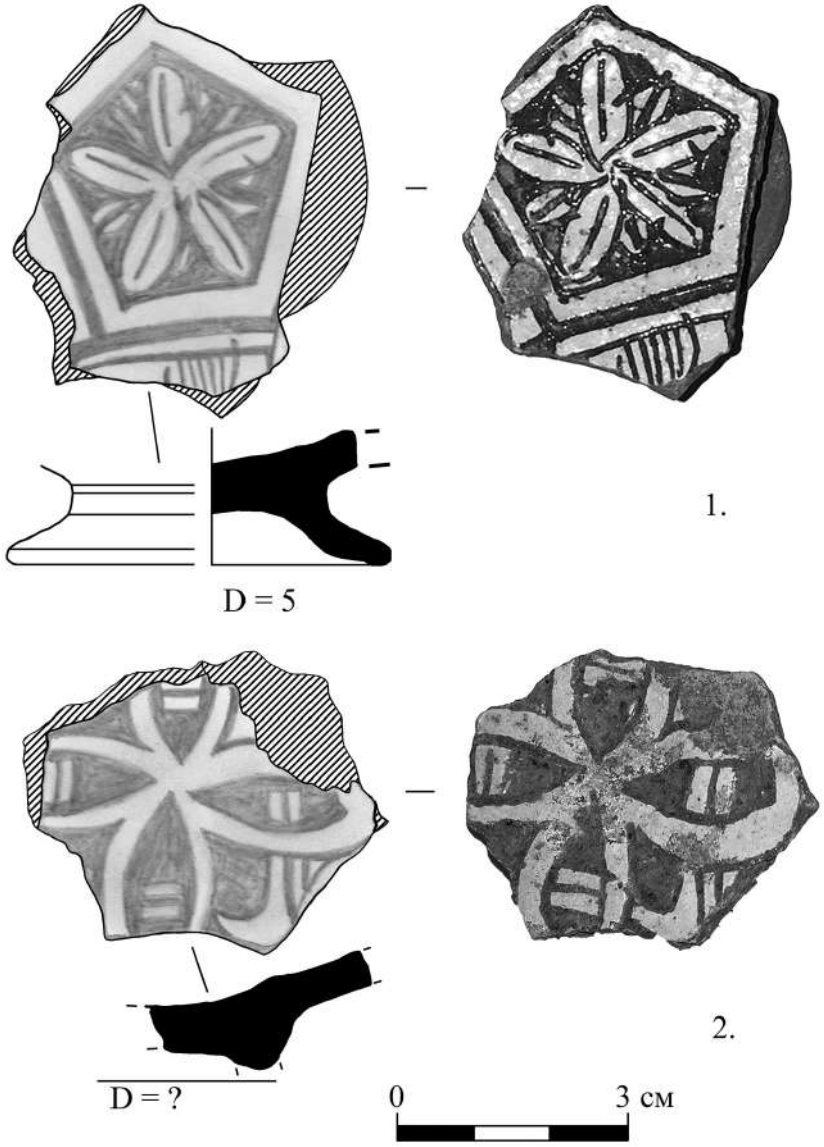


Рис. 2. Византийские чаши типа «Elaborate Incised Ware», найденные на поселении «Старый Фонтан»/

СЕНАТОРОВ С.Н.
(Гос.Эрмитаж, С-Петербург)

ПОГРЕБЕНИЕ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ НА НЕКРОПОЛЕ АНТИЧНОЙ ТИРИТАКИ: (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК О.Д. ЧЕВЕЛЕВА В 1986 Г.)[1]

Находки эпохи ранней бронзы сравнительно редко, но все же встречаются при археологических раскопках большинства крупных античных городов Европейского Боспора [Молева, 2002, с. 200]. В частности, в 1930-х гг. при раскопках античной Тиритаки В.Ф. Гайдукевичем были найдены две каменные антропоморфные стелы «скорее эпохи развитой бронзы», которые были использованы греческими колонистами в качестве строительного материала [Гайдукевич, 1937, с. 219-220, рис. 3] или жертвоприношения Зевсу [Молева, 2012, с. 70-71, 175, рис. 2] в кладке № 106 крепостной стены раннеклассического времени [Книпович, Славин, 1941, с. 38-39, рис. 50-51]. Тиритакские стелы А.А. Щепинский первоначально связывал с памятниками культового назначения ямной или раннекатакомбной культуры [Щепинский, 1958, с. 147], а позднее с ямной культурой эпохи ранней бронзы III - начала II тыс. до н.э. [Щепинский, 1963, с. 42, 44, рис. 4,6-7; Щепинський, 1973, с. 23, рис. 2,8]. К памятникам кеми-обинской культуры конца III - начала II тыс. до н.э. отнес эти стелы А.М. Лесков [Лесков, 1968, с. 4-5]. В начале 21 века Г.Н. Тощев включил рассматриваемые стелы в круг погребальных памятников позднеямной культуры Крыма, которые датирует 2600/2500 – 2200 гг. до н.э. [Тощев, 2007, с. 88, 92, 208, рис. 42,1-2].

Кроме того, необходимо отметить находки на различных участках античного городища обломков каменных орудий, связываемых В.Ф. Гайдукевичем с существованием на месте Тиритаки местного варварского поселения эпохи поздней бронзы II – начала I тыс. до н.э. [Гайдукевич, 1952,

[1] *Статья посвящается светлой памяти Керченского археолога Олега Дмитриевича Чевелева (14. 06. 1952 – 04. 06. 2011 г.).*

с. 25, 27, 74, 106-108, рис. 17,1-4].

Новые материалы догреческого времени, были получены О.Д. Чевелевым в 1986 г. в результате археологических раскопок на территории южной части курганно-грунтового некрополя, расположенного к западу тиритакского городища [Чевелев, 1989, с. 127][2]. В частности, здесь было открыто погребение эпохи ранней бронзы [Чевелев, 1987, рис. 18, 20-21, п/о 22-24, КП 109579-109582].

Погребение № 42 (рис. 1,1) было совершено в подпрямоугольной яме с дуговидно выгнутой ЮЗ стенкой и тремя закругленными углами, ориентированной на СЗ-ЮВ. Яма размером 1,35 х 0,9-1,0 м была впущена в материковый суглинок на 0,1 м. Перекрытие погребения не прослежено. В яме на глубине 1,22 м от репера находился плохо сохранившийся скелет взрослого человека. Судя по расположению отдельных костей, костяк лежал в скорченном положении на правом боку черепом на СЗ. Ноги сильно поджаты. Кисть одной руки находилась у лицевой части черепа. Другая рука была, вероятно, опущена к коленям. К северу от тазовых костей был найден комок охры (1), а к югу от них – лежал на боку лепной сосуд (2), устьем направленный к СВ стенке ямы. К югу от костяка ближе к ЮЗ углу ямы находились два кремневых осколка (3) и костяная проколка (4).

1. **Охра** встречается практически на всех памятниках эпохи бронзы, однако находки именно комков этого вещества в различных местах погребений, более всего известны в погребениях ямной культуры [Колтухов, Кислый, Тощев, 1994, с. 103; Колтухов, Тощев, 1998, с. 161]. Значительно реже исследователи отмечали комки охры в захоронениях катакомбной культуры, например, в погребении 5 кургана 10 у с. Наташино [Колотухин, Тощев, 2000, с. 194].

2. **Лепной сосуд** (рис. 1,5) имеет плавно отогнутый наружу невысокий венчик, шаровидное слегка вытянутое тулово и округлое дно. Тесто рыхлое, легко крошится. Внешняя поверхность шероховатая, грубо обработана. Плечо сосуда украшает «веревочный» орнамент, состоящий из двух горизонтальных параллельных поясков или цепочек в виде коротких косых оттисков, нанесенных торцом палочки или кости. Размеры сосуда:

[2] *В личной беседе в 1989 г. О.Д. Чевелев сообщил о готовности учесть и мое определение находок догреческого времени из его раскопок Тиритаки. Автор выражает самую искреннюю благодарность сотрудникам Керченского историко-археологического музея Л.М. Лазенковой, Н.Ф. Федосееву и С.А. Шестакову, а также С.Г. Колтухову за помощь в работе и ценные консультации.*

высота - 12,0 см, диаметр тулова – 15,5-16,0 см, высота нижней части тулова от его наибольшего диаметра до дна – 7,0 см.

Веревочный или шнуровой орнамент, имитирующий оттиски веревочки или шнура, известен на сосудах ямной [Тощев, 2007, с. 37], катакомбной [Колотухин, 2003, с. 53, 101, рис. 34,1-2; Тощев, 2007, с. 100, 110 и сл.], многоваликовой [Тощев, 2007, с. 146, 153, 155] и срубной [Колотухин, 2003, с. 23, 93, рис. 26,3,15; Тощев, 2007, с. 185] культур эпохи бронзы Степного Причерноморья и Крыма. Однако сосуды, сочетающие округлое дно и веревочный орнамент, в значительной степени наиболее характерны для погребений именно ямной культуры [Копьева, 2015, с. 21-22].

3. **Два кремневых осколка** (рис. 1,2-3) черного цвета имеют размеры - 3,0 х 3,0 и 2,0 х 1,7 см. Часть наиболее крупного предмета покрыта налетом извести. Изделия из кремня широко использовалось древним населением Крыма не только в эпоху бронзы, но и в более позднее время.

4. **Костяная проколка** (рис. 1,4) конусовидной формы имеет сохранившуюся длину – 7,0 см, ширину в верхней раздваивающейся обломанной части – 1,4 см. Близкое по форме изделие встречено в погребении 24 кургана 14 у озера Старое в Присивашье, которое исследователи связывают с ямной культурой [Щепинский, Черепанова, 1969, с. 225, 229, рис. 86,8; Тощев, 2007, с. 50, рис. 19,8].

Форма погребального сооружения и обряд захоронения данного погребения позволяет отнести его к третьей обрядовой группе (III ОГ) варианта 4 (костяк расположен в яме скорченно на правом боку) ямной культуры Крыма по классификации Г.Н. Тощева [Тощев, 2007, с. 33]. Этому выводу не противоречит и находка здесь лепного сосуда с округлым дном и веревочным орнаментом. Подобные погребения могут быть связаны с поздним этапом ямной культурно – исторической общности (ЯКИО), относящейся по предположению Г.М. Бурова к индоевропейским народам [Буров, 2006, с. 316] и которая в Крыму по данным Г.Н. Тощева может датироваться 2600/2500 – 2200 гг. до н.э. [Тощев, 2007, с. 208].

Согласно социальной стратификации племен ямной культуры, предложенной В.С. Бочкаревым для Волго-Уральского региона, но которую, вероятно, можно применить и для Крыма, эти племена существовали в условиях родоплеменного строя со слабо развитым социальным и имущественным расслоением и состояли «из рядовых общинников, членов профессиональных кланов и знати» [Бочкарев, 2002, 47, 50][3].

[3] *Необходимо отметить, что С.Ж. Пустовалов предлагает более сложную социально-кастовую стратификацию позднеямной культуры степной зоны Северного Причерноморья,*

Следовательно, весьма скромный инвентарь тиритакского погребения мог принадлежать рядовому члену родоплеменной общины. Эта община обитала на рассматриваемой территории в эпоху ранней бронзы задолго до основания здесь греческой Тиритаки, которое произошло по наблюдению В.Н. Зинько и А.В. Зинько не ранее 570-560 гг. до н.э. [Зинько В.Н., Зинько А.В., 2017, с. 94].

Таким образом, благодаря открытому О.Д. Чевелевым в 1986 г. на территории некрополя античной Тиритаки погребению ямной культуры, блестяще подтвердилась гипотеза, высказанная В.Ф. Гайдукевичем в связи с находкой в крепостной стене городища знаменитых каменных стел эпохи бронзы: «Очевидно, где-то в районе Тиритаки находились восходящие к глубокой древности туземные погребения, с которыми и были связаны эти стелы» [Гайдукевич, 1937, с. 219-220, рис. 3].

ЛИТЕРАТУРА

Буров Г.М. Энциклопедия крымских древностей: Археологический словарь Крыма. Киев: Изд. дом «Стилос», 2006. 528 с.

Бочкарев В.С. Волго-Уральский регион в эпоху бронзы // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. I. Народы степной Евразии в древности / Ред. Б.Л. Хамидуллин. Казань: Изд-во «Рухият», 2002. С. 46–68.

Гайдукевич В.Ф. Боспорские города Тиритака и Мирмекий на Керченском полуострове (по раскопкам 1932-1936 гг.) // ВДИ. 1937. № 1. С. 216-239.

Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. // Боспорские города. I. Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935-1940 гг. / Под ред. В.Ф. Гайдукевича и М.И. Максимовой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 15-134. (МИА. № 25).

Зинько В.Н., Зинько А.В. Боспорский город Тиритака в свете новых археологических исследований // Античные Реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории: Материалы междунар. науч. конф. Севастополь, 10-12 октября 2017 года / Ред. сост. Д.А. Костромичев. Саки: ИП Бровко А.А., 2017. С. 94-97.

Книпович Т.Н., Славин Л.М. Раскопки Юго-Западной части Тиритаки // Археологические памятники Боспоа и Херсонеса / Под ред. акад. С.А. Жебелева и В.Ф. Гайдукевича. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 37-60. (МИА. № 4).

Колотухин В.А. Поздний бронзовый век Крыма. Киев: Стилос, 2003. 139 с.

Колотухин В.А., Тощев Г.Н. Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1983-1986 гг. Сакский район Крымской области). Запорожье: КФ ИА НАНУ; ЗГУ, 2000. Вып. III. 245 с.

Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тощев Г.Н. Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1991-1992 гг.). Запорожье: КФ ИА НАНУ; ЗГУ, 1994. 121 с.

Колтухов С.Г., Тощев Г.Н. Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1993-1995 гг.). Запорожье: КФ ИА НАНУ; ЗГУ, 1998. Вып. II. 194 с

Копьева Т.А. Классификация керамики катакомбной культуры в Крыму // История и археология Крыма. Вып. II. Сборник статей, посвященный памяти Александра Евгеньевича Пуздровского / Отв. ред. В.В. Майко. Симферополь; Изд-во Типография «Ариал», 2015. С. 17-40.

Лесков А.М. Керченская экспедиция в 1967 г. // Археологические исследования на Украине в 1967 г. Информационные сообщения / Отв. ред. П.П. Толочко. Киев: Наук. думка, 1968. С. 3-7.

Молева Н.В. Древности эпох камня и бронзы на античных памятниках Боспора // Античный мир и археология. Вып. 11 / Отв. ред. И.Н. Парфенов. Саратов: Изд-во Саратов. Гос. ун-та, 2002. С. 200-205.

Молева Н.В. Боспорские антропоморфные изваяния: Кросс-культурные и межэтнические коммуникации во времени и в пространстве: Монография. Ниж. Новгород: Изд-во Нижегород. Гос. ун-та, 2012. 178 с.

Пустовалов С.Ж. Етносоціальна характеристика ямно-катакомбного суспільства Північного Причорномор'я: Дис. … докт. іст. наук. [Электронный ресурс]. Київ, 2015. 549 с. // URL: http://shron1.chtyvo.org.ua/Pustovalov_Serhii/Etnosotsialna_ kharakterystyka_iamno-katakombnoho_suspilstva_Pivnichnoho_Prychornomoria.pdf. (дата обращения 28,01,2018).

Тощев Г.Н. Крым в эпоху бронзы. Запорожье: ЗНУ, 2007. 304 с.

Чевелев О.Д. Отчет о раскопках Керченской экспедиции в 1986 году. Керчь, 1987 г. // Архив КГИКЗ. Оп. 2. Д. № 923.

Чевелев О.Д. Варвары в Тиритаке VI – III вв. до н.э. по материалам раскопок некрополя // Проблемы исследования античных городов: Тезисы / Отв. ред. Г.А. Кошеленко. М.: ИА АН СССР, 1989. С. 127-128.

которую исследователь связывает с арийско-ирано-греко-армянским населением [Пустовалов, 2015, с. 318, 321, 326, 339].

Щепинский А.А. Новая антропоморфная стела эпохи бронзы в Крыму // СА. 1958. № 2. С. 143-148.

Щепинский А.А. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму // СА. 1963. № 3. С. 38-47.

Щепинський А.О. Антропоморфні стели Північного Причорномор'я // Археологія. Киев, 1973. Вип. 9. С. 21-28.

Щепинский А.А., Черепанова Е.Н. Северное Присивашье в V-I тысячелетиях до нашей эры. Симферополь: Изд-во «Крым», 1969. 328 с. (Сер. «Древности степного Крыма»).

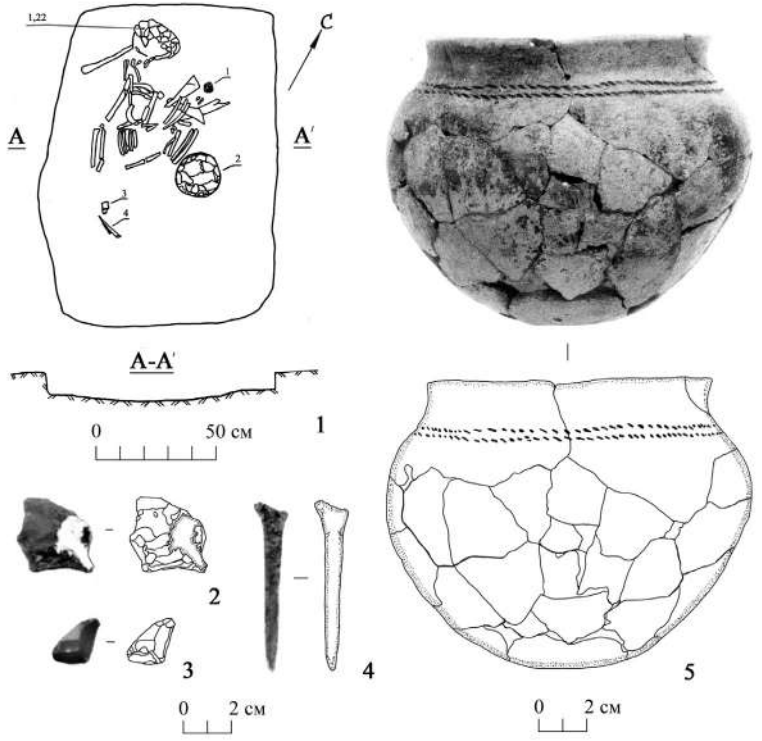


Рис. 1. Находки из погребения № 42 некрополя Тиритаки: 1 – план и разрез погребения; 2–3 – кремневые осколки; 4 – костяная проколка; 5 – лепной сосуд. 1-5 – по материалам О.Д. Чевелева [Чевелев, 1987] чертил С.Н. Сенаторов.

СИМОНОВ В.В.
(КРОО «Восточно-Крымский центр военно-исторических исследований», Керчь),
КОТИНА А.В.
(ЦАИ БФ «Деметра», Керчь)

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК В ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Общеизвестно, что для исследователей, изучающих историю боевых действий в годы Второй мировой войны, основным источником информации являются архивные документы и воспоминания участников событий. Что касается мемуаров, то их субъективный характер сомнения не вызывает, и информация, содержащаяся в них, всегда требует подтверждения достоверными данными. Но и документы, непосредственно относящиеся к планированию, реализации и итогам боевых операций самого разного уровня, отложившиеся в «военных» архивах, не всегда в полной мере отражают объективную картину. Нивелировать подобную тенденциозную трактовку событий и фактов помогает сравнение различных источников, в том числе, документов противоборствующих сторон. Но, во-первых, документы противника также могут быть далеки от констатации реальной картины, а, во-вторых, их введение в научный оборот (если иметь в виду под документами противника немецкие документы, особенно по различным эпизодам военного противостояния тактического уровня) до сих пор затруднено по целому ряду причин. Кроме того, есть достаточное количество боевых операций, особенно относящихся к начальному периоду войны, в ходе которых документы участвовавших в них частей и соединений не сохранились.

В таких случаях восстановить необходимые недостающие детали произошедших событий могли бы результаты полевых исследований, поскольку широкомасштабные военные столкновения (тем более в не

столь удаленную от нас эпоху) оставили многочисленные следы везде, где проходили боевые действия. Но в силу своих хронологических рамок эти следы не являются объектами специального археологического исследования. В местах боев Второй мировой войны, как правило, ведут, так называемые, поисковые работы – раскопки с целью поиска останков погибших воинов, получившие в последние годы невероятный размах, особенно благодаря целевой поддержке государства. Проблема в том, что стандартные поисковые мероприятия имеют ограниченные задачи и весь массив информации, получаемой в ходе таких работ, не только не вводится в научный (или просто широкий) оборот, но фактически не фиксируется, не анализируется и не обобщается. Это тем более печально, что при правильном подходе раскопки могут дать результаты, необходимые для понимания отдельных эпизодов и фактов, которые крайне важны для оценки причинно-следственных связей событий.

Для нашего региона это особенно актуально, учитывая специфику боевых действий, которая характеризуется:

- ограниченностью территории при значительном количестве участвовавших в боях войск и ожесточенности самих боев (что обусловило максимальную плотность в районе Керчи следов военного времени);

- крайне неудачными действиями советских войск, не раз заканчивающимися чувствительными поражениями, в ходе которых документы частей и соединений были утрачены (что вызывает необходимость подтверждения сохранившейся отрывочной информации другими источниками, в числе которых вполне могут быть результаты полевых исследований).

Но есть и еще одна общеизвестная специфика региона, а именно: огромная плотность памятников разных эпох, в первую очередь, античных, что существенно ограничивает возможность проведения не археологических работ на ряде территорий, представляющих интерес с точки зрения изучения боевых действий. В этой связи остается надеяться только на то, что сведения, относящиеся к периоду Второй мировой войны, полученные в ходе археологических исследований, могут стать доступными и для специалистов в области военной истории. По целому ряду причин ситуация здесь далека от идеальной, а вопросы взаимодействия археологов и военных историков, насколько нам известно, не поднимались. Хотя польза от такого взаимодействия, если иметь в виду полное и всестороннее изучение объектов, важных для понимания событий, происходивших в годы войны, бесспорна.

Археологические исследования в районе Керчи ведутся достаточно интенсивно и факт наличия на большинстве исследуемых памятников слоев военного времени очевиден (особенно в городской черте, поскольку город неоднократно становился ареной ожесточенных боевых действий). Но случаи введения в научный оборот материалов, полученных в результате изучения этих слоев, нам неизвестны. Хотя они, несомненно, фиксируются, что предусмотрено методикой археологических исследований. Примерами могут служить объекты, обнаруженные на античных городищах Тиритака и Мирмекий1.

В 2013 г. в ходе совместных археологических исследований античного городища Тиритака, проводимых Боспорской охранно-археологической экспедицией (начальник В.Н. Зинько) и Польской археологической миссией «Тиритака» Национального музея в Варшаве (руководитель А. Твардецки), на XXVII раскопе в результате исследования слоёв новейшего времени была выявлена конструкция входа в укрытие, «предназначенное для румынских войск, расположенных на территории археологического памятника» [Твардецки, Матера, 2013]. Данная конструкция первоначально была заглублена в археологические слои античного города и представляла собой вход в какое-то убежище, находящийся с его западной стороны. Вход образовывали стены и лестница, ведущая вниз. В конструкции стен и лестницы были использованы пиленые блоки известняка. Размеры блоков, использованных для строительства стен: 0,47 х 0,23 х 0,23 м, в конструкции лестницы – блоки размерами: 0,37 х 0,37 х 0,18 м [Твардецки, Матера, 2013].

Северная стена конструкции входа в укрытие ориентирована по линии ЮВ-СЗ, её длина – 3,30 м. Стена сохранилась на высоту семи рядов кладки. Восточная стена, ориентированная С-Ю с отклонением на СВ, сохранилась на высоту шести рядов кладки, её длина – 2,00 м. Под прямым углом от неё в восточном направлении отходит следующая стена, верхний ряд кладки которой просматривался на протяжении 0,32 м. С южной стороны конструкция лестницы была ограничена опорной стеной длиной 2,40 м, в которой зафиксировано четыре ряда кладки. Все стены были построены на слое коричневатой глины, содержащей известняковые частицы. Вдоль стен, создающих конструкцию входа, зафиксировано присутствие траншей шириной 0,20-0,30 м [Твардецки, Матера, 2013].

Лестница состояла из семи ступеней, каждая из которых была выполнена из трёх блоков пиленого известнякового камня. Ширина лестницы вверху была большей и достигала 1,30 м, ширина самой нижней сту-

пени – 1,20 м. Перепад уровня высот между верхней и нижней ступенями составлял 1,35 м. С целью стабилизации конструкции между ступенями и северной стеной входа были помещены стоящие на ребре известняковые плиты и кирпичи [Твардецки, Матера, 2013].

По мнению начальника раскопа М. Матеры, само убежище могло занимать все пространство между стенами №№ 20 и 21 в кв. 15-18 и конструкциями в кв. 11, 13-14. Полностью убежище не раскапывалось и представление о его размерах базировалось исключительно на оценке соотношения площади нарушенных и ненарушенных слоев в исследуемых квадратах. Древние конструкции частично использовались и при сооружении самого убежища – такой вывод исследователь сделал на основании характера кладки стены № 21, которая представляла собой в нижней части оригинальную античную стену, а выше – доложенную на ее основе в XX в. и отделенную от древней кладки слоем рубероида [Твардецки, Матера, 2013].

Принадлежность убежища румынским войскам гипотетическая, непонятно и время его постройки. Если допустить, что его действительно сооружали во время войны, то, учитывая основательность, фундаментальность конструкции, оно могло быть построено либо осенью-зимой 1941 г. (до начала Керченско-Феодосийской десантной операции), либо летом-осенью 1943 г. Но и в 1941-м и в 1943-м гг. этот участок находился в зоне ответственности немецких частей – 46-й и 98-й пехотных дивизий (соответственно). Относительно осени 1943 г. есть даже более точные сведения: по состоянию на 11.10.1943 г. его занимал 1-й батальон 282-го пехотного полка [Неменко, 2017].

Найденный в засыпи конструкции вещевой материал также не позволяет утверждать принадлежность убежища румынским войскам. В отчете отмечается, что слои, составляющие засыпь этой конструкции, были «сильно перемешаны и, главным образом, содержали фрагменты кирпичей, шифера, известковой штукатурки и распиленные блоки – остатки завалившихся стропил конструкции убежища. Обнаруженный материал немногочислен. Прежде всего, найдены фрагменты стеклянных бутылок и единичные винтовочные патроны» [Твардецки, Матера, 2013]. Какие именно патроны и бутылки найдены, не уточняется, но на фотографиях: советские монеты, бутылка советского производства с клеймом «С м-в. з-д» и советская противогазная маска мод. 08 [Твардецки, Матера, 2013].

Остается неясным и характер самого убежища. Габариты раскопанного входа, размеры блоков, из которых сооружена лестница, и тщательность кладки стен, прежде всего, заставляют вспомнить о находившихся здесь до войны сооружениях, хорошо видимых на снимках немецкой аэрофотосъемки, датированных 1941 г. [NARA, TUGS1377SG-066], и задаться вопросом: не могли ли быть найденные строительные фрагменты остатками конструктивных элементов довоенных построек? В таком случае и выявленное в ходе археологических работ «убежище» должно было бы классифицироваться как приспособленное сооружение, возможно, предназначенное для размещения огневых средств [Альбом чертежей…], а не укрытия личного состава. Но при использовании JPS-координат объекта для точной его «посадки» на снимок становится очевидным, что он находится несколько западнее большой постройки барачного типа. Хотя не исключено, что лестница могла быть входом в подвал и более ранней постройки, бытовавшей здесь до начала интенсивного строительства 1930-х гг.

Судя по возможным габаритам и некоторым элементам конструкции, это убежище могло быть либо блиндажом командного пункта, либо блиндажом на отделение (хотя по нормативам, последние могли занимать и гораздо меньшую площадь) [Альбом чертежей…]. Однако отсутствие достаточных данных, которые могли быть получены в ходе раскопок, о точных размерах, характере перекрытия, оборудовании (наличии отопления, вентиляции и т.п.) исключает его реальное определение.

В любом случае убежище должно было быть связано с линией траншей ходом сообщения, поскольку развитая система траншей являлась основой фортификационного оборудования местности. Действительно, в отчете упоминаются «траншеи периода Второй мировой войны» (а также следы воронок от взрывов снарядов, уничтожившие ряд исследуемых античных объектов) [Твардецки, Матера, 2013], но сведения об их ориентации, конфигурации, профиле отсутствуют. Поэтому восстановить взаимосвязь найденного объекта с системой других оборонительных сооружений трудно. А это, вне всякого сомнения, важно, поскольку на снимках немецкой аэрофотосъемки 1943-1944 г. [NARA, GX4358SG-028, GX2549SK-590], кроме обычной позиции в районе современного XXVIII раскопа, можно различить зигзагообразную линию с нехарактерно резкими изломами и углами сопряжения отрезков к востоку и северо-востоку от XXVI раскопа, возможно, как-то связанную с обнаруженным убежищем.

Таким образом, результаты полевых исследований и, главное, тщательно выполненная фиксация выявленного объекта военного времени позволяют нам констатировать наличие некого фортификационного со-

оружения, вероятно, относящегося к системе немецких оборонительных позиций, обеспечивающих охрану прибрежной полосы в районе порта Камыш-Бурун. И это представляет определенный интерес, поскольку других источников, способных ответить на вопросы об организации обороны указанного рубежа, в настоящее время в нашем распоряжении нет. В то же время, более детальная фиксация и определение вещевого материала (в том числе, боеприпасов к стрелковому оружию) могли бы повысить информативность результатов полевых исследований.

Большое количество объектов военного времени было обнаружено и в ходе работ Мирмекийской экспедиции Государственного Эрмитажа (начальник А.М. Бутягин) на античном городище Мирмекий. В 2001-2015 гг. там, на участках «Т», «ТС» и «И», были выявлены остатки траншей, углубления, ямы, воронки, блиндажи и землянка. Часть из них определены А.М. Бутягиным, как немецкие артиллерийские позиции (без указания хронологического периода), часть – просто как объекты военного времени. Из найденных сооружений наиболее интересны два блиндажа и землянка, найденные на участке «ТС».

В квадрате № 10 был раскопан блиндаж, представляющий собой четырехугольную землянку, вытянутую в направлении С-Ю (размеры 4,9 х 3 м, глубина около 1 м). Стены его были закрыты досками и обтянуты рубероидом. Между досками и стенами оставалось около 0,15 м пространства, заполненного землей. К блиндажу подходили «канавы», которые, видимо, являлись ходами сообщения. В южной части котлована были обнаружены «снаряды для зенитных автоматов и гильзы, кроме того, в заполнении находились сломанные каски, три подшлемника, электрогенератор, примус и другие предметы». На основании этого, а также с учетом характера и конфигурации кладок №№ 1 и 2 на участке «Т», которые, по мнению А.М. Бутягина, были построены для того, чтобы препятствовать осыпанию грунта из насыпи позднего вала, видимо, служившего защитой для артиллерийского орудия, был сделан вывод о том, что в этом месте размещалась позиция немецкой зенитной артиллерии, прикрывавшая подходы к Керченской бухте. Кроме того, в квадрате № 5 было выявлено скопление крупных камней, которыми, вероятно, была обложена «наблюдательная точка» [Бутягин, 2001, 2002, 2004].

Остатки второго блиндажа были раскопаны в квадрате № 22 (и, частично, за его пределами). В ходе раскопок были открыты три стены, две из которых ориентированы по линии СВ-ЮЗ, а третья перпендикулярна им. Котлован блиндажа довольно точно вписан в пространство между

двух стен – фрагментом «кладки Карантина» (с северной стороны), и массивной кладкой 36 (с южной), и заглублен на 1,7 м от современной дневной поверхности. Размеры сохранившейся части блиндажа – 3,1 х 2,5 м. Стены также были обшиты досками толщиной 0,015 м, сохранившимися в южной части на высоту 0,4 м, в восточной и северной – 0,8м. Северная стена поверх досок была обшита рубероидом. Пол был покрыт деревянными досками, которые сохранились в северной части на площади 1,8 х 1,6 м, скрепленными тремя рядами гвоздей, расположенными на расстоянии 0,55 м друг от друга и вбитыми прямо в грунт. При постройке блиндажа сначала был вырыт котлован полукруглой формы, куда затем были впущены деревянные стены и арматура. Из предметов, относящихся к периоду войны, найденных в засыпи, отмечен только «шомпол от винтовки» [Бутягин, 2007].

Землянка была найдена в южной части квадрата № 35. Это практически прямой угол вырытого под землянку котлована, обрывающегося по границе раскопа с юго-запада. Описания объекта в отчете нет, за исключением упоминания о том, что полом в ней служила вымостка римского времени. Говорится и том, что поблизости ранее (в 2007 г.) была открыта ещё одна землянка. Как отмечает А.М. Бутягин: «Вероятно, здесь находилось несколько землянок, в которых размещались расчёты зенитных орудий расположенной рядом зенитной батареи». Среди находок из комплекса «немецкой землянки» – штык от винтовки сист. Мосина и монета СССР: 3 коп.1926 г. [Бутягин, 2015]

Определенный интерес с точки зрения оборудования позиции представляют собой и три кладки (№№ 17-19), также найденные на участке «ТС». Одна из них (№17), служила обкладкой бруствера расположенного восточнее блиндажа. Две другие прикрывали внешний фас укрепления. Кладка № 18, в южной части раскопа, шла уступами вдоль обрыва скалы, длиной по фасу 3,8 м, большая ее часть представлена лежащими в один ряд правильными каменными блоками, происходящими из развалов построек портового карантина. С восточной стороны они на протяжении 1 м лежат в два ряда (средний размер 0,2 х 0,2 х 0,5 м) [Бутягин, 2004]. Исследователь отмечает, что здесь, «судя по всему», были оставлены «гнезда» (амбразуры?) для ведения огня в сторону пролива, но сведений об их размерах и точном расположении не приводит. В любом случае, наличие подобных элементов в фортификационных сооружениях свидетельствует о предусмотренной возможности использования их в целях противодесантной обороны. Хотя трудно представить ситуацию, при которой высад-

ка десанта планировалась бы именно на этом участке побережья. В этом смысле сразу возникает вопрос о времени сооружения самой позиции.

Все найденные объекты датируются широко – периодом последней (Второй мировой) войны. Это понятно, поскольку задача более точной датировки перед исследователем в данном случае не стояла.

Анализ материалов немецкой аэрофотосъемки [NARA, GX4358SG-032] показывает, что обнаруженные на участках «Т» и «ТС» остатки фортификационных сооружений представляют собой участок единой позиции, идущей вдоль края Карантинного мыса. Не вызывает сомнения, что она была сооружена в связи с угрозой высадки советского десанта, то есть не раньше осени 1943 г. Часть этой позиции попала в археологические раскопы, часть, вероятно, уничтожена в ходе хозяйственной деятельности, хотя довольно большой по протяженности отрезок западнее городища, возможно, и сохранился до настоящего времени. В любом случае, снимки не дают возможности разглядеть мелкие, но существенные детали, которые нам стали известны благодаря раскопкам и тщательной фиксации всех выявленных объектов. Несколько иная картина на участке «И», где на военных снимках в этом месте хорошо видны два земляных обвалованных сооружения квадратной формы, с подъездными путями к одному из них и ходом сообщения ко второму, однозначно идентифицировать по фотографии которые невозможно [NARA, GX4358SG-032]. В отчете есть упоминание только об одном из этих сооружений – «земляное укрытие и подходы к нему», без указания его конфигурации и размеров [Бутягин, 2010].

Некоторые уточнения, как о принадлежности выявленных объектов, так и о периоде их бытования могли быть получены при определении находок. Но в отчетах определен нумизматический материал и отдельные предметы, относящиеся к вооружению. Остальные находки перечислены, хотя те же боеприпасы к стрелковому оружию (и их фрагменты) при точном определении номенклатуры и анализе штампов на гильзах, возможно, могли бы дать дополнительную информацию. В ряде случаев речь идет «железных предметах неизвестного назначения» [Бутягин, 2009] или просто о находках периода Великой Отечественной войны [Бутягин, 2011].

Примером целесообразности привлечения профильных специалистов для интерпретации некоторых существенных деталей могут служить заключения о раскопках на участке «ТС» крупной воронки №ТС-1/2015, которая, как отмечается в отчете, «судя по крупным кускам металла и весьма значительным размерам, … образовалась в результате взрыва в

культурном слое авиабомбы весом около 100 кг» [Бутягин, 2015]. Далее уже конкретно говорится о взрыве советской ФАБ-100. Но размеры воронки в первую очередь зависят от характера грунта, и без учета этих показателей определять калибр подобных боеприпасов только на основании размеров воронки проблематично. В данном случае определяющим моментом должна была стать толщина осколков, которых было обнаружено 50 [Бутягин, 2015]. Но такой информации в отчете нет и, следовательно, вывод о калибре боеприпаса выглядит преждевременным.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что даже при следовании всем требованиям методики раскопок и тщательной фиксации всех результатов, остаются некоторые вопросы, которые сложно разрешить без привлечения профильных специалистов. В той части, что касается «чистой» археологии, все выглядит благополучно и привлечение для консультаций ученых, специализирующихся в «узких областях» (нумизматике, таре, клеймах, остеологическом материале и т.п.), стало обычной повседневной практикой. Там же, где предмет изучения выходит за рамки традиционных интересов археологов, а уж тем более – за формальные хронологические рамки, определяющие понятие «археологического слоя», ситуация далека от оптимальной. С точки зрения проведения археологических работ подобное положение вещей не является нарушением требований законодательства в области охраны культурного наследия или каких-либо методик и инструкций. С точки зрения исследования объектов военного времени, встречающихся на памятниках археологии, ясно – их всестороннее изучение становится возможным, если на стадии полевых исследований и камеральной обработки материалов обеспечить максимально полную фиксацию результатов раскопок, что в последующем даст возможность их введения в научный оборот.

ЛИТЕРАТУРА

Альбом чертежей фортификационных сооружений немецкой обороны [Электронный ресурс] // Rufort.info – фортификация. Форум. URL: http://rufort.info/library/album/album.html (дата обращения 10.03.2018 г.)

Бутягин А.М. Отчет о работе Мирмекийской экспедиции Гос. Эрмитажа в 2001 г.

Бутягин А.М. Отчет о работе Мирмекийской экспедиции Гос. Эрмитажа в 2002 г.

Бутягин А.М. Отчет о работе Мирмекийской экспедиции Гос. Эрмитажа в 2004 г.

Бутягин А.М. Отчет о работе Мирмекийской экспедиции Гос. Эрмитажа в 2007 г.

Бутягин А.М. Отчет о работе Мирмекийской экспедиции Гос. Эрмитажа в 2009 г.

Бутягин А.М. Отчет о работе Мирмекийской экспедиции Гос. Эрмитажа в 2010 г.

Бутягин А.М. Отчет о работе Мирмекийской экспедиции Гос. Эрмитажа в 2011 г.

Бутягин А.М. Отчет о работе Мирмекийской экспедиции Гос. Эрмитажа в 2015 г.

Неменко А.В. Крымские десанты т. 2. Керченско-Эльтигенский десант (часть 1). 2017 г. [Электронный ресурс] // Литсовет. URL: http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=537332 (дата обращения 17.03.2018 г.)

Твардецки А., Матера М. Отчет об исследованиях Национального музея в Варшаве на территории античного городища Тиритака. Сезон 2013.

СМЕКАЛОВА Т.Н.
(НИЦ ИАК КФУ, Симферополь)

И ЕЩЕ РАЗ О ГЕКАТОРЮГЕ. ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ.

Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-09-00134-а «Реконструкция античного земельного кадастра Херсонеса Таврического по данным письменных источников, исторической картографии, дистанционных, геофизических и геоинформационных методов». Основой данного исследовании стала коллекция трофейных немецких аэрофотографий (более 700 отпечатков) 1941–1944 гг. Luftwaffe, хранящаяся в Национальном архиве США (NARA). Особое значение этого документального источника заключается в том, что к началу Великой Отечественной войны многие территории Гераклейского п-ва были еще не застроены, поэтому структура античного размежевания выступает на снимках неповрежденной и со всей детальностью. Анализ построенной сетки дорог и каждого блока участков по георeферированной мозаике аэрофотоснимков на Гераклейском и Маячном п-вах, позволили нам получить точные линейные размеры для каждого блока и для элементов внутриблочного межевания и вернуться к вопросам о единицах измерения и метрологии херсонесского кадастра, размере блоков, величине единичного гражданского надела и к трактовке термина гекаторюг [Смекалова, Терехин, Пасуманский, 2018]. Удалось также предложить новую расшифровку числовых символов в известной херсонесской надписи о продаже или аренде земельных участков (IOSPE. I². 403) [Смекалова, 2018].

На аэрофотоснимках хоры Херсонеса хорошо видно, что блоки участков внутри делятся на четыре или шесть одинаковых квадратов со стороной 209,4 м, причем такое деление первоначально было на всех блоках. Там, где границы между единичными участками стерты или нарушены, они все равно угадываются, поскольку размеры блоков всегда кратны 4 или 6 таким квадратам. Этот повторяющийся квадратный уча-

сток был признан Н.М. Печенкиным и В.П. Лисиным единичным гражданским наделом херсонеситов [Печенкин, 1911; Лисин, 1940]. К этому мнению присоединяемся и мы, и расшифровка термина гекаторюг полностью подтверждает эту догадку. С помощью георeферированных аэрофотоснимков мы уточнили величину этого единичного гражданского надела: 209,4 х 209,4 м (4,3848 га), то есть100 х 100 египетских оргий (одна оргия равна 2,094 м).

Э.И. Соломоник и Г.М. Николаенко первыми справедливо указали, что слово ἑκατώρυγς, состоящее из слов ἑκατόν (сто), и ὀρυγά (оргия, мера длины), должно обозначать площадь квадрата, сторона которого 100 оргий», а не сто квадратных оргий, как ошибочно предполагали В.Д. Баватский и С.Ф. Стржелецкий [Соломоник, Николаенко 1990; Блаватский, 1953, 34; Стржелецкий, 1961, с. 56].

Следовательно, мы приходим к выводу, что при тотальном межевании Гераклейского полуострова в третьей четверти IV в. до н.э. всем гражданам давались равные квадратные участки-гекаторюги, со стороной 100 оргий или 209,4 м, площадью 10 000 оргий, или 4,3848 га. Таким образом, по приблизительным подсчетам, на хоре Херсонеса были размежеваны участки для 2300 граждан.

Теперь перейдем к рассмотрению единицы измерения площади на херсонесской хоре. На всех аэрофотоснимках четко прослеживается квадрат-модуль со стороной 52,35 м, и именно он является наиболее мелкой ячейкой, совокупность которых слагает каждый участок. Такой квадрат со стороной в 100 египетских локтей (52,35 м) эквивалентен египетской аруре. Мы не согласны с мнением А.В. Буйских о том, что, поскольку периметр сторон такого квадрата составляет 100 оргий, он назывался в Херсонесе гекаторюгом [Буйских, 1998, с. 69]. Для того чтобы однозначно определить величину квадрата, не нужно указывать периметр его сторон, достаточно указать длину одной стороны.

Г.М. Николаенко первой обратила внимание на равенство квадратного модуля со стороной 52,5 м египетской аруре [Николаенко, 1985, 15, прим. 5], тем более странным кажется приверженность этой исследовательницы к мнению, что на хоре Херсонеса использовалась совсем другая единица измерения площади - плетр, квадрат со стороной в 100 египетских футов [Соломоник, Николаенко, 1990, 86].

На аэрофотоснимках арура видна на всех блоках, она проявляется как небольшой квадратный участок, огражденный невысокими каменными стенами или без них. Но даже там, где оградок нет, присутствие арура угадывается по их кратному числу, укладывающемуся в блоки. Вдоль короткой стороны прямоугольного блока, заключенного между дорогами, укладывалось 8, а вдоль длинной - 12 арур, то есть площадь блока была равной 96 арурам. Квадратные блоки вмещали по 64 аруры. При этом единичный земельный надел, гекаторюг, равнялся 16 арурам.

Наши недавние исследования доказывают, что при размежевании херсонесских участков-виноградников в Северо-Западном Крыму использовался такой же единый стандартный модуль-арура, что и на Гераклейском п-ве и та же величина единичного земельного надела гекаторюга, равного 16 арурам [Смекалова, 2011; 2013; Смекалова, Кутайсов, 2014; 2018; Smekalova, Bevan, Chudin, Garipov, 2016].

На основании детального изучения аэрофотоснимков 1940-х гг. стало возможным также вернуться к интерпретации численных значений, встречающихся в надписи о продаже или аренде участков (IOSPE. I². 403). Первые публикации основной надписи были сделаны В.В. Латышевым в 1892, 1895, 1916, но, несмотря на ее важность для понимания земельных отношений в Херсонесе, ученый все же оставил ее без перевода, в силу многих неясностей, расшифровав только цифровые знаки с опорой на одну калхедонскую надпись. Наиболее полная публикация и интерпретация надписи о продаже или аренде земель была сделана в 1990 г. в связи с новой находкой фрагментов этого документа в 1983 г. [Соломоник, Николаенко, 1990]. Исследователи отнесли надпись к первой половине III в. до н.э. и дали ее перевод, а также расшифровку цифровых символов. Э.И. Соломоник и Г.М. Николаенко внесли огромный вклад в понимание этой надписи, впервые высказав правильную гипотезу о том, что цифры обозначают не цены, как считали все исследователи, начиная с В.В. Латышева, а площади участков. Полностью соглашаясь с мнением Э.И. Соломоник и Г.М. Николаенко, что в надписи величины участков выражены в гекаторюгах, мы должны, тем не менее, решительно отвергнуть утверждение авторов, что наряду с ним в акте встречается также единица площади плетр [там же, 86].

Э.И. Соломоник и Г.М. Николаенко, совершенно правильно определили, что знак «о» в надписи обозначает гекаторюг, равный квадрату со стороной в 100 оргий и что гекаторюг делился на поля, равные 1/2, 1/4, 1/8 и 1/16 от целого гекаторюга [там же, 86]. Базируясь на этих двух положениях, Э.И. Соломоник и Г.М. Николаенко предложили следующую интерпретацию цифр, обозначающих доли гекаторюга, с которой мы полностью согласны (см. столбец «В гекаторюгах» Таблицы 1).

Итак, в Херсонесской надписи вместо единицы использовался символ «о», обозначавший «один гекаторюг». Чтобы выразить количество гекаторюгов от 1 до 4 писали рядом соответствующее число раз символ «о», например, 4 гекаторюга: «оооо». Для того, чтобы выразить большее, чем 4, количество целых гекаторюгов, употреблялись символы П и Δ с маленьким значком гекаторюга, «о», внутри: Ⲡ и Δ, обозначавшие пять и десять гекаторюгов. Для отображения величины поля в 100 гекаторюгов применялся символ «**Е**». Так, например, число «127 гекаторюгов» изображалось следующим образом: **Е** ΔΔⲠoo. Здесь использовался один из главных принципов акрофонической системы: представляемое число всегда является суммой компонентных элементов. Вторым принципом этой системы является то, что эти элементы всегда располагаются в порядке убывания величины, которую они представляют [Tod, 1911-1912, с. 100]. Поэтому при представлении площади участков, после знаков, соответствующих целым гекаторюгам, должны идти знаки, соответствующие величинам площади меньше гекаторюга.

Этими, меньшими, знаками, как справедливо замечают Э.И. Соломоник и Г.М. Николаенко, были символы, обозначающие последовательно убывающие доли гекаторюга:) - половину, X - четверть, Y - одну восьмую, ├ - одну шестнадцатую (рис. 1). Но, как мы установили ранее, одной шестнадцатой долей гекаторюга была одна египетская арура [Смекалова, Терехин, Пасуманский, 2018], поэтому вышеперечисленные символы обозначали) - восемь, X - четыре, Y - две и ├ - одну аруру. Например, число OOOOY, встречающееся в акте о продаже или аренде земель, означает площадь в 4 гекаторюга 2 аруры.

Теперь перейдем к рассмотрению символов, которые в численных обозначениях в херсонесской надписи следуют в конце числа, за арурами. В соответствии с принципом акрофонической системы, эти величины должны быть меньше аруры и составлять ее доли (Смекалова, 2018). Исходя из того, что символы «Δ» и «П», очевидно, обозначают 10 и 5, мы приходим к выводу, что знак «(» должен выражать одну единицу какой-то величины площади, меньшей, чем арура. Такой величиной является земельный локоть, равный полоске земли длиной в 100 локтей и шириной в 1 локоть, то есть равный одной сотой доле аруры. Можно выразить земельный локоть иначе: как квадрат со стороной в 10 египетских локтей или 5,235 х 5.235 = 27,405225 м². Земельный локоть служил для мелких подсчетов, в основном, для урезанных или неполных участков (рис. 2, 1,2).

Итак, мы приходим к выводу, что «(» - обозначает один земельный

локоть, «П» - пять, а «Δ» - десять земельных локтей (Таблица 1). По предположению Э.И. Соломоник и Г.М. Николаенко, вышеупомянутые символы обозначают десять, пять и один плетр [Соломоник, Николаенко, 1990, с. 86], с чем мы никак не можем согласиться. Действительно, эти символы в числах стоят за обозначениями арур, то есть площадь, выраженная ими, должна быть меньше аруры. Если же мы примем гипотезу Э.И. Соломоник и Г.М. Николаенко, получится, что за площадями, выраженными в арурах, следуют величины площади, которые часто не только больше арур, но и может быть больше гекаторюга! Это совершенно недопустимо и противоречит принципу акрофонической системы. Против применения плетра для размежевания участков говорит также тот неоспоримый факт, что визуально эта единица площади на хоре Херсонеса никак не проявилась, в то время как аруру мы видим повсеместно в виде небольших квадратов, которым кратны все площади участков на хоре. Кроме того, выглядит весьма неправдоподобным то, что греки применяли в виде единицы измерения плетр, который не укладывается целое число раз в наименьшее квадратное поле со стороной в 52,35 м. Самое маленькое поле - арура, составляет 1,5х1,5=2,25 плетра.

Все это заставляет нас считать, что единицей измерения площади на хоре Херсонеса была арура, а также ее меньшая фракции - земельный локоть, одна сотая аруры. Гекаторюг, квадрат со стороной в 100 оргий, был единичным земельным наделом. В силу частого употребления, его имя стало со временем нарицательным, обозначавшим гражданский надел херсонесита. В пользу последнего предположения свидетельствует то, что в надписи о продаже или аренде земель, как известно, перечисляется целый ряд граждан, которые получили по одному целому участку, гекаторюгу [Соломоник, Николаенко, 1990, с. 88-89].

Еще В.В. Латышев недоумевал, почему в одних случаях после имен владельцев участков имеются патронимики, а в других – нет [там же, с. 81]. Нам кажется, что патронимики могли быть добавлены в тех случаях, когда участки доставались нынешнему владельцу по наследству от отца. В случаях, когда упомянуто только личное имя владельца, участок мог приобретаться каким-то иным путем, возможно, за счет покупки. Может быть, различия также были связаны с тем, является ли владелец колонистом первой или второй волны.

На наш взгляд, надпись (IOSPE. I². 403) является не актом купли-продажи или аренды, а, скорее, кадастром, переписью земельных участков, которая потребовалась для того, чтобы, прежде всего, упорядо-

чить налоговое обложение, а также для документального закрепления, на определенном этапе, размеров земельных владений граждан Херсонеса Таврического.

ЛИТЕРАТУРА

Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М. 1953.

Буйских А.В. Еще раз о херсонесском гекаторюге. РА. 1998. 1, 65–70.

Жебелёв В.Ф. Северное Причерноморье. М.-Л. 1953.

Латышев В.В. Древности Южной России: Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889-1891 и 1892-1894 годах // МАР. 1892, 1895. 9, 17

Николаенко Г.М. Межевание полей херсонесской хоры // КСИА. 1985. 182. 11-15.

Соломоник Э.И., Николаенко Г.М. О земельных участках Херсонеса в начале III в. до н.э. (к IOSPE I2, 403) // ВДИ. 1990. 2, 79–99.

Лисин В.П. Античные хозяйства в районе Камышевой бухты (I-IV в.): Диссертация на соискание степени канд. ист. наук. Севастополь, 1940 // Архив Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический», Д. 561.

Печенкин Н.М. Археологические разведки в местности Страбонова Старого Херсонеса // ИАК. 1911. 42, 108–126.

Смекалова Т.Н. Еще раз об античном наделе у мыса Ойрат в северо-западном Крыму // ВДИ. 2013, 2, 127–147.

Смекалова Т.Н., Кутайсов, В.А. Два новых античных виноградника в северо-западном Крыму // ВДИ. 2014, 2, 54–78.

Смекалова Т.Н. О величинах площади и единицах ее измерения на хоре Херсонеса Таврического // ВДИ. 2018. 3, (в печати).

Смекалова Т. Н., Терехин, Э. А., Пасуманский, А. Е. Реконструкция античного земельного кадастра Херсонеса Таврического на Гераклейском полуосторве с использованием методов дистанционного зондирования // ВДИ. 2018. 2, (в печати).

Стржелецкий С.Ф. Клеры Херсонеса Таврического // ХСб. 1961. VI, 1–247.

Smekalova T.N., Bevan, B.W., Chudin, A.V., Garipov, A.S. 2016: The discovery of an ancient Greek vineyard // Archaeological Prospecting. 2016, 23(1), 15–26.

Tod M.N. The Greek Numerical Notation // Annual of British School of Athens/ 1911-1912/ Vol. XVIII. P. 123 f.

Таблица 1. Расшифровка числовых значений в надписи IOSPE. I². 403.

Числовые изображения	В *гекаторюгах*	В арурах	В земельных локтях	В м² га
E	100			
A	10			
⊓	5			
O *гекаторюг*	1	16		209,4 м x 209,4 м 4,384836 га 43848,36 м²
)	1/2	8		
X	1/4	4		
Y	1/8	2		
⊢ арура	1/16	1	100	52,35 м x 52,35 м 0,27405225 га 2740,5225 м²
Δ			10	
Π			5	
(земельный локоть			1	52,35 м x 0,5235 м 0,0027405225 га 27,405225 м²

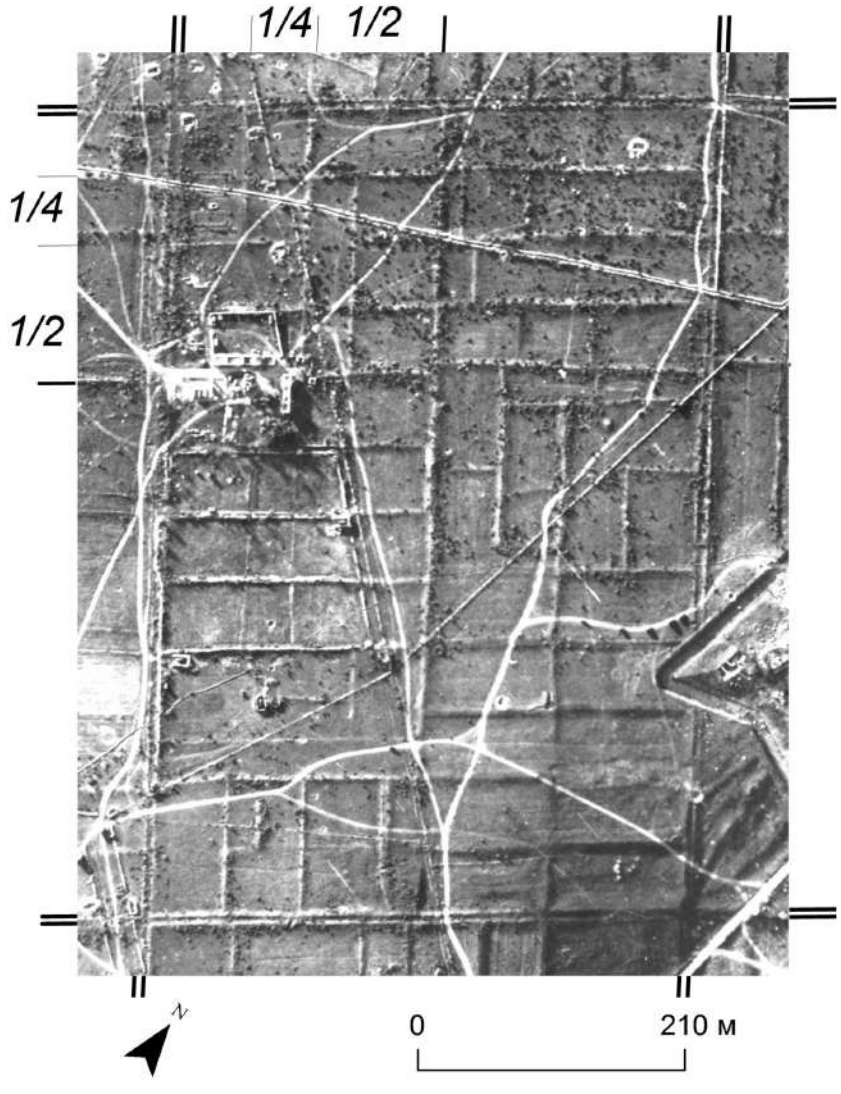


Рис. 1. Ближняя хора Херсонеса. Блок участков № 80. Аэрофотоснимок, сделанный 22 апреля 1944 г. (Из собрания NARA, 1893/963 sd2). Показана схема деления гекаторюга на части, кратные двум.

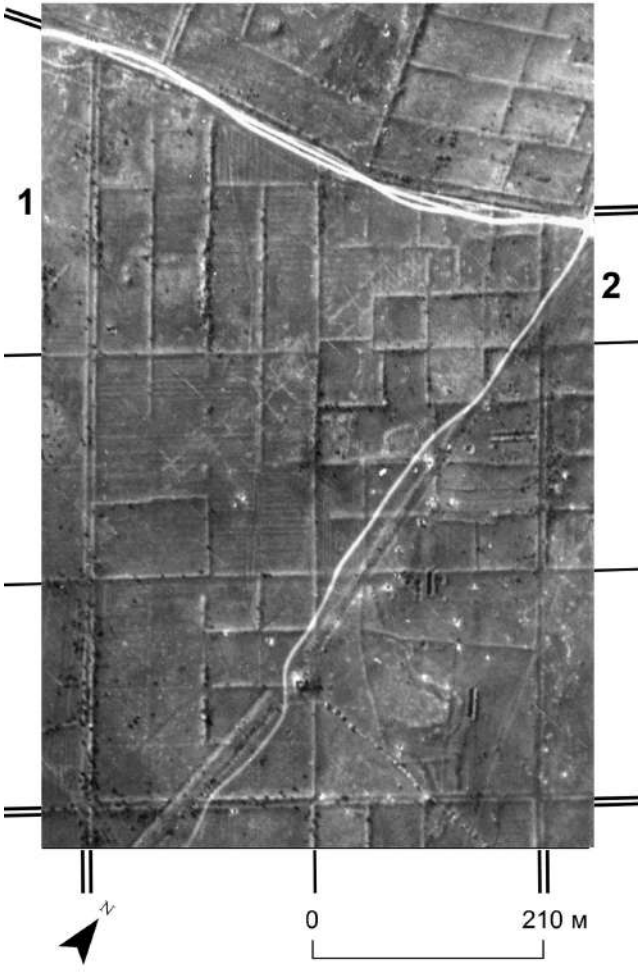


Рис. 2. Блок участков № 47. Аэрофотоснимок, сделанный 22 апреля 1944 г. (Из собрания NARA, 1893/950 sd2). Блок № 47 состоит из четырех целых гекаторюгов или ОООО и двух нестандартных участков площадью 1 гекаторюг 1 арура 15 земельных локтей или О┤ΔП (левый верхний, обозначен «1») и 11 арур 15 земельных локтей)Y┤ΔП (правый верхний, обозначен «2»). Общая площадь всего блока № 47 равна пяти гекаторюгам 12 арурам 30 земельным локтям или)XΔΔΔ.

СМЕКАЛОВА Т.Н., ГАВРИЛЮК А.Н.
(НИЦ ИАК КФУ, Симферополь)
УШАКОВА К.С.
(ГМЗХТ, Севастополь)

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ХОРЫ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ ЛИСИН (1913-1942 ГГ.)

Поистине неоценимый вклад в изучение хоры Херсонеса Таврического внес научный сотрудник Херсонесского музея В.П. Лисин (рис. 1). Его идеи, незаслуженно забытые, намного опередили свое время и оказались более прозорливыми, чем многие положения, высказанные после него. Поэтому мы считаем необходимым рассказать об этом ученом и отметить его научные достижения, касающиеся изучения хоры Херсонеса Таврического на Гераклейском п-ве. Работа выполнена при финансовой поддержке гранта п№ 33.1470.2017/4.6 Госзадания РФ «Херсонесская колонизация и судьбы местного населения Северо-Западного и предгорного Крыма в раннем железном веке».

Василий Петрович Лисин родился 13 марта 1913 года в селе Большое Шереметьево Моршанского уезда Тамбовской губернии (ныне Пичаевский район Тамбовской области) в семье крестьянина-бедняка. Среднее образование получил, обучаясь в начальной школе (1921-1925 гг.), школе крестьянской молодежи (1925-1928 гг.) и в Моршанском педагогическом техникуме (1928-1930 гг.).

В 1930 году поступил на историко-лингвистический факультет Ленинградского государственного университета на отделение музейно-краеведческой работы. В том же году факультет был преобразован в Ленинградский государственный историко-лингвистический институт (ЛГИЛИ). После окончания весной 1932 года 2-го курса, по предложению дирекции Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), экстерном окончил музейно-краеведческий факультет ЛГИЛИ и осенью был принят в аспирантуру ГАИМК, по специализации – историк-археолог античного периода.

Во время учебы в аспирантуре основное внимание уделял изучению древних языков. С 1931 года ежегодно, кроме 1932, принимал участие в археологических экспедициях, в 1935 проводил самостоятельные раскопки. Для кандидатской диссертации ему было предложены две темы: «Рабские восстания в Птолемеевском Египте» и «Текстильное производство в Птолемеевском Египте». Но он от них отказался, так как главным источником для этих тем являются папирусы, чтение которых предполагает не только хорошее знание древнегреческого языка, но и специальные знания по чтению папирусов. Работая в археологических экспедициях, выбрал темой своей диссертации – «Рабская революция в Херсонесе III в. н. э.». В связи с тем, что тема диссертации была определена только в последний год аспирантуры, для её написания ему был предоставлен год после окончания аспирантуры [Лисин, 1935].

В октябре 1935 года В.П. Лисин приехал в Севастополь, и 28.10.1935 г. был принят на должность научного сотрудника, заведующего Античным отделом Государственного Херсонесского музея. С 1938 г., после отъезда Г.Д. Белова в Ленинград, был назначен заместителем директора по научной части, с сохранением руководства Античным отделом [Стржелецкий, 1958]. Состоял членом, созданного в 1937 году, ученого совета Херсонесского музея, в 1939 был включен в обновленный состав музейного научно-методического совета при Крымском наркомпросе [Андросов, 2014].

В.П. Лисин коренным образом перестроил экспозицию Античного отдела [Лисин, 1938] и регулярно обновлял ее по мере поступления новых находок. В 1938 г. начал работу по приведению в порядок фондов музея – был инвентаризирован ранее неучтенный материал из раскопок 1920-30-х гг. (ранее учитывались только наиболее ценные вещи). Создал лапидарий античных надписей и архитектурных фрагментов. В 1938 г. организовал реставрационную лабораторию [Лисин, 1940].

Василий Петрович активно популяризировал исторические знания, создал кинофицированный лекторий для лекционной работы. Разрабатывал планы экскурсий по Херсонесскому музею [Лисин, 1939а], в 1939 г. издал «Краткий путеводитель по Античному отделу и раскопкам Херсонеса» [Лисин, 1939б]. Опубликовал ряд научно-популярных статей в севастопольской газете «Маяк Коммуны»: «Путеводитель, в котором забыта история» (17.09.1936), «Беречь памятники старины» (2.02.1937), «Археологические раскопки у Камышевой бухты» (26.01.1938), «В Херсонесском музее» (10.01.1941) и др. В 1939 году, в качестве научного консультанта, участво-

вал в работе над научно-популярным фильмом «Херсонес Таврический», снимаемым Киевской киностудией Комитета по делам кинематографии при СНК СССР по сценарию написанному им совместно с режиссером М. Б. Винярским. Фильм вышел на экраны в начале 1940 года [Лисин, 1939в].

С февраля по март 1937 г. В.П. Лисин руководит археологическими разведками в районе Камышовой бухты, в ходе которых было обнаружено 5 ранее неизвестных античных усадьб. Он также внес существенные поправки в план древних межевых сооружений, отмеченных Тяпиным [Лисин, 1939].

С 8 мая по 8 июня того же года была полностью раскопана одна из обнаруженных усадьб, расположенная на берегу Камышовой бухты, рядом с бывшим хутором Стефани. Таким образом, за все время раскопок на Гераклейском полуострове впервые был исследован полностью один из многочисленных памятников античного земледелия [Лисин 1937а; 1937б; 1939в]. Под влиянием полученных в процессе раскопок интереснейших материалов, он меняет тему своей кандидатской диссертации. В результате им была написана диссертация «Античные хозяйства в районе Камышевой бухты, I–IV вв.» на соискание ученой степени кандидата исторических наук [Лисин, 1940б].

В 1940 году с 10 июля по 3 сентября В.П. Лисин участвовал в масштабных раскопках в северной части Херсонеса под руководством Г. Д. Белова, руководил одним из участков [Белов, Якобсон, 1953; Лисин, 1940в, г]. В 1941 г. 26 мая раскопки были продолжены, но их ход прервала Великая Отечественная война, последняя запись в полевом дневнике была сделана Василием Петровичем 21 июня 1941 г. [Лисин, 1941]. Война помешала В.П. Лисину защитить кандидатскую диссертацию.

После вторжения немецко-фашистских захватчиков в Крым В.П. Лисин участвовал в подготовке музейных экспонатов в эвакуации. В ноябре 1941 г. Василий Петрович ушел в партизанский отряд, был назначен политруком одного из отрядов. В.П. Лисин погиб в апреле 1942 г. в районе мыса Айя под Балаклавой.

Главным трудом В.П. Лисина, безусловно, явилась его диссертация. В ней он привел результаты раскопок впервые полностью исследованной античной херсонесской усадьбы, обмеров находящихся рядом земельных участков, классификацию хозяйств на хоре, предложил методику расчетов нормы рабочей силы, урожайности зерновых культур и винограда. В.П. Лисин высказал важные мысли о единичном земельном участке, гражданском наделе, о концентрации земельной собственности и товарном характере виноградарства в Херсонесе [Лисин, 1940б]. Все эти вопросы впоследствии были развиты С.Ф. Стржелецким [Стржелецкий, 1961].

В.П. Лисин в своей диссертации, на основе только лишь изучения планировки межевания хоры Херсонеса в районе Камышевой бухты и сравнения обмеров с полуверстовой картой Тяпина 1886 г., пришел, на наш взгляд к совершенно правильному по сути выводу, несмотря на некоторые непринципиальные ошибки при измерениях длин и площадей участков. Он заключил, что «основной единицей планирования всей земельной площади был квадрат со сторонами в 200 метров и площадью в 40000 кв. м». Далее он справедливо замечает, что «такой квадрат земли назывался в III в. до н.э. ἑατώρυγος (гекаторюг) и являлся нормой земельного надела» [Лисин, 1940б, л. 67]. Интересно, что к этому выводу исследователь пришел, не касаясь расшифровки самого значения слова ἑατώρυγος.

Говоря о норме земельного надела, В.П. Лисин тут же оговаривается, что «с самого начала наиболее знатные из херсонесцев получали земельные участки в несколько раз больше, чем бедное греческое и, тем более, варварское население». Это его замечание, как нам кажется, противоречит обязательному и повсеместному первоначальному делению блоков участков на одинаковые 6 или 4 квадрата со стороной в 209,4 м, которое мы сейчас детально изучили на базе архивных аэрофотографий [Смекалова, Терехин, Пасуманский]. Ученый, на наш взгляд, также не верно предполагал, что основными единицами измерениями на хоре Херсонеса был некий «херсонесский» шаг в 0,666 м [Лисин, 1940б, л. 66].

К сожалению, диссертация В.П. Лисина осталась незащищенной и неопубликованной, а в 1942 г. сам он погибает, сражаясь за Севастополь. Поэтому многие его прозорливые догадки остались неизвестны широкой научной общественности и были недооценены ближайшими коллегами. Относительно расшифровки слова гекаторюг С.А. Жебелёв, независимо пришел, в принципе, к схожему с В.П. Лисиным мнению, рассматривая термин ἑκατώρυγος как прилагательное, назвав для него подходящее существительное κῆρος и предположив, что сам термин сохранился как пережиток от времени основания Херсонеса, когда территория, им занятая, была поделена между колонистами на равные участки [Жебелев, 1953, с. 231]. В.Д. Блаватский также был согласен с вышеизложенной трактовкой; но он ошибочно полагал, что «гекаторюг равен сотне квадратных оргий» [Блаватский, 1953, с. 44], (а не ста оргиям в квадрате, что было бы правильно). Такую же логическую ошибку сделал и С.Ф. Стржелецкий [Стрже-

лецкий, 1961, 53]. Поэтому расчеты этих исследователей не привели ни к каким e,tlbntkmysv сопоставлениям с реальными величинами участков на хоре. Впервые эту ошибку исправили Э.И. Соломоник и Г.М. Николаенко, которые показали, что гекаторюг равен квадрату со стороной в 100 египетских оргий [Соломоник, Николаенко, 1990, с. 86].

Это положение мы сейчас можем доказать, используя коллекцию немецких трофейных аэрофотоснимков 1940-х гг. из собрания Национального архива США (NARA) на Гераклейский п-в. С помощью мозаику геореферированных архивных аэрофотоснимков были получены «аэрофотопортреты» на каждый блок участков и определены точные линейные размеры и площади всех элементов кадастровой системы. Проведен анализ метрологии участков и сделан вывод о том, что гекаторюг, квадрат с стороной 100 египетских оргий или 209,4 м, был единичным гражданским наделом, что и высказал В.П. Лисин еще в 1940 г.! В качестве модуля для измерения и построения площадей в Херсонесе применялась египетская арура, или квадрат со стороной в 100 египетских локтей (52,35 м) [см. статью Смекаловой Т.Н. в этом сборнике, а также: Смекалова, Терехин, Пасуманский, 2018; Смекалова, 2018].

ЛИТЕРАТУРА

Андросов С. А. Основные тенденции музейного строительства в Крыму в 1930-е годы // Историческое наследие Крыма: Сборник статей. Симферополь: «Антиква», 2014. С. 168-180.

Белов Г. Д., Якобсон А. Л. Квартал XVII: (раскопки 1940 г.) // Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). М.-Л.: 1953. 438 с.

Блаватский В.Д. Земледелие а античных государствах Северного Причерноморья. М. 1953.

Лисин В. П. Автобиография // НА ГМЗХТ, д. 391. 1935.

Дневник археологических разведок и раскопок в районе Камышовой бухты. – НА ГМЗХТ, ф. №1, д. 356. 1937а.

Жебелёв В.Ф. Северное Причерноморье. М.-Л. 1953.

Лисин В. П.Отчет об археологическом исследовании памятников на Гераклейском полуострове, в районе Камышовой бухты в 1937 г. // НА ГМЗХТ, ф. №1, д. 531. 1937б.

Лисин В. П. Генеральный план античного отдела [Гос. Херсонесского историко-археологического музея]: [рукопись] // НА ГМЗХТ, ф.№1, д. 473. 1938.

Лисин В. П. Методразработка экскурсии по Гос. Херсонесскому музею на тему «История войн Херсонеса» // НА ГМЗХТ, ф. №1, д. 433-434. 1939а.

Лисин В. [П.] Краткий путеводитель по Античному отделу и раскопкам Херсонеса / Гос. Херсонес ист.-археол. Музей. [Симферополь]: Госиздат Крым. АССР, 1939б.

Лисин В.П. Материалы к фильму «Херсонес Таврический» // НА ГМЗХТ, ф. №1, д. 529. 1939в.

Лисин В.П. Обзор археологических раскопок Херсонеса в 1937 г. // ВДИ. 1939в. № 2. С. 137—140.

Лисин В. П. Государственный Херсонесский историко-археологический музей и площадь раскопок (Материал для справочной книги РСФСР): [рукопись]. Научно-исследовательская работа В. П. Лисина за 1939 - 1940 гг. // НА ГМЗХТ НА, ф. №1, д. № 414. 1940а.

Лисин В. П. Античные хозяйства в районе Камышовой бухты. диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук // НА НЗХТ, ф. №1, д. 561. 1940б.

Дневник раскопок Херсонеса в 1940 г., участок В.П. Лисина (тетрадь № 1). – // НА ГМЗХТ, ф. №1, д. 509, 1940в.

Дневник раскопок Херсонеса в 1940 г., участок В.П. Лисина (тетрадь № 2). – // НА ГМЗХТ, ф. №1, д. 510, 1940г.

Лисин В.П. Дневник раскопок 1941 г. // НА ГМЗХТ, ф. №1, д. 435. 1941.

Смекалова Т. Н., Терехин Э. А., Пасуманский А. Е. Реконструкция античного земельного кадастра Херсонеса Таврического на Гераклейском полуосторве с использованием методов дистанционного зондирования // ВДИ, 2018, 3, (в печати).

Смекалова Т. Н. О величинах площади и единицах ее измерения на хоре Херсонеса Таврического // ВДИ, 2018, 3, (в печати).

Соломоник, Э.И., Николаенко, Г.М. О земельных участках Херсонеса в начале III в. до н.э. (к IOSPE I2, 403) // ВДИ 2, 79–99.

Стржелецкий С. Ф. Некролог В. П. Лисина // НА ГМЗХТ, ф.№1, д. 727. 1958.

Стржелецкий, С.Ф. Клеры Херсонеса Таврического // ХСб. VI, 1–247. 1961.

Рис. 1. Василий Петрович Лисин (1913-1942 гг.)

СТОЯНОВА А. А.
(ИАК РАН, Симферополь)

ЖЕНСКИЙ КОСТЮМ ПРЕДГОРНОГО КРЫМА IV В. Н. Э.: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

В результате раскопок некрополей римского времени предгорного Крыма в течение последних десятилетий накопился многочисленный материал, позволяющий обратиться к исследованию костюма варварского населения полуострова. Попытка реконструировать женский костюм II – первой половины III в. н. э. на основании изучения материалов раскопок Нейзацкого могильника была предпринята ранее (Стоянова 2011). Основным изменениям в костюме жительниц крымских предгорий, произошедшим в IV в. н. э., а также возможным причинам этих инноваций посвящен настоящий доклад.

Об основных элементах женского костюма IV в. н. э. можно судить на основании материалов раскопок расположенных в центральной части крымских предгорий некрополей. Для реконструкции убора было изучено 54 женских захоронения IV в. н. э. из двух наиболее полно исследованных могильников — Дружное и Нейзац[1] (Храпунов 2002; Храпунов 2011). Выборку составили погребения с сохранившимся in situ инвентарем. Большинство таких захоронений (64%) были совершены в склепах. Остальные 36% погребений представляют собой преимущественно индивидуальные или, реже, парные, захоронения из подбойных и грунтовых могил. 22 захоронения атрибутированы как женские в результате антропологических исследований, пол остальных погребенных был определен на основании состава погребального инвентаря.

Основными аксессуарами женского костюма предгорного Крыма в IV столетии были фибулы, пряжки, бусы, нашивные бляшки. Разнообразные украшения — браслеты, кольца, ожерелья из бус, подвески, не свя-

[1] *Благодарю И. Н. Храпунова за предоставленную возможность работать с неопубликованным материалом из могильника Нейзац.*

занные собственно с одеждой, тем не менее, дополняли костюм и являлись его неотъемлемой частью.

Фибулы. Сопровождали 16% изученных погребений. По сравнению с более ранним периодом, использование фибул в IV в. н. э. существенно сократилось: во II – первой половине III в. н. э. фибулы сопровождали 58% женских захоронений (Стоянова 2011, с. 116–117). Меняются типы застежек: преобладающими становятся бронзовые или серебряные прогнутые подвязные фибулы, увеличивается количество железных фибул, тип которых определить затруднительно из-за плохого состояния вещей. В погребениях фибулы встречены по 1 экземпляру, располагались они в районе груди умершей, или, в одном случае, — на правом плече. По всей видимости, в IV в. н. э. продолжает бытовать традиция скреплять края верхней плечевой одежды одной фибулой, но, судя по редкости этих вещей, более распространенным становится бесфибульный женский костюм.

Пряжки. Обнаружены в 17% изученных женских погребений. Они, в основном, относятся к широко распространенному в IV в. типу пряжек с овальной, расширенной в передней части, рамкой и загнутым за нее язычком. Во II – III вв. н. э. число женских погребений с пряжками составляло лишь 7%, причем во всех случаях пряжки сочетались в костюме с фибулами. В комплексах IV в. н. э. пряжки, напротив, ни разу не встречены вместе с фибулами. Чаще всего пряжки фиксируются в районе живота или таза умершей, что позволяет говорить о ношении пояса. Другие элементы ременной гарнитуры в женском уборе не использовались ни в IV в., ни в предшествующий период. Только один раз в женском погребении конца II – первой половины III в. н. э. были обнаружены наконечники ремней, но их расположение в могиле не позволяет связывать эти предметы с костюмом (Стоянова 2011, с. 118).

Браслеты сопровождали женские захоронения только в двух случаях, **перстни и кольца** найдены в 31% изученных погребений (среди комплексов II – первой половины III в. н. э. доля захоронений с браслетами составляет 14%, с кольцами — 21%). Появляются неизвестные ранее проволочные кольца с перевязанными концами. Аналогичные украшения были типичны для черняховской, вельбаркской и пшеворской культур. Население центральной Европы использовало такие кольца в основном в качестве элементов сложносоставных подвесок. В черняховских захоронениях кольца с перевязанными концами нередко располагались возле черепов или плеч умерших и могли предназначаться для украшения волос (Гопкало 2012). В погребениях предгорного Крыма фиксируется иной

способ использования этих изделий — кольца были либо надеты на фаланги пальцев, либо лежали возле щиколоток.

Серьги сопровождали 14% изученных погребений. Примерно такой же процент погребений с серьгами (12%) наблюдается среди комплексов более раннего времени. Но типы украшений совершенно иные: если в II – первой половины III в. н. э. преобладающим типом являлись крупные проволочные серьги с петелькой и крючком на концах, то в погребениях IV в. преобладают небольшие кольцевидные серьги с незамкнутыми концами, один из которых, как правило, заострен. Со второй половины III в. н.э. в предгорном Крыму появляются украшения, преимущественно серьги, выполненные в т. н. сердоликовом стиле — с дужкой и щитком, украшенным в центре сердоликовой или стеклянной вставкой. Большинство серег этого типа найдены, правда, в детских погребениях.

Жительницы предгорного Крыма в IV в. н.э. продолжают расшивать свой костюм штампованными бляшками из золотой фольги. Эта традиция характерна для сарматской культуры и наиболее ярко проявлялась в богатых погребальных комплексах среднесарматкого времени. Погребения IV в. н. э. с бляшками в Дружненском и Нейзацком некрополях немногочисленны, причем почти все они ограблены, что не позволяет судить о первоначальном количестве этих украшений и их расположении на костяке. Только один раз — в склепе № 485 из Нейзацкого могильника — набор бляшек удалось зафиксировать in situ на шейных позвонках женского захоронения. По всей видимости, бляшки использовались для обшивки ворота платья (Храпунов, Стоянова 2014, с. 183–184, рис. 5, 6).

Бусы найдены в 77% женских захоронений. Во II – первой половине III в. н. э. бусы сопровождали 98% комплексов. Вряд ли можно говорить о серьезном падении популярности этих украшений среди жительниц крымских предгорий в IV в. н. э., поскольку бусы все равно остаются самой массовой категорией погребального инвентаря и, зачастую, единственным видом украшения одежды. Количество бус в индивидуальном наборе также сокращается, составляя в среднем 30–50 экземпляров. Наблюдается достаточно устойчивое сочетание типов бус в наборах, основу которых чаще всего составляют мелкие (до 10 мм) округлые или граненые пронизи из темно-синего, зеленого или черного стекла. Широкое распространение в женском и, особенно, детском костюме получают янтарные восьмерковидные подвески.

В женском костюме предгорного Крыма IV в. н. э. продолжают использоваться те же элементы, что и в предшествующее время. Однако

изменения в количественном составе аксессуаров, их типах и сочетаниях в рамках индивидуального убора позволяет говорить об определенных изменениях. Костюм этого времени сохраняет черты, характерные для скифо-сарматского убора II – первой половины III в. н. э., и отражает тенденции, происходившие с элементами костюма в позднесарматское время на обширной территории восточноевропейских степей. Об этом свидетельствуют использование пряжек обычных для позднесарматской культуры типов, нашивных бляшек, бус, изделий, выполненных в сердоликовом стиле. В то же время в костюме появляются новые типы вещей, свидетельствующие об ином культурном влиянии с северо-запада, преимущественно с ареала черняховской культуры. Это, прежде всего, фибулы черняховского типа, проволочные кольца с перевязанными концами, янтарные восьмерковидные и железные ведерковидные подвески. Наиболее ярко германское влияние отражено в наборах бус: близкие крымским по составу наборы были характерны для женского восточногерманского костюма, достаточно хорошо изученного по материалам черняховских могильников. Не исключено, что под влиянием «черняховской моды» у женского населения предгорного Крыма исчезает традиция расшивать края одежды бусами, бытовавшая во II – III вв. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

Гопкало О. В. Прикраси волосся у дівочому вбранні населення черняхівської культури / О.В. Гопкало // Археологія і давня історія України. Вип. 8. Київ: ІА НАН України, 2012. С. 109–116.

Стоянова А. А. Аксессуары женского костюма II – первой половины III в. н.э. из могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь: Издательство «Доля», 2011. С. 115–152.

Храпунов И. Н. Могильник Дружное (III – IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictvo Universitetu Marii Curie-Skladowskiej, 2002. 313 с.

Храпунов И. Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь: Издательство «ДОЛЯ», 2011. С. 13–113.

Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Об имущественной и социальной дифференциации населения предгорного Крыма позднеримского времени // КСИА. 2014. Вып. 234. С. 176 – 199

СУВОРОВА Н. И., СЕРГО С. В., ЛАЗАРЕВ Н. В.
(Азовский музей-заповедник,
Азов; ЭКЦ ГУ МВД России, Ростов-на-Дону)

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ ДАКТИЛОСКОПИИ И ТРАСОЛОГИИ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ПРЕДМЕТОВ КОРОПЛАСТИКИ ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО ГОРОДИЩА

Несмотря на внешнее сходство терракотовых предметов, обнаруженных при исследовании различных памятников, не всегда удается с полной достоверностью определить место и время их производства. И здесь на помощь приходят естественно - научные методы исследования. Один из новейших среди них – дактилоскопия (от греч. δάχτυλο – «палец» и σκοπέω– «смотрю, наблюдаю»), являющаяся подотраслью трасологии и изучающая отпечатки пальцев человека.

На внутренней и внешней поверхности некоторых предметов коропластики сохранились отпечатки пальцев древних мастеров, позволяющие определить их половозрастные характеристики, а также технологические особенности работы с глиной. Впервые авторами статьи этот метод использовался при изучении терракотовых статуэток Танаиса и дал положительный результат (Лазарев, Серго, Суворова, 2016: 169).

Настоящее исследование является продолжением вышеупомянутого. Елизаветовское городище – известный памятник античного времени – представляло собой крупнейший политический и экономический центр в Нижнедонском регионе в V-III вв. до н. э., имеющий широкие связи с Боспором, городами Северного Причерноморья и Средиземноморья. За длительный период археологического исследования на этом памятнике было обнаружено более 130 терракот, хранящихся в Учебном музее археологии Института истории и международных отношений Южного Федерального университета, в ГБУК РО «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник», а также в ГБУК РО «Ростов-

ский областной музей краеведения».[1]

В данном докладе приводятся результаты дактилоскопического исследования предметов коропластики из Учебного музея археологии ЮФУ и Азовского музея-заповедника.

Все исследования проводились при помощи фотографирования объектов цифровой фотокамерой Canon S100 и осветительной системы «KAISER 2S XA». В процессе исследования объектов применялась дактилоскопическая лупа четырехкратного увеличения. Все измерения проводились с помощью линейки ГОСТ 17435.

Из 42 предметов коропластики, хранящихся в Азовском музее-заповеднике, 35 были найдены на Елизаветовском городище. Это, прежде всего, протомы Деметры, объемные женские статуэтки и объемные статуэтки, изображающие коней. На некоторых из них были обнаружены отпечатки пальцев древних мастеров. Два предмета было отобрано для дактилоскопического исследования.

Среди них фрагмент верхней части односторонней протомы Деметры, обнаруженной в 1972 году на раскопе VII в центральной части городища на акрополе (рис. 1) (Брашинский, Марченко, 1972: рис. 98). Протомы Деметры этого типа относятся к самой многочисленной в количественном отношении групп находок данной категории из Елизаветовского городища и датируются первой третью III в. до н. э. Они имеют широкие аналогии среди терракоты боспорского производства, обнаруженной в Танаисе, Пантикапее, Мирмекии, Тиритаке, Китее, Нимфее, Порфмии, Фанагории и Горгиппии.

На внутренней поверхности верхней части протомы было зафиксировано глубокое пальцевое вдавление, повторяющее форму верхней фаланги пальца, а также многочисленные отпечатки пальцев мастера. Учитывая расположение следа на предмете, предположительный захват предмета мастером во время отминки, и фиксацию следа пальца руки на последний момент отминки, можно отследить механизм образования следа (Ивашков, 1999: 27). Он был оставлен большим пальцем левой руки. Определить предположительный возраст мастера, выполнившего данную терракоту, и его пол не представляется возможным, так как след пальца руки на объекте оставлен объемный и в динамике, а не статическим образом на ровной поверхности (прямое отображение).

[1] *Выражаю глубокую признательность В. П. Копылову, кандидату исторических наук, профессору, и А. Н. Коваленко, кандидату исторических наук, заведующему Учебным музеем археологии ИИМО ЮФУ за возможность работать с отчетами и предметами их раскопок.*

Второй предмет из фондов Азовского музея-заповедника, отобранный для исследования, представляет собой среднюю часть односторонней большой протомы Деметры, которую обычно изображают с нависающим над ее головой покрывалом (рис. 2). Он был обнаружен в 1971 году в центральной части городища на акрополе на раскопе VI и датируется второй половиной IV – первой четвертью III в. до н. э. (Брашинский, Марченко, 1971: 27). Подобные протомы относят к херсонесскому производству.

На фрагменте средней части односторонней большой протомы Деметры с оборотной стороны в правом верхнем углу отобразилось два следа снизу вверх. Учитывая размеры следов, их форму, направление и крутизну потоков папиллярных линий, можно сделать вывод о том, что следы оставлены ногтевой(ыми) фалангой(ами) пальца(ев) руки. Учитывая взаимное расположение следов на предмете, предположительный захват предмета мастером во время отминки и фиксацию следов пальцев руки на последний момент отминки, можно отследить механизм образования следов и сделать вывод о том, что они оставлены пальцем(ами) левой руки женщины старше 18 лет (данные с учетом современного человека) (Трасология. Справочник криминалиста. Том 1. Гомеоскопия,1997: 97,таблица 2.11, 2.12).

Нами было также исследовано 28 терракотовых предметов из Елизаветовского городища, хранящихся в Учебном музее археологии Института истории и международных отношений Южного Федерального университета. Семь из них, содержащих четкие следы отпечатков пальцев мастеров, было отобрано для дактилоскопического исследования.

Среди них фрагмент лицевой части объемной женской статуэтки херсонесского производства, изображающей, по-видимому, Деметру и датирующейся концом IV – началом III в. до н. э. (рис. 3). На оборотной стороне статуэтки в нижней части был обнаружен след от пальца мастера. Учитывая размер следа, его форму, направление и крутизну потоков папиллярных линий, можно сделать вывод о том, что след оставлен ногтевой фалангой пальца левой руки женщины старше 18 лет.

Второй предмет терракоты представляет собой фрагмент верхней части протомы Деметры, найденный в 1993 году на раскопе XXX-XXXI (рис. 4). Иконографически и морфологически он близок к протоме, хранящейся в Азовском музее-заповеднике (рис. 1). На оборотной стороне фрагмента был обнаружен вдавленный след. Учитывая размер следа, его форму, направление и крутизну потоков папиллярных линий, можно сделать вывод о том, что след оставлен ногтевой фалангой большого пальца

левой руки. Определить предположительный возраст мастера, выполнившего протому Деметры, и его пол, не представляется возможным, так как след пальца руки на объекте оставлен объемный и в динамике, а не статическим образом на ровной поверхности (прямое отображение).

Следующая терракота, отобранная для исследования, представляет собой верхнюю часть протомы Деметры, найденную в 2009 году на раскопе XXXIV в ходе зачистки площади помещения 97 дома 31 и датирующуюся первой третью III в. до н. э. (рис. 5) (Копылов, Коваленко, 2010: 25). На оборотной стороне этой терракоты, в нижней части справа, был обнаружен след. Учитывая размер следа, его форму, направление и крутизну потоков папиллярных линий, можно сделать вывод о том, что след оставлен ногтевой фалангой пальца левой руки женщины старше 18 лет.

В 2012 году на раскопе XXXIV был открыт эллинский культовый комплекс. Он располагался в наиболее высокой части акрополя скифского городища и представлял собой постройку площадью более 100 кв. м, состоящую из трех помещений (Копылов, 2015 б: 121). В помещении 116 этого комплекса, представлявшего, по-видимому, алтарную часть, было обнаружено пять терракотовых статуэток: Диониса, Кибелы, Аттиса и двух женских, изображающих, вероятно, дароносительниц. На двух из них были обнаружены четкие отпечатки пальцев мастеров, пригодные для дактилоскопического исследования.

Первая представляет собой объемную статуэтку боспорского производства, изображающую сидящую на троне Кибелу и датирующуюся первой третью III в. до н. э. (рис. 6). На груди Кибелы медальон, а в левой руке конусовидный предмет, изображающий, вероятно, гору. На оборотной стороне терракоты в центре был обнаружен след пальца руки мастера. Учитывая размер следа, его форму, направление и крутизну потоков папиллярных линий, можно сделать вывод о том, что след оставлен ногтевой фалангой пальца левой руки мужчины старше 18 лет.

Большой интерес для нашего исследования представляет еще одна терракота боспорского производства из эллинского культового комплекса Елизаветовского городища. Это объемная женская статуэтка, изображающая, вероятно, дароносительницу (рис. 7). Ближайшая ей аналогия, фрагмент терракоты боспорского производства из мирмекийского зольника, датируется концом IV – первой половиной III в. до н. э. (Денисова, 1981: 38). На объемной статуэтке дароносительницы с внутренней стороны снизу был обнаружен след пальца руки мастера. Учитывая размер следа, его форму, направление и крутизну потоков папиллярных линий,

можно сделать вывод о том, что след оставлен ногтевой фалангой пальца правой руки женщины старше 18 лет.

Следующая терракота, отобранная для исследования, представляет собой фрагмент нижней части протомы Деметры, обнаруженной в 2014 году на раскопе XXXVI на северном участке акрополя городища и датирующейся первой третью III в. до н. э. (Копылов, 2015 а: 41) (рис. 8). На данном фрагменте с внутренней стороны вверху был обнаружен отпечаток пальца мастера. Учитывая размер следа, его форму, направление и крутизну потоков папиллярных линий, можно сделать вывод о том, что след оставлен ногтевой фалангой большого пальца правой руки женщины старше 18.

Последняя терракота, интересующая нас, была обнаружена на Елизаветовском городище в 2015 году на акрополе на раскопе XXXVI. Это фрагмент объемной статуэтки херсонесского производства, изображающий сидящую женщину, возможно, Афродиту, и датирующийся III в. до н. э. (рис. 9). На обороте лицевой стороны терракоты был обнаружен отпечаток пальца мастера. Учитывая размер следа, его форму, направление и крутизну потоков папиллярных линий, можно сделать вывод о том, что след оставлен ногтевой фалангой пальца правой руки женщины старше 18 лет.

В ходе исследования мы обратили внимание на абсолютно идентичную форму следа отпечатка пальца мастера на двух протомах Деметры. Первая была обнаружена в 1972 году на Елизаветовском городище на раскопе VII и хранится в Азовском музее-заповеднике (рис. 1). Вторая, обнаруженная на этом же памятнике в 1993 году на раскопе XXX-XXX1, хранится в Учебном музее археологии ИИМО ЮФУ (рис. 4). В результате сравнительного исследования, методом визуального сопоставления признаков папиллярных узоров и трасологических особенностей следов пальцев рук, отобразившихся на двух данных фрагментах протом Деметры, установлены совпадения по типам и видам папиллярных узоров, по направлению и крутизне потоков папиллярных линий, а также по наличию и расположению частных индивидуальных признаков папиллярных узоров и трасологических признаков.

Совпадающие признаки папиллярного узора и трасологических особенностей в следах пальцев рук на обоих фрагментах протом Деметры отмечены красным цветом одноименными цифрами (рис. 10):

- начало папиллярной линии - 5,7,8;
- окончание папиллярной линии - 9;
- границы ногтя мастера - 1,2,3,12.

- свободные участки кожи пальца руки от папиллярных линий –4,6,10,11,13.

Совокупность совпадающих признаков устойчива, индивидуальна и достаточна для вывода о том, что след пальца руки, отобразившийся на фрагменте верхней части односторонней протомы Деметры (рис. 1) и след пальца руки, отобразившийся на другом фрагменте верхней части протомы Деметры (рис. 4), на последний момент отминки оставлены одним мастером.

Таким образом, в ходе проведенного исследования нам удалось установить следующее:

1) Две протомы Деметры (рис. 1, 4) были изготовлены в 300-270 гг. до н. э. на Боспоре, возможно, в Пантикапее, одним мастером в одной форме.

2) Три терракоты (рис. 2, 3, 9) были изготовлены в конце IV - начале III в. до н. э., по-видимому, в Херсонесе, женщинами старше 18 лет.

3) Две протомы Деметры и статуэтка, изображающая дароносительницу (рис. 5, 8, 7), были изготовлены в конце IV - начале III в. до н. э. на Боспоре, возможно, в Пантикапее, женщинами старше 18 лет.

4) Объемная статуэтка, изображающая сидящую на троне Кибелу (рис. 6), была изготовлена в 300-270 гг. до н. э. на Боспоре, возможно, в Пантикапее, мужчиной старше 18 лет.

5) При отминки двух протом Деметры в форме (рис. 1, 4) мастер использовал большой палец левой руки.

6) Другие пять мастеров тоже использовали при отминки терракоты в форме ногтевые фаланги пальцев левой руки.

7) Мастера, изготовившие объемную статуэтку дароносительницы и протому Деметры (рис. 7, 8), использовали при отминки в форме ногтевые фаланги правой руки.

Исследуемые предметы коропластики, найденные на Елизаветовском городище, были привозные. Они изготавливались мастерами Пантикапея и Херсонеса в конце IV – начале III в. до н. э. Среди мастеров преобладали взрослые женщины. Мужчина-коропласт, вероятно, проявил фантазию, дополнив статуэтку, изображающую сидящую на троне Кибелу, новыми атрибутами. При отминки терракот в форме мастера использовали большие пальцы и верхние фаланги пальцев обеих рук в зависимости от размера формы и удобства работы. В дальнейшем проведение подобных исследований предметов коропластики, хранящихся в музеях Крыма, позволит уточнить и расширить сделанные выше выводы.

ЛИТЕРАТУРА

Брашинский И. Б., Марченко К. К. 1971: Отчет о работе Южно-Донской экспедиции в 1971 году. – Архив АМЗ, КВФ 9797 АА 29.

Брашинский И. Б., Марченко К. К. 1972: Альбом иллюстраций к отчету о работе Южно-Донской экспедиции в 1972 году. – Архив АМЗ, КВФ 9797 АА 8.

Денисова В. И. 1981: Коропластика Боспора. Л.: Наука.

Ивашков В. А. 1999: Особенности составления заключения эксперта при выполнении дактилоскопических экспертиз. М.

Копылов В. П. 2015 а: Отчет об исследованиях совместной Южно-Донской экспедиции НМЦА ИИМО ЮФУ и РРО ВВО «ВООПИиК» на территории островной части дельты Дона в Азовском районе Ростовской области в 2014 году. - Архив Учебного музея археологии ИИМО ЮФУ.

Копылов В. П. 2015 б: Эллинский культовый комплекс в Элизаветовском городище на Дону // Боспорские исследования. Вып. XXXI. Керчь: Керченская городская типография, с. 121-126.

Копылов В. П., Коваленко А. Н. 2010: Отчет об исследованиях Южно-Донской экспедиции на островной части дельты Дона в Азовском районе Ростовской области в 2009 году. – Архив Учебного музея археологии ИИМО ЮФУ.

Лазарев Н. В., Серго С. В., Суворова Н. И. 2016: А Мастер кто? (По материалам дактилоскопического исследования терракоты Танаиса). // Боспорские исследования. Вып. XXXII. Керчь: Керченская городская типография, с. 169.

Трасология. Справочник криминалиста. Том 1. Гомеоскопия. 1997: Волгоград.

Рис. 1. Верхняя часть протомы Деметры (Елизаветовское городище, 1972 г., р. VII).

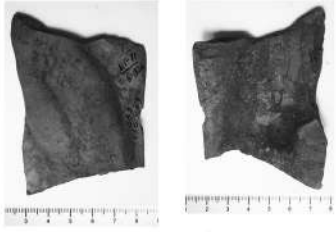


Рис. 2. Средняя часть большой протомы Деметры (Елизаветовское городище, 1971 г., р. VI).

Рис. 3. Фрагмент лицевой стороны объемной женской статуэтки, изображающей Деметру (Елизаветовское городище, 1993 г.).

Рис. 4. Верхняя часть протомы Деметры (Елизаветовское городище, 1993 г., р. XXX-XXXI).

Рис. 5. Верхняя часть протомы Деметры (Елизаветовское городище, 2009 г., р. XXXIV).

Рис. 10. Совпадение частных признаков отпечатков пальцев на двух протомах Деметры.

Рис. 6. Статуэтка, изображающая сидящую на троне Кибелу (Елизаветовское городище, 2012 г., р. XXXIV).

Рис. 7. Статуэтка, изображающая дароносительницу (Елизаветовское городище, 2012 г., р. XXXIV).

Рис. 8. Нижняя часть протомы Деметры (Елизаветовское городище, 2014 г., р. XXXVI).

Рис. 9. Фрагмент женской статуэтки, изображающей Афродиту (Елизаветовское городище, 2015 г., р. XXXVI).

СУДАРЕВ Н.И., КАШАЕВ С.В.
(ИА РАН, Москва; ИИМК РАН, Санкт-Петербург)

ТРАДИЦИЯ ПОГРЕБЕНИЙ В СЫРЦОВЫХ ГРОБНИЦАХ В НЕКРОПОЛЯХ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА АРТЮЩЕНКО-2 И ВИНОГРАДНЫЙ-7[1]

Среди погребальных сооружений в грунтовых некрополях Азиатского Боспора особое место занимают захоронения в сырцовых гробницах[2]. Этот вид гробниц представляет собой сложные и интересные погребальные сооружения.

Происхождению строительной традиции сырцовых ящиков Боспора мы посвятили большой раздел в одной из статей [Иванов, Сударев, 2017, с.175-180]. Не останавливаясь на этом подробно, отметим, что сырцовые гробницы широко распространились по территории Северного Причерноморья и регионам греческой Ойкумены VI-III вв. до н.э. и более раннего времени, а также связаны, в первую очередь, с греческими строительными традициями. На Боспоре такие сооружения появляются с самого начала колонизации территорий Таманского полуострова и Европейского Боспора. Наиболее ранние из них датируются второй половиной VI в. до н.э.

В данной работе рассмотрим погребения в сырцовых гробницах из

[1] *Сударев Н.И. Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по теме государственной работы: 0176-2016-0003 «Археологические культуры Евразийских степей и античный мир - контакты и взаимовлияния».*
Кашаев С.В. Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по теме государственной работы: 0184-2018-0007. «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

[2] *Мы сознательно используем нейтральный термин «гробница», так как в зависимости от конструктивных особенностей данные сооружения могут относиться к разными типам: «ящики», «склепы», «ямы с обкладкой».*

раскопок грунтовых некрополей Таманского полуострова: Артющенко-2 и Виноградный-7.

Древнее поселение и грунтовый некрополь Артющенко-2 расположены в южной части Таманского полуострова: на обрывистом берегу Черного моря между мысом Железный Рог и Бугазским озером, в 17 км к юго-востоку от станицы Тамань и в 4-х км к юго-востоку от поселка Артющенко.

Поселение Артющенко-2 было обнаружено в 1997 г. в ходе разведок Е.Я. Рогова [Рогов, 2000, с. 210]. В 1998-2014 г. Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН проводил его раскопки [Рогов, 2001, с. 164, Кашаев, 2001, с. 131]. Некрополь расположен к востоку от поселения, он был обнаружен после значительного обвала берега, который произошел зимой-весной 2002 г. С 2003 г. Таманский отряд приступил к спасательным раскопкам этого активно разрушающегося некрополя [Кашаев, 2009, с. 188–267; Кашаев, 2010, с. 88–96].

С 2003-2017 гг. на некрополе была исследована площадь около 4950 кв. м., обнаружено 185 погребений, из которых 12 доследовано за грабителями. Такие погребения получили особую нумерацию с литерой «Г». Проведенные работы и находки позволили определить его хронологию и составить представление о размерах некрополя.

Наиболее ранние обнаруженные захоронения датируются концом VI в. до н.э. или рубежом VI-V вв. до н.э. Большинство из датируемых погребений укладывается в промежуток примерно в сто лет, между началом V и началом IV вв. до н.э., часть комплексов относится к III-II вв. до н.э. Считаем, что некрополь укладывается в эти хронологический рамки V-II вв. до н.э. Три самых поздних погребения относятся к IV-V вв. н.э., но пока это единичные случаи, и нет оснований говорить, что захоронения массово продолжались до этого времени.

В некрополе Артющенко-2 обнаружено 17 сырцовых ящиков (Погребения №№ 7, 21, 24, 25, 27, 28, 32, 34, 40, 44, 45, 47, 64, 65, 67, 69, Г12) (Рис.1).

В 2015-2016 гг. сотрудниками Восточно-Боспорской АЭ проводилось археологические раскопки поселения Виноградный-7 и расположенной на площади поселения курганной группы Вышестеблиевская-21.

Поселение Виноградный-7 расположено в 3,5 км к северо-востоку от поселка Виноградный и в 4,8 км к северо-западу станицы Вышестеблиевская. Памятник охраняется государством согласно распоряжению комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных цен-

ностей (наследия) Краснодарского края от 18 декабря 2002 г. №3-р.

Впервые поселение Виноградный-7 было, предположительно, отмечено как «следы античной культуры» на карте древностей Таманского полуострова, составленной в 1920-х гг. С.Ф. Войцеховским. Позднее А.А. Миллер уточнил эту относительную датировку, охарактеризовав интересующий нас объект как поселение, относящееся к «классическому эллинистическому и римскому периоду», и поместив его под №32 на своей карте археологических памятников Тамани, составленной в 1930-31 гг.

В 1980-2000-х гг. разными исследователями на памятнике проводились разведки и раскопки. Все археологические работы 2001-2006 гг., которые формально связывались с поселением Виноградный-7, фактически затрагивали лишь расположенные вблизи поселения курганный и грунтовые некрополи и площадь средневекового селища Гора Чиркова-1 [Сударев, Кашаев, 2016, с.471-479].

В ходе раскопок 2015-2016 гг. памятник исследован на площади около 100 тыс. кв. м. Помимо поселенческих комплексов и объектов, в зону раскопок попала обширная территория некрополя, расположенного в северной и восточной части памятника [Сударев, 2016, с.333-340].

За два сезона работ было обнаружено около 400 погребений античного времени и 155 погребения эпохи средневековья. Основная часть античных захоронений датируется периодом V в. до н.э. – II в.н.э., средневековые относятся к IX-X вв. н.э.

В некрополе Виноградный-7 и курганной группе Вышестеблиевская-21 обнаружено 19 сырцовых гробниц (погребения №№ 20(2015), 32(2015), 60(2015), 31(2016), 33(2016), 48(2016), 55(2016), 1(К.4), 11(К.5), 5(К.6), 14(К.6), 44(К.6), 47(К.6) 67(К.6), 1(К.7), 2(К.7), 4(К.8), 9(К.8), 74(К.8)) (Рис.2).

Сырцовые гробницы делятся на два основных типа по признаку наличия или отсутствия входа (Рис.1; 2). Сырцовые гробницы, представляющие собой замкнутый объем, относятся нами к категории ящиков. К этой категории относится подавляющее большинство известных нам сырцовых сооружений. Практически все известные сырцовые сооружения VI – 3/3 IV вв. до н.э. относятся именно к этому типу - IV/2 по типологии предложенной Н.И. Сударевым [Сударев, 2005, с. 14]. Сырцовые склепы появляются только в IV в. до н.э., причем, ближе к его последней трети. До недавнего времени они не были известны; их массовое исследование произошло в результате раскопок некрополя Виноградный-7, курганной группы Вышестеблиевская-21 (№ 32/2015, 33/2016, 14, 44, 47, 67(к.6), 4, 9(к.8)) и соседнего некрополя Виноградный Северо-Восточный. Все они практически имеют одну и ту же форму: прямоугольное сооружение со входом с правой стороны (Рис.2). Обычно вход представляет собой прямоугольный пандус длиной около 1,0-1,5 м и шириной до 1 м, часто оформленный в виде ступеней. Лишь в двух случаях вход был расположен в центральной части узкой стороны (№ 32/2015 и, возможно, 14(к.6)). В одном случае вход был расположен справа, однако пандус со ступенями по ширине был равен узкой стороне сооружения и оформлен сырцовыми стенами как дополнительная камера «преддверие» (№ 4(к.8)).

При строительстве сырцовых ящиков и склепов использовалось несколько конструктивных вариантов [Кашаев, 2009, с. 214]. Общим являлось то, что для постройки сырцового ящика сначала выкапывали котлован прямоугольной формы. Затем из сырцовых кирпичей выкладывали стены ящика, потом делали перекрытие. Перекрытие могло быть двух видов.

Первый вид – сырцовые стены перекрывали горизонтальным настилом из досок, которые должны были поддерживать выложенную поверх них сырцовую крышу сооружения.

Второй вид – это полуциркульный свод, сложенный из кирпичей. Не исключено, что и в этом случае могли присутствовать подпорные деревянные конструкции. В редких случаях удавалось зафиксировать наличие в заполнении погребений фрагментов древесного тлена.

Конструкции стен сырцовых гробниц выделены по материалам некрополя Артющенко. Они так же имеет несколько вариантов исполнения. В первом случае кирпичи вдоль длинных стен клали плашмя, а вдоль коротких стен ставили на ребро (погребения №№ 25, 27, 28, 34). Во втором кирпичи вдоль всех стен ставили на ребро (погребения №№ 24, 44), в третьем кирпичи вдоль всех стен клали плашмя (погребения №№ 7, 32, 40, 45, 47). В некрополе Виноградного-7 практически все сырцовые гробницы относятся к третьему варианту.

Скорее всего, выбор какого-либо варианта при строительстве стен гробницы не связан с обрядовыми тонкостями, а зависел исключительно от количества строительных материалов (кирпичей), т.е. финансовых возможностей заказчика. При этом можно предположить, что после завершения строительства и всех отделочных работ, склепы, сложенные в разной технике, внешне выглядели практически одинаково.

Пол в сырцовых гробницах представлен двумя видами: одноуровневый и разноуровневый. Они отличаются тем, что во втором случае по-

середине или с краю было выкопано дополнительное пространство. В результате получалось либо две лежанки и проход посередине, либо место для установки гроба или саркофага и полка для инвентаря[3]. В одноуровневых полах зафиксированы дополнительные конструктивные элементы – канавки или ямки для установки ножек саркофагов либо клинэ[4]. Пол склепа мог быть полностью земляным, тогда все необходимые канавки и углубления выкапывали в грунте. Иногда пол частично или целиком выкладывали сырцовыми кирпичами. Реже встречаются случаи, когда пол выложен сырцовыми кирпичами, а посередине или сбоку вырыто дополнительное углубление для установки гроба или саркофага. Известны так же случаи, когда разноуровневое пространство было сформировано сырцовыми конструкциями – лежанками с одной, двух или трех сторон. В некрополе Артющенко зафиксирован первый - одноуровневый - вариант пола, часто (особенно в ранних погребениях) с дополнительными ямками или канавками (в ногах и в голове), например Погребение 45 (Рис.1). Такой вариант пола наиболее характерен для ранних некрополей и встречается также в некрополе Волна 1 и Фанагории. Для IV века до н.э. наиболее характерен простой одноуровневый без дополнительных элементов пол как земляной, так и выложенный сырцовыми кирпичами. Он наиболее типичен и для некрополя Виноградного 7. Разноуровневые полы характерны для наиболее поздних захоронений и чаще встречаются, начиная со второй половины IV в. до н.э. и в особенности в склепах конца IV- первой половины III в. дон.э.

Одной из функций сырцовой гробницы является использование его в качестве семейной усыпальницы, предполагающей возможность последующего подзахоронения родственников. В некрополе Артющенко это было зафиксировано в нескольких случаях (погребения №№ 21, 25, 32), причем в стене одного склепа с восточной стороны зафиксирован проем (погребение № 32), который мог быть входом. В некрополе Виноградный-7 значительная часть сырцовых гробниц потревожена в древности, однако в подавляющем большинстве случаев мы можем предполагать неоднократные захоронения в сырцовых гробницах. Из 19 сооружений только в 4-х мы можем с большой долей вероятности говорить об одном погребенном, еще в 2-х случаях из-за сильного ограбления – предполагать однократное захоронение. В остальных случаях мы имеем неоднократные погребения. Практически во всех склепах также совершены многократные (до 11[5] погребенных) захоронения.

Подведем некоторые итоги. Наиболее ранними являются сырцовые ящики типа IV/2 с одноуровневым полом и часто с дополнительными элементами – канавками или ямками для установки ножек клинэ. Основная часть этих погребений содержала по одному погребенному, реже – по два. В целом они отличаются от основной массы погребений лишь относительно большим разнообразием инвентаря, выделяясь среди прочих погребений, в первую очередь, усилиями, затраченными на строительство самого сооружения. Для погребений IV в. до н.э. более распространенными являются парные и многократные погребения. Практически исчезают дополнительные ямки и канавки в полу[6], однако появляются разноуровневые полы. В последней трети IV в. до н.э. появляются семейные сырцовые склепы с многократными захоронениями. В них становятся обычными полы разного уровня, формирующие пространство гробницы и предполагающие 2-3 лежанки[7]. Количество погребенных могло достигать 10 и более человек, а время активного функционирования гробницы – несколько десятилетий. Одновременно появляются и грунтовые склепы, которые впоследствии сменяют сырцовые. Вопрос о преемственности между сырцовыми склепами и грунтовыми мы оставляем открытым. Однако обратим внимание на наличие склепа, совмещающего в себе признаки и сырцового, и грунтового (№ 47(к.6)). Он имеет форму аналогичную сырцовым склепами и обмазку стен глиной, что делает его изнутри схожим с типичной сырцовой гробницей. Но по совокупности признаков он ближе к грунтовым склепам и является фактически переходным вариантом.

Сырец и в дальнейшем продолжает использоваться в погребальном строительстве в качестве закладов в подбоях и грунтовых склепах, однако, это тема отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

[3] *Или, как вариант – одна лежанка и проход*

[4] *Реже встречаются канавки по периметру или по одной из сторон. В исследуемых некрополях таких случаев неизвестно.*

[5] *11 погребенных выявлено в сырцовом склепе аналогичной конструкции на соседнем некрополе – Виноградном Северо-Восточном.*

[6] *Видимо, это связано с тем, что ямки и канавки предполагают наличие в погребении только одного клинэ или саркофага.*

[7] *В случае, если делался проход между лежанками на всю длину сооружения, получалось две лежанки; если проход был сделан не до конца, то формировалось три ложа буквой «П».*

Кашаев С.В. Раскопки поселения Артющенко-2 //Археологические открытия
2000 г. М. 2001. с. 131-132.
Кашаев С.В. Некрополь Артющенко-2 (общая характеристика, результаты
раскопок 2003–2005 гг., погребения № 1–23) // Степи Евразии и история Боспора Киммерийского. Боспорские исследования Т. XXII Симферополь; Керчь. 2009. С. 188–267.
Кашаев С. В. Исследования некрополя Артющенко-2 в 2007–2008 гг. //
ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья: Новейшие открытия и находки. М., Киев, 2010. Вып. 1. С. 88–96.
Рогов Е.Я. Разведки на юге Таманского полуострова //Археологические
открытия 1998 г. М. 2000. С. 210-211.
Рогов Е.Я. Работы на юге Таманского полуострова //Археологические
открытия 1999 г. М. 2001. С. 163-164.
Сударев Н.И. Грунтовые некрополи боспорских городов VI-II вв. до н.э. как
исторический источник. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М. 2005. 26 с.
Сударев Н.И., Кашаев С.В. История исследования поселения Виноградый-7 и
работы на памятнике в 2015 г. //Боспор Киммерийский и варварский мир
в период античности и средневековья. XVII Боспорские Чтения. Керчь.
2016. с.471-479.
Сударев Н.И. Погребения некрополя Виноградный-7 (раскопки 2105-2016
гг.) //Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы
международного круглого стола. СПб. 2016. с. 333-340.

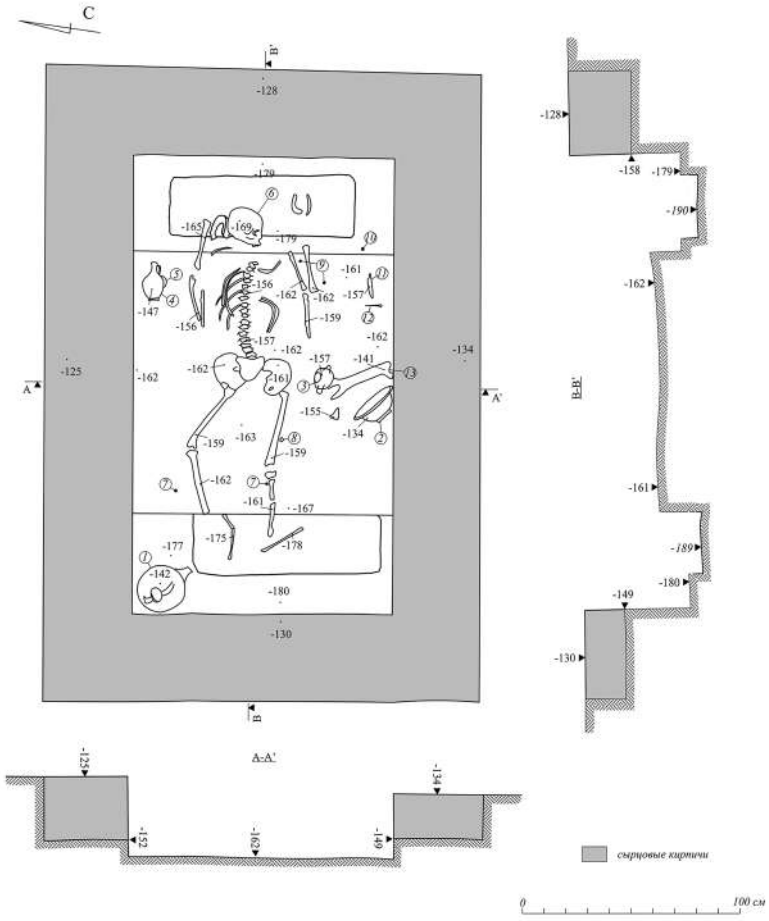


Рис.1 Некрополь Артющенко-2. Погребения 45. План и профили.
1- амфора протофасосская; 2- миска красноглиняная; 3- килик чернолаковый;
4- лекиф красноглиняный; 5- мисочка с ручкой; 6- спиральные подвески серебряные 2шт.;
7- навершия серебряные; 8- перстень бронзовый; 9- бусины гагатовые; 10- пряслице свинцовое; 11- нож железный; 12- игла бронзовая; 13- кость животного.

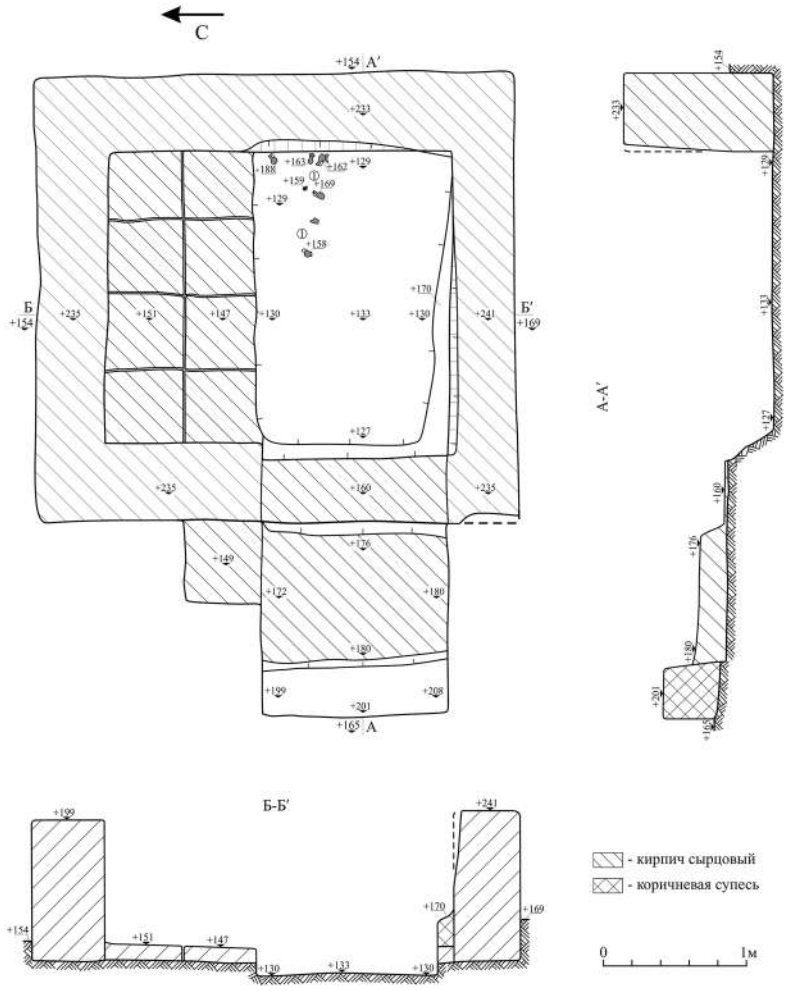


Рис.2 Некрополь Виноградный-7. Раскоп 4. Погребение 33. План и профили.
1- лекиф арибаллический с пальметкой, 7 шт.

СУДАРЕВ Н.И., ПОРОТОВ А.В., ГАРБУЗОВ Г.П.
(ИА РАН; МГУ, Москва; ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)

ПУТЬ ИЗ СИНДИКИ В СИНДИКУ: ЗНАЧЕНИЕ АНАПСКОЙ ПЕРЕСЫПИ В ИСТОРИИ РЕГИОНА

ВВЕДЕНИЕ

Среди вопросов, поднятых изучением этнокультурной динамики Таманского полуострова и Анапского региона, самостоятельный интерес представляет реконструкция развития Анапской пересыпи. Связано это со значением данной пересыпи в качестве сухопутного соединения Таманского и Анапского побережий. Особенности распределения археологических памятников и сопутствующего им археологического материала свидетельствуют о том, что в античное и средневековое время Анапскую пересыпь следует рассматривать в качестве важнейшего пути, связавшего юго-западную часть Таманского полуострова с Анапским регионом.

Палеогеографический контекст

Анапская пересыпь представляет собой сложное аккумулятивное образование протяженностью около 40 км, состоящее из Бугазской и Витязевской пересыпей, отделяющих от моря одноименные лагуны-лиманы, разделенных поднятием коренного рельефа – Благовещенским останцем. К востоку от Витязевского лимана до Анапского мыса на расстоянии около 15 км к коренному берегу прилегает широкая песчаная терраса, образованная древними береговыми валами, поверхность которых перекрывается серией дюнных массивов, высотой до 8–10 м. Бугазская и Витязевская пересыпи и прилежащая с востока Джеметинская терраса в совокупности представляют собой звенья единой береговой системы, объединенных миграциями наносов в береговой зоне. Условия поступления наносов в береговую зону за последние 4,0–5,0 тыс. лет менялись под влиянием колебаний уровня моря и в результате размыва и отступания коренных берегов, что сопровождалось общим выравниванием контура береговой линии.

Результаты изучения истории развития этого участка побережья [Невесский, 1967; Измайлов, 2005] показали, что его эволюция охватывает последние 5,0 тыс. л. На Бугазском участке пересыпь представлена единым валом, перекрываемым маломощными дюнами. На Витязевском и Джеметинском участках пересыпь состоит из трех морфологически и литологически разнородных продольных зон, последовательность формирования которых отражает развитие пересыпи в условиях колебаний уровня моря, а также обусловлена ритмичностью поступления наносов с расположенного к западу участка абразионного берега и прилежащих участков дна.

Результаты геолого-геоморфологических исследований побережья Анапской пересыпи [Невесский, 1967; Измайлов, 2005] позволили провести реконструкции эволюции контура береговой линии в ходе голоценовой трансгрессии Черного моря. В частности, до возрастного рубежа около 4,0 тыс. л. Бугазский и Витязевский участки берега развивались относительно самостоятельно, будучи разделенными выступом коренного берега в районе Благовещенского останца. Согласно реконструкциям Е.Н. Невесского [1967], в интервале 7,0–6,5 тыс. л.н. при положении уровня моря на 10 м ниже современного Витязевский лиман представлял собой частично отгороженный от моря мелководный залив, на Джеметинском участке к морю открывался ряд небольших лиманов, расположенных в низовьях долин малых рек (Цибанова балка, Анапка). Древний аналог Бугазской пересыпи соединял западную окраину Благовещенского останца с выступом коренного берега западнее оз. Соленого.

Исследования Е.Н. Невесского [1967] позволили установить, что один из древних реликтов Анапской пересыпи залегает перед фронтом современной пересыпи на глубинах 6–9 м. Реликтовая пересыпь фиксируется в виде линзы песчано-ракушечного материала между банкой Марии Магдалины и коренным берегом восточнее м. Железный Рог. В сторону от реликта пересыпи под маломощным покровом современных прибрежных отложений протянулась линза лагунных илов, уходящих под современную Бугазскую пересыпь. Возраст этой древней береговой линии составляет 6675–6040 л.н и хорошо соотносится с возрастом горизонта торфа в дельте Кубани (6890–6664 л.н), залегающего на современных глубинах 7–8 м.

Дальнейшие исследования литологического строения Анапской пересыпи показали достаточно сложный ритмичный характер слагающей ее толщи отложений, отражающий последовательность выполнения палеодолины р. Кубани в ходе голоценовой ингрессии моря, отчленение

мористого края палеодельты аккумулятивными барьерами и их последовательного смещения в сторону суши вслед за поднимавшимся уровнем моря.

Результаты проведенных исследований [Поротов и др., 2004; Измайлов, 2005] доказывают, что на раннем этапе, охватывающем 8,0–4,0 тыс. л.н., Бугазский и Витязевско-Джеметинский участки развивались относительно самостоятельно, разделенные выступом коренных пород, составляющих Благовещенский останец.

На Витязевско-Джеметинском участке существовал обширный изолированный лиман, ограниченный с запада выступом коренного берега в районе Благовещенского останца, а с востока – Анапским мысом. В пределах Джемитинской террасы к морю открывались два частично изолированных лимана, располагавшихся на месте современных Цибановой балки и Анапского лимана. В строении Витязевской пересыпи отмечается толща песчано-раковинных отложений мощностью свыше 15–20 м [Невесский, 1967; Айбулатов и др., 1990; Измайлов, 2005], что указывает на достаточно устойчивое существование данного надводного образования на протяжении последних 5,0 тыс. л. Структура верхней части отложений, слагающих данную пересыпь, представляет собой три разновозрастные генерации древних береговых валов, формирование которых связанно с последовательными фазами голоценовой трансгрессии, охватывавшими 5,2–4,7, 4,2–3,2 и последние 1,1 тыс. лет назад.

На рубеже 4,0–3,5 тыс. л.н. в ходе достижения уровнем моря его современного положения, разрушение мористого края выступа Благовещенского останца, разделявшего западную и восточную ветви пересыпи, сопровождалось выравниванием береговой линии и объединением Бугазской и Витязевской ветвей Анапской пересыпи в единое аккумулятивное образование. Радиоуглеродное датирование раковинного материала из толщи погребенных лагунных илов, подстилающих отложения Бугазской пересыпи, показало, что возраст существования одной из ее древних генераций, отделявших от моря лиман при положении уровня моря на 4,0–5,0 м ниже современного, составляет 3.8–2.0 тыс. лет назад. Размыв и отступание коренного берега на участке оз. Соленое – м. Железный Рог сопровождались общим разворотом контура береговой линии по часовой стрелке. При сохранении основного стока р. Кубани в Черное море Бугазская пересыпь оставалась прорванной сравнительно широкой, но мелководной протокой стока.

В сер. I тыс. до н.э. в условиях слабого понижения уровня моря на

2–3 м Бугазская пересыпь сохранялась как надводное образование, расположенное на 1,0–1,5 км мористее современной береговой линии. Это подтверждается залеганием отложений древней пересыпи на глубинах 3–5 м перед мористым фронтом современной пересыпи, а также мощной линзой илов, подстилающих современную пересыпь и вскрытых в полосе прибрежного мелководья [Поротов и др., 2004].

На Витязевско-Джеметинском участке существовал обширный открытый залив, ограниченный с запада выступом коренного берега в районе Благовещенского останца, а с востока – Анапским мысом. Во внутренней части залива к морю открывались три палеолимана, располагавшихся на месте современных Витязевского лимана, Цибановой балки и Анапского лимана, которые отделялись от моря аккумулятивными барьерами.

Согласно широко распространенным представлениям, в середине I тыс. до н.э. происходило понижение уровня моря, о чем свидетельствует залегание многочисленных остатков сооружений античного времени на современных глубинах 3–4 м ниже уровня моря. Наряду с археологическими памятниками, о понижении уровня моря в этот период свидетельствует ряд затопленных древнебереговых форм, а также особенности стратиграфии прибрежных отложений, фиксирующих изменение фациальных условий осадконакопления, обусловленных понижением уровня моря. Небольшие аккумулятивные образования этого периода сохранились лишь в относительно изолированных заливах и лиманах с пониженными гидрологическими условиями (Таманский залив, Керченский пролив и т.п.). К этому времени, в частности, относится возникновение аккумулятивной формы – Маркитанской банки, располагающейся во внешней части Таманского залива.

Во второй половине первого тысячелетия нашей эры подъем уровня моря на 2–3 м сопровождался обусловил затоплением древней пересыпи, отделявшего палео-Бугазскую лагуну и кратковременное превращение низовьев древнего Кубанского (современного Кизилташского) лимана в открытый морской залив. Согласно существующим реконструкциям изменения уровня моря в северо-восточном секторе Черноморского побережья (Измайлов. 2005) на рубеже первого и второго тысячелетий н.э. произошла относительная стабилизация уровня моря, что способствовало восстановлению Бугазской пересыпи на отметках глубин, близких к современным, произошло в средневековое время. Согласно результатам радиоуглеродного датирования [Измайлов, 2005; Поротов и др., 2004], позволяют отнести начало формирование современной генерации к началу

второго тысячелетия н.э. ((XI-XIII вв).

Таким образом, материалы по истории развития Анапской пересыпи показывают, что за последние 6,0 тыс. л. она существовала как надводное образование в течение трех возрастных интервалов, охватывающих 6,0–6,7 и 4.0–1,3 тыс. л.н., а также последние 800–900 лет (см. рис. 1). В античный период в условиях кратковременного понижения уровня моря на 2,0–3,0 м происходило относительное расширение Витязевской и Бугазской пересыпей, сопровождавшееся отчленением, или даже изоляцией, ряда мелких заливов на Джемитинском участке при сохранении мелководной протоки через Бугазскую пересыпь, через которую осуществлялся сток р. Кубани. Несмотря на эту протоку, прибрежная полоса между оз. Соленым и восточной окраиной Витязевского лимана вполне могла служить сухопутным «мостом» между Анапским и Таманским участками побережья.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

За последние годы на Таманском полуострове и в Анапском районе был выявлен ряд памятников местного населения периодов накануне и времени греческой колонизации. Были исследованы широкими площадями как погребальные памятники, так и поселения. В результате мы можем говорить не просто о местном «варварском» населении, но и об отличиях между различными группами варваров. В 2016–2017 гг. на территории некрополя Волна 1 были исследованы погребения, которые позволили поставить вопрос о сосуществовании в данном городе греческой и варварской групп населения [Мимоход, Сударев, Успенский, 2017, с. 302]. В 2017 г. был выявлен отдельный участок некрополя, который мы связываем с варварским населением [Мимоход, Сударев, Успенский, 2017а, с. 10]. На данном участке, помимо следов выставлений, зафиксированных и ранее, выявлены каменные ящики, сложенные из дикарного камня, могильные ямы с обкладкой небольшими необработанными кусками местного известняка. Ряд погребений имел сверху наброску из необработанных камней. Выявлены также площадки для выставлений и не связанные с конкретными погребениями комплексы с лепной керамикой. Часть погребений находилась под небольшими курганными насыпями, по периметру также обложенными мелкими дикарными камнями. Часть погребенных была положена в позе «скорчено на боку»[1].

[1] *Мы не считаем это положение умершего этнодифференцирующим признаком, но следует отметить, что данная поза встречается в некрополях Боспора реже, чем другие варианты скорченности.*

Все это находит аналогии в погребениях местного синдского населения Анапского региона [Иванов, Сударев, 2012; 2013; Новичихин, 2010; Кашаев, Сударев, Чевелев, 2011] Во многих погребениях встречена лепная посуда, находящая аналогии, прежде всего в памятниках местного населения. Это заставило нас еще раз внимательно изучить материалы предыдущих исследований на окружающей территории [Сударев, Крайнева, Русин, 2011; Сударев, Чевелев, Крайнева, 2012]. Были атрибутированы как «синдские» ряд погребений в Западно-Зеленском, Тузлинском некрополях, в некрополе Волны 4 и т.д. Изучение лепной керамики выявило ряд форм и предметов в районе поселений и некрополей юго-западной части Таманского полуострова, которые находят аналогию не только по форме с сосудами из Анапского региона, но и по составу и технологии приготовления теста[2] и при этом отличаются от сосудов остальной части Тамани и меотов Прикубанья. Важным является следующий факт: если на остальной части Таманского полуострова местное население исчезает практически сразу после начала колонизации, то в Анапском регионе и в юго-западной части Тамани оно продолжает сосуществовать с греками, сохраняя часть своих традиций, вплоть до конца IV – начала III в. до н.э. [Иванов, Сударев, 2014, с. 197–205]. Иными словами, мы можем говорить о некоей общности местного населения Анапского региона и юго-западной части Тамани с доколонизационного времени вплоть до IV в. до н.э.

Если посмотреть на нашу схему на рис. 2, то указанная общность практически с необходимостью предполагает путь сообщения между двумя регионами по Анапской пересыпи, которая, как показано выше, существовала и в пред-, и в колонизационный периоды. Удобство и легкость данного пути существенно облегчали проникновение на Тамань отдельных групп варварского населения. Интересно, что косвенные указания на этот путь можно найти и в более позднее время (конец первого – начало второго тысячелетия н.э.), когда мы вновь вправе говорить о наличии Бугазской пересыпи (см. рис. 1). Об этом свидетельствует, например, картографирование находок сребреников Владимира и тмутараканских монет [Абрамзон, Сударев, 2018][3].

[2] Благодарим С.В. Кашаева, А.В. Кондрашева и М.Е. Клемешеву за любезную информацию.

[3] См. описание П.С. Палласа, относящееся к концу XVIII в. [1999, с. 128–129]: «Южный Кубанский лиман – самый большой из всех, куда впадает главный рукав реки Кубани, изливается в Черное море маленьким протоком, проходимым вброд, называемым Бугас, находящимся между двумя узкими косами ... косы, на концах которых находится, с одной стороны, русский, с другой – турецкий пост, имеют едва сто саженей ширины между собою, где вытекает Кубанский лиман в море. При взятии Анапы кавалерия Крымского вспомогательного корпуса переходила вброд с одного мыса на другой».

Отметим, что именно кратчайший путь через Анапскую пересыпь являлся основным для сухопутной связи между Анапским регионом и Таманским полуостровом. Он гораздо практичнее в этом смысле другого возможного пути (северного), через Голубицкий останец и Темрюкско-Курчанскую гряду (Кандаур), выводящего на Правобережье Кубани. Сухопутная дорога в этом случае многократно протяженнее, кроме того, она должна была бы идти по заболоченным плавням[4], и, главное, для достижения Синдики необходимо было бы пересекать Кубань с ее широкой долиной или предполагаемый здесь в античности палеолиман, что гораздо сложнее преодоления узкого разрыва (гирла) на Бугазской пересыпи.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

По нашим оценкам, Анапская пересыпь существовала в период античности по крайней мере до конца I тыс. до н.э. и затем с конца I тыс. н.э. до нашего времени. Очевидно, что путь по Анапской пересыпи являлся основном способом сухопутной коммуникации между Таманским полуостровом и Анапским регионом, в то время как водные транспортные и торговые связи осуществлялись посредством палео-Кизилташского лимана. Скорее всего, с самого момента возникновения Анапской пересыпи этот путь активно использовался как для миграции населения, так и для торговли. Можно предполагать, что именно данным путем в доколонизационный период происходило заселение юго-западной части Таманского полуострова со стороны Анапского региона. Вряд ли он утратил свое значение и после появления греческих поселений, хотя, возможно, акцент в его использовании сместился в сторону торговых и хозяйственных нужд. В любом случае при рассмотрении истории таманско-анапского региона нельзя игнорировать значение этого сухопутного «моста», появление и существование которого оказало, по-видимому, значительное влияние на местную этническую и культурную ситуацию.

В заключение отметим, что несомненное существование Анапской пересыпи в архаическое и классическое время фактически опровергает теорию т.н. Боспора Кубанского, настоящего морского пролива, дублирующего Боспор Киммерийский. Гораздо более вероятно, что в указанное время Анапская пересыпь отделяла от Черного моря обширный палеолиман,

[4] О северном пути в Темрюк см. у П.С. Палласа [1999, с. 136]: «…вследствие ветра с моря, поднявшего уровень Темрюкского лимана, невозможно было проехать в этот город, имеющий мало замечательного».

связанный с морем относительно небольшим гирлом.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М.Г., Сударев Н.И. Древнерусские и византийские монеты X–XI вв. из некрополя поселения Виноградный 7 // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Выпуск 7. М., 2018.

Иванов А.В., Сударев Н. И. К вопросу о догреческом населении Таманского полуострова // Древности Боспора. Т. 16. М., 2012. С. 178-199.

Иванов А.В., Сударев Н. И. Об автохтонном населении Тамани накануне колонизации // Древности Боспора. Т. 17. М., 2013. С. 176-186.

Иванов А.В., Сударев Н.И. О двух моделях колонизации Азиатского Боспора//XV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Керчь, 2014. 2014. С. 197-205.

Измайлов Я.А. Эволюционная география побережий Азовского и Черного морей. Анапская пересыпь. Сочи, 2005. 175 с.

Кашаев С.В., Сударев Н.И., Чевелев О.Д., Новые исследования в Анапском районе Краснодарского Края // Боспорские чтения. XII. Керчь, 2011 С. 403-411.

Мимоход Р.Ф., Сударев Н.И., Успенский П.С. Новый «городской» некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове (предварительная информация) // Древности Боспора. № 21. М., 2017. С. 295-310.

Мимоход Р.А., Сударев Н.И., Успенский П.С. «Волна 1» – новый «городской» некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове (по материалам работ ИА РАН в 2016 и 2017 гг.) // Археологические исследования на территории строящегося терминала СУГ и Таманского Терминала Навалочных грузов. Краснодар, 2017а. С. 4-31.

Невесский Е.Н. Процессы осадкообразования в прибрежной зоне моря. М.: Наука, 1967. 254 с.

Новичихин А.М. 2010. Глава 2. Планиграфия и погребальный обряд некрополя у х. Рассвет // Население Архаической Синдики по материалам некрополя у хутора Рассвет. Некрополи Черноморья. Т. III. М.

Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М., 1999.

Поротов А.В., Горлов Ю.В., Янина Т.А. Особенности развития Черноморского побережья Таманского полуострова в позднем голоцене // Геоморфология. 2004. № 2, с. 63-77.

Сударев Н.И., Крайнева А.А., Русин Г.К. Погребальные памятники поселения Волна-4 // Боспорский феномен: население, языки, контакты. СПб., 2011. С. 329-336

Сударев Н.И., Чевелев О.Д., Крайнева А.А. Раскопки поселения Волна 4 в 2009 г. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанистики. Материалы XIII Боспорских чтений. Керчь, 2012.

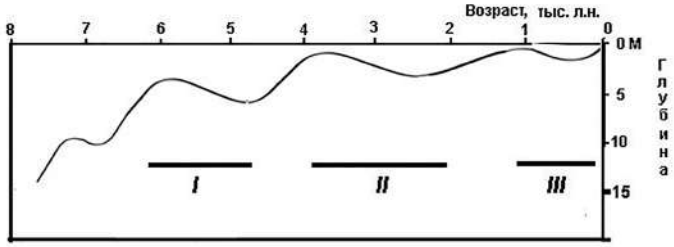


Рис. 1. Изменения уровня Черного моря на побережье Анапской пересыпи и этапы существования Бугазской пересыпи (I–III) за последние 6,5 тыс. лет.

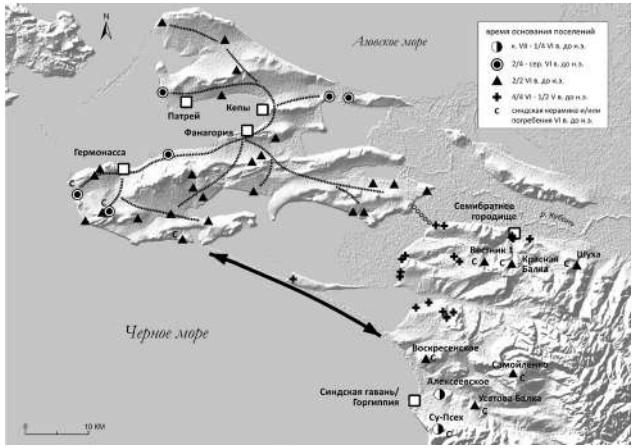


Рис. 2. Таманско-Анапский регион времен архаики. На Таманском полуострове условно обозначены основные дороги и возможная переправа в створе Джигинка – Белый. Стрелкой выделена Анапская пересыпь.

СУПРЕНКОВ А.А.
(ИА РАН, Москва)

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ У СТАНИЦЫ НАТУХАЕВСКАЯ НА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПЕРИФЕРИИ БОСПОРА И ОТДЕЛЬНЫЕ НАХОДКИ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ

В 2013 г. Южной экспедицией ИА РАН в Краснодарском крае РФ проводились масштабные охранные археологические работы на участках строительства газопровода Южный поток. Среди прочих в феврале - апреле работы велись на памятниках Натухаевская 4, 5 и 6 в районе г. Новороссийск.

Основная часть работ проводилась автором на южной части поселения Натухаевская 6 на площади 4000 кв. м. Северная его часть в это же время исследовалась М.Ю. Меньшиковым.

Это поселение расположено на южном склоне большого холма, лесистая вершина которого находится на высоте около 160 м над уровнем моря. Дневная поверхность имеет уклон к югу, она задернована, и местами нарушена грунтовыми дорогами, а также водоотводными траншеями. В ходе проведённых раскопок было установлено, что стратиграфия на этом участке памятника представлена культурным слоем, распаханным плантажным плугом, – серо-коричневым суглинком, мощностью от 0,5 до 1 м. Его мощность увеличивалась с севера на юг, в соответствии с уклоном рельефа. Данный слой содержал множество средневековых артефактов. При этом на исследованной территории не сохранилось никаких над-материковых древних построек, они были уничтожены природными факторами либо в результате плантажной распашки, что характерно и для других подобных поселений в этом регионе. [Шишлов, Колпакова, 2012].

Строительные остатки на раскопе были представлены несколькими десятками углублёнными в материк объектами (ямами). Они распределялись неравномерно – на юго-востоке, северо-востоке, севере и

юго-западе были выявлены очаги их концентрации. Как правило, эти ямы имели круглую или овальную в плане форму и были небольшого размера, с диаметром горловины от 1 до 2 м, и глубиной не более 1 м. При этом несколько ям были более крупными – имели диаметры горловин до 4 м, и достигали в глубину полутора.

Одна из подобных ям была выявлена и исследована в северо-восточной части раскопа. Её горловина состояла из трёх частей, глубина превышала метр, а диаметр дна достигал двух. Она была заполнена серо-коричневым суглинком с включениями крошки угля и песчаника с археологическими находками и костями животных. На её дне был найден лежащий в анатомическом порядке практически целый скелет небольшой собаки.

Наряду с крупными ямами попадались и совсем небольшие, «столбовые» ямки, не превышающие полуметра в диаметрах горловин и глубину.

К отдельной категории археологических объектов следует отнести большой ров, выявленный и исследованный в юго-западной части раскопа. Он был прослежен в длину на 25 м, имел ширину от 3 до 4 м, и его глубина достигала 3 м от дневной поверхности. Этот ров мог ограничивать всё поселение с юга и нести оборонительные или водоотводные функции. С северо-востока к нему перпендикулярно примыкал ров меньших размеров, однако они вроде бы не пересекались.

Любопытной является топография поселения Натухаевское 6. Оно расположено на склоне, местами довольно крутом, и не менее чем в 500 м к северу от существующего водотока – довольно полноводного ручья. При этом к югу от него на западе и на востоке расположены курганы, а непосредственно под ним, судя по всему, находился ещё один распаханный могильник (часть поселения Натухаевская 5, исследовалось совместно с А.В. Бониным). При этом количество объектов и характер находок выявленных в ходе работ, как на южном, так и на северном раскопе, вроде бы не позволяют сомневаться в существовании здесь древних жилищ. По-видимому, обитатели поселения использовали нескольку другую, не совсем понятную нам логику при обустройстве территории.

Кратко охарактеризуем археологический материал[1]. В ходе произведённых работ в коллекционную опись были включены 65 предметов, в полевую около 400 профильных фрагментов керамики. Индивидуальные

[1] *Определение археологического материала осуществили У.Ю. Кочкаров и Е.А. Армарчук.*

находки (рис. 1) были представлены железными предметами – кольцами, ножами, гвоздями, наконечниками стрел и копий, подковами, крючками, кресалом и сабельным перекрестием; предметами из меди и бронзы; керамическими пряслицами; фрагментами каменных жерновов; обработанными костями животных, а также двумя свинцовыми пулями, по-видимому, более поздними, чем остальной материал. Среди наиболее примечательных находок янтарная бусина, бронзовый нательный крест и стеклянная накладка.

Осмотренные специалистами отдельные предметы датируются XII-XIII вв., хотя некоторые вещи могут быть и более ранними. В целом, по предварительному анализу, большая часть массового материала относится к этому же хронологическому периоду. Анализ результатов работ и находок позволяет характеризовать поселение Натухаевское 6 как сельское, довольно скромного облика, не имеющее (по крайней мере, в исследованной части) каменных построек. Для его обитателей, по-видимому, важную роль играло сельское хозяйство. При этом среди находок попадался и «не крестьянский» инвентарь – оружие и украшения.

В этом же году совместно с А.В. Шишловым и Н.Ф. Федоренко нами исследовалась периферийная часть средневекового могильника Натухаевская 4, расположенного в 2 км к югу. Здесь нами были исследованы два погребения лошадей, содержащие предметы конской сбруи. В одном из них, к юго-западу от черепа лошади на дне могильной ямы были найдены две бусины и пронизь в виде лежащего на овальной подставке льва из «египетского фаянса». По классификации Е.М. Алексеевой бусины относились к типу 16 варианту «б» [Алескеева, 1975, с. 33. Табл. 5:28], а фигурка льва к типу 68 с фактурой вида 2 [Алескеева, 1975, с. 44-45. Табл. 11:27-28]. Предметы датируются, по всей видимости, I в. н.э. Объяснить контекст их находки на средневековом могильнике затруднительно. Либо погребение (курган), откуда они происходили изначально, было полностью уничтожено плантажной распашкой, либо речь идёт о перемещённых предметах из расположенных в регионе античных поселений и некрополей.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М. 1975.
Шишлов А.В., Колпакова А.В. Памятники археологии, расположенные в предгорной зоне на землях сельскохозяйственного назначения, использующиеся или использовавшиеся под посадки виноградника // Первые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Материалы межрегионального круглого стола. Краснодар 2012, с. 103-104.

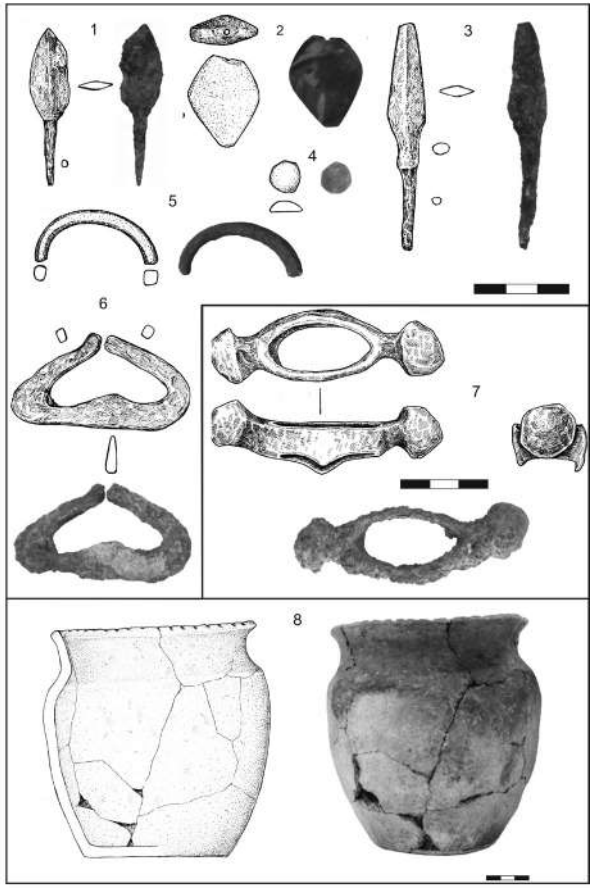


Рис. 1 Натухаевская 6. Находки. 1. Наконечник железный двухлопастной черешковый (XII - XIII вв.). 2. Бусина янтарная грушевидная (XII - XIII вв.). 3. Наконечник железный двухлопастной черешковый (X - XIII вв.). 4. Накладка стеклянная, матовая, зеленая, полусферическая. 5. Браслета(?) бронзового четырехгранного с выпуклой внешней гранью фрагмент. 6. Кресало железное (XII - XIII вв.). 7. Гарда сабельная железная. 8. Сосуд лепной плоскодонный (склеен). Тесто темно-серое с крупными белыми включениями. Венчик затуплен, декорирован насечками, сильно отогнут наружу.

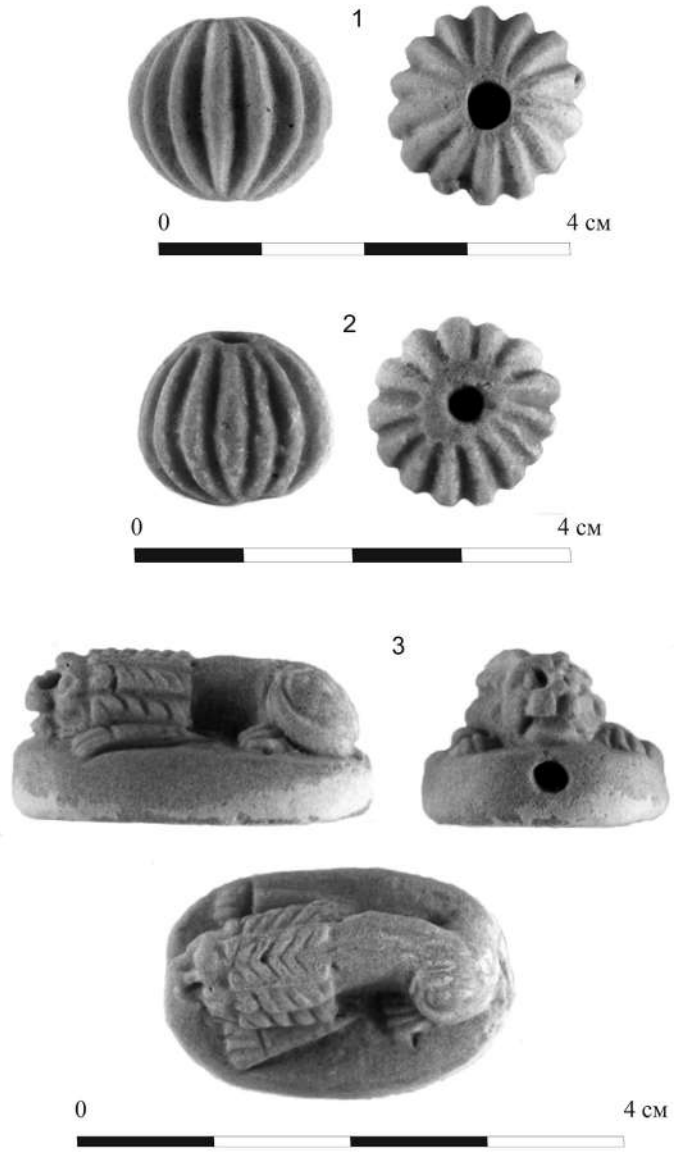


Рис. 2. Поселение Натухаевская 4. Находки. 1-2. Бусины. 3. Фигурка льва.

ТРУФАНОВ А.А.
(ИАК РАН, Симферополь)

ПОСТПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ УСТЬ-АЛЬМИНСКОГО НЕКРОПОЛЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2014–2017 ГГ.)

В течение многолетних раскопок позднескифского Усть-Альмнского некрополя на его территории изучено более тысячи погребальных сооружений. Могильник подвергался разграблению в древности и в недавнее время. В результате деятельности грабителей каменные конструкции многих могил были частично или полностью разрушены, костные останки потревоженных захоронений оказались смещенными и перемешанными, а остатки погребального инвентаря, если и сохранились, то в очень фрагментированном виде.

Вместе с тем, наряду с бесспорными фактами, указывающими на разграбление некрополя, получены данные, свидетельствующие о том, что порой нарушения целостности захоронения могли быть вызваны не грабежом могил, а какими-то обрядами, имевшими место после совершения погребения.

Примером этому может служить погребение в подбойной могиле 1074, совершенное около середины I в. н. э. (рис. 1). В подбойной камере этой могилы находилось богатое захоронение мужчины-воина, сопровождавшееся краснолаковой посудой (рис. 1, 2, 10, 11) с ритуальной пищей и лепной курильницей (рис. 1, 4). Рядом с костяком лежали меч (рис. 1, 9) и нож (рис. 1, 3), в области пояса находилась пряжка (рис. 1, 1). В составе погребального набора находились золотые листки от венка (рис. 1, 5), золотые наглазники (рис. 1, 6) и нагубник (рис. 1, 7), а также две тонкие золотые пластины (рис. 1, 8), вероятно, нашивавшиеся на одежду.

Наблюдения, сделанные во время изучения могилы, позволяют сделать вывод о том, что спустя некоторое время (видимо, во второй половине I в. н. э. или в начале II в. н. э.) после совершения погребения и

засыпки входной ямы, здесь были проведены постпогребальные обряды. Для этой цели в юго-восточной части входной ямы был выкопан шурф, каменный заклад разобран, плиты изъяты, и совершено вскрытие могилы. После проникновения в камеру целостность погребального венка была повреждена, в результате чего составлявшие его листики оказались смятыми и разбросанными. Всего найдено 7 трилистников – число непарное, заставляющее предполагать что, возможно, по крайней мере, один трилистник был из могилы удален. Кроме того, каждая из двух золотых пластин, по-видимому, украшавших погребальную одежду, была разорвана на части. Двумя полученными фрагментами обернули бедренные кости ног погребенного, очищенные от мягких тканей в процессе разложения трупа. Третий фрагмент поместили посредине между бедренными костями, четвертый положили поперек лезвия меча. После этого костяк был прикрыт тремя досками, в которых находилось несколько гвоздей. Возможно, эти доски составляли крышку гроба, снятую для проведения обрядовых действий, хотя следов древесного тлена, свидетельствующих о наличии такого гроба, на уровне залегания костяка не замечено. Затем выкопанную яму засыпали перемешанным грунтом с фрагментами разбитой посуды, возможно, от тризны.

Другим примером проведения постпогребальных действий может служить подбойная могила 1089 (рис. 2). Каменный заклад этой могилы представлял собой сложную конструкцию, состоящую из внешнего и внутреннего слоев каменных плит. В погребальной камере найдены остатки двух захоронений, совершенных во второй половине II – первой половине III в. н. э. Одно из них представляло собой погребение женщины, захороненной в деревянном гробу головой на северо-запад, сопровождавшееся фибулой, зеркалом, бусами и другими вещами. Кости погребенной лежали в анатомическом порядке.

В юго-восточной части гроба находились смещенные кости второго погребения, принадлежавшего взрослому человеку, причем некоторые из них располагались поверх костей погребения женщины. Возможно, эти смещенные кости относились к раннему погребению, совершенному в этом же подбое. В таком случае при совершении более позднего погребения (и повторного проникновения в могилу) кости раннего захоронения были не просто сдвинуты в сторону, а уложены в юго-восточной части гроба, в ногах погребенной женщины, причем, как уже отмечалось, некоторые из них лежали поверх костей женского погребения. В этой же области найдены вещи, связанные с этим разрушенным погребением, в

том числе браслет, перстни, фрагмент фибулы. Относительно большое количество краснолаковых сосудов (6 экз.), обнаруженных в могиле, позволяет допускать, что какая-то часть этих изделий связана с каждым из двух погребений.

Следует, однако, заметить, что под женским погребением, кости которого располагались в анатомическом порядке, не было обнаружено ни малейших остатков предшествующего захоронения в виде костных фрагментов, пятен тлена или фрагментов погребального инвентаря, как это неизбежно бывает в подобных ситуациях. Исходя из этого, нельзя исключать возможности того, что разрозненные кости взрослого человека попали в могилу одновременно с совершением женского погребения в гробу, то есть были перенесены сюда из какого-то иного погребального сооружения. Допустимость такого предположения подкрепляется тем, что, в конструкции каменного заклада не прослеживалось явных нарушений ее целостности, которые, вероятно, были бы заметны, если бы заклад разбирался при повторном проникновении в могилу.

Предположения, касающиеся реконструкции обрядовых действий, отразившихся в могиле 1089, различаются в деталях, но едины в том, что при совершении захоронения здесь было произведено перемещение костей другого, более раннего погребения. В Усть-Альминском некрополе, так же, как и в прочих позднескифских могильниках известен обряд смещения костей предшествующих захоронений в склепах, характерный для погребальной практики времени до рубежа эр. Но в более позднее время на Усть-Альме подобные действия проводились гораздо реже. Это касается как склепов, так и могил, и это несмотря на то, что известны множество случаев последовательного захоронения нескольких погребенных (до пяти) в одном подбое. При этом кости предшествующих захоронений оставались либо полностью непотревоженными, либо незначительная часть из них оказывалась смещенной при помещении в подбой нового гроба, что можно считать случившимся непроизвольно. Преднамеренное перемещение костей встречается гораздо реже. Обычно оно выражается в том, что кости предшествующего захоронения сдвигаются к стенке могилы, в результате чего освобождается место для нового погребения. Такая ситуация зафиксирована, например, в могиле 1101 (рис. 2), причем среди смещенных костей не выявлено никаких вещей или их фрагментов, относящихся к разрушенному погребению. По-видимому, они были изъяты.

Несколько иные действия, связанные с перемещением костей, зафиксированы в могиле 1054 (рис. 2). Здесь в одном подбое были соверше-

ны три хронологически последовательных погребения. При совершении второго захоронения бедренную кость первого переместили в угол камеры, оставив остальные кости на своих местах. Когда в подбой помещали третье погребение, то череп второго костяка переложили в тот же угол, нижняя челюсть оказалась перемещенной к правому локтю, прочие кости второго погребения остались нетронутыми.

Более спорными свидетельствами постпогребальных обрядов являются погребальные сооружения, каменные конструкции которых оказались нарушенными, а кости всех захоронений в могиле смещены. Как правило, такие ситуации принято считать следствием древнего ограбления, но в ряде случаев имеются факты, указывающие на возможность иной трактовки. Например, в юго-западном подбое могилы 1102 (рис. 2) найдены остатки разрушенных погребений, часть костей вместе с вещами смещена к стенке камеры, что можно объяснить ограблением. Но при этом не ясно, в чем собственно состояло ограбление, если множество вещей, относившихся к погребениям, остались в могиле. Не тронутым, например, остался наконечник копья, лежавший непотревоженным. Каменная конструкция заклада при этом была полностью разрушена, одна из плит разобранного заклада смещена и поставлена вертикально у стенки входной ямы, но большая часть камней уложена горизонтально на дно ямы таким образом, что образовывала нечто наподобие ступеней, приспособленных для спуска в могилу. Примечательно, что второй подбой этой же могилы, в котором находилось более раннее погребение, остался абсолютно непотревоженным, а ведь грабителям было бы трудно не заметить каменную конструкцию заклада этого подбоя. Тем не менее, возможно, перед нами всего лишь случай древнего ограбления, хотя перечисленные признаки и выделяют данный объект из числа могил, несомненно, ограбленных в древности.

В целом можно сказать, что свидетельства постпогребальных обрядов, выявляемые на Усть-Альминском некрополе, крайне немногочисленны. Можно предположить, что повторное вскрытие могилы после совершения захоронения для проведения каких-то ритуальных действий практиковалось здесь исключительно редко. По-видимому, на территории могильника происходили ритуальные действия в виде поминальных тризн, следы которых сохранились в культурном слое в виде многочисленных обломков керамики. Но эти ритуалы вряд ли были связаны со вскрытием могил. При необходимости совершения захоронения могила вскрывалась повторно. При этом кости предшествующего погребения обычно оставались непотревоженными, но иногда полностью или частично смещались в сторону, что можно считать постпогребальными действиями. Не исключено, что в некоторых случаях происходило вскрытие могилы с целью разрушения целостности погребения. Возможно, в отдельных случаях происходило перенесение костей из одного погребального сооружения в другое. Впрочем, два последних предположения нуждаются в дополнительных доказательствах.

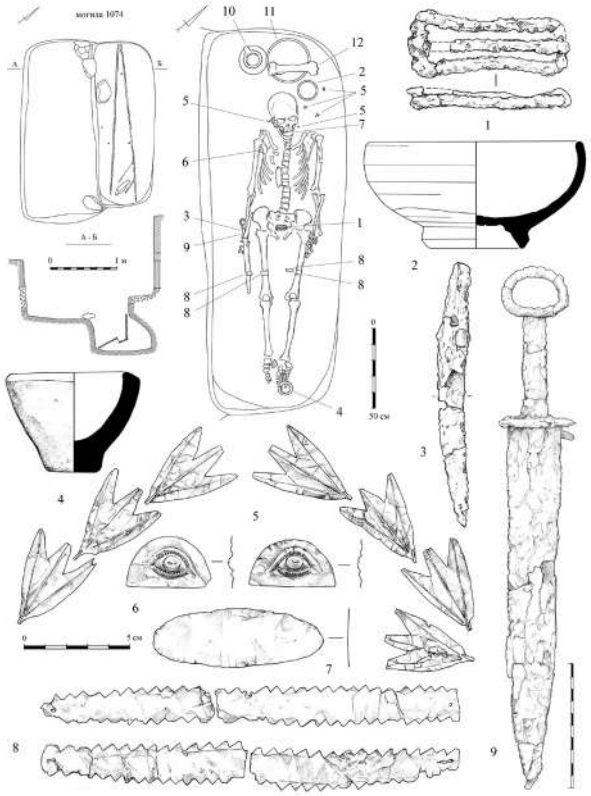


Рис. 1. Могила 1074. Находки: 1 – пряжка, 2 – краснолаковая чашка, 3 – нож, 4 – лепная курильница, 5 – золотые трилистники от погребального венка, 6 – наглазники, 7 – нагубник, 8 – фрагменты золотых пластин, 9 – меч, 10 – краснолаковый кувшин, 11 – краснолаковая тарелка, 12 – кость животного.

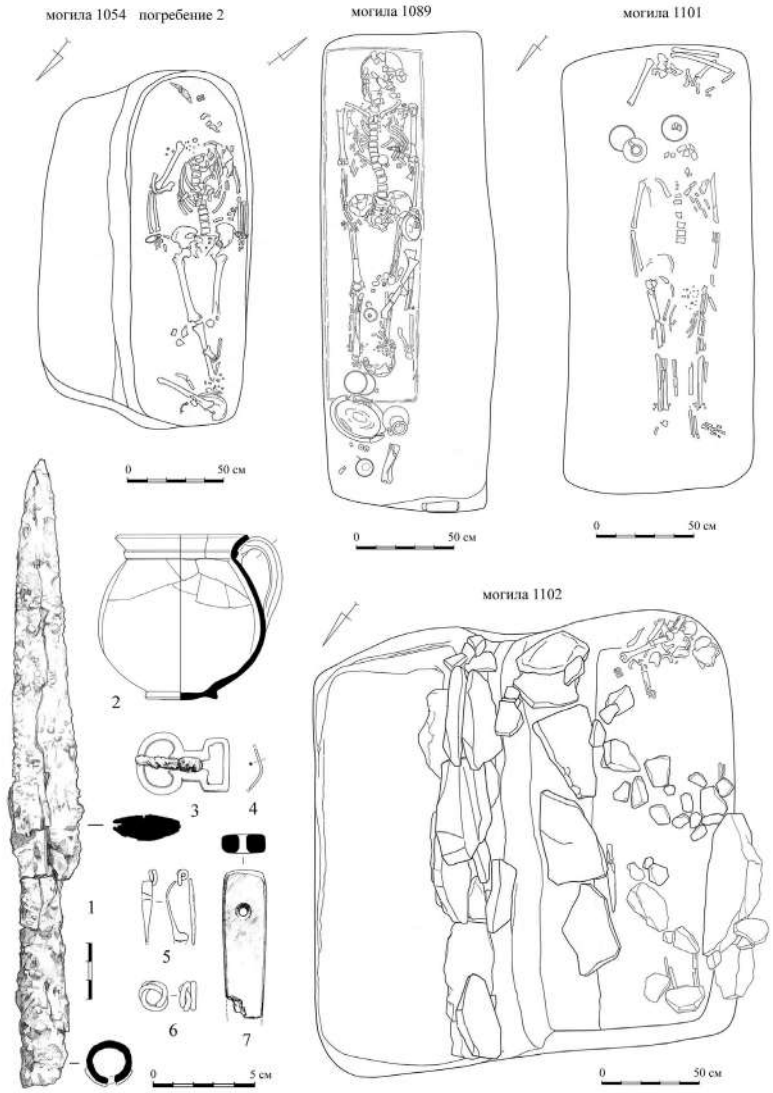


Рис. 2. Могилы 1054 (погребение 2), 1089, 1101 и 1102. Находки из могилы 1102 (юго-западный подбой): 1 – наконечник копья, 2 – краснолаковый кубок, 3 – пряжка, 4 – фрагмент проволоки, 5 – фрагментированная фибула, 6 – кольцо, 7 – оселок.

ТУРОВСКИЙ Е. Я.
(ГМЗХТ, Севастополь)

БОСПОР И ХЕРСОНЕС: ВМЕСТЕ И ПОРОЗНЬ (IV-III ВВ. ДО Н.Э.)

Первое, что хочется отметить – это то обстоятельство, что конкретных данных, характеризующих отношения двух соседних крымских греческих государств, явно недостаточно. Вот почему большинство предположений относительно конкретики этих отношений носят гипотетический характер.

Есть предположение, что в период войны боспорских царей за Феодосию Херсонес активно поддерживал свою метрополию Гераклею Понтийскую [Золотарев, 1984, с.91,92], которая выступала активной стороной конфликта на стороне Феодосии (Polyaen 5,23; 69). Однако, справедливости ради, следует подчеркнуть, что никаких реальных сведений в пользу участия Херсонеса в этой войне не имеется.

Экспансии двух ведущих греческих государств Крыма: Боспора и Херсонеса в IV в. до н.э. имели разновекторный характер. Усилия Боспорского царства, были направлены на установление своего полного контроля над Керченским полуостровом, расширение азиатских владений и контролем над дельтой Дона. Экспансия Херсонеса была направлена на его ближайшие земли на Гераклейском полуострове и на территориях в Северо–Западном Крыму. Таким образом, видимых причин для конфликтов у двух греческих государств не наблюдается.

В декрете в честь херсонесского историка Сириска, сына Гераклида (IOSPE, I2, 344), есть два фрагмента, дающих, если не прямое указание, то прозрачный намек на то, что отношения между Херсонесом и Боспором были добрыми. 1-й фрагмент: «Гераклид, сын Парменонта, предложил: поскольку Сириск, сын Гераклида, явления Девы трудолюбиво описав, прочитал, и про отношения к царям Боспора рассказал, и бывшие дружественные отношения с городами исследовал согласно достоинству на-

рода…». 2-й фрагмент: «бывшие дружественные отношения с городами и царями исследовал правдиво и согласно с достоинством государства «.

Анализ этих двух очень похожих фрагментов показывает, во-первых, что херсонеситы именуют боспорских правителей царями, а не тиранами, как часто именуются они в греческой традиции, во-вторых, в царях во 2-м фрагменте следует, очевидно, видеть именно боспорских царей. Таким образом, декрет, который фиксирует ситуацию на первую четверть III в. до н.э. [Туровский], дает прямое указание на то, что отношения между Херсонесом и правителями Боспора были стабильно хорошими.

Можно уверенно предполагать, что особенно теплыми отношения между двумя государствами были во времена правления Евмела, политика которого была направлена на установление прочных торговых и политических связей с греческими причерноморскими государствами [Шелов, 1986, с. 37; Федосеев, 1992, с.49].

Исторические судьбы Херсонеса и Боспора, начиная с 60-х гг. III в. до н.э. во многом схожи, оба государства подвергаются экспансии со стороны варваров и лишаются своей аграрной территории [Масленников, 1988, с.207; Золотарев, Туровский, 2016, с.113-123]. Новые реалии ставили крымских греков в совсем иные условия, а именно в ситуацию на грани выживаемости. Такие факты как снижение товарооборота, фиксируемые на основе резкого снижения или прекращения поставки на Боспор херсонесского вина в клейменных амфорах никак не может свидетельствовать о снижении уровня херсонесско–боспорских связей, а лишь о снижении или полном прекращении производства товарного вина в Херсонесе. Можно отметить, что период второй половины III – первой половины II вв. до н.э. в отношении боспоро–херсонесских отношений практически не освещен источниками.

Можно констатировать, что во второй половине III в. до н.э. и на Боспоре и в Херсонесе фиксируется «египетский след» [Трейстер, 1985, с.138; Литвиненко, 1991, с.19]. Многочисленные перстни птоломеевского типа, посвящения египетским богам, боспорское посольство в Египет и пр. показывают, что движение шло по пути установления связей с державой, являющейся основным поставщиком хлеба в III в. до н.э. В самом деле, где было брать хлеб крымским греческим государствам, которые лишились своей аграрной базы. Ближайшие соседи – греческие торговые полисы южного берега Черного моря для этой цели не годились: их аграрные территории не обеспечивали хлебом сами эти полисы. Не случайно для III в. до н.э. есть эпиграфические данные о благотворительных хлебных поставках Птоломеевского Египта на север Малой Азии [Сапрыкин, 1985, с.136]. Например, Птоломей II подарил гераклеотам 500 артаб пшеницы (Memn. XXV,1) . В материковой Греции с зерном всегда были проблемы, оставались Египет и Родос, как перевалочный пункт в хлебной торговле.

Где-то около конца 3-й четверти III в. до н.э. в Крыму происходят какие-то события, которые позволили грекам Тавриды вернуть свои аграрные территории, восстановить усадьбы и поселения иных типов. С чем это связано остается только догадываться. Может быть с военными победами, но, скорее, с какими-то дипломатическими соглашениями с варварами.

ЛИТЕРАТУРА

Золотарев М.И., Туровский Е.Я. К истории античных сельских усадеб Херсонеса на Гераклейском полуострове //Древнее Причерноморье: Материалы I Всесоюзных чтений памяти профессора П. О. Карышковского. – Одесса, 1990.

Литвиненко Ю.Н. Птоломеевский Египет и Северное Причерноморье в III в. до н.э.//ВДИ.- 1991.- №1.

Масленников А.А. Крымское Приазовье в античную эпоху//Проблемы античной культуры. Ч. III. Симферополь, 1988.

Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М.,1986.

Трейстер М.Ю. Боспор и Египет в III в. до н.э.//ВДИ.- 1985.- №1.

Туровский Е.Я. О датировке херсонесского декрета в честь Сириска, сына Гераклида. Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Том 2 (68), № 2. 2016 г.

Федосеев Н.Ф. Благодеяния Евмела// Международные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую кпоху. Севастополь, 1992.

Шелов Д.Б. Идея всепонтийского единства в древности//ВДИ. 1986. №1.

ТЮРИН М.И.
(ГМЗХТ, Севастополь)

ДВЕ РЕЛЬЕФНЫЕ ЧАШИ ИЗ ЗАКРЫТОГО КОМПЛЕКСА НА УКРЕПЛЕНИИ МАСЛЯНАЯ ГОРА[1]

Укрепление Масляная гора расположено в Юго-Западном Крыму, на северном краю плато Мекензиевых гор, над нижним течением р. Бельбек. Объект возникает как херсонесская укрепленная усадьба в конце IV в. до н.э. В эпоху расцвета херсонесского полиса этот пункт мог контролировать плодородную Бельбекскую долину с проживавшим в ней зависимым варварским населением. Следующий этап существования памятника относится ко II − началу I вв. до н.э. Выгодное стратегическое местоположение делало укрепление важным пунктом, находившимся на пути, соединяющем Крымскую Скифию и Херсонес. Материалы недавних раскопок позволяют связать гибель объекта с событиями митридатовского времени.

В полевом сезоне 2017−2018 гг. исследована северо-восточная часть объекта, где изучены два помещения, а также участок двора. Угловое помещение V имело квадратную форму, шириной 3,5 м. Вход в помещение был размещен в южной стене, в юго-восточном углу. Исследованы два мощных горизонта, отражающие этапы существования помещения. На втором этапе в юго-западном углу помещения исследована печь, что указывает на его назначение. Интересующий нас горизонт пожара и керамического завала мощностью до 45 см, завершающий данный этап, относится к эпохе Митридата VI. Помещение было плотно заставлено амфорами и лепными сосудами. Последние, в большинстве своем, явно использовались в качестве кухонной посуды. Амфоры представлены продукцией Коса, Родоса, Колхиды, Синопы, неустановленных центров, в одной их них зафиксирован обуглившийся палеоботанический материал

[1] *Работа выполнена в рамках проекта «Херсонесское пограничье в Юго-Западной Таврике античного времени» (РФФИ, № 16-31-01082).*

(зерна злаковых культур). Некоторые из сосудов зафиксированы in situ, части других обнаружены в различных частях помещения. Изделия несут следы воздействия высоких температур, стенки некоторых сосудов сильно расслаиваются. Помимо тары здесь были найдены многочисленные пряслица, ножи, стеклянная бусина, флакон-бальзамарий, сероглиняный кувшин, а также две рельефные чаши, которым посвящена данная публикация.

Чаша 1 (рис. 1) обнаружена в юго-западной части помещения V, в непосредственной близости от печи, в завале, вместе с частями родосской амфоры. Сосуд фрагментирован, все фрагменты собраны на небольшом участке, возле южной стены помещения. Восстановлен с незначительными утратами. Чаша вытянуто-полусферичекой формы, венец плавно отогнут. Донце слегка вогнуто. Диаметр венца − 11,4; дна − 4 см; высота − 8,3см. В верхней части − бордюр из ионийского киматия, ограниченный тонкими рельефными линиями. В средней зоне − растительный орнамент: лоза со спиральными завитками, между ними − три точки. Ниже, за тонкой горизонтальной разделительной линией − придонная часть, содержащая идиллический морской сюжет. Здесь представлены четыре различные фигуры, повторяющиеся два-три раза (всего девять); расположены слева направо: два канфара, дельфин, фигура на дельфине, дельфин, эрот на гиппокампе, фигура на дельфине, дельфин, эрот на гиппокампе. На внешней поверхности донца чаши прямая рельефная надпись: Γοργί[ου] (ретроградно). Черепок на сколе розовато-оранжевый (7.5YR 7/4-7/6), с многочисленными включениями частиц слюды. Лак блестящий, отслаивающийся, имеет неравномерный окрас, цвет варьируется от светло-оранжевого (5YR 6/6) в верхней части до темно-коричневого (5YR 3/2) и черного (5YR 2.5/1) в нижней.

Мастерская Горгия впервые выделена А. Ламонье на основании девяти фрагментов нижних частей чаш с подписями, обнаруженными на Делосе [Laumonier, 1977, p. 403, 404]. Ввиду малого количества и фрагментарности находок продукция мастерской не была выделена в отдельную группу и была рассмотрена исследователем вместе с продукцией прочих мелких мастерских: Дионисия, Зоила и прочих. На стенках опубликованных фрагментов представлена растительная орнаментация (аканф, мелкие треугольные листики, пирамидальные «шишечки» на квадратной основе), в единичном случае - многофигурная композиция (танцоры) [Ibid.]. Три донца с подписью Горгия происходят из Эфеса; придонные части орнаментированы растительными мотивами (каликс из аканфа и широких

листьев, розетки, длинные лепестки) [Rogl, 2015, p. 119, 120]. Целая чаша мастерской Горгия обнаружена в Эниадах (Акарнания) [Τσαντήλα, 2011, № 155]. Тулово сосуда покрыто мелкими треугольными листиками со срединной прожилкой, верхний ярус занимает пояс ионийского киматия. Профиль сосуда − со слегка загнутым прямым бортиком, в целом характерен для ионийских чаш. Находки продукции этой мастерской имеются на Самосе, в Кенхреях [Rogl, 2001, s. 138], а также в Беренике (Бенгази, Ливия) [Kenrick, Reynolds, 2015, p. 81]. В Северном Причерноморье фрагменты чаш этой мастерской (по крайней мере, с клеймами) ранее фиксировались только на городищах Кара-Тобе и «Чайка» (Внуков, Коваленко, 1998, с. 69, рис. 5, 1). Центром производства чаш мастерской Горгия считают Эфес [Rogl, 2015, p. 138; Τσαντήλα, 2011, σ. 166], хотя не исключается, что их могли изготовлять и на Самосе [Rogl, 2001, s. 138; Τσαντήλα, 2011, σ. 166].

Публикуемый нами сосуд оригинален по своей морфологии: вытянутое тулово в сочетании с отогнутым венцом не характерны для эфесской [Rogl, 2015, p.12] и ионийской продукции [Laumonier, 1977, pl. 132-134] в целом. Не удалось обнаружить точных аналогий и декору придонной части сосуда. Впрочем, декорация в виде морских чудовищ − известный мотив на ионийских рельефных чашах. Близкие, хотя и не идентичные сюжеты имеются на чашах мастерской Комика (Лидоса), где, помещены в средней зоне: дельфины, фигуры на гиппокампах [Laumonier, 1977, № 3291, 3292], эроты на дельфинах [Laumonier, 1977, № 3240]. Декорация средней зоны характерна для различных мастерских «милето-эфесской» группы, в частности, эфесской мастерской Менемаха [Laumonier, 1977, pl. 2, № 428, 9303], мастерской Belles Meduses [Laumonier, 1977, pl. 20, № 1587, 1653], а также для чаш, не отнесенных к конкретным мастерским [Laumonier, 1977, pl. 100, № 429+552; pl. 102, № 1575, 1626, 1627, 1650, 1652, 2323]. Формы для изготовления чаш с этим мотивом хранятся в Эфесском музее [Tuluk, 2001, №28, abb. 18a].

В северо-восточном углу помещения V изучена конструкция из двух вертикально стоящих на ребре плит, очевидно, выполнявших роль опор своеобразной полки. Между плитами располагался кувшин с отбитым венцом и ручкой, а также поставленный горлом вниз лепной горшок. Внутри горшка in situ обнаружена чаша 2. Сохранность сосуда неудовлетворительная, ввиду воздействия температур тесто расслаивается, часть фрагментов оказалась утрачена. Тем не менее, сюжет восстанавливается практически полностью.

Чаша (рис. 2, 1) полусферической формы, с загнутым венцом, переход от тулова к венцу оформлен слабо читаемым ребром (тип 2 b по К. Рогл [Rogl, 2015, p.125, fig. 11]). Донце вогнутое. Диаметр венца − 12,8; дна − 5,5 см; высота − 8,2 см. В верхней части − бордюр из свастикообразного меандра. Ниже, под разделяющей горизонтальной линией дополнительный бордюр из «елочек», − горизонтальная линия с симметрично отходящими вверх и вниз косыми отрезками. Средняя зона (рис. 2, 2) содержит четыре эротические сцены, разделенные фигурами эротов. Слева направо: любовная сцена (фрагментирована), эрот с флейтой (голова повернута на три четверти), любовная сцена (coitus a tergo) (рис. 2, 3), эрот с кифарой (рис. 2, 4), любовная сцена (женская фигура лежит на спине), эрот с флейтой, любовная сцена (две фигуры на боку лицом друг к другу) (рис. 2, 5), эрот (фрагментирован). Во всех случаях ложа прорисованы схематически, ножки не видны. Придонная часть содержит каликс из двух рядов острых треугольных листьев с прожилками (центральной и тремя парами боковых). Черепок на сколе оранжевый (5YR 6/8), с многочисленными включениями частиц слюды. Лак матовый, имеет неравномерный окрас, цвет варьируется от темно-коричневого (5YR 4/1) в верхней части до красно-коричневого (2.5YR 5/8 – 4/8) в нижней.

Ближайшей аналогией нашей чаше является фрагментированный сосуд производства мастерской Менемаха, найденный на Делосе [серия 5, Laumonier, 1977, pl. 6; № 3216 bis]. Сюжет идентичен, насколько можно судить, фигура эрота с кифарой выполнена тем же штампом, что и на нашей чаше. Идентична даже редко встречающаяся орнаментация второго бордюра. Отдельные детали (расположение фигур относительно горизонтальной линии, разделяющей среднюю и нижнюю зоны) не позволяют считать, что обе чаши изготовлены в одной форме, однако очевидно, что для изготовления форм использовались одни и те же штампы. Доля продукции мастерской Менемаха в ионийском производстве рельефных сосудов представляется весьма значительной [Laumonier, 1977, 21; Τσαντήλα, 2011, εικ.115]. Многочисленны чаши этой эфесской мастерской и в Северном Причерноморье [Коваленко, 1989, л. 30], где основная их масса приходится на середину - третью четверть II в. до н.э. [там же, л. 174].

Датировка комплекса определяется в первую очередь благодаря находкам амфорных клейм. В соседнем помещении IV в синхронном керамическом завале обнаружены родосские амфоры с оттисками, содержащие имена эпонимов Phainilas и Sōkratēs, деятельность которых относят к VI хронологической группе (107-88/86 гг. до н.э.) [Finkielsztejn, 2001, p.196; Кац, 2007 с. 421]. При раскопках объекта, в т.ч. в слое разрушения, обнару-

жены монеты Амиса и Синопы типа «Арес-меч». Не исключено, что объект мог быть одним из пунктов дислокации понтийских отрядов в Юго-Западной Таврике. Таким образом, гибель укрепления должна быть отнесена ко времени после Диофантовых войн, к рубежу II и I вв. до н.э. или первой четверти I в. до н.э. Вероятно, что в плане хронологии начала I в. до н.э. укрепление повторило судьбу других объектов, где предполагается понтийское присутствие, в частности, городища Кара-Тобе [см. Внуков, 2007, с. 74].

Учитывая хрупкость чаш, отсутствие следов ремонта и то, что они находились в употреблении на момент гибели укрепления, вряд ли возможно датировать сосуды временем значительно более ранним, чем разгром объекта. Очевидно, их изготовление можно отнести к последней четверти II − рубежу II и I вв. до н.э. Для чаши мастерской Менемаха можно допустить и несколько более раннюю датировку.

ЛИТЕРАТУРА

Внуков С.Ю. Центральный строительный комплекс городища Кара-Тобе (конец II - первая половина I в. до н.э.) // Древняя Таврика. Симферополь, 2007.

Внуков С.Ю., Коваленко С.А. Мегарские чаши с городища Кара-Тобе// Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. Труды ГИМ. М., 1998.

Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. 2007. Вып. XVII.

Коваленко С. А.Античная рельефная керамика III-I вв. до н. э. в Северном Причерноморье: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. - Москва, 1989.

Finkielsztejn G. Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens de 270 à 108 av. J.-C. environ. Oxford, 2001.

Kenrick Ph., Reynolds J. The epigraphy of Sidi Khrebish, Benghazi (Berenice): an update // Libyan Studies 2015, 46.

Laumonier A. La céramique hellénistique à reliefs. 1. Ateliers ioniens, Exploration Archéologique de Délos 31.Paris, 1977.

Rogl Ch. Töpfersignaturen auf hellenistischen Reliefbechern: Eine Liste // Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien, 70 2001.

Rogl Ch. Mouldmade Relief Bowls from Ephesos -- The Current State of Research// BSS. 16. 2015.

Tuluk G. Hellenistische Reliefbecher im Museum von Ephesos // F. Krinzinger, ed., Studien zur hellenistischen Keramik in Ephesos. Vienna, 2001.

Τσαντήλα Β. Κ. Η Ελληνιστική ανάγλυφη κεραμική από τους νεώσοικους των ακαρνανικών Οινιαδών. Συμβολή στη μελέτη της ελληνιστικής κεραμικής της Δυτικής Ελλάδας. Αδημοσίευτη διδακτορική διατριβή, Πανεπιστήμιο Ιωαννίνων, 2012.

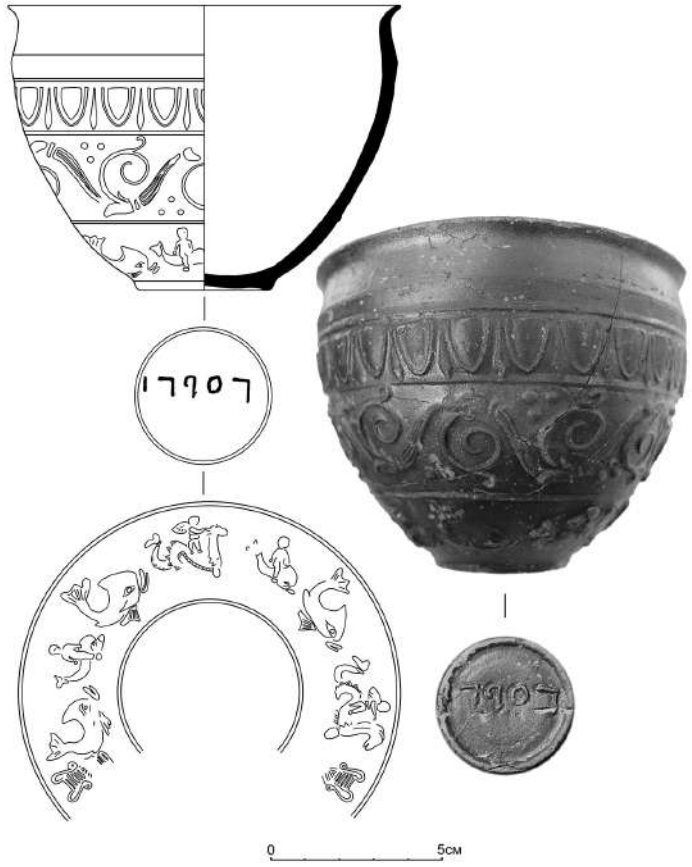


Рис. 1. Античное укрепление Масляная гора. Чаша 1 производства эфесской мастерской Горгия из юго-западной части помещения V

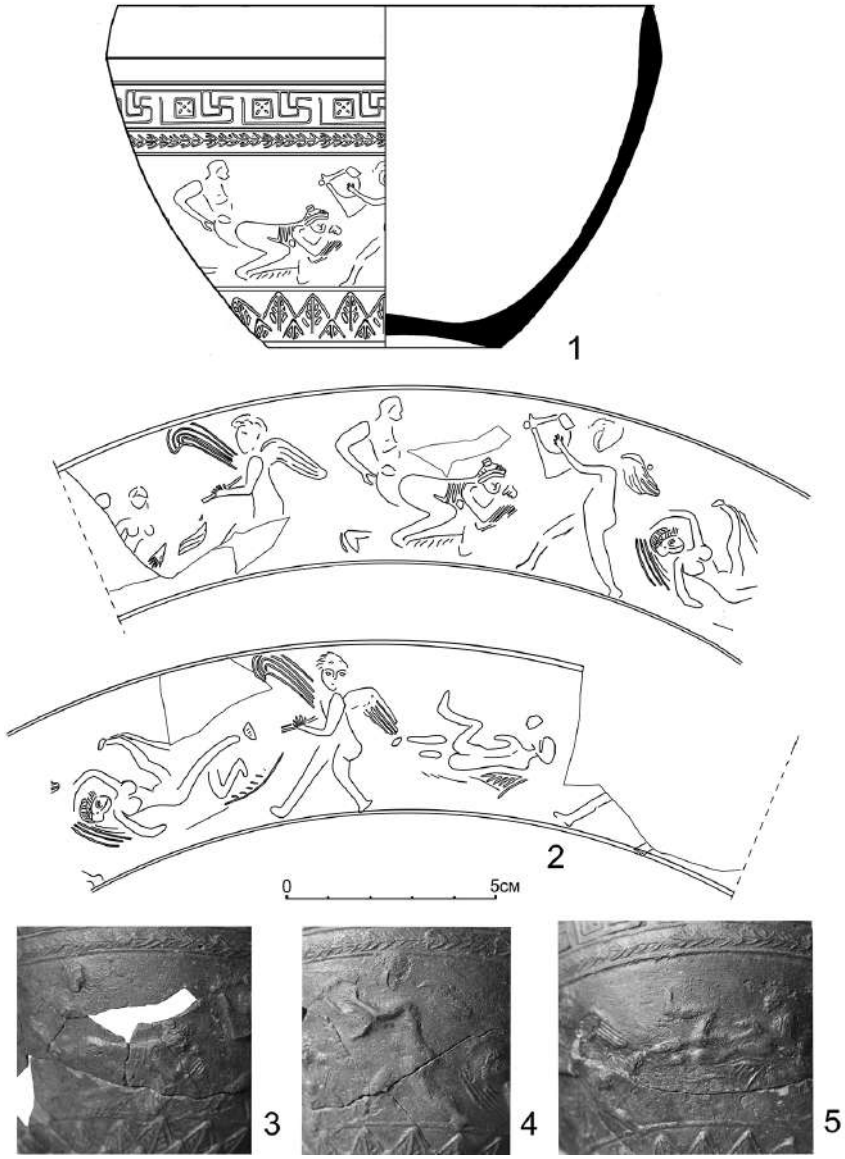


Рис. 2 . Античное укрепление Масляная гора. Чаша 2 производства эфесской мастерской Менемаха с эротическими сценами из северо-восточной части помещения V.

ФЕДОСЕЕВ Н.Ф.
(ИАК РАН, Симферополь)

КРЕПОСТЬ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ НА ХОЛМЕ КУЛЬ-ОБА

Поль Дюбрюкс, раскопавший знаменитый склеп кургана Куль-Оба, в своем описании стремился не только оставить план и разрез этого склепа, но и представить на чертеже весь комплекс строений, находящийся на холме. Меня заинтересовал странные окружности на западной части холма. П. Дюбрюкс пишет: «На западной оконечности кургана Куль-Оба фундамент нескольких круглых стен, оставшихся нетронутыми, доказывает, что и тут прежде были насыпи или холмы, подобные тем, которые находились на восточной части горы, но уже давно разобраны и послужили, вероятно, на построение селения Биели» [ДБК, XVI].

Из девяти планов холма Куль-Оба, приведенных в книге И.В. Тункиной [Дюбрюкс, 2010], наиболее информативным является план, составленный П. Дюбрюксом не позднее 7 февраля 1832 г. [АГЭ. Ф. 1. Оп. I–1819. Д. 19. Л. 101; Дюбрюкс, 2010. Т.2. Рис. 204]. На нем «нескольких круглых стен» маркированы буквой D сопровождаются комментарием издателя: [расшифровка отсутствует]. Но как видим, П. Дюбрюкс полагал, что это уничтоженные курганные насыпи, подобно раскопанным насыпям с восточной стороны холма.

Датировка их, по аналогии с исследованными курганами, должна ограничиваться IV веком до Р. Х. От этих «курганов» отходит «стена, фундамент которой сохранился на 300 шагов отсюда и продолжается до Золотой горы, огибая ее». Возможно, что эта стена служила изгородью для отделения родового участка некрополя. Именно так я подумал первоначально. Может быть эта стена объединяла все курганы, имеющие уступчатые склепы? Ведь тогда, за ее оградой оказались бы курган Патиниоти и склепы Золотого кургана. Восточнее нам известен лишь Львиный курган, который не имел уступчатого перекрытия свода.

Но в этом случае возникает несколько вопросов: почему, примерно в центре Куль-Обинского холма отходит еще одна стена [Дюбрюкс, 2010. Т.2. Рис. 204]? Почему стена окружала столь обширную территорию, вплоть до Золотого кургана? Почему стена идет лишь с одной стороны, так как упоминания о ее существовании с северной стороны гряды у П. Дюбрюкса нет.

С целью прояснить эти вопросы в полевом сезоне 2017 года было заложено 2 шурфа земляной насыпи, отходящей от холма к северу. Первый шурф (45.348444, 36.393736) заложен на высоте 114 м в 22м от к югу от грунтовой дороги выявил земляную насыпь, отмеченную на плане П. Дюбрюкса и видимую визуально в рельефе местности. Шурф размером 1 х 5 м. Насыпь ориентирована на север с отклонением к востоку, строго перпендикулярно насыпи холма. Верхушка насыпи укреплена необработанными камнями, причем наиболее крупные поставлены на ребро вдоль насыпи. Ширина насыпи 2 м. Высота насыпи достигает 0.5 м. Никаких находок в первом шурфе не обнаружено.

Второй шурф (45.348569, 36.393836) находится в 5 метрах к югу от той же дороги. Первоначально его размеры 5х5 м, но из-за того, что выявленная насыпь уходила в западный борт, размеры шурфа были увеличены на 1 м к западу. Более того, для получения наиболее полной картины северный борт шурфа был продлен на еще на 5 м. Таким образом, с севера шурф имеет форму 1х10 м. Общая площадь раскопа составила 34 м2.

Стена хорошо читается в рельефе. Надо отметить, что камни насыпи в некоторых местах выходят на поверхность. В этом месте ширина насыпи достигает 2,5 м, а высота с восточной стороны также 0,5 м, а с западной 0,9 м. Падение горизонта к западу вдоль северной стороны достигает 0,4 м, вследствие чего камни смещены к западу. Вполне возможно, что увеличение ширины стены на 0,5 м связано с разрушением стены. Характерно, что к востоку от стены не было найдено ни одного артефакта, в то время как все находки были сделаны с западной стороны. Среди них: фрагменты стенок светлоглиняных амфор, фрагмент калиптера, стенка краснолакового лагиноса (?), железный наконечник стрелы. Последняя находка дает возможность предположить, что насыпь имела оборонительный характер, и что нападение было с запада.

Характер сделанных находок дает возможность предположить, что время сооружения земляной насыпи не совпадает со временем насыпи кургана Куль-Оба. Полностью убедиться в правоте сделанных предположений дала находка медного ассария 49 г. н. э. Котиса I (45/46—62/63 гг. н. э.). Таким образом, земляная насыпь является частью оборонительной системы предположительно крепости римского времени.

Земляная насыпь спускается со склона холма, судя по плану П. Дюбрюкса, образует четырехугольник 120х80 м. В юго-западном углу этого прямоугольника на съемке коптера просматривается квадратное помещение примерно 30х30 м. К северо-западу от стены зафиксировано небольшой холм диаметром 15 м, в котором можно предположить башню. Еще две стены просматриваются на фотосъемке к западу от крепости и возможно они также составляют часть оборонительной системы.

С этих позиций по-другому воспринимаются круги на холме, которые П. Дюбрюкс считал остатками курганов. Скорее всего, это остатки по крайней мере двух круглых башен, расположенных вершине холма. Вполне возможно, что крепость располагалась не только на склоне, но и на вершине холма. Подтвердить (или опровергнуть) эти предположения могут лишь последующие археологические раскопки.

Что же защищала крепость? К северу от нее располагается широкая (168 м) дорога, идущая прямо к Пантикапею. Севернее ее расположены знаменитый курганный некрополь, включающий Золотой, Львиный курган и курган Патиниоти. С этого места начинается некрополь Пантикапея. Это единственный проход к столице Боспорского царства – вся территория округе изрезана оврагами. Именно здесь в XIX веке проходила дорога. К западу от крепости, на соседнем холме, в то время существовало поселение известное под названием «Октябрьское 3». К сожалению, это поселение не исследовалось, но подъемный материал свидетельствует о том, что оно существовало синхронно с крепостью. Вполне возможно, что крепость на холме Куль-Оба и поселение «Октябрьское 3» на соседнем холме составляли один единый комплекс сооружений, причем основное поселение располагалось на холме к западу Куль-Обы.

Аналогичное поселение зафиксировано и в районе Змеиного кургана. Здесь в древности проходила дорога – ответвление от общего пути, ведущего на Боспор: один рукав шел на Пантикапей, а другой заворачивал вдоль курганов Юз-Обы на переправу. Никаких других проходов на территорию Боспора не существовало: свернувший с дороги путешественник тут же попадал в систему оврагов, укреплённую к тому же проходящим между Юз-Обинской и Митридатской грядой тиритакским валом. Именно здесь наиболее четко прослеживается ров и вал идущий от Змеиного кургана через долину к кургану Патиниоти. К северу от Золотого кургана отходил другой вал, построенный, по всей видимости в новое время.

В 1938 году Н.П. Кивокурцевым в 200 м к востоку от Змеиного кургана исследовалось поселение. По информации Ю.Ю. Марти, Н.П. Кивокурцев обнаружил здесь погребения I в. н.э. и жилища относящиеся к этому же времени. Однако интерпретация находок -“очевидно здесь жили рабы-каменоломщики ... у подошвы Юз-Обы брали камень для сводчатых построек кургана” [Марти, 1939. С.133-134] явное недоразумение, воспринятое К.Э. Гриневичем [Гриневич, 1952. С.146]. Найденный на поселении материал датируется значительно поздним временем, чем сооружение курганов [Федосеев, 1999. С.74].

Интересна находка мраморной таблички с надписью: «Гиакинфа и Сократа и Милесия - служащих приходной канцелярии» (I в. н.э.) [КБН, 519]. Ю.Ю. Марти ошибочно отнес ее к числу надгробных. На мой же взгляд, на кургане был сооружен кордон и там же устроена ἐπιστολογράφια, для взимания налога у проезжающих через Боспор Киммерийский.

Аналогичная ἐπιστολογράφια могла существовать и у холма Куль-Оба. Дальнейшие археологические исследования возможно покажут ошибочность или правоту нашего предположения.

ЛИТЕРАТУРА

Гриневич К.Э. Юз-Оба (Боспорский могильник IV века до н.э.)// Археология и история Боспора. 1. Симферополь, 1952. С.129-147.

Поль Дюбрюкс; сост. и отв. ред. Тункина И.В. Санкт-Петербург, 2010. 728 с.

Корпус Боспорских надписей. (Т.Н. Книпович, В.Ф. Гайдукевич, А.И. Доватур, Д.П. Каллистов). М.–Л., 1965. 950 с.

Марти Ю. Ю. Научно-исследовательская работа Керченского Историко-археологического музея им. А.С. Пушкина в 1937–1938 гг. // ВДИ, 1939. №2. С. 129–134.

Федосеев Н.Ф. Еще раз о переправе через Боспор Киммерийский // АИБ. III. Керчь, 1999. С. 61–102.

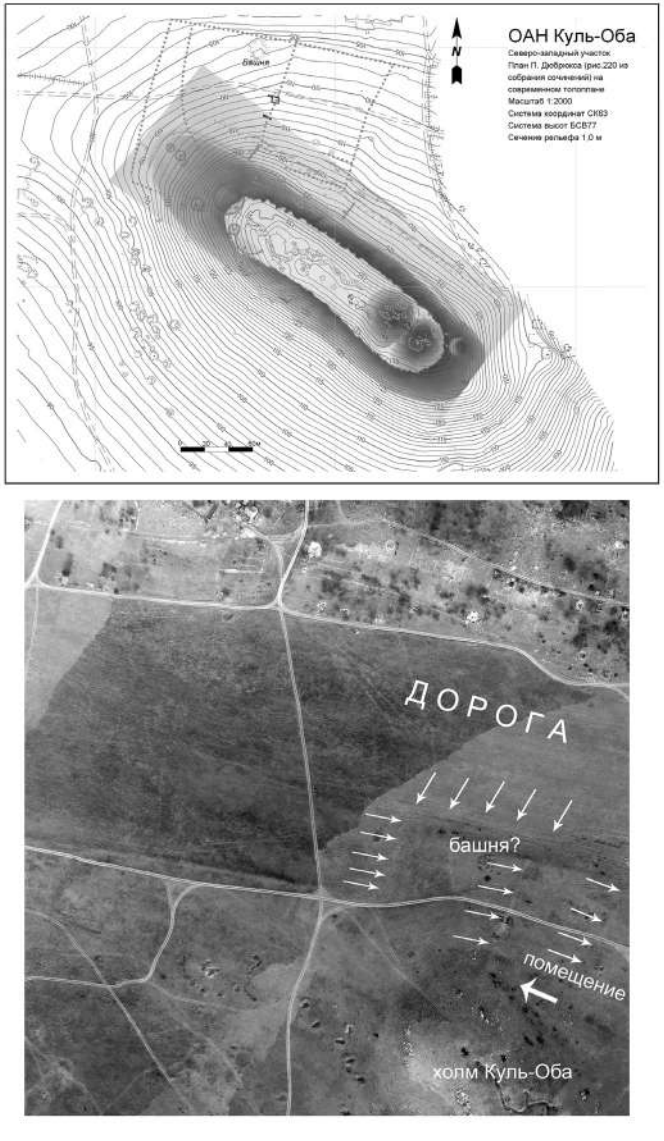


Рис.1. План поселения.

Рис.2. Шурфы и находки с поселения.

ХАЙРЕДИНОВА Э.А.
(ИАК РАН, Симферополь)

ТРАДИЦИИ И МОДА В ЖЕНСКОМ КОСТЮМЕ КРЫМСКИХ ГОТОВ[1]

Во второй половине VI-VII вв. жительницы Юго-Западного Крыма носили своеобразный парадный костюм, который выделял их из общей массы народов, живших на границах Восточно-Римской Империи. В его состав входили: широкий пояс с большой пряжкой, пара фибул, носившихся на плечах, головкой вниз, а также украшения специфических форм (рис. 1).

Мода на подвязывание платье широким поясом с большой пряжкой и одновременным застегиванием верхней одежды на плечах парой одинаковых фибул возникла в первой половине V в. на Среднем Дунае, под влиянием римской провинциальной моды в среде полиэтничной варварской аристократии, а в VI в. сохранилась только у визиготов, остготов и готов Крыма [Bierbrauer 1975; Амброз 1994/1995; Айбабин, Хайрединова 2017].

В V – первой половине VI вв. костюм с большой пряжкой и парой фибул не был характерен для жительниц Юго-Западного Крыма. Большая пряжка первой половины V в., найденная в Ялте, представляет собой уникальный аксессуар, относящийся к княжескому костюму горизонта Унтерзибенбрунн. Она явно сделана на заказ в ювелирной мастерской одной из римских провинций и возможно, была привезена в Крым либо одним из германских вождей [Айбабин, 1999], либо в качестве военного трофея. Других находок подобного типа в Юго-Западном Крыму не известно. В местном женском костюме этого периода прослеживается преемствен-

[1] *Работа подготовлена в рамках фундаментальной темы «Кросс-культурные связи населения Таврики и близлежащих территорий в эпоху средневековья» (№ госрегистрации АА-АА-А18-118013000106-7), утвержденной государственным заданием отделу средневековой археологии ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН».*

ность с костюмом аланского населения Юго-Западного Крыма позднеримского времени. В одежде не носили поясных пряжек и использовали одну фибулу для застегивания накидки на плече или в области груди. В соответствии с аланской модой одежду украшали нашивными бляшками [Хайрединова 2002]. Появившиеся в это время в местном женском костюме из Подунавья двупластинчатые и прогнутые фибулы редко носили в соответствии с новой модой – по две на плечах. В регионе до сих пор не найдены парные двупластинчатые фибулы первой половины V в.

Новый тип одежды, главным компонентом которой стал пояс с пряжкой, распространился в Юго-Западном Крыму во второй половине V в. Среди пряжек того времени преобладали дунайские или сделанные по их образцам экземпляры. Появились маленькие бронзовые литые двупластинчатые фибулы с кербшнитной резьбой, с треугольной или полукруглой головкой. В состав гарнитуров с пряжкой вошли и украшения из Подунавья: парные серьги с многогранником и браслеты с насечками. В первой половине VI в. в Юго-Западном Крыму появились первые большие остготские пряжки с прямоугольным щитком, привезенные из Северной Италии или из Подунавья. Судя по находкам из погребений, большинство женщин продолжало носить узкие пояса с небольшой пряжкой.

Ситуация изменилась в середине VI в., когда жители Юго-Западного Крыма стали хоронить всех женщин в одежде, опоясанной ремнем с большой пряжкой, а зачастую еще и с накидкой, пристегнутой на плечах парой одинаковых фибул. Местные ювелиры, взяв за образцы восточногерманские изделия из Подунавья и Северной Италии, выработали свои формы аксессуаров, украшенных в своеобразном стиле. Массовое и одновременное распространение костюма совпадает с активизацией политики Византии в регионе. Основным занятием местного населения во второй половине V – начале VI вв. было сельское хозяйство, продукцию которого обменивали в Херсоне на необходимые, сделанные городскими ремесленниками товары [Айбабин 1999], в число которых входили и металлические аксессуары одежды. Натуральный обмен не способствовал накоплению запасов золота и серебра. А ведь для производства одного набора из большой пряжки, пары фибул и браслетов необходимо было от 100 до 200 гр. серебра и еще примерно 10-15 гр. золота для различных украшений. Из письменных источников известно, что в эпоху раннего средневековья ювелиры получали драгоценный материал от своего заказчика, или приобретали его сами в виде старой золотой и серебряной утвари [Рудаков 1997]. Благосостояние жителей Юго-Западного Крыма

при Юстиниане I, как о том сообщает Прокопий [О постройках, VI.III.VII.13], стало основываться не только на земледелии, но и на военной службе империи. Получение постоянных выплат за воинскую службу давало возможность приобретать дорогие украшения и аксессуары или заказывать их у ювелиров. На их изготовление могли пускать и добытые в ходе военных действий трофеи. Женщины с большими пряжками в склепах часто захоронены рядом с мужчинами – воинами, как о том свидетельствует присутствие воинских поясных наборов и оружия.

Большая поясная пряжка была обязательным атрибутом костюма замужней женщины, в отличие от фибул, которые не всегда присутствуют в женских погребениях. Выделяется шесть типов костюмных комплексов, отличающихся входившей в их состав поясной застежкой: с пряжками с прямоугольным щитком (типы 1-3); с орлиноголовой пряжкой (тип 4; рис. 1); с пряжкой с ромбическом щитком (тип 5); с византийской шарнирной пряжкой (тип 6; рис. 2).

Во второй половине VI в. бытовали гарнитуры типов 1-4. При этом костюмы с пряжкой с прямоугольным щитком (типы 1-3) и с орлиноголовой (тип 4) застежкой были популярны в равной степени – найдено примерно одинаковое количество гарнитуров, включавших и те, и другие пряжки. Среди наплечных застежек преобладали местные большие двупластинчатые фибулы варианта IIв (рис. 1). Пальчатые фибулы, которые в этот период носили только в наборе с пряжкой с прямоугольным щитком, представлены привозными экземплярами типов Удине-Планис и Арчар-Истрия. В наборах со всеми пряжками присутствовали привезенные из византийских провинций Подунавья фибулы с подвязной ножкой. Преобладали серьги с многогранником – серебряные литые или полые золотые. У последних многогранник выполнен в форме куба. Все браслеты сделаны с утолщенными концами – гладкими, или декорированными поперечными бороздками; их носили парными, по одному на запястье каждой руки. В состав богатых наборов входили золотые украшения горловины платья – нашивные бляшки – «городки». В некоторых гарнитурах того времени присутствовало зеркало или набор туалетных принадлежностей.

Костюм первой половины VII в. отличался большим разнообразием форм наплечных и поясных застежек, а также украшений. В этот период бытовали гарнитуры типов 1-5. Заметно преобладание гарнитуров типа 4 с орлиноголовой пряжкой – их найдено в два раза больше, чем наборов с застежкой с прямоугольным щитком. Последние представлены, в основном, экземплярами с вытисненным изображением льва. Местные

двупластинчатые фибулы варианта IIв остались в моде. Возросло количество и разнообразие пальчатых фибул, главным образом за счет импортных бронзовых застежек, привезенных из Подунавья, Поднепровья и Боспора. Вместе с бронзовыми фибулами из Поднепровья привозили и их украшения – длинные цепи и колокольчики. Серьги с многогранником продолжали носить и в этот период. Однако серег с литым многогранником стало меньше, преобладали полые бронзовые или золотые. У золотых серег изменилась форма многогранника – он стал более вытянутым. Появились новые типы серег с подвесками различных форм, среди которых доминировали пирамидальные. Преобладали браслеты с утолщенными концами, декорированными поперечными насечками. Появились и новые типы браслетов, сделанные из бронзовой проволоки с концами, расплющенными штампом с «елочкой». Их носили только в наборе с орлиноголовой пряжкой. Горловину платья продолжали украшать золотыми бляшками – «городками».

Во второй половине VII в. носили только гарнитуры типов 4-6. Для этого периода характерно укрупнение всех деталей костюма. Фибулы начали выходить из моды – в наборах с большой пряжкой они встречены значительно реже, чем в предыдущий период. Доминировали пальчатые фибулы. Браслеты с утолщенными концами, декорированными поперечными насечками стали редкими, их заменили массивные браслеты с гладкими концами. Стало модным носить много украшений: по несколько браслетов на каждой руке, по 2-3 серьги в ухе. Вместо больших местных пряжек иногда использовали византийские шарнирные застежки.

Только гарнитуры с орлиноголовыми пряжками носили на протяжении всего времени бытования костюма с большой поясной застежкой. Самый распространенный тип фибул – местные, двупластинчатые застежки, которые существовали на протяжении всего времени бытования костюма с большой пряжкой. Большие двупластинчатые фибулы вариантов IIв-1 и IIв-2 можно считать исключительной принадлежностью женского костюма с большой пряжкой – они ни разу не найдены в наборах с маленькими поясными застежками и в детских погребениях. Остальные фибулы носили не только женщины, но и дети, и подростки.

В костюме с большой пряжкой из Юго-Западного Крыма смешены разные этнокультурные традиции. На протяжении всего его существования наиболее ярко выражен восточногерманский компонент. Прототипами для всех типов больших пряжек и многих фибул из Юго-Западного Крыма послужили застежки остготов и гепидов. Традиция ношения фибул

парами, на плечах и головкой вниз – на момент ее появления в Юго-Западном Крыму в середине VI в. – была характерна только для остготов в Северной Италии, везиготов в Испании и для готов, живших на Боспоре и в Херсоне. Характерные для костюма на всем периоде его существования украшения – серьги с многогранником и браслеты с утолщенными, декорированными концами во второй половине V-VI вв. были популярны у многих народов Европы. Золотые бляшки – «городки», украшавшие горловину платья – восходят к сармато-аланской традиции расшивать одежду нашивными золотыми бляшками. В Юго-Западном Крыму известны отдельные детали боспорского костюма – пряжки и фибулы, что вполне объяснимо торговыми связями между двумя регионами, но в целом характерный для боспорян костюм не найден. Привозные боспорские аксессуары носили в составе местного костюма. Торговыми контактами с Поднепровьем можно объяснить и появление в местном костюме бронзовых пальчатых и антропоморфно-зооморфных фибул, которые, как и другие привозные наплечные застежки, приспосабливали под местный костюм и часто носили непарными.

Несмотря на различные влияния и заимствования, костюм с большой пряжкой настолько специфичен и своеобразен, что носившую его женщину и за пределами региона можно было определить как жительницу страны Дори.

С усилением политической и военной активности Византийской империи в Юго-Западном Крыму с последней четверти VI в. [Айбабин 1999] возросло и влияние византийской моды на костюм местных жителей. В костюме с большой пряжкой появились импортные провинциально-дунайские фибулы, обувные пряжки и отдельные типы украшений. В VII в. особенной популярностью пользовались небольшие пряжки, распространенные во всей Византии и на прилегающих к ней территориях. В костюме с большой пряжкой они были вспомогательными и служили в качестве застежек для сумочки [Хайрединова 2008]. Под влиянием христианства в костюме появились личные предметы культа (кресты, филактерии, медальоны), которые носили в ожерельях как подвески, а также перстни с христианской символикой. В декоре металлических варварских аксессуаров одежды и украшениях активно использовали христианскую символику. Во второй половине VII в. разнообразие византийских пряжек возросло и изменилось отношение к ним. В женском парадном костюме с парой фибул место большой поясной застежки иногда занимала византийская шарнирная пряжка с лировидным или дисковидным щитком (рис. 2), ко-

пировавшая парадные золотые поясные застежки знати. К концу VII в. византийские застежки полностью вытеснили из женского костюма большие пряжки, лишив его этнического своеобразия. К этому времени из одежды женщин и девочек исчезли и фибулы. В конце VII в. жительницы Юго-Западного Крыма перешли на византийскую одежду, включавшую платье, подпоясанное узким ремешком с небольшой бронзовой пряжкой и минимум украшений: небольшую низку стеклянных бусин, серьги и изредка – браслеты.

Жительницы страны Дори стремились одеваться модно, используя в своем костюме импортные украшения. Безусловно, в глазах жителя Константинополя местные «модницы» первой половины VII в., в ожерельях которых висит крышка от бронзового светильника или ручка от стеклянной лампады, а пояс застегнут пряжкой огромных размеров или мужской воинской пряжкой, выглядели по-варварски. Но уже в конце VII – первой половине VIII вв. по одежде крымских готок нельзя было отличить от жительницы любой византийской провинции.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь. 1999.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III-VII в.). Симферополь. 2017.

Амброз А.К. Юго-западный Крым. Могильники IV-VII вв. // МАИЭТ IV. Симферополь. 1994/1995. С. 31-88.

Рудаков А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. СПб. 1997.

Хайрединова Э.А. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V – первой половине VI вв. // МАИЭТ IX. Симферополь. 2002. С. 53-118.

Хайрединова Э.А. Византийские пряжки VII в. в женском костюме крымских готов // МАИЭТ XIV. Симферополь. 2008. С. 161-183

Bierbrauer V. Die Ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto. 1975.

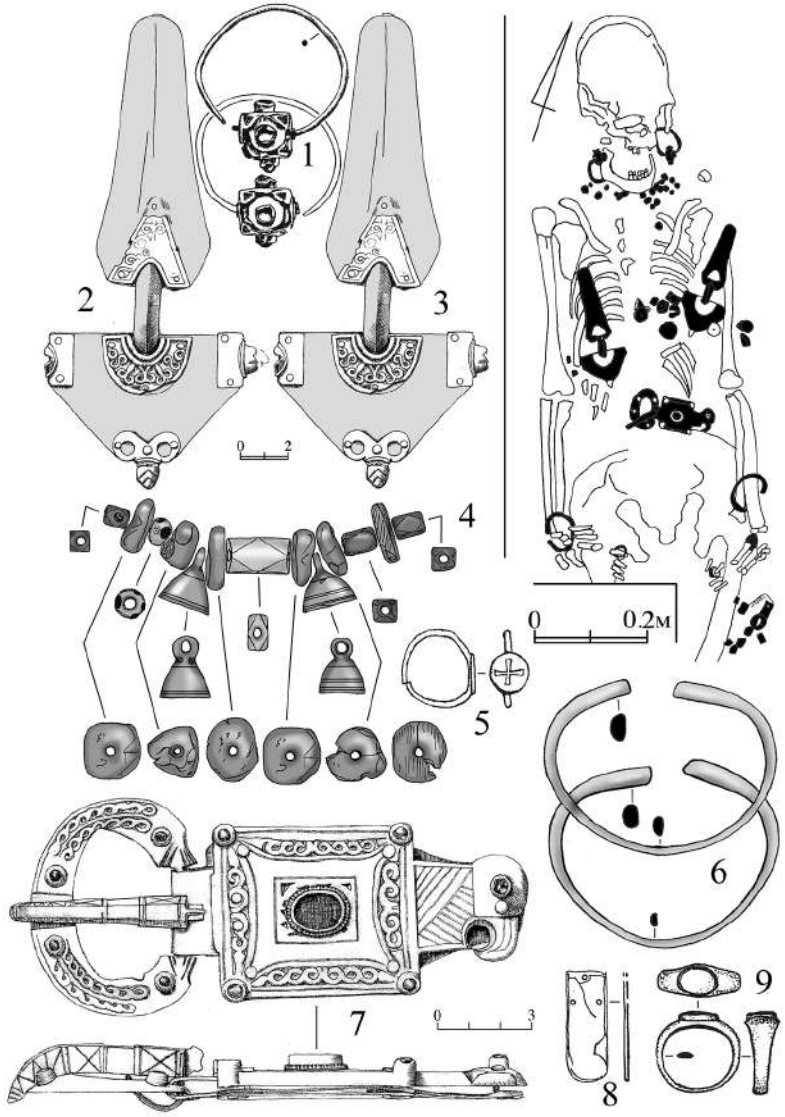


Рис. 1. Традиционный женский костюм крымских готов с парой двупластинчатых фибул и большой орлиноголовой пряжкой второй половины VI в. (по материалам могильника Алония).

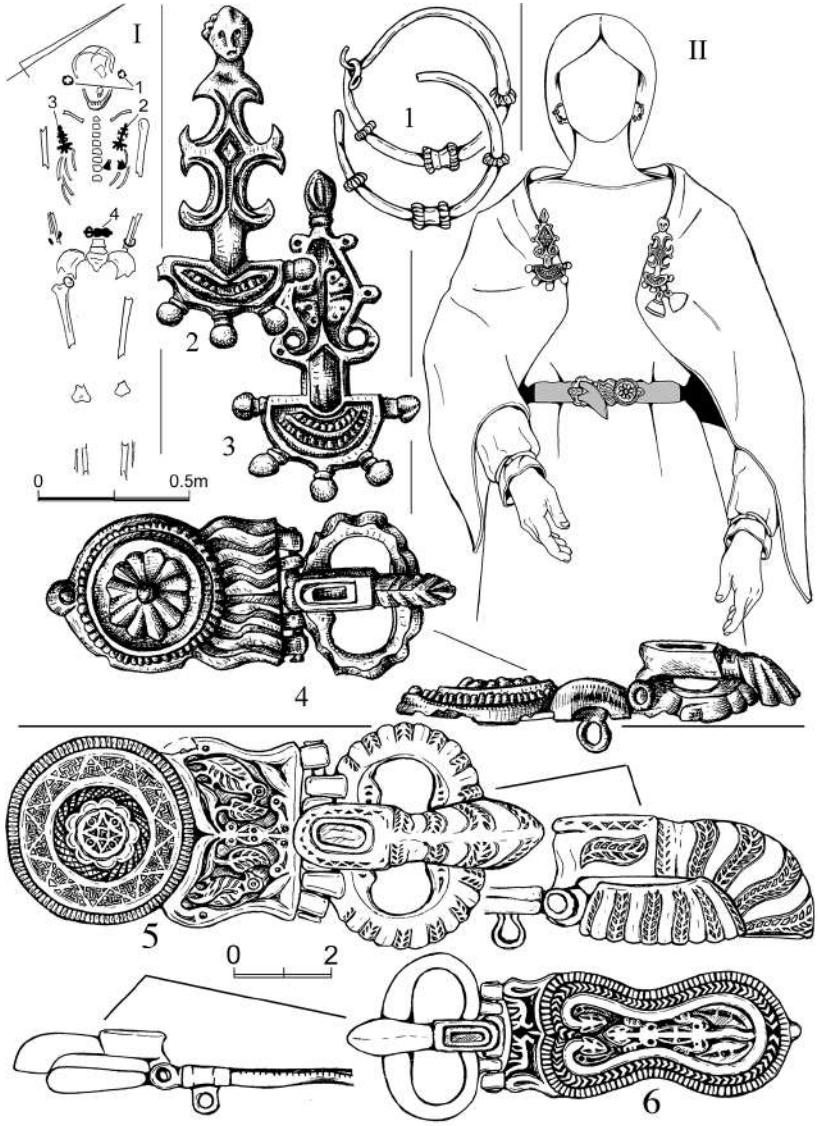


Рис. 2. Модные византийские аксессуары в традиционном женском костюме крымских готов второй половины VII в.
I,II,1-4,6 – Лучистое; 5 – Баклинский Овраг.

Н. И. ХРАПУНОВ
(НИЦ ИАК КФУ им. В. И. Вернадского, Симферополь)

КАК БЫЛИ ПЕРЕОСМЫСЛЕНЫ НЕКОТОРЫЕ КУЛЬТОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОЧНОГО КРЫМА ПОСЛЕ 1783 Г.[1]

После присоединения Крыма к России возникли новые представления о ряде объектов культурного наследия, сохранившихся на территории полуострова. Памятники, подлинная история которых была забыта, стали фигурировать в разных романтических легендах, которые возникли и трансформировались при разных обстоятельствах. С одной стороны, путешественники записали возникшие в крымскотатарской среде истории, связанные с мавзолеем Диляры бикеч, Фонтаном слез и мечетью Ешиль-Джами в Бахчисарае или с мавзолеем Джанике ханум на Чуфут-Кале, зачастую дополняя их живописными подробностями. С другой, появившиеся на полуострове православные жители искали опору в религии, а потому переосмыслили увиденные ими здесь заброшенные церкви, «удревняя» их историю и связывая ее с известными эпизодами прошлого. Как минимум два примера такого рода обнаруживаются в Восточном Крыму – в Керчи и Феодосии. Их изучение показывает, какими причудливыми путями шла православная сакрализация полуострова, в результате чего к концу XIX в. Крым превратился в особое место в русской культуре и общественном сознании. Сегодня эти легенды забыты и практически не используются историографией – но в этом и заключается их интерес.

По современным данным, строительство византийской церкви Иоанна Предтечи в Керчи относится к рубежу IX–X вв. [Макарова, 1998]. Однако в начале российской эпохи об этом еще не знали, а потому вокруг храма возникли легенды, связавшие его происхождение с глубокой древностью.

[1] *Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5763.2017/БЧ по теме «Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия».*

Их зафиксировали русские путешественники, побывавшие в Керчи в 1799 г. Владимир Васильевич Измайлов (1773–1830) отметил: «На одном камне, в углу церкви, вижу я отпечаток ног человеческих. Народное предание говорит, что это след шагов одного праведного мужа, ознаменованного чудесами неба. Игра природы, которой натуралисты удивляются в камнях, не производила ничего совершеннее сих пяток, выпечатанных на самом твердом веществе» [Измайлов, 1805, с. 109]. Павел Иванович Сумароков (1767–1846) записал следующее: «В ней [церкви Иоанна Предтечи – Н. Х.] казали мне <…> камень, являющий на себе следы ног, которые, по мнению здешних обывателей, произошли от того, что некий святой стоял на нем многие годы сряду» [Сумароков, 1800, с. 71]. И Измайлов, и Сумароков, очевидно, общались с местными жителями. Потому отмеченное ими «народное предание» возникло, очевидно, у населения Керчи.

Дальнейшее развитие легенды зафиксировал издатель и журналист Павел Петрович Свиньин (1787–1839), посетивший город в 1825 г. «Есть еще предание, что церковь сия воздвигнута одним из св. апостолов, притекшим к берегам Черного моря проповедовать святое Евангелие…» [Свиньин, 1828, с. 11–12]. Это свидетельство говорит о том, что теперь строителем церкви называли (неизвестного по имени?) апостола. В конце XIX в. находившиеся в храме чудесные отпечатки приписывали либо патрону церкви – Иоанну Крестителю, либо апостолу Андрею Первозванному [Зенкевич, 1894, с. 148–149]. До наших дней этот объект не сохранился. Однако благодаря рисунку Дмитрия Михайловича Струкова (1829–1899) ясно, что камень с «отпечатками стоп» представлял собой постамент античной статуи с креплением для ног [см.: Лазарь, Шорохова, 2012, с. 310]. Очевидно, его нашли поблизости и перенесли церковь.

Можно реконструировать генезис легенды. Очевидно, настоятель церкви или какой-то другой образованный житель Керчи вспомнил о памятнике русской исторической литературы середины XVI в. – «Степенной книге». Согласно этому источнику, апостол Андрей побывал на крымских берегах, молился здесь Богу и благословил море. В это время и произошло чудо: «на камени же том [где стоял апостол – Н. Х.] воглубленно вообразишася нозе святого Андрея, яко на воску, иже и до ныне видимо есть» [Книга степенная, 1908, с. 72–73]. Вероятно, в данном случае была творчески переработана легенда об отпечатках ног Христа, хорошо известная за пределами Крыма. Одно из таких изображений демонстрируют в церкви Вознесения на Елеонской горе в Иерусалиме. О нем в Москве могли узнать, например, из сочинения русского паломника начала XII в.

[Даниил, 2007, с. 46–47]. Отпечатки стоп Христа показывают и в Риме, в церкви Санта-Мария-ин-Пальмис (Домине-Кво-Вадис).

По данным «Степенной книги», отпечатки ног апостола Андрея находились «близ града Херсоня», то есть Херсонеса. В конце XVIII в. местоположение этого древнего города представляло собой загадку. Его искали в самых разных местах – от нижнего Днепра до Феодосии [Храпунов, 2016]. Образованный человек мог сопоставить сведения «Степенной книги» со славянской версией жития апостола Андрея. Согласно этому документу, святой побывал в городе Оспоре (Боспоре), нынешней Керчи, причем там его память связана была с разными чудесами [Васильевский, 1909, с. 275–276]. Автор жития упомянул виденную им в Боспоре церковь, освященную в честь святых апостолов. Очевидно, все это привело к возникновению легенды, значительно удревнившей храм Иоанна Предтечи и назвавшей его основателем одного из апостолов.

Другая история связана с Феодосией. Француз Шарль де Бар (1750/1751–1825), который много лет провел в путешествиях по Европе, был вдумчивым и непредубежденным наблюдателем. В Крыму он оказался весной 1784 г. Осмотрев Феодосию, де Бар назвал ее важнейшей достопримечательностью «церковь, где крестился Владимир, великий князь русский, которую турки обратили в мечеть» [Храпунов, Гинькут, 2015, с. 408].

Де Бар, без сомнения, доверился местным информаторам. Ясно, что попытка отыскать в Феодосии церковь, связанную с памятью киевского князя Владимира, объясняется тем, что никто точно не знал, где находился Корсунь (Херсонес), в котором крестился князь. Каффа (Феодосия) была одним из претендентов на эту роль [Храпунов, 2016, с. 323; Храпунов, 2017a, с. 116–117]. Кто-то из местных жителей, духовных или светских лиц, мог сообщить французу об этом. Думается, можно определить памятник, на который указывали как на место предполагаемого крещения Владимира. Вероятно, это была соборная мечеть Шахзаде-Сулейман-Хан-Джами, построенная в начале XVI в. будущим правителем Османской империи – Сулейманом Великолепным. После присоединения Крыма к России мечеть пришла в запустение и была разобрана во второй четверти XIX в. [Засыпкин, 1927, с. 140]. Мечеть с большим центральным куполом [см.: Храпунов, 2017b, с. 279–280, рис. 4], не похожая на привычные в России, могла напомнить тем, кто бывал на Балканах, Айя-Софию в Константинополе. Отсюда и идея о том, что изначально это был христианский храм.

В любом случае, эта легенда не просуществовала долго. На рубеже

XVIII–XIX вв. было окончательно установлено, что Херсонес находился на юго-западной оконечности Таврики, близ нынешнего Севастополя [Храпунов, 2016, с. 324–326]. Вероятно, потому мысль о крещении Владимира в Каффе была скоро забыта.

Приведенные примеры показывают, как после присоединения Крыма шел процесс осмысления отдельных археологических памятников как связанных с историей древнего христианства и даже русской церкви. Причем в него могли быть вовлечены артефакты в действительности не имевшие к христианству отношения – от постамента античной статуи до целой мечети. Дальнейшее развитие этот процесс получил в XIX в., когда в Крыму распространились легендарные представления о святости ряда культурных и природных объектов с деятельностью римских и византийских святых. Впоследствии эти памятники были включены в систему «Русского Афона», которую начал создавать Иннокентий (Борисов, 1800–1857), херсонский и таврический архиепископ [Тур 2006: 80–160].

ЛИТЕРАТУРА

[Васильевский В. Г.]. Труды В. Г. Васильевского. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1909.

[Даниил, игумен]. «Хождение» игумена Даниила в Св. Землю в начале XII века. СПб., 2007.

Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым: журнал общественно-научный и экскурсионный. 1927. № 2 (4).

Зенкевич Хр. Хр. Керчь в прошедшем и настоящем. Историко-археологический и географический очерк. Керчь, 1894.

Измайлов В. Путешествие в полуденную Россию. Изд. 2-е. Ч. 3. М., 1805.

Книга степенная царского родословия. Ч. 1 / Полное собрание русских летописей 21. СПб., 1908.

Лазарь (митрополит), Шорохова Т. С. Священный образ Тавриды: православные святыни Крыма в изобразительном искусстве. Симферополь, 2012.

Макарова Т. И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ . 1993. Вып. VI.

[Свиньин П. П.]. Керчь, древняя Пантикапея (из живописногоп утешествия по России издателя «Отечественных записок») // Отечественные записки. 1828. Т. 34. № 96 (апрель).

Сумароков П. [И.]. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. М., 1800.

Тур В. Г. Православные монастыри Крыма в XIX – начале XX вв. 2-е изд. Киев, 2006.

Храпунов Н. И. Как Херсонес стал центром русского православия // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI.

Храпунов Н. И. Херсон, Каффа и «Мономаховы регалии» // IX Международный византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Материалы научной конференции. Севастополь, 2017a.

Храпунов Н. И. Культурное наследие Крыма эпохи Золотой Орды и Крымского ханства в описаниях иностранцев рубежа XVIII–XIX вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017b. № 4.

Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара // МАИЭТ. 2015. Вып. XX.

В. А. ХРШАНОВСКИЙ
(С-Петербург)

«СВОЕ» И «ЧУЖОЕ» В ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ НЕКРОПОЛЕЙ ИЛУРАТСКОГО ПЛАТО И КИТЕЙСКОЙ РАВНИНЫ)

Многолетние исследования некрополей, расположенных возле двух боспорских городов – Илурата и Китея, дали обширный материал для выявления и анализа закономерностей взаимоотношения разных погребально-поминальных традиций. Возле каждого из этих городов (на расстоянии от 0,3 до 2 км) существовало несколько некрополей: грунтовые, скальные, курганные. Большинство из них использовалось на протяжении нескольких столетий сменяющими друг друга этнокультурными группами с различающимися (в той или иной степени) погребально-поминальными традициями. Судя по локализации и хронологии некрополей, вновь прибывшие часто использовали уже «освоенную» территорию, обладавшую в их глазах особым (сакральным) статусом. Об особом отношении к погребально-поминальным комплексам предшественников и их аккультурации – превращения из «чужих» в «свои» – можно судить по некоторым археологически зафиксированным фактам.

На северо-восточном некрополе Илуратского плато, в 300 м к востоку от восточной крепостной стены было открыто и доследовано после грабителей больше 100 погребально-поминальных комплексов (погребальных сооружений, святилищ и жертвенных ям, ритуальных площадок с тризнами, захоронений лошадей и собак). По типам погребальные сооружения распределились следующим образом: 65 грунтовых и 24 плитовых могилы, 2 грунтовых склепа и 3 склепа со стенами из блоков и плит известняка. К самым ранним из них относились 16 грунтовых могил, два грунтовых склепа (№№ 143 и 170) и 8 жертвенных ям датируемых I- началом II вв. н. э. (Хршановский, 2010. С. 583-609).

Вероятно немного позже, в конце I - первой половине II вв. н. э. среди них появляются склепы, сложенные из блоков и плит известняка (№№ 1, 52, 137). По некоторым признакам можно предположить, что при сооружении склепа № 52 был задет и поврежден ряд более ранних грунтовых могил (Кубланов, Хршановский. 1989. С. 20). Склепы и специальные ритуальные конструкции («святилища») во все времена было легче заметить по внешним признакам (они часто возвышались над дневной поверхностью, возможно, были перекрыты насыпями), поэтому именно в них чаще всего обнаруживаются следы вторичного использования. Они были зафиксированы в трех из пяти склепов, открытых и исследованных на этом участке.

Один из самых ранних грунтовых склепов – № 143 – имеет явные признаки вторичного использования (заклад входного проема), которое, вероятно, произошло уже во II в. н. э. (Хршановский, 2011. С. 374-380). Подобное «освоение» этого северо-восточного участка Илуратского плато продолжалось и во второй половине II-III вв. н. э. Именно к этому времени относится большинство исследованных здесь плитовых могил. Одна из них (№ 138) оказалась встроена в полуразрушенный к этому времени склеп со стенами из известняковых плит (№ 137) (Горончаровский, Хршановский, 1994. С. 84-85). Вероятно во второй половине III в. н. э., оказывается разрушен и самый большой на этом некрополе склеп № 52, а на его полу, вымощенному плитами известняка и вокруг него тогда же или немного позже была устроена ритуальная площадка со следами жертвоприношений (кости животных) и возжигания огня (Кубланов, Хршановский, 1989. С.14-18). Таким образом, верхний горизонт – конец III - IV вв. н. э. – здесь представлен уже не погребальными или поминальными конструкциями, а лишь следами ритуальных действий, совершенных над бывшим склепом.

На южном скальном некрополе Илуратского плато было открыто и исследовано около 40 погребально-поминальных археологических объектов. Помимо 14 катакомб с вырубленными в скальном массиве открытыми дромосами и пещеровидными камерами, среди них оказались 6 вырубных склепов с искусственным (вероятно полуциркульным) перекрытием, 2 склепа, сложенных насухо из притесанных блоков известняка (один с полуцилиндрическим сводом и один с уступчатым), 9 вырубных и 2 плитовые могилы, следы тризн и выборки камня (каменоломен).

Хронологически подавляющее большинство находок из комплексов вписывалось в «классическое» время существования Илуратского городища – I-III вв. н. э. Сложность более узкой датировки заключается в том, что все исследованные склепы, катакомбы и большинство могил

были разграблены еще в древности, многие из них использовались повторно, разновременный погребальный инвентарь смешивался.

По некоторым наблюдениям, к наиболее ранним, датирующимся концом I - первой половиной II вв. н. э., относятся погребальные сооружениям с искусственными сводами – склепы, вырубленные в скальном массиве и/или сложенные из блоков известняка с полуцилиндрическими или уступчатым сводом. И здесь в половине склепов в ходе раскопок были выявлены следы вторичного использования. Так в верхнем горизонте склепа № 8 было обнаружено захоронение коровы (!), в склепе № 18 – признаки его вторичного использования в V в. н. э. (по золотой монете императора Гонория), в склепе № 24 наряду с материалом I-II вв. присутствовал и более поздний – III-IV вв. Неоднократность помещения туда (в сравнительно небольшой склеп) погребенных подтверждалась их общим количеством – не менее 7(!) (Кубланов, 1979. С. 91).

Среди склепов с искусственными сводами выделяется склеп с уступчатым сводом № 32. По последним наблюдениям, он был сооружен не позже середины II в. н. э. (Хршановский, 2011. С.405-407). После этого вторично использован для ритуалов с возжиганием огня в III-IV вв. н. э. А следующее его назначение – христианское «святилище» –, о котором свидетельствовали процарапанные на стенах кресты, относится к еще более позднему времени – V-VI вв. (Кубланов, 1979. С.93-97; Он же, 1983. С.110-112, 120-122).

14 катакомб с пещеровидными камерами и дромосами, выбранными в скальном массиве, соседствующих со склепами на этом некрополе, в целом датируются более поздним временем – второй половиной II-III вв. н. э. Как и склепы, все они были разграблены в древности. Но в четырех случаях было зафиксировано их вторичное использование. В катакомбе № 12 после последнего использования в конце III в. н. э. сохранился нетронутым заклад входного проема. В верхнем горизонте соседней катакомбы № 13 было обнаружено скопление человеческих костей (разрозненных частей тел) и костей животных (степного волка, лошади, зайца). В катакомбе № 19, сооруженной и первоначально использованной во II – первой половине III вв. н. э., имелись следы вторичных ритуальных действий с возжиганием огня и (возможно) трупосожжением VI-VIII вв. Ещё более позднее впускное погребение – первой четверти XIII в. н. э. – с серебряными дирхемами находилось в верхнем горизонте катакомбы № 21(Кубланов, 1983. С. 124-125).

На третьем скально-грунтовом могильнике, расположенном на

юго-западной оконечности Илуратского плато, помимо 22 грунтовых и 11 плитовых могил, были открыты, исследованы и доследованы после современных грабителей 4 вырубленные в скальном массиве катакомбы, 3 вырубных склепа и 5 склепов, сложенных из блоков известняка. Как и на двух предыдущих некрополях, подавляющее большинство погребальных сооружений здесь было разграблено в древности или/и в современности.

К самым ранним – построенным в конце I - первой половине II вв. н. э. могут быть отнесены три монументальных склепа с искусственными (полуциркульными) сводами (№№ 213, 220 и 225 с кенотафами 226-227) и вырубные склепы, также перекрытые полуциркульными (№№ 180 и 211) и, возможно, уступчатым (№ 160) сводами. Вероятно немного позже – во второй половине II в. н. э. – были построены два сравнительно небольших склепа из блоков известняка (№№ 205, 206). Ко второй половине II - началу III вв. относятся исследованные здесь катакомбы (№№ 215, 216 со средневековым впускным погребением 217, 218, 222) и большая часть датируемых могил.

Археологически зафиксированы признаки как минимум двукратного использования вырубного склепа № 160 и жертвенной ямы, расположенной к юго-западу от его дромоса. Первое – в конце I - первой половине II вв. н.э., вторичное – вторая половина II-III вв. н. э. (Хршановский, 2002. С.255-258). Еще одним подтверждением его многократного использования является количество обнаруженных в нем человеческих останков: они принадлежали не менее чем 28 взрослым и 4 детям. Наряду с ними в грунте заполнения камеры находились кости коровы, сайги, лошади, козы, овцы (?), собаки, зайца и птиц.

Наиболее яркие примеры вторичного использования дают монументальные склепы, сложенные из блоков и плит известняка с полуциркульными сводами №№ 220 и 225. Склеп № 220 состоял из дромоса и двух камер – малой и большой. Малая камера была отделена от дромоса стоявшей in situ закладной плитой, причем при вторичном использовании она была изнутри заложена блоками известняка. В ходе раскопок были выделены четыре хронологических периода: время сооружения и первоначального использования склепа – первая половина II вв. н. э.; время разрушения большой камеры и использования для массовых захоронений (более 15 человек!) малой камеры склепа – вторая половина II-III вв. н.э; погребение в восточной части малой камеры (в слое над скоплением костей людей и животных предыдущего уровня) молодой женщины с прижизненно деформированным черепом, и сопутствующим захоронением

собаки – III - начало IV вв.; последнее использование склепа, связанное с ритуальными действиями в верхнем слое восточной половины малой камеры, по профильным фрагментам круглодонных амфор и найденному в этом же слое над большой камерой крестом, вырезанным из известняка, может широко датироваться V-VI вв. н.э. (Хршановский, 2011. С. 389-394).

Близкий по архитектурным достоинствам и времени сооружения склеп № 225 также имел явные признаки вторичного использования: с уровня древнего горизонта к дромосу и из дромоса в камеру вела лестница из отдельных плоских камней-ступеней. По разным группам находок в дромосе и камере склепа № 225, можно выделить три хронологических периода: конец I - первая половина II вв. н. э. – время сооружения и первоначального использования склепа; вторая половина II-III вв. н. э. □ вторичные коллективные захоронения и позднеантичный или раннесредневековый период, когда через дромос в камеру была впущена лестница (Хршановский, 2011. С. 394-398).

На этом же некрополе в верхнем горизонте катакомбы № 216 было открыто впускное захоронение XIII века представителя культуры Черных клобуков с конем (Хршановский, 2005. С. 345).

Таким образом, можно предположить, что использование территории трех первоначально возникших на Илуратском плато некрополей для создания новых погребально-поминальных комплексов и вторичные захоронения в уже существовавших погребальных сооружениях носит не случайный характер, а скорее является проявившейся закономерностью.

Возле античного города Китея (V в. до н. э. - VI в. н. э.) на прилегающей к нему с востока, севера, запада и юго-запада равнине, у подножья кряжа Джург-Оба и на вершине Чатр-Тав, как и на Илуратском плато, были открыты несколько некрополей – скально-грунтовые, скальные, грунтовые и курганные. На них, также были зафиксированы случаи использования вновь прибывшей этнокультурной группой территории некрополя, склепов и могил предшественников для собственных погребально-поминальных ритуалов, а также наличие в погребениях и тризнах более ранних «асинхронных» вещей.

На скально-грунтовом могильнике, расположенном к северу от городища в эллинистической (и греческой по археологическому контексту) вырубной могиле (№ 255) был открыт и исследован кенотаф, «по скифски» полностью забитый небольшими камнями и крупным щебнем (Хршановский, 2004. С. 386). В другой вырубной могиле (№ 227) того же времени (IV-III вв. до н. э) – погребение военачальника последней четверти

II в. н. э. (Хршановский, 2007. С. 182-192.). При вторичном использовании склепа-катакомбы № 261 его дромос был превращен в погребальную камеру (Рис. 2). Но самый богатый материал, свидетельствующий о разном отношении к «отеческим» и «неотеческим» гробам был получен в ходе исследования юго-западного участка китейского некрополя.

Три открытых здесь монументальных эллинистических склепа IV-III вв. до н. э. (№№ 141, 206, 300) и, предположительно, происходившие из них вещи, были «освоены» и включены в систему погребально-поминальных комплексов IV в. н. э. В самих склепах (и над ними) были открыты многочисленные следы тризн, связанных с возжиганием огня и жертвоприношением животных (Хршановский, 2017а. С. 261-262) Найденные в них вещи имели хронологическую вилку в 700 лет. Три погребения IV в. н. э. (№№ 286-288) были совершены в эллинистической жертвенной яме, синхронной склепу (Хршановский, 2008. С. 301-306). А в одном из детских погребений того же времени (саркофаг № 331) среди погребального инвентаря оказалась бляшка с изображением Горгоны Медузы второй - третьей четверти IV в. до н. э. (Хршановский, 2016. С. 119).

Некрополь IV в. н. э. имеет необычную «под-вальную» форму. На территории, которую он предположительно занимает, зафиксированы 24 вала, вытянутых в меридиональном направлении и прослеживающихся от западной крепостной стены Китея на 600 м к востоку. Под ними и в них были открыты более 40 позднеантичных погребений, поминальные конструкции и многочисленные следы тризн. По самым поздним материалам из тризн они могут датироваться тем же IV в. н. э. (Хршановский, 2017б. С. 278-285). Но с ними соседствуют и материалы гораздо более ранние – от IV в. до н. э. до III в. н. э., использованные в обряде артефакты, преднамеренно взятые из другой культуры, своеобразный «секонд-хенд» (Хршановский, 2017в. С. 80-82). В ходе совершавшегося обряда (результатом которого и был археологически зафиксированный разновременный культурный слой), включенное в него «чужое» осваивалось, превращаясь в «свое».

Все приведенные выше примеры, как кажется, подтверждают особенность «прагматизма» древних, «который ориентирован на ценности знакового порядка в гораздо большей степени, чем на материальные ценности» (Топоров, 1982. С. 17). В погребально-поминальной практике населения позднего Боспора она проявилась с одной стороны в изначальном разграничение «профанного» и «сакрального» пространства, «своего» и «чужого», сделанного не своими руками, не в своей традиции, а с другой

– в аккультурации: потребности мифоритуального сознания тем или иным способом перемаркировать «чужое», сделать его «своим».

ЛИТЕРАТУРА

Горончаровский В. А., Хршановский В. А. Раскопки верхнего некрополя Илурата// Археологические исследования в Крыму 1993 год. Симферополь, 1994.

Кубланов М. М. Новые погребальные сооружения Илурата// КСИА № 159. Античный мир и его периферия. М., 1979.

Кубланов М. М. Раскопки некрополя Илурата. Итоги и проблемы// Научно-атеистические исследования в музеях. Л.,1983.

Кубланов М. М., Хршановский В. А. Некрополь Илурата: Раскопки 1984-1989 годов// Проблемы религиоведения и атеизма в музеях. Сб. научных трудов. Л.,1989.

Топоров В. Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд)// Очерки истории естественнонаучных знаний в древности. М., 1982.

Хршановский В. А. Погребальный комплекс римского времени на некрополе Илурата// III Боспорские чтения. Сб. научных материалов. Керчь, 2002.

Хршановский В. А. Новые погребальные комплексы V-IV вв. до н. э. на некрополе Китея// Боспорские чтения. Сб. научных материалов. Вып. V. Керчь, 2004.

Хршановский В. А. Некрополь без акрополя (некрополь Илурата в IV-XIII вв.)// Боспорские чтения. Сб. материалов конференции. Вып. VI. Керчь, 2005.

Хршановский В. А. Погребение военачальника боспорского царя на некрополе Китея// Из истории античного общества. Сб. научных трудов. Вып. 9-10. Нижний Новгород, 2007.

Хршановский В. А. Позднеримское погребение воина с копьем на некрополе Китея// Боспорские чтения. Сб. материалов конференции. Вып. IX. Керчь, 2008.

Хршановский В. А. Погребально-поминальные комплексы второй половины I - первой половины II вв. н. э. на некрополе Илурата// Древности Боспора. Т. 14. М., 2010.

Хршановский В. А. Склепы I- первой половины II вв. н. э. на Илуратском плато// Древности Боспора. Т. 15. М., 2011.

Хршановский В. А. Грунтовые могилы на юго-западном участке некрополя Китея (по материалам раскопок 1992-2013 гг.)// Культурный слой. Сб. научных статей. Вып. 4. Нижний Новгород, 2016.

Хршановский В. А. Тризны на грунтовых некрополях Боспора (по материалам раскопок некрополей Илуратского плато и Китейской равнины// Таврические студии № 12 (2017). Симферополь, 2017 (а)

Хршановский В. А. Юго-западный участок некрополя Китея (Итоги исследований 1992-2013 гг.)// Труды Государственного Эрмитажа LXXXVIII. Перипл: от Борисфена до Боспора. Материалы юбилейных конференций. СПб, 2017 (б).

Хршановский В. А. Артефакты «секонд-хэнд» в погребально-поминальных и сакральных комплексах античного Боспора// Новое прошлое № 4. Ростов, 2017в.

1. Впускное погребение № 224 в малой камере склепа № 220. Вид с запада.

2. Дромос склепа-катакомбы № 261, превращенный в погребальную камеру. Вид с юга.

ШАМРАЙ А.Н.
(ЦАИ БФ «Деметра», Керчь)

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ГИДРОАРХЕОЛОГИИ КОМПЛЕКСНЫМИ МЕТОДАМИ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АКВАТОРИИ КЕРЧЕНСКОГО ПРОЛИВА

В начале 70-х годов прошлого столетия авторитетным исследователем юго-западного Крыма археологом А. Н. Щегловым было опубликовано предложение о разработке и применении комплексных методов археологических изысканий памятников, затопленных морем, без участия специалистов соответствующих дисциплин (Щеглов, 1969, С. 281). По мнению учёного, эти методы должны иметь палеогеографическую и палеотопографическую направленность, цель которой – сбор материалов для реконструкции древней береговой линии, и её динамики в историческое время. Под тем же углом зрения он определил и круг конкретных задач, которые должна решать в этом направлении гидроархеология.

Их перечень сводился к следующему: - искать и предельно точно фиксировать затонувшие археологические объекты; - тщательно вести съёмку подводного рельефа; - изучать подводный ландшафт в прибрежных зонах памятников; - искать затопленные террасы; - применять в исследованиях методы сравнительной исторической картографии.

Основываясь на анализе подводных исследований Блаватского В.Д. и критике «достижений» разведок в Херсонесской бухте под руководством С.Ф. Стренелецкого и В.И. Кадеева, автор предложения пришёл к выводу, что осуществить это можно при условии создания центра подводной археологии. Основными функциями научного учреждения он считал – координацию исследований, разработку их методики, испытание и апробирование приборов и снаряжения для их осуществления.

Эта идея не получила признания в последующем развитии гидроархеологии Северного Причерноморья. Основной причиной являлось отсутствие академической поддержки этому направлению науки. До нача-

ла 20-х гг. нового столетия гидроархеология развивалась спонтанно. За прошедшее время отдельные предложения А.Н. Щеглова использовались некоторыми исследователями в практическом опыте (Kryjtski, 1987, P. 169 – 180; Nazarov, 1997, P. 131 – 136). Несколько шире эти предложения отрабатывались при изучении различных видов памятников, открытых в акватории Керченского пролива (Шилик, Шамрай, 1982, С. 2, Рис. 2, 4, 5, 26, 30, 33, 34; Шамрай, 1993, С. 29 – 41; 2003, С. 277 – 290; 2004, С. 397 – 407; 2005, С. 284 – 294; 2007, С. 336 – 345; 2008, С. 314 – 318; 2013, С. 506 – 513; 2015, С. 389 – 399; 2016, С. 252 – 255).

По мере накопления археологической информации об общем состоянии этих памятников и её сравнительном анализе, к исследователям приходило понимание того, что степень сохранности материальных остатков культуры прямо связана не только с воздействием на них моря, но и геосистемными изменениями природной среды в целом. Количество и качество этих изменений в каждом конкретном случае было не одинаковым. Они определялись географическими особенностями той местности, где находился памятник. Поиски способов изучения процессов образования различных по археологической структуре частей одного памятника в таких условиях, заставляют осознать дальновидность и научную значимости наставлений А.Н. Щеглова.

В настоящее время методика гидроархеологических разведок состоит из набора практических способов и технических приёмов поиска и фиксации археологического материала. Исследования этого материала строятся на принципах теории и практики полевой археологи. Эти принципы не учитывают особенности геосистемного образования памятников под водой, очевидно поэтому, данное направление науки развивается медленно и во многом отстаёт от зарубежных стран. Для изменения ситуации необходимо разработать и использовать на практике те методы, о которых говорил А.Н. Щеглов.

В основу теории такой методики может быть положен априорно признанный постулат о том, что все затопленные части селений и городищ, оказались под водой в результате изменения уровня моря, независимо от того какими природными процессами оно было вызвано. Это могли быть и глобальные эвстатические колебания уровня Мирового океана, и региональные тектонические колебания земной коры в зоне Черноморской впадины Альпийского подвижного пояса. В ходе этих изменений находившиеся ранее на берегах древние поселения, подверглись гидродинамическому воздействию наступающего моря. Интенсивность этого процесса

определялась множеством особенностей географической среды, в которой находился памятник со времён его основания. В итоге, первоначальное состояние его культурных остатков в значительной степени изменилось и покоится на формах погружённого рельефа, выработанного морем в результате своего наступления на сушу. Изучать и оценивать научную значимость таких археологических комплексов только традиционными методами полевой археологии, без учёта специфики их формирования, невозможно. Природу пограничного взаимодействия земли и воды изучает береговая геоморфология, а образовавшиеся формы - гидрография. Основные методы этих научных дисциплин гармонично согласуются с методами подводных археологических разведок и исследований. Их совместное применение позволяет получать широкий, достоверный и детальный набор данных для реконструкций историко-географической среды обитания людей вблизи моря. Об этом предметно написал в одной из своих работ К.К. Шилик (Шилик, 1990, С. 18 – 22). Под его же руководством были осуществлены первые работы в этом направлении на Боспоре, в них участвовал и автор данной статьи. Приобретённый опыт автор совершенствовал по мере развития водолазной и навигационной техники и использовал в последующие годы при изучении многих античных памятников в Керченском проливе, что и представлено в данной работе.

В 1982 г. Боспорский подводно-археологический отряд (БПАО), возглавляемый Шиликом К.К. продолжил гидроархеологические разведки рифовых зон западного побережья Таманского полуострова, начатые годом ранее экспедицией Керченского историко-археологического музея (КИАМ). Работы велись в акваториях рифовых поясов у мысов Тузла и Панагия. Исследовались якорные стоянки древних судов. Предварительными разведками на серии небольших по площади участков дна вдоль южных оснований скал-останцев главной лини рифа мыса Тузла были выявлены скопления археологического материала, состоящего из якорного снаряжения древних судов и обломков керамики. При их изучении впервые отрабатывались методы картографирования рельефа дна по батиметрической сетке и привязке к ней положения артефактов на этом рельефе (Шилик, Шамрай, 1982, С. 2). Работы такого же содержания были проведены и на двух небольших участках рифа Трутаева у мыса Панагия.

Подготовка к практическому использованию этих методов проводилась задолго до начала экспедиционного сезона. Сначала были теоретически сформулированы и последовательно определены представления о возможных способах и приёмах водолазных работ такого характера в

гидрологических условиях данной акватории пролива – низкой видимости, умеренных течениях и волнениях. Эти представления объединяли в себе порядок производства простейших геодезических, топографических (Ганьшин, 1973, С. 72 – 106), археологических (Авдусин, 1980, С. 306 – 314) и геоморфологических (Меньшиков, Пешков, 1980, С. 61 – 67) работ в пределах небольших участков дна на глубинах до 10 м.

На практике эти способы исследований предусматривали установку на дне моря мерной оснастки в виде масштабной сетки и трассовых линий, по которым велись съёмки планов и контуров рельефа дна. Одновременно на планах фиксировались археологические находки, а по трассовым линиям разрезов описывались рельефообразующие породы, состав материкового грунта и лежащие на нём морские отложения. Подготовительные и обмерные работы выполнялись водолазными станциями из трёх-четырёх человек. Каждая такая станция обеспечивалась полным набором индивидуального легководолазного снаряжения и моторной лодкой, приспособленной для обеспечения таких работ.

Их начало предварялось обучением аквалангистов на берегу порядку и согласованности действий под водой. Подготовительная фаза работы станции начинались с определения и фиксации долговременных морских ориентиров, к которым впоследствии осуществлялась привязка опорных точек геодезической сетки, установленной на дне. В полосе рифов этими ориентирами служили вершины скал-останцев, которые находились вблизи поверхности моря. На них устанавливался яркий буй-репер. Его положение фиксировалось секстаном путём замеров смежных горизонтальных углов между тремя триангуляционными пунктами на берегу. Участки работ определялись по степени концентрации на них археологических предметов, выявленных в результате предварительных осмотров дна. Мерная оснастка на участке работ устанавливалась по широтным или меридиональным направлениям с помощью компаса. Разметка участка начиналась с растяжки основной мерной (базовой) линии, которая одной или двумя точками (чётными марками) привязывалась к бую-реперу на вершине скалы-останца по глубине, азимуту и расстоянию. В 10 м параллельно базовой линии устанавливалась вспомогательная мерная линия. Таким образом, на дне выделялась полоса (полигон) шириной в 10 м. Поперёк полигона со стороны противоположной течению растягивались два ходовых шнура, которые ограничивали площадь исследований до 10 кв. м, а в пределах этой площадки каждый кв. метр выделялся одной масштабной линейкой по ходу проводимой съёмки. Второй масштабной линейкой проводились замеры между точками градации шнуров и сторонами или углами камней, лежащих на дне. По мере того как на площадке, ограниченной ходовыми шнурами, съёмочные работы заканчивались, крайний ходовой шнур переносился на 1 м в сторону течения. Артефакты отмечались номерными буйками в последовательности их фиксации относительно ходовых или базовых линий. Измерения глубин по батиметрическим разрезам участков велись с интервалом в 1 м, а по батиметрическим планам с интервалом 5 – 10 м, и на вершинах массивов из крупных камней. В точках промеров глубин кратко описывался фракционный состав пород, лежащих на материковом грунте, и состав современных наносов.

При проведении этих работ использовалось инструментальное снаряжение, конструкция которого была приспособлена к эксплуатации в условиях морской среды на небольших глубинах. Набор снаряжения состоял из нескольких комплектов мерных (базовых) и ходовых шнуров, масштабных линеек, лотов-буйрепов, курсовых подводных компасов, нескольких буёв-реперов, множества мелких отметочных буйков и крепёжных кольев из немагнитного металла. Для записи обмерных показаний и зарисовки очертаний рельефа дна использовались планшеты из белой пластмассы. На их поверхность была нанесена масштабная сетка, которая позволяла воспроизводить план участка непосредственно на месте съёмок. Записи и зарисовки велись грифельными карандашами, закреплёнными к планшетам тонкими концами небольшой длины. Мерные шнуры имели длину 50 м, ходовые – 10 м. Их концы увязывались петлями для удобства крепления на дне металлическими кольями. Каждый шнур был отградуирован жёлтой или белой краской в интервале 1-го метра, а в интервале 5-ти метров снабжён марками, на которых указывалось их цифровое значение. В местах крепления марок шнур утяжелялся грузиками из свинцовых трубок, это предотвращало всплытие его на поверхность. Мерными (масштабными) линейками служили деревянные шесты квадратного сечения (3 х 2 см) длиной в один метр, они утяжелялись свинцовыми заливками, а их поверхность размечалась черно-белыми отрезками в 0,1 м. «Прибор» для измерения глубины лот-буйреп представлял собой комбинацию двух устройств – судового лота и страховочного буйрепа аквалангиста, в которые вносились определённые изменения. Основой «прибора» служила конструкция буйрепа. Его поплавок, в виде небольшого надувного или жёсткого шара, заменялся круглой доской из пенопласта диаметром 0,5 м. К оси доски крепился тонкий шнур – реп, отградуирован-

ный марками в интервале 0,5 м и метками-узлами – 0,1 м. На нижнем конце репа закреплялся груз весом до 2 кг, необходимый для удержания «прибора» рядом с работающим водолазом. При натяжении шнура, во время замеров глубин, поплавок такой конструкции создавал надёжную опору на поверхности воды и малый угол отклонения по вертикали, повышая тем самым их точность.

По своему содержанию эта методика изучения форм придонного рельефа, вмещающего археологические памятники, относилась к одному из разделов океанологии – морской гидрографии. Различие состояло лишь в том, что в гидроархеологии она применялась на ограниченных участках дна и на небольших глубинах и выполнялась не дистанционно (приборами), а непосредственно аквалангистом, подготовленным к такой работе. Это положение даёт основание автору использовать в дальнейшем изложении темы некоторые определения и термины, соответствующие гидрографической науке, такие как батиметрия (съёмка планов на глубине), изобата (линия равных глубин) и т.д.

Методы ведения подводных разведок, основанные на описанных выше способах и приёмах, позволили в первом приближении реконструировать рельеф одной морфологической части ландшафта мыса Тузла – его рифового пояса. Вместе с тем, отчасти, определить и его географическую роль в формировании памятников древней навигации (Шамрай, 2003, С. 277 – 290). Этой же направленностью подводных разведок на двух участках дна у мыса Панагия было положено начало комплексного изучения его рифовых поясов (Шилик, Шамрай, 1982, С. 11 и сл. Рис. 44).

Следующий короткий этап гидроархеологических разведок у мыса Тузла пришёлся на середину первого десятилетия нового века. Он был связан с первой попыткой системного изучением строительных остатков античного селения Корокондама. Несколько ранее памятник был открыт под водой в 0,6 км к северу от вершины мыса (Шамрай, 2004, С. 397 – 407; Шилик, 2013, С. 59 - 65). Работы по его изучению были организованы А.В. Кондрашовым – научным сотрудником Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника (КГИАМЗ). Автор данной статьи был приглашён в экспедицию для проведения картографических работ под водой (Кондрашов, 2006, С. 5). Строительные остатки памятника в виде цепи каменистых возвышенностей располагались на подводном склоне морской аккумулятивной платформы, которая является ещё одной морфологической частью прибрежного ландшафта мыса Тузла. Возвышенности находились на небольшой глубине неподалёку от берега

песчаной косы и были растянуты по широте от берега в море. Каменистые холмы основной группы имели различную высоту. Два мористых холма возвышались над дном на высоту 1,5 м, а два ближних к берегу – на 1 – 0,8 м. Исходя из такой батиметрической ситуации, в работах по съёмке батиметрических планов памятника применялись два способа – возвышенные объекты комплекса снимались полярным способом, а низкие – линейным. Работы проводились в границах полигона, размеченного на дне вдоль широтной оси комплекса тремя линиями длиной по 150 м с интервалом в 50 м одна от другой. Центральная (базовая) линия проходила по вершинам возвышенностей, на которые устанавливались буи-реперы. Места установки буёв определялись по минимальной глубине на вершине. Они были приняты за опорные батиметрические точки, которые привязывались к местности по прибору спутниковой навигации. Работы велись в последовательности с запада на восток (с моря на берег). Параллельно со съёмкой планов проводился поиск и фиксация археологического материала. Кроме этого, осуществлялась зачистка ограниченных участков дна на пограничных уровнях между каменистыми основаниями объектов и отложениями песка. Целью зачисток было определить состав и толщину наносов в пределах волновых нарушений дна.

Полярный способ вертикальной съёмки объекта начинался с растяжки ленты геодезической рулетки (ходового шнура), по направлению магнитного меридиана от его вершины к основанию. Начало ленты закреплялось за тяжёлый якорь буя-репера, а её конец крепился к грунту там, где каменистый склон объекта соединялся с песчаным грунтом. Промеры глубин велись с помощью электронного глубиномера по линии ленты в интервале 0,5 м. Погрешность прибора равнялась нулю, его показания сверялись с замерами глубин геодезической рейкой. Показания прибора записывались в табличной форме на пластмассовом планшете. После окончания промеров на одной линии, лента смещалась по кругу на 30о, и так до завершения контура объекта. Таким способом были получены данные для составления батиметрических планов двух строений.

Линейный способ вертикальной съёмки остальных объектов (низких) вёлся по ходовым шнурам длиной в 50 м. Шнуры растягивались на дне перпендикулярно базовой линии к продольным сторонам полигона. Они последовательно смещались вдоль базовой линии и сторонам полигона на интервал 2-х м по точкам их градации. По точкам градации ходовых шнуров отмечались глубины и одновременно составлялись абрисные планы объектов, а также окружавших их каменных полей.

Результаты проведённых исследований позволили реконструировать внешний облик сохранившейся части строительных остатков селения Корокондама, определить их пространственное положение и планировку, а также общие хронологические рамки функционирования (Кондрашов, 2009, С. 173 - 176; 2010, С. 118 - 124).

Следующий, более длительный, этап комплексных гидроархеологических разведок у мыса Тузла пришёлся на 2011 – 2014 гг. Он был связан с проектными изысканиями под строительство в этом месте пролива сухогрузного порта. Работы проводились подводным отрядом Восточно-Боспорской археологической экспедиции (ВБАЭ) под руководством Н. И. Сударева. В процессе предварительных разведок рифового пояса мыса, на его западной оконечности, было обнаружено значительное количество якорных камней, лежавших у оснований склонов подводных скал-останцев вместе с обломками античных амфор. Высокая плотность этих артефактов приходилась на группу из пяти скал, расположенных в 1,4 – 1,6 км к западу от вершины мыса Тузла. В комплексных исследованиях этого места использовались упрощённые способы съёмок батиметрических планов дна и фиксации на них археологических предметов. Необходимость упрощения диктовалась сложностью рельефа и условиями гидрологии на этом участке рифа, в основном очень низкой видимостью под водой. Работы ограничились съёмкой планов линейным способом по контуру оснований останцев. Батиметрическая сетка состояла из одной мерной (базовой) линии длиной в 100 м, которая растягивалась между вершинами скал. В качестве ходовых концов использовались геодезические рулетки длиной 30 м. Их ленты растягивались с двух сторон от базовой линии до края каменистых склонов скал, а затем смещались вдоль неё в интервалах 5 м . Изменение глубин по базовой линии и лентам рулеток отмечалось по точкам их градации через 5 м. Для этого использовались современные водолазные компьютеры, погрешность которых равнялась нулю (приборы предварительно проверялись по геодезической рейке, погружённой одним концом на глубину 4 м). Привязка участка рифа к местности велась приборами спутниковой навигации по опорным точкам на вершинах скал с точностью до 0,5 м в формате международной системы координат WGS – 84. Такими способами были собраны данные, на основе которых составлены схематические планы расположения артефактов, совмещённые с контурными планами и разрезами скал, вокруг которых они находились. По совокупности комплексных признаков, на исследованный участок рифа, приходился центр рейдовой якорной стоянки античных судов средней грузоподъёмности (Шамрай, Сударев, 2013, С. 506 - 518). Местоположение стоянки определялось моряками того времени по вершине одной из скал, выступавшей над поверхностью пролива на высоту 1,5 – 2 м. У её западного основания открыты археологические следы аварии грузового судна VI в. до н.э. (Шамрай, 2014, С. 252 - 255).

Параллельно с работами на рифовом поясе мыса, проводились и комплексные исследования строительных остатков, затопленной части селения Корокондама. Здесь решался круг следующих научных задач: уточнялась общая топография строительного комплекса и его планировка; изучалась конструкция каменистых холмов, определялся уровень дневной поверхности, на которой они были возведены; вёлся поиск археологического материала. Кроме того, выявлялась стратиграфия неконсолидированных отложений по соленому маршу приморской песчаной платформы. Данные о её геоморфологической структуре были необходимы для реконструкции рельефа аккумулятивной части древнего ландшафта мыса.

Уточнение общей топографии строительного комплекса и его планировки поводились способом съёмки координат опорных батиметрических точек, за которые были приняты вершины всех каменистых возвышений, расположенных на дне. Таким способом произведена точная привязка памятника к окружающей местности и определено общее количество входящих в него каменистых холмов, чего не наблюдалось в отчётных материалах экспедиции КГИАМЗ (см. Кондрашов, 2006, С. 9, Илл. 11). Изучение конструкции каменистых холмов и уровня их подошвы проводилось способами подводных раскопок шурфа площадью 5 кв. м у основания одного из них, разборкой его каменного склона над шурфом и ограниченной по площади выборкой камней на их вершинах. Одновременно с этими работами вокруг возвышений велись поиски археологических материалов методом радиусного обхода определённой площади дна по ходовому шнуру. Стратиграфия отложений на прибрежной аккумулятивной платформе выявлялась бурением нескольких геоморфологических скважин к востоку от строительного комплекса селения.

В результате применения описанных выше методов получена достоверная детальная информация об археологическом состоянии памятника и окружающей его среде. Она позволила в первом приближении реконструировать планировку памятника, архитектуру и конструкцию составляющих его объектов, время возникновения, отчасти природную среду и её изменение во времени. В общей планировке строительного

комплекса выделена основная группа возвышений, положение которой на дне косвенно указывает на её функциональный смысл. В первую очередь обратил на себя внимание пространственный признак – комплекс объектов значительно и примерно одинаково отдалён от материковой части берега, как со стороны мыса, так и со стороны песчаной платформы. Кроме того его положение на дне имеет строгую широтную направленность и значительную протяжённость, около 100 м. Эти пространственные и линейные признаки указывают на функциональный смысл архитектурной планировки, который, скорее всего, был связан с защитным назначением построек. Цепь из четырёх больших возвышений, вероятно, перегораживала некую форму древнего прибрежного ландшафта. Каждое из этих возвышений имеет одинаковые очертания и конструкцию. В плане это овальные, достаточно широкие насыпи камней, а в сечении приподнятые над дном каменистые площадки с крутыми склонами и относительно ровной поверхностью – платформы. Их внутреннее устройство также одинаково: тело платформ сложено субструкцией из галечника, дресвы, песка и раковин ископаемых моллюсков; сверху и по склонам оно покрыто панцирной кладкой из привозных камней. Подошвы платформ стоят на кровле стерильных эоловых отложений, состоящих из пылеватого кварцевого песка серого цвета. Поверхность кровли этих песков сегодня находится на глубине 3 м. На этом же уровне поверхности дна обнаружены обломки амфор, определяющие хронологические рамки первого функционального периода комплекса с момента его возведения – это 1-я. пол. VI – середина V вв. до н.э. Кернами пробуренных по песчаной платформе скважин, выявлен тот же слой стерильных эоловых песков, залегающий на различных уровнях. У материкового края платформы его мощность достигает 2,3 м. Здесь подошва слоя лежит на твёрдых материковых глинах на отметке – 3 ,6 м. В нижнем интервале этого слоя в 0,6 м отмечены прослойки ракушечного песка с включениями хорошо окатанной дресвы и гальки. Эти геоморфологические признаки засвидетельствовали наличие между селением и берегом в древности мелководного и относительно спокойного залива или лагуны. Сопоставительный анализ полученной информации позволил воссоздать общую картину древнего ландшафта и некоторых его особенностей вокруг строительных остатков селения Корокондама (Шамрай, 2015, С. 394 – 399).

В 2015 г. гидроархеологические исследования юго-восточной части пролива были продолжены Боспорской подводно-археологической экспедицией (БПАЭ) под руководством к.и.н. А.В. Зинько. Комплексные методы

разведок применялись при изучении памятников древней навигации в акваториях мысов Панагия и Тузла.

У мыса Панагия набор этих методов разведок предварительно определялся исходя из гидрографической ситуации в этой акватории пролива и стоящих перед экспедицией целей и задач. Основной риф мыса представляет собой череду обособленных скал-останцев, лежащих на дне пролива хаотично в переделах неровной и широкой полосы, которая растянулась от вершины мыса к западу на 3 км. Подобную пространственную конфигурацию имеет и безымянный риф, примыкающий к вершине основного рифа с северо-востока. Общей целью подводных работ было методичное (т.е. строго последовательное, систематичное и планомерное) обследование дна вокруг отдельных ключевых скал рифовых поясов. В задачи обследований входило выявление и строгая фиксация археологического материала, а также съёмка батиметрических планов рельефа дна, вмещавшего найденные артефакты. Попутно описывались породы образующие рельеф, материковый грунт и состав лежащих на нём морских отложений. В работах такой направленности применялись все ранее апробированные способы накопления разносторонней информации о состоянии памятников под водой. В то же время был испытан и современный способ дистанционной локализации объектов изучения – ключевых скал рифовых поясов. Их местоположение предварительно выявлялось по геокосмическим материалам программы Googllee Earth, на основе визуальных признаков (тёмных пятен на фоне более светлой морской воды, их контурной конфигурации, общей линейности и т.д.). Примерные координаты этих признаков определялись в той же программе. Уже в море по минимальным глубинам на вершинах локализованных скал устанавливались буи-реперы с тяжёлыми (неподвижными) якорями. Буи-реперы фиксировались прибором спутниковой навигации с точностью до 0,5 м. Места установки буёв-реперов являлись опорными точками простых батиметрических сеток, размеченных на дне с помощью мерной оснастки. В течение двух полевых сезонов такими методами обследовано 5,3 га площади рифов. На их основе составлены батиметрические планы и разрезы рельефа дна у трёх ключевых скал рифа на площади около 4 га. На планах отмечено 122 археологических предмета, среди которых артефакты античного времени составляют 112 ед., средневекового – 1ед., нового – 10 ед. Среди античных предметов якоря и их детали из различных материалов занимали долю в 44,6 %, фрагменты амфорной тары – 16 %, фрагменты строительной керамики – 34,8 %, прочие (жернова судовых

мельниц, рыболовные грузила, монеты) – 4, 6 % . Концентрация артефактов наблюдалась у оснований скал. Археологические предметы Нового времени в общем количестве находок составили незначительную часть, но они свидетельствовали о довольно частых авариях парусных судов в западной акватории рифа Трутаева. На основе полученных результатов определены научные перспективы дальнейшего изучения памятников древней навигации в Керченском проливе (Зинько, Шамрай, 2016, С. 175).

Комплексные методы разведок применялись и в полевой сезон 2017 г. у мыса Тузла, где во время поисков археологических и геоморфологических признаков древней линии берега в античное время попала поглощённая морем часть Тузлинского некрополя, а также при исследованиях участков дна с повышенной концентрацией якорного снаряжения рыболовных судов вдоль рифа.

Поглощённая морем западная часть некрополя изучалась способом полосового обследования дна. Для этого был выбран прибрежный участок подводного склона мыса между двух геологических складок, размытых морем. Складки имели широтную направленность и ограничивали пространство шириной около 100 м по оси меридиана. Прибрежный край этого пространства совпадал с береговым участком некрополя, где в последние несколько десятилетий он раскапывался. Предполагалось, что археологические предметы, ранее выпавшие из могил на берег, должны были уцелеть и сохраниться, попав в естественный «карман» между складками. Поверхность дна между складками обследовалась полосовым способом, который предусматривал установку на дне простой батиметрической сетки с одной базовой линией, вдоль которой переставлялись ленты геодезических рулеток определённо длины. За опорные батиметрические точки этой сетки были приняты начало и конец базовой линии, они фиксировались на местности прибором спутниковой навигации. В процессе выполнения разведок в пределах первых трёх сотен метров подводного склона от берега, каких- либо археологических материалов не обнаружено, по-видимому, они погребены под слоем песчаных наносов. На поверхности наносов выявлены современные строительные и технические материалы, а также предметы донного крепежа рыболовных прибрежных сетей. Эти материалы подтверждают постепенное наступление моря на сушу в течение последних 200 лет.

Одновременно с поиском предметов и объектов антропогенного характера на данном участке прибрежной акватории мыса проведены подводные работы по съёмке геобатиметрического разреза протяжённостью в 500 м. Цель этих работ заключалась в том, чтобы путём точных инструментальных измерений современных глубин над уровнем залегания коренного материкового грунта, выявить погружённые морские террасы, которые, предположительно, образовались в процессе регрессивно-трансгрессивных изменений уровня моря за последние 2,5 тыс. лет. Осуществление таких работ в условиях, когда линия разреза находится в полосе между двух геологических складок широтного направления, позволяло надеяться на их результативность. Складки как естественные геологические формы, приподнятые над дном, уменьшают интенсивность придонной абразии материкового грунта под воздействием штормов, в результате чего рельеф подводных террас между ними должен был сохраниться лучше, чем на других участках прибрежного склона мыса. Разрез проходил по базовой линии полосового осмотра поверхности дна. При осуществлении этих работ решались следующие задачи: определялись глубины на дневной поверхности современных наносов и отложений в интервале 10 м линии разреза; в том же интервале велись промеры толщин отложений и наносов над материковым грунтом; выявлялся состав отложений и наносов, а также пределы их распространённости по направлению разреза. При выполнении этих задач использовались инструментальные приёмы маршрутных наблюдений за изменениями рельефа дна, принятые в современной морской геоморфологии. Измерения велись по базовой (маршрутной) линии, установленной на дне в виде отградуированного через один метр и маркированного в интервале 5 м капронового шнура. Показания глубин над уровнем современных наносов и отложений измерялись электронными глубиномерами. Толщины наносов и отложений промерялись стальными щупами, отградуированными рисками через интервал 0,05 м. Пробы мягкого материкового грунта под наносами и отложениями определялись по образцам, оставшимся в специальной полости на концах щупов. Каменистые участки материкового грунта под наносами и отложениями выявлялись по резкому звенящему звуку, исходящему от каменистых пород, при ударе в них конца металлического щупа. На основе полученных такими способами подробных данных воссоздан профиль прибрежного склона мыса. Он наглядно демонстрирует существование на прибрежном шельфе мыса Тузла хорошо сохранившихся форм рельефа, образованного в результате циклического изменения уровня моря. Как и предполагалось выше, этими формами являются погружённые террасы, определяемые по их абразионным уступам и площадкам (платформам). Всего выявлено четыре террасы с уступами на глубинах 0 м (?), 1,5 – 2,5 м,

3 – 4 м, 4 – 4,5 м. Археологические следы деятельности людей в античное время на границе древнего берега и моря, открыты на глубине 5,3 – 5,5 м в основании платформы последней террасы. Западная окраина этой террасы в южной части мыса Тузла находится в 0,5 км от современного уреза воды.

В том же сочетании комплексных методов проводилось изучение места концентрации якорных камней, предположительно применявшихся на небольших рыбацких лодках в античное время. Древний памятник промыслового рыболовства обнаружен в полосе рифового пояса мыса на расстоянии 0,75 км от его вершины, где глубины составляли 5,5 – 7,2 м. Возникновение памятника в этом месте рифа было обусловлено его геологическим рельефом, климатическими условиями и гидрологическим режимом моря, с которыми были хорошо знакомы жители ближайшего селения. Главным из них являлся геологический рельеф дна, вертикальные контуры которого были выявлены путём проведения батиметрических измерений по поперечному разрезу и плану участка в этом месте. Реконструкция форм этого рельефа показала, что при более низком уровне моря в античное время, пространство между грядами рифового пояса являлось небольшой лагуной, защищённой с трёх основных направлений действовавших ветров. С юга лагуну прикрывали две геологические складки киммерийских железных руд и понтических известняков. Обе они имели значительные высоты относительно древнего уровня моря, примерно, 1,5 – 2,7 м. С севера лагуна, очевидно, была прикрыта невысокой материковой перемычкой между прибрежными скалами-останцами мшанковых известняков, а с востока - обрывистым берегом. Контурная конфигурация берегов и возвышенный рельеф этих защитных барьеров были таковы, что способствовали придонной абразии материкового грунта в акватории лагуны от воздействия юго-западных ветров. Благодаря этим гидрологическим процессам, на её относительно небольшой площади, примерно в 0,8 га, образовался котлован глубиной 0,5 – 2 м. Эти естественные природные условия вблизи древнего берега использовались местными жителями для обустройства пункта размещения рыбопромысловых лодок или небольших судов.

Другой памятник, подобного археологического содержания, был открыт и исследован на значительном удалении от берега. Высокая концентрация якорных камней и крупных обломков античной керамики наблюдалась на относительно небольшом участке песчаного дна в 1,9 км к ЮЗ от вершины мыса на глубине 8 м. Комплексное изучение скопления

артефактов было начато с определения первоочередных задач, которые необходимо было решить в условиях почти полного отсутствия видимости под водой. Предстояло составить схематический план находок вокруг центрального репера в радиусе 50 м; определить условия залегания на дне всех видов артефактов; установить общую толщину песчаных отложений, в которых находятся древности. Эти задачи решались следующими методами. Съёмки плана проводились способом полярных засечек каждого артефакта из точки центрального репера по азимуту, расстоянию и глубине его залегания на дне. Условия залегания выявлялись приёмом зачисток донного грунта вокруг отдельных находок, поднимаемых на поверхность в качестве первичных образцов. Толщина песчаных отложений определялась прокалыванием их металлическим щупом на всю толщину до материковых глин в местах подъёма камеральных образцов. Такими методами обследована площадь 1 га. На план нанесено 26 артефактов, большая часть которых приходилась на якорные камни различных видов и весовых категорий (21 ед.), а меньшая (5 ед.) – на фрагменты керамики раннего периода античности. Все они залегали в верхнем горизонте песчаных отложений, толщина которых достигала 0,8 – 1 м. На основании полученных результатов определены научные перспективы исследований этого комплекса.

Применение комплексных методов гидроархеологических разведок в юго-восточной акватории пролива позволило получить широкий и разносторонний объём первичной археолого-гидрографической и геоморфологической информации. На её основе реконструируются палеотопография и палеобатиметрия различных типов археологических памятников и вмещающий их подводный ландшафт. Эти реконструкции вносят ясность в понимание функциональной природы возникновения памятников, а также их внешней трансформации в результате воздействия природной среды. В свою очередь, ясные представления о древнем ландшафте и его изменениях во времени, открывают возможности предметно планировать, организовывать и осуществлять практические исследования памятника, ориентированные на детальное изучение всей его пространственной структуры на качественном и глубоком уровне.

ЛИТЕРАТУРА

Авдусин Д. А. Полевая археология СССР. Учеб. пособ. – М.: Высш. Школа, 1980. – 335 с.

Ганьшин В. Н. Простейшие измерения на местности. Изд. 2., М., «Недра», 1973. – 144 с.

Зинько А.В., Шамрай А.Н. Памятник древней навигации на Боспоре Киммерийском – якорная стоянка у мыса Панагия (история открытия и изучения) // XVIII Боспорские чтения. – Симферополь; Керчь, 2017. – С. 167 – 179.

Меньшиков В. Л., Пешков В. М. Берег Пицунды: факты и гипотезы. – М.: «Мысль», 1980. – 112 с.ил., 12 л. ил.

Кондрашов А.В. Отчет о проведении археологических разведок в Керченском проливе у м. Тузла Темрюкского района, Краснодарского края в 2005 г. Краснодар, 2006 г. – Архив ИА РАН Ф.1, Р.1, № 26916.

Кондрашов А.В. Затопленное античное поселение у мыса Тузла // Материалы «Пятой кубанской археологической конференции». Краснодар. 2009. – С. 173 – 176.

Кондрашов А.В. Новые исследования у мыса Тузла // SYMBOЛА. Вып. 1. М. – К., 2010. – С. 118 – 124.

Сударев Н. И., Шамрай А.Н. Результаты археологических разведок под водой у поселения «Береговой – 4» на Таманском полуострове (2002 – 2004 гг.) // Материалы VI Боспорских чтений. – Керчь, 2005. – С. 284 – 294.

Шамрай А.Н. Подводные разведки гавани Акры // Судова археологія та підводні до

слідження. Збірник наукових праць. – Запоріжжя, 1993. – С. 29 – 41.

Шамрай А.Н. Гавань и якорная стоянка античной Корокондамы // Материалы IV боспорских чтений. – Керчь, 2003. – С. 277 – 290.

Шамрай А.Н. К вопросу локализации селения Корокондамы (археолого-топографический аспект) // Материалы V Боспорских чтений. – Керчь, 2004. – С. 397 – 407.

Шамрай А.Н. Подводные геоморфологические наблюдения у античного поселения «Береговой – 4» В 2005 г. // Материалы VIII Боспорских чтений. – Керчь, 2007. – С. 336 – 345.

Шамрай А.Н. К вопросу о локализации корабельной стоянки у европейского Киммерика //

Боспорские чтения. Вып. IX . – Керчь, 2008. – С. 314 – 318.

Шамрай А.Н., Сударев Н.И. Рейдовая якорная стоянка Корокондамы (по материалам под водных разведок 2011 – 2012 гг.) // Боспорские чтения. Вып. XIV. – Керчь, 2013. – С. 506 – 513.

Шамрай А.Н. Античное поселение у мыса Тузла (гидроархеология и палеогеография) // XVI Боспорские чтения. – Керчь, 2015. – С. 389 – 399.

Шамрай А.Н. 2016. Подводный археологический комплекс античной навигации VI в. до н.э. у мыса Тузла // Материалы III Международной научно-практической конференции «Военно-исторические чтения». Симферополь, 2016 – С. 252 – 255.

Шилик К.К., Шамрай А.Н. Отчёт о работе Боспорского подводно-археологического отряда в 1982 г.– Ленинград - Керчь, 1983. Архив КГИКЗ, Оп.2, Ед. хран. № 768.

Шилик К.К. Подводная археология и география // Изучение памятников истории и культуры в гидросфере. Вып. 1. – М ., 1990. – С. 18 – 22.

Шилик К.К. Античные города на дне Керченского пролива (история поисков и открытий) // Изучение памятников морской археологии. Вып. 7. – СПб, 2013. – С. 29 – 82.

Щеглов А.Н. Рец.: Морские подводные исследования – М. Наука, 1969 // СА. – 1972. – №4. – С. 279 – 281.

Kryjtski S.D. Bilan des recherhes sur la partie inondee de la Basse ville d' Olbia // Melanges. P. Levegue.– 3. – 1987. – P. 169 – 180.

Nazarov V.V. The Ancien Landscape of Berezan Island // Landscape in Flux Central and Eastern Europe in Antiguity. Colloguia Pontica. – 3. – Oxford., 1997. – P. 131 – 136.

ШАРОВ О.В.
[ИИМК РА, С-Петербург]

МОГИЛЬНИК ЧАТЫР-ДАГ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД - НОВЫЕ ИДЕИ

Некрополь Чатыр-Даг находится в центральной части Южного Крыма, на юго-восточном склоне горы Чатыр-Даг, в 8 км к северу от Алушты. В течение 1980 - 1996, 2001 - 2002 гг. было открыто и исследовано 55 могил, содержащих останки кремированных умерших, В 2006 году вышла коллективная монография, подводящая итоги его исследований [Мыц и др. 2006]. Авторами был тщательно проанализирован погребальный инвентарь всех комплексов, рассмотрены различные версии появления нового населения, основавшего могильник, где все погребения совершены по обряду кремации. Авторы монографии рассмотрели как наиболее убедительную версию, выдвинутую ранее М.М. Казанским в ряде работ. М. Казанский [Kazanski, 1991, p. 496; Казанский, 2006, с. 30-32] отметил, что подобное сочетание признаков - каменный ящик, урна с сожженным прахом, оружие, топоры-мотыги и серпы - наблюдается в Европе лишь на берегах фьордов южной Норвегии. [Мыц и др., 2006, с. 193].

Вскоре после выхода книги появились и критические работы, посвященные как вопросу времени появления германцев Крыму, так и анализу хронологии отдельных комплексов.

Приведу мнение известного крымского ученого И.Н. Храпунова: «Авторы публикации результатов раскопок этого могильника разумно осторожны в выводах об этнической принадлежности оставившего его населения. По их мнению, возможно, могильник возник в результате проникновения в Крым готов с союзниками в середине III в. и. э. Еще более вероятной, лучше соответствующей хронологии памятника, кажется им версия М. М. Казанского о переселении в Крым какой-то группы людей из Скандинавии. Эта мысль развивается, детализируется с помощью предположения о том, что выходцами из Скандинавии были, в основном,

мужчины, а среди женщин преобладали представительницы местного, северопричерноморского населения [Храпунов, 2010, с. 68-69]. Тем не менее, проанализировав материалы некрополей, приписываемых германцам [Чатыр-Даг, Ай-Тодор], а также разобрав отдельные комплексы и типы находок, И.Н. Храпунов пришел к совершенно противоположному выводу: «приведено много примеров совпадения погребальных обрядов, зафиксированных при раскопках крымских некрополей, с одной стороны, и могильников черняховской, вельбарской, пшеворской культур, а также расположенных в Скандинавии - с другой. Однако не меньше и отличий, а самое главное, ни один из крымских могильников не может быть, по совокупности признаков, отнесен к конкретной археологической культуре. В погребальном инвентаре крымских некрополей с кремациями сочетаются вещи германские, античные и сарматские. Такое положение дел не дало пока возможности убедительно отождествить население Крыма позднеримского времени с тем или иным германским племенем или племенами» [Храпунов, 2010, с. 71].

Критически отозвался о гипотезе переселения группы людей из Норвегии в Крым и известный норвежский исследователь Франс-Арне Стулегар [Stulegar, 2011]. Он пишет: «Большая часть погребений Чатыр-Дага - кремации в ямах, но и ряд случаев были кремации в каменных ящиках с изогнутыми оружием и сельскохозяйственными орудиями. Данная комбинация известна в Крыму только в Хараксе, в котором стояли вексилляции легиона XI Claudia в конце второго века. М. Казанский упоминает ряд могил, в основном из Oppland, где кремация в каменных ящиках и изогнутые оружие, а также сельскохозяйственные орудия, как отдельные элементы, представлены в целом ряде погребений. В то время, как все эти черты действительно известны из комплексов римского периода Норвегии, они вряд ли когда-либо были найдены вместе. М. Казанский упоминает такие могилы, как Snortheim [C24329] и Fjellberg [C25197] в Valdres, Snipstad [CI246], Valle [C22282] и Gile [C5528 и C5534] в Toten, и Egge [C1077] в Hadeland. Все эти могилы с оружием, и все они кремации. Кроме погребения в Egge, оружие в них согнуты. Только могилы в Egge и Gile являются кремациями в небольших каменных ящиках. Все они являются погребениями в курганах. Кроме того, сельскохозяйственные орудия как инвентарь являются редкими в норвежских могилах этого периода. Ни одна из могил, упоминаемых М. Казанским, не содержит их. В восточной части Норвегии, есть некоторые урновые захоронения римской эпохи. Есть небольшой серп или нож для обрезания листьев, но они никогда не

сочетаются с оружием. Сочетание каменного ящика, обряда кремации, оружия и сельскохозяйственных орудий в одном комплексе, известные из могильника Чатыр-Даг, вообще не происходят из Норвегии в римский период, даже если все отдельные элементы могут быть найдены в Норвегии [Stulegar, 2011, p. 231-232]. Норвежский исследователь предлагает искать корни обряда в других регионах Germania Libera: «Погребения по обряду кремации, с оружием и сельскохозяйственными орудиями [серпы и изогнутые ножи] занимают видное место в германском могильниках Саксонии, Мекленбурга и Померании [Stulegar, 2011, p. 232].

В статье 2010 года автор этих строк предложил также и иные варианты поисков мигрантов, основавших Чатырдагский могильник [Шаров, 2010; Sharov, 2010]. «На Готланде в римское время, помимо курганных погребений, появляются и грунтовые захоронения по обряду кремации в неглубоких ямах, перекрытых камнями, или в каменных ящиках, где также встречено оружие [Могильников, 1974, с. 204]. В эстонских каменных могильниках также встречаются погребения по обряду кремации, содержащие в комплексе и серпы, и предметы вооружения - детали щитов и копье. Это не полная аналогия чатырдагским и норвежским комплексам, так как в больших каменных оградках совершались коллективные захоронения. Тем не менее, захоронения в отдельных каменных оградках достаточно узко датируются и с ними можно работать. Целый ряд погребений могильников Восточной Пруссии, совершенных по обряду урновой кремации, также содержат в своем инвентаре и серпы-косы, и предметы вооружения [Радюш, Скворцов, 2008, с. 140-143, рис. 8, 12]. Судя по находкам на Чатыр-Даге также перекладчатой фибулы и налобных венчиков-вайнаг, можно предположить, что путь ряда германских группировок из Скандинавии пролегал через Прибалтику, обходя ареал вельбаркской культуры» [Шаров, 2010, с. 126].

В статье 2013 года о стране Ойум автор этих строк также остановился на вопросе происхождения обряда кремации в каменных ящиках с оружием и сельскохозяйственным инвентарем. «В буферной зоне, между владениями Херсонеса и Боспора закладываются германские могильники, где в полном объеме сохраняется германский обряд погребений. В то же время, в этих погребениях есть и детали римской амуниции, которые характерны для снаряжения легионеров и солдат вспомогательных войск: топоры, серпы, копья, щиты, мечи и т. д., что подтверждает идею о том, что германцы Чатыр-Дага были федератами. Так полагает и норвежский исследователь Ф. А. Стулегар, изучивший эти материалы и приведший данные, собранные Н. Роймансом для пограничных с лимесом территорий европейского Барбарикума [Stulegar, 2011, p. 230-232]: «Наличие оружия в могилах представляет собой традицию, которая не практикуется в римской армии; члены, которые погибли во время действительной службы, были похоронены своими товарищами без их снаряжения. Такие могилы принадлежали ветеранам вспомогательных войск, которые по окончании их действительной службы, брали свое снаряжение или его части домой. Когда они умирали, их хоронили в соответствии с родовыми традициями» уже вместе с римским оружием [Roymans, 1996, p. 35]. В таком случае, если не учитывать находки серпов/кос/топоров-мотыг в погребениях, то регион. где есть погребения в урне в каменном ящике с оружием охватывает значительную часть Скандинавии [Шаров, 2013, с. 148,151].

В 2010 году также вышла статья, где были передатирован ряд воинских погребений могильника Чатыр-Даг [Шаров, 2010, с. 118-126]. Погребение № 2 на основании новых, более точных аналогий стало датироваться фазой C3/D1, погребение № 3 фазой C3, погребение № 12 фазой D1/D2, погребение № 55, скорее всего, фазой C3. Таким образом, получилась несколько иная ситуация: пик функционирования могильника сдвинулся с эпохи тетрархов, как было отмечено в монографии 2006 года [Мыц и др, 2006, с. 190-194] на эпоху позднего Константина Великого - Констанция II (ок. 330-360 гг. н. э.). Все эти комплексы имеют в своем обряде и инвентаре отчетливые скандинавско - прибалтийские связи. При этом, на некрополе «Северный» присутствует ранняя группа погребений аллохтонов с вельбаркской лепной керамикой, комплекс с ранним пшеворским копьем фазы C1a, с прибалтийскими вайнагами, с прибалтийской фибулой, которые все можно отнести еще к периодам C1-C2 (170/180-320/330 гг. н.э.). Именно эта группа, по моему мнению, основала могильник еще на рубеже II/III вв. н. э., а уже потом, спустя 100-120 лет, появились новые переселенцы, которые хоронили своих соплеменников в каменных ящиках и с оружием в эпоху Константина- Констанция II.

К моему удивлению, данная статья осталась незамеченной для ряда исследователей, которые также обратили свое внимание на могильник Чатыр-Даг. Это касается, прежде всего, работы известного польского исследователя Бартоша Контны, вышедшей в 2013 году. [Kontny, 2013] и посвященной именно хронологии оружия из тех же комплексов, на которых я остановился выше. Исследователь имел перед собой лишь монографию 2006 года [Мыц и др. 2006], в которой авторами был допущен ряд ошибок, позднее исправленные [Шаров, 2007; Шаров, 2010; Sharov, 2010],

поэтому, критикуя авторов и корректируя хронологию ряда типов оружия, автор пришел к целому ряду выводов, уже сделанных нами ранее. Это касается и «выявленных им» связей с балтийским регионом [Самбия, Литва] и с Кавказом [Цебельда], а также «уточненной» хронологии ряда типов копий, указывающих на связи с пшеворской культурой [Kontny, 2013, p. 196-208]. Также автором были приведены крайне неубедительные аналогии к типам копий, серпов и мечей, встреченным в комплексах могильника Чатыр-Даг [Kontny, 2013, Fig. 1-3, 5]. К достоинствам работы польского исследователя можно отнести то, что в статье был приведен ряд новых, ранее не использованных аналогий, связанных, главным образом, с балтскими племенами. «Смешение разнокультурных элементов указывает на существование линии межкультурных связей, соединявшей Понтийскую зону со Скандинавией через круг готских памятников, но гак же и через круг западнобалтских древностей и пшеворскую культуру» [Kontny, 2013, p. 207-208, 212]. Для объяснения разнокультурности мигрантов автор привлек теорию «снежного кома», согласно которой начальная группа переселенцев-воинов увеличивалась но мере продвижения вперёд. Если это движение началось в Скандинавии, нетрудно понять, откуда взялись черты балтской и пшеворской культуры. Такая полиэтничная группа, оказавшаяся вдали от родины и не имевшая крепкого культурного фона, легко менялась, формируя новую эклектичную модель» [Kontny, 2013, p. 208, 212].

Нельзя не отметить и новую монографию ведущих крымских исследователей о стране Дори, где проблеме появления германцев в Крыму, уделено немало внимания [Айбабин, Хайрединова, 2017]. К сожалению, остались вне внимания уважаемых авторов статьи, посвященные анализу погребений могильника Чатыр-Даг, рассмотренные нами выше. Даты, предложенные А.И. Айбабиным и Э.А. Хайрединовой для целого ряда категорий погребального инвентаря, не совпадают с датами, предложенными автором этих строк и Б. Контны для комплексов могильника Чатыр-Даг. Согласно анализу погребального инвентаря, авторы отнесли значительную часть погребений в каменных ящиках к первой половине V в. н. э. При этом, у авторов не возникло никаких сомнений, что данный могильник основали германцы [Айбабин, Хайрединова, 2017, с. 35-41].

Таким образом, можно подвести некоторый итог данному обзору работ, вышедших после издания всех материалов могильника Чатыр-Даг. В том, что могильник заложен германцами, сомнений ни у кого, кроме И.Н. Храпунова, не осталось. Остались насущными вопросы происхождения этих германцев, их этнической атрибуции и принадлежности к той или

иной культуре. Также спорным остались вопросы времени основания могильника и хронологии отдельных типов погребального инвентаря, но это уже вопросы будущих исследований.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (сер. III-VIIв.). Антиква, Симферополь, 2017, 400 с.

Казанский М.М. Германцы в Юго-Западном Крыму в позднеримское время и в эпоху великого переселения народов // Готы и Рим / Левада М.Е [ред.]. Киев, 2006. С. 26-11.

Могильников В. А. Погребальный обряд культур III в. до н. э. — III в. н. э. в западной части Балтийского региона //Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э. — I тысячелетии н. э. М., 1974.

Мыц В.Л., Лысенко А.В., ЩукинМ.Б., Шарое О.В. Чатыр-Даг - некрополь римской эпохи в Крыму. Нестор-История. СПб., 2006. 208 с.

Радюш О., Скворцов К. Находки деталей щитов в ареале самбийско-натангийской культуры // Germania-Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Калининград, 2008.

Храпунов И.Н. Северные варвары в Крыму: история исследования // Международная конференция «Inter ambo maria. Контакты между Скандинавией и Крымом в римское время» 21 – 25 октября 2010 г., Гаспра, Крым, Украина: Тезисы докладов. – Симферополь, 2010. С. 62-72

Шаров О.В. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг: Хронология комплексов с

римскими импортами. СПб., 2007. 208 с.

Шаров О.В. Воинские погребения могильника Чатыр-Даг // Международная конференция «Inter ambo maria. Контакты между Скандинавией и Крымом в римское время» 21 – 25 октября 2010 г., Гаспра, Крым, Украина: Тезисы докладов. – Симферополь, 2010. С. 122-128

Шаров О.В. В поисках страны «Ойум»: эпос или реальность? // Древности Западного Кавказа. Краснодар, 2013.

Kazanski M. Contribution a l'histoire de la defense de la frontier pontique au Bas-Empire // College de France. Centre de recherché d' histoire et civilization de Byzance. Travaux et memoires. 1991. Vol. 1.

Kontny B. New Traces to Solve the Riddle: Weapons from Chatyr-Dag in the Light of Current Research // Inter Ambo Maria. Notrhern Barbarians from Scandinavia towards to Black Sea. Kristiansand-Simferopol, Dolya Publishing House, 2013, P. 196-212

Roymans N. The Sword or the Plough. Regional Dynamics in the Romanisation of Belgic Gaul and the Rhineland Area// From the Sword to the Plough: Three Stidies on the Earliest Romanisation of Northern Gaul. Amsterdam, 1996

Sharov O. Warrior Graves in Chatyr-Dag Necropolis // International conference «Inter ambo maria. Contacts Between Scandinavia and Crimea in the Roman Period» October, 21 – 25, 2010, Gaspra, Crimea, Ukraine: Abstracts. P. 118-122

Stulegar F. A. Weapon graves in Roman and Migration Period Norway [ad 1-550]// Inter Ambo Maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period. Kristiansand-Simferopol, Dolya Publishing House, 2011, P. 217-235

СОКРАЩЕНИЯ

АВ – Археологические вести
АДСВ – Античная древность и средние века
АДУ – Археологічні дослідження в Україні. Київ
АЕ – Археографический ежегодник
БИ – Боспорские исследования
БЧ – Боспорские чтения
ВВ – Византийский временник
ВДИ – Вестник древней истории
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДБ – Древности Боспора. Москва.
ЗООИД – Записки Одесского Общества истории и древностей
ИАК – Известия Императорской Археологической комиссии
КБН – Корпус Боспорских надписей
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики
МАР – Материалы по Археологии России
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
НА ГМЗХТ - Научный архив Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический»
НА ИИМК РАН – Научный архив Института истории материальной культуры РАН
НСКЗ – Научный сборник Керченского заповедника
ОАМ – Отдел античного мира
РА – Российская археология
САИ – Свод археологических источников
ССПК - Старожитності Степового Причорномор´я і Криму. Запоріжжя
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа
ХСб – Херсонесский сборник
ЮТАКЭ − Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция
AA – Archäologischer Anzeiger. Jahrbuch des Deutschen Archäologischern Instituts, Berlin
AMV –Acta Musei Varnensis
BMC 19 – Head B. Catalogue of the Greek Coins of Lycia, Pamphylia, Pisidia (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum 19). London, 1897
BMC 26 – Hill G.F. Catalogue of the Greek Coins of Phoenicia (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. XXV). London, 1910

CVA – Corpus Vasorum Antiquorum
HUS – Harvard University Studies
LIMC − Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae
LGPN – Lexicon of Greek Personal Names
IOSPE. I². - Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. by V V Latyshev.Inscriptiones Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae aliorum locorum a Danubio usque ad regnum Bosporanum (IOSPE. I2) (1916). Надписи Тиры, Ольвии, Херсонеса Таврического, расположенных между Дунаем и Боспорским Царством: С литографированными таблицами. По распоряжению и иждивением Императорского Русского Археологического Общества издано Василием Латышевым : [На лат.яз.]
NARA – National Archives and Records Administration. Национальный Архив Соединенных Штатов Америки, г. Вашингтон, г. Колледж-Парк
SBS – Studies in Byzantine Sigillography
SNG Cop. – Sylloge Nummorum Graecorum Denmark. The Royal Collection of Coins and Medals, Danish National Museum. Copenhagen, 1942
SNG Israel I – Sylloge Nummorum Graecorum Israel I. Houghton, A., Spaer, A., Lorber, C. The Arnold Spaer Collection of Seleucid Coins. Jerusalem, 1998.

СОДЕРЖАНИЕ

Абрамзон М.Г. (Магнитогорск). Торговые связи Боспора с восточным Средиземноморьем в IV в. до н.э. – III в. н.э. по данным нумизматики…….....5

Айбабин А.И. (Симферополь). Миф о таврах в этнической истории средневекового Крыма.....10

Алексеенко Н.А. (Севастополь). Традиции и новации в сфере межцерковных связей византийской Таврики (по данным памятников сфрагистики из Херсона и его округи)…….....12

Антипенко А.В. (Симферополь). Снаряжение верхового коня по материалам боспорских надгробных памятников…….....18

Ахмадеева М.М. (Санкт-Петербург). Погребальные традиции Феодосии классического времени и технические инновации инженера Ф.И. Зибольда….....24

Безуглов С.И., Нидзельницкая Л.Ю. (Ростов-на-Дону) Позднесарматский курган у ст. Мариинской на Дону…….....32

Белик Ю.Л. (Керчь) Некоторые особенности использования традиционных строительных приемов на поселении Биели…….....35

Белоусов А.В., Д.В. Журавлев, Д.А. Костромичев (Москва, Севастополь) Светильник с изображением Ионы из Херсонеса Таврического…….....40

Биркина Н.А. (Москва) Некоторые черты кремационного погребального обряда на некрополях Херсонеса и Совхоза «Севастопольский»…….....51

Бойко А.Л., Дедюлькин А.В. (Ростов-на-Дону) Бронзовая матрица с рельефным изображением Марса из собрания Новочеркасского музея истории Донского казачества….....56

Бутягин А.М. (Санкт-Петербург) Культурное взаимодействие на Боспоре в 5-4 вв. до н.э. на примере аристократических курганных погребений.....60

Вахонеев В.В. (Феодосия) Фотограмметрия в подводной археологии…..66

Вахтина М.Ю. (Санкт-Петербург) Комплекс кургана Карагодеуашх и культурные связи Боспора в последней трети IV в. до н.э.…….....71

Вдовиченко И.И. (Симферополь) Ионийское блюдо из коллекции Центрального музея Тавриды…….....78

Виноградов Ю.А. (Санкт-Петербург) Традиции и инновации в аристократической культуре Боспора доримской эпохи…….....83

Винокуров Н.И. (Москва) Традиции и инновации в двух античных жертвенных комплексах городища Артезиан в Крымском Приазовье….....89

Власов В.Н. (Симферополь) Формирование и развитие комплекса лепной керамики поздних скифов Крыма (традиции и инновации)…….....100

Гарбузов Г.П. (Ростов-на-Дону) Некоторые параллели между российским и боспорским земледелием…….....105

Глазунов В.В. и др. (Санкт-Петербург) Инновационные археолого-геофизические исследования Херсонесского некрополя у Карантинной бухты.....115

Гунчина О.Л. (Керчь) Реставрация музейных предметов из свинца (по материалам Фанагорийской археологической экспедиции)….....123
.
Дорошко В.В., Дорошко О.П. (Севастополь) Ранний вещевой комплекс пункта римского военного базирования на высоте Суздальская……....128

Егорова Т.В. (Москва) Чернолаковые фляги из раскопок Пантикапея…...135

Завадская И.А. (Симферополь) Традиции и инновации в производстве черепицы в средневековом Крыму…….....141

Застрожнова Е.Г. (г. Санкт-Петербург) К истории образования Пантикапейского археологического заповедника.....148

Зинько В.Н., Зинько Е.А., Зинько А.В. (Симферополь) Тиритака: от греко-варварских культов к христианству…….....155

Зинько В.Н., Сергеев К.С., Поротов А.В., Зинько А.В. (Симферополь, Москва) Опыт применения электроразведки (ЭТ) при изучении Тиритакского городища.....162

Зубарев В.Г., Ярцев С.В., Смекалов С.Л. (Тула) «Варварский» компонент в материальной культуре сельских поселений европейского Боспора во II – V вв. н.э. (на примере городища «Белинское»).....170

Иванов А.В., Сударев Н.И. (Краснодар, Москва) «Урочище Самойленко» - поселение в Синдике (предварительное сообщение)…….....…179

Казанский М.М. (Париж) Ламеллярные шлемы на Боспоре Киммерийском в ранневизантийское время: традиция или инновация?…….....185

Камелина Г.А. (Москва) Лепная керамика поселения Голубицкая 2…....192

Камышев К.Д. (Пермь) К вопросу о существовании «пропарфянской партии» в Боспорском царстве…….....199

Катюшин А.Е. (Симферополь) Некоторые замечания к истории керченских переправ…….....204

Кияшко А.В., Сударев Н.И. (Ростов-на-Дону; Москва) К вопросу об этнокультурной принадлежности и хронологии памятников позднего бронзового века на Таманском полуострове…….....212

Клемешова М.Е. (Москва) Традиции и инновации в изучении лепной керамики античного Боспора…….....219

Ковальчук А.В. (Москва) К вопросу об участии Спартокидов в производстве черепицы в III в. до н.э…….....224

Колосов В. П. (Санкт-Петербург) Ранние ионические капители Боспора. Опыт статистического анализа …….....230

Колтухов С.Г. (Симферополь) Туотайский курганный могильник….....233

Котина А.В., Серго С.В., Лазарев Н.В. (Керчь, Ростов-на-Дону) Из опыта применение методов дактилоскопии в исследовании терракотовых статуэток из раскопок культового комплекса Пантикапея позднеэллинистического – римского времени…….....238

Крамаровский М.Г. (С-Петербург) Солхат: от яма к городу (этапы роста и векторы культуры)…….....245

Краснодубец Е.М. (Севастополь) Персонификация союза в изображениях на личных печатях Херсонеса Таврического и его округи…….....…….....251

Кутайсов В.А., Смекалова Т.Н. (Симферополь) Эллины и варвары в Северо-Западной Таврике…….....258

Лавров В.В. (Симферополь) Появление в традиционном керамическом производстве османских курительных трубок: история исследований…….....262

Лобода А.Ю., Антипенко А.В. и др. (Москва, Симферополь) Технология изготовления деталей конского снаряжения в предскифское время….....268

Майко В.В. (Симферополь) Болгарские христианские раритеты в материальной культуре Восточного Крыма X – первой половине XIII вв……...275

Масленников А.А. (Москва) Традиции и инновации на сельской территории античного Боспора…….....281

Мастыкова А.В. (Москва) О византийском храме в Горзувитах: раскопки 2017 г. …….....292

Масякин В.В. (Симферополь) Умбон щита из склепа Юлия Каллисфена…….....299

Молев Е.А. (Н-Новгород) Археанактиды – кто они?…….....309

Молева Н.В. (Н-Новгород) Необычные находки в составе традиционных приношений в Китейском святилище…….....317

Мордвинцева В.И., Смекалова Т.Н., Деваев А.С. (Москва, Симферополь) Исследование городища на верхнем плато г.Опук в 2017 г. …….....323

Мульд С.А. (Симферополь) Традиции и инновации в позднескифской культуре (по материалам погребений коней могильника Левадки)…….328

Муратова М.Б., Ильина Т.А. (Нью-Йорк, Москва) «Богиня на троне» изменчивые атрибуты и меняющиеся атрибутации…….....333

Намойлик А.С. (Севастополь) Граффити на керамических грузилах из Нимфея в коллекции Государственного Эрмитажа…….....339
.

Науменко В.Е., Пономарев Ю.Л. (Симферополь, Керчь) Историческая топография Керчи конца XV-XVIII вв.: источниковедческая база и перспективы исследований…….....348

Нессель В.А., Ушакова К.С. (Севастополь) Керамический материал из раскопок хозяйственного комплекса эллинистического времени на Западном берегу Стрелецкой бухты: предварительный анализ……...359

Паромов Я.М. (Москва) Особенности обряда парных погребений из Артюховского кургана…….....365

Петракова А.Е., Ягги О. (С-Петербург, Базель) Эроты с позолоченными крыльям: рецепция краснофигурных ваз из мастерской Мастера Марсия в Северном Причерноморье…….....371

Поваляев Н.Л. (Геттинген) Греческая «аристократическая» традиция и «варварские» курганы Боспора. «Социальный» взгляд на проблему.…382

Прохоров Д. А. (Симферополь) Иудейские общины Крымского ханства в судебных и дипломатических документах XVII–XVIII вв. (анализ новых источниковедческих публикаци)…….....395

Радочин В.Ю. (Симферополь) Традиция искусственной деформации го-

ловы, как дополнительный источник информации по этнической истории Крыма….....403

Рыжов С.Г., Лесная Е.С. (Севастополь) О некоторых находках из раскопок 6-й поперечной улицы в Херсонесе…….....409

Сейдалиев Э.И., Кадыров Р.Р. (Симферополь) «От кочевий… к поселениям»: о переходе к оседлости традиционно кочевого населения Крымского ханства…….....415

Сейдалиев Э.И. (Симферополь) Город и традиционная кочевническая культура на примере золотоордынского Солхата по данным археологии…….....419

Сейдалиева Д.Э. (Симферополь) Керамика как индикатор инноваций в традиционной кочевнической культуре Золотой Орды (на примере находок с поселения «Старый фонтан»).…….....423

Сенаторов С.С. (С-Петербург) Погребение ямной культуры на некрополе античной Тиритаки: (Предварительное сообщение по материалам раскопок О.Д. Чевелева в 1986 г.).....431

Симонов В.В., Котина А.В. (Керчь) К вопросу о возможности использования результатов археологических раскопок в военно-исторических исследованиях…….....437

Смекалова Т.Н. (Симферополь) И еще раз о гекаторюге. Традиции и инновации…….....447

Смекалова Т.Н., Гаврилюк, Ушакова К.С. (Симферополь, Севастополь) Исследователь хоры Херсонеса Таврического Василий Петрович Лисин (1913-1942 гг.).…….....456

Стоянова А.А. (Симферополь) Женский костюм предгорного Крыма IV в. н. э.: традиции и инновации…….....463

Суворова Н.И.., Серго С.В., Лазарев Н.В. (Азов, Ростов-на-Дону) Применение методов дактилоскопии и трасологии при исследовании предметов

коропластики Елизаветовского городища…….....467

Сударев Н.И., Кашаев С.В. (Москва, С-Петербург) Традиция погребения в сырцовых гробницах в некрополях Таманского полуострова Артющенко-2 и Виноградный-7…….....476

Сударев Н.И., Поротов А.В., Гарбузов Г.П. (Москва, Ростов-на-Дону) Путь из Синдики в Синдику: значение Анапской пересыпи в истории региона…….....485

Супренков А.А. (Москва) Средневековые памятники археологии у станицы Натухаевская на юго-восточной периферии Боспора и отдельные находки римского времени…….....494

Труфанов А.А. (Симферополь) Постпогребальные обряды Усть-Альминского некрополя (по материалам раскопок 2014–2017 гг.).…….....499

Туровский Е.Я. (Севастополь) Боспор и Херсонес: вместе и порознь (IV-III вв. до н.э.)….....505

Тюрин М.И. (Севастополь) Две рельефные чаши из закрытого комплекса на укреплении Масляная гора…….....508

Федосеев Н.Ф. (Симферополь) Крепость римского времени на холме Куль-Оба…….....515

Хайрединова Э.А. (Симферополь) Традиции и мода в женском костюме крымских готов….....521

Храпунов Н.И. (Симферополь) Как были переосмыслены некоторые культовые памятники Восточного Крыма после 1783 г.…….....529

Хршановский В.А. (С-Петербург) «Свое» и «чужое» в погребально-поминальных комплексах (по материалам некрополей Илуратского плато и Китейской равнины)…….....534

Шамрай А.Н. (Керчь) Опыт изучения памятников гидроархеологии комплексными методами в юго-восточной акватории Керченского

пролива….....543

Шаров О.В. (С-Петербург) Могильник Чатыр-Даг: новый взгляд - новые идеи….....561

Список сокращений……..567

CONTENTS

Abramzon M.G. (Magnitogorsk) Trade relations of the Bosporus with the eastern Mediterranean in the IVcentury BC - III century AD according to numismatics…….....5

Aibabin A.I. (Simferopol) The myth of the Tauri in the ethnic history of the medieval Crimea.....10

Alekseenko N.A. (Sevastopol) Traditions and innovations in the sphere of inter-church relations of the Byzantine Taurica (according to the data of sphragistics from Kherson and its vicinity) …….....…12

Antipenko A.V. (Simferopol). Equipment of a horse on the materials of the Bosporan tombstones …….....18

Akhmadeeva M.M. (St. Petersburg) Funeral traditions of Theodosia of classical time and technical innovations of the engineer F.I. Zibol'd …….....…...24

Bezuglov S.I., Nidzel'nitskaia L.Yu. (Rostov-on-Don) Late Sarmatian mound near the station. Mariinsky on the Don …….....32

Belik Yu.L. (Kerch) Some features of the use of traditional building techniques in the settlement of Biyeli …….....35

Belousov A.V., D.V. Zhuravlev, D.A. Kostromichev (Moscow, Sevastopol). The lamp with the image of Jonah from Chersonesos of Taurida ….....40

Birkina N.A. (Moscow) Some features of the cremation funeral rite on the necropolises of Chersonesos and State farm «Sevastopol'sky»…….....…51

Boiko A.L, Dediul'kin A.V. (Rostov-on-Don) A bronze matrix with a relief image of Mars from the collection of the Novocherkassk Museum of the History of the Don Cossacks …….....56

Butiagin A.M. (St. Petersburg) Cultural interaction on the Bosporus in the V-IV centuries BC on the example of aristocratic barrow burials …….....60

Vakhoneev V.V. (Feodosia) Photogrammetry in underwater archaeology ….....66

Vakhtina M.Yu. (St. Petersburg) Karagodeuashkh burial complex and Bosporus cultural ties in the last third of the IV century BC. …….....71

Vdovichenko I.I. (Simferopol) Ionian dish from the collection of the Central Museum of Tauris Vinogradov Yu.A. (St. Petersburg) Traditions and innovations in the aristocratic culture of the Bosporus of the pre-Roman era …….....78

Vinogradov Yu.A. (St. Petersburg) Traditions and innovations in the aristocratic culture of the Bosporus of the pre-Roman era.....83

Vinokurov N.I. (Moscow) Traditions and innovations in two ancient sacrificial complexes of the Artesian site in the Crimean Azov region ….....…89

Vlasov V.N. (Simferopol) Formation and development of a complex of stucco ceramics of the late Scythians of Crimea (traditions and innovations) ……100

Garbuzov G.P. (Rostov-on-Don) Some parallels between Russian and Bosporan agriculture ….....105

Glazunov V.V. and others (St. Petersburg) Innovative archaeological and geophysical research of the Chersonesus necropolis near the Karantinnaia Bay.....115

Gunchina O.L. (Kerch) Restoration of museum lead items (based on the materials of the Fanagorian archaeological expedition) …….....…123

Doroshko V.V., Doroshko O.P. (Sevastopol) The early clothing complex of the Roman military base at the height of Suzdal'skaia …….....128

Egorova T.V. (Moscow) Black-glazed flasks from the excavations of Panticapaeum ….....135

Zavadskaya I.A. (Simferopol) Traditions and innovations in the production of tiles in the medieval Crimea …….....141

Zastrozhnova E.G. (St. Petersburg) The history of education Pantikapaion archaeological reserve (1932-1933).....148

Zin'ko V.N., Zin'ko E.A., Zin'ko A.V. (Simferopol) Tiritaka: from the Greek-barbarian cults to Christianity …….....155

Zin'ko V.N., Sergeev K.S., Porotov A.V., Zin'ko A.V. (Simferopo, Moscow) Experience in the use of electrical reconnaissance (ER) in the study of the Tiritaka settlement. 162

Zubarev V.G., Iartsev S.V., Smekalov S.L. (Tula) «Barbarian» component in the material culture of rural settlements of the European Bosporus in the II - V centuries AD (on an example of ancient settlement «Belinskoe»).....170

Ivanov A.V., Sudarev N.I. (Krasnodar, Moscow) «Samoilenko tract» - a settlement in Sindica (preliminary report) …….....179

Kazansky M.M. (Paris) Lamellar helmets on the Cimmerian Bosporus in the early Byzantine period: tradition or innovation? …….....185

Kamelina G.A. (Moscow) Stucco ceramics of the settlement Golubitskaya 2 …….....192

Kamyshev K.D. (Perm') On the question of the existence of the «proparthoi party» in the Bosporan Kingdom …….....199

Katiushin A.E. (Simferopol) Some comments on the history of Kerch' crossings …….....204

Kiyashko A.V., Sudarev N.I. (Rostov-on-Don, Moscow) On the issue of ethnocultural affiliation and chronology of the monuments of the Late Bronze Age on the Taman Peninsula …….....212

Klemeshova M.E. (Moscow) Traditions and innovations in the study of antique ceramics of the Bosporus …….....219

Koval'chuk A.V. (Moscow) On the question of the participation of the Spartocids in the production of tile in the III century BC 224

Kolosov V.P. (St. Petersburg) Early Ionic capitals of the Bosporus. The experience of statistical analysis 230

Koltukhov S.G. (Simferopol) Tuotai burial mound.....233

Kotina A.V., Sergo S.V., Lazarev N.V. (Kerch, Rostov-on-Don) From the experience of application of fingerprint methods in the study of terracotta figurines from the excavations of the cult complex of Panticapaeum of the late Hellenistic - Roman time 238

Kramarovsky M.G. (St. Petersburg) Solkhat: from the yam to the city (growth stages and cultural vectors).....245

Krasnudubets E.M. (Sevastopol) Personification of the union in the images on personal seals of Tauric Chersonesos and its vicinity.....251

Kutaisov V.A., Smekalova T.N. (Simferopol) Hellenos and barbarians in the North-West Taurica.....258

Lavrov V.V. (Simferopol) The appearance of Ottoman smoking pipes in the traditional ceramic production: the history of research 262

Loboda A.Iu., Antipenko A.V. (Moscow, Simferopol') The technology of manufacturing details of horse equipment in the pre-Scythian time 268

Maiko V.V. (Simferopol') Bulgarian Christian rarities in the material culture of the Eastern Crimea of the X - the first half of the XIII century 275

Maslennikov A.A. (Moscow) Traditions and innovations in the rural area of the ancient Bosporus 281

Mastykova A.V. (Moscow) About the Byzantine church in Gorzanium: excavations in 2017.....292

Masiakin V.V. (Simferopol') Shield umbo from the Crypt of Julius Callisthenes 299

Molev E.A. (N-Novgorod) The Arcaeanactids - who are they?.....309

Moleva N.V. (Н-Новгород) Unusual finds in the composition of traditional offerings in the Kytaia sanctuary 317

Mordvintseva V.I., Smekalova T.N., Devaev A.S. (Moscow, Simferopol') Study of the ancient settlement on the upper plateau of Opuk mount in 2017 323

Mul'd S.A. (Simferopol) Traditions and innovations in the Late Scythian culture (based on the burial materials of the horses of the Levadki cemetery) 328

Muratova M.B., Il'ina T.A. (New York, Moscow) «Goddess on the throne» volatile attributes and changing attributing.....333

Namoilik A.S. (Sevastopol) Graffiti on ceramic sinkers from Nymphaeum in the collection of the State Hermitage.....339

Naumenko V.E., Ponomarev Iu.L. (Simferopol, Kerch) Historical topography of Kerch' at the end of the XV-XVIII centuries: a source study base and prospects for research 348

Nessel' V.A., Ushakova K.S. (Sevastopol) Ceramic material from the excavations of the economic complex of Hellenistic time in the West Bank of Streletskaya Bay: a preliminary analysis 359

Paromov Ia.M. (Moscow) Peculiarities of the ritual of twin burials from the Artiukhov barrow 365

Petrakova A.E., Yaggi O. (St.Petersburg, Basel) Erotes with gilded wings: reception of red-figured vases from the workshop of Master Marcia in the Northern Black Sea Coast area 371

Povaliaev N.L. (Göttingen) Greek «aristocratic» tradition and «barbarous» mounds of the Bosporus. «Social» view of the problem 382

Prokhorov D.A. (Simferopol) Jewish communities of the Crimean Khanate in judicial and diplomatic documents of the XVII-XVIII centuries (analysis of new source-study publications) 395

Radochin V.Yu. (Simferopol) The tradition of artificial deformation of the head, as an additional source of information on the ethnic history of the Crimea.....403

Ryzhov S.G., Lesnaya E.S. (Sevastopol) About some finds from the excavations of the 6th transverse street in Chersonesos 409

Seidaliev E.I., Kadyrov R.R. (Simferopol) «From nomads' camps ... to settlements»: on the transition to the settled way of life of the traditionally nomadic population of the Crimean Khanate 415

Seidaliev E.I. (Simferopol) The city and traditional nomadic culture on the example of the Golden Horde Solkhat according to archaeology data 419

Seidalieva D.E. (Simferopol) Ceramics as an indicator of innovation in the traditional nomadic culture of the Golden Horde (on the example of finds from the settlement of «Old Fountain») 423

Senatorov S.S. (St. Petersburg) Burial of the pit culture on the necropolis of the ancient Tiritaka: (Preliminary report on the materials of Chevelev's excavations in 1986) 431

Simonov V.V., Kotina A.V. (Kerch) On the question of the possibility of using the results of archaeological excavations in military historical research 437

Smekalova T.N. (Simferopol) And once again about the gekatoryuge. Traditions and innovations 447

Smekalova T.N., Gavriliuk, Ushakova K.S. (Simferopol, Sevastopol) The explorer of the chora of Tauric Chersonesos Vasily Petrovich Lisin (1913-1942) 456

Stoianova A.A. (Simferopol) Female costume of the foothill Crimea of the IV century AD: traditions and innovations.....463

Suvorova N.I., Sergo S.V., Lazarev N.V. (Azov, Rostov-on-Don) Application of dactyloscopy and tracology methods in the study of the coroplastic art items of the Elizavetovskoe settlement.....467

Sudarev N.I., Kashaev S.V. (Moscow, St. Petersburg) The tradition of burial in the raw brick tombs in the necropolises of the Taman Peninsula Artyushchenko-2 and Vinogradny-7.....476

Sudarev N.I., Porotov A.V., Garbuzov G.P. (Moscow, Rostov-on-Don) The way from Sindica to Sindica: the importance of Anapa sandspit in the history of the region 485

Suprenkov A.A. (Moscow) Medieval monuments of archaeology near the village of Natukhaevskaia on the south-eastern periphery of the Bosporus and some finds of Roman times 494

Trufanov A.A. (Simferopol) Post-funerary rites of the Ust'-Alma necropolis (based on excavations in 2014-2017) 499

Turovsky E.Ia. (Sevastopol) Bosporus and Chersonesus: together and separately (IV-III centuries BC).....505

Tiurin M.I. (Sevastopol) Two embossed bowls from a closed complex on the fortification of the Masljanaia Mountain 508

Fedoseev N.F. (Simferopol) Fortress of Roman times on the hill Kul'-Oba 515

Khairedinova E.A. (Simferopol) Traditions and fashion of the Crimean Goths' women's clothes 521

Khrapunov N.I. (Simferopol) On reinterpretation of some religious monuments of the Eastern Crimea after 1783 529

Khrshanovsky V.A. (St. Petersburg) «Own» and «someone else's» staff in funeral-memorial complexes (based on the materials of necropolises of the Illurates plateau and the Kytaia plain) 534

Shamrai A.N. (Kerch) Experience in studying the monuments of hydroarchaeology by complex methods in the south-eastern water area of the Kerch Strait 543

Sharov O.V. (St. Petersburg) Burial ground Chatyr-Dag: a new view - new ideas 561

List of abbreviations 567

Боспорские чтения
Выпуск XIX

Боспор Киммерийскийи варварский мир
в период античности и средневековья.
Традиции и инновации

Редакторы-составители: д.и.н. Зинько В.Н., к.и.н. Зинько Е.А.
Компьютерная верстка: Смирнова В.С.
Корректор: Барановская И.Н.

Подписано в печать 11.04.2018 г.,
согласно приказу № 1 от 05.03.2018 г.
Формат 60x84 1/16. Усл.печ.л. 33.95
Тираж 120 экз. Заказ № 5

SOLO
RICH

Издательство: ИП Литвиненко Е.А.
295000, Россия, Республика Крым,
г. Симферополь, ул. Пушкина, 9, оф. 89
тел.: 8 800 250 67 98, 8 978 817 05 50
e-mail: solo-88888@yandex.ru
www.design-solo.ru

Отпечатано ООО «Прондо»
109316, Москва, ул. Волгоградский пр-т, д.45, офис 542
тел.: +7 (495) 62 - 4942

Представитель типографии ООО «Прондо»
в Республике Крым: ИП Литвиненко Е.А.
295000, Россия, Республика Крым,
г. Симферополь, ул. Пушкина, 9, оф. 89
тел.: 8 800 250 67 98, 8 978 817 05 50
e-mail: solo-88888@yandex.ru
www.design-solo.ru